ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2015. № 397. Август

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES
- CULTURAL STUDIES
- HISTORY
- LAW
- PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
- EARTH SCIENCES

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2015. № 397. August

Томский государственный университет
2015

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **В.И. Голиков**, канд. ист. наук, доц.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **Л.С. Гринкевич**, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук., доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **V. Golikov**, PhD in History, Associate Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr.of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics, Professor; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor

Журнал «Вестник Томского государственного университета» включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» (http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 397 Август 2015

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694,
электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793;
электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 397 August 2015

Certificates of registration: printed version № 018694,
electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing
and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Болотникова О.Н. Дверь и окно в контексте барочной эмблематики дома 5
Буданова И.Б. А.Н. Островский и П. Джакометти (к вопросу о взаимодействии оригинального и переводного текстов в творчестве русского драматурга) 12
Завьялова Е.Е. Интеллигент и Божий человек из будущего: о главных героях повести В. Сорокина «Метель» 19
Коньшина О.Г. Разночтения в двух повторяющихся словах на Воздвижение Креста, входящих в состав минейного Торжественника БАН, ф. 39, 21.4.4. (Нов. 928) 24
Маклюкова О.Ю. Частица ДА в ответах на вопрос (в контексте лексикографической параметризации) 27
Найдина Д.С. Функционирование метафоры в процессах манипулирования в нефтегазовом субдискурсе 33
Парамонова Л.Ю. Мучительная жажда красоты и амбивалентность цвета в книге И. Анненского «Кипарисовый ларец» 38
Пестерев С.К. Очерк М. Алданова «Ванна Марата»: способы создания образов персонажей 44

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

Логунова Л.Ю. Социокультурный подход: специфика применения микроанализа 48
Сербина Г.Н. Роль Интернета в формировании новостной повестки дня: критический анализ теории agenda-setting 56
Суховерхов А.В. Негенетические системы наследования и новый эволюционный синтез 60

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Галкин Д.В., Куклина А.Ю. Развитие современного искусства в регионах России: глобальный контекст и локальные проекты 65
Глухов В.С. Стрелковое оружие стран – участниц Первой мировой войны в коллекции НИИ прикладной математики и механики ТГУ 75
Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Музеи Императорского Томского университета: первые годы создания и деятельности 81
Красильникова М.Б. Пространственно-временные основания русского национального мифа 91
Масяйкина Е.А. Формирование краеведческой культуры личности в муниципальной сельской библиотеке (по материалам деятельности библиотек Верхнекетского, Тегульдетского и Чаинского районов Томской области) 99

ИСТОРИЯ

Бояринова П.А. Особенности проявления «гендерного беспокойства» в эгалитарной культуре (на примере японского романа «Торикаэбая моногатари») 108
Гашкова О.С. Структура управления почтовой связи в России в 1991–2010 гг. 114

CONTENTS

PHILOLOGY

Bolotnikova O.N. Door and window in the house Baroque emblems 5
Budanova I.B. A.N. Ostrovsky and P. Giacometti (a study on the interaction between the original and translated texts in the Russian playwright's artwork) 12
Zavyalova E.E. The intelligent and man of God from the future: on the main characters of the story *The Snowstorm* by V. Sorokin 19
Konshina O.G. Differences in two repeating words in the Homily on the Exaltation of the Holy Cross, part of the collection of the Library of the Russian Academy of Sciences, Fund 39, 21.4.4 (New 928) 24
Maklyukova O.I. The particle *da* in answers to questions (in the context of lexicographical parameterization) 27
Naydina D.S. Metaphor functioning in manipulation processes in oil and gas subdiscourse 33
Paramonova L.Yu. Acute thirst for beauty and ambivalence of colour in Innokentiy Annensky's book *Cypress Box* 38
Pesterev S.K. M. Aldanov's essay "Vanna Marata" and the ways of character creation 44

PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

Logunova L.Yu. Socio-cultural approach: features of microanalysis application 48
Serbina G.N. The role of the Internet in shaping news agenda: a critical analysis of the agenda-setting theory 56
Sukhoverkhov A.V. Non-genetic inheritance systems and new evolutionary synthesis 60

CULTURAL STUDIES

Galkin D.V., Kuklina A.Yu. Regional development of contemporary art in Russia: global contexts and local projects 65
Glukhov V.S. The small arms of the countries participating in the First World War in the collection of the Research Institute of Applied Mathematics and Mechanics of TSU 75
Dmitrienko N.M., Chernyak E.I. Imperial Tomsk University Museums: the first years of establishment and activities 81
Krasilnikova M.B. Spatiotemporal bases of the Russian national myth 91
Masyaikina E.A. The formation of personal local studies culture in municipal rural libraries (on the material of the activities of the libraries in Verkhneketsky, Teguldetsky and Chainsky Districts of Tomsk Oblast) 99

HISTORY

Boyarinova P.A. Main features of "gender trouble" phenomenon in the egalitarian culture (by the analysis of a Japanese novel *Torikaebaya Monogatari*) 108
Gashkova O.S. The management structure of post service in Russia in 1991–2010 114

Данилов А.А. Общее и особенное в расширении культурно-воспитательной функции регионального телевидения (на примере телевещания Марий Эл, Мордовии и Чувашии) 119
Дворцова О.В. Развитие предпринимательства в Томске начала XX в. 124
Крылова Д.Д. Колдуны, святые, одержимые: проблемы идентификации фигуры одержимого в локальных сообществах Западной Европы XV–XVI вв. 129
Лицарева Е.Ю. Европейский опыт руководства человеческими ресурсами организации на примере Великобритании, Нидерландов и Дании 136
Минина Н.А. Образование города Новониколаевска: землеустройство в 1893–1895 гг. 147
Панкратова Л.В. Обрядовые коды культуры: к реконструкции мифоритуального комплекса «кулайцев» 154
Румянцев В.П. Между реформами и репрессиями: эволюция американо-иранских отношений в XIX – первой половине XX в. 161
Сигида Ю.С. Трансформация роли финансово-промышленных групп (чеболь) в экономической и политической жизни Южной Кореи в период с 1998 по 2013 г. 167
Суверов Е.В. Правовые основы деятельности милиции по обеспечению охраны общественного порядка в Алтайском крае (1945–1953 гг.) 174
Усольцева О.В. Теория и практика преобразования сельского расселения Томской области в 1950–1960-е гг. 178
Хорошенкова А.В. Организация профессиональной подготовки историков в вузах Нижнего Поволжья в 1945–1991 гг. 187
Чигрина Е.В. Отражение религиозной идентичности в семейной обрядности томских татар 193

ПРАВО

Алексеева Т.А., Ахмедшин Р.Л., Юань В.Л. Полноструктурная модель механизма отражения личности в следах преступления 197
Галковская Н.Г. Процессуальные особенности рассмотрения заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации 204
Машовец А.О. К вопросу о возможности формирования судебных доказательств с применением полиграфа 212

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Егоров Д.М. Сравнительный анализ восприятия лжи, предъявляемой в письменной и аудиальной формах 216
Иванов Д.С., Белоусов А.В. Исследование вопросов организации тренировочного процесса гиревиков 14–16 лет ... 224
Нагорнов М.С., Давлетьярова К.В., Капилевич Л.В. Биомеханические особенности локомоций при выполнении удара по мячу у футболистов с заболеваниями опорно-двигательного аппарата 228

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Евсеева Н.С., Квасникова З.Н. Интенсивность и цикличность проявления эоловых процессов в агроландшафтах зоны подтайги бассейна Нижней Томи (Западная Сибирь) 233
Пищальникова Е.В., Калинин Н.А. Влагосодержание атмосферы в период выпадения очень сильных снегопадов в Пермском крае 240
Подобина В.М., Ксенева Т.Г. Методы разработки зональной стратиграфической схемы верхнего мела Западной Сибири по фораминиферам 248

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 258

Danilov A.A. The general and the special in expansion of the cultural and educational function of regional television by common and distinctive features of telecasting in Mari El, Mordovia and Chuvashia 119
Dvortsova O.V. Entrepreneurship development in Tomsk in the early 20th century 124
Krylova D.D. Witches, saints, demoniacs: problems of identification of the possessed in local communities of Western Europe in the 15th–16th centuries 129
Litsareva E.Yu. The European experience in the field of organization's human resource management: the United Kingdom, the Netherlands and Denmark 136
Minina N.A. The origin of Novonikolaevsk: land planning from 1893 to 1895 147
Pankratova L.V. Ceremonial codes of culture: on reconstruction of the myth-and-ritual complex of the Kulai people 154
Rumyantsev* V.*P. Between reforms and repressions: the evolution of the US-Iranian relations in the 19th – first half of the 20th centuries 161
Sigida Yu.S. The transformation of the role of financial industrial groups (chaebol) in the economic and political life of South Korea from 1998 to 2013 167
Suverov E.V. The legal basis of militia activity in protection of public order in Altai (1945–1953) 174
Usoltseva O.V. Theory and practice of rural settlement transformation in Tomsk Oblast in 1950s–1960s 178
Khoroshenkova A.V. History education in the universities of the Lower Volga region in 1945–1991 187
Chigrina E.V. Reflection of religious identity in family ceremonialism of Tomsk Tatars 193

LAW

Alekseeva T.A., Akhmedshin R.L., Yuan V.L. A full-structured model of the personality reflection mechanism in the traces of a crime 197
Galkovskaya N.G. The specific procedure for consideration of applications for the return of the child or on the implementation of the rights of the child on the basis of the international agreement of the Russian Federation 204
Mashovets A.O. On the possibility of using a polygraph to take testimony in court proceedings 212

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

Egorov D.M. A comparative analysis of perception of lies presented in written and audio forms 216
Ivanov D.S., Belousov A.V. Research of the training of weightlifters aged 14-16 224
Nagornov M.S., Davletyarova K.V., Kapilevich L.V. Biomechanical features of locomotion when hitting the ball by football players with musculoskeletal system disorders 228

EARTH SCIENCES

Evseeva N.S., Kvasnikova Z.N. Intensity and periodicity of eolian processes in agrolandscapes of sub-boreal forest in the Tom River lower basin 233
Pischalnikova E.V., Kalinin N.A. The moisture content of the atmosphere during very heavy snowfalls in Perm Krai 240
Podobina V.M., Kseneva T.G. Methods of the zonal stratigraphic scheme creation for the Upper Cretaceous of Western Siberia by foraminifera 248

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 258

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 5–11. DOI: 10.17223/15617793/397/1

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1.09

О.Н. Болотникова

ДВЕРЬ И ОКНО В КОНТЕКСТЕ БАРОЧНОЙ ЭМБЛЕМАТИКИ ДОМА

На материале русской и украинской литературы XVII–XVIII вв. анализируются особенности барочного хронотопа дома, который становится аналогом мироустройства. Домашнее пространство рассматривается как универсальный эмблематический комплекс. Составные элементы дома – дверь и окно – в контексте барочной эстетики предстают метафорами природного, антропологического и трансцендентного плана. Выявляются типологические аналогии домашней эмблематики барокко в западноевропейской литературе.

Ключевые слова: хронотоп, барокко, русская литература, украинская литература, Симеон Полоцкий, Л. Велес де Гевара, Я. Гриммельсгаузен, Дж. Донн, Дж. Баньян, Г.С. Сковорода, Н.В. Гоголь.

Пространство как универсальная категория поэтики имеет большое значение в литературоведении. Оно емко характеризует мироощущение людей определённой эпохи, служит конструктивным принципом построения литературного произведения и «кодом» его понимания. Примером тому может служить хронотоп дома, важная часть художественной картины мира от фольклора до современной словесности. В исследованиях поэтики барокко, начиная с Г. Вёльфлина, преимущественное внимание привлекало, с одной стороны, стремление «раскрыть» пространство, показать его бесконечность и многообразие, что отражало опыт овладения географическим пространством в эпоху великих открытий и колониальных завоеваний, а также влияние открытий микро- (микроскоп) и макромира (телескоп, астрономия). Это реализовалось в интенсивном изучении хронотопа путешествий, дороги, авантюрного странствования (М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, А.А. Морозов, В. Буш и др.). Другим предметом исследований традиционно выступают искажения пространства, характерные для барочной поэтики метафорических переносов, – сновидение, фантастика, гротеск, взаимные трансформации микро- и макрообъектов (П. Хофер, В. Беньямин, Дж. Маравал, В.Н. Топоров и пр.). Между тем домашнее пространство, локализованное, «обыденное», воплощающее некую норму в произведениях барокко, в большинстве своем выпадало из внимания ученых, становясь предметом лишь попутных наблюдений. Эту лакуну мы попытаемся восполнить на материале в украинской и русской словесности XVII–XVIII вв. с отдельными параллелями из западноевропейской словесности.

Барочный хронотоп дома сохранил в украинской культуре тесную связь с народной обрядовостью. Как справедливо констатировала Л.А. Софронова, «низовое барокко было открыто для народной культуры, свободно вбирало ее формы и охотно отдавало собственные» [1. С. 109]. Однако если в архаическом сознании дом выступал центром человеческого мира, а дверь и окно маркировали границу, точку соприкосновения с миром природно-космическим, то в эстетике барокко, отражавшей христианское миропонимание, дом и его составляющие приобрели универсальное эмблематическое значение. Дом служил символическим аналогом мироздания, включавшим в себя природное, человеческое, историческое, трансцендентное измерения. Наслоение многих эмблематических смыслов превращало барочный дом в образ-трансформу, на глазах читателя разворачивавший все новые ипостаси своей семантики и пластического облика.

Так, например, происходило в западноевропейском барокко у Луиса Велеса де Гевары, где в «Хромом бесе», открывая крыши домов Мадрида, демон демонстрировал герою истинную природу человеческой жизни: «Хромой Бес приподнял крыши зданий, точно корку пирога, и обнажил мясную начинку Мадрида в ту пору, когда из-за жары все ставни в домах раскрыты» [2. С. 388]. Внимательный взор наблюдателя сразу распознавал за бытовыми сценами и семейными сюжетами эмблематику мировой истории и христианской антропологии: «…в недрах этого вселенского ковчега кишит столько наделенной разумом нечисти, что Ноев ковчег против него показался бы жалким и убогим» [Там же]. Показательно, что снятые крыши выступали здесь аналогом окон, открывая, однако, не столько внешне видимое, сколько сущностное.

Этот устойчивый мотив барокко отразился в структуре вертепного кукольного театра, популярного на Украине и представлявшего в домашнем интерьере сцены сакрального и бытового характера[1]. Домашний фон, размыкая свои границы, превращал эпизод частной жизни в мистериальное действо или репрезентацию человеческих типов. Как констатировала О.М. Фрейденберг, пространственной протоформой кукольного театра выступал храм [4. С. 13–35], что сильно ощущалось в организации вертепа с его трехуровневым строением (мансарда / средний / нижний этаж = небо / земля / ад) и символическим членением горизонтального плана, связанного с сакральными фигурами и топосами. Между тем вертеп продолжал оставаться домом и даже, по наблюдениям Л.А. Софроновой, «порой превращался в хату, над которой, тем не менее, высился крест. Хату окружали фонарь, колодец, собачья будка» [5. С. 235].

Техникой вертепного театра активно пользовался знаменитый философ украинского барокко Григорий Сковорода. Его известный эмблематический образ

города, повлиявший на «сборный город» Н.В. Гоголя, не что иное, как расширение вертепного пространства до пределов городского ансамбля, где разыгрывается комедия земной жизни – отражение космической мистерии. Роль снятой крыши здесь выполнял взгляд сверху, с точки зрения высшего смысла. Город приравнивался к Вселенной и воплощал универсальный миропорядок, оставаясь при этом «конкретизированным элементом географического пространства <…> городом богатым, “премноголюдным”, противопоставленным шири и дали полей» [6. С. 338].

Выразительный образец литературной эмблематики дома предлагает «Приветство… Алексию Михайловичу… о вселении его благополучном в дом, велим иждивением, предивною хитростию, пречюдною красотою в селе Коломенском новосозданный» Симеона Полоцкого. Царский дворец, поражавший современников барочной причудливостью, роскошью и насыщенностью интерьера, представал в «Приветстве» в двойном качестве: как универсальный образ любого жилища и, одновременно, новое чудо света, воплощение художественной «хитрости». Знаменательно, что стихотворение открывалось бытовой картиной новоселья, приветствия и подарков многочисленных друзей:

Добрый обычай в мире содержится:
в дом новозданный аще кто вселится,
Все друзи его ему приветствуют,
благополучно жити усердствуют
И дары носят от сребра и злата
и хлеб, да будет богата полата [7. С. 103].

Дворец в Коломенском рисовался, однако, как своеобразный архетип дома, как «дом совершенный», и его универсальность подчеркивалась космическими аналогиями, в свете которых любой предмет интерьера воплощал часть Вселенной. Так, дворцовые росписи охватывали четыре стороны света, картину небесного свода и его созвездий, календарные сезоны, растительный и животный мир:

Четыре части мира написаны,
аки на меди хитро изваяны;
Зодий небесный чюдно написася,
образы свойств си лепо знаменася;
И части лета суть изображены,
яко достоит, чинно положены.
<…> Множество цветов живонаписанных
и острым хитро длатом изваянных,
<…> Дом Соломонов тым славен без меры,
яко ваянны име в себе зверы.
И зде суть мнози, к тому и рыкают,
яко живые львы, глас испущают;
Очеса движут, зияют устами,
видится, хощут ходити ногами [Там же. С. 104].

Мир видимый, воплощенный в домашнем пространстве, через густой ряд библейских символов возвышался до мира сакрального и представал райским садом («Едва светлее рай бе украшенный, // иже в начале богом насажденный» [Там же]), а сам дворец выступал подобием Царства Божия:

По царстей чести и дом зело честный,
несть лучше его, разве дом небесный [7. С. 105].

Вселение в него сравнивалось Полоцким с началом новой жизни, воплощенной в Христе:

В доме сем новом, в нова человека
облечен, живи до кончины века.
Новый человек есть Христос, царь славы,
Он же и венец царския ти главы [Там же. С. 106].

Универсализм природный и трансцендентный дополнялся в «Приветстве» культурной всеохватностью, воплощенной в обзоре семи чудес древнего мира, центральной части стихотворного текста.

В этом контексте семантика двери и окна также приобретала эмблематичность: окна уподоблялись звездам, освещающим земной мир («Окна, яко звезд лик в небе сияет» [Там же. С. 104]), а двери открывали вход в сферу красоты и мудрости. Последнее значение имело у Полоцкого особый статус, в свете которого дверь из предмета интерьера превращалась во врата знаний, особенно воплощенных в слове, как гласило «Третье предисловие к “Псалтыри рифмотворной”»:

Светлости ради, ли за нужду меры:
толк отверзает сих сокровищ двери [Там же. С. 216].

Дверь здесь – символ открывающейся возможности познания сакрального смысла. Впуская во врата знания, книга приглашала к путешествию по просторам своих страниц. Сама она, по наблюдениям Л.И. Сазоновой, в русско-украинском барокко превращалась в аналог храмового ансамбля, сопрягающего живописное, архитектонико-композиционное, музыкальное и драматическое (церемониальное) начало [8. С. 228–344]. Чтение сборника, подобного «Рифмологиону» или «Вертограду многоцветному» Симеона Полоцкого, предполагало своеобразную экскурсию по хитро украшенным залам-стихотворениям. Разнородность составляющих элементов, сравнимая с природным разнообразием сада, заставляла читателя постоянно перестраивать ожидания и тем обостряла чувство границы. Барочное пространство фасеточно, большие панорамы в нем складываются из множества отдельных деталей. При этом в каждой ячейке пространство может быть устроено по-своему, и переход сопровождается трансформой или метафорическим прыжком, сближающим разнородное. Акт чтения тем самым изоморфен описываемому предмету, книга становится миром, а мир – книгой[2]. Окно и дверь в подобном контексте служат маркерами не только пространственных границ, но и границ текстов, понимаемых в семиотическом ключе. В результате они насыщаются мощными метафорическими значениями и становятся символами открытого познания.

Дверь и окно притягивают человека барокко как средство заглянуть в неведомое, пробуждают индиви-

дуальное любопытство в условиях еще традиционалистской культуры. Русско-украинское барокко, идя на смену Средневековью, впервые сделало человека центром особого интереса: только его глазами открывается разнообразие Божественного творения в его земном и трансцендентном воплощении. Именно поэтому метасюжет, связанный с дверью и окном, основан на притче о блудном сыне: герой покидает родной дом, узкую обжитую сферу, где ему стало тесно, и стремится узнать большой мир, пересекая разные границы, но в итоге возвращается в отцовскую обитель, которая, однако, теперь вмещает в себя целое мироздание, уже узнанное в новых его гранях. Последовательное воплощение эта семантика нашла в «Комедии притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого.

Наследством, которое передает отец своим сыновьям, служит в первую очередь дом, вместилище как мирских благ, так и священных добродетелей:

> Им же богатства в наследства премнога
> суть ми врученна от всещедра Бога;
> Всех благ доволно: отчин, сребра, злата,
> мнози раби суть и красна палата.
> Токмо есть требе Бога вам хвалити,
> в любви и правде Ему послужити [7. С. 164].

Однако младший сын воспринимает отцовский дом как пространство подчинения и запретов, стесняющих его волю («Бех у отца моего, яко раб плененный, / в пределах домовых, як в турме замкненный» [Там же. С. 170]). Для юноши привлекателен большой мир, дверь в который он намерен открыть во что бы то ни стало:

> Брат мой любезный избра в дому жити,
> Славу в пределах малых заключити.
> <…> Вящщая мой ум в пользу промышляет,
> славу ти в мир весь простреть желает.
> <…> От мене дому разширится слава,
> и радость примет отчая ти глава.
> <…> И егда даст Бог везде посетити,
> воскоре имам в дом ся возвратити
> [Там же. С. 166–167].

Показательно, что опасности, которым подвергается блудный сын в этом пространстве, исходят от него самого и локализуются вне дома, о чем предупреждает некий господин, запрещающий вводить чужих в свои палаты («…аз никому / в начале службы честны не дам в дому» [7. С. 179]). Только возвращение в отеческие пределы вновь актуализирует категорию границы, чьим символом становятся гостеприимно распахнутые ворота:

> Во вратех сын твой идет со слезами
> встыдится люте худыми ризами.
> Се идет в двери,
> что не даш веры? [Там же. С. 183][3].

В обобщающих сборниках русско-украинского барокко промежуточная стадия подобного путешествия-познания является центральной и реализуется в смене различных типов пространства, в том числе домашнего. Читатель того же «Вертограда многоцветного», не покидая своего очага, как блудный сын, виртуально, однако, совершает долгую экскурсию по мирозданию. Сложная организация сборника, в «Вертограде» алфавитная, превращает ее в причудливый путь, напоминающий лабиринт, с многообразием входов и выходов[4]. Дверь и окно приобретают здесь характер метаметафоры, когда метафорические смыслы одного стихотворения переносятся на образы другого, порождая метафору более высокого порядка.

Так, например, происходит в двух соседних текстах на букву «Д» – «Дом плача и дом пира» и «Дом добродетелей». Первое построено на ситуации пересечения границы: в доме плача, сокрушения и в доме пира, удовольствий разные законы и, входя в их пределы, нужно соблюдать условности.

> Уне в дом рыдания комуждо входити
> неже в нем же пирове обыкоша быти,
> Ибо в доме плача смерть ся поминает,
> о ней же в доме пира слово не бывает [14. С. 275].

Образный ряд стихотворения далее насыщает отрицательными коннотациями дом пира как место нечистых дел и помыслов, убийства, гордости, кощунства в противовес дому плача, пространству душевной чистоты, смирения, кротости и покаяния. Тем самым посещение одного несет благо душе, а второго – ущерб:

> Всячески убо благо в дом плача входити,
> нежели в дом пира комуждо вступити [Там же].

Образ предшествующего стихотворения «Дом добродетелей» в подобном ореоле становится одним из воплощений дома плача и добавляет новую антитезу прочность / шаткость:

> Высокое здание хотяй съоружити,
> должен основание внизу положити.
> Та же на нем жилища многа назидати,
> иначе бо немощно крепко им стояти [Там же].

Таким фундаментом для добродетели является смирение, без которого суетны молитва, пост, милостыня. Только дом, основанный на смирении, превращается в преддверие и аналог Небесного дома:

> Да не вотще доброты ины положиши,
> но дом честный в жилище Богу утвердиши.
> За не же вечный от Него уготован тебе
> от сложения мира во пресветлом небе
> [Там же].

В результате взаимоналожения метафор двух стихотворений вхождение в дом плача / добродетели / смирения становится путем к Божественной обители, к миру трансцендентному.

Вертикальному измерению границ соположена в «Вертограде» сеть рубежей горизонтальных, связан-

ных с различными пространственными зонами и соответствующими типами домов. Нравоучительно-притчевая природа стихов не способствовала их нарративной детализации, это обычно «некое жилище», однако в их череде мы встретим и дворец, обитель власти или богатства, и хижину, и келью монаха, и купеческие палаты. Дверь здесь представала своеобразным медиатором: через нее в домашнее пространство вторгался большой мир и общие законы, приводившие частные сюжеты к единому Божественному знаменателю. Порой, однако, дверь выполняла и самостоятельную, чаще всего комическую функцию, как в «Дароимстве», где корыстный и лукавый судья, взявший дары от обеих сторон (вепря и бутылку елея), так оправдался за приговор в пользу более ценного приношения:

Прости мя, рече, забых благодати,
яко ты елей изволил ми дати.
Вина же тому вепр питанный бяше,
иже, вшед в дом мой, елей пролияше [14. С. 253].

В перспективе литературного развития, в том числе гоголевской поэтики [15. С. 15–25], значимым элементом семиотики границы являлось разделение с помощью двери / окна бытового и трансцендентного пространства. В западноевропейском барокко наиболее колоритные образцы тому предлагал плутовской роман, где герой в бытовой обстановке вдруг сталкивался с фантастическими силами, часто в атмосфере сновидения с его размытыми пределами реального. Так, подглядывая в чужой дом, Симплициссимус у Г. Гриммельсгаузена становится свидетелем ведьмовского собрания: «…приметил я в кухонной ставенке, что выходила в покои, щелку; я подкрался туда, чтобы поглядеть, скоро ли те люди улягутся спать… мазали они помела, метлы, вилы, скамьи и стулья и один за другим вылетали, сидючи на них, в окошко» [Там же. С. 136]. Герой легко выходит за границу привычного видения и даже вовлекается в само действо: «…когда все повыскакали <…> присел я верхом на скамеечку. Но едва я оседлал ее, как поехал, да что там, взвился с треском и вылетел вместе со скамейкой в окошко» [16. С. 114]. Окно здесь обозначает переход из одного состояния в другое, сопровождающееся волшебными трансформациями.

В русско-украинском барокко соседство бытового и фантастического не претендовало на романную «правдоподобность», а мотивировалось либо семиотикой вертепного театра, либо притчевой условностью. В обоих случаях границы домашнего пространства оказывались открыты для ангелов или бесов, как в обширном цикле стихов Полоцкого о демонах на службе человека, например «Демон служаше»:

Муж некто благородный домом си живяше,
ему же демон в лице юношы служаше [14. С. 256].

Демон выступает здесь в роли сказочного помощника, спасая хозяина от преследования разбойников и излечивая молоком львицы его жену, но в итоге изгоняется за пределы дома. В соседстве с обобщенно-нравоучительными текстами, однако, взаимодействие бытового и фантастического воспринималось как аллегория, разворачивание в нарратив какого-либо постулата христианской антропологии. В ее свете ангел или демон воплощал часть человеческой природы, вид страсти или добродетели, а дом уравнивался с его хозяином.

В результате, например, дверь и окно уподоблялись частям тела: глаза – открывающиеся створки окон, рот – аналог ворот, уши – замочные скважины. При этом сами органы обычно служили эмблематическим отражением определенных духовных способностей, что придавало домашне-соматическим метафорам дополнительную сложность. Подобную вязь метафор мы найдем в творчестве Джона Донна, который в «Священных сонетах» (перевод Д.В. Щедровицкого) провозглашал:

Я микрокосм, искуснейший узор,
Где ангел слит с естественной природой…
[17. С. 123].

Глаза у него становились проводником духовных энергий, окнами в мир возлюбленной («Экстаз», перевод А.Я. Сергеева):

Ее рука с моей сплелась.
Весенней склеена смолою;
И, отразясь, лучи из глаз
По два свились двойной струною
[Там же. С. 91].

Итогом же подобного слияния становилось разрастание духовно-телесного андрогина до пределов дома-мироздания («С добрым утром», перевод Г.М. Кружкова):

Очнулись наши души лишь теперь,
Очнулись – и застыли в ожиданье;
Любовь на ключ замкнула нашу дверь,
Каморку превращая в мирозданье[5]
[Там же. С. 75].

В русском барокко метафорические конструкции были проще, отражая устойчивую средневековую антитезу тела и духа. Она принимала более динамичный вид и намечала разнообразные противоречия страстей, но в сущности оставалась неизменной, как в стихотворении «Око» Симеона Полоцкого:

Аще некаго око соблазняет,
изъяти оно Христос совещает,
Ибо, яко тать окном окрадает,
тако диавол оком уловляет.
Скважня есть око здания телесна,
сим сокровища окраден небесна [22. С. 463].

Глаза здесь представали окнами телесного здания, однако само телесное начало выступало лишь носите-

лем грешных желаний. Ценность органы чувств и само тело приобретало только как инструмент познания духовного, сакрального:

Светла убо очеса нам суть сотворенна,
к видению Божия лица устроенна [22. С. 463].

Обращение к миру страстей, тем не менее, открывало возможность более разнообразного изображения человеческой вселенной. И здесь внешний психологизм, изображающий духовное через пластические приметы, получал новое орудие, когда дом выступал олицетворением его хозяина, воплощал его характер и доминирующую страсть. Целую палитру подобных сюжетов предлагал западноевропейский барочный эпос – плутовской роман и его социально-психологические типажи («Хромой бес» Луиса де Гевары, «Симплициссимус» Ганса Гриммельсгаузена), аллегорическая повесть («Путь Паломника» Джона Баньяна, «Сновидения» Франсиско де Кеведо). Их опытом, спроецированным на православную типологию страстей, будет широко пользоваться литература русского романтизма и раннего реализма, в том числе Гоголь [23; 24. С. 52–81; 25. С. 127–186, 249–292 и др.; 26].

Эмблематическое воплощение страсти, определенного духовного типа в символике домашнего пространства выступило, например, организующим принципом в «Пути Паломника» Дж. Баньяна, где центральный персонаж, взыскуя истины, проходил испытания в различных аллегорических топосах. Знаменательно, что одним из самых знаменитых образов этого типа стали Тесные врата, начало пути в Небесный Град. Врата здесь обозначали границу не между зонами мироздания (земное / трансцендентное), но между вариантами духовного пути (праведный / грешный). И в дальнейшем дом и его элементы воплощали в поэме нравственно-психологические процессы, связанные с религиозным совершенствованием, как в Доме Толкователя, каждая комната которого предлагала Паломнику новую притчевую ситуацию.

В отсутствие эпических, тяготеющих к нарративной детализации форм русское барокко подобный тип символики использовало чаще всего как эмблему. Так, объясняя, что есть любовь, Симеон Полоцкий сравнивал ее с известью, крепящей здание:

Камение разное известь съединяет,
тоя силою крепко жилище бывает.
Сердца же различная тогда единятся,
повнегда любовию друг другу лепятся.
Сице и Царю небес полата творится
в душах человеческих, ту бо Он вселится
[22. С. 271].

Подобный дом-любовь превращается в обитель Бога, тогда как леность приманивает демонов и наполняет жилище монахов невыносимым смрадом:

Иноци ленивии в келиах лежаху,
Утренее пение лежаще читаху.
Тогда прииде демон, смрада наполнил есть,
И к лежащым иноком глагол сотворил есть:
При сицевой молитве кадило такое
В обоняние ваше зело приличное [Там же. С. 258].

Эмблематика дома помогает Полоцкому охарактеризовать лицемерие и добродетель, плач и пир, молитву и мудрость. При психологической абстрактности эти страсти уже требовали воплощения в некоем целостном образе земной ситуации, иногда наполнявшейся, как в случае с леностью, бытовым колоритом. В перспективе страсть олицетворялась в герое и срасталась с обстановкой его жизни, в том числе с его жилищем, открывая возможность не только нравственных, но и социально-психологических характеристик, что будет использовано Гоголем в «Мертвых душах».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. подробнее об особенностях вертепного представления [3].
[2] См. о роли этой метафоры в русском барокко [9. С. 71–103], а также в литературе последующей эпохи [10. С. 13–25].
[3] См. подробнее о поэтике пьесы [11. С. 73–88].
[4] См. об архитектонике «Вертограда» [12. С. 203–259] и о роли лабиринта в барочном хронотопе [13. С. 42–50].
[5] См. подробнее о телесных метафорах Джона Донна [18. С. 353–396; 19–20]. Ср. также: [21. С. 76–87].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Софронова Л.А.* Функция границы в формировании украинской культуры XVII–XVIII веков // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997.
2. *Велес де Гевара Л.* Хромой бес // Плутовской роман. М., 1989.
3. *Белецкий А.* Старинный театр в России. Т. 1. Зачатки театра в народном быту и школьном обиходе Южной Руси – Украины. М., 1923.
4. *Фрейденберг О.М.* Семантика постройки кукольного театра // Миф и театр. М., 1988. С. 13–35.
5. *Софронова Л.А.* Старинный украинский театр. М., 1996.
6. *Софронова Л.А.* Три мира Григория Сковороды. М., 2002.
7. *Полоцкий Симеон*. Избранные сочинения. Л., 1953.
8. *Сазонова Л.И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.
9. *Сазонова Л.И.* Идейно-эстетическое значение «мысленного сада» в русском барокко // Развитие барокко и зарождение классицизма в России. М., 1989. С. 71–103.
10. *Киселев В.С.* Коммуникативная природа метатекстовых образований (на материале русской прозы конца XVIII – первой трети XIX века) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2005. Т. 64, № 3. С. 13–25.
11. *Елеонская А.С.* Комическое в школьных пьесах конца XVII в. – начала XVIII в. // Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII – начало XVIII в.). М., 1976. С. 73–88.

12. *Сазонова Л.И.* «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого: (Эволюция художественного замысла) // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982. С. 203–259.
13. *Былинин В.К.* «Лабиринт мира» в интерпретации русского поэта первой половины XVII в. // Развитие барокко и зарождение классицизма в России. М., 1989. С. 42–50.
14. *Полоцкий Симеон.* Вертоград многоцветный / подг. текста, статья и ком. А. Хипписли и Л.И. Сазоновой. Köln, Weimar, Wien, 1996. Т. 1.
15. *Киселев В.С.* «Арабески» Гоголя и традиции романтической циклизации // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63, № 6. С. 15–25.
16. *Гриммельсгаузен Я.* Симплициссимус. М., 1976.
17. *Английская* лирика первой половины XVII века. М., 1989.
18. *Нестеров А.* Алхимическое богословие Джона Донна // Донн Дж. По ком звонит колокол. М., 2004. С. 353–396.
19. *Saunders B.* Desiring Donne: poetry, sexuality, interpretation. Cambridge, 2006.
20. *Targoff R.* John Donne, body and soul. London, Chicago, 2008.
21. *Смирнова М.Б.* Репрезентация человеческого тела в поэзии Франсиско Кеведо // Новый филологический вестник. 2014. № 2 (29). С. 76–87.
22. *Полоцкий Симеон*. Вертоград многоцветный / подг. текста, статья и ком. А. Хипписли и Л.И. Сазоновой. Köln, Weimar, Wien, 1996. Т. 2.
23. *Хомук Н.В.* Художественная проза Н.В. Гоголя в аспекте поэтики барокко : дис. … канд. филол. наук. Томск, 2000.
24. *Дмитриева Е.Е.* Н.В. Гоголь в западноевропейском контексте: между языками и культурами. М., 2011.
25. *Сазонова Л.И.* Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени. М., 2012.
26. *Коздринь П.Р.* Рецепция романа Дж. Беньяна «Путь паломника» в русской литературе XVIII–XIX в. : дис. … канд. филол. наук. Омск, 2011.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 июня 2015 г.

DOOR AND WINDOW IN THE HOUSE BAROQUE EMBLEMS

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 5–11. DOI: 10.17223/15617793/397/1

Bolotnikova Olesya N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bolotnikovao@mail.ru

Keywords: time-space; baroque; Russian literature; Ukrainian literature; Simeon of Polotsk; L. Velez de Guevara; Ya. Grimmelshausen, J. Donne; J. Banyan; N.V. Gogol.

The Baroque chronotope of the house preserved a close connection with the folk ritual fixed in the Ukrainian and Russian literature of the 17th and 18th centuries. However, if in the archaic consciousness the house was the center of the human world, and the door and the window marked the border, the point of contact with the world of natural space, in the Baroque aesthetics, reflecting the Christian view of the world, the house and its components gained a universal emblematic value. The house was a symbolic analogue of the universe and included natural, human, historical and transcendent dimensions. This Baroque motive reflected in the structure of the Nativity puppet show, popular in Ukraine, that showed sacral and domestic scenes in the home-like interior. G. Skovoroda, a famous philosopher of the Ukrainian Baroque, actively used the Nativity theater technique. His famous emblematic image of the town that influenced the "composite town" of N.V. Gogol is nothing but an extension of the Nativity cave space to the limits of an urban ensemble where the comedy of earthly life, a reflection of the cosmic mystery, is played. Symeon Polotsky's "Greeting < . . .> to Alexei Mikhailovich < . . .> on his successful moving into a new house < . . .> in Kolomenskoye" offers a distinctive sample of the literary emblem of the house. The Tsar's palace here was the archetype of the house, a perfect house, and its versatility was emphasized by cosmic analogies; in their light any piece of the interior embodied a part of the universe. In this context, the semantics of doors and windows also became emblematic: windows were like stars illuminating the terrestrial world, and doors opened an entrance to the realm of beauty and wisdom. The door and the window attract Baroque man as a means to look into the unknown. Russian-Ukrainian Baroque, replacing the Middle Ages, first made man the center of special interest: only man's eyes saw the diversity of God's creation in its earthly and transcendent incarnation. The meta-plot associated with the door and the window is based on the parable of the prodigal son: the hero leaves his home, a familiar narrow sphere that he has overgrown and seeks to learn the big world, across different borders, but eventually returns to his father's house that now is the whole universe and is known in its new faces. This semantics found consistent implementation in Symeon Polotsky's "Comedy of the Parable of the Prodigal Son". The summarizing collections of the Russian-Ukrainian Baroque present a similar trip in the change of different types of space, including the house. Readers of Symeon Polotsky's "Multicolor Vertograd", without leaving their homes like the prodigal son, virtually make a long tour around the universe. The complex organization of the collection transforms it into a bizarre path reminiscent of a maze with a variety of entrances and exits. The door and the window here acquire the character of a meta-metaphor when metaphorical images of one poem transfer to the images of another creating metaphors of a higher order ("House of Mourning and Banqueting House", "House of Virtues", etc.). The vertical dimension of the borders in "Vertograd" also has horizontal lines associated with different spatial zones and corresponding types of houses. The door here is a kind of a mediator: the big world and the general laws entered the house through it, which united single private plots by the Divine denominator.

REFERENCES

1. Sofronova, L.A. (1997) Funktsiya granitsy v formirovanii ukrainskoy kul'tury XVII–XVIII vekov [The function of the border in the formation of Ukrainian culture of the 17th and 18th centuries]. In: Miller, A.I., Reprintsev, V.F. & Florya, B.N. *Rossiya – Ukraina: istoriya vzaimootnosheniy* [Russia – Ukraine: the history of the relationship]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
2. Veles de Gevara, L. (1989) Khromoy bes [A Lame Demon]. In: *Plutovskoy roman* [The Picaresque Novel]. Moscow: Pravda.
3. Beletskiy, A. (1923) *Starinnyy teatr v Rossii* [Ancient theater in Russia]. V. 1. *Zachatki teatra v narodnom bytu i shkol'nom obikhode Yuzhnoy Rusi – Ukrainy* [The beginnings of theater in the national life and school everyday life in South Russia – Ukraine]. Moscow: V.V. Dumnov.
4. Freydenberg, O.M. (1988) Semantika postroyki kukol'nogo teatra [Semantics of building a puppet theater]. In: Freydenberg, O.M. *Mif i teatr* [Myth and Theater]. Moscow: Labirint.
5. Sofronova, L.A. (1996) *Starinnyy ukrainskiy teatr* [The old Ukrainian theater]. Moscow: ROSSPEN.
6. Sofronova, L.A. (2002) *Tri mira Grigoriya Skovorody* [Three worlds of Grigory Skovoroda]. Moscow: Indrik.
7. Polotsky, S. (1953) I*zbrannye sochineniya* [Selected works]. Moscow – Leningrad: USSR AS.
8. Sazonova, L.I. (2006) *Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremya* [Literary culture of Russia. Early Modern Times]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

9. Sazonova, L.I. (1989) Ideyno-esteticheskoe znachenie “myslennogo sada” v russkom barokko [Ideological and aesthetic value of the “mental garden” in Russian Baroque]. In: Robinson, A.N. (ed.) *Razvitie barokko i zarozhdenie klassitsizma v Rossii XVII — nachala XVIII v.* [Development of Baroque and the emergence of Classicism in Russia of the 17th – early 18th centuries]. Moscow: Nauka.
10. Kiselev, V.S. (2005) Kommunikativnaya priroda metatekstovykh obrazovaniy (na materiale russkoy prozy kontsa XVIII – pervoy treti XIX veka) [The communicative nature of metatext formations (based on the Russian prose of the end of the 18th – the first third of the 19th centuries)]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 64 (3). pp. 13–25.
11. Eleonskaya, A.S. (1976) Komicheskoe v shkol’nykh p’esakh kontsa XVII v. – nachala XVIII v. [The comic in the school plays in late 17th and early 18th centuries]. In: *Novye cherty v russkoy literature i iskusstve (XVII – nachalo XVIII v.)* [New features in Russian literature and art (17th and early 18th centuries)]. Moscow: Nauka.
12. Sazonova, L.I. (1982) “Vertograd mnogotsvetnyy” Simeona Polotskogo: (Evolyutsiya khudozhestvennogo zamysla) [Symeon Polotsky’s “Multicolor Vertograd”: Evolution of the artistic idea]. In: *Simeon Polotskiy i ego knigoizdatel’skaya deyatel’nost’* [Symeon Polotsky and his book-publishing activities]. Moscow: Nauka.
13. Bylinin, V.K. (1989) “Labirint mira” v interpretatsii russkogo poeta pervoy poloviny XVII v. [“The Labyrinth of the World” in the interpretation of the Russian poet of the first half of the 17th century]. In: Robinson, A.N. (ed.) *Razvitie barokko i zarozhdenie klassitsizma v Rossii XVII — nachala XVIII v.* [Development of Baroque and the emergence of Classicism in Russia of the 17th – early 18th centuries]. Moscow: Nauka.
14. Polotsky, S. (1996) *Vertograd mnogotsvetnyy* [Multicolor Vertograd]. V. 1. Köln, Weimar, Wien.
15. Kiselev, V.S. (2004) “Arabeski” Gogolya i traditsii romanticheskoy tsiklizatsii [Gogol’s Arabesques and the tradition of romantic cyclization]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 63 (6). pp. 15–25.
16. Grimmelshausen, J. (1976) *Simplitsissimus* [Simplicius Simplicissimus]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
17. Gorbunov, A.N. (ed.) (1989) *Angliyskaya lirika pervoy poloviny XVII veka* [The English lyrics of the first half of the 17th century]. Moscow: Moscow State University.
18. Nesterov, A. (2004) Alkhimicheskoe bogoslovie Dzhona Donna [The alchemical theology of John Donne]. In: Donne, J. *Po kom zvonit kolokol* [For Whom the Bell Tolls]. Moscow: Aenigma.
19. Saunders, B. (2006) *Desiring Donne: poetry, sexuality, interpretation*. Cambridge: Harvard University Press.
20. Targoff, R. (2008) *John Donne, body and soul.* London, Chicago: University of Chicago Press.
21. Smirnova, M.B. (2014) Representation of Human Body in Francisco de Quevedo’s Poetry. *Novyy filologicheskiy vestnik –The New Philological Bulletin*. 2 (29). pp. 76–87. (In Russian).
22. Polotsky, S. (1996) *Vertograd mnogotsvetnyy* [Multicolor Vertograd]. V. 2. Köln, Weimar, Wien.
23. Khomuk, N.V. (2000) *Khudozhestvennaya proza N.V. Gogolya v aspekte poetiki barokko* [Narrative prose of N.V. Gogol in the aspect of the Baroque poetics]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
24. Dmitrieva, E.E. (2011) *N.V. Gogol’ v zapadnoevropeyskom kontekste: mezhdu yazykami i kul’turami* [Gogol in the Western European context: between languages and cultures]. Moscow: IMLI RAN.
25. Sazonova, L.I. (2012) *Pamyat’ kul’tury. Nasledie Srednevekov’ya i barokko v russkoy literature Novogo vremeni* [Memory of culture. The legacy of the Middle Ages and the Baroque in Russian literature of modern times]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.
26. Kozdrin’, P.R. (2011) *Retseptsiya romana Dzh. Ben’yana “Put’ palomnika” v russkoy literature XVIII–XIX v.* [Reception of J. Bunyan’s The Pilgrim’s Process in the Russian literature of the 18th and 19th centuries]. Philology Cand. Diss. Omsk.

Received: 27 June 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 12–18. DOI: 10.17223/15617793/397/2

УДК 821.161.1:821.131.1

И.Б. Буданова

А.Н. ОСТРОВСКИЙ И П. ДЖАКОМЕТТИ (К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ОРИГИНАЛЬНОГО И ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТОВ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКОГО ДРАМАТУРГА)

Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 15-34-01023).

Впервые рассматривается вопрос о своеобразии художественного творчества А.Н. Островского в процессе создания им оригинальных пьес и переводов. Изучение в одном контексте комедии «Лес» и переводной мелодрамы П. Джакометти «Гражданская смерть» (Paolo Giacometti «La morte civile») раскрывает своеобразие и плодотворность русско-итальянского диалога, проявившееся в содержании нравственно-социального конфликта пьес и художественных исканиях А.Н. Островского 1870-х гг.

Ключевые слова: А.Н. Островский; П. Джакометти; мелодрама; перевод; русско-итальянские литературные связи.

А.Н. Островский, создатель русского национального театра, автор 49 оригинальных пьес, известен как переводчик произведений французских, итальянских, испанских, английских драматургов. Обращение к иностранным авторам обусловлено стремлением Островского обогатить репертуар русской сцены образцовыми произведениями западной драматической литературы, что способствовало бы повышению исполнительского мастерства для русских актёров.

Особого внимания заслуживает вопрос о характере взаимодействия оригинального творчества с переводами. В процессе работы (часто одновременной) над оригинальной пьесой и переводом естественно возникает диалог двух культур, двух драматических систем. Творческий контакт проявляется в характере аранжировки иностранного текста и в точках соприкосновения оригинального и переводимого произведения.

Творчество А.Н. Островского пореформенного периода – вторая половина 1860-х – 70-е гг. – отмечено большим вниманием писателя к исследованию сдвигов в сознании и психологии среды – обыкновенных героев. «Нравственно-этический аспект, всегда свойственный просветительской концепции Островского, который, в отличие от романтического понимания человека, искал в герое естественно-природное, гуманное начало, в 1860-е гг. получил дополнительный драматический акцент» [1. С. 105]. В 1870 г. Островский пишет комедию «Лес» и переводит одну из самых известных и репертуарных мелодрам Италии XIX в. «Гражданская смерть» («La morte civile», 1861) драматурга Паоло Джакометти (P. Giacometti)[1]. В переводе пьеса получает заглавие «Семья преступника». Премьера «Семьи преступника» состоялась 21 января 1871 г. в Малом театре.

Об одновременности работы Островского над «Лесом» и переводом пьесы Джакометти свидетельствуют письма к петербургскому актёру и другу писателя Ф.А. Бурдину, приславшему весной книги для этого перевода (см. письмо от 28 апреля 1870 г.). Данные из переписки помогают восстановить хронологию работы драматурга в летний период 1870 г.:

29 августа 1870 г. «Я полагаю, что к концу сентября она («Семья преступника». – *И.Б.*) будет готова. Если поспеет к твоему бенефису, я буду очень рад» [2. Т. 11. С. 328].

20 сентября 1870 г. «Пьесу («Семья преступника». – *И.Б.*) я пишу прилежно, но к октябрю едва ли кончу» [Там же. С. 329].

24 октября 1870 г. «Драма “Семья преступника” (La morte civile) переписывается и на днях пошлется через контору. Я всю её перевёл снова» [Там же. С. 332].

4 ноября 1870 г. «Пьеса “Семья преступника” послана в Петербург <...> Пьесу оригинальную («Лес». – *И.Б.*) я оканчиваю» [Там же. С. 333].

Пьеса «Лес» была завершена зимой 1870 г., о чём сообщается в письме, датированном концом первой половины декабря 1870 г., к Н.А. Дубровскому: «Кончил я работу» [Там же. С. 334].

«Лес» – «одно из самых совершенных и сложных произведений Островского. Эта пьеса вобрала в себя черты трёх типов его комедий – народной, сатирической и комедии с высоким героем» [3. С. 60]. Это современная реалистическая социально-психологическая драма с героем, отличающимся своими положительными качествами от окружения[2].

Внимание Островского к пьесе Джакометти было обусловлено остротой социально-политического конфликта и психологической разработкой образа героя, наделённого высокими нравственными качествами. Пьеса носила ярко выраженный мелодраматический характер.

В Италии во второй половине XIX в. мелодрама наряду с комедией пользовалась большим успехом. Паоло Джакометти стал одним из первых её создателей на итальянской сцене. Его драматургия уже полностью освобождается от классицизма. «Гражданская смерть» имела большой успех, участие в ней прославило итальянских актёров, таких как Эрмете Дзаккони (Ermete Zacconi, 1857–1948) и Эрмете Новелли (Ermete Novelli, 1851–1919).

Главный герой мелодрамы «Семья преступника» Коррадо – человек, приговорённый к пожизненному заключению за убийство брата своей жены и через тринадцать лет бежавший из тюрьмы с целью вернуть свою семью. Преступник Коррадо находит свою жену Розалию работающей гувернанткой у Эммы, дочери

доктора Арриго Пальмиери. На самом деле, Эмма – это Ада, дочь Розалии и Коррадо. По закону после ареста мужа женщина с ребёнком остались без средств к существованию и без социальных прав, поэтому доктор Пальмиери удочерил Аду, а Розалию взял в дом гувернанткой, чтобы тем самым спасти их от позора. Узнав правду, Коррадо хочет вернуть семью, но понимает, что единственное, что он действительно может сделать, чтобы устроить счастье жены и дочери, – это покончить с собой, стать «живым трупом» [2. Т. 9. С. 207][3].

П. Джакометти разрабатывал острый социальный конфликт с намерением разоблачить законодательство Италии, осуждающее за преступление на пожизненное заключение и признающее католическое церковное законодательство, по которому семья преступника лишалась всех гражданских прав: жена не могла снова выйти замуж, а дети, не имея права быть усыновленными, навсегда получали общественное презрение как дети преступника. В трагедии у Джакометти виновны в первую очередь закон и церковь, всячески преследующая семью осужденного.

В вопросе выбора пьес для перевода значимой для Островского являлась нравственно-этическая проблематика. В пьесе Джакометти русскому драматургу оказалась близкой гуманистическая позиция автора, сделавшего героем обыкновенного человека, который смог вопреки общепринятым установкам, господствующей общественной «морали» следовать за своим «горячем сердцем» и жертвовать личным благополучием и самим собой ради счастья другого. Способность к великодушию, милосердию является проявлением той истинной ценности, которую отстаивают у Джакометти столь разные герои – и обездоленный Коррадо, и уважаемый всеми доктор Арриго Пальмиери.

Интерес Островского к пьесе Джакометти как мелодраме был связан с художественными исканиями в области формы. Драматург использовал мотивы мелодрамы в пьесах «Пучина» (1866), «Горячее сердце» (1868), а также создал классические образцы этого жанра («Поздняя любовь» (1874), «Без вины виноватые» (1884)) [6. С. 126; 8. С. 755]. Однако мелодраматизм, будучи существенной составляющей поэтики Островского на пути постижения художественных способов проникновения в психологию человека, корректировался социальным анализом, глубоким пониманием обусловленности поведения и чувств человека средой, жизненными обстоятельствами. Островский, драматург эпохи реализма, отвергал мелодраматизм и мелодраму в чистом виде, черты которой он видел и в пьесах Джакометти. Так, в письме от 24 октября 1870 г. Ф.А. Бурдину он пишет о пьесе «La colpa vendica la colpa» [«Вина карает вину»], «лютая мелодрама» [2. Т. 11. С. 324] и не переводит её[4]. В этом же письме он добавляет: «Драма “Семья преступника” (La morte civile) переписывается и на-днях пошлется через контору. Я всю её перевёл снова; столько там пустого и не драматического красноречия, столько глупых, детских возгласов, что я насилу с ней справился» [Там же. С. 332].

Таким образом, сокращение «пустого и не драматического красноречия» позволяет убрать излишний мелодраматизм, но оставить драматическое красноречие при изображении высоких чувств человека.

Прежде всего Островский изменил заглавие: драма стала называться не «Гражданская смерть», а «Семья преступника». Перемена заглавия означала, что в гражданско-правовой конфликт «Семьи преступника» оказались втянутыми все члены семьи и общественному осуждению подвергался не только Коррадо, совершивший убийство, но невиновные люди. Смена заглавия сигнализировала об эстетической перестройке: на первый план выходила драматическая история не одиночки-убийцы, а людей обыкновенных, представляющих в массе среду.

В письме от 28 апреля 1870 г. Ф.А. Бурдину Островский пишет: «“Гражданскую смерть” надо сильно переделать; из Corrado сделать не убийцу, а политического преступника или по крайней мере, ради цензуры, только намекнуть и громить не уголовный кодекс, а монахов; пожалуй, что-нибудь и выйдет» [Там же. С. 324–325].

Эти планы подтверждаются характером перевода пьесы. В третьем явлении II действия Коррадо обращается к священнику со словами:

P. Giacometti	**Подстрочный перевод**[5]	**А.Н. Островский**
CORRADO Monsignore, avete poca carita: vi è nota la mia *condizione civile*, mi vedete in sì misero arnese, e ciò non v'impedisce di espormi alle interrogazioni di un indiscreto, alla vergogna... mi fate pagar cara l'elemosina. Ma anche il povero ha la sua superbia – per Dio! – e giacché mi accorgo di essere entrato nella *casa degli inquisitori* io ne uscirò tosto (con malgarbo si muove per partire) [9].	Монсиньор, у вас есть немного милосердия: вы замечаете моё *гражданское положение*, вы видите мой скудный скарб, и это не мешает вам подвергать меня нескромным расспросам, стыду... вы заставляете меня дорого оплатить милостыню. Но и бедный имеет свою гордость – ради Бога! – замечу, что я зашёл в *дом следователей* и скоро уйду (собирается уйти).	Коррадо. Монсиньор, имейте немножко сострадания. Вы видите, в каком я *положении*; зачем вы подвергаете меня расспросам, стыду... Дорого же обходится мне ваша милостыня. Но и каждый бедняк имеет свою гордость. Боже мой! Я вижу, что я попал в *судилище инквизиции*, и ухожу (Хочет итти.) [2. Т. 9. С. 174].

При переводе фразы «condizione civile» [гражданское положение] Островский исключает слово «civile», означающее в данном контексте «положение человека, совершившего преступление (убийство)», тем самым, не снимая ответственности, драматург ослабляет акцент на злодейском поступке. И, напротив, словосочетание «casa degli inquisitori», которое можно перевести как «дом следователей», Островский переводит как

«судилище инквизиции», inquisitore – имеет в итальянском языке такие значения, как «расследующий; враждебный, жестокий; следователь; инквизитор».

В переводе само преступление получает характер спонтанного действия, лишённого преднамеренности и совершённого в состоянии эмоционального аффекта: снижается значение противозаконного поведения героя – Островский последовательно переводит акцент с убийства на буйство характера главного героя, придавая тексту другие оттенки:

P. Giacometti	**Подстрочный перевод**	**А.Н. Островский**
la sferza dell'aguzzino, invece di punire *l'omicida*, flagellava il marito [9].	бич тюремщика, вместо наказания *убийцы*, бичевал мужа.	меня наказывали *за буйство* [2. Т. 9].

В разговоре Коррадо с женой в русском переводе обвинение заключается не в том, что он убил брата, а в том, что бросил семью:

P. Giacometti	**Подстрочный перевод**	**А.Н. Островский**
ROSALIA Andate a Catania a domandarlo – così vi risponderanno che *un omicida*, sfuggito dall'ergastolo, non ha diritto di chiedere conto della propria famiglia; egli vi ha rinunziato [9].	Идите в Катанию и спросите его – так вам ответят, что у *убийцы*, сбежавшего из тюрьмы, нет права просить счет собственной семьи; вы от нас отреклись.	Розалия. Ступай в Катанию и спроси там. У меня ты не имеешь права спрашивать отчета; ты нас бросил [2. Т. 9].

Хотя тема убийства не уходит из перевода, всё же Коррадо предстаёт не расчётливым преступником, а оступившимся человеком, подверженным страстям:

P. Giacometti	**Подстрочный перевод**	**А.Н. Островский**
a quest'omicida che vi rampogna, a questo galeotto che v'insegna la carita [9].	*в этом убийце*, которого вы гоните, в этом каторжнике, который покажет вам милосердие.	текст отсутствует

Изменения более всего коснулись центрального героя. Сохраняя мелодраматическую структуру образа трагического героя, Островский целенаправленно снижает градус эмоционального напряжения, проявляющегося в неумеренных преувеличениях и внешних эффектах. Портрет несчастного, нервного, взбудораженного Коррадо рисует слуга Гаэтано. В переводе Островского в портрете акцентируются нервность и неустроенность жизни героя:

P. Giacometti	**Подстрочный перевод**	**А.Н. Островский**
È alto della persona, ha viso bruno, *scarno*, affilato, occhi piuttosto *grandi*, barba *ispida*, lunga <...> [9].	Это высокий человек с тёмным, *худым*, отточенным лицом, *большими* глазами и *жёсткой*, длинной бородой <...>.	Ростом высок, лицо смуглое, *испитое*, глаза *быстрые*, борода *всклокоченная*, длинная <...> [2. Т. 9. С. 171].

В другом описании Коррадо, также принадлежащем Гаэтано, сокращена значительная часть текста, которую составляло именно романтическое описание внешности, свойственной мелодраматическим героям.

P. Giacometti	**Подстрочный перевод**	**А.Н. Островский**
GAETANO Questa poi... forse sopra i quaranta... Insomma è *un essere straordinario*, perchè avendolo meglio osservato al chiarore della lucerna, mi ha fatto una impressione diversa, singolare. La sua fisionomia *non ha un carattere deciso: non si sa precisamente se esprima la ferocia, il disprezzo, la malinconia, la pieta, il rimorso*... Ma forse tutte queste cose nel tempo stesso. Potrebbe anche darsi che appartenesse ai banditi; in questo caso lo giudico ammalato, perché il suo respiro è affannoso, si regge poco sulle gambe, probabilmente a cagione della stanchezza. Ma, ad ogni modo, se monsignore volesse interrogarlo... [9].	Ему, возможно, около сорока... В общем, это *необыкновенное существо*, потому что наблюдение за ним при блеске светильника рождает разные впечатления. В его облике *нет решительного характера: неизвестно точно, выражает ли он жестокость, презрение, грусть, жалость, угрызения совести*... Или всё это одновременно. Может быть также, что он бандит; в этом случае я считаю его не в себе, ведь его дыхание затруднено, а ноги еле держат, вероятно, из-за усталости. Но, если монсиньор сам захочет расспросить его...	Гаэтано. Около сорока. Бог его знает, по лицу никак не разберешь, что он за человек. Может быть, он и бандит; только, знать, захворал, – дышит тяжело и насилу держится на ногах, видно устал. Не угодно ли монсиньору самому расспросить его?.. [2. Т. 9. С. 171].

В этом же плане идёт работа над синтаксисом. Сохраняя при характеристике героев их возвышенные чувства, Островский снимает аффектацию в их выражении. Пример тому – диалог Коррадо с его другом доном Фернандо.

P. Giacometti	Подстрочный перевод	А.Н. Островский
FERNANDO Probabilmente nella lusinga (обманчивая надежда, иллюзия) di ritrovarvi la moglie...	Вероятно, в обманчивой надежде встретить жену...	Д. Фернандо. Вероятно, вы надеетесь там найти жену?
CORRADO E la figlia! FERNANDO (sorpreso) La figlia? CORRADO Si; la mia Ada, che non ho veduta da tredici anni... io volevo chiedervi conto di loro, ma sfortunatamente mi accorgo che ignorate... [9].	И дочь! (с удивлением). И дочь? Да; мою Аду, которую я не видел тринадцать лет... я хотел просить у вас отчет о них, но, к несчастью, я замечаю, что вы не знаете...	Коррадо. И дочь. Д. Фернандо (с удивлением). И дочь? Коррадо. Да, мою Аду, которую я не видал четырнадцать лет. Я бы желал иметь какие-нибудь сведения о них, но, к несчастью, вы ничего не знаете. [2. Т. 9. С. 176].

Интонация речи Фернандо сохранена (кроме первого предложения), тогда как речь Коррадо в переводе Островского приобретает более спокойный тон, говорящий о смирении: вместо многоточия Островский ставит вопросительный знак или точку, а восклицательную интонацию заменяет повествовательной.

На протяжении всей пьесы прослеживается эволюция героя. Островский акцентирует пробуждение в Коррадо человеческого начала, уважения к достоинству личности, подвинувшие его к решению пожертвовать собой, стать «живым трупом» ради счастья дочери.

В процессе перевода меняется структура и иерархия в соотношении героев пьесы Джакометти. Романтическая мелодрама предполагает разделение персонажей на «ангелов» и «демонов» и их столкновение. Если разграничить персонажей пьесы Джакометти, то «ангелы» – это Эмма, Розалия и Пальмиери, «демон» – аббат. Островского же интересуют сложность, неоднозначность характеров, сочетание того и другого начал в каждом герое. Эта тенденция к психологическому драматизму у писателя проявляется особенно после 1860-х гг.

Таким образом, мелодраматический герой лишается романтической экзальтации, а конфликт, построенный на резком контрасте общественных и нравственных противоречий, создаётся на материале обыкновенной жизни. Настоящим содержанием конфликта произведения Островский считает не столкновение частных интересов и характеров, хотя конфликт проявляется и в них, а противоречия любви, милосердия, сострадания и бесчувственного закона, жестокости и безнравственности.

Параллельно с переводом шла работа над оригинальной пьесой, о чём свидетельствует черновая рукопись пьесы «Лес». На серьёзные изменения структуры комедии и функций действующих лиц указывает Е.В. Измайлова, исследовавшая варианты черновой рукописи [10. С. 219–325]: «Очевидно, по ходу работы у драматурга появлялись *соображения*, сначала носившие частный характер, но потом переросшие в принципиальные изменения, *под влиянием которых* Островский не только *перерабатывает* отдельные *образы*, но *и значительно изменяет всю композицию пьесы*» [Там же. С. 195]. Текстологическое сравнение пьес «Лес» и «Семья преступника» позволяет сделать предположение, что одной из причин, повлекших структурные и идейные изменения оригинальной пьесы, могла явиться работа над переводом итальянской пьесы. На связь этих двух произведений указывает ряд сходных ситуаций, которые чётко прослеживаются в сюжетной линии и расстановке действующих лиц обеих пьес:

1. Главные герои, Несчастливцев и Коррадо, приходят издалека и не вписываются в среду.

2. Несчастные девушки – Аксюша и Ада (Эмма). В обоих случаях ради них главные герои жертвуют собой.

3. Носители «моральных» устоев описываемого общества – люди, власть имеющие: Гурмыжская – аббат. Эти персонажи лишены настоящих добродетелей.

4. Сходные состав и расстановка второстепенных персонажей: Агата (кормилица) – Улита (ключница), Гаэтано (слуга аббата) – Карп (лакей Гурмыжской).

Наибольший интерес представляет соотношение двух главных персонажей – Несчастливцева и Коррадо и работа Островского над их образами. А.И. Журавлёва пишет, что в пьесах Островского 1860–1870-х гг. формируется новый герой. «Этот герой прежде всего должен обладать развитым личностным сознанием. Пока он внутренне, духовно не чувствует себя противостоящим среде, вообще себя от неё не отделяет, он может вызывать сочувствие, но ещё не может стать героем драмы, для которой необходима активная, действенная борьба героя с обстоятельствами» [11. С. 13]. Интерес Островского привлекает «становление личного нравственного достоинства и внесословной ценности в сознании <...> городской массы» [Там же. С. 14]. Коррадо и Несчастливцев не являются «активными борцами с обстоятельствами», но своими поступками они устанавливают другую правду, которая меняет условия, установленные довлеющим обществом, и восстанавливает справедливость, утверждая силу истинных ценностей.

Изначально образ Несчастливцева был обрисован обобщённо, и трагик выглядел менее значительным, не был эмоциональным центром действия. В последующих вариантах образ Несчастливцева становится центром в развивающемся конфликте. В окончательной редакции Несчастливцев сочетает в себе дар актёра-трагика с глубокой человечностью и гуманностью труженика, его поведение характеризуется переходом от напускного, заученного пафоса к искренним сердечным порывам, выражающим глубокую человечность и горячий протест против обитателей «леса».

Большой фрагмент текста был добавлен Островским в черновой автограф, возможно, не без влияния драмы Джакометти:

Первоначальная редакция

«Несчастливцев. Ну так вот что, господа, если богатая помещица не хочет дать своей племяннице приданого, так даст бедный артист. (Вынимает из кармана деньги.)

Гурмыжская. Это очень великодушно с твоей стороны.

Несчастливцев. Не великодушно, а глупо. Хотя эти деньги мне недорого достались.

Гурмыжская. Ты, кажется, не можешь упрекать меня в скупости.

Несчастливцев. И меня вы ни в чём не упрекнёте. (Подходит к Гурмыжской и говорит её на ухо.) Возьмите ваши деньги, я не разбойник. Если хотите, отдайте их сестре, только не говорите, что от меня (Утирает слезу.)» [10. С. 322].

Промежуточная редакция

Несчастливцев. Тетушка, Раиса Павловна, благодетельница рода человеческого! Не стыдите роняйте себя перед этим почтенным обществом. Не стыдите нашу фамилию Гурмыжских! Вы заставляете меня краснеть за вас! У вас несколько тысяч десятин земли: леса, поля, угодья в разных губерниях, – а ей, бедной девушке, только и нужно тысячу рублей, для ее счастья. Разве Гурмыжская может отказать в такой сумме. Да это вздор, о котором не стоит и говорить. У вас только родственников, я да она, – она уж больше не попросит, а мне приданого не нужно. – Что значит для вас эта малость! Я бедный труженик, – да и то бы не отказал для сестры, если б только у меня были (ударяет себя в грудь)… Да они и есть, я забыл. (Вынимает деньги.) Вот они! Я было думал пожить на них в свое удовольствие барином, как следует Гурмыжскому, – надоело уж ломаться-то перед лавочниками из-за куска насущного хлеба, да и на черный день что-нибудь поберечь» [10. С. 322].

Окончательная редакция

Несчастливцев. Тетушка, Раиса Павловна! Благодетельница рода человеческого! Не роняйте себя перед почтенным обществом. Не стыдите фамилию Гурмыжских. Я краснею за вас. У вас только и родных – я да она; она уж больше не попросит, а мне приданого не нужно. Гурмыжская не может отказать в такой сумме! Вы женщина богатая, что значит для вас эта малость! Я бедный труженик; но если б у меня были... (Ударяет себя в грудь.) А? Что такое? Да они есть. (Вынимает из кармана деньги.) Вот они! Признаться, не грех бы бедняге Несчастливцеву и покутить на эти деньги; не мешало бы ему, старому псу, и поберечь их на черный день» [2. Т. 3. С. 334].

В промежуточной редакции речь Несчастливцева выполнена в мелодраматическом стиле героя «Гражданской смерти» Джакометти: по сравнению с первоначальной редакцией, усилена патетика за счёт восклицательной интонации, многословия. Все эти введения сохраняются в окончательной редакции, богаче становится эмоциональная палитра: вместо четырёх восклицательных предложений появляются три восклицательных и два вопросительных.

В окончательной редакции Несчастливцев цитирует исполненный романтической экзальтации монолог Карла Моора из «Разбойников» Шиллера: «Люди, люди! Порождение крокодилов! Ваши слезы – вода! Ваши сердца – твердый булат! Поцелуи – кинжалы в грудь! Львы и леопарды питают детей своих, хищные вороны заботятся о птенцах, а она, она!.. Это ли любовь за любовь? О, если б я мог быть гиеною! О, если б я мог остервенить против этого адского поколения всех кровожадных обитателей лесов!» [2. Т. 3. С. 337].

Эта эмоциональная напряжённость служит выражением драматического состояния героя. Несчастливцев называет две своих социальных роли: бедный труженик и барин Гурмыжский. Но он отказывается от всех социальных званий ради простого человеческого счастья сестры.

Можно указать на «перекличку» в портретных описаниях Несчастливцева и Коррадо:

Внешний облик Коррадо: «La sua fisionomia *non ha un carattere deciso: non si sa precisamente se esprima la ferocia, il disprezzo, la malinconia, la pieta, il rimorso*...»

[В его облике *нет решительного характера: неизвестно точно, выражает ли он жестокость, презрение, грусть, жалость, угрызения совести*...].

Внешний облик Несчастливцева:

Первоначальная редакция

С правой стороны из глубины показывается Несчастливцев. <...> Он, видимо, утомлён, часто останавливается, вздыхает и бросает мрачные взгляды исподлобья [10. С. 246].

Окончательная редакция

С правой стороны из глубины показывается Несчастливцев. *Ему лет 35, но на лицо он гораздо старее, брюнет, с большими усами. Черты резкие, глубокие и очень подвижные, следы беспокойной и невоздержной жизни.* <...> Он, видимо, утомлён, часто останавливается, вздыхает и бросает мрачные взгляды исподлобья [2. Т. 3. С. 272].

В первом варианте «Леса» указания на возраст, род деятельности, портрет Несчастливцева отсутствовали.

Несчастливцеву, как и Коррадо, свойственны черты мелодраматических героев: взрывной темперамент, эмоциональная возбудимость, резкость переходов в настроении. Пример того – диалог с актёром Счастливцевым. Повышенная эмоциональность героя подчёркивается авторскими ремарками:

«Несчастливцев *(берет его за ворот и держит)*. Кто? Как? <...> [2. Т. 3. С. 276].

Несчастливцев *(выпускает его)*. Ну, не надо, убирайся! В другой раз... Так вот положил он мне руку на плечо. “Ты, говорит... да я, говорит... умрем, говорит”... (*Закрывает лицо и плачет. Отирая слезы*.) Лестно. (*Совершенно равнодушно*.) У тебя табак есть?» [2. Т. 3. С. 277].

Мелодраматизм проявляется и в том, как Несчастливцев определяет истинный талант драматической актрисы: «Бросится женщина в омут головой от любви – вот актриса. Да чтоб я сам видел,

а то не поверю. Вытащу из омута, тогда поверю». [2. Т. 3. С. 279].

Так впоследствии и поступает Аксюша: «Аксюша (хватаясь за сердце). Ох, ох! Еще, еще горе! еще обман моему сердцу! За что же я себя обидела! И я, глупая, понадеялась! Разве я смею надеяться! Разве есть для меня надежда! Прощайте! (Отходит, шатаясь, потом быстрее и быстрее, и наконец бежит.)» [Там же. С. 312].

А.И. Журавлёва указала на то, что мелодраматичность образа Несчастливцева во многом определена его статусом провинциального актёра, вследствие чего грань между игрой и жизнью стирается, и тогда мелодраматизм прорывается в форме «жестокого» городского романса. Перу Несчастливцева принадлежат стихи о судьбе и погибели:

«Судьба моя, жестокая!
Жестокая, судьба моя!
Ах, теперь одна могила...» [Там же. С. 283].

Финал пьесы выдержан в мелодраматическом стиле:

«Аксюша бросается к трагику. Попросите тетушку, <…> теперь только тысячу рублей нужно, только тысячу.

Несчастливцев. А что ж в актрисы-то, дитя мое? С твоим-то чувством… Аксюша. Братец… чувство… оно мне дома нужно.

Несчастливцев (басом). Поколебалась! Что на земле незыблемо теперь?» [2. Т. 3. С. 329].

Сравнение «Леса» и «Семьи преступника», создаваемых А.Н. Островским одновременно в 1870 г., показывает процесс активного взаимодействия в творчестве драматурга традиций европейского (итальянского) театра, актуализировавшего проблему свободы и активности индивидуальной личности, и русского театра, овладевавшего искусством реалистического изображения повседневности. В переводе Островского итальянская мелодрама обретала художественную новизну исследования психологии обыкновенного (не исключительной судьбы) человека, а русская комедия через обращение к традиции европейской мелодрамы осуществляла процесс создания поэтических форм для изображения пробуждающихся высоких чувств в простом человеке.

Новый тип героя А.Н. Островского в комедии «Лес» вызвал одобрение многих русских писателей [12. С. 297]. В письме к драматургу от 31 декабря 1870 г. Н.А. Некрасов резюмировал: «...“Лес” вещь великолепная» [Там же. С. 299], а И.С. Тургенев, посмотрев «Лес» в Петербурге в 1874 г., написал: «Разыграна пьеса была довольно плохо – но какая это прелесть! – Характер “трагика” – один из самых Ваших удачных» [Там же. С. 592].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Паоло Джакометти (Paolo Giacometti, 1816–1882 гг.) – итальянский драматург. В возрасте 20 лет добился первого успеха, поставив на сцене свою драму «Розильда». Джакометти писал драмы для итальянской актрисы А. Ристори, а его трагедии составляли любимый репертуар Т. Сальвини и Э. Росси. С 1859 г. в Милане выходило восьмитомное собрание сочинений Джакометти. На сюжет его пьесы «Юдифь» русский композитор А.Н. Серов написал одноименную оперу (1863).

[2] Анализу комедии «Лес» посвящены исследования: К.Н. Державин [4], А.И. Журавлёва, М.С. Макеев [3], О.Н. Купцова [5] и др.

[3] В итальянском оригинале «гражданским трупом» (il cadavere civile) [9].

[4] Драма «La colpa vendica la colpa» была переведена М.П. Садовским к бенефису Д.В. Живокини 9 октября 1875 г.

[5] Здесь и далее перевод и курсив мой. – *И.Б.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жилякова Э.М.* Особенности реализма драматургии А.Н. Островского 70–80-х годов : дис. … канд. филол. наук. Томск, 1968. 295 с.
2. *Островский А.Н.* Полн. собр. соч. : в 12 т. М. : Искусство, 1973–1980.
3. *Журавлёва А.И., Макеев М.С.* Александр Николаевич Островский. М., 1997. 112 с.
4. *Державин К.Н. Комедия А.Н.* Островского «Лес». Л., 1940. 40 с.
5. *Купцова О.Н.* Комедия «Лес»: опыт историко-театрального комментария // Вестник Удмуртского университета. 2008. Вып. 1. С. 3–12.
6. *Вознесенская Т.И.* «Поэтика мелодрамы и художественная система А.Н. Островского. К проблеме взаимодействия». М., 1997. 190 с.
7. *Мокульский С.С.* Мелодрама // Литературная энциклопедия: В 11 т. [М.], 1929–1939. Т. 7. М. : Сов. энцикл.,1934. С. 113–129.
8. *Пульхритудова Е.М.* Мелодрама // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А.А. Сурков. М. : Сов. энцикл., 1962–1978. С. 753–755.
9. *Giacometti P.* La morte civile. URL: http://www.liberliber.it/biblioteca/g/giacometti.
10. *Измайлова Е.В.* Черновая рукопись комедии А.Н. Островского «Лес» // Записки Отдела рукописей библиотеки им. В.И. Ленина. М., 1957. Вып. 19. С. 219–325.
11. *Журавлёва А.И.* «Правда – хорошо, а счастье лучше» // Литература в школе. 1998. № 3. С. 13–14.
12. *Неизданные* письма к А.Н. Островскому. М. ; Л. : Academia, 1932. 669 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 26 июня 2015 г.

A.N. OSTROVSKY AND P. GIACOMETTI (A STUDY ON THE INTERACTION BETWEEN THE ORIGINAL AND TRANSLATED TEXTS IN THE RUSSIAN PLAYWRIGHT'S ARTWORK)

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 12–18. DOI: 10.17223/15617793/397/2

Budanova Irina B. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irinakorniltseva@mail.ru

Keywords: A.N. Ostrovsky; P. Giacometti; melodrama; translate; Russian-Italian literary relations.

The article is devoted to the aspect of Ostrovsky's artwork features while his original plays and translations were being made. The study of original and translated text interaction might show an objective picture of the creating process and peculiarity of the

playwright's aesthetics. In 1870 Ostrovsky simultaneously wrote a comedy *The Forest* and translated one of the most famous and the most repertoire Italian melodramas of the 19th century *The Civil Death* (La morte civile, 1861) by Paolo Giacometti (1816–1882). The translated version is entitled *The Family of a Criminal*. The creative interaction is revealed in the nature of the foreign text arrangement as well as the original and translated texts rapprochement. The interest in Giacometti's play as a melodrama was connected with the artistic quest of a form for creating the heroic on the basis of a person's life in the environment. The melodramatic effect that is a significant part of Ostrovsky's poetics on his way to understanding the ways of penetration into the human psychology was corrected by the social analysis and an insight into a person's behavior and feelings that are explained by the environment and life conditions. Ostrovsky's attention to Giacometti's play was explained by an acute social and political conflict and a psychological elaboration of a character's image, the character that is endowed with moral qualities. In his translation, Ostrovsky emphasizes the psychology of an ordinary person and edits significantly the image of the main character diminishing the romantic stylistics pathos and transferring it into the reality key. At the same time, in his play *The Forest,* Ostrovsky endows the main character, who is a provincial actor, with some traits of exalted romanticism and emotional rhetoric of his speech. The comparison of the plays *The Forest* and *The Family of a Criminal* that Ostrovsky created at the same time shows the process of active interaction of the original artwork and a translator's work that is revealed in the actualization of the problem of enlightening, moral and aesthetic understanding of a person. Thus, there was a process of creative interaction of artistic principles of the national Russian theatre and the European one in Ostrovsky's work. This process led the playwright to creating the artworks that are remarkable for their acute moral and social problems and deep psychological discoveries.

REFERENCES

1. Zhilyakova, E.M. (1968) *Osobennosti realizma dramaturgii A.N. Ostrovskogo 70–80-kh godov* [Features of A.N. Ostrovsky's realistic drama in the '70s and '80s]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
2. Ostrovsky, A.N. (1973–1980) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Moscow: Iskusstvo.
3. Zhuravleva, A.I. & Makeev, M.S. (1997) *Aleksandr Nikolaevich Ostrovskiy* [Alexander Ostrovsky]. Moscow: Moscow State University.
4. Derzhavin, K.N. (1940) *Komediya A.N. Ostrovskogo "Les"* [A.N. Ostrovsky's comedy The Forest]. Leningrad: Iskusstvo.
5. Kuptsova, O.N. (2008) Comedy of A.N. Ostrovsky The Forest: an experience of historical and theatrical commentary. *Vestnik Udmurtskogo universiteta –Bulletin of Udmurt University*. 1. pp. 3–12. (In Russian).
6. Voznesenskaya, T.I. (1997) *Poetika melodramy i khudozhestvennaya sistema A.N. Ostrovskogo. K probleme vzaimodeystviya* [Poetics of melodrama and the art system of A.N. Ostrovsky. On the problem of interaction]. Philology Cand. Diss. Moscow.
7. Mokul'skiy, S.S. (1934) Melodrama [Melodrama]. In: Lunacharskiy, A.V. (ed.) *Literaturnaya entsiklopediya* [Literary Encyclopedia]. V. 7. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
8. Pul'khritudova, E.M. (1962–1978) Melodrama [Melodrama]. In: Surkov, A.A. (ed.) *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Brief Literary Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
9. Giacometti, P. *La morte civile* [The Civil Death]. [Online]. Available from: http://www.liberliber.it/biblioteca/g/giacometti.
10. Izmaylova, E.V. (1957) Chernovaya rukopis' komedii A.N. Ostrovskogo "Les" [A draft manuscript of A.N. Ostrovsky's comedy The Forest]. *Zapiski Otdela rukopisey biblioteki im. V.I. Lenina*. 19. pp. 219–325.
11. Zhuravleva, A.I. (1998) "Pravda – khorosho, a schast'e luchshe" ["The truth is good, but happiness is better"]. *Literatura v shkole*. 3. pp. 13–14.
12. Ostrovsky, A.N. (1932) *Neizdannye pis'ma k A.N. Ostrovskomu* [Unpublished letters to A.N. Ostrovsky]. Moscow; Leningrad: Academia.

Received: 26 June 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 19–23. DOI: 10.17223/15617793/397/3

УДК 821.161.1, 82-313.2, 82'06

Е.Е. Завьялова

ИНТЕЛЛИГЕНТ И БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ БУДУЩЕГО: О ГЛАВНЫХ ГЕРОЯХ ПОВЕСТИ В. СОРОКИНА «МЕТЕЛЬ»

Предметом рассмотрения в статье являются образы двух главных героев повести В. Сорокина «Метель» – доктора Гарина и хлебовоза Перхуши. Речь ведётся о противопоставлении персонажей – их портретов, эмоций, речи, поступков и т.д. Фигура Платона Ильича более «современна», хотя и ориентирована на классический тип героя-интеллигента? Образ Козьмы строится в соответствии с житийной и фольклорной традицией. Доказывается, что в нём запечатлены черты Божьего человека.

Ключевые слова: главные герои; противопоставление; мифологема; житийные традиции; Божий человек.

Повесть В. Сорокина «Метель» издана в 2010 г. Литературоведов в первую очередь заинтересовали архаические, фантастические элементы в произведении, а также интертекстуальные связи в тексте. Образы главных героев пока не стали предметом отдельного рассмотрения; они нуждаются в более глубоком анализе – без этого невозможно понимание смысла художественного текста. Раскрытие идеи сорокинской «Метели» основано на противопоставлении двух персонажей. На традиционный «метельный» текст проецируются сюжетные ситуации с участием барина и кучера, хозяина и работника, интеллигента и простолюдина.

Антитеза главенствует в **портретных характеристиках**. Доктор «высокий» [1. С. 11] – хлебовоз «малорослый» [Там же. С. 16]. Гарин «крепкий» [Там же. С. 11] – у его возницы «худосочное» [Там же. С. 183], «лёгкое тело» [Там же. С. 224]. Нос Платона Ильича «крупный» [Там же. С. 50], «упрямый» [Там же. С. 11] – Козьма востроносый [Там же. С. 16, 31]. Рот у первого «мясистый» [Там же. С. 243] – у второго «сорочий» [1. С. 80]. Один «выбрит до синевы» [Там же. С. 11], с «коротко подстриженной головой» [Там же. С. 7] – другой имеет «клочковатую бороду» [Там же. С. 15] и «взлохмаченную рыжую» [Там же] «шевелюру» [Там же. С. 16]. Один то и дело дымит папиросой (фаллический символ) – другой не курит [Там же. С. 58] и т.д. Во внешности Платона Ильича отмечается телесное, плотское, доминирующее начало, а в Перхушиной (таково прозвище героя) – андрогинное, асексуальное.

Судьба персонажей принципиально отлична. Значительна разделяющая их социальная дистанция. Оба холосты: Платона Ильича бросила страдающая бесплодием супруга, Ирина; от Перхуши жена ушла, когда его «ускоп пристиг» [Там же. С. 30]. Но для Гарина – это одна из множества его любовных историй, а для Козьмы – поворотный момент в судьбе. О притязаниях доктора «свидетельствует» его подсознание: Платону Ильичу снится «большое застолье в огромном, ярко освещённом зале, напоминающем банкетный зал Дома учёных в Москве, со множеством знакомых и незнакомых людей, имеющее отношение к нему, к его профессии и частной жизни» [Там же. С. 253]. Гости поздравляют Гарина, говорят «что-то высокопарное и торжественное» [Там же]. Онейрическое пространство демонстрирует его амбициозность, нацеленность на достижение высокого социального статуса. Козьма с молодости привык подчиняться; работая на кордоне, он беспрекословно выполняет тяжёлую работу, навязанную другими артельщиками: «…ты-де ночами перхаешь, нас тревожишь, а ну давай дрова коли, печку топи, воду таскай! Проварили меня по полной за моё перханье» [1. С. 32–33].

Прямо противоположна **реакция персонажей на происходящее** (она, как правило, воспроизводится параллельно). В шатре витаминдеров «запах дорогого, драгоценного бензина, два самоката и холёных дога подействовали на доктора успокаивающе, а на Перхушу подавляюще» [Там же. С. 145]. Здесь даёт о себе знать статус героев: доктора выделяет из общей массы профессия; не являясь богатым человеком, он вхож во многие дома, привык на равных общаться с сильными мира сего – в минуту несчастий они так же слабы, как и все остальные пациенты. Хлебовоз чувствует себя неуютно в роскошной обстановке.

«Залечив» полоз мазью Вишневского с протогеном, Козьма улыбается: «Во оно как!» [Там же. С. 48]. В ответ доктор «победоносно рычит»: «А как ещё?» [Там же. С. 48]. Удивление, как утверждают психологи, реакция без достаточного осмысления [2. С. 190]. В отличие от своего возницы, Платон Ильич упивается маленькой победой. Сбившись с пути, отогревшись у костра, он готов ехать «бороться с метелью» [1. С. 208], Перхуша же начинает дремать и «совсем никуда не торопится» [Там же].

Гарин деятелен, энергичен. В доме смотрителя, требуя лошадей, доктор отчаянно жестикулирует и расхаживает по комнате: «в сердцах взмахнул руками» [1. С. 5], «негодующе качнул… головой» [Там же. С. 7], «воскликнул» [Там же. С. 8], «решительно шагнул» [Там же. С. 10]. Заспанный хлебовоз во время своего первого появления протирает глаза [Там же. С. 15], почёсывает голову, грудь, шею [Там же. С. 15–16, 18], щурится на окошко [Там же. С. 18]. С одной стороны, жесты героев свидетельствуют об их состоянии: Платон Ильич страстно желает ехать спасать больных, сонный Перхуша, напротив, не хочет выбираться из натопленной хаты. С другой – привычные формы поведения раскрывают характер. Более того, отдельные детали позволяют предугадать, как будет развиваться действие:

«– Сколько ты хочешь? – потерял терпение доктор.

Перхуша оглянулся на него, словно ожидая удара <…>.

– Пять целковых! – предложил доктор таким угрожающим тоном, что Перхуша *вздрогнул*»[1] [1. С. 17].

Далее действия Гарина обозначаются экспрессивными глаголами: «недовольно швырнул» [Там же. С. 27], «пнул… сапогом» [Там же. С. 44], «нетерпеливо оттолкнул» [Там же. С. 47].

По законам фольклорной сказки и классического романа персонажи встречают на своём пути **испытания-соблазны**. Козьма как будто не замечает их, а Платон Ильич неизменно поддаётся искушению. В то время как разомлевший хлебовоз «с жалобой в голосе» [Там же. С. 90] просится на боковую, доктор мечтает о «schöne Muöllerin» [Там же. С. 98]. Перхуша похрапывает на печке, подложив под голову полено [Там же. С. 109], – Гарин прелюбодействует с чужой женой. Возница в закуте ест горячую лапшу с куриным мясом [Там же. С. 159] – лекарь дегустирует новое наркотическое средство витаминдеров, пирамиду [Там же. С. 163]. В определённой степени Платон Ильич – представитель литературного типа героя-интеллигента (его отчество отсылает к образу Ильи Ильича Обломова, сосредоточенного на абстрактном мышлении). Гарин осознаёт неправильность своих поступков, испытывает муки совести: «Никогда не надо поступаться принципами» [Там же. С. 98]. Напряжённое внимание к отдельным побуждениям персонажа воскрешает эстетику реалистического психологического романа XIX в. с его стремлением к аналитическим дефинициям: «Устыдившись своей слабости, он устыдился и собственного стыда, а потом, устыдившись этой двойственной стыдливости, внутренне вознегодовал, обрушился на себя яростно и резко: “Идиот... сволочь... чистоплюй проклятый...”» [Там же. С. 151–152].

«Метель» В. Сорокина полна вдохновенных рассуждений о смысле человеческой жизни. Все они принадлежат Гарину, самые восторженные доктор произносит после «сияния», наркотического сеанса. Чаще всего за разглагольствованиями Платона Ильича следует смена стилистического регистра, происходит новое событие, которое девальвирует сказанное. «“…Выбирать то, что для тебя органично, что не заставит тебя потом мучиться от стыда за собственное безволие. Только эпидемия не оставляет выбора”. Оставшись в исподнем, он снял пенсне…» [Там же. С. 99]. «“Двигаться против ветра, преодолевать все трудности, все нелепости и несуразности, двигаться прямо, ничего и никого не боясь <…>”. Самокат накренился влево, ткнулся носом в снег и встал» [Там же. С. 195]. «“…Я буду достоин звания Человека, потому что я не свернул со своего пути. И это прекрасно!”. Вдруг лошади зафыркали и захрапели, топоча по протягу. Самокат сбавил ход» [Там же. С. 215–216].

Человеколюбивая риторика Гарина никоим образом не соотносится с безучастностью доктора и тем более – с его жестокими поступками. Это «двоемыслие» подчас переходит в грубый фарс. Например, когда дышащий перегаром [Там же. С. 245] Платон Ильич рассуждает над телом мёртвого великана о национальной беде – алкоголизме: «“Вот она, дичь наша русская…” <…> “Напиться и рухнуть на дороге... Бред! Русский бред!”, – усмехнулся раскрасневшийся доктор» [1. С. 243].

Для правильного понимания характеров принципиально важна **мифологическая подоплёка** событий. В интервью В. Сорокин указывает на одушевлённость стихии в произведении: «Это и субъект, и объект. И персонаж, и сцена. И герой, и декорация – задник, на фоне которого происходит действие» [3]. Метель досаждает доктору: задувает спички, когда тот пробует закурить, залепляет снегом пенсне, забивает нос. Постепенно противостояние делается более явным: «Ветер, *словно издеваясь* над ним, задул сильнее, швыряясь снегом» [1. С. 129]; «…Доктор решительно двинулся в *плюющуюся* снегом темноту» [Там же. С. 198]; «Снег не отпускал, *хватал* за окоченевшие, непослушные ноги» [Там же. С. 274]; «“Есть след!” – крикнул он, но снег попал ему в рот, и он закашлялся, кланяясь метели» [Там же. С. 130]; «“Так какого ж чёрта…” – начал было доктор, но метель влетела ему в рот» [Там же. С. 140][2].

«Чудовищных размеров снеговик с огромным, торчащим снежным фаллосом» [Там же. С. 271] встречается именно на пути Платона Ильича. Колосс «смотрит» на него, и ужас переполняет героя; он, обезумев, несётся стремглав, как Евгений из «Медного всадника»: «Доктор встретился взглядом с глазами-булыжниками. Снеговик посмотрел на Гарина. Волосы зашевелились на голове у доктора. Ужас охватил его. Он вскрикнул и кинулся прочь. Бежал, спотыкался, падал, поднимался и, стоная от ужаса, бежал и бежал снова» [Там же. С. 274]. Снеговик олицетворяет мощь необузданной стихии, которую испытывает на себе Гарин. После этого происшествия доктор уже не в состоянии противостоять обстоятельствам – его сердце наполняют страх смерти и безволие.

В душе Перхуши царит «благодарная покорность всему происходящему: метели, снежным полям, тёмному небу, доктору и пляшущему на ветру огню» [Там же. С. 208]. Он не пытается сражаться с метелью, как Платон Ильич, а метель, в свою очередь, не издевается над хлебовозом. «Клубящаяся снежная мгла» «нехотя *расступается* перед ним» [Там же. С. 141]. «Метель норовила сорвать пламя, но Перхуша *не давал* ей это сделать» [Там же. С. 207]. «“Слава Тебе, Господи!”, – пробормотал Перхуша. И словно по чудесному мановению невидимой руки летящий снег стал прореживаться, ослабевать и вскоре иссяк вовсе» [Там же. С. 213]. Козьма благополучно находит укрытие под рогожей; капор завален сугробом, внутри тепло и безопасно (очевидно, что хлебовоз спасся бы от холода, если бы не вернулся Гарин).

Козьма быстро понимает сверхъестественную природу наваждения: «В буерак чёрт столкнул!» [Там же. С. 129]; «Знать, леший нас водит…» [Там же. С. 197]. Он сильно пугается, неожиданно встретив на пути погост, принимает это за недобрый знак: «“Господи, это ж кладбище…” – выдохнул Перхуша» [Там

же. С. 138]. И приходит в ужас, наткнувшись на мёртвого великана: «Господи, да за что ж мне такое пропадание[3]?» [1. С. 239]; «Господь, видать, на меня обиделся, барин. Вот и угораздило» [Там же. С. 240]. (Реакция Гарина на покойника противоположна: «Доктор расхохотался и опрокинулся на спину» [Там же. С. 243].)

Н. Дардыкина и некоторые другие критики относят Перхушу к «маленьким людям» [4]. На наш взгляд, в образе хлебовоза скорее запечатлены черты **Божьего человека**. Трактовать выражение можно поразному, поскольку В. Сорокин апеллирует и к фольклорной, и к книжной традиции. Мы имеем в виду: 1) бессребреничество героя («нищий»), 2) его честность и совестливость (диалектное значение, согласно ЯОС), 3) странности хлебовоза («блаженный»), 4) религиозность Козьмы (такое значение словосочетания присуще разговорной речи) и, наконец, 5) близость к Богу («святой»).

Козьму отличают умиротворённость, кротость, смирение, сострадание, бесхитростность, бескорыстность, чистота. Его физиономия практически всегда «всем совершенно довольна» [Там же. С. 31] (в то время как на лице Платона Ильича царит «выражение сосредоточенного недовольства» [Там же. С. 11]). Козьма – «мужик, к барышу равнодушный» [Там же], у него двор без ворот, дверь без запора, изба почти без мебели, а в отличном состоянии находится только конюшня. Беспримерна любовь хлебовоза к лошадкам; сцены, в которых показаны взаимоотношения Перхуши со своими подопечными, проникнуты тонким лиризмом.

Сердечная забота Козьмы о животных сочетается с полным равнодушием к собственной персоне. Его внешность неказиста: узкие плечи, кривые ноги, клешнеобразные руки, неровные зубы. О неухоженности свидетельствуют клочковатая борода, взлохмаченная шевелюра, «большие заскорузлые пальцы с грязными ногтями» [Там же. С. 15], тулуп со старой дыркой. Эти признаки соотносятся с иконографической традицией изображения юродивых: «лёгкое тело» [Там же. С. 224], растрёпанные волосы, «худые ризы», грязь.

Гарин беспрестанно называет хлебовоза дураком («с ненавистью… к дураку и ротозею Перхуше… к дурацкому самокату с дурацкой расписной спинкой и дурацкими карликовыми лошадьми в дурацком фанерном капоре» [Там же. С. 138–139]). Тот и сам так себя именует, когда огорчён потерей гвоздя: «Дурак, потому и упустил. <…> Дурак я, дурак» [Там же. С. 262].

Истории с «трогательными» дельфинами, с коконом бабочки свидетельствуют о том, что этот человек всегда был не от мира сего. Эпизоды из прошлого Перхуши включают ряд мотивов, свойственных житийной литературе: стремление к богоугодной жизни, отвержение детских игр, уход из отчего дома. Ребёнком он смиренно выносит порку сам, но не может видеть, как секут других: «Когда кого раскладывать на лавке начинают, мне прям плохо делалось, чуть не падал» [Там же. С. 193]. «А подрос когда, как драку увижу – так тоже плохо, словно брёвна ворочаю» [1. С. 193]. Церковь признает истинными непостижимые для ума, но доступные сердцу представления, которые приобретаются при покаянном видении мира. Безотчётно, интуитивно знание Козьмы: «Я как со злыднем столкнуся – словно заболею. Рвать тянет, будто падали наелся» [Там же. С. 192].

В речь хлебовоза включены несколько оборотов с ошибочным словоупотреблением, которые на мифопоэтическом уровне свидетельствуют о его связи с потусторонним миром: «Коня доверил ему Вавила, *покойный* конюх купца Рюмина» [Там же. С. 109]; «…он вспомнил игрушечного слона, которого *покойный* отец принёс шестилетнему Козьме с ярмарки» [Там же]; «Он вспомнил, как они с *покойным* отцом по осени резали камыш…» [Там же. С. 191]. Стилистическая игра выявляет **проницаемость границы между бытием и небытием**, как будто Перхуша живёт и не живёт одновременно (не случайно в эпиграф вынесены блоковские строчки «Покойник спать ложится / На белую постель…» [Там же. С. 5]).

Хлебовоз очень часто сравнивается с птицей («заулыбался своей птичьей улыбкой» [Там же. С. 88], «улыбнулся своей птичьей улыбкой» [Там же. С. 115], «со своей птичьей улыбкой» [Там же. С. 160], «птичье лицо» [Там же. С. 209, 222], «птичий рот» [Там же. С. 225], «улыбка его птичьего рта» [Там же. С. 240], «проступило птичье» [Там же. С. 296]), с галкой («профиль… как у галчонка» [1. С. 37], «стоял, как мокрая галка» [Там же. С. 243]), с сорокой («сорочья голова» [Там же. С. 79, 113], «сорочий рот» [Там же. С. 80], «вертел головой, как сорока» [Там же. С. 140]). Можно вести речь о заурядной внешности, осёдлости и всеядности врановых (галка, сорока), на которые намекает В. Сорокин, описывая героя. Но существеннее иной аспект. Немецкая монахиня XII в. св. Хильдегарда Бингенская писала: «Птицы холоднее животных, живущих на земле, т.к. размножаются не за счёт сильного жара желания. Их мясо чище, чем мясо наземных животных, потому что они не выползают обнажёнными из тела своей матери, а покрыты скорлупой. Некоторые живут за счёт огненного воздуха и поэтому всегда стремятся, как огонь, вверх» [5. С. 11]. Эти характеристики соответствуют сущности хлебовоза: половой индифферентности (символом которой являются его «вставшие на половине шестого часы-ходики» [1. С. 14]) и устремлённости вверх («как огонь» (!)). Принципиально важно, что предсмертное видение Перхуши тоже содержит картину вознесения в «огненном воздухе»: «он хватает её [бабочку] за толстые шелковистые ноги, она поёт, взмахивает крыльями и вылетает в горящее окно, выносит Козьму в огненное окно…» [Там же. С. 293].

С образом Перхуши связан целый ряд **символических деталей**. Он живёт в доме под номером семь [Там же. С. 11] (сакральное число). Возит хлеб (основной элемент таинства евхаристии) – и несколько раз показывается жующим ломоть либо крошащим его своим лошадкам; две хлебных корки находят потом в кармане Козьмы. В сенях Перхуши пахнет «ульями, пергой и воском» [Там же. С. 14], он хотел бы завести пасеку

(пчёлы и мёд символизируют Христа, бессмертие, чистоту души). Дельфин и бабочка, о которых велась речь выше, в религиозной символике отождествляются с Творцом, спасением, воскресением.

В связи с Гариным упоминаются пихор, пенсне, носорог, слон, медведь, снеговик. Название долгополой дублёнки встречается в тексте 15 раз. Возможно, для писателя было важно азиатское происхождение лексемы[4]. Или созвучие с прозвищем возницы, который согрел доктора ценой своей жизни. Или фонетическое сходство с ранневосточнославянским корнем «пьх-» (“толкать”). Ср.:

«– Пахтай меня, хороший мой… – зашептала она в его щёку…» [1. С. 103];

«– Пихнём назад? – Кинув топор, Перхуша упёрся в нос самоката.

– Пихнём! – Доктор упёрся с другого бока» [Там же. С. 251].

Пенсне – традиционный атрибут доктора-интеллигента из классической литературы. И – романтический символ непрямого, искажённого взгляда. Носорог, слон, медведь – типично мужские символы, олицетворяющие необузданную силу. По поводу мотива снеговика в повести пишет М. Липовецкий: «Если в сценах с мельничихой доктор дважды сравнивается со снеговиком, то уже перед встречей с витаминдерами Гарин напоминает Перхуше снежную бабу, что наводит на подозрение о том, что именно в героическом докторе и кроется источник сексуального возбуждения снежного гиганта» [6].

Итак, следствием обращения к традиционным «амплуа» классической литературы становится очевидное противопоставление двух главных героев – их портретов, эмоций, речи, поступков и т.д. Образ Козьмы чаще строится в соответствии с фольклорной и библейской традицией, а фигура Платона Ильича более «современна», реминисценции, с ней связанные, порой носят весьма экзотический характер.

Развязку сам В. Сорокин комментирует следующим образом: «Я слишком очарован нашей интеллигенцией. Если бы я был разочарован, доктор Гарин, по всей вероятности, замёрз бы вместе с Перхушей. А так он выживает, хоть и напрочь отморозив себе ноги. Для настоящего русского интеллигента это, безусловно, счастливый конец» [8]. Некоторые исследователи приняли это заявление за чистую монету и объяснили «несостоятельность» [9] образа интеллигента авторскими недоработками. На наш взгляд, каждый из героев получает по заслугам. Рыдающего Платона Ильича с отмороженными ногами тащат в поезд, в его жизни наступает нечто «тяжкое, суровое, о чём он раньше и помыслить не мог» [1. С. 301]. А Козьму ждёт освобождение – смерть, с которой хлебовоз уже давно примирился. Бабочка, мёртвая голова, прекрасная, «как ангел» [Там же. С. 292], с пением выносит его «в окно огня» [Там же]. Как писал Боэций, «мысль о смерти более жестока, чем сама смерть».

В. Сорокина называют ярким представителем московского концептуализма, наиболее радикального течения в русском постмодернизме, дискредитирующего имитируемые тексты [7. С. 26]. Но лирические интонации «Метели» позволяют сделать вывод, что писатель всерьёз следует традиции мифологизации народного бессребреничества. Гуманистическая функция авторской иронии в повести очевидна.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее курсив мой. – *Е.З.*

[2] Заметим, что, в отличие от других персонажей, Гарин чертыхается на каждом шагу, что позволяет провести параллель с гоголевским Хомой Брутом или с Чичиковым. И там и там активизируется мифологическое значение оборотов.

[3] Пропадание – гибель, исчезновение, отпадание.

[4] В 1960-е гг. на лэйбле китайских детских курток на меху было написано «пи-хо-ра».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сорокин В.* Метель. М. : Астрель: АСТ, 2010. 304 с.
2. *Изард К.Э.* Психология эмоций. СПб. : Питер, 2000. 464 с.
3. *Кочеткова Н.* Обнять Метель // Известия. 2011. 22 февраля.
4. *Дардыкина Н.* Обойдёмся без мата! // Московский комсомолец. 2011. 11 ноября.
5. *Евсеев И.* Люди и птицы // Зори-Zorile. 2006. № 2 (162). С. 11.
6. *Липовецкий М.* Метель в ретробудущем: Сорокин о модернизации // OpenSpace. Литература. 2010. URL: http://os.colta.ru/literature/projects/13073/details
7. *Прохорова Т.Г.* Постмодернизм в русской прозе. Казань : Изд-во КГУ, 2005. 96 с.
8. *Руднер Е.* Владимир Сорокин написал «Метель» // Сноб. 2010. 4 апреля.
9. *Даниленко Ю.Ю.* Реминисценции классики в современном тексте (на материале повести «Метель» Владимир Сорокина) // Филологический класс. 2012. № 2. С. 113–116.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 3 июня 2015 г.

THE INTELLIGENT AND MAN OF GOD FROM THE FUTURE: ON THE MAIN CHARACTERS OF THE STORY *THE SNOWSTORM* BY V. SOROKIN

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 19–23. DOI: 10.17223/15617793/397/3

Zavyalova Elena E. Astrakhan State University (Astrakhan, Russian Federation). E-mail: zavyalovaelena@mail.ru

Keywords: main characters; juxtaposition; mythologies; hagiographic tradition; man of God.

Sorokin's story *The Snowstorm* was published in 2010. Researchers in literature are primarily interested in the archaic and fantasy elements in the work, as well as its intertextual relations. The main characters have not yet become subjects of a separate study; they need a deeper analysis for better understanding of the meaning of the literary text. The disclosure of the story's ideas is based on the opposition of two characters. The traditional *Snowstorm* text projects plot situations involving a gentleman and a coachman, an owner and an employee, an intellectual and a commoner. Antithesis dominates in the portrait characteristics. The appearance of Platon Ilyich is bodily, carnal, dominant, while Perkhusha's is androgynous, asexual. The fates of the characters are fundamentally different. A significant social distance separates them. The characters have opposite reaction to what is happening. According to the laws of folk tales and classic novels, the characters meet tests-temptations on their way, Kozma does not seem to notice them, while Platon Ilyich always gives in to temptation. *The Snowstorm* by V. Sorokin contains a large number of inspirational reflections about the meaning of human life. They all belong to Garin, the doctor pronounces the most enthusiastic ones after a narcotic session. Most often the rhetoric of Platon Ilyich is followed by the stylistic register shift; there is a new event that supposedly devalues the said. The philanthropic rhetoric of Garin is in no way correlated with the indifference of the doctor and his violent actions. This "doublethink" sometimes turns into a gross farce. For a proper understanding of the characters the mythological background of the events is fundamentally important. The snowstorm annoys the doctor, blowing out a match when he tries to light a cigarette, closes up his eyeglasses with snow, clogs his nose. Gradually, the opposition is more obvious. In the soul of Perkhusha there reigns obedience to all events. He does not try to fight the snowstorm as Platon Ilyich, and the snowstorm does not mock the man delivering bread. Kozma quickly realizes the supernatural nature of obsession. The image of Perkhusha has the traits of man of God (unselfishness, honesty and conscientiousness, eccentricity, religiosity, closeness to God). Kozma is characterized by tranquility, gentleness, humility, compassion, simple-mindedness, disinterestedness, purity. Perkhusha's speech includes several phrases with wrong word usage which at the mythopoetic level indicate his connection with another world. The consequence of using the traditional "roles" of classical literature is an obvious juxtaposition of the two main characters at the level of their portraits, emotions, speech, actions, etc. The image of Kozma is often constructed in accordance with the folklore and biblical tradition and the figure of Platon Ilyich is more "modern", the reminiscences associated with it are sometimes very exotic. The humanistic function of the author's irony is obvious in the story.

REFERENCES

1. Sorokin, V. (2010) *Metel'* [The Snowstorm]. Moscow: Astrel': AST.
2. Izard, K.E. (2000) Psikhologiya emotsiy [Psychology of emotions]. St. Petersburg: Piter.
3. Kochetkova, N. (2011) Obnyat' Metel' [To hug The Snowstorm]. *Izvestiya*. 22 February.
4. Dardykina, N. (2011) Oboydemsya bez mata! [We will do without swear words!]. *Moskovskiy komsomolets*. 11 November.
5. Evseev, I. (2006) Lyudi i ptitsy [People and birds]. *Zori-Zorile*. 2 (162). p. 11.
6. Lipovetskiy, M. (2010) *Metel' v retrobudushchem: Sorokin o modernizatsii* [The Snowstorm in retro-future: Sorokin on the modernization]. [Online]. Available from: http://os.colta.ru/literature/projects/ 13073/details.
7. Prokhorova, T.G. (2005) *Postmodernizm v russkoy proze* [Postmodernism in Russian prose]. Kazan: Kazan State University.
8. Rudner, E. (2010) Vladimir Sorokin napisal "Metel'" [Vladimir Sorokin wrote The Snowstorm]. *Snob*. 4 April.
9. Danilenko, Yu.Yu. (2012) Reministsentsii klassiki v sovremennom tekste (na materiale povesti "Metel'" Vladimir Sorokina) [Reminiscences of the classics in the modern text (based on the story The Snowstorm by Vladimir Sorokin)]. *Filologicheskiy klass*. 2. pp. 113–116.

Received: 03 June 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 24–26. DOI: 10.17223/15617793/397/4

УДК 811.161.1'04+811.163.1 (47)

О.Г. Коньшина

РАЗНОЧТЕНИЯ В ДВУХ ПОВТОРЯЮЩИХСЯ СЛОВАХ НА ВОЗДВИЖЕНИЕ КРЕСТА, ВХОДЯЩИХ В СОСТАВ МИНЕЙНОГО ТОРЖЕСТВЕННИКА БАН, Ф. 39, 21.4.4. (НОВ. 928)

Рассматриваются разночтения в двух Словах на Воздвижение Честного Животворящего Креста Андрея Критского, входящих в состав сборника БАН, ф. 39, 21.4.4. (Нов. 928): СВК 5 и СВК 6. По объему и содержанию СВК 5 имеет много общего со Словами на Воздвижение Креста в ВМЧ, в РГБ ф. 304. I/ 1897 и РГБ ф. 304. I/ 404, а СВК 6 – в РГБ ф. 304. I/ 1656. СВК 5 и СВК 6 – списки двух редакций одного памятника. Архетипы редакций являлись самостоятельными переводами или списками с греческого источника.

Ключевые слова: минейный Торжественник; церковнославянский язык; Слово на Воздвижение Креста; Андрей Критский.

Предметом нашего исследования является лексическая вариативность в двух Словах на Воздвижение Честного Животворящего Креста, входящих в состав минейного Торжественника БАН, ф. 39, 21.4.4. (Нов. 928). Это конволютный сборник, составленный и переплетенный в XIX в., но 76 из 77 составляющих его произведений написаны во второй половине – конце XVI в. [1. С. 159].

Целью данной статьи являются выявление и классификация разночтения, а также определение причин их возникновения.

Всего в сборнике восемь Слов на Воздвижение Креста, но только два из них являются повторяющимися. В сборнике они расположены одно за другим, написаны одинаковым почерком, на одинаковой бумаге, одинаковыми чернилами и имеют буквенную нумерацию Å (5) и Z (6) под титлом, что соответствует их сегодняшнему положению в сборнике. В дальнейшем мы будем их именовать СВК 5 и СВК 6. Очевидно, минейный Торжественник БАН, ф. 39, 21.4.4. (Нов. 928) сознательно составлялся из нескольких различных произведений, посвященных одному празднику. Возможно, повторяющиеся произведения привлекли составителя своей непохожестью: разный объем, видимо, принадлежность разным авторам, разные редакции.

СВК 6 значительно больше по объему СВК 5: 18 страниц и 6 страниц соответственно. Хотя большая часть текста совпадает, тем не менее, СВК 6 содержит значительную часть текста, отсутствующую в СВК 5. В свою очередь и СВК 5 содержит фрагменты текста, не имеющие параллелей в СВК 6.

По объему и содержанию СВК 5 имеет много общего со Словами на Воздвижение Креста, находящимися в Великих Минеях Четьих (ВМЧ) в РГБ ф. 304. I / 1897 (л. 58 – 61 об.)[1] и РГБ ф. 304. I / 404 (л. 267 – л. 269 об.)[2], но имеет разночтения и с ними. Так, СВК 404 короче. СВК 6 по объему и содержанию близко к Слову на Воздвижение Креста в РГБ ф. 304. I / 1656 (л. 198 об. – л. 208)[3] и также имеет с ним некоторые разночтения. Слово на Воздвижение Креста в Великих Минеях Четьих составлялось на основании нескольких источников. Известно, что в средневековой церковнославянской традиции существовали две редакции Слова на Воздвижение Честного Животворящего Креста, приписываемого Андрею Критскому: краткая и пространная. Исследуемые нами СВК 5 и СВК 6 являются списками Слова на Воздвижение Андрея Критского. Так, СВК 5, СВК 404 и СВК 1897 являются списками краткой редакции, а СВК 6 и СВК 1656 – списками пространной редакции. Соответственно, СВК 5 и СВК 6 представляют собой списки двух редакций одного памятника. Этим объясняется значительное количество разночтений: в общих местах СВК 5 и СВК 6 они составляют 80% от всего текста. Архетипы редакций, вероятнее всего, не имели отношений «протограф – список» и являлись самостоятельными переводами с греческого источника или же списками с таковых. «Греческие памятники также существовали в многочисленных списках, в них могли быть свои разночтения, так или иначе проявившиеся при редактировании существовавших славянских переводов или в осуществляемых заново» [2. С. 26].

Структурные различия данных текстов следующие: в заглавии СВК 5 нет указания на авторство, тогда как СВК 6 озаглавлено «**Ѧндрѣа єп(иско)па критскаго слово на воз(д)вижение Ч(єс)тнаго и животворящаго Кр(єс)та**». Слово на Воздвижение в ВМЧ, СВК 404 и СВК 1656 также обозначены как произведения Андрея Критского.

СВК 5 начинается: «**Кр(єс)тоу пра(зд)ньство твори(м) и всє ц(ь)рковноє исполнениє озаряєтъ...**» – этот фрагмент отсутствует в СВК 6, а начинается оно словами: «**Кр(єс)та праз(д)никъ творимый, радостными зарѧми вселенныа сиаєтъ лицы...**» – в СВК 5 этот фрагмент стоит на втором месте.

Далее представлены классификация и интерпретация разночтений, выявленных нами в текстах СВК 5 и СВК 6.

Обнаруженные нами фонетические разночтения в большей степени отражают графику и орфографию протографов, нежели особенности говора. СВК 5 и СВК 6 представляют русский извод церковнославянского языка. Написаны они были в середине XVI в., когда южнославянское влияние ослабло, но его последствия перешли в гомилии из протографов. В обоих текстах отмечается последовательное употребление **оу, ѡ (оумер(ь)швенъ – оумрьщвенъ, съкроушишасѧ – сокроушити, мироу – мироу; ѡставлєше – ѡстави(в)шє, приѡбрѣтє – приѡбретесѧ)**, неполногласных форм **(грады, злато, сребро, дражаша – грады, злато), кы, гы (рѣкы – врагы)**, а также последовательное написание рефлексов типа *trъt/trьt за редким исключением, чаще в СВК 5: **дръжава – дръзость, оумрьщвенъ, гръдыню**, НО: **оумер(ь)щвенъ, смертъ, первїє – дер(ь)зновенїе**

(здесь и далее на первом месте стоит пример из СВК 5, а на втором – из СВК 6).

Фонетические варианты **оумерщвенъ а оумрьщвенъ** отражают не только разницу в СВК 5 и СВК 6, но и иллюстрируют разницу в краткой и пространной редакциях, так как СВК 404 и СВК 1897 содержат форму **оумерщвенъ** как и СВК 5, а СВК 1656 – **оумрщвенъ**, подобную форме **оумрьщвенъ** в СВК 6 и отражающую отсутствие звука на месте **ь** в говоре писца.

В одном случае мы встречаем влияние произношения писца на написание в СВК 6: **тма, во тмѣ а тьма, во тмѣ**.

Непонятным скриптору было слово в протографе СВК 6, которое он передал как **бодаанииє (wбраза зрѣти крестнаго велико моужества бодаанииє)**. В Словах краткой редакции этот фрагмент отсутствует, а в СВК 1656 оно предано как **бодѣние (wбраза зрѣти крестнаго велико моужества бодѣние)**. В обоих случаях мы имеем дело с искажением слова **бъдѣниіе**, известного по старославянским рукописям с X–XI вв. [3. С. 103; 4. С. 196–197].

Написание в СВК 6 **дрꙋдниko(мъ)** следует отнести к lapsus calami[4] или к спонтанным ошибкам, как их определяет Д.С. Лихачев [5. С. 67]. Фрагмент, содержащий это слово, отсутствует в краткой редакции, а в СВК 1656 мы находим правильное написание: **трꙋдниko(мъ) покой.**

Лексико-морфологические варианты представлены следующими примерами: **на небеса – на небо, чистоты печать – чистотѣ печать, верхъ чюдесъ – чюдесемъ верхъ, творимъ а творимый, wставлєше а wставивше.**

Формы причастий прошедшего времени действительного залога **wставлєше – wставивше** образованы от разных видов глагола. В этом контексте в СВК 404, СВК 1897 и СВК1656 употреблены формы несовершенного вида: **оставльши – wставльше – wставльше**. Употребление формы совершенного вида **wставивше** в СВК 6 не было случайным, редактору важно было выразить завершенность этого действия: с **распѧтымъ възносимсѧ землю wстави(в)ше долє съ грѣхомъ**.

Лексико-словообразовательные варианты, выделенные нами: **противныа – соупротивнаа, оулоучили – полоучили, здравіюдавецъ – здравиюдатєль, празньство а праздникъ.** Слово **пра(з)ньство** встречается в СВК 5 четыре раза в тех местах, где в СВК 6 стоит лексема **праз(дь)никъ**. У И.И. Срезневского [4. С. 1369] мы обнаруживаем только два значения слова **пра(з)ньство**: бездействие; остановка в работе. Вряд ли редактор употребил слово в таком значении, это также спонтанная ошибка. Тем более что в СВК 404 в этом же контексте стоит **празднєство** / **праздньство**, а в СВК 1897 – **праз(д)ньство** / **праз(д)нество:** праздность; праздник, торжество [4. С. 1368]. У слова **праз(дь)никъ** шесть значений[5], одно из которых «день церковного воспоминания о святых или о священном событии». **Пра(з)ньство празднєство праздньство и праз(дь)никъ** к XVI в. стали синонимами. В «Словаре русского языка XI–XVII веков» у слова *празнество (праздень-, праздн-, праздьнь-, празн-, празнь-)* и слова *праздникъ (праздьникъ, празникъ)* первые значения совпадают: 1. Торжество, часто имеющее сакральный характер и сопровождаемое ритуальными культовыми отправлениями; дни, установленные для этого торжества; праздник [6. С. 127–128]. Оба синонима употребляются в церковнославянской литературе с X в. [3. С. 497–498].

Собственно лексические и лексико-семантические разночтения составляют большую часть выявленных различий: **ликоствоюютъ – празноюютъ, веселѧтсѧ – радостнаа приносѧтъ, горкый змій – лютый змій, затворы идольстіи – адовы вереа, Господь – Христос, лоучами – зарѧми, хранитєль – стражь**. Многие пары таких различий являются синонимами только в контексте: **лоучами радостными всего мира wзарѧетъ – радостными зарѧми вселенныа сиѧетъ лицы**.

Выбор переводчиками или редакторами варианта из пары **съ пропеншимсѧ – с распѧтымъ**, по нашему мнению, не был спонтанным. **Пропеншийсѧ** – эпитет Христа, пожертвовавшего собой ради человечества, отсюда и активная форма причастия; **распѧтый** – эпитет Христа страдавшего, поэтому форма причастия пассивная.

Подобным образом различаются и **горѣ възходи(мъ)** «совершаем подвижничество», так как восхождение в гору тяжело и **възносимсѧ**, т.е. «поднимаемся вверх по воле Божьей», без усилий.

СВК 5 отличается от СВК 6 еще и тем, что в СВК 5 из восьми случаев величания креста в четырех крест выступает субъектом действия: **wзарѧетъ** (2), **им же тма попрана бысть, а свѣ(тъ) приведе, съ собою въз(д)визае(тъ) ро(дъ) ч(є)л(ове)чь.** В СВК 6 в параллельных местах субъект иной, кроме двух случаев: **крестъ зарѧми сиѧетъ лицы и съвозноситъ долѣ лежащее ч(є)л(ове)чьстее.** Субъект влияет на выбор глагола: (крест) **свѣ(тъ) приведе – свѣтъ въведесѧ.**

Редактор или переводчик при создании пространной редакции Слова на Воздвижение Честного Животворящего Креста Андрея Критского руководствовался мотивом создания боле ярких образов. Поэтому в параллельных местах в СВК 6 мы находим глаголы, называющие более интенсивные действия, чем глаголы в СВК 5: **тма попрана бысть а тма прогнана бысть, кр(ес)тъ гавлѧемъ бываетъ – кр(ес)тъ възносимъ естъ, wгнѧ оугашенїе – wгню погашенїе**. Существительные – эпитеты креста в СВК 6 также более специализированы в значении: **воино(мъ) побѣда – воєводамъ побѣда, градо(мъ) хранитєль – градомъ стражь, поганымъ прогонитє(ль) – поганымъ стреканїе, глава – глави(з)на**.

Таким образом, большое количество разночтений на разных языковых уровнях в СВК 5 и в СВК 6, являющихся представителями краткой и пространной редакций Слова на Воздвижение Честно-

го Животворящего Креста Андрея Критского, позволяет нам утверждать, что краткая и пространная редакции данной гомилии возникли в церковнославянской традиции независимо друг от друга и являются либо разными переводами одного и того же Слова, либо представляют переводы разных его редакций, осуществленных еще на греческой почве.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] РГБ. Ф. 304. I/1897(л. 58 – 61 об.); далее – СВК1897.
[2] РГБ. Ф. 304. I/404(л. 267 – л. 269 об.); далее – СВК404.
[3] РГБ. Ф. 304. I/1656 (л. 198об. – л. 208); далее – СВК 1656.
[4] Lapsus calami (лат.) – «ошибка пера», описка.
[5] Празьдникъ – торжество, празднование; праздничное угощение, праздник; веселье; праздник, день церковного воспоминания о святых или о священном событии; изображение на иконе священного события; обряд.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мудрова Н.А.* Рукописные книги в библиотеках Строгановых XVI – начала XVIII в. // Современные проблемы археографии : сб. ст. по материалам конференции, проходившей в Библиотеке РАН 25–27 мая 2010 г. СПб., 2011. С. 153–164.
2. *Панин Л.Г.* Лексика церковнославянской гомилетики (о причинах появления лексических различий в списках минейного Торжественника) // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). Новосибирск, 1989. С. 5–29.
3. *Старославянский* словарь (по рукописям X–XI веков) / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др. ; под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М. : Рус. яз., 1999. С. 103, 497–498.
4. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. С. 196–197; Т. 2, вып. II. С. 1368–1369.
5. *Лихачев Д.С.*, при участии А.А. Алексеева и А.Г. Боброва. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). СПб. : Алтейя, 2001. С. 67.
6. *Словарь* русского языка XI–XVII вв. Выпуск 18 (Протока – Преначальный). М. : Наука, 1992. С. 127–128.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 июня 2015 г.

DIFFERENCES IN TWO REPEATING WORDS IN THE HOMILY ON THE EXALTATION OF THE HOLY CROSS, PART OF THE COLLECTION OF THE LIBRARY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, FUND 39, 21.4.4 (NEW 928)

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 24–26. DOI: 10.17223/15617793/397/4
Konshina Oksana G. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: o-momot@rambler.ru
Keywords: Menology; Church Slavonic language; Homily on the Elevation; Andreas Cretiensis.

The report presents an analysis of differences in two Homilies on the Exaltation of the Holy Cross by St. Andrew of Crete in handwritten menology, part of the collection of the Library of the Russian Academy of Sciences, Fund 21.4.4, that was written in late 16th century (most of the works) and book-bound in the 19th century. The repeating works Homily 5 and Homily 6 attracted the compiler by dissimilarity: different size and a large number of discrepancies. Homily 6 is bigger than Homily 5: 18 pages and 6 pages respectively. Homily 5 has common features with homilies on the Exaltation in Great Menology, the Russian State Library Fund 304. I/ 1897 and the Russian State Library Fund 304. I/ 404. Homily 6 has common features with the Russian State Library Fund 304. I/1656. Homily 5 and Homily 6 are different copies of two editions of one manuscript. Two editions of A Homily on the Exaltation of the Holy Cross by St. Andrew of Crete existed in medieval Church Slavonic tradition. Homily 5, the Russian State Library Fund 304. I/ 1897 (p. 58–61**)** and the Russian State Library Fund 304. I/ 404 (p. 267–269) are copies of the short edition. Homily 6 and the Russian State Library Fund 304. I/1656 (p. 198–208) are copies of the long edition. Accordingly, Homily 5 and Homily 6 are copies of two different editions of one work. This explains the large number of discrepancies in common places. They comprise 80% of the text. Archetypes of the editions were independent translations from the Greek source or its copies. Homily 5 and Homily 6 are the Russian recension of the Church Slavonic language. The found discrepancies reflect the graphics of the protographs rather than a particular dialect of a scriber. The morphological and derivational varieties emerged independently of each other. Lexical discrepancies account for most differences. The editor or the translator was guided by the motive to create more vivid images when creating A Homily on the Exaltation of the Holy Cross by St. Andrew of Crete. The analysis of the discrepancies allowed concluding that the editions appeared independently.

REFERENCES

1. Mudrova, N.A. (2011) [Handwritten books in the libraries of the Stroganovs of the 16th – early 18th centuries]. *Sovremennye problemy arkheografii* [Modern problems of Archeography]. Proc. of the Conference held at the Library of the Russian Academy of Sciences, 25th to 27th May, 2010. St. Petersburg. pp. 153–164. (In Russian).
2. Panin, L.G. (1989) Leksika tserkovnoslavyanskoy gomiletiki (o prichinakh poyavleniya leksicheskikh razlichiy v spiskakh mineynogo Torzhestvennika) [Vocabulary of Church Slavonic homiletics (on the reasons for lexical differences in the copies of the Calendar Torzhestvennik)]. In: Panich, T.V. (ed.) *Khristianstvo i tserkov' v Rossii feodal'nogo perioda (materialy)* [Christianity and the Church in Russia of the feudal period (materials)]. Novosibirsk: Nauka.
3. Tseytlin, R.M. et al. (eds.) (1999) *Staroslavyanskiy slovar' (po rukopisyam X–XI vekov)* [The Old Slavonic Dictionary (by the manuscripts of the 10th and 11th centuries)]. Moscow: Russkiy yazyk.
4. Sreznevskiy, I.I. (1893) *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the dictionary of the old Russian language by written monuments]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk.
5. Likhachev, D.S. et al. (2001) *Tekstologiya (na materiale russkoy literatury X–XVII vv.)* [Textology (based on the Russian literature of the 10th–17th centuries)]. St. Petersburg: Alteyya.
6. Bogatova, G.A. (ed.) (1992) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian of the 11th– 17th centuries]. V. 18. Moscow: Nauka.

Received: 23 June 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 27–32. DOI: 10.17223/15617793/397/5

УДК 811.161.1

О.Ю. Маклюкова

ЧАСТИЦА *ДА* В ОТВЕТАХ НА ВОПРОС (В КОНТЕКСТЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПАРАМЕТРИЗАЦИИ)

Автор ставит проблему лексикографического представления частицы ДА в учебных целях, рассматривает частицу ДА в разных словарях, из чего заключает, что необходимо более пристальное изучение частицы в аспекте прагмалингвистики. В связи с этим рассматривается функционирование ДА в реактивных репликах при ответе на вопрос; составляется классификация речевых актов; выявляются значения ДА в результате анализа интонирования речевых актов, в которых употребляется частица.

Ключевые слова: модальная частица; лексикография; словарь частиц; экспрессивность; русский язык как иностранный.

Словарь частиц для иностранцев является логическим продолжением работы над «Словарём служебных слов русского языка» [1] кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета. Особое назначение словаря требует выделения и новых параметров его описания. Причиной, по которой мы обратились к разработке словаря частиц для иностранцев, являются, во-первых, трудности в интерпретации значений частиц иностранными учащимися на всех этапах изучения русского языка при высокой частотности «мелких слов», особенно в диалогической речи, во-вторых, ошибки в употреблении частиц и боязнь их использовать. Наибольшую трудность для иностранных учащихся представляют модальные частицы, так как они ещё недостаточно осмыслены в теоретическом плане, а также отсутствуют какие-либо методические разработки, посвящённые изучению модальных частиц.

Лексикографическое описание частиц в учебных целях целесообразно начинать с их «портретного» представления. Почему выбран такой подход? Как отмечает Е.А. Стародумова, «традиционные словарные характеристики служебных единиц явно не отражают ни их индивидуальной семантики, ни их синтаксических, коммуникативных и других свойств» [2. С. 157], поэтому опираемся на её монографическое представление. В связи с этим в данной статье предпринята попытка проанализировать употребление частицы ДА в реактивных репликах как характерное для неё в диалогической речи. Функционирование частицы в разных типах речевых актов используется в качестве одного из главных параметров при описании модальных частиц в учебных целях. О важности изучения модальных частиц пишут А.Н. Баранов, И.М. Кобозева, замечая, что без них изучение разговорной речи является неполным, так как «в количественном и качественном отношении они составляют весьма существенную часть обыденного разговора» [3. С. 45].

Частица ДА была проанализирована в следующих словарях: (1) Э. Шимчук, М.Г. Щур «Словарь русских частиц» [4], (2) «Словарь структурных слов русского языка» под редакцией В.В. Морковкина [5], (3) «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова [6], (4) С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова «Толковый словарь русского языка» [7] и (5) «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова [8]. В «Словаре служебных слов русского языка» [1] частица ДА не представлена. Наибольший интерес для нас представляют словари (1) и (2), так как являются специализированными – описывают только частицы (Словарь 1) или так называемые структурные слова, основную часть которых составляют слова служебные (Словарь 2). Отметим основные различия в описании частицы ДА:

Грамматические пометы. Только в словаре (1) есть указание на разряд частицы (модальная).

2. Транскрипция и просодические характеристики частицы. Словарь (4) ограничивается пометами «всегда ударная» или «всегда безударная» в зависимости от значения частицы. Словарь (5) частицу характеризует как ударную, а союз – безударный. В (2) ударность / безударность частицы указывается в самой транскрипции и зависит от значения: [da {da в знач. 1.0. – 6.0., 8.0. dЪ в знач. 7.0., 7.1., 9.0. – 11.0}]; такое представление, по-видимому, обусловлено целями экономии места в словаре, но не может быть удобным с точки зрения изучения русского языка. В (1) ударность / безударность указывается в лексико-семантическом варианте частицы и помечается знаком «'» (факультативность ударения отмечена в скобках), и такое представление больше других отвечает нашим целям. Информация о других акцентах не представлена. В учебном словаре необходимо учитывать просодические характеристики частиц – ударность / неударность, фразовую просодию, зависящую от модальности, привносимой частицей, поэтому вслед за И.М. Кобозевой, Л.М. Захаровым [9] признаём необходимость создания звучащего словаря русского языка. Однако данный вопрос выходит за рамки статьи.

Информация о синтактике представлена во всех словарях, но в разном объёме, наиболее полно – в (1). Ни в одном словаре нет описания частицы ДА отдельно в диалогической и монологической речи, что было бы желательно.

3. Информация о жесте (паралингвистической информации) содержится только в (1).

4. Информация об актуально-информативном статусе частицы содержится только в (1).

5. Информацию о фразеологических или регулярных и устойчивых сочетаниях находим в (1), (2) и (5).

6. Толкование частицы в разных словарях отличается разной степенью полноты. В (1) и (2) – наиболее полное толкование. Несмотря на то что авторы (1) заявляют, что описывают «вклад частицы в семантику

высказывания, связанного с определённой коммуникативной ситуацией или несколькими ситуациями, а также с определённым языковым контекстом», с наших позиций мы не можем удовлетвориться подобным описанием, так как всё же остаётся неясным вопрос функционирования частицы в разных типах речевых актов, её роль в создании речевых актов, вопрос соотношения частицы с фразовой просодией.

При описании частицы ДА опираемся на алгоритм анализа, данный в статье А.Н. Баранова, И.М. Кобозевой [3], в которой авторы предлагают рассматривать функционирование частиц А, НУ, ДА в нарративных и диалогических употреблениях, разделяя последние на употребления в инициирующих и реактивных репликах. В статье внимание было сосредоточено на описании частицы ДА в аспекте функционирования в реактивных речевых актах, так как для данной частицы такое употребление является наиболее естественным. Кроме того, обнаружили, что ДА не употребляется в инициирующих репликах.

Нужно отметить, что в статье не рассматривается употребления ДА в качестве самостоятельной реплики, поскольку они достаточно подробно описаны в словарях (например, в упомянутом словаре Э.Г. Шимчук, М.Г. Щур).

Вслед за Е.А. Стародумовой считаем, что значение частицы вытекает из её прагматической сущности [10. С. 15], поэтому характеризуем частицу в терминах прагматической лингвистики, описывая субъект речи (говорящего), адресат (собеседника), речевой акт, в котором функционирует частица, намерения коммуникантов, коммуникативную ситуацию в целом.

В исследовании используем классификацию речевых актов Дж.Р. Серля [11], который выделяет следующие типы: а) репрезентативы (считать, констатировать, предполагать, утверждать, отрицать, заключать, делать вывод и т.д.); б) директивы (приказывать, командовать, умолять, позволять, советовать, приглашать и т.д.); в) комиссивы (намереваться, обещать, брать обязательство и т.д.); г) экспрессивы (благодарить, поздравлять, извиняться, сочувствовать, приветствовать и т.д.); д) декларации (заявлять, объявлять и т.д.).

Все последующие типологии речевых актов (РА), как известно, являются развитием идей Дж.Л. Остина и Дж.Р. Серля. Классификация Дж.Р. Серля удобна тем, что отвечает нашему материалу, поскольку частица ДА функционирует в перечисленных выше РА и почти не встречается во многих других, добавленных в более поздних исследованиях отечественных и зарубежных лингвистов (см. типологию В.В. Богданова [12]). Но типология Дж.Р. Серля требует некоторого уточнения и расширения.

Во-первых, это касается декларации: этот РА является для нас нерелевантным, так как функционирование частицы ДА в декларациях не было замечено. Во-вторых, в классификации Дж. Р. Серля нет интеррогативов (квеститов, вопросов), которые выделяются более поздними исследователями и существенны для нашего исследования [Там же]. В-третьих, под экспрессивами понимаем только инфлуктивы, названные так в работе Н.А. Трофимовой [13. С. 22]. Исследователь разделил все экспрессивные акты на два подкласса: социативы (у Дж.Р. Серля это экспрессивы), за которыми закреплены социальные установления и которые характерны для определённых стандартных ситуаций; и второй подкласс – инфлуктивы – это речевые акты выражения эмотивно-оценочного отношения и эмоционального воздействия. Инфлуктивы «осуществляются с различными целями, в различных условиях, опираются на различные канонические речевые и категориальные ситуации» [Там же]. Воспользуемся традиционным термином (экспрессивы) для названия данного типа РА. Для частицы ДА закономерно функционировать в экспрессивных РА, так как во многих ситуациях она используется говорящим для усиления эмоций, хотя этим её роль не ограничивается. Когда эмоции явно превалируют в РА, то в этом случае имеем дело с экспрессивами. Допускаем, что в некоторых случаях достаточно трудно отграничить экспрессивы от других РА (с чем сталкивались и другие исследователи), так как на это влияет интонирование РА; в таком случае ищем опору в контексте.

Таким образом, получаем следующую классификацию РА, в которых функционирует частица ДА: а) репрезентативы; б) директивы; в) комиссивы; г) интеррогативы (или вопросительные РА); д) экспрессивы. Экспрессивы встречаются в сочетании с другими типами РА, поэтому в качестве разновидности директивных и вопросительных РА выделяем экспрессивно-директивные и экспрессивно-вопроси-тельные.

Материалом для анализа послужила диалогическая речь из произведений художественной литературы XVIII–XXI вв. Хотя художественный диалог имеет свои особенности [14] по сравнению с диалогом в ситуации неподготовленного общения, считаем, что авторы художественного произведения достаточно точно передают живую речь носителей русского языка, поэтому её можно использовать для иллюстрации функционирования частицы ДА.

Проанализировав около двухсот диалогических употребления частицы ДА, получаем следующую классификацию реактивных реплик, в которых употребляется частица:

– при ответе на вопрос (54 примера);

– реакция на утверждение (45 примеров);

1) реакция на увиденное / положение дел или действия собеседника (41 пример);

2) реакция на побуждение к действию / на просьбу / приказ (17 примеров);

3) реакция на предложение / совет (14 примеров);

4) реакция на упрёк / укор / обвинение (9 примеров);

5) реакция на угрозу (2 примера);

6) реакция на жалобу (1 пример).

Располагаем реакции от наиболее частотных употреблений к наименее частотным. Допускаем, что перечисленными употреблениями не ограничивается функционирование частицы ДА, так же как и приведёнными выше речевыми актами, но другие случаи не были зафиксированы. В статье анализируем употребления частицы ДА при ответе на вопрос. Жанр статьи не позволяет приводить большое количество

примеров, поэтому ограничимся несколькими наиболее яркими.

Частица ДА при ответе на вопрос функционирует в репрезентативных речевых актах (40 примеров), вопросительных (9), экспрессивно-директивных (4), директивных (1).

Среди **репрезентативных РА** можно выделить сочетания частицы ДА с другими частицами: ДА ВОТ, ДА УЖ, ДА ВЕДЬ:

1. *БУСЫГИН. А что тебя беспокоит? САРАФАНОВ. ДА вот, суди сам. Один бежит из дому, потому что у него несчастная любовь. Другая уезжает, потому что у нее счастливая…* (Вампилов А. Старший сын).

2. *В спальню вошел отец Сисой со свечой. – Эва, – удивился он, – вы уже спите, преосвященнейший? – Что такое? – ДА ведь еще рано, десять часов, а то и меньше, Я свечку нынче купил, хотел было вас салом смазать.* [Антон Чехов. Архиерей (1977)].

3. Хлестаков. *Поросенок ты скверный... Как же они едят, а я не ем? Отчего же я, черт возьми, не могу так же? Разве они не такие же проезжающие, как и я?* Слуга. *ДА уж известно, что не такие.* Хлестаков. *Какие же?* Слуга. *Обыкновенно какие! они уж известно: они деньги платят.* [Николай Гоголь. Ревизор (1836)].

В данных примерах частица ДА акцентирует репрезентативный РА. Представлено её общее значение: «Говорю Р, потому что ты спросил» (Р – пропозиция). Частица ВОТ употребляется для указания на то, что далее следует иллюстрация сказанного [5. С. 66]. Частица ДА часто соединяется с ВЕДЬ в диалогическом употреблении. В «Словаре структурных слов русского языка» отмечается, что такое сочетание является противительным союзом и указывает на то, что часть, следующая за союзом, содержит сообщение, которое противоречит или противопоставляется тому, о чём говорится в предшествующей части [Там же. С. 91]. В реплике с частицей УЖ также содержится противопоставление словам собеседника, но, в отличие от сочетания ДА ВЕДЬ, говорящий выражает укор, иронию. В словаре отмечается, что в этом случае частица употребляется для эмоционального подчёркивания соответствующих слов, выделения их значения [Там же. С. 363].

Кроме того, частица ДА усиливает отрицание, сочетаясь с другими частицами (ДА НЕТ, ДА УЖ НЕТ, ДА ВРЯД ЛИ, ДА НЕТ УЖ):

1. *«Куда же, – я говорю, – мне с вами идти?» – «Пойдем поужинать». – «Смотрите-ка, – говорю, – какая жалость... А я уже поужинала!» – «Да что вы, – опечалился он. – Экая жалость! Ну, вина выпьем, что ли?» – «Вина мне нельзя! Доктор строго запретил». Призадумался: «Как же быть?» – «Уж я и не знаю». – «Что ж мне с вами делать все-таки? А может быть, бокальчик бы одолели? Попытались бы, а?» – «ДА нет уж, и пытаться не стоит». Совсем он сбился с толку.* [Аркадий Аверченко. Шутка мецената (1923)].

Замечено, что частица ДА довольно часто употребляется с местоименным словом ТАК:

2. *НИНА (Сильве). Доброе утро… (Бусыгину.) Ну, здравствуй… братец… [Бусыгин и Сильва здороваются]. Как спалось? СИЛЬВА. Спасибо, хорошо. НИНА. А что это вы у дверей стоите? СИЛЬВА. Мы?.. ДА так, дышим тут, прохлаждаемся…* [Александр Вампилов. Старший сын (1967)].

Говорящий даёт уклончивый ответ, не раскрывая истинную причину своего поведения.

Для диалогической речи допустимо отвечать вопросом на вопрос, причём вопрос может быть уточняющего характера, может быть эмоционально окрашенным или уклончивым. Частица ДА усиливает **вопросительный РА**, реализуя общее значение: «Говорю Р, потому что ты спросил»:

1. *Беликов подождал немного и продолжал тихо, печальным голосом: – И еще я имею кое-что сказать вам. Я давно служу, вы же только еще начинаете службу, и я считаю долгом, как старший товарищ, предостеречь вас. Вы катаетесь на велосипеде, а эта забава совершенно неприлична для воспитателя юношества. – Почему же? – спросил Коваленко басом. – ДА разве тут надо еще объяснять, Михаил Саввич, разве это не понятно? Если учитель едет на велосипеде, то что же остается ученикам? Им остается только ходить на головах!* [Антон Чехов. Человек в футляре (1898)].

Частица РАЗВЕ употребляется в риторическом вопросе для выражения уверенности в противоположном ответе [5. С. 295]. Говорящий не даёт прямого ответа, а задаёт встречный вопрос с частицей РАЗВЕ, усиленный частицей ДА, акцентирующей эмоциональную реакцию удивления.

2. *– Понимаете, что это значит? – ДА чего ж тут не понять? Слежка за ним была, – первым отреагировал Илья. – Именно. Потому что во все времена бывают люди, которым интереснее всего «вращаться на литературе». Вроде нас с вами! – засмеялся учитель. – И есть полковники Бибиковы, кому поручено за ними присматривать. Да, такие времена…* [Людмила Улицкая. Зелёный шатёр].

Конструкция «(Да) чего (ж) тут не + инфинитив» выражает «полную уверенность в невозможности совершить то или иное действие» [15. С. 133], в данном случае значение следующее: «То, о чём вы говорите, невозможно не понять», «Понять это просто». ДА в сочетании с ЧЕГО Ж ТУТ вносит дополнительную экспрессию в высказывание.

3. Городничий. *Ну что же вы, как вы, Иван Кузьмич?* Почтмейстер. *ДА что я? Как вы, Антон Антонович?* Городничий. *ДА что я? Страху-то нет, а так, немножко... Купечество да гражданство меня смущает. Говорят, что я им солоно пришелся, а я, вот ей-богу, если и взял с иного, то, право, без всякой ненависти.* [Николай Гоголь. Ревизор (1836)].

Говорящий уходит от ответа, перенаправляя тот же вопрос собеседнику.

Нужно отметить, что само появление частицы ДА делает фразу более экспрессивной, поэтому все вопросительные РА можно было бы назвать экспрессивно-вопросительными, но целесообразнее использовать этот термин тогда, когда находим поддержку в контексте в виде других экспрессивных языковых

средств. Следующий пример иллюстрирует это; здесь частица ДА усиливает **экспрессивно-директивный РА**:

Макс повернул к себе зеркало и стал рассматривать бороду, выпячивая вперед подбородок. – Значит, не стоит мне носить бороду? – ДА делай что хочешь! Но ты не видишь разве то же самое, что и я? Ты же смотришь в зеркало! И что, доволен? Это же просто... Ну посмотри, ты сделал себе лицо, среднее между шкипером и мушкетером. А среднее между шкипером и мушкетером - это дурак! Причем дурак с претензией. [Евгений Гришковец. Рубашка (2004)].

Частица подчеркивает эмоции говорящего – нетерпение, раздражение по поводу внешнего вида собеседника. Эмоциональность представлена в ярко экспрессивной форме, на что указывают контекст и пунктуационное оформление (восклицательный знак).

• *– Я от редакции «Вечерняя Звезда». Прислан. Интервьюировать. Вас. Разрешите!*

Сердце Куколки бешено забилось и сладко, как на качелях, опустилось вниз, чтоб сейчас же еще слаще взлететь в поднебесье. – Да что вы... Мне, право, так неловко. Зачем же вам беспокоиться... Я бы сам пришел, если нужно. [Аркадий Аверченко. Шутка мецената (1923)].

Частотно употребление ДА в устойчивом сочетании «Да что вы», которое может выражать разнообразные эмоции, в данном случае – неловкость: «Не нужно было беспокоиться».

Если провести семантический анализ значения частицы ДА при ответах на вопрос, учитывая фразовую просодию, как это предлагают делать А.Н. Баранов, И.М. Кобозева [3], и развить идеи авторов, то можно выявить следующие значения частицы ДА:

а. *Новакович отвел Куколку в сторону и спросил шепотом: – Ну, как вам нравится общество, в которое я вас ввел? – Чудесное общество. Они все такие тонкие, понимающие... – Еще не то будет. Вы коньяк пьете?– ДА... собственно, не пью... – Ага! Ну, значит, выпьете. Анна Матвеевна! Надеюсь, икорка у вас на льду стояла?* [Аркадий Аверченко. Шутка мецената (1923)].

Говорящий отвечает нерешительно, давая повод собеседнику утверждать обратное. ДА выражает растерянность говорящего, так как вопрос был для него неожиданным, он не может расшифровать мотивов спрашивающего: «Говорю Р, потому что вы спросили. Не понимаю цель вашего вопроса и испытываю недоумение, растерянность по поводу вашего вопроса». После частицы – небольшая пауза, которая отражается пунктуационно тремя точками.

Назовём такую частицу **ДА «растерянности / недоумения»,** употребление которой вызывается неожиданным или странным для говорящего вопросом. ДА «недоумения» употребляется обычно в отрицательных репликах.

б. *– Скажи, дед, сколько лет ты ходишь сотским? – Сколько? ДА уж лет тридцать. После воли через пять лет стал ходить, вот и считай. С того время каждый день хожу. У людей праздник, а я всё хожу.* [Антон Чехов. По делам службы (1899)].

Предполагаем, что употребление ДА вызвано саморефлексией говорящего [16. С. 13]: говорящий обдумывает вопрос (иногда даже повторяет вопрос спрашивающего), ДА связана с обращением к воспоминаниям, к памяти и трудностью быстрого извлечение информации из памяти, поэтому в начале ответной реплики возможны и другие фразы. Сравните: *– Ты когда закончил университет? – ДА давно. Лет 20 назад.* И невозможно такое ДА в другом примере: *– Где стоит твой ноутбук? – *Да на столе*. В последнем случае у говорящего не должно возникнуть затруднений при ответе на такой простой вопрос, он быстро реагирует на него: «На рабочем столе». Здесь, скорее, подходит ДА «недоумения» (а) с последующим вопросом: «А почему спрашиваешь?» В примере (б) углубление внутрь себя говорящим подтверждается последующим контекстом: он вспоминает собственную жизнь, сравнивает свою работу с работой других людей. Назовём такое значение ДА «размышления». **ДА «размышления»** – это замедленная реакция, которая заставляет говорящего углубиться внутрь себя и найти нужный ответ, что находит отражение в особой интонации.

в. *Когда урок кончился, Роман, собравшись с духом, подошел к десятнице. – У нас есть мальчик один. Он тоже очень хочет ходить к вам. Можно ему? – Конечно, можно, ты его приводи в следующий раз, – сказала десятница. – Мог бы и сегодня привести. – А я боялся, – сказал, смеясь, Роман. – Он и сейчас на лестнице стоит. –Где? Кто? – ДА Иська, мальчик тот.* [Григорий Белых. Дом веселых нищих (1930)].

С помощью частицы ДА отвечающий аппелирует к пресуппозиции – «тот самый мальчик, о котором я только что / раньше тебе рассказывал», т.е. ДА отсылает к уже упомянутому [3]. Сформулируем значение так: «Говорю Р, потому что ты спросил. Пресуппозиция: ты спрашивал о Р раньше. Поэтому я акцентирую твоё внимание на Р ещё раз». **ДА «отсылки к упомянутому»** всегда произносится с особой интонацией усиления на выделяемом компоненте. Данная реакция является быстрой и противопоставлена замедленной в примерах выше.

г. *Купцы. Челом бьем вашей милости! Хлестаков. А что вам угодно? Купцы. Не погуби, государь! Обижательство терпим совсем понапрасну. Хлестаков. От кого? Один из купцов. ДА все от городничего здешнего.* [Николай Гоголь. Ревизор (1836)].

Купцы апеллируют к положению дел, которое игнорирует Хлестаков. Значение, вносимое частицей: «Говорю Р, потому что ты спросил. Пресуппозиция: имеет место сложная ситуация (Р), о которой, по моему мнению, ты должен знать, но на которую ты не обращаешь внимания. Поэтому я вынужден акцентировать твоё внимание на Р». А.Н. Баранов, И.М. Кобозева определяют такое ДА «отсылки к упомянутому» на основании интонационного выделения, как в нашем примере выше. Однако, согласно контексту, собеседник (купец) прямо не называет причину своих бед, полагая, что слушающий понимает, о чём идёт речь. И только когда тот задаёт вопрос, собеседник акцентирует Р с помощью частицы ДА. Поэтому для большей точности назовём такое ДА как **ДА «отсылки к общей апперцепционной базе».** Информация,

которую сообщает собеседник, по его мнению, не должна являться неожиданной для слушающего (в противном случае было бы невозможно употребление ДА), что подчёркивает и частица ВСЁ.

д. *Колька помолчал и вдруг спросил: – А тебя в школе не бьют? – Нет, а что? – ДА больно ты кислый какой-то*. [Григорий Белых. Дом веселых нищих (1930)].

На первый взгляд такое употребление ДА схоже с примерами (в) и (г): «Говорю Р, потому что ты спросил. Пресуппозиция: твой внешний вид (Р) не соответствует нормальному состоянию. Я не ожидаю того, что ты должен это знать, лишь обращаю твоё внимание на Р». Однако интонация в этом примере более ровная, частица ДА неакцентирующая. Упомянутые авторы характеризуют такое ДА как ДА «отсылки к фонду знаний», но, на наш взгляд, это значение несколько отличается от значения в примере (г), поэтому используем другое определение для этого примера, а именно **ДА «отсылки к какому-то компоненту ситуации, доступному / замеченному только говорящим»**. В данном случае говорящий с помощью ДА отсылает к внешнему виду собеседника.

Таким образом, в примерах (в) и (г) говорящий ожидает от собеседника знания Р, акцентируя Р; в примере (г) говорящий этого не ожидает. В примере (в) пропозиция уже упоминалась ранее; в примере (г) информация не упоминалась, но владение этой информацией всеми коммуникантами подразумевается; в примере (д) говорящий не ожидает владения информацией от собеседника.

е. *– Гм! какая странная фамилия! И на большую сумму этот господин Носов обокрал вас? – Нос-то есть... вы не то думаете! Нос, мой собственный нос пропал неизвестно куда. Черт хотел подшутить надо мною! – Да каким же образом пропал? Я что-то не могу хорошенько понять. – ДА я не могу вам сказать, каким образом*... [Николай Гоголь. Нос (1836)].

Отвечающий не имеет ответа на вопрос, в чём и признаётся. В реактивной реплике частица ДА усиливает эмоции говорящего, в данном случае – нетерпение, раздражение. Пусть ДА в подобных примерах называется **ДА усилитель эмоций**. Это ДА произносится с акцентированием пропозиции – «не могу сказать». Примеров употребления такого ДА очень много.

ж. *– Что же будут делать дети и внуки? – спросила Лиза. – Не знаю... Должно быть, побросают всё и уйдут. – Куда уйдут? – Куда?.. ДА куда угодно, – сказал Королев и засмеялся. – Мало ли куда можно уйти хорошему, умному человеку*. [Антон Чехов. Случай из практики (1898)].

С ДА «усилителя эмоций» связано ДА, выражающее категоричный, не подлежащий сомнению ответ. Произносится с повышенной интонацией на пропозиции. «Говорю Р, потому что ты спросил. Я не сомневаюсь в своём ответе». Назовём такое употребление **категоричным / уверенным ДА**. Такое ДА часто подчёркивает категоричность при отрицании: *– Пойдёшь с нами? – Да ни за что!*

Итак, анализ функционирования ДА при ответе на вопрос показал, что для этой частицы закономерно функционирование в ответных репликах, так как для ДА самым общим значением является значение отсылки к пресуппозиции: «Говорю Р, потому что ты спросил». ДА всегда употребляется в начале речевого акта и связывает предыдущую реплику (вопрос) с последующей (ответ), т.е. роль ДА – это, в первую очередь, связующая роль. Не было замечено употребление ДА в инициирующих репликах.

При ответе на вопрос ДА функционирует преимущественно в репрезентативных РА, в которых употребляется в сочетании с такими частицами, как УЖ, ВОТ, ВЕДЬ; в этих актах ДА усиливает отрицание. ДА функционирует также в вопросительных и директивных, внося в них элемент экспрессии вместе с частицами РАЗВЕ, Ж.

Значение отсылки при ответе на вопрос было дифференцировано на более частные значения в зависимости от интонации, получили семь значений ДА: 1) ДА недоумения (*Да… не пью*); 2) ДА размышления (*Да давно…*); 3) ДА отсылки к упомянутому (*Да Иська!*); 4) ДА отсылки к общей апперцепционной базе (*Да всё от городничего*); 5) ДА отсылки к какому-то компоненту ситуации, доступному / замеченному только говорящим (*Да больно ты кислый какой-то*); 6) ДА усиления эмоций, обычно отрицательных (*Да не могу я вам сказать!*); 7) категоричное / уверенное ДА (*Да куда угодно; Да ни за что!*).

Для первых двух групп характерно произнесение несколько растянутого ДА, для остальных – быстрое произнесение ДА, при этом частица акцентирует пропозицию. Таким образом, замедленная реакция противопоставлена быстрой. Во всех примерах ДА безударная.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Прияткина А.Ф., Стародумова Е.А., Сергеева Г.Н. и др.* Словарь служебных слов русского языка. Владивосток : Примполиграфкомбинат, 2001. 363 с.
2. *Стародумова Е.А.* Параметризация описания частиц и опыт их словарного представления // Форма и содержание единиц языка и речи. Владивосток : Дальнаука, 1998. С. 157–167.
3. *Баранов А.Н., Кобозева И.М.* Модальные частицы в ответах на вопрос // Прагматика и проблемы интенсиональности. М. : ИВАН СССР, 1988. С. 45–69.
4. *Шимчук Э.Г., Щур М.Г.* Словарь русских частиц / под ред. В. Гладрова. Берлин, 1999. 147 с.
5. *Словарь* структурных слов русского языка / под ред. В.В. Морковкина. М. : Лазурь, 1997. 420 с.
6. *Большой* толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
7. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1997. 944 с.
8. *Толковый* словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. URL: http://ushakovdictionary.ru
9. *Кобозева И.М., Захаров Л.М.* Для чего нужен звучащий словарь русского языка. URL: http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Kobozeva.pdf
10. *Стародумова Е.А.* Русские частицы : учеб. пособие. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. 68 с.
11. *Серль Дж.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 170–194.

12. *Богданов В.В.* Иллокутивная сила высказывания и перформативный глагол // Содержательные аспекты предложения и текста. Калинин : КГУ, 1983. С. 27–38.
13. *Трофимова Н.А.* Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ. СПб. : Изд-во ВВМ, 2008. 376 с.
14. *Медведкина К.А.* Прагматические особенности диалога в художественном тексте : автореф. дис. … канд. филол. наук. Белгород, 2008. 28 с.
15. *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М. : Академия наук СССР, 1960. 378 с.
16. *Ружицкий И.В.* Модальные частицы как один их способов реализации прагматического уровня языковой личности // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М. : МАКС Пресс, 2001. Вып. 16. URL: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_16_02ruzickij.pdf

Статья представлена научной редакцией «Филология» 22 мая 2015 г.

THE PARTICLE *DA* IN ANSWERS TO QUESTIONS (IN THE CONTEXT OF LEXICOGRAPHICAL PARAMETERIZATION)

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 27–32. DOI: 10.17223/15617793/397/5

Maklyukova Olesya I. Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: olesyastepanenko@yandex.ru

Keywords: particle; syntax; lexicography; Dictionary of Particles; speech act; reactive phrase; intonation; expressivity; Russian as a foreign language.

Particles are very difficult for foreign students who study Russian, especially modal particles that are still poorly researched both theoretically and methodologically. A dictionary of particles for foreigners could meet this need. The special purpose of the dictionary requires new parameters for particle description. The author has analyzed the representation of particle *DA* in different dictionaries and concluded that the existing description cannot meet the goals. This article focuses on the description of the modal particle *DA* as functioning in speech acts, in particular, in answering a question. The author found out that *DA* is not used in initiating phrases. The meaning of modal particles derives from its pragmatic essence, so the author characterizes them in terms of pragmatic linguistics. Based on J. R. Searle's classification of speech acts (SA) and later researchers of SA (N.A. Trofimova and so on), the author has worked out her own classification of SA, in which the particle *DA* functions: a) representatives; b) directives; c) commisives; g) interrogatives; d) expressives. The author also has mixed SA, such as expressive directives and expressive interrogatives as a peculiarity for particle *DA*. Material for the analysis was the dialogical speech from fiction. The author notes that the difference between the natural dialogue and the fiction one is irrelevant. The analysis showed that the particle functions naturally in response phrases because the most common meaning for *DA* is a reference to the presupposition: "I say P, because you asked". *DA* is always used at the beginning of SA and connects the previous phrase (the question) to the next one (the answer), in other words, the role of *DA* is always to serve as a connector in a dialogue. In answering questions *DA* functions mainly in representatives, and is used with particles *UZH, VOT, VED'*, as well as in interrogatives, together with particles RAZVE, ZH. All these particles make speech acts more expressive. The author has differentiated the general meaning of reference into more specific meanings depending on the tone of the phrases in which *DA* functions, and got seven meanings: 1) perplexity/bewilderment *DA*; 2) *DA* of reflections; 3) *DA* of reference to what was mentioned; 4) *DA* of reference to the experience of interlocutors and their knowledge of situation; 5) *DA* of reference to some components of the situation noticed only by the speaker; 6) *DA* of strengthening of emotions, mostly negative ones; 7) categorical/confident *DA*. In the first two groups *DA* is uttered in a little bit stretched manner, while in others it is uttered briefly, it emphasizes the proposition, thus, slow response contrasts with fast response. In all cases *DA* is unstressed.

REFERENCES

1. Priyatkina, A.F. et al. (2001) *Slovar' sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [The dictionary of function words of the Russian language]. Vladivostok: Primpoligrafkombinat.
2. Starodumova, E.A. (1998) Parametrizatsiya opisaniya chastits i opyt ikh slovarnogo predstavleniya [Parametrization of particle description and experience of their dictionary representation]. In: Minina L.I. (ed.) *Forma i soderzhanie edinits yazyka i rechi* [The form and content of units of language and speech]. Vladivostok: Dal'nauka.
3. Baranov, A.N. & Kobozeva, I.M. (1988) Modal'nye chastitsy v otvetakh na vopros [Modal particles in response to a question]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Pragmatika i problemy intensional'nosti* [Pragmatics and problems of intensionality]. Moscow: IVAN SSSR.
4. Shimchuk, E.G. & Shchur, M.G. (1999) *Slovar' russkikh chastits* [Dictionary of Russian Particles]. Peter Jang: Franfurkt; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Wien
5. Morkovkin, V.V. (ed.) (1997) *Slovar' strukturnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Structural Words]. Moscow: Lazur'.
6. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.
7. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1997) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Azbukovnik.
8. Ushakov, D.N. (ed.) (2008–2009) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. [Online]. Available from: http://ushakovdictionary.ru.
9. Kobozeva, I.M. & Zakharov, L.M. (2004) *Dlya chego nuzhen zvuchashchiy slovar' russkogo yazyka* [The purpose of the sounding dictionary of the Russian language]. [Online]. Available from: http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Kobozeva.pdf.
10. Starodumova, E.A. (1997) *Russkie chastitsy* [Russian particles]. Vladivostok: Far Eastern State University.
11. Searle, J. (1986) Klassifikatsiya illokutivnykh aktov [The classification of illocutionary acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. 17. pp. 170–194.
12. Bogdanov, V.V. (1983) Illokutivnaya sila vyskazyvaniya i performativnyy glagol [The illocutionary force of the utterance and the performative verb]. In: *Soderzhatel'nye aspekty predlozheniya i teksta* [The content aspects of sentence and text]. Kalinin: Kalinin State University.
13. Trofimova, N.A. (2008) *Ekspressivnye rechevye akty v dialogicheskom diskurse. Semanticheskiy, pragmaticheskiy, grammaticheskiy analiz* [Expressive speech acts in a dialogical discourse. Semantic, pragmatic, grammatical analysis]. St. Petersburg: VVM.
14. Medvedkina, K.A. (2008) *Pragmaticheskie osobennosti dialoga v khudozhestvennom tekste* [Pragmatic features of dialogue in fiction]. Abstract of Philology Cand. Diss. Belgorod.
15. Shvedova, N.Yu. (1960) *Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi* [Essays on the syntax of Russian colloquial speech]. Moscow: USSR AS.
16. Ruzhitskiy, I.V. (2001) Modal'nye chastitsy kak odin ikh sposobov realizatsii pragmaticheskogo urovnya yazykovoy lichnosti [Modal particles as one of the ways to implement the pragmatic level of language personality]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds.) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language consciousness, communication]. Is. 16. Moscow: MAKS Press. [Online]. Available from: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_16_02ruzickij.pdf.

Received: 22 May 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 33–37. DOI: 10.17223/15617793/397/6

УДК 81-119

Д.С. Найдина

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕТАФОРЫ В ПРОЦЕССАХ МАНИПУЛИРОВАНИЯ В НЕФТЕГАЗОВОМ СУБДИСКУРСЕ

Представлен анализ способов функционирования метафоры в медиадискурсе в процессах манипулирования общественным мнением. Рассматриваются два типа функционирования метафоры: как средство достижения манипулятивного эффекта и как вспомогательное средство, реализующее манипулятивный потенциал иных языковых средств.
Ключевые слова: метафора; метафорическая модель; дискурс; манипулирование.

Процесс восприятия действительности есть непрерывная работа сознания, которое улавливает и перерабатывает данные, поступающие извне. Манипулирование общественным мнением на современном этапе развития технологий передачи и распространения информации характеризуется разнообразием и вариативностью способов достижения поставленных целей.

Актуализация метафорических употреблений в печатных СМИ – один из наиболее распространенных типов манипулирования общественным мнением. В печатном тексте манипулятор расставляет смысловые акценты таким образом, что одни элементы затеняются, другие подчеркиваются и выходят на первый план, в результате у читателя формируется некий образ действительности, модель мира, его картина, навязанная манипуляторами. В рамках данной статьи анализируется роль метафоры в этом процессе.

Тематический субдискурс «Нефтегазовый бизнес» является составляющей частью медиадискурса, репрезентирующего печатные СМИ. Данная сфера жизни характеризуется высоким эмоциональным напряжением, частыми конфликтными ситуациями, сложностью в поиске решения застарелых проблем. Все это способствует развитию и применению широкого спектра различных манипулятивных технологий.

Как и любой другой тип дискурса, субдискурс «Нефтегазовый бизнес» обнаруживает многообразие способов речевого и неречевого воздействия. В качестве одного из наиболее активно исследуемых языковых средств выступают метафоры. Причины регулярного обращения к метафорам кроются в богатом интерпретационном и, следовательно, в манипулятивном потенциале. Метафора – способ моделирования действительности, один из вариантов объяснения неясных идей, сущностей, объектов через знакомые и привычные образы. Манипуляторы активно привлекают именно эту способность метафоры на свою сторону для того, чтобы внедрить в сознание адресата нужный образ или необходимое отношение к событию или объекту действительности. Читатель, сталкиваясь с красочным, метафорическим образом, не склонен подвергать его критическому осмыслению.

Считаем метафору одним из основных способов создания и трансформации как языковой картины мира, так и ее частной формы – дискурсивной картины мира. Реализуя богатый манипулятивный потенциал, заложенный в ней, метафора регулярно используется в различных типах дискурсов. Можно говорить о том, что метафора способна создавать особый фрагмент картины мира благодаря своей миромоделирующей способности.

В современной лингвистике существует множество работ, посвященных исследованию метафоры с позиции ее функционального диапазона в различных типах дискурсов (Н.Д. Арутюнова, З.И. Резанова, Г.Н. Скляревская, А.П. Чудинов, Д.Н. Шмелев, Л.М. Болсуновская и т.д.). Дискурсивный подход к изучению метафоры напрямую связан с определением её функционального статуса. Полное и многоаспектное понимание специфики метафорического моделирования может быть достигнуто не только через исследование метафорических моделей и способов их организации, но и через обращение к функциям метафоры, которые она выполняет в дискурсивных практиках разного рода и в медиадискурсе в частности. Определение особых дискурсивных функций поможет выяснить, почему журналисты так часто используют образную номинацию, почему предпочтение отдается определенным сферам-источникам, «в какой мере метафора способна участвовать в развитии социального самосознания» [1. С. 47].

Описание системы метафорических значений и их функционирования было осуществлено на основе материала, извлеченного методом направленной выборки из следующих источников: текстов статей изданий «Эксперт Онлайн», «Эксперт Украина», «Русский Репортер», «Известия», «Коммерсант» за 2008–2010 гг. Всего проанализированы 192 выпуска, среди которых по тематическому критерию были отобраны 112 статей. Выявлены 476 метафорических словоупотреблений.

В рамках данной статьи метафора рассматривается с точки зрения вовлеченности в процессы манипулирования. В этом аспекте в функционировании метафоры можно выделить два типа: 1) метафора участвует в реализации стратегий, тактик и приемов, 2) метафора является приемом или тактикой манипулирования.

Отметим, что мы опираемся на определение терминов «стратегия», «тактика» и «прием», данное О.И. Иссерс, которая определяет речевые стратегии как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникационной цели» [2. С. 54], «тактика» понимается нами как «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [2. С. 109].

Рассмотрим последовательно каждый тип вовлечения метафоры в процесс манипулирования. В первом типе реализации функции возможны два варианта

включения метафоры в процессы воздействия. Так, метафора может быть вовлечена в прием, тактику или стратегию как их сопутствующая часть, не играющая существенной роли в достижении манипулятивного эффекта, а лишь привносящая некую образность в дополнение к тем речевым средствам, которые являются основными в достижении нужного манипуляторам эффекта.

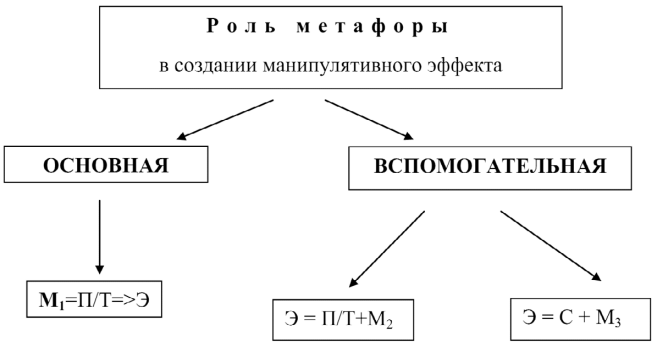
Например: Украина всегда старалась по максимуму использовать преимущества страны-транзитера (Русский Репортер. Газовый тупик. 2009. 02 июня). Приведенный пример иллюстрирует реализацию приема «генерализация», который выдает единичный случай за повторяющийся. Эффект достигается при помощи употребления слов обобщающей семантики, в данном случае – слова «всегда». Использование антропоморфной метафоры «Украина старалась использовать преимущества» не создает эффект обобщения, однако привносит образность в контекст. Не являясь основным средством манипулирования в этом и подобных случаях, метафора помогает манипуляторам сделать транслируемую ими информацию более выразительной.

Во втором случае включения метафоры в процесс манипулирования в качестве вспомогательного средства прием, тактика или стратегия строятся таким образом, что метафора является языковым средством, передающим «манипулятивно заряженную» мысль. Иначе говоря, некоторый прием использует метафору как языковое средство воплощения манипулятивной идеи.

Например, прием «использование ложной пресуппозиции», т.е. ложного допущения, может быть актуализирован при помощи метафоры. Если нынешнее правительство страны и заработало «восторженную поддержку» населения, то уж точно не благодаря нападкам на Запад [3]. Метафора «заработать поддержку населения» создает ложное допущение, которое воздействует на подсознание читателя и внедряет нужную манипулятору мысль о роли правительства в жизни населения. Можно охарактеризовать подобное осуществление приема как сумму манипулятивного потенциала метафоры и ложной пресуппозиции. В такой же роли метафора может функционировать в тактиках и стратегиях.

Принципиально иной функциональный и манипулятивный потенциал метафора обнаруживает в том случае, если ее употребление является осознанным выбором манипулятора, когда метафора – основной и единственный способ достижения нужного манипулятору эффекта. Анализ показал существование и широкое применение приема «использование метафоры» и тактики «использование метафорической модели». В подобном случае актуализация метафоры и метафорической модели носит целенаправленный характер, именно она играет центральную, ключевую роль в достижении манипулятивного эффекта. В качестве метафорических моделей, используемых как тактики манипулирования, употребляются исключительно ключевые дискурсивные метафорические модели, которые «реализуются в дискурсе как текстовые элементы, являясь языковым средством воплощения манипулятивных стратегий, тактик, приемов» [4. С. 5]. Подобные модели имеют особый интерпретационный, миромоделирующий потенциал, способный оказать существенное влияние на формирование смысловой и образной структуры текста (см. примеры такого подхода к анализу метафоры в художественном тексте [5. С. 58–63]), как следствие, создавать особый эффект воздействия на объект манипулирования. Текстоформирующая функция, частота актуализации и ключевая роль в процессе осмысления действительности обеспечивает подобным моделям исключительную роль в создании нужного манипуляторам эффекта.

Например, в субдискурсе «Нефтегазовый бизнес» широко распространена тактика «Использование метафорической модели “НЕФТЕГАЗОВЫЙ БИЗНЕС – ВОЙНА”», которая реализуется при помощи приема «использование метафоры», все метафорические номинации в данном случае образованы по модели «НЕФТЕГАЗОВЫЙ БИЗНЕС – ВОЙНА», являющейся ключевой дискурсивной моделью. Употребление каждой из подобных метафор отсылает читателя ко всему ряду смыслов, заложенных в модели, что создает особую картину восприятия действительности. Именно благодаря возможности моделировать действительность при помощи подобранных нужным образом метафор манипулятор достигает нужного ему результата.

Э = С + М3
М1=П/Т=>Э
Э = П/Т+М2
ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ ОСНОВНАЯ

Рис. 1. Роль метафоры в процессах манипулирования

Приведем примеры актуализации приема «использование метафоры»: *Таким образом, есть основания предполагать, что у словаков больше, чем у российского концерна, шансов* ***победить в суде*** *и* ***компенсировать*** *понесенные в результате* ***«газовой блокады» потери*** *в размере 135 млн* [3. 2010]. Метафора «газовая блокада» актуализирует все смыслы, заложенные в ключевой дискурсивной метафорической модели «НЕФТЕГАЗОВЫЙ БИЗНЕС – ВОЙНА», по которой она образована. Вызывая в сознании читателя образы разрушения и страдания, которые связаны с войной в целом и с одним из ее концептов – «блокада» – в частности, манипуляторы навязывают читателям мысль о том, что действия российской стороны сродни действиям воюющей стороны, устроившей европейцам блокаду.

Многосторонняя вовлеченность метафоры в процессы манипулирования проиллюстрирована на рис. 1, где Э – манипулятивный эффект, $М_{1, 2, 3}$ – тип функционирования метафоры, П – прием, Т – тактика, С – языковое средство.

Схема, представленная на рис. 1, отражает функциональное разнообразие, которое демонстрирует метафора в процессах манипулирования. $М_1$, $М_2$, $М_3$ представляют вариативность функций, которые способна выполнять метафора в субдискурсе «Нефтегазовый бизнес». Одна и та же метафора, в зависимости от потребностей и целей манипулятора, может выступать в каждой из ролей, выполняя функции $М_1$, $М_2$ или $М_3$.

$М_1$ – метафоры, выполняющие наиболее значимую функцию в достижении манипулятивного эффекта, такие метафоры являются **центром, базисом, на котором строится манипулирование.** В такой роли метафоры приравниваются к приемам – вернее, **«использование метафоры» становится одним из приемов достижения манипулятивного эффекта**, а «использование метафорической модели» – тактикой. Метафора выполняет миромоделирующую функцию в подобных случаях. Основной ее задачей является создание образной системы, которая поможет объекту манипулирования разобраться в сложных процессах. В подобных случаях употребляются метафоры, относящиеся к ключевым дискурсивным метафорическим моделям, и актуализация лишь одного метафорического выражения вызывает весь перечень образов, заключенных в модели. Например: *Не начнется ли новая* ***«газовая война»****?* [6. 2009]. Использование метафоры «газовая война» является актуализацией данного типа метафор. При помощи этой метафоры автор интерпретирует еще не начавшиеся события в нефтегазовом бизнесе как войну, тем самым внушает читателям соответствующее отношение к описываемым событиям.

Под **$М_2$** подразумеваем функциональный тип метафор, роль которых **заключается в воплощении приемов или тактик.** Отметим, что данный тип является не языковым, но речевым, его функциональная специализация определяется и верна только для охарактеризованных контекстов его употребления. Манипулятивный потенциал такого типа метафор несколько ниже, чем у метафор, употребленных в роли $М_1$. Подобные метафоры встречаем в том случае, если сущность приема передается на основе использования метафоры. Например, если прием «избыточная терминология» реализуется при помощи использования терминов, в основе которых лежит метафорический перенос, мы говорим о случае употребления метафор типа $М_2$. Например: ***Европейская формула*** *предусматривает базовый энергоноситель – смесь газойля и мазута, в то время как для украинского рынка базовый энергоноситель – уголь и мазут* [3. 2009]. В данном контексте употреблен метафорический термин «европейская формула» вместе с обилием терминов из геологии (*уголь*), химии (*газойль, мазут*), таким образом создается впечатление научного характера текста, что придает словам манипулятора больший авторитет. Нужный эффект достигается за счет объединения манипулятивного потенциала метафоры и сущности приема. В функциональные «обязанности» метафор подобного рода входит создание некой картины мира, однако существенной представляется функция создания экспрессии, образности. В подобной роли могут употребляться метафоры, относящиеся к ключевым дискурсивным моделям, однако возможно употребление и метафор, образованных по менее продуктивным или не распространенным в данном типе дискурса моделям.

Метафоры, выступающие в роли **$М_3$**, являются наименее значимыми в процессе создания манипулятивного эффекта, они появляются как **сопровождение к основному средству**, выражающему сущность приема или тактики. Появляясь в контекстном окружении приема, подобные метафоры придают речи выразительность, красочность, привлекают внимание читателя к информации, содержащей манипулятивный посыл. Можно исключить метафору из контекста, это никак не скажется на качестве манипулятивного эффекта. В подобной роли чаще встречаются стертые метафоры или метафоры, относящиеся к непродуктивным метафорическим моделям. Например: ***Многолетняя конфронтация в сфере поставок газа утомила и Украину, и Россию.*** *На встрече премьер-министров Путина и Тимошенко обе* ***стороны подали сигналы*** *о желании сделать эти отношения более стабильными и прозрачными* [3]. Метафора «конфронтация в сфере поставок газа утомила и Украину, и Россию» является основным способом достижения манипулятивного эффекта, выполняет функцию типа $М_1$, а метафора «стороны подали сигналы» используется в роли $М_3$ и носит клишированный характер, в данном контексте она добавляет изобразительности выражению, передаваемому приемом «использование метафоры», осуществленным при помощи актуализации метафоры «сценарий «газовой войны».

Итак, возвращаясь к вопросу о месте метафоры в процессах манипулирования, отметим ее двойственную природу.

С одной стороны, метафора участвует в реализации приемов, тактик, стратегий манипулирования как дополнительное, не основное средство достижения манипулятивного эффекта в роли $М_2$, $М_3$. В этом слу-

чае манипулятор ко всему многообразию способов достижения поставленной цели добавляет использование метафоры. Метафора представляет собой удачный, но не единственный вариант достижения необходимого эффекта. Её место может занять и иное средство выразительности или иное выражение, не содержащее в себе образности. В этой роли основная функция метафоры – создание дополнительной экспрессии, которая украшает контекст, привлекает внимание читателя к нужной информации, заостряет и затеняет некоторые смысловые моменты в соответствии с нуждами манипулятора.

Когда же мы говорим об иной роли метафоры в процессах манипулирования, о той, в которой метафора – не участник реализации приема, тактики, стратегии, а сама является приемом, тактикой манипулирования, выполняя роль M_1, в этом случае использование метафоры – сознательный шаг, который делает манипулятор на пути достижения необходимого ему эффекта. Использование метафоры становится способом достижения манипулятивного эффекта, который манипулятор осуществляет, создавая все новые яркие метафорические выражения или многократно повторяя хорошо узнаваемые метафоры, ставшие своего рода стереотипами. В этом качестве основной функцией метафоры является миромоделирование, категоризация действительности: актуализируя конкретный образ, метафора отсылает ко всему многообразию смыслов, заключенных в модели, по которой она образована. Так происходит в тематическом субдискурсе, посвященном нефтегазовому бизнесу, когда, например, использование метафорической модели «НЕФТЕГАЗОВЫЙ БИЗНЕС – ВОЙНА» становится тактикой манипулирования.

В заключение отметим, что метафора способна выполнять множество функций, но наибольший исследовательский интерес представляет прагматический аспект использования тех или иных метафорических моделей, способы их воздействия на общественность в целом и отдельно взятого читателя в частности. Когнитивная функция рассматривается как основная, прагматическая же является следствием того, что метафора способна участвовать в процессах моделирования и категоризации.

Направленность на выполнение данных функций определяется своего рода «заказом» со стороны соответствующего дискурса. В медиадискурсе одной из основных функций является манипулятивное воздействие на установки читателей; включение тех или иных метафор и метафорических моделей в систему реализации намерений манипулятора основано на их манипулятивном потенциале.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. С. 8–45.
2. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Екатеринбург ; Омск, 2006. С. 20–33.
3. *Эксперт* ONLINE. URL: http://expert.ru
4. *Найдина Д.С.* Метафора в процессах манипулирования в современном медиадискурсе (на материале тематического субдискурса «НЕФТЕГАЗОВЫЙ БИЗНЕС») : дис. … канд. филол. наук. Томск, 2013.
5. *Шиляев К.С.* Фреймовая архитектура ключевой текстовой метафоры произведений Дж. Лондона «White Fang» и «The Call Of The Wild» // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 58–63.
6. *Известия*. URL: http://izvestia.ru
7. *Болсуновская Л.М., Диденко А.В.* Дискурсология: анализ теоретических подходов к исследованию дискурса // Вестник ЧитГУ. 2010. № 7. С. 64.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 января 2015 г.

METAPHOR FUNCTIONING IN MANIPULATION PROCESSES IN OIL AND GAS SUBDISCOURSE

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 33–37. DOI: 10.17223/15617793/397/6

Naydina Darya S. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dsnaydina@gmail.com

Keywords: metaphor; metaphorical model; discourse; manipulation.

Metaphors used in mass media texts are one of the most wide spread ways of social opinion manipulation. Metaphors involvement into manipulation processes is regarded from two points of view: 1) metaphor is used in strategy, tactics and methods implementation; 2) metaphor is a method, tactics of manipulation. In the first type of implementation there are two variants of metaphors involvement into manipulation processes. Metaphor can be included into the method, tactics or strategy of manipulation as an assistant part, not playing an essential role in reaching manipulative effect, but adding some extra figurativeness to used language means, which are main in getting the necessary manipulative effect. In the second type of metaphor implementation into manipulation of social opinion as a supporting means, method, tactics or strategy is constructed in such a way, that metaphor is a language means, translating the manipulative idea, in other words, some method uses metaphors as a language means of manipulative idea translating. Metaphor shows an essentially different functional and manipulative potential in the case, when its usage is a conscious choice of a manipulator, when metaphor is one and only way to reach the necessary manipulative effect. The analyzed subdiscourse showed a wide usage of the method of "using metaphor" and the tactics of "using a metaphorical model". In such cases metaphors implementation is well-aimed and well-targeted, it is metaphor that plays the key role in reaching the manipulative effect. It is key metaphorical models that are used in such tactics of manipulation; these models are realized in discourse as text elements, being language means of manipulative strategies, tactics and methods. Such models have a particular interpretative world-modeling potential and are able to influence significantly on forming the sense and image structure of a text. The text forming function, the number of implementations and the key role in the processes of understanding reality gives such models an exceptional role in creating the necessary manipulative effect. Using metaphor in such a function is a way of reaching the manipulative effect which manipulator is implementing by creating new, striking metaphorical expressions or repeating well-known metaphors which became some kind of stereotypes.

REFERENCES

1. Chudinov, A.P. (2001) *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphors (1991–2000)]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
2. Issers, O.S. (2006) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of the Russian language]. Ekaterinburg; Omsk: Editorial URSS.
3. *Ekspert ONLINE*. [Online]. Available from: http://expert.ru.
4. Naydina, D.S. (2013) *Metafora v protsessakh manipulirovaniya v sovremennom mediadiskurse (na materiale tematicheskogo subdiskursa "NEFTEGAZOVYY BIZNES")* [Metaphor in the process of manipulating in modern media discourse (based on the thematic subdisourse "Oil and Gas Business")]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
5. Shilyaev, K.S. (2013) Frame architecture of the key textual metaphor in *"*White Fang*"* and *"*The Call of the Wild*"* by J. London. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 372. pp. 58–63. (In Russian).
6. *Izvestiya*. [Online]. Available from: http://izvestia.ru.
7. Bolsunovskaya, L.M. & Didenko, A.V. (2010) Discoursology: Analysis of Theoretical Approaches to Discourse Studies. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7. pp. 39–44. (In Russian).

Received: 27 January 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 38–43. DOI: 10.17223/15617793/397/7

УДК 821.161

Л.Ю. Парамонова

МУЧИТЕЛЬНАЯ ЖАЖДА КРАСОТЫ И АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ЦВЕТА В КНИГЕ И. АННЕНСКОГО «КИПАРИСОВЫЙ ЛАРЕЦ»

Рассматривается семантика цвета в книге И. Анненского «Кипарисовый ларец» как отражение извечного поиска красоты поэтом. Предпринят анализ цветоупотребления, выявлены наиболее частотные цвета, несущие повышенную смысловую нагрузку. Представлен анализ отдельных стихотворений с целью соотнесения мифопоэтики и фоносемантики. Делается вывод об амбивалентности цветовых символов: цвет, в зависимости от его отнесенности к небесной или земной сферам, может нести просветление или, напротив, муку.

Ключевые слова: Анненский; цвет; красота; страдание; амбивалентность; фоносемантика.

В. Брюсов в рецензии на книгу «Кипарисовый ларец» писал об особом методе Анненского, который «обладал способностью к каждому явлению, к каждому чувству подходить с неожиданной стороны. Его мысль всегда делала причудливые повороты и зигзаги; он мыслил по странным аналогиям, устанавливающим связь между предметами, казалось бы, вполне разнородными» [1. С. 124]. Мир в стихах Анненского хрупок и призрачен, и человек в нем живет под знаком обреченности, в этом «я» и «не-я» едины. Мир отражается во всей его красоте и совершенном несовершенстве, преломляясь через призму созерцающего одиночества. О принципиальной связи красоты и муки писал сам Анненский в эссе «Изнанка поэзии». По его мнению, «отрицательная, болезненная сила муки уравновешивается в поэзии силою красоты, в которой заключена возможность счастья» [2. С. 190]. Красота всегда мучительна, она «живет своей особой и притом непонятною и чуждою нам жизнью» [Там же]. Чем более нужна красота человеку, тем менее он нужен ей – таково восприятие изнанки красоты поэтом. Поэт воспринимает красоту мира через зрение («жёлтый сумрак», «лучезарное сиянье», «красочный обман»), слух («медное солнце смеялось», «лепечет дождь»), обоняние («в воздухе, полном дождя», «синий сон благовонных кадил», «аромат лилеи мне тяжел» [3. С. 185–197]). Внимание к внешнему, предметному миру роднит Анненского с акмеистами, не случайно Мария Рубинс рассматривала экфрасис в творчестве поэта в одном ряду с акмеистами в книге «Пластическая радость красоты: Экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция» [4]. Особо богата, как это ни парадоксально, цветовая палитра Анненского, прежде всего, в книге «Кипарисовый ларец», «равную которой по красоте, совершенству и силе воздействия на сердца и умы, трудно сыскать в русской поэзии начала XX века» [5. С. 17].

Поэтика цвета в творчестве Анненского уже привлекала внимание исследователей: М.В. Тростников пишет о символике желтого цвета в лирике Анненского [6. С. 15–18]; А.А. Комиссарова [7. С. 7–11] анализирует семантику «желтого Петербурга» поэта; Н.В. Налегач подробно исследовала символику образов аметистов (тесно связанных в поэтике Анненского с сиреневым цветом) [8. С. 51–54]. Однако комплексно поэтика цвета у данного автора не рассматривалась.

Цветовая палитра И. Анненского включает более 30 цветов и оттенков. Конечно, как и у любого художника (слова или кисти), у поэта есть излюбленные цветовые символы. Некоторые цветовые эпитеты у него напрямую связаны с образами драгоценных камней, металлов, цветущих растений. Так, например, синий и лазоревый цвет часто сопровождается отсылками к сапфирам, жёлтый нередко «золотится», а излюбленный поэтом лиловый – это всегда «холодный сумрак аметистов» или «благоуханная сирень». Таким образом, каждый цвет подкрепляется в сознании читателя каким-то конкретным образом мира – земного или небесного – отсюда частая амбивалентность в восприятии цвета Анненским: один и тот же цвет в разных стихотворениях может символизировать противоположные чувства и представления. На восприятие того или иного цвета влияет его условная отнесенность к одной из двух категорий: цвет в лирике Анненского предстает в двух ипостасях – как земная, локальная окраска предметов (этот цвет непрозрачен, плотен и прост) и как цвет, пронизанный светом (бесплотный, связанный с огнем и воздухом, открывающий нам иной прекрасный мир). Велика роль контекста стихотворения, семантика цветовых деталей изменчива, а не сводится к отвлеченно-символическому значению, закрепившемуся в культуре.

В. Брюсов так характеризовал своеобразие поэтики Анненского: «Манера письма И. Анненского – импрессионистическая; он все изображает не таким, каким он это знает, но таким, каким ему это кажется, притом кажется именно сейчас, в данный миг» [1. С. 124]. Отсюда внимание поэта к изменчивым, едва уловимым состояниям природы, к тонким граням соответствий между состояниями человека и окружающего мира. Цвет в стихах Анненского представлен в разных воплощениях и оттенках – от «блеска алмазных граней» до «снопов огня и багрянца». В стихах «Кипарисового ларца» цвет есть везде – обозначенный явно («жёлтых туч томит меня развод») или же скрытый за зрительными образами («в тарантас дождит туман»). Цвет угадывается в шуме дождя, в «досках свежих мостов», в «туманном льду» – во всех образах поэт пишет словно маленькими каплями красок.

Доминируют цвета: золотой (жёлтый), синий (голубой), лиловый, чёрный, пурпурный (красный) и белый. В разных комбинациях встречаются в стихотворениях также зелёный и розовый, но данные цвета

не несут такой *особой* смысловой нагрузки. Зелёный, в основе своей, это цвет леса, поля, это «земные ветки», «земное море». Мы встречаем его в описании природы и явлений, с ней связанных: «отуманенный сад // Как-то особенно зелен», «тают зеленые свечи», «надо мной зеленеет вода», «в еле тронутых зеленью звездах». Розовый же – заря, юность, розовые щёки младенцев, отблеск восходящего и заходящего солнца: «розовые закаты», «сизо-розовый отсвет», «под вечер в облаке розовом», «только розовый отблеск зимы», «истомой розовой тюльпаны». Используя зеленый и розовый, Анненский ориентируется на их традиционное изобразительное и психологическое значение. Такой цвет, как коричневый, в поэзии Анненского вообще отсутствует.

Обратимся последовательно к каждому из основных цветов, встречающихся в книге, чтобы выявить их основные контекстуальные значения.

Жёлтый, золотой. Этот цвет в стихотворениях Анненского наиболее содержателен и частотен из всех цветообозначений. В истории культуры жёлтый цвет нередко трактуется как негативный в психологическом отношении цвет. По В. Кандинскому, например, это цвет помешательства, безумия, сумасшествия, он давит на душу, насилует её [9. С. 67]. В статье Андрея Белого «Священные цвета» жёлтый трактуется как «зловещий отблеск», гнетущий и больной. Не зря Петербург в романах Достоевского окрашен в болезненно-жёлтые тона. Но жёлтый – это и свет солнца, света, жизни, как, например, в поэзии К. Бальмонта. Какова же семантика этого цвета у Анненского?

О.Ю. Иванова в статье «О “неслучайности” слова в поэтическом творчестве И.Ф. Анненского» [10] утверждает, что «жёлтый цвет у Анненского нигде не связан с семантическим полем “солнце”, он не является синонимом золотому». Действительно, в большинстве случаев мы видим у него «не блеск золотой желтизны, а матовость медового тона» (мёд, как известно, в неоплатонизме служил символом смерти, жертвой подземным богам). В целом желтый цвет не имеет у Анненского положительных коннотаций, в стихах поэта жёлтый сопутствует в большинстве своём темам печали, уныния, болезни, смерти. Это традиционно для семантики желтого цвета, ассоциативно связанного с образом осени, умирающих листьев и, как следствие, заката лета, молодости, жизни. Тематику умирания, мучения можно проследить даже по названиям стихотворений, в которых поэтом часто используется желтый цвет: «Пробуждение», «Умирание», «Мучительный сонет».

Жёлтый – болезнь, смерть, уныние – всё то, чего так страшится лирический герой Анненского. Жёлтый у него – мучительный, этот цвет насквозь пронзает стихотворение «Мучительный сонет», здесь «пчелиное гудение» и «талый снег под желтизной огня» несут в себе тяжёлую, душную семантику жёлтого цвета, он давит, мучает душу человека: блики огня, пчела, талый снег, «потное стекло» – всё это отражается жёлтым цветом больной души, всё это нагнетает муку, болезнь.

Желтый, как правило, цвет плотный, земной, он связан с влажной стихией тумана, дождя, пара. Стихотворение «Серебряный полдень» начинается образом тумана и заканчивается образом гроба и свечей. Сквозной мотив в стихотворении – мотив мертвенности, умирания. Даже простор – мёртвый, что усиливается ярким звучанием жёлтого цвета: «Стал даже желтее туман // Стал даже желтей и мертвей он», и очень ярок образ «солнечных ран», тоже так или иначе отсылающий к жёлтому. В стихотворении «Пробуждение» солнце у Анненского связано с болезнью – оно больно: «Солнце за гарью тумана // Жёлто как вставший больной». Здесь же появляется образ «проклятого огня» и «черных стен», тронутых пеплом и копотью: мотивы горения, смерти, запустения. Снова и снова желтый цвет перекликается в стихотворениях с черным, с огнем, дымом, пеплом. Семантика болезни и мертвенности желтого цвета переходит из стихотворения в стихотворение: «Два жёлтых лика, два унылых» («Смычок и струны»), «Между старых жёлтых стен <…> стал даже желтей и мертвей он» («Умирание»).

Как цвет печали, болезни и смерти, жёлтый для Анненского, как и для Достоевского, ассоциируется с Петербургом: «Жёлтый пар петербургской зимы // Жёлтый снег, облипающий плиты», «Да Неву буро-жёлтого цвета» («Петербург»). Это, в первую очередь, Петербург, каким его видел Достоевский, с грязными, ржавыми водами, желтыми окнами, город в желтом мареве, которое подчеркивает образ «желтого пара».

Только «сублимируясь», очищаясь от влаги, желтый может переходить в сухой огонь, мучающий, но очищающий: «О дай мне только миг, но в жизни, не во сне, // Чтоб мог я стать огнем или сгореть в огне!». Желтый – это пограничное состояние между жизнью и смертью, потому и «жёлтый сумрак мёртвого апреля» («Вербная неделя») воспринимается залогом грядущей Пасхи.

Положительная семантика желтого появляется также при отнесении его к золотому солнечному огню. Показателен в этом плане «Солнечный сонет». Солнечный жёлтый цвет уже не столько цвет, сколько свет, золотой – светлый, выступающий дарителем жизни и покоя: «солнце брызнуло с постели снопом огня и багреца». Этот огонь не страшит, не сжигает и не несет смерть, и это золото-солнце вносит в мир лирического героя свет: «Кошмары ночи так далёки». Разглаживаются «морщины моря», и хищник превращается в простого шалуна – свершается метаморфоза мира, освещенного золотым светом солнца.

Анненский видит свет в золоте, этот оттенок в его мире вносит просветление, уносит «тяжкие метели», это оттенок, указывающий в будущее, «где грёзы несбыточно дальней // сквозь дымы златятся следы» («Просвет»). Показательна в приведенных строчках аллитерация на [с/з], ассоциативно отсылающая нас к слову «свет», «свечение» и подчеркивающая небесное происхождение золотого цвета.

Контрастным к жёлтому, по законам колористики, выступает цвет *синий, голубой, лазурный*. Эта оппозиция содержит противопоставление жизни и смерти в

стихах Анненского. Лазурь – светоцвет неба, она «очищена» от тяжести материальных, земных предметов. Как отмечает О.Ю. Иванова; «лазурь – радостная жизнетворящая и жизнеутверждающая функция и сущность неба (и самой жизни), сущность Бога» [10]. В стихах Анненского всё то лазурно, что живо, светло, ново: «в этот день голубой», «мечта весны когда-то голубая» («Ледяная тюрьма»), «май со своей голубой высоты» («Весна»). Здесь голубой цвет сопровождает образы мечты, дня, мая, выступая не предметной характеристикой, а ассоциативной, полупрозрачной вуалью, окутывающей создаваемый поэтом образ. Здесь голубое – это знак весны, свежести, надежды, нового рождения. Лазурь небес выступает как обещание счастья и светлого будущего, лёгкость и чистота. В этом отношении Анненский сближается с трактовкой голубого цвета Флоренским: голубой – это мировая душа, духовная суть мира. «Мы научимся узнавать нашу радость, взирая на ясно-лазурное грустящее небо», – пишет Флоренский [11. С. 315]. Божественный покой и радость зрится голубым: «хорошо в голубом огне, в свежем шелесте» («Лишь тому, чей покой таим»). Голубой цвет в стихах Анненского знаменует долгожданный покой на душе, что-то близкое раю: «Лишь тому, чей покой таим, сладко дышится». В голубом цвете рисуется солнечный день, полный синевы, цветущей сирени и ожидания любимой. Даже пчёлы в таком раю пьяны от синевы. Голубое – нечто высокое и идеальное, осененное священным огнем, что углубляет в голубом цвете семантику очищения, обновления: «И огней нетленные цветы я один увижу голубыми» («Аромат лилеи мне тяжёл»).

Небеса для Анненского – мир мечты, устремлённости к идеалу. И смена ночи и дня – словно смена жизни и смерти, в которой лазурь жизни стирается, обесцвечивается. «А всё ведь только что сейчас // Лазурно было здесь», – восклицает поэт.

Синий в стихотворениях Анненского также нередко связан с мотивом огня, это и «полудня пламень синий», где всё живет – кипит – горит, и «синий сон благовонных кадил» в сакральном пространстве храма. Синий – цвет духовной углублённости, цвет покоя и непорочности, в то же время включающий в себя призвук печали. Отсюда появляется у Анненского «Тоска синевы». Поэт не случайно собирает в стихотворении различные оттенки синего, передавая через изображение неба состояние души: небеса предстают то лазурными, то «сапфирными». Синь здесь «нежная», это божественный, высокий цвет, пронизанный светом: «синью нежною, как пламя, горды солнцевы палаты». Синева приравнивается к огню, она пылает, светится и само употребление лексемы «синь» актуализирует созвучие со словом «сияние». Образ небес в стихотворении – воздушный, кристальный, зыбкий как волны – синий цвет в нем растворен, прозрачен и изменчив, как грани сапфиров, сквозь которые проходят лучи света. Помимо цветовых эпитетов образы воли, воздуха, неба наполняют стихотворения густотой цвета, но здесь важны переливы из воздушно-голубого в насыщенный, тяжёлый синий. Из легкости и нежности поэт ведет нас к жаждущей покоя тоске, «слез, как сердце, тяжко полной».

Синий цвет присутствует в стихотворении и на фоносемантическом уровне: ассонанс звуков [и], [у], согласно фоносемантике, вызывает у читателя интуитивное ощущение синевы. Как пишет Казарин, эти звуки ассоциируются с тёмно-синим и голубым цветами [12. С. 217].

Синий цвет связывается в стихотворениях Анненского с образами камней, которые можно уподобить застывшему, отвердевшему пламени. Символика сапфиров – чистота, спокойствие, правдолюбие, целомудрие. В Средние века считалось, что сапфир символизирует воздух, это камень верности, целомудрия и скромности. Буддисты верят, что этот камень делает человека «чистым», создаёт радость и согласие. Не раз в стихотворениях Анненского упоминается «сапфирность неба». Но чем гуще синева, тем больше печали и тоски вбирает она в себя. Такова синева без света, лишенная прозрачности, например, в стихотворении «Спутнице» появляется образ: «свод картонно-синий», который при расставании с любимой заменяет «ту высь, что знали мы лазурной». На смену беспечной радости, любви и весне вдруг приходит пустота, плоскость горького разочарования и одиночества. Такова же эмоциональная окраска образа «этот нищенский синий и заплаканный лёд» («Снег»).

Знаменательный цвет для Анненского – лиловый, сиреневый. Он связывает в единый комплекс мотивы цветов, огней, камней, тоски и сна. Этот цвет амбивалентен, как никакой другой. В трактовке П. Флоренского «фиолетовый есть тьма пустоты», символизирует нечто печальное, погасшее, глубоко погружённое в себя [11. С. 310]. У Анненского лиловый может быть чист и ярок, в тех случаях, когда он тяготеет к сиреневому оттенку, символу тишины, сна, забвения. В образах рая, покоя у поэта непременно найдутся «зацветающие сирени» – как атрибут любви, весны, свидания. Они создают светлую атмосферу, символизируя любовь и вечность: «Припадая к цветам сирени лунной ночью, лунной ночью мая, // Я твои ль целовал колени» («Traeumerei»). В один ряд Анненским ставятся эпитеты: «сиреневых, и ласковых, и звёздных» – лиловый становится сиреневым, будучи связан с холодным светом (огнем) небесных светил.

В другой своей ипостаси, тяготеющей к фиолетовому, это «лиловый разлив полутьмы». Те же гроздья сирени, но цвет здесь символизирует иную реальность: «лиловатость отсветов с высей» («Тоска белого камня»). Фиолетовый и лиловый – цвета за порогом тьмы. Они связаны с ночью, с её таинством и ирреальностью, а значит, и со сном. Отсюда – другая «фаза» сиреневого цвета – дрёма.

«В гроздьях розово-лиловых // Безуханная сирень» («Дремотность»): в этом стихотворении сонная, мягкая атмосфера сиреневых сумерек. Сирень здесь неподвижна, туманна, вся картина – полуявь-полумираж, герой погружен в состояние дремотности: «Полусон, полусознанье // Грусть, но без воспоминанья». Ни запахов, ни звуков, ни чувств, словно всё погружено в глубокий сон. Здесь царит тиши-

на, но это не просто глубокий сон, скорее некое состояние пороговости: «солнца нет», «с тенью тень в сочетаньях вечно новых», «сирень… неподвижна как в оковах» – мир как будто застыл в ожидании. Цвет в стихотворении неярок, не плотен – «розово-лиловый», неопределенный. Промежуточное состояние между цветом и светом, соответственно – между земным и небесным, жизнью и смертью, словно какая-то точка «зависания», остановки, статики, неустойчивого равновесия, которое должно разрешиться в ту или иную сторону. Сиреневый выступает здесь как цвет грани, точки равновесия между двумя мирами: явленным, очевидным и скрытым, глубинным. Сама субстанция сиреневого цвета наталкивает нас на подобную мысль: сиреневый (как разбавленный фиолетовый) есть сочетание синего и красного, где синий – прозрачный символ неба, эфира и красный – земной, плотный, наполненный огнем цвет. Тогда можно предположить, что сиреневый здесь символизирует переход между огнем и покоем, между небесным и земным, между жизнью и смертью. Отсюда в нем этот признак неполноты – не вполне синий, не вполне красный – потому не тьма и не свет, не сон и не явь, а лишь полутьма, дрема, полусон, полуявь, полузабвение.

Состояние пороговости сиреневому придают и излюбленные Анненским аметисты. Они – как застывшее пламя, «холодный сумрак», состояние между горением и статикой холодного кристалла.

Реальное перетекает в полусон, где царит «холодный сумрак аметистов». Характерная метафора в стихотворении «Аметисты» – «сжигая синеву» – синее, то есть последнее, что было живым, дышащим и напоминающим о реальном мире, горит, тает и застывает в холодные «грани аметиста». Пропало голубое небо, и душу поглощает мир зыбких аметистовых миражей, которые тают, «лиловея и дробясь», словно язычки пламени, застывшего в сердце камня. «Камень как «кость земли», квинтэссенция земного начала способен пропускать сквозь себя свет, преломлять его лучи и тем самым выражать идею просветления или преображения косного материального мира под воздействием идеально-духовных сущностей», – комментирует Н.В. Налегач [8. С. 51].

В данном стихотворении аметист предстает как символ, излучающий свет и обещающий достижение идеала – то самое «лучезарное слиянье», сновидческую мечту о воссоединении. Аметист издревле считали символом любви, спокойствия и набожности. У Анненского он как ориентир на то, что зыбко и смертно: «Средь месячных лучей, и нежны, и огнисты // В росистую траву катятся аметисты. И гибнут без следа» («После концерта»). Это последние осколки светлых снов, оставшиеся от ночи и тающие при первой росе, как пламя свечи, растворяющиеся в лучах солнца и символизирующие тайну, окрылённость мечтой и призрачность.

Но сиреневый цвет у Анненского не всегда нежен и хрупок. Его знаменитая «Сиреневая мгла» – уже не просто холодный сумрак, это манящая, сосущая душу тоска. Здесь сиреневый разрастается до космических размеров: «По снегам бежит сиреневая мгла». Это не просто сон, или лиловые огни, это – стихия. Она бежит, увлекает, манит, губит. И человеческой душе трудно устоять против ее зова: «И я понял, что люблю её давно». Эта мгла близка к фиолетовой бездне, той, о которое пишет П. Флоренский, что это «тьма пустоты, хаос» [11. С. 310]. Здесь сиреневый – цвет густой, мучительный. Синие дали неба скрыты под пеленой душного сплошного тумана, лишь тонкий лед «синеет» над омутом – но он не дает спасения душе, грозя разлететься на осколки и поглотить душу лирического героя в этой фиолетовой бездне.

В целом же сиреневый для Анненского – цвет спасения, поиска идеала в забытьи. В небольших дозах он успокаивает душу, несёт покой, просветление. Сиреневый – цвет забытья, но и цвет жизни в сравнении с *чёрным* цветом в поэтике Анненского. Очень показательно стихотворение «После концерта», где два эти цвета противопоставлены – как мечта и её крушение, жизнь и катастрофа. «В аллею чёрные спустились небеса», усталость, погасшие огни, чёрный атлас одежд и неподвижность глаз –всё, что осталось от мечты. Ночи и холоду (плотному черному цвету) противопоставлен концерт – вспышка жизни, где столько звуков – «сиреневых, и ласковых, и звёздных». Вспышка, а значит горение и небесное очищение души. Но не случайно здесь появляются образы аметистов, канувших в ночи – пламя снова застывает и остается только чернота, усталость, забвение. С рассыпавшимися в траве аметистами соотнесен «мотив развеянной души», как отмечает Н.В. Налегач [8. С. 54].

«Чёрный, – читаем у Кандинского, – мёртвое после угасания солнца, вечное безмолвие без будущности и надежды» [9. С. 73]. В стихах Анненского присутствуют: «раны чёрные», «снегов немую черноту» («Зимний поезд»), «и черна, и суха как унылость» («Весна»). Даже фата окрашена в черный. Анненский традиционен в своём восприятии этого цвета. Чёрное у поэта – мертвенное, мутное, неживое: «лоно смерти открылось чёрно». Это не обязательно смерть, но всегда крах надежд, желаний, радости. Сонет «Чёрный силуэт» связывает между собой мотивы холода, муки, зеркала, смерти – все они соотносятся с черным цветом.

Ещё менее часто встречаются в поэзии Анненского *пурпурный, алый* цвета. Символически красный – цвет плоти, жизни, облечённой в тело, красный – извечный цвет крови, революций и горения. У Кандинского – это радость, энергия и триумф, у Белого – это марево, в котором горят все чувства, Адов огонь. У Анненского это типично телесный, плотный цвет. Из Средних веков пришел цвет пурпура, как цвет плоти и крови, цвет одежд высших сословий, цвет безграничной власти. «Его в пурпуре привлекает сторона смерти», – пишет Иванова [10]. Но пурпур и смерть всегда тесно связаны у поэта с огнём, а огонь несет семантику освобождения, развоплощения души из тела. Даже рассвет «горит»: «рассвета пламень алый», «в дыму полудня красном», «полосою кровавой не вспыхнул восток». Здесь везде огонь тесно сплетён с красными отсветами. Огонь пожирает, сжигает, но и обновляет

душу. Показательно для понимания этого цвета в творчестве Анненского стихотворение «Маки».

Маки издавна символизируют собой сон, смерть и забвение. Эта семантика присутствует и в значении красного цвета у Анненского, ведь маки – красные, алые. Стихотворение начинается с образа огня: «Весёлый день горит», и рисуются пятна маков среди бессильных трав. Это буйство цвета, огонь, кровь соотносятся с эротическими образами: «губы, полные соблазна и отрав», «алых бабочек развернутые крылья» и «жадное бессилье». Красный символизирует горение, экстаз, дикий пир перед смертью; как недолговечно пламя огня, как недолговечны хрупкие бабочки, так быстро отцветают маки, так быстро проходят чувства, не случайно существует поговорка: «сгорел, как маков цвет». Цвета в этом стихотворении ярки и насыщены, но вместе с тем прозрачны и полны воздуха, столь необходимого для процесса горения. В финале стихотворения Анненский рисует картину изнеможения и бессилия: «сад и пуст, и глух» и «маки сохлые, как головы старух». Буйство чувств и красок окончено, все снова покрыто пеплом и вновь возвращает нас к черному и теме смерти.

Это стихотворение, как и многие другие, создает ощущение цвета и на фонетическом уровне. Звук [а] – звук красный, реже он вызывает ощущение чёрного [12. С. 262]. В стихотворении отчётливы ассонансы на [а]: трав, маки, пятнами, жадное, соблазна, отрав, алых бабочек, сад. Если в первой половине стихотворения эти звуки, подкреплённые образами огня, маков, губ, видятся красными, пылающими, то во второй части, где «сад и пуст, и глух», они наполняются дымом и чернотой остывающего пепелища.

Особым значением наделён у Анненского *белый* цвет Что такое белый цвет? Всецветье – всё и ничего. Белый – одновременно символ чистоты и невинности, но и траура, поминовения. Белый – символ вселенной, по Кандинскому, это молчание и холодная стена вечности [9. С. 72]. Стихотворение Анненского о смерти названо «Серебряный полдень».

У Анненского белое – не светлое, не живое, напротив, это что-то мучительное, угасшее, напоминающее о смерти. Обратимся к строчкам Анненского: «Сад мой донят // Белым холодом жизни» («Осенняя эмаль»), «Тоскливо-белы стены» («Тоска мимолётности»), «Белый луч притворился улыбкой». Что-то фальшивое сквозит в этом белом безмолвии, притворные улыбки, тоскливые стены, мёртвый сад. Этот белый цвет как эмаль – плотный, вязкий, статичный. В нем нет света, нет ни жизни.

В стихотворении «Второй мучительный сонет» поэт вводит мотив белого сна. Здесь белый равно зыбкий, снежный, бредовый: «Вихри мутного ненастья // Тайну белую хранят». Это мучительный сонет, и мучительно же ощущение белого: «Это сон, седая мгла… снега скрип, мельканье тени». Всё зыбко, нечётко и запутано. И, хотя речь идет о любовной встрече, она изображена, как в лихорадке, как в тумане. Здесь белый цвет – «губ холодных мёд и яд». Белый цвет не внушает доверия: «Я боюсь белоснежной мечты», «Белый день встаёт сердито». Нет в белом цвете в стихах Анненского божественной ангельской чистоты. Белый – это цвет смерти, цвет тумана, дурмана и забвения. Даже чувство, даже слово у поэта «бело-тревожно» («Невозможно»). В белый цвет окрашена умершая возлюбленная – вечная невеста. Но она красива и незабвенна в своем белом обличии, она заставляет страдать поэта, равно как и сам белый цвет. «Идеи муки и красоты иногда сближаются, – пишет Анненский в эссе «Изнанка поэзии», – но мы не перестаем и тогда чувствовать их исконное противоречие друг другу» [2. С. 190]. Мука воспоминаний дорога для поэта: белым цветом «являлись мерцанья могил // и сквозь сумрак белевшие руки». Тревога и скорбь окрашены в белый цвет: бел венец хризантем, принесённый на могилу возлюбленной. Сам образ хризантемы – цветка похоронных обрядов – воспринимается как символ безмолвной и глубокой печали. В других стихотворениях образ мертвой белизны нагнетается ещё больше: «Сейчас разминуться должны мы // На белом, но мёртвом снегу» («Тоска миража»), «Точно кисти в кипарисе // Над могилой сизобелы», «Лишь ужас в белых зеркалах» («Перед панихидой»). Чистота и красота белизны притягивают его, но вместе с тем заставляют снова и снова мучиться и переживать утраты.

Таким образом, семантика белого цвета у Анненского достаточно ясна: это цвет памяти, смерти и скорби. Стихотворение «Невозможно», проникнутое семантикой умирания и скорби, насыщенно белым цветом на уровне цветописи – здесь и белые руки, и белая тревога, и хризантемы, и могилы. Оно и на фонетическом уровне «окрашено» в жёлто-белые тона, здесь из общего количества гласных – 29 [о] и 34 [е]. Звук [о] в фоносемантике связан с белым цветом, второй звук – жёлтый. Звучание аккомпанирует значению лексем.

Таким образом, те или иные оттенки помогают поэту ярче выразить тончайшие грани настроения, состояния и передать его читателю. Все цвета приобретают в его поэтическом мире особый небесный, светозарный колорит. Каждый цвет у Анненского амбивалентен по своей природе. В зависимости от его принадлежности к небесным или земным сферам, цвет может нести просветление или муку. Но каждый цвет несет в себе красоту мира, которая сама по себе мучительна и постигается только через страдание: ведь «крупица страдания должна быть и в смехе, и даже в сарказме, – иначе поэт их никогда себе не усвоит» [2. С. 188].

Цвет воспринимается Анненским как естественная часть мира, как воздух, слитый со средой, иногда растворенный в ней или в ее деталях – в камнях, в застывшем пламени, в отражении воды, в переливах неба. Это не яркие пятна, бросающиеся в глаза, а гармоничная картина, преломляющаяся сквозь призму чувств поэта. И пусть эти чувства зачастую мучительны, но, говоря словами самого И. Анненского: «Разве б петь, кружась, он перестал // Оттого, что петь нельзя, не мучась?» («Старая шарманка»).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брюсов В.Я.* Далекие и близкие // Статьи и рецензии. Собрание сочинений в 7 томах. М. : Худ. лит, 1973. Т. 6. 205 с.
2. *Анненский И.Ф.* Книга отражений. Вторая книга отражений. М. : Ломоносовъ, 2014. 304 с.
3. *Рогачева Н.А.* Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX – начала XX в.: проблемы поэтики. Тюмень : Изд-во Тюмен. ун-та, 2010. 404 с.
4. *Рубинс М.* Пластическая радость красоты: Экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция. М. : Академ. проект, 2003. 360 с.
5. *Беренштейн Е.П.* Просветлённая страданьем красота. Поэтический мир И. Анненского // Литература в школе. 1992. № 3–4. С. 17–22.
6. *Тростников М.В.* Символика желтого цвета в лирике И. Анненского // Русская речь. 1991. № 4. С. 15–17.
7. *Комиссарова А.А.* Символ камня в «Петербурге» И.Ф. Анненского // Русская речь. 2012. № 1. С. 7–11.
8. *Налегач Н.В.* Символика аметистов в поэзии И. Анненского // Филологический класс. 2012. № 2 (28). С. 51–54.
9. *Кандинский В.* О духовном в искусстве. М. : Архимед, 1992. 349 с.
10. *Иванова О.Ю.* О «неслучайности» слова в поэтическом творчестве И.Ф. Анненского. URL: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=433
11. *Флоренский П.А.* Иконостас. Избранные труды по искусству. СПб. : Мифрил-Русская книга, 1993. С. 309–316.
12. *Казарин Ю.В.* Филологический анализ поэтического текста. Екатеринбург : Деловая книга, 2004. 432 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 29 мая 2015 г.

ACUTE THIRST FOR BEAUTY AND AMBIVALENCE OF COLOUR IN INNOKENTIY ANNENSKY'S BOOK *CYPRESS BOX*

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 38–43. DOI: 10.17223/15617793/397/7

Paramonova Liana Yu. Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: liana@sp-corp.ru

Keywords: Annensky; colour; beauty; suffering; ambivalence; phonosemantics.

The article discusses the semantics of color in the book of poems *The Cypress Chest* by Innokenty Annensky as a reflection of the eternal search for beauty by the poet. It presents a general review of all color images and reveals the most frequent of them – the ones that have a special meaning. The main colors in the poems by Annensky are gold (yellow), blue (cyan), violet, black, purple (red) and white. The author examines in detail each of the poet's "favorite" colors by analyzing corresponding poems in the levels of mythopoetics and phonosemantics. In addition, colors in the poetry of Annensky are associated with different symbols, e.g., precious stones, flowers or plants, celestial bodies. Thus, each color is reinforced in the mind of the reader by some specific image from the earthy or celestial worlds. That is the reason of frequent ambivalence in the poet's perception of color: the same color in different verses can symbolize opposite feelings and ideas. For example, yellow can be perceived as the color of melancholy or a disease and death, but golden has the meaning of holiness, warmth and memories of childhood. White, which is commonly accepted as the color of innocence and purity owing to the image of a bride, from poem to poem gains more shades of deadness and coldness in its semantic field and becomes the color of death, mourning, sadness and hopelessness in the last poems of Annensky. Color in his poems can be conventionally referred to one of categories which are based on its nature. The color can be a synonym of coloration, that is simple, non-transparent, dense color. Alternatively, color can be conceived of being imbued with light. This color is disembodied, related with fire and air; it discovers another, wonderful world for us. The role of context of a poem is significant, as the meanings of colors are changeable and cannot be reduced to an abstract meaning accepted in the culture. All this allows speaking about specifically brightened Annensky's universe, where each color is perceived as a natural part of the world, as the air sometimes dissolved in environment and in its parts: in stones, frozen flames, the reflection of water, the shimmering sky. These are not just bright color spots; this is a harmonious picture, refracted through the prism of feelings of the poet. And each color, showing beauty of the world, can bring enlightenment or torture, depending on its belonging to the realm of earthly or heavenly.

REFERENCES

1. Bryusov, V.Ya. (1973) Dalekie i blizkie [Far and close]. In: Bryusov, V.Ya. *Stat'i i retsenzii. Sobranie sochineniy v 7 tomakh* [Articles and reviews. Collected works in 7 volumes]. V. 6. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
2. Annensky, I.F. (2014) *Kniga otrazheniy. Vtoraya kniga otrazheniy* [The book of reflections. The second book of reflections]. Moscow: Lomonosov".
3. Rogacheva, N.A. (2010) *Ol'faktornoe prostranstvo russkoy poezii kontsa XIX – nachala XX v.: problemy poetiki* [The olfactory space of the Russian poetry of the late 19th – early 20th centuries: issues of poetics]. Tyumen: Tyumen State University.
4. Rubins, M. (2003) *Plasticheskaya radost' krasoty: Ekfrasis v tvorchestve akmeistov i evropeyskaya traditsiya* [Plastic joy of beauty: ekphrasis in the works of Acmeists and European tradition]. Moscow: Akademicheskiy proekt.
5. Berenshteyn, E.P. (1992) Prosvetlennaya stradan'em krasota. Poeticheskiy mir I. Annenskogo [Beauty enlightened by suffering. The poetic world of I. Annensky]. *Literatura v shkole*. 3–4. pp. 17–22.
6. Trostnikov, M.V. (1991) Simvolika zheltogo tsveta v lirike I. Annenskogo [The symbolism of yellow in the lyrics of I. Annensky]. *Russkaya rech'*. 4. pp. 15–17.
7. Komissarova, A.A. (2012) Simvol kamnya v "Peterburge" I.F. Annenskogo [Symbol of a stone in Petersburg of I. Annensky]. *Russkaya rech'*. 1. pp. 7–11.
8. Nalegach, N.V. (2012) Simvolika ametistov v poezii I. Annenskogo [The symbolism of amethyst in the poetry of I. Annensky]. *Filologicheskiy klass*. 2 (28). pp. 51–54.
9. Kandinskiy, V. (1992) *O dukhovnom v iskusstve* [On the spiritual in art]. Moscow: Arkhimed.
10. Ivanova, O.Yu. *O "nesluchaynosti" slova v poeticheskom tvorchestve I.F. Annenskogo* [On the "randomness" of the word in the poetic works of I. Annensky]. [Online]. Available from: http://pravmisl.ru/index.php?option= com_content&task=view&id=433.
11. Florenskiy, P.A. (1993) *Ikonostas. Izbrannye trudy po iskusstvu* [Iconostasis. Selected works on art]. St. Petersburg: Mifril-Russkaya kniga.
12. Kazarin, Yu.V. (2004) *Filologicheskiy analiz poeticheskogo teksta* [Philological analysis of a poetic text]. Ekaterinburg: Delovaya kniga.

Received: 29 May 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 44–47. DOI: 10.17223/15617793/397/9

УДК 82–1(17.82.10)

С.К. Пестерев

ОЧЕРК М. АЛДАНОВА «ВАННА МАРАТА»: СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ ПЕРСОНАЖЕЙ

Статья посвящена способам создания персонажей в очерке М. Алданова «Ванна Марата». Алданов исследует психологические типы террориста, предателя, парадоксы женских судеб в политике и другие коллизии, возникающие в переломные исторические эпохи. Среди методов портретирования выделяется проекция на исторические коллизии культурных (литературных) текстов и имён. Ключевые идеи очерка: опасность исторических мифов, творимых массовым сознанием; европейские революционные трагедии как матрицы последующих исторических событий; повторяемость событий и исторических типов как универсальный принцип человеческого развития.

Ключевые слова: М. Алданов; Марат; очерк; террор; миф.

Очерк «Ванна Марата», опубликованный в начале 1932 г. в парижской газете «Последние новости», располагается в ряду текстов М. Алданова об истории Великой французской революции и почти не исследован в научной литературе; можно отметить только одну статью, где этот очерк анализируется вместе с другим – «Фукье-Тенвиль» [1]. Очерковые тексты Алданова обнаруживают избирательное внимание автора к сюжетам политического убийства (как вариант – сюжет неудавшегося политического покушения), типам террориста, предателя, парадоксам женских судеб в политике и другим коллизиям, свойственным переломным историческим эпохам. Авторские субъективные версии исторических ситуаций и судеб исторических личностей оформляются некоторыми устойчивыми способами.

Художественная логика очерков дедуктивна по преимуществу и реализует общие для художественного мира Алданова историософские построения: роль случая в истории, сходство и повторяемость исторических процессов и эпох России и Европы, право истории на тайну, ирония истории по отношению к фигурам, претендующим на статус вершителей судеб человечества[1].

В современной теории литературы очерк определяется как жанр «с ярко выраженной организующей ролью авторского “я”, находящегося на стыке художественной литературы и публицистики. Очерк сохраняет особенности образного отражения жизни <…> и в связи с этим приближается к рассказу», отличаясь, однако, «свободной композицией, организуемой “рассказчиком” или идейным “заданием”» [3. Стб. 707].

Уникальность ситуации гибели политического деятеля от рук террориста или убийцы в данном тексте задаётся заглавием, фиксирующим место, где произошла трагедия, – ванна (ряд более ранних очерков несёт констатирующее заглавие – «Убийство Урицкого», «Убийство графа Мирбаха» и т.д.). Заглавие не оригинально. Среди предшественников автора наиболее вероятен Ж. Ленотр, который упомянут автором как «самый талантливый» из писавших о Марате и которому явно следует Алданов. В работе Ж. Ленотра «Повседневная жизнь Парижа во времена Великой революции» (1895) есть глава «Ванна Марата», где автор отыскивает следы той самой ванны, в которой был убит Марат: «История этого трагического предмета так странна, одиссея его так удивительна, что мы посвятим ему несколько строк» [4. С. 198]. Алданов следует той же логике; ему важно убедиться в подлинности ванны в пространстве восковых фигур Марата и его убийцы Шарлотты Корде – как единственного предмета, бывшего «свидетелем драмы» [Там же]. Изложение истории ванны и её атрибуции как подлинной важно для автора, всегда дочерпывающего документальные подтверждения до возможного предела: «Итак, будем считать ванну музея подлинной» [5. С. 158].

Примечательно упоминание того, что восковая фигура Марата заслоняет дно ванны, где можно увидеть следы крови. Ванна как бы аккумулирует трагические парадоксы террора и французской истории в целом. Последняя фраза первой части содержит принципиальное для автора замечание: «Надо ли говорить, что она интересует меня не сама по себе, а как символ: как символ исторического культа, очень близкого к тому, который уже восемь лет свирепствует в России» [Там же].

В разных главах находятся всё новые поводы для сопоставлений. Сюжеты двух революций органично дополняют друг друга, автор проецирует события конца XVIII в. на недавнее прошлое и находит между ними устойчивую связь. Подобные аналогии «прошивают» все части очерка и распространяются на разные сферы социальных процессов, однако, как нам представляется, эта линия в очерке не сообщает тексту оригинальности, гораздо важнее авторские версии характеров и поступков главных героев.

Очерк состоит из девяти частей, каждая из которых посвящена определённому персонажу либо эпизоду его судьбы. Композиция текста далека от чётко выстраиваемой логики взаиморасположения глав, и в таком прихотливом движении авторской мысли можно усмотреть отсутствие для него ценностной иерархии персонажей, ситуаций, деталей. Ещё в начале первой части появляется фраза, имеющая двойной смысл: автор усматривает ошибку руководителей музея в том, что «они, для усиления эффекта, хотели в *одной* (курсив Алданова. – *С.П.*) сцене изобразить и убийство Марата, и арест убийцы» [Там же. С. 156]. Думается, для автора дело не только в том, что нарушена фактическая основа события; для него Марат и его убийца представляются равновеликими в их психологических загадках и человеческих трагедиях. Поэтому сюжет очерка движим попеременным обращением к обоим главным героям.

Вторая часть посвящена в основном быту Марата, его взаимоотношениям с любящей его женщиной – Симоной Эврар. Сфера частной жизни политического, исторического деятеля является для автора одним из

способов постижения его человеческой натуры. Несмотря на упоминание фарсовой сцены «венчания», коллизии приватной жизни Марата высвечивают драму Марата-человека: «Кроме Симоны Эврар, вероятно, никто из знавших его людей никогда не любил Марата» [5. С. 160].

В этой части сталкиваются два принципа создания образа: бытовая сфера существования героя и включение его судьбы в контекст истории и культуры прошлого: «История знает политические убийства, имевшие ещё большие последствия, чем дело Шарлотты Корде. Однако за исключением убийства Юлия Цезаря, быть может, ни одно другое историческое покушение не поразило так современников и потомство» [Там же. С. 158]. Соотнесение с античной историей – убитым Юлием Цезарем и одним из убийц, Брутом, – придаёт ситуации убийства Марата высокий трагический смысл, который закрепляется и «литературной» деталью. В произведениях разной жанровой природы принципиальный смысл для Алданова обретают тексты культуры и собственно художественные тексты, отсылки к которым становятся равноправным способом оформления авторской концепции того или иного персонажа. Культурные феномены вводятся в текст разными способами: эпиграфы, прямое авторское цитирование либо цитирование персонажами, аллюзии, помещение литературных фрагментов в сноски и т.д. М. Алданов «пропускает» своих персонажей сквозь литературные ситуации и характеры. Самым устойчивым именем в текстах Алданова, несомненно, остаётся Достоевский[2]. Романы Достоевского становятся парадигмой постижения смысла различных исторических ситуаций и судьбы тех персонажей, за которыми автором признаётся сложность внутренней жизни. В «Ванне Марата» упоминается эпизод из третьей главы второй части романа Ф.М. Достоевского «Идиот», когда князь Мышкин впервые направляется к дому Рогожина, как будто предчувствуя, что с этим местом будет связана будущая трагедия. В «Ванне Марата» точно цитируется фраза Достоевского, когда уточняется место обитания героя, его жилище: «Он напоминал некоторые дома Достоевского, в частности “тот большой, мрачный, в три этажа, без всякой архитектуры” дом, в котором произошло убийство Настасьи Филипповны…» [Там же. С. 159]. Такая отсылка заведомо проецирует смысл романа Достоевского на события, происшедшие задолго до его создания, но соразмерные по степени сложности и психологической запутанности коллизиям будущего романа русского гения.

В четвёртой главе такой же приём – отсылка к именам культуры (литературы) – органично вытекает из биографии героини, чьим предком был Корнель, создатель национальной трагедии. Отмечается, что великий драматург мог бы позавидовать её ответам на суде. Так вводятся образы высокой трагедии, проецируемые на ситуацию, в которой оказалась Шарлотта Корде, представшая перед необходимостью сделать выбор, после которого остаётся только подчиниться судьбе. Тем не менее героиня осознаёт свою ответственность за поступок и готова понести наказание в соответствии с трагедийным каноном. Соизмеримость героини с персонажами высокой трагедии, их идеалами обнаруживается в формулах и словосочетаниях, которыми автор характеризует поведение и реплики Шарлоты Корде на допросах и в суде: «…многие из этих ответов могли бы затмить знаменитейшие стихи её предка» [5. С. 165]; «…проявляла до последней минуты самообладание, поразившее всех очевидцев». [Там же. С. 172].

Обозначенные способы создания образов главных героев, при всей их значимости, оказываются одной из составляющих авторской эстетической стратегии; основным принципом поэтики очерка остаётся прямое авторское слово. Автор сначала как бы «подбирается» к непосредственным характеристикам и оценкам персонажей через детали (в данном случае – ванна), суждения других авторов, культурные аллюзии, а затем (или одновременно с этим) непосредственно характеризует и оценивает объект внимания.

В третьей части автор напрямую приступает к изложению своей версии характеров персонажей. Его намерения открываются как потребность преодолеть крайности, содержащиеся, например, в приведённой оценке И. Тэном Марата как «кровожадного психопата»: «Это был своеобразный человек» [Там же. С. 160]. Автор не склонен к категоричным суждениям, одномерный типаж вряд ли остался бы объектом дискуссий: «Марат и теперь, почти через полтораста лет, вызывает в мире ожесточённые прения» [Там же]. Третья часть наиболее аналитически пространна. Автор, исходя из убеждённости в сложности и противоречивости человеческой природы Марата, не склонен идеализировать его. Психологический портрет героя складывается из физиологических подробностей («Марат, безобразный от природы, был покрыт сыпью, причинявшей ему в последние годы его жизни страшные мучения» [Там же], психологических вердиктов («Это был несносный человек, человек с нестерпимым характером» [Там же. С. 161]; но такие личности способны вызвать жалость и сострадание. Однако сочувственные характеристики («*большое* трудолюбие», «*большие* знания», «честность», «энергия») зачастую растворяются в таких соседствующих с ними фразах, как «чудовищная нервность у него сочеталась с манией величия, а мания величия дополнялась патологической завистливостью» [Там же]. «Чудовищное», «патологическое», «невыносимое» в характере «друга народа» постепенно перевешивает те *большие* добродетели, которые признаются за Маратом. Когда же речь заходит о масштабах притязаний Марата на статус учёного и писателя, возникает облик человека, испепеляемого завистью к талантливым творцам в любой области: «Он высмеивал Ньютона и называл шарлатаном Лавуазье: <…> великий химик упорно не обращал внимания ни на его работы, ни на его нападки»; «Можно понять, что он завидовал Вольтеру, признанному королю писателей, – вдобавок престарелый Вольтер посвятил одной из его книг весьма ядовитую и остроумную рецензию; <…> Но Марат завидовал Ньютону, которого в глаза никогда не видел, который умер задолго до его рождения. Мировую славу Ньютона он рассматривал как личную

себе неприятность» [5. С. 161–162]. Авторская ирония беспощадна и адресована типу сознания, начисто лишённого способности к самоиронии и самооценке, она служит созданию почти гротескного образа человека, стремящегося утолить своё тщеславие; например, отмечается, что его страстью были рецензии, и он нередко писал их сам на себя: «Марат писал о Марате в самых лестных выражениях, горячо, по разным поводам, пожимая себе руку» [Там же. С. 162].

Автор говорит о существовании двух Маратов – до революции и в годы революции. Отмечается, что «“друг народа” до революции был монархистом», – эта деталь дезавуирует пафос дальнейшей революционной деятельности Марата, подоплёкой которой оказывается компенсация личной уязвлённости; революция – один из способов мести старому и несправедливому к нему миру, возможность обретения статуса национального героя: «Мелкий литератор, неудачный физик, опытный врач-венеролог получил возможность выставить свою кандидатуру в спасители Франции» [Там же. С. 163].

Во время революции с Маратом случается, по выражению Алданова, «переоценка», происходит интенсивное взаимовлияние внешних факторов социальной истории и природных основ личности: «Марат “творил новую жизнь”, но и новая жизнь творила Марата. Его природная завистливость нашла выход в травле, мания величия осложнилась манией преследования, а болезненная нервность стала переходить в сумасшествие – сначала медленно, потом всё быстрее» [Там же].

Разрушающее влияние власти на людей, для которых она становится смыслом существования, – одна из идей алдановской историософии, реализуемых в «Ванне Марата». Автор отдаёт должное той последовательности и неукротимости, с которой Марат вербализует свою страсть к власти: «Эта мысль: нужна диктатура, необходима кровавая диктатура, без диктатора мы не спасёмся, вне диктатуры нет выхода!.. Он долбил её упорно, без вывертов, с большой силой. Надо думать, в диктаторы он намечал самого себя» [Там же. С. 164].

Автомифологизация и идеологический диктат «друга народа» рождает миф о герое: «Признание многих заслуг Марата происходит в его окружении, в массовом сознании: «…есть у друга народа и по сей день убеждённые защитники и даже горячие поклонники»; «Его научные заслуги теперь превозносятся поклонниками» [Там же. С. 161–162].

Упрочение мифа о герое в народном сознании довершает разрушительные потенции героя и делает его непогрешимым в собственных глазах: «Вызванные им страшные сентябрьские убийства достаточно ясно показывают, чего можно будет ждать от диктатуры Марата» [Там же. С. 164]. Следующая за этим пассажем фраза «Нет, Шарлотта Корде имеет заслуги, – хоть теперь виднейшие историки во главе с Оларом и считают её дело печальной политической ошибкой» [5. С. 164] интересна не столько в аспекте полемического диалога с Ф.А. Оларом[3], сколько как демонстрация неоднозначной авторской позиции по отношению к героине. С одной стороны, Алданов безапелляционен: «В характере Шарлотты Корде нет ничего женского и, быть может, ничего человеческого» [Там же]. «Человеческое» в данном случае может иметь оттенок значения «наделённый человеческими слабостями» и прочитывается как следование той доминанте образа, которая выше уже была воплощена приёмом культурных аллюзий и которая оставляла фигуру убийцы в координатах высокого трагического выбора: «Не её вина и не её заслуга в том, что эта теорема была так страшна» [Там же. С. 165]. С другой стороны, автор принципиально отказывается от какой бы то ни было психологической оценки, оставляя за участниками последнего разговора – Марата и его убийцы – право на вечную тайну истории, позволяя себе только недоумение по поводу того, о чём в течение долгого времени могут вести беседу жертва и убийца.

В последних трёх частях рассказывается о похоронах Марата, посмертных почестях убитому и казни Корде. Автор констатирует переменчивость настроений общества: вчерашний герой объявляется «совершенным злодеем», его прах выбрасывается из Пантеона в сточную канаву, а памятник уничтожается. В финале автор возвращается к миру вещей, с которого начинался текст, тем самым закрепляя идею значимости предметов как символов эпохи и полноправных исторических документов, с другой стороны, и ванна, и неудавшееся бальзамирование, и восковые фигуры оказываются материализацией мифа и репрезентацией его значимости для публики, далёкой от потребности видеть за этим трагедию истории и человеческих судеб.

Другие персонажи очерка выполняют фоновые функции, бросая отсвет на главных. Способы портретирования в этом случае редуцируются до упоминания поведения в те моменты, когда оказались востребованы их умения. Так, врач Дешан преследовал вполне прагматические цели нажиться на «теле» героя: «Врач Дешан, которому поручена была работа, потребовал за неё большую сумму, 6 000 ливров» [Там же. С. 169]. Художник Давид «поставил дело на широкую ногу, он тоже должен был недурно заработать на покойнике» [Там же. С. 171]. Отношение членов партии к убитому также является предметом авторского нравственного приговора и выражается в ироническом дискурсе; он видит комизм «гражданской скорби».

Скоротечность искусственно сфабрикованной «мирской славы» – одна из ключевых идей очерка. К крушению величия Марата автор относится без сочувствия. Полное забвение памяти о Марате выражено в отрывке о судьбе его праха: «Что сталось с сердцем Марата, не знаю. Вероятно, куда-нибудь выкинули в ту пору и сердце. Но агатовая шкатулка, украшенная драгоценными камнями, едва ли могла быть уничтожена. Вполне возможно, что теперь в нее прячет кольца и ожерелья какая-нибудь богатая дама, не имеющая ни малейшего представления о прошлом своей великолепной шкатулки» [5. С. 177]. Прослеживается устойчивый для данного очерка мотив вещей как лучшего хранителя памяти о событиях прошлого. В ситуации с богатой дамой данная идея содержит и саркастический оттенок: даже материальные реалии эпохи вряд ли способны преодолеть обывательское равнодушие к тому, что скрывается за предметами прошлого.

Персонаж алдановского очерка, с одной стороны, уникален в ряду политических фигур европейской истории. С другой стороны, судьба Марата оказывается для Алданова репрезентативной в аспекте аналогий европейской и русской политической истории. Очерковая логика рождается из рационально выстроенной идеологической авторской интенции, нескольких её составляющих: опасность исторических мифов, творимых массовым сознанием; европейские революционные трагедии как матрицы последующих исторических событий; повторяемость событий и исторических типов как универсальный принцип человеческого развития.

Очерк «Ванна Марата» связан с другими текстами, также обращёнными к французской политической истории, прежде всего – с очерками «Сент-Эмилионская трагедия» (1937) и «Фукье-Тенвиль» (1938), написанными существенно позже и продолжающими авторские рефлексии над судьбами и характерами политических личностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. подробнее об этом: [2].
[2] См. об этом: [6].
[3] Отсылка к работе Ф.А. Олара «Великая французская революция. Внутренняя история» [7] встречается в очерке трижды; диалог Алданова с французским историком достоин стать предметом отдельного исследования; мы же оставляем эту проблему за пределами наших рассуждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Страшок Н.М.* Очерки-портреты М. Алданова как отражение особенностей историософской концепции писателя // Література в контексті культури. № 22. 2013. Т. 1. URL: http://mirlit.dp.ua/index.php/LC/article/view/11/10 (дата обращения: 13.06.2015).
2. *Чернышев А.А.* Гуманист, не веривший в прогресс // Алданов М.А. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Правда, 1991. Т. 1. С. 3–32.
3. *Гордеева Е.Ю.* Очерк // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М. : НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб.
4. *Ленотр Ж.* Повседневная жизнь Парижа времён великой революции. М. : Молодая гвардия, 2006. 335 с.
5. *Алданов М.А.* Очерки. М. : Новости, 1995. 640 с.
6. *Туниманов В.А.* Ф.М. Достоевский в художественных произведениях и публицистике М. Алданова // Русская литература. 1996. № 3. С. 78–105.
7. *Олар Ф.А.* Великая французская революция. Внутренняя история. М. : Издание Т-ва Бр. А. и И. Гранат, 1906. 381 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 21 июня 2015 г.

M. ALDANOV'S ESSAY "VANNA MARATA" AND THE WAYS OF CHARACTER CREATION

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 44–47. DOI: 10.17223/15617793/397/9

Pesterev Stanislav K. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: angmar@sibmail.com

Keywords: Aldanov; Marat; Corday; essay; terror; assassination.

The article deals with M. Aldanov's essay "Vanna Marata". The author underlines the essay's special position among his other texts devoted to political murders. Aldanov studies psychological types of the terrorist, the traitor, female fate paradoxes in politics and other situations rising in pivotal moments of human history. His personal versions of historical situations and famous personalities are created in several constant ways. The essay's title demonstrates the unique nature of assassination model; a domestic item bears the symbolic meaning and accumulates tragic paradoxes of terror and French history in general. Marat's image is created not just by means of direct author's narration but with the help of private life situations, his relations with the woman in love with him as well. Charlotte Corday is the character of a similar importance. Aldanov provides her psychological portrait and tries to find out the reasons of her act. The apposition of essay's historical situations and cultural (literature) texts and names is one of the ways Aldanov explores the historical events. Mentioning an episode from Dostoevsky's *Idiot* and Corneille as Corday's ancestor includes the two characters in the cultural paradigm of Russian and European history. Marat's fate becomes a valuable indicator of connections between Russian and European political history. The structure of the essay is determined by several author's intentions: to prove danger from myths borne by collective consciousness, to highlight European revolution tragedies as a matrix of further historical events, to declare repetitiveness of events and types of personality as a universal principle of civilization development. The final part of the essay contrasts in tone with the previous parts as it is devoted to rapid changes in collective ideology when a yesterday hero becomes today's villain, his ashes are thrown out of Pantheon and his monument is demolished. That arises the idea of a simulacrum which hides the genuine tragedy of historical personality. Among the themes analyzed is embalmment and transformation of history and its participants into profanation. The essay "Vanna Marata" is connected with other texts related to French political history; foremost, "Sent-Emilionskaya Tragediya" (1937) and "Fouquier-Tinville" (1938). Though written later, they continue Aldanov's reflection on fates of political characters.

REFERENCES

1. Strashok, N.M. (2013) Ocherki-portrety M. Aldanova kak otrazhenie osobennostey istoriosofskoy kontseptsii pisatelya [Essays and portraits of M. Aldanov as a reflection of the features of the writer's historiosophical concept]. *Literatura v konteksti kul'turi*. 22 (1). [Online]. Available from: http://mirlit.dp.ua/index.php/LC/article/view/11/10. (Accessed: 13th June 2015).
2. Chernyshev, A.A. (1991) Gumanist, ne verivshiy v progress [A humanist not believing in progress]. In: Aldanov, M.A. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. V. 1. Moscow: Pravda.
3. Gordeeva, E.Yu. (2001) Ocherk [Essay]. In: Nikolyukin, A.N. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow: NPK "Intelvak".
4. Le Nôtre, J. (2006) *Povsednevnaya zhizn' Parizha vremen velikoy revolyutsii* [Daily life in Paris during the Great Revolution]. Moscow: Molodaya gvardiya.
5. Aldanov, M.A. (1995) *Ocherki* [Essays]. Moscow: Novosti.
6. Tunimanov, V.A. (1996) F.M. Dostoevskiy v khudozhestvennykh proizvedeniyakh i publitsistike M. Aldanova [F.M. Dostoevsky in the works of art and journalism of M. Aldanov]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 78–105.
7. Olar, F.A. (1906) *Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya. Vnutrennyaya istoriya* [The Great French Revolution. The inner history]. Moscow: Izdanie T-va Br. A. i I. Granat.

Received: 21 June 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 48–55. DOI: 10.17223/15617793/397/9

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.7:316.014

Л.Ю. Логунова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД: СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ МИКРОАНАЛИЗА

В периоды кризисов методологии актуальна комбинация методически сильных сторон конкурирующих парадигм с помощью междисциплинарных конструкций гибридного характера. На основе социокультурного подхода автор исследует методологические возможности социокультурного анализа в проекции понимания смысловых характеристик «социокультуры». В статье предлагаются примеры понимания разноуровневости объекта: механизмы жизненных сценариев, методика анализа «идеальных типов» и социокода (микросмыслы и макрозначения).

Ключевые слова: социокультурный подход; социокультурный анализ; микроанализ; социокод; жизненные сценарии.

Современное противостояние представителей «количественной» и «качественной» парадигм характеризует ситуацию методологического кризиса в социологии и одновременно определяет векторы развития науки. Кризис традиционной научной парадигмы порождает критику, в результате которой идет обновление методологических конструкций классических теорий, формируется пространство для оформления неклассической парадигмы. В этом процессе проявляется жизнеспособность науки.

Корректным представляется взгляд на конфликтующие методологические позиции не в смысле антагонизма и выявления уязвимых аспектов, но как на взаимодополнение, свойственное любым дихотомиям. В социологии накоплен опыт подобного рода моделей интегративных исследовательских стратегий (А. Бартон, П. Лазарфельд), тактики комбинирования методов, способных компенсировать слабые стороны концепций и усиливать методические возможности (В.А. Ядов, А.С. Готлиб, О.М. Маслова). Складывается «деятельностно-активистское» направление (Э. Гидденс, П. Бурдье, П. Штомпка), в русле которого постулируется попытка совместить макро- и микроподход в анализе социальной реальности. Формируется альтернативная парадигма, которая отрабатывает «мягкие» принципы изучения фактов с акцентом на субъективность в категориях микроанализа (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман, Г. Гарфинкель, И. Гофман).

При отсутствии явного доминирования признанных теоретических подходов появляется возможность интенсивного развития методологии, позволяющей исследовать жизнь людей, наполненную противоречиями. С одной стороны, реальность основана на пространственной телесности, с другой – в ней актуализируются темы «трансцендентального», основанные на трудно измеряемых, но объективно протекающих уникальных процессах. Это становится онтологической основой для развития исследовательских стратегий микроанализа, где упор делается на методики этнографических исследований, восстановление историй жизни, описательные технологии, социальные тексты, нарративы.

Качественная методология, предоставляющая такой методический арсенал, становится основой для построения структур микроанализа. Это альтернативная методология изучения смыслов действующего субъекта. «Специфика качественной социологии связана, прежде всего, с выявлением повторяющихся форм человеческих взаимодействий, их понимания и субъективно полагаемого смысла» [1]. Развитие качественной методологии предоставляет возможность комбинирования инструментария для исследований обыденного сознания, повседневной жизни, неинституциализированных практик и процессов, в которых бытие человека приобретает новые социальные и духовные перспективы.

Когда речь идет не о сложности и степени масштабности объекта исследования, а о подходе к исследованию проблем выбранного социологом объекта, деление на макро- и микросоциологию приобретает условный характер. Поскольку «объективность» миропонимания ставится представителями микросоциологической парадигмы под сомнение, поэтому задача социологии определяется ими как исследование «микроотношений», которые для социологов объективистской школы невидимы и неочевидны. Теоретическим обоснованием такого взгляда на объект стало учение диалектического гиперэмпиризма Ж. Гурвича («Современное призвание социологии», 1950, «Социальный детерминизм и человеческая свобода», 1955), которое получило название «микросоциология». В методологическом плане это означало, что объектом исследований становится личность с онтологическими характеристиками – постоянно обновляющимся и разнообразным опытом, требующим понимания и интерпретаций человеческих чувств, эмоций и действий.

Такое осмысление объекта предполагает использование комплекса специфических исследовательских методик и техник с целью изучения смысловых (неочевидных) характеристик объекта, в то время как макросоциология в большей степени интересуется физическими (очевидными) его характеристиками.

Если признать, что система личности, как и любая другая система, переживая потрясения и стрессы, начинает усложняться, то следует признать изменчивость ее элементов (среди них – смыслы, предпочтения, эмоциональная сфера, социокультурные характе-

ристики и т.п.). Усложнение и изменчивость обеспечивают адаптивность, живучесть системы. Если жизнь человека – сложная система, то корректно ли подходить к ее изучению исключительно с позиций очевидности, которые покоятся на каркасе традиционализма и натуралистичной объективности? Пожалуй, в этом и заключается конфликт формирующихся ценностей постмодерна с традиционными взглядами науки на жизнь и научный метод.

Поэтому объектом микросоциологии принято считать социокультурное поле, которое охватывает своим притяжением социальное пространство, процессы и события, зафиксированные социальным временем, смыслы этих процессов, наполняющие общественное сознание, поведение акторов, обусловленное этими смыслами, как фактами символики и культурной оснащенности типов социальности (Т. Парсонс), – все то, что определяет социокультурный процесс. Микросоциологию интересуют инструментальные характеристики взаимодействий, которые она исследует и интерпретирует с точки зрения понимания смыслов, основанных на жизненном опыте человека в структуре повседневности.

Принцип «понимания» является фундаментальным, он определяет отношение к объекту как к носителю символики опыта. Расшифровка (интерпретация) этой символики становится центральной зоной социологического анализа. Это определяет точки соприкосновения предметных областей микросоциологии и смежных дисциплин: культурология (культурные процессы, вопросы воздействия социальности на культуру, функционирование культуры как всепроникающей во все сферы человеческой жизни системы символов и знаний), философия (смысложизненные процессы, механизмы социального наследования), социальная психология (мотивация и поведенческие установки, функционирование стереотипов), герменевтика (проблемы понимания смыслов), история (отражение исторических событий в сознании людей). Особенностью является многоуровневость объекта микросоциологии. Его границы могут расширяться, закрепляя специфическое оснащение исследовательских методик, с личностного уровня (социология случая) до группового (психодрама, восстановление историй семьи), а также выходить на большие общности [2. С. 69–75].

Нетрудно заметить границу пересечения сфер интересов конкурирующих парадигм: пространство культуры, коллективное сознание, природа ценностей, структура массового поведения и т.п. На этой «сумеречной», лишенной методической однозначности территории у представителей и качественной, и количественной парадигм возникают трудности с измерением духовных процессов, ментальных структур смыслового содержания ситуации, оценок роли личности в этих процессах. Это ставит ряд вопросов методологического плана. Как соотнести качественную сущность духовного опыта и ее количественные характеристики? Какие индикаторы необходимы для измерения типичного и уникального в смысложизненных процессах? Возможен ли методологический баланс в исследованиях человеческой и надчеловеческой (духовной) реальности? Какие исследовательские подходы располагают возможностями сформировать комплекс методов теоретического анализа?

Логика развития современной методологии дрейфует в сторону оформления тенденции интегративного понимания социальных процессов и явлений, когда основным методологическим приемом становится сочетание микро- и макроуровней анализа, преодолевающих конфликты объективистской и интерпретативной парадигм. Так, исследуются проблемы сочленения социальных структур и индивидуального действия в форме структурации (Э. Гидденс), формулируются идеи об интеграции теории действия и теории социальных систем (Ю. Хабермас), оформляется концепция о микроосновании социальных явлений макроуровня (Р. Коллинз), разрабатывается теория об интегративном подходе к социальному действию и поведению систем (Дж. Коулмен) [3].

Т. Парсонс раскритиковал интерпретативные теории. Но теории макроанализа, провозгласившие детерминизм политико-экономических отношений, он также не принял. Социолог осмыслил возможности объединения достижений социальных наук. Для исследований социокультурных процессов он предложил интегративные социологические принципы, которые разработал, опираясь на работы М. Вебера, Э. Дюркгейма, В. Парето, З. Фрейда, А. Маршалла, а также на интегральные идеи П. Сорокина. В рамках объективистской парадигмы, рассматривающей системы институциализированных социальных отношений, Т. Парсонс рассматривал «интегративные состояния» социальных систем разных уровней (малые группы, локальные сообщества, системы обществ). Основную теоретическую проблему социологии он понимал как проблему интеграции в социальных системах, от которой зависят стабильность, социальный порядок, характер социальных изменений. Это определило формирование группы интегративных методов теоретического анализа. В развитии методологических оснований микросоциологии особую актуальность приобретает социокультурный подход.

Социокультурный подход в микросоциологии отличается методологической широтой, основан на принципах активности субъекта в социокультурной среде, эволюционного характера социальных изменений, историзма; учитываются модальность, закономерность действия социокультурных законов, имеющих вектор развития независимо от воли субъектов (А. Тойнби, О. Шпенглер, П.А. Сорокин, А.С. Ахиезер). Акцент делается на интеграции социального и культурного в структурах бытия человека и на ценностной основе понимания всего социокультурного процесса. В поле зрения исследователя попадают все сферы жизни, сочетая макро- и микроуровни отношений человека и структур общества, особенности функционирования социальности в пространстве культуры. Основной тип изменений, исследуемых в социокультурном подходе, – циклические.

Интегративность – одна из методологических характеристик социокультурного подхода. Выбирается

ключевой процесс (явление, феномен), с изменением которого меняется социокультурное поле, включающее все сферы жизни людей. «Интегралом», ядром социокультурной жизни могут быть ценности (П.А. Сорокин [4], А.С. Ахиезер [5]), «целостные социальные феномены» (М. Мосс [6. С. 85–111], Ж. Гурвич [7]), повседневные убеждения, «идеальная культура» как целостный образ жизни (Р. Уильмс, Культура, 1981 г.), идеология [8. С. 315] (Л. Альтюссер, 1971 г.), игра как всепроникающий феномен (Й. Хейзинга [9]), коллективная память (М. Хальбвакс [10]). Эти понятия определяются как «интегративные» явления социальной жизни и исследуются одновременно на всех «глубинных уровнях», на всех процессуальных стадиях развития, в «их родовых видах, типах и разнообразных взаимосвязях» (П.А. Сорокин [11. С. 173]). Постулируется, что это есть объективные явления социальной реальности с характеристиками проникаемости во все сферы, на все глубины и уровни жизни людей. Такие феномены отражают, как капля воды океан, всю совокупность социокультурных связей и отношений, приводят и катализируют эти отношения в действие.

Социокультура, по мнению П.А. Сорокина, включает человека (группу) и его взаимодействия, наполненные смыслами, ценностно-нормативным содержанием, механизмы объективации поведения людей. Социолог объяснил механизмы влияния прошлого, частных обстоятельств на «историческое творчество людей», доказал, что ритмы культурных изменений зависят от сознательной или бессознательной деятельности индивидов, взаимодействующих друг с другом или определяющих условия поведения друг друга. П.А. Сорокин отрицает действие признанных естественноисторических закономерностей, определяя культуре, как «тотальной сумме всего, что создано или модифицируется» в процессе человеческой деятельности, ведущее место в структуре социальных изменений. Он очерчивает границы понятия «культура», противопоставляя «науки о духе» и «науки о культуре» натуралистичности «наук о природе», обращает внимание на актуальность метода интроспекции; выдвигает в центр изучения культурных процессов проблему ценностей.

Социокультурный анализ является основным методом социокультурного подхода. Название «социокультурный анализ» было предложено Л.Г. Иониным. Это «направление теоретического исследования, применяющее методологию и аналитический аппарат культурной антропологии, социологии и философии культуры и ставящее своей целью обнаружение и анализ закономерностей социокультурных изменений» [12]. Это синтез методов, используемых в различных подходах с дополнением социологического воображения исследователя.

Такой конгломерат может быть представлен следующими методами: социоанализ (институциальный и позиционный методы анализа), культурный анализ (антропологические методы, исторический и функциональный анализ), качественные методы, экзистенциальный анализ, событийный анализ, рефлексивный анализ. Данные методы, в свою очередь, тоже предполагают интегративность и структурированность по методологическим уровням (общетеоретический, социально-научный, эмпирический). Л.Г. Ионин и Ю.М. Резник допускают комбинирование антропологических, как основообразующих, методов анализа культуры с методами социокультурного анализа для усиления познавательных возможностей науки. «Комбинация исторического, сравнительного и эволюционистского подходов создает основание для образования сравнительно-исторического метода, а объединение эволюционистского и функционалистского методов служит предпосылкой функционально-динамического подхода» [13. С. 319].

В основе метода социокультурного анализа – исследование точек социокультурной напряженности: поиск социокультурных противоречий между сложившимися культурными программами и новыми социальными отношениями, определение механизмов преодоления этих противоречий или удержания их в определенных нормативно заданных ситуационных границах (традиции, политические решения) в конкретных социально-исторических условиях. Так, А.С. Ахиезер раскрывает логику исторического опыта России как историю социокультурного «раскола», через конфликты векторов социального развития – модерации (новые представления о пользе, управление, внедрение инноваций) и инверсии (традиционные представления о морали, моделях социальной жизни) [5]. Исследование основано на ключевых категориях: ценности, нравственность, национальное самосознание, социальные мифы, инверсионные циклы.

Один из основателей современной английской социологии культуры Р. Уильямс рассматривает культуру как целостный образ жизни (general life), который оформлен в продуктах интеллектуальной и творческой деятельности, как основа воспроизводства социального порядка [15. С. 11–13]. Эта позиция позволяет анализировать культурные практики как выражение и одновременно конституирование смыслов социокультурного опыта. Узловой момент исследований – классическое понимание социокультурных конфликтов, наполненных определённостью и сомнениями, инновациями, реальными переменами между идеальной культурой и ее современным воплощением. Такие конфликты встроены в «динамические реально существующие состояния и действия, в рамках которых существуют… непрерывность и постоянная детерминация» [16. С. 29].

Авторы современных социокультурных исследований стараются проследить типическое, фундаментальное, традиционное в каждом типе культуры, и вместе с тем не упускают из вида череду случайностей, мимолётность, интуитивную непосредственность социокультурного опыта. Метафоричность исследования – особенный стиль социокультурного анализа; нравственная сверхидея – духовная и гуманистическая позиция исследователей. Сегодня идет развитие исследовательского языка культурного анализа (А.С. Ахиезер [17], Р. Уильямс [18]), оформляет-

ся новый жанр – культурные исследования (culture studies).

Близок к такому пониманию социокультурных процессов Й. Хейзинга. Голландский культуролог исследует феномен игры, ее творческую культуротворящую функцию, объясняет ее универсальность. В игре человек создал социальные институты права, торгового и ратного дела, оформил представления о красоте, определил виды искусства, сформулировал постулаты философии. «В мифе и культе зачинаются… великие движущие силы культурной жизни: право и порядок, общение и предпринимательство, ремесло и искусство, поэзия, ученость, наука. И все они, таким образом, уходят корнями в ту же почву игровых действий» [16. С. 23].

Игровое содержание наполнило смыслами разные эпохи (ренессанс, барокко, рококо, романтизм), социокультурные поведенческие сценарии (например, сексуальные). С помощью категории «игра» можно изучать смысловое прошлое разных культур как образ, который соответствует представлениям о себе и о «чужих» у представителей конкретной культуры. Применяя данную категорию, можно понять демократический, солидаризирующий и социально дифференцирующий смыслы истории народов.

Итак, игра универсальна для всех (биологические основания, правила, баланс шутливого и серьезного, состязательность, демократичные принципы для участия в культах и т.п.), но социальные позиции игроков (представители субкультур, элит) будут влиять на смыслы исторических событий, формируя «разный образ истории». Комментируя эту мысль ученого, можно предположить, что современность – это поле псевдоигры (Й. Хейзинга определил это через понятие «пуэлиризм», как особую технику современного духовного общения [16. С. 194]), где расформированные по социальным и субкультурным структурам «игроки» будут состязаться за право навязать побежденным свой образ прошлого. Это определяет методологическое требование к позиции исследователя, некий этический императив, на который указывал Й. Хейзинга, – следование истине, сбор достаточного эмпирического материала, в котором отражены смыслы всех участников «игры».

Традиционно в мировой научной литературе демонстрируется взгляд на роль культуры как на второстепенную по отношению к роли институтов экономики, политики, производства. Однако с этих позиций трудно рассмотреть экономические кризисы и осмыслить проблему преодоления кризисов. Упускается из вида системный и основополагающий для общества характер культуры, которая есть не следствие появления экономики и производства, но фундаментальная возможность, необходимость и логика их появления благодаря факту рождения культуры как условия существования человека (суть данного факта – появление правил, норм, ценностей, регламентов, образцов поведения). Отсюда существование экономических кризисов понимается как нечто локальное: с ними может справиться умная экономическая политика; понять сущность таких кризисов можно в рамках экономической науки. Такое понимание не отменяет цикличность кризисных процессов, которые не может остановить даже очень мудрая спланированная экономическая политика. Суть проблемы – ментальная напряженность общества из-за смены ценностей на глобальном, а не только на локальных уровнях. Если такое напряжение существует, оно обязательно «выстрелит» сбоем в экономической системе, техногенными катастрофами, политическими кризисами. Нужно лишь локальное эмоционально заряженное событие (например, межэтнические разборки, спор за территорию) и пружина кризисной событийности раскручивается, остановить эту силу невозможно. Далее включается сценарий, описанный в грустной шутке: «удавшийся погром – это революция, неудавшаяся революция – это погром».

Политические лидеры пытаются решить экономические и социальные проблемы техническими средствами: делают заявления, принимают законы, формируют партии. Лицемерие «шампанского социализма» определяет лицемерие внутренней политики, цель которой – не проиграть предстоящие выборы. Это, в свою очередь, детерминирует популистскую повестку дня, обсуждение нездоровых идей политических фриков (пуелиризм в действии!), подмену традиционных ценностей ценностями социального консерватизма вместо серьезного осмысления социокультурных проблем. В русле этого обсуждения адекватным представляется разговор политиков с народом о том, как встретить проблемы и трудные реалии грядущего дня, а не как их избежать, суетливо переключая внимание населения на несуществующие проблемы. В ситуации, когда политики не могут жестко реагировать на трагическую событийность (например, бойня на острове Утойя в Норвегии или расстрел журналистов Charlie Hebdo), включается сценарий поправения рефлексирующих события масс. Разочаровавшись в политиках центра и левого толка, население готово признать, что правые – единственная политическая сила в Европе, которая еще не имела возможности доказать свою несостоятельность.

Сценарии жизни людей и народов – это уравнение с несколькими таинственными известными: время, циклические изменения, процессуальность, социальная память. Их действие модально, латентно, циклично. Разорвать круг циклической событийности невозможно, осознать механизм и причины ее действия – трудно. Для таких осознаний нужно состояние покоя, ощущение уверенности, защищенности.

Состояние покоя – это состояние равновесия, плавное движение по орбите. Это заметили космонавты: предметы в состоянии покоя начинают кружить в невесомости. Покой человека – это стабилизация жизненных процессов, здоровье, достаток; покой нации – это гарантии социальной защищенности, пролеченные исторические травмы, здоровая социальная память, уверенная внешняя и гуманная внутренняя политика. Только в таком состоянии можно ждать точки начала нового цикла событийности. Такая точка опоры становится особенно актуальной в периоды кризисов, завершающих очередной социо-

культурный цикл. Политические и экономические кризисы – это структуры высокого социального уровня. Но социокультура не исчерпывается сферами политики, ее интегрирующее ядро – не экономика, а ценности. Корректным представляется более широкое видение экономических и политических кризисов как составляющей общего глубинного кризиса – социокультурного, который поражает, по мнению П.А. Сорокина, все сферы жизни общества. Выход из кризиса социолог видит в смене ценностей и появлении новой суперсистемы, в которой культура определяет новые экономические, политические, технологические конструкции.

Новый цикл приведет к утверждению новых ценностей, к стабилизации общественных и экономических процессов, если субъект будет ориентирован не на то, что обещает «приятное» в духе «шампанского социализма», но на то, что избавит от неприятностей. Циклы неудач и трагической событийности связаны с эгоистическими человеческими желаниями в погоне за приятным. Поэтому суетливость, неумение опираться на традиционные ценности, идеологически корыстные манипуляции с социальной памятью, нежелание принимать и предлагать ценности будущего обрывают цикл очередной трагедией и выводят субъекта на неудачу.

Конечно, мероприятия по «спасению еврозоны» могут принести некоторый успех, но следующие за экономическими политические кризисы, связанные с вооруженными конфликтами, осложнениями межгосударственных отношений, могут уничтожить эффект от экономических мер. Все эти меры выглядят половинчато и лишены масштабности, потому что генеральная мера – это выработка новых ценностей как основы функционирования социальных институтов для формирования новых моделей поведения.

Попытка перевода проблемы в сферы нравственности также неоднозначна. Это не сможет защитить от общепланетарных процессов формирования новых ценностей. Воинственное отстаивание ценностей социального консерватизма, подмена ими вечных ценностей ведет к социокультурной изоляции, смягчает, но не устраняет социальное напряжение, оттягивает, но не избавляет от социального взрыва.

Основу социокультурной процессуальности составляет категория времени. Независимо от завершенности и прерывности циклов, когда останавливается сама история, время остановиться не может. И началось оно не с «большого взрыва». Оно началось с возникновения культуры. И в этом смысле оно есть элемент, составляющий процесс развития культуры. Но время умеет ждать, если субъект поступает мудро: не начинает упрямо крутить колесо трагического цикла, а выбирает другой цикл, связанный с другой сферой социокультурного пространства. Н. Бор и М. Планк, исследуя природу мира, открыли, что он состоит из перекрывающих друг друга возможностей. Значит, необходимо принять законы этого мира, выбрать новые возможности, не мешать миру реализовывать свои законы и предоставлять возможности. Тогда мы приближаемся к понимаю смысла жизненных сценариев: это не только клетка событийности (как правило, неприятной), это еще и развитие. Смысл в том, чтобы использовать свойства времени и возможности мира и переключиться с циклов, сужающих инвариантность решений, с бесполезных ожиданий улучшения ситуации в период кризиса, на создание новых сценариев, социальных инноваций.

Можно создавать новые ячейки удачливых событий, как пчелы создают соты, заполняют их медом для того, чтобы питаться зимой. В личностном плане, если у человека проблемы с противоположным полом, можно начать реализовывать свои способности в общественной жизни, в воспитании детей, в создании продуктов культуры. Не оплакивать свои несчастья, но создавать новые территории для счастья. В масштабах общности – отказаться от расковыривания язв старых исторических и социокультурных травм, не потрясать прошлыми заслугами и победами, но сосредоточиться на создании будущего – заботе о подрастающем поколении, создании современной системы образования, создании гуманитарно-экологиче-ских проектов и т.п. Адекватным представляется опора в поведении людей на традиционные ценности, возвращение к смыслам сакральных социокодов социальной памяти, которые помогали выстоять поколениям людей – свидетелей гибели цивилизаций.

Болгарский социолог А. Райчев однажды в беседе предложил проанализировать современную социокультурную ситуацию в терминах древних архетипов «шамана», «воина», «пророка». Это идеальные типы мобилизаторов, принимающих на себя ответственность в кризисных ситуациях. Их можно представить в виде смыслов социокодов, которые в каждой социальной общности уникальны.

Архетип отличается от социокода наличием элементов коллективного бессознательного. Социокод – обычно коллективно осознан общностью и закреплен в нарративах. Архетип – некий образ бессознательного, свойственный той или иной культуре. Социокод связан с событиями (реальными или мифическими), личностями, оказавшими влияние на духовное формирование общности. Это влияние незримо проявляется в жизни общности в рефлексиях и в повседневных практиках ее членов. Социокод – элемент, интегрирующий духовную жизнь общности, объясняющий коллективные решения и поведения ее членов.

В фундаменте функционирования социокода заложен некий событийный и персонифицированный источник, наполненный энергетическим и сакральным смыслом. С ним связано первособытие, обладающее характеристикой конвенционности. Члены общности соглашаются, что это событие связано с первым упоминанием об общности и содержит доказательство ее уникальности; фиксируется в этногенетических преданиях и повествует о победе предков над более сильным врагом (впоследствии этот враг продолжает оставаться в сознании общности или замещается другим врагом, более подходящим к политическим и историческим реалиям жизни общности);

хранит имена носителей первоидеи, замешанной, как правило, «на крови» (военные ситуации, жертвоприношения, самопожертвование).

Воин олицетворяет энергию, разрешение конфликтов силовыми методами. Это социокод старшего брата, защитник слабых и обиженных, появляющийся в произведениях эпоса в образах русских богатырей, греческих полубогов, европейских рыцарей с нечеловеческими способностями. Социокод воина воплощает, например, Людовик Святой – король-крестоносец, образцовый христианский рыцарь. Несмотря на поражение в крестовых походах, французы его встретили как триумфатора, после смерти канонизировали и стали считать одним из «трех великих Капетингов». Людовик Святой стал символом духовных традиций французской монархии, образцом «христианнейшего короля». Его успех объясняется воплощением в личности короля социокода воина, наложением смысла социокода на социальные ожидания общности от конкретного человека, которые он рискнул осуществить. Функция воина рутинная: организовать и возглавить, что и удалось французскому королю.

Воины эффективны там, где нужна защита, решимость, политическая воля. От них не ждут результатов. Их ставят на знамена, когда общности необходимо сплотиться вокруг сильного человека ради организации решения задачи, но не собственно ее решения. В современном мире воины – это политики, государственные деятели, которые успешно справляются с текущими политическими и экономическими задачами, но не способны мыслить глубинно и сакрально. Они инициативны и энергичны, но в ситуациях кризисов недееспособны: латают дыры в экономике, ситуативно или в ручном режиме принимают управленческие решения, но не способны понять глубинные уровни социальных процессов и противоречий, которые есть причина, а не побочный эффект от политики.

Пророк – архетип носителя первоидеи. Это тот, кто видит глубинные уровни, способен сакрально мыслить, но в вопросах политических стратегий некомпетентен. Его духовная мощь бессильна перед солдатами и чиновниками. Но его сила выше, чем сила воина. Он всегда жертва, «глас вопиющего в пустыне». Его признают postmortem. Это социокод мудрого деда. Олицетворением социокода пророка стали Будда, Христос, Сократ, Марк Аврелий, Франциск Ассизский. Функция пророка – осмысление духовной ситуации. Но пророков, как правило, не слышат современники, подавленные грузом антикризисных задач и практик. Пророки опережают время, их идеи фундаментальны и рождены для новых времен, когда они будут определять логику развития событийности в будущем. Их имена будут ориентирами, форпостами ценностных систем. Они способны объяснить будущее, но не настоящее. Поэтому в настоящем пророки не востребованы: люди ждут и готовы понимать только конкретные рецепты для решения сиюминутных задач.

Архетип шамана наполнен сакральным содержанием. Шаман охраняет границу мира реальности от потустороннего, непонятного. Функция шамана – конвенционная. Он дипломат не только среди живых, но способен договориться с теми, кто населяет миры сверхъестественного. Поэтому шамана наделяют способностями понимания и объяснения реальности: он один способен не потерять здравый смысл в ситуации угрозы и приближающейся катастрофы. Шаман – подвижник, пропагандист-деятель. Это социокод доброго благословляющего отца, которого олицетворяют Моисей, Сергий Радонежский, Климент Охридский, Фома Аквинский. Там, где суетливы и малорезультативны действия воинов, где не пришло время для новых идей пророков, успешно функционируют шаманы.

Возвращаясь к беседе с А. Райчевым, отметим его интересный взгляд на современную социокультурную ситуацию, которую политики и экономисты (воины) пытаются решить методами демонстрации силы и перераспределением финансовых потоков, мало задумываясь о мощных возможностях дипломатов, деятелей культуры и духовной сферы. В этих действиях есть ситуативность, целесообразность. Но невозможно ложкой вычерпать море. Воины бессильны, когда требуется переосмысление ценностей, конфликтующих с современными реалиями. Для пророков еще не наступило время. Востребованность шаманов очевидна. Болгарский социолог увидел в личности и действиях папы Франциска символ современного шамана, способного на высшем духовном уровне возглавить усилия дипломатов, философов, деятелей культуры на основе единства христианских ценностей по стабилизации свингующей событийности, выходящей из-под контроля канцлеров и президентов.

«Идеальные типы» – оригинальный методологический инструмент изучения общества. Однако это не очевидные структуры реальности, но конструкт, продукт мышления ученого, моделирующего реальность. Поэтому оформление идеальных типов может быть скомбинировано с другими методами познания реальности, например с применением метода анализа социокода. Такая комбинация позволит мыслительным конструктам наполниться ценностным смыслом, может дать ориентиры в выстраивании логики социокультурного анализа кризисной ситуации, опустить «микрозонд» в глубинные смысловые культурные слои общности и структуры судьбы отдельного человека.

Социокультурный подход может служить основанием для теоретических конструкций микроанализа. При сохранении эпохальности и масштабности предмета исследования «микрозонды» специфических методик и техник опускаются в пласты социокультурного поля, наполняя эмпирическую базу уникальными и значимыми для человека смыслами. Микросоциология опирается на традиции социокультурных исследовательских проектов, используя техники микроанализа для интерпретаций, совмещающих уникальное и типическое в жизни объекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шанин Т.* Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни. URL: http://win.www.nir.ru/socio/scipubl/sj/34-shanin.htm
2. *Логунова Л.Ю.* Семейно-родовая память: временные ипостаси и социальные ресурсы // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 69–75.
3. *Омельченко С.Н.* Интегральный принцип анализа социальных явлений: философский аспект : дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2003. 160 с. URL: http://www.dissercat.com/content/integralnyi-printsip-analiza-sotsialnykh-yavlenii-filosofskii-aspekt#ixzz2N9M3tyHG
4. *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. М. : Астрель, 2006. 1176 с.
5. *Ахиезер А.С.* Россия*:* критика исторического опыта: 2-е изд. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. Т. 1. 804 с.
6. *Мосс М.* Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах / Общества. Обмен. Личность. М. : Восточная литература. РАН, 1996. С. 85–111.
7. *Gurvitch G.* La vocation actuelle de la sociologie. Paris : P.U.F., 1950. 607 p.
8. *Блэквелловский* путеводитель по социальной теории / под ред. Б. С. Тернера; пер. с англ. А.Ю. Рыкуна. Томск : ТГУ, 2003. 416 с.
9. *Хейзинга Й.* Homo Ludens. СПб. : Азбука-Классика, 2007. 346 с.
10. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М. : Новое изд-во, 2007. 348 с.
11. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество / пер. с англ. ; под ред. А.Ю. Согомолова. М. : Политиздат, 1992. 543 с.
12. *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М. : ЛОГОС, 1996. 280 с.
13. *Резник Ю.М.* Социокультурный подход как методология исследований // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II, вып. 1 (2). С. 306–328.
14. *Williams R.* The Long Revolution. London: Chatto and Windus, 1961. 379 p.
15. *Williams R.* Culture, Fontana New Sociology Series, Glasgow : Collins, 1981. 248 p.
16. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск : Сибирский хронограф, 1998. Т. 2. Теория и методология. Словарь. 600 с.
17. *Williams R.* Keywords. New York : Oxford University Press, 1984. Vol. 2.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 26 мая 2015 г.

SOCIO-CULTURAL APPROACH: FEATURES OF MICROANALYSIS APPLICATION

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 48–55. DOI: 10.17223/15617793/397/9

Logunova Larisa Yu. Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: vinsky888@ mail.ru

Keywords: socio-cultural approach; social and cultural analysis; microanalysis; sociocode; life scenarios.

In times of methodological crisis there is an opportunity to combine the methodological strengths of competing paradigms through a variety of multi-disciplinary structures of a hybrid nature. In keeping with the classical approaches in sociology there are attempts to design unconventional views on the understanding of the object and research strategies. The socio-cultural approach involves multiple angles of presentation of the research object (socio-cultural field), including the macro- and microanalysis processes and phenomena. In microsociology this approach is characterized by methodological breadth, is based on the principles of activity of the subject in the socio-cultural environment, the evolutionary nature of social change, historicism; it takes into account the modality pattern of socio-cultural action laws with the vector of development, regardless of the will of the subjects. The socio-cultural approach is based on an integrated structure. In the study, the integral as a methodological construct is key social processes (events, phenomena) which vary with changes in the socio-cultural field, including all spheres of life. The integral can be values, cultural codes, phenomena of everyday life which are built around the field of socio-cultural reality and form the structure of life. Microsociology, in turn, is based on the tradition of socio-cultural research projects using microanalysis techniques for interpretation, combining the unique and the typical in the life of the object. Microanalysis allows one to find the generalized sense in the studied events and access wide scientific generalizations. Qualitative methodology is the methodological arsenal for building microanalysis structures. The author examines the experience of theoretical development of the classics of sociology who formed the basis of the socio-cultural approach, as well as current ideas of contemporary humanists. Taking the tenet that human life is a complicated system, it is concluded that it is correct to study life from the standpoint of non-obviousness, subjectivity, methodological flexibility. Microsociological analysis allows interpreting the reality in terms of understanding the meanings based on human experience in the structure of everyday life. The article shows the methodological possibilities of social and cultural analysis in the projection of understanding semantic characteristics of “social culture”. The author examines examples of multi-level understanding of the subject, describes microanalysis and analytical capabilities in the field of macro; investigates the action mechanisms of life scenarios, methods of analysis of “ideal types” and the social code in the projection of senses and the macro value.

REFERENCES

1. Shanin, T. (c. 1998) *Metodologiya dvoynoy refleksivnosti v issledovaniyakh sovremennoy rossiyskoy derevni* [Double reflexivity in the research of a contemporary Russian village]. [Online]. Available from: http://win.www.nir.ru/socio/scipubl/sj/34-shanin.htm.
2. Logunova, L.Yu. (2014) Family-patrimonial social memory: temporal subsistence and social resources. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 379. pp. 69–75. (In Russian).
3. Omel’chenko, S.N. (2003) *Integral’nyy printsip analiza sotsial’nykh yavleniy: filosofskiy aspekt* [The integrated principle of social phenomena analysis: the philosophical aspect]. Philosophy Cand. Diss. Volgograd. [Online]. Available from: http://www.dissercat.com/content/integralnyi-printsip-analiza-sotsialnykh-yavlenii-filosofskii-aspekt#ixzz2N9M3tyHG.
4. Sorokin, P.A. (2006) *Sotsial’naya i kul’turnaya dinamika* [Social and Cultural Dynamics]. Moscow: Astrel’.
5. Akhiezer, A.S. (1997) *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta* [Russia: Criticism of historical experience]. 2nd ed. V. 1. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
6. Moss, M. (1996) Ocherk o dare. Forma i osnovanie obmena v arkhaicheskikh obshchestvakh [Essay on the gift. The shape and the base of exchange in archaic societies]. In: Moss, M. *Obshchestva. Obmen. Lichnost’* [Societies. Exchange. Personality]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN.
7. Gurvitch, G. (1950) *La vocation actuelle de la sociologie* [The current vocation of sociology]. Paris: P.U.F.
8. Turner, B.S. (2003) *Blekvellovskiy putevoditel’ po sotsial’noy teorii* [Blackwell Companion to Social Theory]. Translated from English by A.Yu. Rykun. Tomsk: Tomsk State University.

9. Huizinga, J. (2007) *Homo Ludens*. St. Petersburg: Azbuka-Klassika.
10. Halbwachs, M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamyati* [The social frameworks of memory]. Translated from French by S.N. Zenkin. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
11. Sorokin, P.A. (1992) *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Human. Civilization. Society]. Translated from English by A.Yu. Sogomolov. Moscow: Politizdat.
12. Ionin, L.G. (1996) *Sotsiologiya kul'tury* [Sociology of Culture]. Moscow: LOGOS.
13. Reznik, Yu.M. (2008) Sotsiokul'turnyy podkhod kak metodologiya issledovaniy [A socio-cultural approach as a research methodology]. *Voprosy sotsial'noy teorii*. II, 1 (2). pp. 306–328.
14. Williams, R. (1961) *The Long Revolution*. London: Chatto and Windus.
15. Williams, R. (1981) *Culture, Fontana New Sociology Series*. Glasgow: Collins.
16. Akhiezer, A.S. (1998) *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (sotsiokul'turnaya dinamika Rossii)* [Russia: Criticism of historical experience (social and cultural dynamics of Russia]. V. 2. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
17. Williams, R. (1984) *Keywords*. V. 2. New York: Oxford University Press.

Received: 26 May 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 56–59. DOI: 10.17223/15617793/397/10

УДК 316.658:004.738.5

Г.Н. Сербина

РОЛЬ ИНТЕРНЕТА В ФОРМИРОВАНИИ НОВОСТНОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕОРИИ AGENDA-SETTING

Анализируются основные направления критики теории agenda-setting, обусловленные растущим влиянием Интернета на формирование общественного мнения. В частности, Интернет изменяет не только способ получения информации, но и ее источник: технологии Web 2.0 массово вовлекают «рядовых» пользователей сети в процесс agenda-setting. Интернет-сообщество, наравне с традиционными СМИ, может влиять на появление различных тем в общественном дискурсе и отражение их в политических решениях.

Ключевые слова: agenda-setting; Интернет; СМИ; повестка дня; цифровой разрыв.

В 1968 г. два профессора журналистики Университета Северной Каролины в Чапел-Хилл, Максвелл Маккомбс и Дональд Л. Шоу (M. McCombs, D.L. Shaw), впервые проверили и подтвердили гипотезу о том, что средства массовой информации имеют большое влияние на проблемы, которые общественность считает важными [1]. Изучая роль СМИ в президентских выборах в США, Маккомбс и Шоу установили, что зрители часто судят о важности новости, основываясь на том, как часто и подробно эта новость освещается в СМИ. Тем самым их исследование показало, каким образом СМИ формирует общественное мнение.

Описываемые процессы отбора новостей для освещения со стороны СМИ в данной работе получили название функции «agenda-setting», изучение которой в дальнейшем оформилось в самостоятельную теорию с одноименным названием. В русскоязычной теории используются несколько переводов данного термина: «повестка дня», «установление повестки дня», «навязывание повестки дня», «формирование повестки дня». Также принят вариант без перевода – «agenda-setting». Мы будем использовать последний вариант ввиду многозначности его толкования в литературе. Работа Маккомбса и Шоу стала своего рода отправной точкой в целом направлении исследований, посвященных вопросам о том, каким образом через отбор новостей СМИ формируют общественное мнение города, региона, страны, мира.

За четыре десятилетия разработки теории agenda-setting в ее рамках оформились пять основных направлений исследования: анализ сущности базовых эффектов agenda-setting; изучение атрибутов объектов, описываемых в повестке дня; изучение психологических аспектов agenda-setting; изучение источников, устанавливающих повестку дня не-печатных СМИ. Последнее направление – анализ так называемых последствий – сформированных agenda-setting отношений и мнений по какому-либо вопросу [2]. Однако в последние годы ряд исследователей все чаще подвергает критике базовые определения и характеристики данной теории, утверждая, что распространение Интернета, онлайн и социальных медиаплатформ ставит под вопрос продуктивность различных аспектов теории в объяснении процесса agenda-setting в виртуальном публичном пространстве [3]. В данной статье к рассмотрению предлагаются основные направления критики «классической» теории agenda-setting, появившиеся под влиянием изучения процессов, происходящих в интернет-пространстве.

Рассмотрим (напомним) базовую установку теории agenda-setting. М. Маккомбс и Э. Рейнолдс (M. McCombs, A. Reynolds) в работе «Влияние новостей на нашу картину мира» [4] заключают, что agenda-setting – это способность СМИ влиять на определение важности тех или иных тем в «общественной повестке дня». Иначе говоря, если определенная новость часто обсуждается в СМИ, то аудитория (общество) будет рассматривать этот вопрос как наиболее важный, чем другой, менее (или совсем) не освещаемый. Процесс agenda-setting значим не только для средств массовой информации, но и в рамках определения его как социального процесса, указывающего на взаимозависимые связи между проблемами, которые генерируются в социальной среде и переходят на уровень принятия государственных решений.

Как было сказано выше, в рамках теории agenda-setting изучение этого вопроса исторически начиналось с анализа действия традиционных СМИ. Но с развитием и распространением Интернета исследователи стали признавать его значимость как канала коммуникации, влияющего на agenda-setting. Как заявляют авторы, с развитием Интернета стало очевидным «генерирование проблем социальной средой», а именно массовое вовлечение общества в agenda-setting. Йохай Бенклер, американский профессор права и исследователь, заключает, что потенциал Интернета – в его возможности «сделать каждого памфлетистом» («to make everyone a pamphleteer») [5. С. 10]. Эта фраза указывает нам на одну из ключевых характеристик Интернета, объясняющего его популярность как социально-технологического феномена: технологии Web 2.0 позволяют каждому пользователю становиться со-автором разнообразного контента, который будет доступен Другому.

В продолжение этой идеи Ким и Ли (S.T. Kim, Lee) в своих исследованиях об особенностях формирования повестки дня в Интернете отмечают, что agenda-setting в Сети отличается от традиционной agenda-setting тем, что Интернет находится в конкуренции с традиционными средствами массовой информации, поскольку имеет огромный потенциал в плане пользовательской интерактивности и интерак-

тивности содержания (возможности изменения, скорости появления и объема информации) [6].

Ким и Ли исследовали опосредованный характер формирования повестки дня в Интернете путем анализа 10 случаев, имевших большой общественный резонанс в Корее в течение 5 лет (с 2000 по 2005 г.). Исследователи обнаружили следующее: мнение человека, распространяясь через различные интернет-каналы, синтезирует общественное мнение, что, в свою очередь, влияет на освещение новостей тем или иным способом [Там же. С. 176]. Таким образом, их работа показала, что существуют «реверсивные эффекты повестки дня» («reversed agenda effects»), означающие, что общественная повестка дня (обсуждение определенных тем) в Интернете может установить повестку дня другим средствам массовой информации.

Ким и Ли описывают протекание данного процесса в Интернете через следующие шаги: 1) интернет-опосредованный «всплеск» повестки дня («Internet-mediated agenda-rippling»): мнение анонимного пользователя в Сети в виде темы обсуждения, новости становится важной повесткой дня в Интернете через основные интернет-источники информации, такие как блоги, персональные страницы и др.; 2) распространение повестки дня в Интернете («agenda diffusion in the Internet»): новостные сайты транслируют информацию, что приводит к дальнейшему распространению темы среди «интернет-общественности»; 3) интернет-опосредованная реверсивная повестка дня («Internet-mediated reversed agenda-setting»): традиционные СМИ сообщают новость из Интернета, и, таким образом, тема распространяется в он- и оффлайне [Там же. С. 184].

В завершении Ким и Ли говорят о том, что «перетекание» agenda-setting между Интернетом и традиционными СМИ не всегда происходит в последовательном порядке. Например, тема, однажды сообщенная в традиционных СМИ, может спустя какой-то период времени перейти на первый план посредством обсуждений в «онлайне», или приведенные выше три шага могут происходить одновременно в течение короткого периода времени [Там же. С. 201].

Приведем в качестве примера случай, имевший широкий общественный резонанс, произошедший в 2005 г. Исон Джордан (Eason Jordan), 23 года работавший шеф-редактором службы новостей телеканала CNN, подал в отставку после того, как был осужден интернет-сообществом за высказывания о том, что во время войны в Ираке солдаты вооруженных сил Соединенных Штатов получили приказ уничтожить журналистов, находящихся там, и убили около 12 репортеров. Помимо спорности его высказывания, считается, что таким образом Джордан нарушил табу, которое «позволяет критиковать генералов вплоть до главнокомандующего, но категорически запрещает трогать солдат» [7]. Примечательно как раз то, что резонанс этому событию предали именно публикации в Интернете. Газета The New York Times по этому поводу опубликовала статью со ссылкой на Эдварда Моррисси, известного интернет-блоггера, где была приведена следующая цитата:

«Мораль этой истории: СМИ не могут просто скрыть правду и надеяться выйти сухими из воды, и журналисты не могут просто разбрасывать вокруг голословные утверждения без обоснования и ожидать, что люди будут верить им и дальше» («The moral of the story: the media can't just cover up the truth and expect to get away with it – and journalists can't just toss around allegations without substantiation and expect people to believe them anymore») [8].

Этот пример свидетельствует о том, что интернет-сообщество, в особенности блоггеры, могут способствовать тому, чтобы их собственные темы обсуждения становились общественно значимыми, т.е. «появлялись в общественной повестке дня», тем самым формировали повестку дня СМИ, а потом отражались в политических решениях.

Рассмотрим следующий аспект agenda-setting в Интернете. Как утверждает Джейкоб Слоэн (Jacob Sloan), американский теоретик журналистики, общество все так же оставляет целые группы граждан «за бортом», хотя Интернет интерактивен и благодаря этому каждый, кто имеет доступ в Сеть, может внести свой вклад в «социальный журнализм». Дело в том, что технологии Web 2.0 в глобальном фокусе все еще недоступны целым слоям населения, тогда как умение (и возможность) ими пользоваться могут существенно помочь гражданам в различных ситуациях, например во время стихийных бедствий, когда нужно передать сообщения о помощи во «внешнюю среду». В таких случаях, помимо возможности определить наличие мест, где можно получить бесплатное питание или одежду, Интернет может быть невероятно мощным ресурсом связи между людьми [9].

Джэйкоб Млоэн перечисляет следующие причины невозможности пользования Интернета: отсутствие компьютеров, незнание языка или «барьеры в знании» (недостаточная «квалификация» пользователя), сопротивление использованию Интернета. Такое явление, в результате которого какая-то часть общества «отрезана» от использования Интернета, называется «цифровой разрыв» («the digital divide») [9]. Очевидно, что он снижает как влияние agenda-setting на данную «отрезанную» от использования Интернета часть аудитории, так и влияние самой данной аудитории на agenda-setting.

Следующим аспектом изучения agenda-setting в Интернета становится обсуждение самого наличия влияния – «the agenda-setting effect». В научных дискуссиях становится распространенным утверждение о том, что Интернет может положить конец самому влиянию agenda-setting благодаря собственным характеристикам: широкий доступ, разнообразие источников информации, адаптация пользователя к контенту [10].

Маккомбс в ответ на данное утверждение возражает, что эффекты agenda-setting существуют и в Интернете. Он использует в качестве примера эксперимент Althaus and Tewksbury, в котором изучалось мнение 520 студентов в отношении предпочтений в выборе источников новостей (пресса / телевидение / Интернет) [10]. В рамках данного исследования срав-

нивались эффекты agenda-setting в онлайн- и печатной версии The New York Times. Хотя авторы отмечают, что необходимы повторные исследования в этой области, результаты исследования говорят о том, что повестка дня в интернет-изданиях продолжает оказывать влияние на общественное мнение (однако отметим, что, согласно исследованию, эффекты были сильнее выражены в печатном издании). Влияние agenda-setting в Интернете объясняется благодаря действию нескольких факторов. Во-первых, несмотря на то, что цифровой разрыв все еще существует, использование новостных онлайн-ресурсов растет. Во-вторых, даже принимая во внимание широкое разнообразие новостных интернет-источников, обеспечивающих бесконечный список новостей благодаря наличию ссылок (как следствие – «легкое» переключение с одной новости на другую, ослабление внимания к отдельным новостям), следует учитывать, что аудитория, как правило, продолжает пользоваться сильно ограниченным их количеством (к которым привыкла «уже давно», которым доверяет, следовательно, «откликается» на их новости). Таким образом, электронные медиа продолжают формировать повестку дня для своей аудитории [11].

Обобщая описанные направления критики теории agenda-setting, изначально направленной на описание механизмов действия традиционных СМИ, можно сделать следующие выводы. Интернет изменяет не только способы получения информации, но и характер самих источников: технологии Web 2.0 массово вовлекают «рядовых» пользователей сети в процесс agenda-setting. Интернет-сообщество, наравне с традиционными СМИ, может способствовать тому, чтобы их собственные темы обсуждения становились общественно значимыми, т.е. «появлялись в общественной повестке дня», оказывались в повестке дня СМИ (традиционных и новых) и благодаря этому отражались в политических решениях. Виртуальное пространство «бесконечных новостей» онлайнмедиа, чередующихся с информацией от частных лиц, все более представляет собой открытую для любого, имеющего выход в Сеть, интерактивную площадку для обсуждения широкого круга новостей и событий. Кроме того, влияние электронных медиа на формирование повестки дня ставит перед пользователями задачу, связанную с использованием онлайн-технологий для решения актуальных проблем, затрагивающих отдельные слои населения или общество в целом. Одной из таких проблем является «цифровой разрыв» – отсутствие у определенных категорий населения возможности посредством создания виртуального дискурса представить свои интересы в общественном пространстве.

Таким образом, базовые установки теории agenda-setting пересматриваются с поправками на протекание данного процесса в виртуальном публичном пространстве, признается важность изучения влияния интернет-СМИ и блогосферы на формирование общественного мнения, функционирования этих феноменов в современном информационном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *McCombs M.E., Shaw D.L.* The agenda-setting function of mass media // Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36. P. 176–187.
2. *Mccombs M.* A Look at Agenda-setting: past, present and future // Journalism Studies. 2005. Vol. 6, № 4. P. 543–557.
3. *Golan G.J.* Agenda-setting in a 2.0 World: New Agendas in Communication // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2014. Vol. 58:3. P. 476–477.
4. *Mccombs M., Reynolds A.* News influence on our pictures of the world // Media effects: advances in theory and·research -2nded : Jennings Bryant & Doli Zillmann editors. 2002. P. 1–19.
5. *Benkler Y.* The wealth of networks: How Social production transforms markets and freedom. New Haven, CT : Yale University Press. 2006.
6. *Kim S.T., Lee.* New functions of Internet mediated agenda-setting: Agenda-rippling and reversed agenda-setting // Korean Journal of Journalism & Communication Studies. 2006. 50 (3). P. 175–205.
7. *Глава* новостной службы CNN покинул компанию из-за неосторожных слов об американских войсках // Lenta.ru. URL: http://lenta.ru/most/2005/02/12/cnn (дата обращения: 01.02.2015).
8. *Resignation* at CNN Shows the Growing Influence of Blogs // The New York Times. URL: http://www.nytimes.com/2005/02/14/technology/14cnn.html?_r=0 (дата обращения: 01.02.2015).
9. *A New* Digital Divide Web 2.0 Leaves Society Behind // International Symposium on Online Journalism. URL: https://online.journalism.utexas.edu/detail.php?story=153&year=2006 (дата обращения: 01.02.2015).
10. *Althaus Scott L.* Tewksbury, David. Patterns of Internet and Traditional News Media Use in a Networked Community // Political Communication. 2000. Vol. 17: 1. P. 21–45.
11. *The Agenda-Setting* Effects Exist on the Internet, McCombs Confirms // International Symposium on Online Journalism. URL: https://online.journalism.utexas.edu/detail.php?story=152&year=2006 (дата обращения: 01.02.2015).

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 26 мая 2015 г.

THE ROLE OF THE INTERNET IN SHAPING NEWS AGENDA: A CRITICAL ANALYSIS OF THE AGENDA-SETTING THEORY

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 56–59. DOI: 10.17223/15617793/397/10

Serbina Galina N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shadrina.galina92@gmail.com

Keywords: agenda-setting; Internet; media; digital divide.

For four decades, studying the agenda-setting theory has resulted in five main areas of research: the analysis of the basic agenda-setting effects; studying the attribute agenda-setting; psychology of agenda-setting effects; studying sources of the media agenda; studying consequences of agenda-setting effects. However, the number of researchers, criticizing the basic characteristics of the theory, has been increasing in recent years. They argued that the spread of the Internet, online and social media platforms usage brings the efficiency of various aspects of the theory in explaining the process of agenda-setting in the virtual public space into a question. The basis of agenda-setting theory says that agenda-setting is the ability of the media to determine the influence of certain topics in

the “social agenda”. It was described by M. McCombs and A. Reynolds in the “News Influence on Our Pictures of the World”. In other words, if particular news is often discussed in the media, the audience (society) considers this issue to be more important than others less (or not) represented by the media. The process of agenda-setting is important not only for the media, but also within the definition of it as a social process indicating the interdependent relationship between the problems that are generated in a society and then are moved to the level of governmental decision-making process. In this paper, main points of criticism of the “classical” agenda-setting theory are reviewed. These points appeared under the influence of studying the processes occurring in the Internet. The following aspects are described. The Internet is not only changing methods of obtaining information, but also the source specificity. Web 2.0 technologies massively involve network users in the process of agenda-setting. An online community can also help to ensure that their own topics of discussions become public issues, i.e. “appear” in the public agenda, in the agenda of the media (traditional and new) and thus reflect in political decisions. The virtual space of “endless news” of the online media, alternating with information from individuals, is getting an open interactive platform for discussion of a wide range of news and events for anyone having access to the network. The influence of electronic media on agenda-setting sets the problem associated with using online technologies to solve urgent problems affecting some social groups or society as a whole. One of these problems is the “digital divide”: the lack of ability of some social groups to present their interests in the public space through the virtual discourse. Thus, the basic settings of the agenda-setting theory are reviewed, as amended, in the virtual public space; scholars accepted the importance of studying the influence of online media and blogosphere on public opinion formation, the functioning of these phenomena in the modern information society.

REFERENCES

1. McCombs, M.E. & Shaw, D.L. (1972) The agenda-setting function of mass media. *Public Opinion Quarterly*. 36. pp. 176–187.
2. Mccombs, M. (2005) A Look at Agenda-setting: past, present and future. *Journalism Studies*. 6 (4). pp. 543–557.
3. Golan, G.J. (2014) Agenda-setting in a 2.0 World: New Agendas in Communication. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 58:3. pp. 476–477.
4. Mccombs, M. & Reynolds, A. (2002) News influence on our pictures of the world. In: Bryant, J. & Zillmann, D. (eds.) *Media effects: advances in theory and·research*. 2nd. ed. Routledge.
5. Benkler, Y. (2006) *The wealth of networks: How Social production transforms markets and freedom*. New Haven, CT: Yale University Press.
6. Kim S.T. & Lee, Y.H. (2006) New functions of Internet mediated agenda-setting: Agenda-rippling and reversed agenda-setting. *Korean Journal of Journalism & Communication Studies*. 50 (3). pp. 175–205.
7. Lenta.ru. (2005) *Glava novostnoy sluzhby CNN pokinul kompaniyu iz-za neostorozhnykh slov ob amerikanskikh voyskakh* [The head of the CNN news service left the company because of the careless words about American troops]. [Online]. Available from: http://lenta.ru/most/2005/02/12/cnn. (Accessed: 01st February 2015).
8. The New York Times. (2005) *Resignation at CNN Shows the Growing Influence of Blogs*. [Online]. Available from: http://www.nytimes.com/2005/02/14/technology/14cnn.html?_r=0. (Accessed: 01st February 2015).
9. Sloan, J. (2006) A New Digital Divide: Web 2.0 Leaves Society Behind. *International Symposium on Online Journalism.* [Online]. Available from: https://online.journalism.utexas.edu/detail.php?story=153&year=2006. (Accessed: 01st February 2015).
10. Althaus, S,L. & Tewksbury, D. (2000) Patterns of Internet and Traditional News Media Use in a Networked Community. *Political Communication*. 17: 1. pp. 21–45.
11. Huang, J.R.S. (2006) The Agenda-Setting Effects Exist on the Internet, McCombs Confirms. *International Symposium on Online Journalism*. [Online]. Available from: https://online.journalism.utexas.edu/detail.php?story=152&year=2006. (Accessed: 01st February 2015).

Received: 26 May 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 60–64. DOI: 10.17223/15617793/397/11

УДК 141: 57.011

А.В. Суховерхов

НЕГЕНЕТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ И НОВЫЙ ЭВОЛЮЦИОННЫЙ СИНТЕЗ

Представлены современные междисциплинарные исследования в области негенетических систем наследования. Показано их значение для пересмотра «современного эволюционного синтеза» и развития в эволюционной теории новых системных подходов. Рассмотрены эпигенетические, поведенческие, социокультурные и экологические системы наследования, изучена их роль в эволюции биологических и социальных систем, происхождении культуры и языка.

Ключевые слова: теория эволюции; новый эволюционный синтез; негенетические системы наследования; знаковые системы; кумулятивная культурная эволюция.

1. ***Насколько современен «современный эволюционный синтез»?*** На сегодняшнем этапе научного развития «классическая» модель эволюции представлена так называемой синтетической теорией эволюции, или современным эволюционным синтезом. Она признана многими учеными и позволяет эффективно объяснять общие основания эволюционных процессов. Тем не менее наука не стоит на месте и все новые открытия в естественнонаучных и гуманитарных областях позволяют пересмотреть и дополнить существующую теорию эволюции [1].

В свете новых исследований ученые критикуют такие ключевые идеи «современного эволюционного синтеза», как: 1) «генноцентризм», или крайний «генетический детерминизм», 2) сведение наследственности только к генетическому наследованию и 3) рассмотрение случайных мутаций ген и естественного отбора в качестве основных «движущих сил» эволюции [2–4]. Накопление новых данных в изучении эволюции содействовало, в частности, появлению работ в области «систем наследования» (inheritance systems) и «негенетических систем наследования» (non-genetic inheritance systems), которые имеют значение для анализа происхождения и развития не только биологических, но и социальных систем. Также происходит интенсивное развитие системных подходов (системной биологии, теории геннокультурной коэволюции, расширенного эволюционного синтеза, теории развивающихся систем и др.), показывающих не только эволюцию «снизу вверх» – от генов к индивидам и системам, но и эволюцию «сверху вниз» – от систем к индивидам и генам [1, 6, 8]. Все это позволяет ученым говорить о необходимости разработки «нового», или «третьего эволюционного синтеза» [5–8].

Изучение негенетического и / или «внебиологического» наследования занимает особое место в развитии междисциплинарных исследований, объединяющих естественные и гуманитарные науки. Оно позволяет пересмотреть движущие силы эволюции в природе и обществе, показать надындивидуальный и кумулятивный характер социальной эволюции и выявить общие основания функционирования, трансляции и воспроизведения биологических и социальных систем. Наиболее известные работы в этой и смежных областях представлены такими учеными, как Н.П. Наумов, М.К. Петров, А.Б. Казанский, А.Л. Маркель, М. Фельдман, Л. Кавалли-Сфорц, Ч. Ламсден, Э. Уилсон, Е. Яблонка, М. Лам, Р. Бойд, П. Ричарсон, Р. МакЭлрит, Е. Даншен, А. Месоуди [1, 9].

Цель данной работы состоит в рассмотрении и систематизации негенетических систем наследования, изучении их роли в эволюции биологических и социальных систем. В связи с этим в работе пересматриваются некоторые теоретические и методологические принципы «классической» теории эволюции, представленной «современным эволюционным синтезом», и анализируются новые концепции эволюционного процесса, основанные на системных подходах и новых научных открытиях.

2. ***Классификация негенетических систем наследования.*** Наиболее известным автором, который объединяет результаты различных исследований в рассматриваемом вопросе, является Е. Яблонка. Она совместно с такими учеными, как М. Лам, Э. Авиталь и Э. Сатмари предложила учитывать в эволюции четыре системы наследования: *генетическую, эпигенетическую, поведенческую и символическую* [10–11]. По их мнению, приняв данную четырехмерную перспективу, «можно построить более глубокую и сложную теорию эволюции, в которой ген не является единственным фокусом естественного отбора» [10. С. 2]. К этой классификации может быть также добавлено *«экологическое наследование»*, или *«наследование экологических ниш»*, сформулированное Дж. Одлинг-Сми, К. Лаландом и М. Фельдманом, и близкая к нему по содержанию концепция «расширенного фенотипа» (extended phenotype), представленная в работах Р. Докинза [12–14]. Помимо этого, в последние годы проводится всестороннее изучение механизмов наследования признаков, осуществляющееся посредством *«родительского эффекта»* (parental effects), или *«родительского влияния»*, в котором объединены самые различные виды наследования [15–16].

В контексте изучения негенетических систем передачи признаков («инклюзивного наследования») Е. Даншен и его коллеги призывают пересмотреть «геноцентрическое» понимание *фенотипической пластичности* и рассмотреть ее как сложное явление со множеством системных градаций [8, 17]. Ученые предлагают включить в это понятие не только *физиологические* изменения, вызванные физическими взаимодействиями генотипа с *природной средой* и случайными ошибками в ходе индивидуального развития, но и множество других поведенческих и социокультурных характеристик (часто надындивидуаль-

ных), которые передаются через поколения посредством негенетического наследования и позволяют адаптироваться не только к природной, но и к *наследуемой* социальной среде [17. С. 2312–2313].

В новой концепции фенотипической пластичности возрождается идея Ж. Ламарка о наследуемости фенотипических признаков, которую Е. Яблонка и другие исследователи выражают в понятии «мягкое наследование» [18]. В отличие от механизмов «жесткого», генетического наследования, мягкое наследование, по мнению Е. Даншена и А. Поршвиля, является более пластичным и представляет собой «механизм быстрого реагирования» на изменения среды. К таким негенетическим системам наследования авторы относят «эпигенетические маркеры» (epigenetic marks), РНК-опосредованное наследование, культурное и экологическое наследование [17. С. 2314].

Рассмотрим подробнее упомянутые системы наследования и их значение для эволюции в целом и для происхождения культуры и языка в частности.

3. ***Негенетические системы наследования и их роль в эволюции.*** Е. Яблонка и М. Лам отмечают, что *эпигенетическое наследование* может пониматься в широком и узком значении. В широком смысле к нему относят разные негенетические системы наследования, начиная с клеточной наследственности (cell heredity) и заканчивая наследованием посредством социального обучения и символической коммуникации [19. С. 243]. Но чаще понятие «эпигенетическое наследование» используется в узком смысле для обозначения переноса изменчивости от материнских клеток к дочерним, при котором «вызванные средой и регулируемые индивидуальным развитием изменения или изменения, которые являются результатом помех в развитии (developmental noise), передаются последующим поколениям клеток или организмов» [19. С. 243]. Эпигенетическое наследование осуществляется, например, посредством метилирования ДНК и модификации гистонов и, согласно Е. Яблонки и М. Лам, изучено у всех организмов (бактерий, простейших, грибов, растений и животных) [19. С. 244–246]. По мнению ученых, влияние эпигенетического наследования на эволюцию (например, на сальтационные эволюционные изменения) происходит благодаря модификации направления отбора генетических изменений, что определяется изменениями частот мутаций, транспозиций и рекомбинаций [18. С. 393–394; 19. С. 246–247].

Эпигенетическое наследование и широко понимаемая фенотипическая пластичность являются важным основанием для поддержания и развития кумулятивного характера *поведенческого и культурного* (знаково-символического) наследования. Их изучение показывает, что индивидуальное развитие формируется (направляется) не только природной средой, но и «социально-опосредованным обучением» (socially mediated learning), которое основано как на простом подражании, так и на целенаправленных, системно-организованных процессах обучения [10, 20–23].

В рамках исследований поведенческих и культурных систем наследования показано, что с их появлением произошел переход от индивидуального к системному характеру эволюционного развития и наследование происходит уже не только индивидуальных, но и системных «признаков». «С точки зрения эволюции культура может быть определена как часть фенотипической вариативности (phenotypic variance), которая наследуется посредством социального обучения. При таком ее определении культурные вариации (cultural variation) становятся частью инклюзивной наследственности (inclusive heritability) и, благодаря этому, открытыми к эволюции через естественный отбор по способу, сходному с генетическими вариациями» [22. С. 303].

Необходимо отметить, что изучение «поведенческого наследования» во многих работах проводится в рамках исследований «культурных традиций» в природе (например, передачи навыков использования орудий труда дельфинами или наследование песенных «диалектов» у птиц), и поэтому во многих смыслах рассматривается именно как культурное наследование [1. С. 5; 21–22]. Специфика именно *поведенческого наследования* заключается в том, что в нем новые признаки (системные характеристики) «накапливаются» в действиях сородичей и транслируются последующим поколениям благодаря «запечатлению» (импринтингу), подражанию и обучению. Это отличает его от *культурного наследования*, в котором репрезентация и трансляция наследственной информации осуществляются в условных, культурно обусловленных, знаково-символических системах, и от *экологического наследования*, в котором наследование опосредовано абиотическими, биотическими и социальными изменениями физической среды.

«Культурные традиции» были обнаружены у насекомых, рыб, птиц и млекопитающих, а наличие признаков *кумулятивных* социальных традиций – у обезьян и воронов [21]. По мнению исследователей, данное наследование создает условия для более быстрой адаптации к среде, чем генетическое наследование, и формирует условия для новой, менее случайной и более целесообразной формы эволюции – социокультурной [23–24]. Необходимо также отметить, что транслируемые формы поведения часто имеют надындивидуальный и «волновой» характер и не могут быть сведены или объяснены только генетической предрасположенностью к тем или иным формам поведения. Данный тип наследования может изучаться не только на примере биологических, но и социальных систем, в которых также присутствуют «волновые» процессы [25].

«Культурному наследованию» («социальной памяти», «социокоду», «мемам», «культургену») и его сопоставлению с генетическим наследованием посвящено большое количество работ. Наиболее известными исследованиями в этой области являются «теория двойного наследования» (dual inheritance theory), или «теория геннокультурной коэволюции» (gene-culture coevolution), представленная такими учеными, как Л.Л. Кавалли-Сфорц, М.У. Фельдман, Р. Бойд, П. Ричардсон, Р. МакЭлрит, и работы М.К. Петрова, М.А. Розова, В.С. Степина, посвященные «внебиологическому» кодированию информации и «социальной памяти» [23, 26–28].

Исследователями показано, что в обществе, благодаря кумулятивному характеру социокультурного развития, массив необходимых форм деятельности и знаний значительно превышает возможности отдельных индивидов и не может кодироваться и транслироваться только посредством механизмов генетического наследования. Для их трансляции в ходе эволюции возникают знаковые, внебиологические средства кодирования («социокод»), которые имеют надличностный характер и существуют относительно независимо от отдельного индивида или даже поколения людей, обеспечивая воспроизведение и регуляцию социальных систем [20. С. 30–43; 27. С. 46–50; 28]. Более того, учеными показано, что кумулятивный характер развития социальных систем оказывает обратное влияние и на кумулятивную эволюцию биологических систем, в частности культурных растений [23. С. 453].

Важно отметить, что язык и другие знаковые системы, которые обусловливают направление и поступательность индивидуального и общественного развития (формируя, например, понятийное и логическое (научное) мышление, творческие способности, «социальную память»), сами являются частью общих механизмов культурного наследования и предполагают социально опосредованное обучение для их наследования, т.е. они являются и объектами, и средствами репрезентации и трансляции наследственной информации [29, 30].

Ряд исследователей считают, что более фундаментальные предпосылки для появления языка, культуры и кумулятивной социальной эволюции заложены в *экологическом наследовании*. К нему ученые относят вызванные жизнедеятельностью организмов глобальные и локальные трансформации среды: изменение химического состава и температуры атмосферы, морей и океанов; образование и изменение состава почвы; территориальные метки, тропы, норы, курганы, плотины и др. Благодаря их регулятивным, сигнальным и информационным функциям эти изменения, накапливаясь в среде, обусловливают направление и содержание индивидуального и надындивидуального развития. Изучение этого типа наследования представлены: 1) работами Дж. Одлинг-Сми, К. Лаланда, М. Фельдмана, посвященными «наследованию экологических ниш»; 2) концепцией «биологического сигнального поля» Н.П. Наумова и / или «информационно знакового поля» Д.П. Мозгового, Г.С. Розенберга и 3) трудами Т.А. Себеока, К. Кулля, Т. Марана в области экосемиотики и биосемиотики [31–34].

Исследование негенетических систем наследования показывает, что современная эволюционная теория не может быть основана лишь на одностороннем «генетическом детерминизме» и «мутационном индетерминизме». Для понимания эволюционного развития и объяснения происхождения таких системных явлений, как язык, культура, наука, недостаточно опираться только на изучение *индивидуальных* механизмов генетического кодирования и случайные мутации генов, позволяющие создавать, сохранять и аккумулировать полезные признаки. Аккумулирующая и транслирующая функция присуща также *надындивидуальным* природным, биологическим и социальным системам, которые, благодаря «мягкому наследованию», делают эволюцию не такой случайной. Поэтому исторические процессы развития исследователи все чаще рассматривают не столько как эволюцию отдельных организмов или видов, сколько как эволюцию систем, в которых «эволюция снизу» дополняется «эволюцией сверху», а равномерные, градуалистические процессы развития сменяются стремительными и скачкообразными [6, 35]. Этот подход создает теоретическую и методологическую основу, в частности, для объяснения происхождения и развития языка, дополняя более популярные в последние годы биологические и когнитивные подходы, в которых язык понимается исключительно как *индивидуальная способность*, а не как распределенная (distributed), надындивидуальная, социокультурная знаковая система, определяющая развитие этой способности и ее конкретное экологическое и социальное содержание [29, 36].

Как отмечают многие исследователи, сохранение, накопление и трансляция последующим поколениям знаний, системной и структурной организации, которая была достигнута предыдущим поколением, являются условием *поступательного развития* биологических и социальных систем. У человека совершенствование *системного* развития стало возможным также благодаря появлению более высокой степени *индивидуальной* (фенотипической) *пластичности развития*, которая значительно превосходит аналогичные в природе. Все это позволяет поддерживать кумулятивные процессы в культуре, интенсивный и экстенсивный характер общественного прогресса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Суховерхов А.В.* Эволюционная теория: поиск новых парадигм // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). Краснодар : КубГАУ, 2014. № 07 (101). С. 1–21.
2. *Noble D., Jablonka E., Joyner M.J., Müller G.B., Omholt S.W.* Evolution evolves: physiology returns to centre stage // The Journal of Physiology. 2014. Vol. 592(11). P. 2237–2244.
3. *Mesoudi A., Blanchet S., Charmantier A., Danchin E., Fogarty L., Jablonka E., Laland K.N., Morgan T.J.H., Müller G.B., Odling-Smee F.J., Pujol B.* Is non-genetic inheritance just a proximate mechanism? A corroboration of the Extended Evolutionary Synthesis // Biological Theory. 2013. Vol. 7 (3). P. 189–195.
4. *Noble D.* A theory of biological relativity: no privileged level of causation // Interface Focus. 2012. Vol. 2. P. 55–64.
5. *Любарский Г.Ю.* Третий эволюционный синтез // Химия и жизнь. 2014. № 5. С. 40–44.
6. *Назаров В.И.* Эволюция не по Дарвину: системный взгляд на эволюцию // Экология и жизнь. 2008. № 9. С. 10–17.
7. *Гродницкий Д.Л.* Эпигенетическая теория эволюции как возможная основа нового эволюционного синтеза // Журнал общей биологии. 2001. Т. 62, № 2. С. 99–109.
8. *Danchin E., Charmantier A., Champagne F.A., Mesoudi A., Pujol B., Blanchet S.* Beyond DNA: integrating inclusive inheritance into an extended theory of evolution // Nature Reviews Genetics. 2011. Vol. 12 (7). P. 475–486.

9. *Суховерхов А.В.* Общая теория биологической и социальной памяти: семиотический и процессуальный подходы // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ) . Краснодар : КубГАУ, 2011. № 10 (74). С. 1–17.
10. *Jablonka E., Lamb M.J.* Evolution in Four Dimensions: Genetic, Epigenetic, Behavioral, and Symbolic Variation in the History of Life. MIT Press. 2005.
11. *Jablonka E., Lamb M.J., Avital E.* Lamarckian mechanisms in Darwinian evolution // Trends in Ecology and Evolution. 1998. Vol. 13. P. 206–210.
12. *Laland K.N., Odling-Smee F.J., Feldman M.W.* Niche construction, biological evolution, and cultural change // Behavioral and Brain Sciences. 2000. Vol. 23. P. 131–175.
13. *Odling-Smee F. J.* Niche inheritance: a possible basis for classifying multiple inheritance systems in evolution // Biological Theory. 2007. Vol. 2 (3). P. 276–289.
14. *Докинз Р.* Расширенный фенотип: длинная рука гена. М., 2010.
15. *Маркель А.Л.* Физиологическая генетика // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2014. Т. 18, № 1. С. 112–124.
16. *Badyaev A.V., Uller T.* Parental effects in ecology and evolution: mechanisms, processes and implications // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2009. Vol. 364. P. 1169–1177.
17. *Danchin E., Pocheville A.* Inheritance is where physiology meets evolution // The Journal of Physiology. 2014. Vol. 592 (11). P. 2307–2317.
18. *Jablonka E., Lamb M.J.* Soft inheritance: challenging the modern synthesis // Genetics and Molecular Biology. 2008. Vol. 31 (2). P. 389–395.
19. *Jablonka E., Lamb M.J.* The epigenome in evolution: beyond the modern synthesis // Информационный вестник. ВОГиС. 2008. Т. 12, № 1 (2). С. 242–254.
20. *Петров М.К.* Язык, знак, культура. М., 1991.
21. *Dean L.G., Vale G.L., Laland K.N., Flynn E., Kendal R.L.* Human cumulative culture: a comparative perspective // Biological Reviews. 2014. Vol. 89 (2). P. 284–301.
22. *Danchin E., Blanchet S., Méry F., Wagner R.H.* Do invertebrates have culture? // Communicative and Integrative Biology. 2010. Vol. 3. P. 303–305.
23. *McElreath R.* The coevolution of genes, innovation and culture in human evolution // Mind the gap: tracing the origins of human universals / eds. P.M. Kappeler, J.B. Silk (), Berlin, Heidelberg : Springer-Verlag, 2010. P. 451–474.
24. *Марков А.В.* Гены управляют поведением, а поведение – генами // Элементы большой науки / Новости науки. 2008. URL: http://elementy.ru/news/430913 (дата обращения: 05.03.2015).
25. *Розов М.А.* Социум как волна (Основы концепции социальных эстафет) // Феномен социальных эстафет : сб. статей. Смоленск, 2004. С. 5–35.
26. *Boyd R. Richerson P.* The origin and evolution of cultures. Oxford : Oxford University Press, 2005.
27. *Степин В. С.* Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП, 2011.
28. *Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А.* Философия науки и техники. М., 1999. URL: http://society.polbu.ru/stepin_sciencephilo/ch15_i.html (дата обращения: 05.03.2015).
29. *Суховерхов А.В.* Лингвистический детерминизм, кумулятивная эволюция и рост научного знания // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). Краснодар : КубГАУ. 2015. № 01 (105). С. 1–23.
30. *Sukhoverkhov A.V., Fowler C.A.* Why language evolution needs memory: systems and ecological approaches // Biosemiotics. 2014. DOI 10.1007/s12304-014-9202-3.
31. *Наумов Н.П.* Биологические (сигнальные) поля и их значение в жизни млекопитающих // Вестник АН СССР. 1975. № 2. С. 55–62.
32. *Мозговой И.П., Розенберг Г.С.* Сигнальное биологическое поле млекопитающих: теория и практика полевых исследований. Самара, 1992.
33. *Владимирова Э.Д., Мозговой Д.П.* Теория сигнального поля в экологической семиотике. URL: http://ryk-kypc1.narod.ru/biosem-article2.html (дата обращения: 05.03.2015).
34. *Maran T., Kull K.* Ecosemiotics: main principles and current developments // Geografiska Annaler Series B-Human Geography. 2014. Vol. 96 (1). P. 41–50.
35. *Поздняков А.А.* Критика эпигенетической теории эволюции // Журнал общей биологии. 2009. Т. 70, № 5. С. 383–393.
36. *Данилова М.И., Спасова Н.Э., Суховерхов А.В.* Происхождение, эволюция и специфика естественного языка и коммуникации в природе // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). Краснодар : КубГАУ, 2015. № 01 (105). С. 1–20.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 26 июня 2015 г.

NON-GENETIC INHERITANCE SYSTEMS AND NEW EVOLUTIONARY SYNTHESIS

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 60–64. DOI: 10.17223/15617793/397/11

Sukhoverkhov Anton V. Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: ksau2009@gmail.com

Keywords: theory of evolution; new evolutionary synthesis; non-genetic inheritance systems; sign systems; cumulative cultural evolution.

The article presents the current interdisciplinary research in the field of non-genetic inheritance systems "extended inheritance", "soft inheritance", "inclusive heritability"). It shows their significance for the revision of "modern evolutionary synthesis" ("synthetic theory of evolution") and for the development of new systems approaches explaining evolutionary processes in general and the origins of culture and language in particular. The work considers the epigenetic, ecological, behavioral and cultural inheritance systems and their roles in the evolution of biological and social systems. On that point, a new paradigm of phenotypic plasticity and the limitations of the model of evolution based only on the idea of genetic inheritance (gene mutation, natural selection) are examined. It is shown that due to non-genetic inheritance systems, evolution gains distributed, supraindividual and system properties that enable the origin of culture, language, science and other cumulative social achievements. In systems with such "soft inheritance", the accumulation, transmission and reproduction of successful results (characteristics, structural organization, cultural "traits", traditions) occur via transgenerational biological, ecological and social system processes. It makes possible *active* and *cumulative* adaptation of systems to the ever-changing environment, for instance, by new forms of behavior or creation of "ecological niches" that help to adjust faster than by "hard" genetic inheritance. At the same time, products of these activities generate feedback effects on systems, determining the direction of their evolution and new types of "selective pressure". Thus, natural and social systems turn into "medium" of inheritance and "start-up" for the development and evolution of *individuals* (organisms). The work emphasizes that such a non-genetic inheritance system as ecological inheritance is crucial for the origin of culture; in its turn, cultural inheritance is essential

for emergence and evolution of language (languages) whose nature cannot be reduced only to genes (genetic evolution) or to innate cognitive abilities of particular individuals.

REFERENCES

1. Sukhoverkhov, A.V. (2014) Evolutionary theory: the search for new paradigms. *Nauchnyy zhurnal KubGAU – Scientific Journal of KubSAU*. 07 (101). pp. 1–21. (In Russian).
2. Noble, D. et al. (2014) Evolution evolves: physiology returns to centre stage. *The Journal of Physiology*. 592(11). pp. 2237–2244. DOI: 10.1113/jphysiol.
3. Mesoudi, A. et al. (2013) Is non-genetic inheritance just a proximate mechanism? A corroboration of the Extended Evolutionary Synthesis. *Biological Theory*. 7 (3). pp. 189–195.
4. Noble, D. (2012) A theory of biological relativity: no privileged level of causation. *Interface Focus*. 2. pp. 55–64. DOI: 10.1098/rsfs.2011.0067
5. Lyubarskiy, G.Yu. (2014) Tretiy evolyutsionnyy sintez [The third evolutionary synthesis]. *Khimiya i zhizn'*. 5. pp. 40–44.
6. Nazarov, V.I. (2008) Evolyutsiya ne po Darvinu: sistemnyy vzglyad na evolyutsiyu [The Evolution not in the Darwinian way: a systematic look at the evolution]. *Ekologiya i zhizn'*. 9. pp. 10–17.
7. Grodnitskiy, D.L. (2001) Epigeneticheskaya teoriya evolyutsii kak vozmozhnaya osnova novogo evolyutsionnogo sinteza [Epigenetic theory of evolution as a possible basis for a new evolutionary synthesis]. *Zhurnal obshchey biologii – Journal of General Biology*. 62 (2). pp. 99–109.
8. Danchin, E. et al. (2011) Beyond DNA: integrating inclusive inheritance into an extended theory of evolution. *Nature Reviews Genetics*. 12 (7). pp. 475–486. DOI :10.1038/nrg3028
9. Sukhoverkhov, A.V. (2011) General theory of biological and social memory: semiotic and proces-sual approaches. *Nauchnyy zhurnal KubGAU – Scientific Journal of KubSAU*. 10 (74). pp. 1–17. (In Russian).
10. Jablonka, E. & Lamb, M.J. (2005) *Evolution in Four Dimensions: Genetic, Epigenetic, Behavioral, and Symbolic Variation in the History of Life*. MIT Press.
11. Jablonka, E., Lamb, M.J. & Avital, E. (1998) Lamarckian mechanisms in Darwinian evolution. *Trends in Ecology and Evolution*. 13. pp. 206–210. DOI: 10.1016/S0169-5347(98)01344-5
12. Laland, K.N., Odling-Smee, F.J. & Feldman, M.W. (2000) Niche construction, biological evolution, and cultural change. *Behavioral and Brain Sciences*. 23. pp. 131–175.
13. Odling-Smee, F.J. (2007) Niche inheritance: a possible basis for classifying multiple inheritance systems in evolution. *Biological Theory*. 2 (3). pp. 276–289. DOI: 10.1162/biot.2007.2.3.276
14. Dawkins, R. (2010) *Rasshirennyy fenotip: dlinnaya ruka gena* [Extended phenotype: the long arm of the gene]. Moscow: Astrel'.
15. Markel', A.L. (2014) Physiological genetics. *Vavilovskiy zhurnal genetiki i selektsii – Vavilov Journal of Genetics and Breeding*. 18 (1). pp. 112–124. (In Russian).
16. Badyaev, A.V. & Uller, T. (2009) Parental effects in ecology and evolution: mechanisms, processes and implications. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 364. pp. 1169–1177. DOI: 10.1098/rstb.2008.0302.
17. Danchin, E. & Pocheville, A. (2014) Inheritance is where physiology meets evolution. *The Journal of Physiology*. 592 (11). pp. 2307–2317. DOI: 10.1113/jphysiol.2014.272096
18. Jablonka, E. & Lamb M.J. (2008) Soft inheritance: challenging the modern synthesis. *Genetics and Molecular Biology*. 31 (2). pp. 389–395. DOI: http://dx.doi.org/10.1590/S1415-47572008000300001
19. Jablonka, E. & Lamb, M.J. (2008) The epigenome in evolution: beyond the modern synthesis. *Informatsionnyy vestnik. BOGiS – The Herald of Vavilov Society for Geneticists and Breeding Scientists*. 12: 1 (2). pp. 242–254.
20. Petrov, M.K. (1991) *Yazyk, znak, kul'tura* [Language, sign, culture]. Moscow: Nauka.
21. Dean, L.G. et al. (2014) Human cumulative culture: a comparative perspective. *Biological Reviews*. 89 (2). pp. 284–301. DOI: 10.1111/brv.12053
22. Danchin, E. et al. (2010) Do invertebrates have culture? *Communicative and Integrative Biology*. 3. pp. 303–305.
23. McElreath, R. (2010) The coevolution of genes, innovation and culture in human evolution. In: Kappeler, P.M. & Silk, J.B. (eds.) *Mind the gap: tracing the origins of human universals*. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag.
24. Markov, A.V. (2008) Geny upravlyayut povedeniem, a povedenie – genami [Genes control the behavior, and behavior the genes]. *Elementy bol'shoy nauki. Novosti nauki*. [Online]. Available from: http://elementy.ru/news/430913. (Accessed: 05th March 2015).
25. Rozov, M.A. (2004) Sotsium kak volna (Osnovy kontseptsii sotsial'nykh estafet) [Society as a wave (bases of the concept of social relays)]. In: Rozov, M.A. (ed.) *Fenomen sotsial'nykh estafet* [The phenomenon of social relays]. Smolensk: Smolensk State Pedagogical University.
26. Boyd, R. & Richerson, P. (2005) *The origin and evolution of cultures*. Oxford: Oxford University Press.
27. Stepin, V.S. (2011) *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilization and culture]. St. Petersburg: SPbGUP.
28. Stepin, V.S., Gorokhov, V.G. & Rozov, M.A. (1999) *Filosofiya nauki i tekhniki* [The philosophy of science and technology]. [Online]. Available from: http://society.polbu.ru/stepin_sciencephilo/ch15_i.html. (Accessed: 05th March 2015).
29. Sukhoverkhov, A.V. (2015) Linguistic determinism, cumulative evolution and development of scientific knowledge. *Nauchnyy zhurnal KubGAU – Scientific Journal of KubSAU*. 01 (105). pp. 1–23. (In Russian).
30. Sukhoverkhov, A.V. & Fowler, C.A. (2014) Why language evolution needs memory: systems and ecological approaches. *Biosemiotics*. 04: 8 (1). pp. 47–65. DOI: 10.1007/s12304-014-9202-3.
31. Naumov, N.P. (1975) Biologicheskie (signal'nye) polya i ikh znachenie v zhizni mlekopitayushchikh [Biological (signal) fields and their importance in the life of mammals]. *Vestnik AN SSSR*. 2. pp. 55–62.
32. Mozgovoy, I.P. & Rozenberg, G.S. (1992) *Signal'noe biologicheskoe pole mlekopitayushchikh: teoriya i praktika polevykh issledovaniy* [Signal mammalian biological field: theory and practice of field research]. Samara: Samara State University.
33. Vladimirova, E.D. & Mozgovoy, D.P. (2002) *Teoriya signal'nogo polya v ekologicheskoy semiotike* [The theory of the signal field in ecological semiotics]. [Online]. Available from: http://ryk-kypc1.narod.ru/biosem-article2.html. (Accessed: 05th March 2015).
34. Maran, T. & Kull, K. (2014) Ecosemiotics: main principles and current developments. *Geografiska Annaler Series B-Human Geography*. 96 (1). pp. 41–50. DOI: 10.1111/geob.12035
35. Pozdnyakov. A.A. (2009) A critique of the epigenetic theory of evolution. *Zhurnal obshchey biologii – Journal of General Biology*. 70 (5). pp. 383–393. (In Russian).
36. Danilova, M.I., Spasova, N.E. & Sukhoverkhov, A.V. (2015) Origin, evolution and distinctive features of language and communication in nature. *Nauchnyy zhurnal KubGAU – Scientific Journal of KubSAU*. 01 (105). pp. 187–208. (In Russian).

Received: 26 June 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 65–74. DOI: 10.17223/15617793/397/12

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 7.01

Д.В. Галкин, А.Ю. Куклина

РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА В РЕГИОНАХ РОССИИ: ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ И ЛОКАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ

Статья подготовлена при поддержке Сибирского филиала Государственного центра современного искусства.

Авторы обращаются к проблеме развития современного искусства в регионах России в контексте глобальных проектов и институций, устанавливающих «правила игры» в области современной культуры. Рассматривается опыт организации работы с современным искусством в рамках деятельности Государственного центра современного искусства и других организаций. В качестве примера оригинальной региональной эстетики рассмотрен так называемый сибирский иронический концептуализм. Делается вывод, что заявленная проблема может решаться в рамках конкретных выставочных проектов и кураторских решений, которые направлены на поиск различных форм встречи (диалог, конфликт, дополнение), региональной самобытности и глобальных трендов.

Ключевые слова: современное искусство; Государственный центр современного искусства; кураторская деятельность; региональное искусство.

Нарастающий интерес исследователей и публики к динамичным тенденциям и проблемам современного искусства в России неразрывно связан с развитием различных проектов и институций, занимающихся поддержкой современного искусства не только в столичных городах, но и в регионах. Достаточно сказать, что одна из самых консервативных художественных институций России – Государственный Эрмитаж – не только полностью посвятил современному искусству новые площади в здании Адмиралтейства, не только стал организатором одного из крупнейших европейских фестивалей «Манифеста», но и планирует открытие профильного филиала в Москве. Но это пример последних трех лет. Есть и более исторически важные и давние примеры. Один из ярких и масштабных – деятельность Государственного центра современного искусства (ГЦСИ), который является музейно-выставочной и научно-исследовательской организацией и имеет семь филиалов в регионах России. 25 марта 2013 г. в Томске был открыт Сибирский филиал ГЦСИ. За два года своего существования СФ ГЦСИ организовал и реализовал немало заметных выставочных и образовательных проектов с участием художников и экспертов международного уровня – Д. Булатова, Гай Бен-Ари, Е. Шерстобоевой, Д. Пиликина, И. Чубарова, Л. Бугаевой, Д. Галкина и др. Несколько проектов отметились на российском и международном уровнях. Выставка «Манифест ТРИВА» в 2013 г. вошла в шорт-лист престижной всероссийской премии в области современного визуального искусства «Инновация», а выставка «Случайные совпадения. Существует ли российское современное искусство?» в апреле 2014 г. вошла в параллельную программу европейской биеннале современного искусства «Манифеста 10» в Санкт-Петербурге. Одной из главных тем, разрабатываемых Сибирским филиалом ГЦСИ, является изучение современного искусства в Сибири и сибирской идентичности. Манифестом и главным проектом в этом направлении стала масштабная выставка сибирских художников «Соединенные штаты Сибири» (11 июля 2013 г.). Куратор Вячеслав Мизин смело заявил о существовании такого художественного направления, как «сибирский иронический концептуализм».

Деятельность Сибирского филиала ГЦСИ в целом отражает тенденцию последних десятилетий: активные попытки найти модели развития современного искусства не только в столицах, но и в региональных городах. Эту тенденцию отражают и региональные проекты Центра современной культуры «Гараж», и масштабный проект «Пермь – культурная столица России». У всех инициатив разная судьба. Однако все они отсылают к непростой культурологической и искусствоведческой проблеме. С точки зрения теории, развитие современного искусства в регионах России глубинно противоречит ситуации, когда эта область художественной жизни функционирует как международный глобальный культурный механизм, связанный с масштабными институциями и фестивалями, знаменитыми художниками и кураторами, арт-рынком и глобальными СМИ, которые задают все параметры того, что является современным искусством. С точки зрения практики, возникает проблема выработки стратегии реализации выставочных проектов современных художников в региональном контексте, которые могли бы претендовать на свой голос в мире современного искусства.

В данной статье мы постараемся более подробно разработать эту проблематику и представить анализ / обоснование перспектив развития современного искусства в регионах России с точки зрения разработки и реализации конкретных выставочных проектов. Отчасти нами движет желание заполнить тот исследовательский вакуум, который сегодня существует в этой области.

Если суммировать базовые тезисы, которые мы постараемся развить относительно завяленной проблематики, то они могут звучать следующим образом:

1. Работа в области современного искусства в регионах России становится все более активной и масштабной практикой, связанной с интересами и деятельностью различных институций.

2. Развитие современного искусства в регионах сталкивается с противоречием между трансляцией глобального международного контекста (престижные выставки, институции, кураторы, аукционы) и поиском самобытных региональных (местных) оснований.

3. Данное противоречие может быть отчасти разрешено в конкретных выставочных проектах и кураторских решениях, которые направлены на поиск различных форм встречи (диалог, конфликт, дополнение) региональной самобытности и глобальных трендов.

Проблемы и опыт регионального современного искусства в России

В фильме «Современное искусство: великий мыльный пузырь» английский журналист и режиссер-документалист Бен Льюис называет современное искусство самым раздутым и самым живучим из всех мыльных пузырей, объясняя данное высказывание тем, что оно оправдало ожидания во многом благодаря активной деятельности музеев и стало неуязвимым в отличие от других отраслей экономики [1]. Современное искусство синтетично, оно соткано из множества разноцветных нитей: литературы, живописи, музыки, экологии, виртуального пространства и т.д. Поэтому современные художественные объекты несут не только эстетическую нагрузку, но и наполнены новыми идеями и смыслами. Куратор Международного фестиваля кибернетического искусства в г. Санкт-Петербурге Марина Колдобская сравнивает современное искусство с мифом о Вавилонской башне – языки перемешались, уже несколько поколений художников, начиная с поп-арта, используют язык массовой культуры и политики, социологии и психоанализа, глянцевого фото и традиционной живописи и т.д. [2. С. 8].

Этот экспериментальный художественный язык изобретен и развивается в контексте европейского авангарда начала XX в. и идеологии модернизма. Еще в 20-е гг. XX в. испанский философ и социолог Ортега-и-Гассет обнаруживает тенденцию к дегуманизации искусства, он пишет: *«…художник не ошибается и не случайно отклоняется от “натуры”, от жизненно-человеческого, от сходства с ним, − отклонения указывают, что он избрал путь, противоположный тому, который приводит к “гуманизированному” объекту… Он ставит целью дерзко деформировать реальность, разбить ее человеческий аспект, дегуманизировать ее*» [3].

И действительно, в стремительно развивающихся течениях исчезает сам предмет искусства, размываются границы вещей, смыслов, практик, контекстов. Художник превращает в произведение искусства любую вещь, будь то ржавая консервная банка, бутылочное стекло или мусорный пакет. Наравне с использованием различных утилитарных предметов искусством становится и действие само по себе. Нарастающий зрительский и научный интерес к динамичным тенденциям и проблемам современного искусства не случайно растет вокруг активно проводимых по всему миру биеннале, фестивалей, выставок, конференций, музеев.

Но должно ли быть современное искусство заметным, масштабным, глобальным? Тогда получается, что только мероприятия глобального уровня определяют, что такое современное искусство. Или мы можем говорить о том, что есть современное искусство в регионах и благодаря различным организациям существует потенциал для его развития?

В России проблемами развития современного искусства занимается ряд институций. По мнению авторитетного теоретика искусства Бориса Гройса, с одной стороны, число музеев современного искусства растет, в них вкладываются деньги, им делается реклама. С другой стороны, к подобным художественным институциям в настоящий момент относятся с недоверием. Гройс пишет: «*Динамичное развитие художественных институций и, прежде всего, музеев современного искусства, происходит параллельно процессу стирания явных различий между рукотворными и технически произведенными вещами*» [4]. Но все же в наше время музей остается последней возможностью отличить истинное искусство от неискусства. Поэтому и мы сосредоточим основное внимание на деятельности таких российских культурных центров, как Государственный центр современного искусства (ГЦСИ), «ГАРАЖ», музей современного искусства «PERMM». Они занимаются поддержкой современного искусства не только в Москве, но и в регионах, предполагая, что эта деятельность является крайне важным условием развития художественной культуры в целом.

Государственный центр современного искусства – музейно-выставочная и научно-исследовательская организация, деятельность которой направлена на развитие современного отечественного искусства в контексте мирового художественного процесса, формирование и реализацию программ и проектов в области современного искусства, архитектуры и дизайна в стране и за рубежом [5]. ГЦСИ постоянно расширяет географию своей деятельности и на данный момент объединяет работу семи филиалов – в Калининграде, Владикавказе, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Самаре, Томске и Санкт-Петербурге. Это самая большая и активная региональная сеть институций современного искусства в России.

Среди основных направлений работы филиалов внедрение современного искусства в общественное пространство города, активная образовательная, аналитическая, исследовательская, научно-информационная деятельность, динамичная выставочная деятельность, арт-резиденции и разнообразные экспериментальные формы работы с художниками и аудиторией. В каждом из филиалов разработаны уникальные программы и проекты, направленные на развитие и популяризацию современного искусства в регионе.

Уральский филиал ГЦСИ, который начал работу в 1999 г., реализует следующие программы: «Artist-in-residence» (арт-резиденции – приглашенные художники реализуют проекты в филиале), «Арт-исследование», «Искусство. Наука. Технологии», «Культурная журналистика», «Образование», «Опыты междисциплинарности», «Сотрудничество», «Урал-

Регионы», «Уральские заводы: индустрия смыслов». Также в рамках деятельности Центра издается журнал создателей и потребителей искусства «ZAART», который сегодня пытается формировать культурную географию НеМосквы. Главным и самым масштабным проектом Уральского филиала заслуженно считают Уральскую биеннале современного искусства. Среди постоянных резидентов УФ ГЦСИ такие звезды российского современного искусства, как стрит-художник Тимофей Радя и яркие представители технологического искусства в России группа «Куда бегут собаки».

Основные программы Балтийского филиала ГЦСИ включают: «Наследие в актуальном контексте», «Современное искусство и современное общество», «Современная архитектура, пространственное развитие и дизайн среды», «Искусство и наука в эпоху постбиологии», «Звук и видео: feed back», выставочную программу «На мансарде», программу «Художник в резиденции», образовательную программу «Арт-классики» (в том числе детско-юношеская студия цифрового искусства), издательскую программу «pH». Балтийский филиал регулярно проводит популярный фестиваль экспериментальной музыки «Sound Around Калининград», ставший его визитной карточкой. Кроме того, благодаря научной и кураторской работе Дмитрия Булатова филиал бесспорно является одним из центров развития в России так называемого science art.

Приволжский филиал ГЦСИ, открытый в 1997 г. на базе общественной организации «Нижегородский центр современной культуры “Кариатида”», своеобразен тем, что на его базе сформированы видеоархив и коллекции видеоарта, на основе которых делается цикл телевизионных передач «Арсенал современного искусства». Большой интерес представляет работа по художественному осмыслению культурного наследия, которая реализуется в оригинальных выставочных проектах (например, нашумевший в 2014 г. проект «Ниже Нижнего»). Еще одна уникальная составляющая деятельности нижегородцев – разработка образовательных программ для детей и школьников. Сегодня (после масштабного ремонта) филиал располагается в здании Арсенала на территории нижегородского Кремля и занимает важное место в культурном ландшафте региона.

Северо-Западный филиал ГЦСИ в Санкт-Петербурге был открыт в 1995 г., помимо реализации различных художественных и культурных проектов занимается репрезентацией зарубежного актуального искусства в Петербурге и России, а также российского искусства – за рубежом. Здесь также функционирует довольно известная программа арт-резиденций (базируется в Кронштадте), которая тесно связана с работой филиала в области художественных экспериментов в городской среде. В 2013 г. резиденцию посетили 25 художников из России и 17 стран мира. Итоговые работы художники представили на выставке в виде фотографии, видео, инсталляции, арт-объектов, живописи и графики, раскрывающих уникальную ауру города-острова, его историю и современный уклад жизни. Таким образом, кронштадтская резиденция ГЦСИ может послужить примером развития региональных арт-проектов вне крупного города.

С 2010 г. региональная структура ГЦСИ расширилась на Кавказ. Новый филиал начал работу в г. Владикавказе и быстро обратил на себя внимание благодаря форуму «Арт-Кавказ» и арт-симпозиуму «Аланика», в котором сочетаются выставочные, образовательные и научно-исследовательские элементы.

Говоря о деятельности филиалов ГЦСИ, нельзя не сказать, что в различных регионах были реконструированы и находятся в стадии реставрации архитектурные памятники, полученные ГЦСИ в оперативное управление для создания государственного музея современного искусства. Так, в Калининграде завершается восстановление башни и части мансардных помещений казармы «Кронпринц» – памятника истории и культуры XIX в. А в Нижнем Новгороде восстановлено здание Арсенала Нижегородского кремля, и с 1 мая 2015 г. после масштабной реконструкции новый Арсенал открыт для публики. В Томске объявлено о начале реконструкции здания, в котором будет располагаться филиал так называемых Гороховских складов архитектора Крячкова на набережной Томи [5].

В нашем обзоре Сибирский филиал ГЦСИ занимает особое место, именно поэтому мы начали нашу статью именно с него (см. выше) и еще уделим ему отдельное внимание.

ГЦСИ – не единственная институция в этой сфере современной российской культуры. Его важная особенность в том, что здесь уже более двадцати лет ведется последовательная и систематическая работа по развитию филиальной системы в регионах России. В ГЦСИ сложилась и функционирует полноценная институциональная модель, чего нельзя сказать о других примерах регионализации современного искусства.

Обратимся к региональным амбициям Центра современной культуры «Гараж». Он был основан в 2008 г. Дарьей Жуковой в Москве с целью развития и популяризации современной культуры. Данная независимая культурная институция обладает уникальным научным архивом, обширной выставочной программой зарубежных и российских художников, образовательной и издательской деятельностью, которая формирует качественную среду для создания новых идей и проектов. Кроме того, «Гараж» занимается разработкой и внедрением инновационных методик детского и семейного образования; поддержкой профессионалов в сфере искусства и культуры. Деятельность Центра современной культуры «ГАРАЖ» не ограничивается проведением столичных выставок и фестивалей. 22–25 мая 2013 г. по заказу Министерства культуры Российской Федерации центром был проведен семинар «Дом новой культуры: конструируем будущее». В самом названии проекта легко уловить желание переформатировать традиционный и привычный провинциальный Дом культуры и найти новые современные формы функционирования.

Проект создания Домов новой культуры или ДНК-центров был нацелен на распространение знаний и передовых технологий в сфере культуры и организации жизни, а также создание среды, благоприятной для творчества и самореализации молодых жителей

городов с населением от 50 000 до 500 000 человек (в отличие от ГЦСИ, филиалы которого базируются в крупных региональных центрах). Пилотные Дома новой культуры планировалось построить в городах Калуге, Первоуральске и Владивостоке при содействии региональных органов власти и частных партнеров проекта [6]. И первым делом к их созданию были привлечены опытные специалисты в области современного искусства (включая ГЦСИ), а также современные художники из России, Европы и США.

Суть Домов новой культуры (ДНК) выразил Александр Ослон, глава фонда «Общественное мнение», сказав следующее: «Мы действительно верим, что если создать людям условия для развития и самореализации, то это принесет свои плоды» [7]. Автор статьи придерживается точки зрения, что за экономическим развитием следует культурная потребность. Однако были общественные группы людей, которые выражали недовольство по поводу внедрения подобных современных домов культуры, считающие, что если вы за новую культуру, то вы против старой. Анна Гор, директор Приволжского филиала ГЦСИ: «… найдется много людей в регионе, которые вам скажут: не надо никакой нам новой культуры, мы будем сохранять традиции» [Там же].

К сожалению, данный проект закрыт и переформатирован. В 2015 г. специальная рабочая группа Министерства культуры предложила не только переименовать их в РКЦ, – региональные культурные центры, – но и кардинально сменить назначение: вместо современного искусства и культурных инноваций эти учреждения будут заниматься патриотическим и духовным воспитанием жителей малых городов [8]. В итоге «Гараж» продолжит борьбу за достойное место на глобальной сцене современного искусства (на собственной новой базе в Москве в Парке Горького) в качестве исключительно столичной институции.

Здесь мы должны вернуться к нашему основному вопросу: а нужно ли развивать современное искусство в регионах России? Существует ли уж такая необходимость? Современное искусство – это стиль жизни нового поколения, оно согласуется с пространством, в котором общество в настоящий момент обитает. И это пространство глобальных городов. Хороший художник из провинции всегда может уехать и добиться успеха в столице (как когда-то ехали становиться художником в Париж). Любители современного искусства также могут время от времени посещать столичные фестивали и выставки.

Однако международная практика культурного развития говорит о том, что современное искусство активно идет в регионы. Это происходит в Европе (конкурс «Культурная столица») и даже в Китае. Современное искусство становится одним из ресурсов успешного развития городов (хрестоматийный пример – испанский Бильбао и музей Гугенхайма). Проблему отсутствия культурной идентичности и культурного бренда различных городов можно решить за счет развития современного искусства в регионе, что немедленно сказывается на привлекательности города для инвесторов, туристов и так называемого «креативного класса». Качественная культурная среда становится крайне важной для осознания качества жизни самими горожанами, что не менее важно, чем привлечь бизнес или туристов.

Такие смелые и новаторские проекты предполагают риск и возможность провала. По мнению Ч. Лэндри, «в большинстве организаций, особенно государственных, к риску относятся неодобрительно, а неудачи считают непозволительными… Боязнь риска нередко значит, что в организации нет аналитического механизма, предотвращающего будущие неудачи» [9].

И в данном случае вполне понятный риск может оправдывать средства. Ведь положительные результаты деятельности таких культурных центров, как филиалы ГЦСИ, очевидны. Организуются российские и международные выставочные проекты современного искусства, образовательные и исследовательские программы, включающие богатую палитру культурных мероприятий – фестивали, лекции, мастер-классы, арт-резиденции, которые помогают найти дорогу к пониманию произведений современного искусства и прививают если не любовь к нему, то, во всяком случае, вкус к современному искусству, заинтересованность им. Это не вопрос абстрактного качества жизни, а вполне конкретный способ его улучшить или хотя бы работать над его улучшением.

Вот лишь несколько примеров. В мае 2014 г. в г. Томске прошел ежегодный выставочный проект «Street Vision». Стоит сказать, что это полноценное мультижанровое мероприятие, включающее в себя стрит-арт, музыкальные проекты, современную живопись, фотографию, видео-арт. Организаторы нацелены на главных обитателей студенческого Томска – молодежь – и смогли привлечь около 7000 тыс. человек. Современные художники – одни из главных героев фестиваля: стрит-художники Тимофей Радя и Покрас Лампас, арт-группы «Синие носы» и «Куда бегут собаки». Основная выставочная программа фестиваля в том, что касается современного искусства, была сформирована Сибирским филиалом ГЦСИ в рамках специального проекта «I feel U» при активном участии студентов Института искусств и культуры НИ ТГУ.

В 2012 г. программа Арт-резиденций 2-й Уральской индустриальной биеннале стала масштабным выходом современного искусства за пределы Екатеринбурга в города Свердловской области. Участники проекта – семь художников из России, США и Франции – сначала должны были познакомиться с пространством как действующих, так и заброшенных заводов, изучить местную промышленную культуру, создать проект-исследование. В результате их проекты должны были актуализировать проблемы и перспективы локального индустриального контекста.

Говоря о региональных проектах в сфере современного искусства, нельзя не обратиться к еще одной поучительной истории. Одним из самых масштабных и успешных проектов российского искусствоведа, галериста и куратора М. Гельмана можно назвать «Культурный альянс». «Культурный альянс» объединял 17 городов, которые подписали соглаше-

ния об обменных бюджетах. Задача этих городов – организация насыщенной культурной жизни. Сделать ее таковой с помощью собственных творцов невозможно, поэтому была разработана система обменных выставок между городами, которая позволяет расширить и наполнить новыми талантами современное культурное пространство. Гельман исходил из того, что художественная среда в России очень маленькая и главной задачей данного проекта должно быть ее резкое расширение. Или еще более амбициозно – превращение Московской художественной сцены в российскую [10].

Для этого Марат Гельман сам решил перебраться в Пермь и там в качестве директора музея современного искусства PERMM на месте предпринял попытку запустить на региональном уровне международный проект «Пермь – культурная столица» [11]. Главная идея проекта – культура способна и должна сыграть ключевую роль в социально-экономическом развитии края – была озвучена на Пятом экономическом форуме в Перми в 2009 г. и была поддержана на уровне губернатора края и Совета Федерации [12]. Прагматическая сторона превращения Перми в культурную столицу заключалась в желании создать средствами культуры более комфортные условия для молодежи края, которая в большинстве своем стремилась уехать из Перми в Москву или Екатеринбург.

В Пермском крае проект вызвал огромный негативный резонанс. В результате конфликтов уже в 2013 г. последовала отставка Марата Гельмана с поста директора музея «PERMM», судьба масштабных проектов – «Культурный альянс», «Пермь – культурная столица» – оказалась под вопросом. В итоге они были свернуты властями региона. Однако музей современного искусства продолжает успешно функционировать.

Таким образом, одной из проблем развития современного российского искусства является то, что в стремлении улучшить культурную ситуацию в регионе заинтересованы обособленные группы, конкретные личности, которые, находясь в конфликтных отношениях с политической элитой, становятся не способны противостоять господствующей структуре. В интервью журналу «Воздух» в 2014 г. Гельман высказал спорное утверждение, что в настоящий момент в России все идет к тому, что вновь, как в советское время, искусство будет разделено на официальное и неофициальное, а это губительно отразится на всей российской культурной сфере [13].

Поэтому, с одной стороны, именно работа в регионах таких институций, как Государственный центр современного искусства, Центр современной культуры «Гараж», музей современного искусства «PERMM», могут быть гарантом и стимулом расширения современной российской культуры в региональном контексте. Но это только институциональный срез проблемы. Привезти знаменитых западных художников в провинцию не означает развития современного искусства. И тогда возникает вопрос: а может ли развиваться самобытная региональная эстетика, быть жизнеспособной вне столицы?

Эстетика сибирского иронического концептуализма

Под лозунгом поиска региональной индивидуальности и самобытности пытается работать Сибирский филиал ГЦСИ. Здесь примером региональной эстетики может служить «сибирский иронический концептуализм». Он начинается с вопроса о том, существует ли вообще особая «сибирскость», пропитанная «нестерпимыми сибирскими морозами, невыносимой сибирской каторгой, несметными природными богатствами…»? [14. С. 6] Сибирское искусство – сложный и малоизученный феномен. Из существующих попыток описать (или сфабриковать?) эстетику современного искусства в Сибири можно назвать интервью с сибирскими художниками и каталог выставки «Соединенные штаты Сибири», изданный Сибирским филиалом ГЦСИ в 2014 г.

Один из героев в этой борьбе за самобытность – Александр Шабуров (российский художник, участник арт-группы «Синие носы»). В статье «Жизнеописание наиболее знаменитых новосибирских художников и пересказ их произведений» он утверждает, что никакой «сибирскости» не существует. «Между сибиряками, уральцами и дальневосточниками разницы нет» [Там же. С. 6]. Отличительная черта сибирского искусства в том, что здесь все художники являются «стихийными середняками евразийцами», спокойно воспринимающими людей с иной точкой зрения, вне зависимости от национальной принадлежности, с удовольствием выставляющими себя «сибирскими дикарями». У сибирских творцов схожее амплуа – все они являются «самородками и пересмешниками». Функция их искусства заключается в проверке массовой культуры на прочность, ее осмеянии и пародировании. А сутью сибирского искусства выступает консерватизм и охранительство «от глобализации сознания и мифов столичных СМИ» [Там же. С. 70].

Обратимся к истории формирования современного сибирского искусства, которая начала складываться в середине 80-х гг. XX в. и связана с рядом имен. В этот период начинают активно заниматься художественной деятельностью «бумажные архитекторы» и «андеграундные художники» – Вячеслав Мизин, Максим Зонов и Дмитрий Булныгин. Они организовывают первую выставку в 1990 г. на заводе металлоконструкций под названием «Души рабочих». В 1995 г. Мизин, называвший свой метод «художественным слабоумием», и Булныгин, впоследствии курирующий международный конкурс «Фестиваль сверхкороткого фильма», попадают в Цюрих на фестиваль «Eurokot», где знакомятся с художниками из Екатеринбурга – с О. Еловым и А. Голиздриным. В Екатеринбурге имелось достаточно развитое культурное сообщество, целая плеяда примечательных персонажей: легендарная «Уктусская школа» (во главе с Анной Таршис), Б.У. Кашкин (основатель «Общества Картинник»), Владимир Жуков (родоначальник «окказионального арта»), Евгений Арбенев (изобретатель «подсознательной графики») и др.

Конец 1990-х гг. охарактеризован расцветом новосибирского contemporary art благодаря поддержке Фонда Сороса. В 1999 г. при содействии Фонда Кондратюка новосибирскими художниками был организован экстремальный художественный фестиваль «Beyond Time Shelter. Убежище вне времени». Художники из Польши, Украины, Словении, Грузии, России решили встретить Новый год, запершись на несколько дней в бомбоубежище. Цель фестиваля – придумать новаторское искусство в отсутствии высоких технологий. Именно благодаря этому мероприятию фактически возникла группа «Синие носы». Сознательно Вячеслав Мизин и Александр Шабуров стали арт-группой в 2003 г. на триеннале в Вильнюсе. В 2002 г. они принимали участие на биеннале в Цетинье (Черногория), затем была Венецианская биеннале, 1-я Московская биеннале современного искусства и др. Так, художники, создавшие свой «народнический» вариант современного искусства, опирающийся на сегодняшний интернет-фольклор и образы массовой культуры, стали одними из самых известных и провокационных в стране. Однозначного отношения к творческой деятельности арт-группы нет. Бывший Министр культуры РФ А. Соколов назвал их творчество «позором России».

В целом Александр Шабуров отмечает, что какой-то специфики современной культуры Сибири как таковой не существует по ряду причин. Профессиональная прослойка сформировалась сравнительно недавно, институции открывались за счет деятельности энтузиастов, от чего вполне логична их недолговечность. В связи с этим у местных художников contemporary art формировался комплекс творческой неполноценности, или «комплекс Незнайки». Несмотря на обособленность и так называемую «самобытность» была крайне важна художественная оценка извне, желательно из столицы. В любом случае требуется незаурядная исследовательская и художественная работа для анализа и развития сложившейся ситуации [14. С. 6–70].

Попыткой такого исследования стала весьма резонансная выставка «Соединенные штаты Сибири» (11 июля 2013 г., куратор В. Мизин). Выставка объединила художников, творящих на разных просторах необъятной Сибири (Новосибирск, Красноярск, Омск и др.). Кураторские и творческие решения неразрывно связаны с «Культурным альянсом» Марата Гельмана и эстетикой «русского бедного», которая легла в его основу.

«Соединенные штаты Сибири» объединили творчество красноярца Василия Слонова с его пародийными плакатами к сочинской олимпиаде «Добро пожаловать в Сочи – 2014», омича Дамира Муратова с серией работ «Если бы они родились в Сибири…», фотоработы разных лет новосибирской группы «Синие носы», а также творчество Сергея Беспамятных с серией работ «Они сражались за родину», Константина Еременко с серией «Истерия Сибири», «История сибирского былинного партизана-сепаратиста Лыкова», работы Игоря Шерко «Ыбть чевокелом», работы фотохудожников группы «ТРИВА», фотоработы Евгения Иванова «Homo Demonstraticus» и др.

Эта выставка стала манифестом, заявкой на существование такого художественного направления, как «сибирский иронический концептуализм». Что это значит с искусствоведческой точки зрения? Нам представляется, что, во-первых, концептуализм предполагает, что художника интересует не столько художественная форма, сколько содержательная сторона художественного высказывания, прорывающаяся сквозь провокационные жесты автора и обращенная к многослойному прочтению публикой. Во-вторых, сибирский иронический концептуализм близок к тому направлению в современном искусстве, которое ассоциируют с методами поп-арта и arte-povera – и по тематике, и по материалу. По итогам выставочного проекта был издан каталог. Тем самым художественное явление было задокументировано и официально представлено.

В Риге (культурной столице Европы 2014 г.) в середине июня с успехом открылась выставка «На волне», представляющая актуальное искусство Латвии и Сибири. Организаторами выставки выступили Латвийский институт современного искусства, Сибирский филиал Государственного центра современного искусства и новосибирский фонд «Сибирский центр современного искусства». «Костяк» «сборной Сибири по современному искусству» составили авторы, хорошо известные по выставке «Соединенные Штаты Сибири»: Дамир Муратов (Омск), Василий Слонов (Красноярск), группа «Синие носы» (Новосибирск – Москва), Дмитрий Булныгин (Москва – Новосибирск), Константин Еременко, Сергей Беспамятных, Игорь Шерко, Константин Скотников (Новосибирск). Все эти художники были представлены как уже известными работами, так и совершенно новыми, некоторые из которых были созданы специально для выставки «На волне». А в осеннем номере русского издания «Rīgas Laiks» было опубликовано интервью с директором Сибирского филиала ГЦСИ, художником из группы «Синие носы» – Вячеславом Мизиным. В ходе интервью обсуждалась и сибирская идентичность. По словам Мизина, существует некая сибирская искренность: «Это как бы делается от души, особенно сначала…». На вопрос, является ли сибирское искусство коллективным, куратор ответил:

«…когда уже серьезно к этому подошел, я обнаружил, что у них у всех присутствует особый взгляд на вещи – вот этот иронизм, критицизм, некий абсурдизм. И мне не надо было предпринимать никаких специальных шагов, чтобы объединить художников под каким-то лозунгом… сибирское искусство представляет такой вот пул художников, которые мыслят примерно одинаково и работают примерно одинаково» [15. С. 109].

Тему продолжили другие выставочные проекты на базе СФ ГЦСИ. 9 октября 2014 г. в Сибирском филиале ГЦСИ в рамках круглого стола «СоврИск made in Siberia: что это?» состоялось пресс-открытие выставки томской художницы Наташи Юдиной «Мой Кремль». Молодая, но уже достаточно известная художница решила обыграть в образе игрушечного Кремля множество деталей, заставляющих задуматься

о том, что же есть Родина с очень простой, обыденной и интимно-вещной точки зрения? В рамках круглого стола обсуждали такие сложные и противоречивые вещи, как современное сибирское искусство и его представление различным аудиториям.

Дискуссия сосредоточилась вокруг противоречия, заявленного нами в самом начале статьи. Кто-то настаивал на том, что современное сибирское искусство, безусловно, есть, несмотря на то что в настоящий момент сибирская идентичность всячески подавляется. Кто-то говорил, что искусство, сделанное в Сибири, ориентируется на некие международные «нормативы», приемы и техники и не является сибирским по своим корням. Для кого-то образцом сибирского искусства является та традиция, которая была заложена в сибирском панке в середине 1980-х гг. На вопрос, ассоциирует ли Наташа Юдина себя с такими сибирскими художниками, как Д. Муратов, В. Слонов, группой «Синие Носы» и с отечественной традицией contemporary art, художница ответила:

«Конечно, какую-то одинаковость мысли я ощущаю. Что касается сибирской идентичности, то специально изучать я ее не берусь, но она все равно как-то… «лезет». По поводу современного искусства скажу следующее… обидно, что искусство разделилось на два лагеря – новое и старое. Новое, это не значит, что это только навязанный, тоталитарный менеджмент. Хотя, современное искусство достаточно тоталитарно. Просто пришло то время, когда старых форм недостаточно, нужен концепт, идейность, возможность «включить» мозги, а не только созерцать прекрасное» [16].

Еще один важный выставочный проект был реализован в апреле 2015 г. Документальная выставка под названием «Повторение непройденного» исследует контекст сибирского искусства 1990-х гг. (куратор – С. Самойленко). В начале 1990-х гг. в Новосибирске (ПАН-клуб), Томске (Макс Батурин) и Кемерово (Макс Уколов и театр «Ложа») независимо возникли художественные движения, синтезирующие литературу, театр и визуальное искусство, практикующие художественные интервенции в городскую среду в виде перформансов. Практика этих движений во многом повторяла арт-движение «FLUXUS», хотя сибирские художники и литераторы вряд ли об этом догадывались. Художники «Флюксус» за все время существования движения старались избегать привычных артистических институций, пытаясь разрушить сами принципы искусства, они проводили хэппенинги, перформансы, занимались видеоартом, авангардной поэзией, работали в эстетике «вещи», «объекта». Основным принципом движения являлась абсолютная спонтанность, произвольность, отказ от любых ограничений [17].

В качестве примера можно привести акцию на Черной речке (70 км южнее Новосибирска), проведенную 14 февраля 1994 г. совместными усилиями газеты «Молодая Сибирь» (в лице руководителя ПАН-клуба) и драматического театра «Молодежный» (художественный руководитель – Сергей Афанасьев). Цель акции – восстановление исторической справедливости. Участники акции исполнили ритуал, на котором через 157 лет после поражения на дуэли Пушкин взял реванш у своего обидчика [18. С. 14].

Эту историю можно расценить как иллюстрацию того факта, что именно в 1990-е гг. были заложены параметры и задан вектор последующего развития современного искусства в Сибири, а участники тех движений стали ключевыми фигурами в различных сферах: визуальном искусстве, литературе, театре.

Итак, благодаря ряду выставочных проектов, посвященных «сибирской идентичности», «сибирский иронический концептуализм» заявил о себе как особом художественном явлении, существующем в региональном контексте. Мы также видим попытку сформировать некий арт-бренд, привлекая внимание к сибирскому искусству в целом. Здесь же мы видим стремление сибирских художников обозначить свою инаковость и самобытность на российской и мировой арт-сцене. А. Шабуров во вступительной статье к каталогу «Соединенные штаты Сибири» приходит к мысли: *«…про сибирскость художники талдычат не потому, что являются сепаратистами и следуют хитроумному американскому плану колонизации Сибири под видом «прав человека» и насаждения «современного искусства», а потому что скептически воспринимают любые доносящиеся до них мемы и хештеги. Не поддаются медиапланированию, зомбированию и манипулированию, предпочитая непосредственное общение»* [14. С. 71].

Срабатывает рефлекс сопротивления любому давлению извне. Отсюда проявляются характерные черты сибирского искусства: провокационность, рефлексия на общественные и политические события, исследование бытовой и повседневной жизни, самоирония, анекдотичность и, главное, отчасти обреченная и неожиданно увлекательная попытка исследовать феномен «сибирского» средствами современной культуры.

Итак, на рассмотренном примере мы видим, что региональную эстетику пытаются создавать не только и не столько сами художники. Скорее даже ключевая роль здесь отводится кураторской работе. Куратор который осмысляет, формулирует концепцию, запускает проект. Насколько фигура куратора может стать своего рода мостом между региональным проектом и глобальным контекстом? Ведь, по меткому замечанию Бориса Гройса, курировать означает «исцелять»:

«Процесс курирования исцеляет беспомощность произведения, его неспособность показать самого себя миру. Произведению искусства нужна чужая помощь, ему нужна выставка и куратор, чтобы быть увиденным» [19. С. 119].

С одной стороны, любое вмешательство куратора выглядит подозрительно, так как он отчасти представляется коварной фигурой, манипулирующей восприятием зрителя с целью лишить его личного художественного опыта. Несмотря на то что в процессе организации выставки куратор неизбежно приходит к некоторой релятивизации, его деятельность не является «нулевым творческим актом». Эта фигура является движущей силой, благодаря которой появляется возможность для рождения исторически важного ху-

дожественного события и самого определения искусства. Логика здесь проста и содержательно связана с проблемой определения того, что является произведением искусства и почему:

«Старый вопрос следует задать по-новому: что такое произведение искусства? Современные арт-практики дают достаточно однозначный ответ: произведение искусства – это выставленный предмет. Невыставленный же предмет – не произведение искусства, а лишь вещь, которая потенциально может им стать. Мы не случайно говорим о "современном искусстве"». Подобное искусство для того, чтобы быть замеченным, должно быть продемонстрировано. Таким образом, элементарной единицей искусства сегодня является не отдельное произведение, но выставочное помещение. Современное искусство являет собой не сумму вещей, а топологию определенных мест» [19. С. 145].

Эти идеи по-своему развивает историк искусства и директор лондонской галереи «Серпентайн» Ханс-Ульрих Обрист, отмечая, что куратор сегодня понимается как человек, который *«сводит воедино различные культурные сферы, изобретает новые методы демонстрации и создает новые точки пересечения, в которых возникают неожиданные углы зрения и новые результаты»* [20]. Виктор Мизиано – известный российский куратор и искусствовед – подчеркивает, что куратор – это вдохновитель и создатель выставочного арт-проекта, а значит, со-автор:

«Отныне организатор выставки – это уже не знаток или ученый-исследователь, который выстраивает экспозиционные ряды из готовых произведений, следуя тем или иным научным методикам. Сегодня он, скорее, носитель живого знания. Познавательная ценность его деятельности рождается из стихии творческого диалога с художником, а созданный им продукт – уже не столько экспозиционный показ в строгом смысле этого слова, сколько выставочное событие» [21. С. 11–12].

Различные авторы сходятся во мнении, что с середины XX в. выставочная экспозиция становится предметом критической рефлексии. А сама организация выставки – проектной работой, приобретающей авторский характер. Формируется поле для кураторской работы. Оно эволюционирует и становится все более сложным. Есть кураторы, работающие внутри различных институций (в музеях, галереях, центрах современного искусства) и, соответственно, зависящие от культурной политики, проводимой художественным учреждением. А есть так называемые независимые кураторы, способные работать в меняющихся институциях, имеющие выбор и свободу в реализации различных арт-проектов. В любом случае логика кураторской деятельности включает обязательный набор задач:

– разработка и утверждение концепции экспозиции с руководством музея или арт-площадкой (важно помнить, что концепция представляет собой основополагающий текст, в котором должно содержаться емкое обоснование художественной идеи);

– поиск и отбор конкретного экспозиционного материала, решение о размещении его в выставочном пространстве, а также координация работы с дизайнерами экспозиции и полиграфии;

– контроль и координация монтажа выставки;

– формирование стратегии продвижения выставки, ее репрезентации для публики, в общении со СМИ, гостями;

– планирование и реализация образовательной программы на выставке (кураторы часто сами выступают лекторами).

Итак, проблемами развития регионального искусства занимаются такие институции, как Государственный центр современного искусства, центр современной культуры «ГАРАЖ», пермский музей современного искусства «PERMM». Безусловно, их деятельность является крайне важной для развития художественной культуры страны в целом. Ярким примером регионального современного искусства является феномен «сибирского иронического концептуализма», своеобразный бренд сибирского искусства, поддерживаемый Сибирским филиалом ГЦСИ (г. Томск). И, наконец, движущей силой развития современного искусства является кураторская практика. Поэтому международные, региональные арт-проекты в настоящий момент создаются благодаря деятельности кураторов.

Заключение

Мы убедились, что развитие современного искусства в регионах России во многом зависит от деятельности различных институций, обладающих кадровым потенциалом и ресурсами для работы в регионах. С одной стороны, работа подобных культурных организаций (ГЦСИ, «Гараж») в настоящее время может стать фундаментом для формирования и развития современной российской культуры. С другой стороны, остается сомнение, что самобытная региональная эстетика может самостоятельно развиваться и быть жизнеспособной вне столичных и международных «арт-законов».

Если рассмотреть эту проблему на материале творчества сибирских художников как примере региональной эстетики «сибирского иронического концептуализма», обращаясь к истории формирования современного сибирского искусства, то в такой логике мы вынужденно приходим к анализу выставочных проектов, реализованных, в частности, в Сибирском филиале Государственного центра современного искусства (ГЦСИ). И наш анализ позволяет говорить о том, что сибирская региональная эстетика формируется в конкретных кураторских решениях и амбициях, которые направлены и на региональный, и на международный контекст.

Если же оригинальная и востребованная эстетика – это не только продукт художника, но и куратора, который осмысляет, формулирует концепцию, запускает проект, то именно в рамках конкретного кураторского проекта и возникает возможность для решения заявленной нами проблемы.

В этом авторы данного исследования смогли убедиться сами, работая над подготовкой выставки «Мой Кремль» томской художницы Наташи Юдиной. Сегодня любой выставочный проект – это результат коллективного творчества, ставящий под сомнение традиционное авторство индивидуального художника. «Множественное авторство» – как называет это явление Борис Гройс – для серьезных выставочных проектов оказывается вполне сродни сложному коллективному производству театральной постановки, художественного фильма, музыкального концерта или записи музыкального альбома. Продюсеры, режиссеры, музыканты, сценаристы, актеры, операторы – все соавторы! [19. С. 148].

Таким образом, возвращаясь к заявленным нами в данной статье тезисам, мы, с одной стороны, убедились, что развитие современного искусства в регионах сталкивается с противоречием между трансляцией глобального международного контекста (престижные выставки, институции, кураторы, аукционы) и поиском самобытных региональных (местных) оснований. Однако наши выводы показывают, что данное противоречие может быть отчасти разрешено в конкретных выставочных проектах и кураторских решениях, которые направлены на поиск различных форм встречи (диалог, конфликт, дополнение) региональной самобытности и глобальных трендов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фильм* «Современное искусство: великий мыльный пузырь / The great contemporary art bubble». «Artcontext». URL: http://www.artcontext.info/art-video/88-film-about-art/1146-bubble.html
2. *Международный* фестиваль кибернетического искусства. URL: cylandfest.com/files/Cyberfest2011-catalog.pdf
3. *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства. М. : Радуга, 2000. 646 с.
4. *Художественный* журнал № 23. Борис Гройс «О музее современного искусства». URL: http://www.guelman.ru/xz/362/xx23/x2307.htm
5. *Государственный* центр современного искусства. URL: http://www.ncca.ru/articles.text?filial=2&id=11
6. *Музей* современного искусства «Garage». URL: http://garageccc.com/ru/page/about
7. *Новости* Калуги. URL: http://kaluga24.tv/pravda-o-dnk-zachem-kaluge-i-rossii-nuzhna-novaya-kultura/
8. ART 1. Visual daily. URL: http://art1.ru/zloba-dnya/proekt-domov-novoj-kultury-svernuli/
9. *Лэндри Ч.* Креативный город. М. : Классика–XXI, 2005. 399 с.
10. *Видеохостинг* «Youtube». URL: http://www.youtube.com/watch?v=-xidM4eJD5s
11. *Галерея* «Культурный альянс». Проект Марата Гельмана. URL: http://www.guelman.ru/
12. *Журнал* «Сноб». URL: http://snob.ru/chronicle/entry/6294
13. *Журнал* «Воздух». URL: http://vozduh.afisha.ru/art/marat-gelman-teper-ya-zanimayus-proektami-ne-v-rossii/
14. *Соединенные* Штаты Сибири: Сибирский иронический концептуализм // Каталог выставки. Томск : Сибирский филиал Государственного центра современного искусства, 2014. 238 с.
15. *Русское* здание «Rīgas Laiks», осень 2014.
16. *Группа* «Вконтакте» Сибирского филиала ГЦСИ. URL: https://vk.com/club67130776
17. *Флюксус.* URL: http://visart.info/POST/flux.htm
18. *Новая* сибирская газета «Молодая Сибирь». № 7 (14) 19 февраля 1994.
19. «*Политика* поэтики : сб. ст. Б. Гройса. М. : Ад Маргинем, 2013. 400 с.
20. *Х.-У. Обрист.* Кураторство. Как бороться с перепроизводством и перерасходом ресурсов, которые захлестнули мир. URL: http://esquire.ru/ideas/hans-ulrich-obrist
21. *Виктор Мизиано.* Пять лекций о кураторстве. М. : Ад Маргинем, 2014. 256 с.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 6 июня 2015 г.

REGIONAL DEVELOPMENT OF CONTEMPORARY ART IN RUSSIA: GLOBAL CONTEXTS AND LOCAL PROJECTS

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 65–74. DOI: 10.17223/15617793/397/12

Galkin Dmitry V., Kuklina Anastasiya Yu. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gdv_t@mail.ru; kuklina_1993@bk.ru

Keywords: contemporary art; art curating; National Centre for Contemporary Art; regional art.

The problem authors focus on in this paper is the development of contemporary art in the regions of the Russian Federation in the context of the "rules of the game" set up by global projects and institutions in the realm of contemporary culture with its expectations of growing popularity and interest among professionals and general public. Special attention is paid to the ways how the National Centre for Contemporary Arts (NCCA) and other institutions practically operate in this area. The authors consider the so called "Siberian ironical conceptualism" as an instance of original regional aesthetics. The major proposal discussed in the article is that the problem it is focused on can be practically addressed through exhibition projects and curatorial solutions looking for encounters or dialogue (may be conflict or extension) between regional originality and global trends. In the first paragraph "Problems and practices or the regional contemporary art in Russia", the authors analyze key cases of regional projects and institutions: the National Centre for Contemporary Art and its regional branches, the project New Houses of Culture by the Centre of Contemporary Culture "Garage" and a unique project from Perm region – "Perm – the capital of culture". The rich history and scale of geographic distribution of branches in Tomsk, St. Petersburg, Nizhny Novgorod, Ekaterinburg, Vladikavkaz, Samara and Kaliningrad makes the National Centre for Contemporary Art of special interest for the authors. Different NCCA programs are described: exhibitions and festivals, art residencies, educational programs, research in the history and theory of contemporary art. Discussing the issue of original regional aesthetics, the authors consider the so called "Siberian ironical conceptualism" as an effort of constructing regional specifics of contemporary arts through artistic (re)search for Siberian identity. Special attention is paid to one of the remarkable headline exhibition projects "United States of Siberia" (curated by Slava Misin) that became a collection of artists and their works under the concept of "Siberian ironical conceptualism". Problem statement and cases analyzed require the authors to address agenda of curating in contemporary arts. Modern days functions and tasks in art curating allow us to consider curator as a co-creator of artworks. This ap-

proach was introduced in works by art theorist Boris Groys. The authors conclude that: 1) work of big scale cultural organizations can become a foundation for development of Russian regional contemporary culture; 2) however, there is still a doubt that original regional aesthetics can sustain without recognition at the international level; 3) this situation can be resolved in part in the course of exhibition projects and curatorial solutions looking for encounters or dialogue (may be conflict or extension) between regional originality and global trends.

REFERENCES

1. Sovremennoe iskusstvo: velikiy myl'nyy puzyr' [The great contemporary art bubble]. (2009) Film. Directed by Ben Lewis. [Online]. Available from: http://www.artcontext.info/art-video/88-film-about-art/1146-bubble.html.
2. International festival of cybernetic art (2011). [Online]. Available from: cylandfest.com/files/Cyberfest2011-catalog.pdf. (In Russian).
3. Ortega y Gasset, J. (2000) *Degumanizatsiya iskusstva* [Dehumanization of Art]. Moscow: Raduga.
4. Groys, B. (1999) O muzee sovremennogo iskusstva [About the Museum of Modern Art]. *Khudozhestvennyy zhurnal № 23*. [Online]. Available from: http://www.guelman.ru/xz/362/xx23/x2307.htm.
5. National Centre for Contemporary Art. [Online]. Available from: http://www.ncca.ru/articles.text?filial=2&id=11. (In Russian).
6. The Museum of Modern Art "Garage". [Online]. Available from: http://garageccc.com/ru/page/about. (In Russian).
7. Kaluga News. [Online]. Available from: http://kaluga24.tv/pravda-o-dnk-zachem-kaluge-i-rossii-nuzhna-novaya-kultura/. (In Russian).
8. ART 1. Visual daily. [Online]. Available from: http://art1.ru/zloba-dnya/proekt-domov-novoj-kultury-svernuli/. (In Russian).
9. Landry, Ch. (2005) *Kreativnyy gorod* [Creative City]. Moscow: Klassika–XXI.
10. Gel'man, M. (2013) *Kul'turnyy al'yans sshit' Rossiyu zanovo* [Cultural Alliance – sewing Russia again]. [Online]. Available from: http://www.youtube.com/watch?v=-xidM4eJD5s.
11. Cultural Alliance Gallery. Project of Marat Gelman. [Online]. Available from: http://www.guelman.ru/. (In Russian).
12. Gel'man, M. (2009) Perm' stanet kul'turnoy stolitsey Rossii [Perm will be the cultural capital of Russia]. *Snob*. [Online]. Available from: http://snob.ru/chronicle/entry/6294
13. Gel'man, M. (c. 2015) Teper' ya zanimayus' proyektami ne v Rossii [Now I make projects outside Russia]. *Vozdukh*. [Online]. Available from: http://vozduh.afisha.ru/art/marat-gelman-teper-ya-zanimayus-proektami-ne-v-rossii/.
14. Exhibition Catalogue. (2014) *Soedinennye Shtaty Sibiri: Sibirskiy ironicheskiy kontseptualizm* [The United States of Siberia: Siberian ironic conceptualism]. Tomsk : Sibirskiy filial Gosudarstvennogo tsentra sovremennogo iskusstva.
15. The Russian building of Rīgas Laiks. (autumn 2014).
16. VK Group. (2013) *Siberian Branch of the National Centre for Contemporary Arts*. [Online]. Available from: https://vk.com/club67130776. (In Russian).
17. Fluxus. [Online]. Available from: http://visart.info/POST/flux.htm. (In Russian).
18. *Molodaya Sibir'*. (1994) 7 (14). 19 February.
19. Groys, B. (2013) *Politika poetiki* [The policy of poetics]. Moscow: Ad Marginem.
20. Obrist, H.-U. (c. 2014) *Kuratorstvo. Kak borot'sya s pereproizvodstvom i pereraskhodom resursov, kotorye zakhlestnuli mir* [Curating. How to deal with overproduction and waste of resources which swept the world]. [Online]. Available from: http://esquire.ru/ideas/hans-ulrich-obrist.
21. Miziano, V. (2014) *Pyat' lektsiy o kuratorstve* [Five lectures on curating]. Moscow: Ad Marginem.

Received: 06 June 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 75–80. DOI: 10.17223/15617793/397/13

УДК 94: 069+355/359(571.1)

В.С. Глухов

СТРЕЛКОВОЕ ОРУЖИЕ СТРАН – УЧАСТНИЦ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В КОЛЛЕКЦИИ НИИ ПРИКЛАДНОЙ МАТЕМАТИКИ И МЕХАНИКИ ТГУ

Рассматривается малоизученный вопрос о стрелковом оружии, применявшемся во время Первой мировой войны в армиях противоборствующих сторон. Приводятся сведения об оружии в исследованиях, посвященных Первой мировой войне, и в воспоминаниях военачальников и рядовых свидетелей военных событий. Характеризуются предметы вооружения русской армии, вооруженных сил союзников и противников России, представленные в коллекции НИИ прикладной математики и механики Томского государственного университета.

Ключевые слова: Первая мировая война; стрелковое оружие; Томский государственный университет; оружейная коллекция.

Вопрос о вооружении русской армии, ее военных союзников и противников, особенно актуальный в наше время, когда отмечается 100-летие событий Первой мировой войны и 70-летие Победы в Великой Отечественной войне, не получил в литературе должного освещения. В ряде исследовательских работ говорится об обновлении системы вооружения, заметном усилении роли таких видов вооружения, как артиллерия, авиация, подводные лодки, появлении танков и химического оружия. Отмечается и «усиление огневой мощи пехоты», связанное с использованием новых видов стрелкового оружия [1. С. 351]. Среди работ, в которых стрелковое оружие противоборствующих сторон характеризуется подробнее, нужно отметить труды А.М. Зайончковского [2] и Н.А. Таленского [3], А.А. Строкова [4], двухтомник «История Первой мировой войны 1914–1918 гг.» [5].

Авторы этих книг, впрочем, не дают конкретных наименований, а оперируют только сравнительными характеристиками вооружения. Наиболее полно ситуация со стрелковым оружием в русской армии освещена в четырехтомной «Истории Русской армии» А.А. Керсновского, созданной в 1930-х и переизданной в 1990-х гг. [6, 7]. С опорой на добротную документальную базу исследователь сообщал, что за первые полтора года войны в русскую армию было призвано 6 290 тыс. человек, они имели на вооружении 1 547 тыс. винтовок, т.е. по одной винтовке на четыре человека. О начальном периоде войны говорилось следующее: «Не столь катастрофически, но все же достаточно остро обстоял вопрос с пехотным оружием. Примерно третья часть людей не имела оружия. Инженерные войска и ополченцы еще в ноябре получали ружья Бердана, сдав 3-линейные винтовки в пехоту. Во многих частях по почину войсковых начальников началось перевооружение захваченными неприятельскими винтовками. Трофеи в начале войны, когда как раз их было больше всего, не берегли. В сентябре 1914 г. в Галиции солдаты жгли гигантские костры из австрийских винтовок. Пополнения приходили без ружей и совершенно необученными. Формирование новых частей (намечено было развертывание стрелковых бригад в дивизии и формирование новых 25 дивизий) приходилось отложить» [6. С. 253]. Воинское командование изымало оружие из тыловых частей и передавало его на фронт. Кроме использования трофейных образцов, были срочно закуплены вооружение и боеприпасы у союзников и третьих стран [7. С. 13–14]. Следует отметить, что схожие проблемы, хотя, возможно, и в меньшей степени, переживали все армии стран – участниц Первой мировой войны.

Свой вклад в освещение темы внесли томские историки, но чаще всего они писали о составе и численности вооруженных сил, о победах и поражениях и мало внимания уделяли образцам оружия, стоявшего на вооружении [8, 9]. И только в книге о Томском пехотном полку, который в годы Первой мировой войны именовался 39-м пехотным полком, сообщается, что в составе его имелась пулеметная команда, упоминается о бое 15 августа 1914 г., в котором русские захватили трофеи германской армии – 8 орудий и много пулеметов [10. С. 326–328, 330].

Как и большинство исследований, мемуары участников Первой мировой войны страдают тем же недостатком – малым вниманием к стрелковому вооружению. Примерами могут быть воспоминания главнокомандующего силами Антанты маршала Фердинанда Фоша и начальника германского генерального штаба, генерала от инфантерии Эриха Людендорфа [11, 12].

С одной стороны, они позволяют взглянуть на войну глазами военачальников противоборствующих армий, описывают маневры дивизий и армий во время сражений, захваченные и потерянные позиции, стратегию проведения крупных операций.

С другой стороны, вооруженные люди, принесшие победу или приведшие к поражению, часто остаются за кадром. Примечательно, однако, что оба полководца отмечают увеличение роли пулеметов в позиционной войне. Ф. Фош писал: «Бои вокруг Ипра лишний раз показали, какую силу приобрела оборона благодаря развитию огневых средств, а в особенности благодаря применению пулеметов». Он называет пулемет «неуловимой машиной, которая своим огнем, часто ведущимся вслепую, сметает все на поле сражения» [12. С. 216].

И ему буквально вторил Э. Людендорф: «Пехотные роты должны были сродниться с легким пулеметом. Еще до сих пор пехота смотрела на него как на вспомогательное оружие. Понятие, которое можно резко обрисовать определением, что легкий пулемет теперь сам стал “пехотинцем”» [11. С. 84].

Сталкиваясь с мощью новых видов оружия, командование всех воюющих армий изобретало способы противодействия им. Русская армия полагалась на свою артиллерию, французы – на маневренные ударные группы, немцы – на превосходство в специальном вооружении. А Людендорф сообщал об успешном применении первых противотанковых ружей [11. С. 86]. Он говорил также о том, что стремление получить как можно большее количество пулеметов приводило германское командование к необходимости использовать трофейное оружие с переделкой его на особых фабриках под германский патрон [Там же. С. 110].

Интересно, что об использовании трофейных винтовок и пулеметов в русской армии рассказывал в своих воспоминаниях А.М. Василевский, будущий Маршал Советского Союза, а в Первой мировой войне – пехотный прапорщик. Он писал: «Своих винтовок царской армии уже недоставало. Многие солдаты, в частности весь наш полк, имели на вооружении трофейные австрийские винтовки, благо патронов к ним было больше чем к нашим. По той же причине наряду с пулеметами “Максим” сплошь и рядом в царской армии можно было встретить австрийский Шварцлозе» [13. С. 21].

Воспоминания Л.Н. Березнеговской, которая в 1915 г. со своей семьей провела некоторое время в Дерпте, где ее отец, хирург, профессор Императорского Томского университета Н.И. Березнеговский, призванный на фронт, служил в военном госпитале, дают возможность взглянуть на войну глазами мирного человека. Среди ее воспоминаний встречается такое: «Папа собирал немецкие трофеи, у нас появились две офицерские каски, стакан из-под шрапнели, ручной бомбометатель. Также были поставлены в угол две немецкие винтовки без патронов…» [14. С. 21].

Немаловажным источником изучения темы являются произведения художественной литературы. Так, Анри Барбюс, видный французский писатель, доброволец Первой мировой войны, написал на фронте роман «Огонь», впервые опубликованный в 1916 г. В романе, имевшем подзаголовок «Дневник взвода», рассказывается об окопной повседневности французских фронтовиков и, конечно, об их вооружении. Но рассказывается общими словами, автор пишет, например, так: «Держа ружье на плечо, мерным шагом полк вступает в Гошен-л’ Аббе…» [15. С. 70]. Встречаются и более подробные описания: «В одной точке горизонта, потом в другой, везде уже гремят пушки; оглушительный рев смешивается с вихрями ружейной перестрелки. То усиливающейся, то затихающей, и со взрывами гранат, более звонкими, чем треск “лебелей” и “маузеров”, и приблизительно похожими на выстрелы обыкновенного ружья» [Там же. С. 211].

Подобные описания встречаются и в романе «На Западном фронте без перемен» известного немецкого писателя Э.М. Ремарка, который был призван в армию в 1916 г. и участвовал в боях во Франции до своего ранения летом 1917 г. Он писал: «Канонада стихла, фронт спокоен, только потрескивают винтовки. Пули ложатся густо, это не беспорядочная стрельба – обе стороны ведут прицельный огонь» [16. С. 280]. Или предавался размышлениям: «Два года подряд стрелять из винтовки и метать гранаты – это нельзя сбросить с себя, как сбрасывают грязное белье…» [Там же. С. 124].

В целом можно отметить: исследователи проблемы и очевидцы событий сходились во мнении, что противоборствующие стороны недооценивали потенциал автоматического стрелкового оружия и не были готовы к ведению позиционной войны с насыщенной пулеметами и инженерными заграждениями обороной. Особенно важно то, что все рассмотренные издания содержат словесные описания оружия. И только в книге В.И. Голикова и К.А. Чернова опубликована фотография воина 39-го пехотного полка, извлеченная из альбома полка, сохранившегося в Российском государственном военно-историческом архиве: солдат изображен в полном обмундировании с винтовкой в правой руке [10. С. 352–353]. Тут можно вполне согласиться с К.А. Черновым, который говорил об ограниченности фондовых материалов для изучения и музейного экспонирования военной истории [17. С. 72]. А между тем в ТГУ хранятся разные виды стрелкового оружия, которые позволяют дать наглядное, предметное представление о вооружении воюющих сторон на фронтах Первой мировой войны. Этой задаче и посвящена данная публикация.

Оружейная коллекция была создана в Томском госуниверситете в 1945 г., когда в город была доставлена часть военных трофеев, вывезенных из ракетного центра фашистской Германии – полигона Пенемюнде (остальное попало в другие научные центры СССР). Кроме оружия, в распоряжении ТГУ оказались вычислительные машины, мебель, лабораторные приборы для научных исследований в области баллистики [18. С. 40]. В нынешнем виде собрание подлинных образцов стрелкового оружия хранится в специальных металлических шкафах-сейфах оружейной комнаты НИИ прикладной математики и механики и включает 79 единиц стрелкового оружия производства 16 стран мира – России, Германии, США, Италии, Японии и др. [19. С. 284].

Можно с уверенностью говорить, что часть представленных в коллекции образцов стрелкового оружия использовалась на фронтах Первой мировой войны. Конечно, на материалах одной коллекции невозможно показать все разнообразие оружия, применявшегося на войне, однако можно представить основные виды и состав вооружения.

Следует раскрыть сложившуюся терминологию и условные обозначения в названиях моделей стрелкового оружия. Чаще всего оно получает название по фамилии конструктора (Маузер), месту производства (Штайр) или их комбинации (Ли-Энфильд), имеет цифровой индекс, который указывает на год разработки или модификации и принятия на вооружение. В описание оружия включается указание на калибр, равный диаметру канала ствола, измеренному в миллиметрах. Некоторые модели могут иметь в названии дополнительные обозначе-

ния, по сути, имена собственные, например Парабеллум [20. С. 547].

Основным оружием пехоты русской армии была винтовка С.И. Мосина образца 1891/1910 г. и три ее варианта – драгунская, казачья, карабин, различавшиеся длиной и формой приклада, наличием либо отсутствием штыка. Всего к моменту вступления России в Первую мировую войну на вооружении армии имелось 4 519 700 винтовок [21. С. 316–326]. В коллекции НИИ прикладной математики и механики находятся казачий вариант и винтовка Мосина образца 1891/1930 г., представляющая советскую модификацию драгунского варианта винтовки Мосина [22. № 88, № 83].

Столкнувшись с недостаточностью оружейных запасов мирного времени, российское командование было вынуждено закупать оружие у союзников. Большая часть его поставлялось в Россию в том виде, как производилось, а часть модифицировалась под принятый в русской армии калибр 7,62 мм. Так, американская Winchester Repeating Arms C° одной из первых смогла приспособить свою винтовку «Винчестер» образца 1895 г. под русский патрон и получила заказ на изготовление 300 тыс. штук [23. С. 183]. В университетской коллекции находится одна из этих винтовок, принадлежавшая в свое время профессору Л.А. Вишневскому и изъятая у него при аресте органами НКВД в 1937 г. [24. Л. 2].

Оружие иностранных калибров, применявшееся русской армией в годы Первой мировой войны, это японская винтовка «Арисака» образца 1897/1905 г. калибра 6,5 мм, французская винтовка Лебеля образца 1886 г. калибра 8 мм и британская винтовка Ли-Энфильд образца 1896 г. калибра 7,7 мм [25. № 24, № 23, № 26]. В ограниченных масштабах русские использовали трофейные немецкие винтовки Маузера образца 1898 г. калибра 7,92 мм и в особенности австрийские винтовки «Манлихер» образца 1895 г. калибра 8 мм [25. № 28, № 21]. Все эти винтовки ныне можно увидеть в оружейной комнате ТГУ.

Кроме винтовок, в коллекции НИИ ПММ находится основной пулемет русской армии – пулемет Максима образца 1905/1910 г., производившийся на Императорском Тульском оружейном заводе по лицензии английской фирмы Vickers, Sons & Maxim [26. № 59].

В качестве личного оружия офицеров русской армии был принят револьвер системы Нагана образца 1895 г. калибра 7,62 мм. Обладая высокой огневой мощью и достаточной дальностью стрельбы, небольшой по размеру и весу, он сочетал в себе простоту устройства, безотказность и высокую технологичность в производстве. Это позволило ему находиться на вооружении в России, а затем и в СССР вплоть до Победы в Великой Отечественной войне. Коллекция ТГУ может похвастать образцами различных лет выпуска этих револьверов и, что самое интересное, различными клеймами. Имеются, например, револьверы с клеймами «Тульскій импер. Петра Велик. оруж. заводъ 1915» [27. № 4], «Тульскій оруж. заводъ 1919» [Там же. № 7], с клеймом советского времени в виде звезды со стрелой внутри [27. № 3], с клеймом Ижевского механического завода 1944 г. [Там же. № 5].

Воинский устав позволял русским офицерам приобретать и использовать револьверы и пистолеты других систем, таких как пистолет Люгера «Парабеллум» калибра 9 мм и пистолет Браунинга образца 1903 г. калибра 7,65 мм. Эти пистолеты также присутствуют в коллекции стрелкового оружия ТГУ [27. № 13, № 12].

Вооружение союзников России представлено в коллекции хотя и не полно, но все же в достаточной мере, чтобы проследить специфику каждой страны. Так, об особенностях вооружения армии Великобритании можно судить по винтовке «Росс-Энфильд» образца 1914 г. [25. № 26]. Это одна из самых редких винтовок. Дело в том, что стрелковое оружие пехоты в период Первой мировой войны выпускалось в огромных количествах для удовлетворения потребностей многомиллионных армий. Данный образец был разработан в Англии непосредственно перед войной, и его успели запустить только в ограниченное производство, а с началом войны не было возможности перестраивать производственные линии под новую модель. Так что в наше время эта винтовка, выпущенная в небольшом количестве, представляет собой немалую коллекционную и историческую ценность. Находившийся на вооружении армии Великобритании ручной пулемет Льюиса образца 1915 г. был изготовлен американской кампанией Savage Arms C°. Заказ был связан с подготовкой к вступлению Соединенных Штатов в войну на стороне Антанты и загруженностью английских военных заводов. Этот пулемет, хранящийся в оружейной комнате ТГУ, – один из самых узнаваемых благодаря многочисленным воплощениям в кинематографе [26. № 70].

Во Франции к началу Первой мировой войны на вооружении пехоты стояли винтовки Лебеля образца 1907 г. (те, которые упоминались в романе А. Барбюса «Огонь»). Они представляли модификацию первой в мире винтовки под патрон с бездымным порохом – «Лебель» образца 1886 г. – и значительно отличались от предыдущих образцов системы Лебеля. Для нового образца французы позаимствовали ствольную коробку, магазин и ложе от карабина Бертье, а затвор, ударно-спусковой механизм и ствол оставили лебелевские. Поэтому хранящуюся в НИИ ПММ винтовку 1907 г. правильнее называть винтовкой системы Лебель – Бертье [25. № 23].

Ручной пулемет Шоша образца 1915 г. имеет характерное клеймо C.S.R.G., составленное из инициалов его создателей – полковника Шоша, конструктора Сютера и технолога Рибероллера, а последняя буква означает название завода производителя «Гладиатор» [28. № 71]. Являясь новейшим образцом оружия, пулемет оказался мало приспособленным к окопной войне на Западном фронте: грязь и вода проникали внутрь кожуха, в магазин, оружие часто заклинивало. Получалось, что автоматическая стрельба мало чем отличалась от самозарядной: пулеметная очередь нередко обрывалась сразу же после первого выстрела.

Армия США, вступившая в войну только в 1917 г., представлена в коллекции НИИ ПММ несколькими образцами вооружения. Прежде всего, это пулемет «Кольт-Браунинг» образца 1895/1914 г. [28. № 67]. Он по праву считается первым реально действующим пулеметом, использующим для перезарядки энергию отходящих пороховых газов. Интересно, что такая система была разработана Джоном Браунингом в то время, когда пулеметы Максима, действовавшие за счет энергии отдачи орудийного ствола, уже получили мировую известность. Данный образец иллюстрирует то, что изобретатель может увидеть новый способ, тогда когда, казалось бы, все уже продумано. Пулемет Браунинга М 1917А1 образца 1917 г. с водяным охлаждением ствола стал решением проблемы нехватки пулеметов, остро возникшей в армии США со вступлением в Первую мировую войну. Он представляет собой аналог пулемета Максима, но отличается при схожих характеристиках большей простотой конструкции [26. № 58].

Пистолет Кольта образца 1911 г., известный также как пистолет М 1911 Government model, выделяется в оружейной коллекции ТГУ самым большим калибром 11,43 мм и богатой историей. Он признан самым долгоживущим армейским пистолетом, в армии США пистолет использовался вплоть до середины 1980-х гг., а в некоторых странах находится на вооружении и поныне [27. № 17].

В коллекцию НИИ ПММ включены образцы вооружения военных противников русских – оружие германской и австро-венгерской армий. В Германии пехота была вооружена уже упоминавшимися винтовками Маузера образца 1898 г. [25. № 28] и созданными на их основе карабинами образца 1908 г. Винтовка системы Маузера получила репутацию точного и надежного оружия, и многие исследователи считают ее одной из лучших в классе магазинных винтовок. В германской армии использовалась также собственная модификация пулемета Максима – MG.08. Этот пулемет имел ряд отличий от «Максима» образца 1910 г., представленного в коллекции [26. № 59]. Самое главное отличие – принципиально другой салазочный станок Shlitten 08, тогда как в русской армии преимущественно использовались колесные станки, дававшие большую подвижность, но меньшую кучность стрельбы.

В германской армии использовался также станковый пулемет Дрейзе образца 1908/1915 г., а в университетской коллекции находится его поздняя модификация MG-13, переработанная под магазинное питание и с несколькими другими усовершенствованиями [28. № 64]. Упоминавшийся уже пистолет «Парабеллум» немцы именовали как «Die Pistole 08» или просто Р-08, а американцы называли по имени конструктора – «Люгер». Примечательно, что благодаря высоким боевым качествам этот пистолет использовался по обе стороны фронта и офицерами, и бойцами штурмовых групп, и кавалеристами.

В Австро-Венгерской армии применялись винтовки системы Штайр – Манлихер образца 1895 г. [25. № 21]. По сравнению с другими винтовками Первой мировой, они оказались наиболее скорострельными. Недостатком этого оружия были большая, чем у прочих винтовок, чувствительность к запылению и необходимость большего мускульного усилия при работе затвора. На вооружении Австро-Венгерской армии находились также пистолеты Рот–Штайра образца 1907 г., более известные как Roth-Krnka M.7, и пистолеты Штайра образца 1912 г. [27. № 16, 15]. Особенностью этих двух образцов является отсутствие съемного магазина. Постоянный магазин был сделан заодно с рукояткой пистолета и закрывался дном, а зарядка осуществлялась сверху специальной обоймой емкостью в 8 патронов. Так конструкторы достигли компактности всей системы, повысили надежность, которая, конечно же, очень ценилась в полевых условиях.

Следует отметить, что вооружение турецкой армии, воевавшей против России на Кавказском фронте, было преимущественно немецкого производства и отличалось от вооружения германской армии только более ранними моделями семейства винтовок Маузера. А оружие стран – союзников Антанты представляет собой английские и французские модели или их переделки и модификации.

В целом, судя по имеющимся в оружейной комнате ТГУ материалам, армии Антанты использовали большее разнообразие калибров и систем вооружения: случалось, что в одной стране на вооружении стояло несколько разнотипных систем. Более упорядоченной системой вооружения характеризуются армии Союза центральных держав (австро-германского блока). События Первой мировой войны показали, что были необходимы не только модификации систем вооружения, требовался также качественно новый уровень развития стрелкового оружия. Ответом на это требование уже в послевоенные годы стало создание ручного автоматического оружия, нашедшего самое широкое применение на фронтах Второй мировой войны и хорошо представленного в оружейной коллекции ТГУ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ростунов И.И.* Первая мировая война 1914–1918 // Большая Советская энциклопедия. 3-е изд. М. : Сов. энцикл., 1975. Т. 19. С. 340–352.
2. *Зайончковский А.М.* Подготовка России к империалистической войне: очерки военной подготовки и первоначальных планов. М. : Гос. воен. изд-во, 1926. 446 с.
3. *Таленский Н.А.* Первая мировая война (1914–1918). М. : Госполитиздат, 1944. 126 с.
4. *Строков А.А.* Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М. : Воениздат, 1974. 616 с.
5. *История* Первой мировой войны 1914–1918 гг.: в 2 т. / под ред. И.И. Ростунова. М. : Наука, 1975. Т. 1–2.
6. *Керсновский А.А.* История русской армии: в 4 т. М. : Голос, 1994. Т. 3. 352 с., ил.
7. *Керсновский А.А.* История русской армии: в 4 т. М. : Голос, 1994. Т. 4. 368 с., ил.
8. *Чернов К.А.* Томский гарнизонный батальон – 42-й Сибирский стрелковый полк // Труды Томского областного краеведческого музея / отв. ред. Л.И. Боженко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 12. С. 92–93.

9. *Горелов Ю.П., Чернов К.А.* Участие томичей в Первой мировой войне // Энциклопедия Томской области. Т. 2: Н–Я. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 859.
10. *Голиков В.И., Чернов К.А.* Томский пехотный полк в боях и сражениях в XVIII–XX веках. Томск : Изд-во НТЛ, 2012. 428 с., ил.
11. *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / пер. с нем.; под ред. А. Свечина. М., 1923–1924. Т. 1, 2.
12. *Фош Ф.* Воспоминания (война 1914–1918 гг.). СПб. : Изд-во Петерб. ун-та, 2005. 536 с.
13. *Василевский А.М.* Дело всей жизни. 3-е изд. М. : Политиздат, 1978. 552 с.: ил.
14. *Березнеговская Л.Н.* Из моих воспоминаний. Томск : Чародей, 2001. 208 с.
15. *Барбюс А.* Огонь / пер. с франц. В. Парнаха. М. : Худ. лит., 1973. 328 с.
16. *Ремарк Э.М.* На Западном фронте без перемен / пер. с нем. Ю. Афонькина. М. : АСТ, Астрель, 2010. 320 с.
17. *Чернов К.А.* Регулярные части русской армии, формировавшиеся в Томске (XVIII – начало XX в.) // Труды Музея г. Северска. Вып. 1: Музей и город / под ред. Е.А. Васильева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 70–73.
18. *Глухов В.С.* Сохранить коллекцию стрелкового оружия: интервью с профессором И.Б. Богорядом // Сибирская старина: краеведческий альманах. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. № 28. С. 38–40.
19. *Глухов В.С.* Источники изучения оружейной коллекции ТГУ // Этюды культуры : материалы Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых / отв. ред. Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. С. 282–287.
20. *Жук А.Б.* Энциклопедия стрелкового оружия. М. : Транзиткнига, 2006. 800 с.
21. *Русская* армия // Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е.М. Жуков. М. : Сов. энцикл., 1969. Т. 12. С. 316–326.
22. *Коллекция* стрелкового оружия // Оружейная комната НИИ прикладной математики и механики ТГУ. Сейф 3.
23. *Houze H.G.* Winchester Repeating Arms Company: Its History & Development from 1865 to 1981. Iola, WI.: Krause Publications, 2004. 511 p.
24. ЦДНИ ТО. Ф. 5880. Оп. 1. Д. 1.
25. *Коллекция* стрелкового оружия // Оружейная комната НИИ прикладной математики и механики ТГУ. Сейф 2.
26. *Коллекция* стрелкового оружия // Оружейная комната НИИ прикладной математики и механики ТГУ. Сейф 6.
27. *Коллекция* стрелкового оружия // Оружейная комната НИИ прикладной математики и механики ТГУ. Сейф 8.
28. *Коллекция* стрелкового оружия // Оружейная комната НИИ прикладной математики и механики ТГУ. Сейф 5.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 1 июня 2015 г.

THE SMALL ARMS OF THE COUNTRIES PARTICIPATING IN THE FIRST WORLD WAR IN THE COLLECTION OF THE RESEARCH INSTITUTE OF APPLIED MATHEMATICS AND MECHANICS OF TSU

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 75–80. DOI: 10.17223/15617793/397/13

Glukhov Viacheslav S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vyacheslavglukhov@gmail.com

Keywords: The First World War; small arms; Tomsk State University; gun collection.

The issue of arming of the First World War participants has not been adequately explained in the literature. There are some notes on the update of weapons systems in research, yet weapons are described without exact names, as a rule. The study of the gun collection at the Institute of Applied Mathematics and Mechanics of Tomsk State University specifies knowledge of arms, gives a visible representation of different samples of small arms. The arms collection was formed at Tomsk University in 1945. The basis of it was a part of the trophies of war taken from the Rocket Center of Nazi Germany, disposed in Peenemünde. Now the gun collection includes 79 small arms from 16 countries of the world, including the United States, Russia, Germany, Italy, Japan, etc. This collection was used for student training, for scientific research in the field of ballistics. The collection includes pistols, revolvers, rifles, hand and mounted machine guns. The weapons of the Russian army are most fully represented. There is a Mosin rifle of 1891/1930 in the collection. This version of the rifle was used in the army of Russia and later in the USSR until 1950s. The collection has the main machine gun of the Russian army, the M-1905/1910 Maksim Machine Gun. It was produced by the Tula Arms Plant. Russian officers used the Nagant M1895 Revolver as a personal weapon. The collection has it, too, as well as the rifle of the Winchester Repeating Arms Co. from the USA. It is known that American gun-makers delivered 300 thousand Winchester Model 1895 rifles to the Russian Army. The University collection has a Japanese Arisaka rifle model produced in 1897/1905, a French Lebel Model 1886 rifle, and a British Lee-Enfield 1896 rifle. All of them were used in the Russian Army and were bought abroad. The small arms of Russia's allies in the First World War are well represented in the TSU collection. The French Army used the Lebel Model 1907 rifle and its modification, the Lebel-Berthier rifle. This rifle is presented in the collection of TSU as well. In addition, the French Army used the Chauchat machine rifle, model 1915. The Army of Great Britain used the Ross-Enfield M1914 rifle. Released in a very small number, this rifle is now quite rare. The Lewis gun, or Lewis automatic rifle, model 1915, was made by Savage Arms Co. in the USA and purchased by the British. The arms of Russia's adversaries are represented by samples made in Germany. It is the model 1898 Mauser rifle, the German modification of the Maksim machine gun, the Dreyse heavy machine gun, model 1908/1915. The University collection also has weapons of Austria-Hungary: the Steyr-Mannlicher model 1895 rifles, the Roth-Steyr pistols, better known as the Roth-Krnka M.7, and the Steyr M1912 pistols. The small arms collected in the Institute of Applied Mathematics and Mechanics allows noting the following. The armies of the Entente used weapons of various calibers and systems. Sometimes there were a few different types of weapon systems in one separate country. As for the armies of the Union of the central powers (the Austro-German bloc), they had a more orderly system of weapons.

REFERENCES

1. Rostunov, I.I. (1975) Pervaya mirovaya voyna 1914–1918 [The First World War of 1914–1918]. In: *Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. 3rd ed. V. 19. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
2. Zayonchkovskiy, A.M. (1926) *Podgotovka Rossii k imperialisticheskoy voyne: ocherki voennoy podgotovki i pervonachal'nykh planov* [Russia's Training for the imperialist war: Essays on military training and initial plans]. Moscow: Gosudarstvennoye voennoye izdatel'stvo.
3. Talenskiy, N.A. (1944) *Pervaya mirovaya voyna (1914–1918)* [The First World War (1914–1918)]. Moscow: Gospolitizdat.
4. Strokov, A.A. (1974) *Vooruzhennye sily i voennoe iskusstvo v Pervoy mirovoy voyne* [The armed forces and the art of war in the First World War]. Moscow: Voenizdat.
5. Rostunov, I.I. (ed.) (1975) *Istoriya Pervoy mirovoy voyny 1914–1918 gg.* [History of the First World War, 1914–1918]. 2 v. Moscow: Nauka.
6. Kersnovskiy, A.A. (1994) *Istoriya russkoy armii* [The history of the Russian Army]. V. 3. Moscow: Golos.
7. Kersnovskiy, A.A. (1994) *Istoriya russkoy armii* [The history of the Russian Army]. V. 4. Moscow: Golos.

8. Chernov, K.A. (2002) Tomskiy garnizonnyy batal'on – 42-y Sibirskiy strelkovyy polk [Tomsk Garrison Battalion: 42nd Siberian Infantry Regiment]. In: Bozhenko L.I. (ed.) *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of Tomsk Regional Museum]. V. 12. Tomsk: Tomsk State University.
9. Gorelov, Yu.P. & Chernov, K.A. (2009) Uchastie tomichey v Pervoy mirovoy voyne [Tomsk people's participation in World War I]. In: Dmitrienko, N.M. (ed.) *Entsiklopediya Tomskoy oblasti* [Encyclopedia of Tomsk Oblast]. V. 2. Tomsk: Tomsk State University.
10. Golikov, V.I. & Chernov, K.A. (2012) *Tomskiy pekhotnyy polk v boyakh i srazheniyakh v XVIII–XX vekakh* [Tomsk Infantry Regiment in the battles in the 18th–20th centuries]. Tomsk: NTL.
11. Ludendorff, E. (1923–1924) *Moi vospominaniya o voyne 1914–1918 gg.* [My memories about the War of 1914–1918]. V. 1, 2. Translated from German by A. Svechin. Moscow: Gosizdat.
12. Foch, F. (2005) *Vospominaniya (voyna 1914–1918 gg.)* [Memories (the war of 1914–1918)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
13. Vasilevskiy, A.M. (1978) *Delo vsey zhizni* [The occupation of all life]. 3rd ed. Moscow: Politizdat.
14. Bereznegovskaya, L.N. (2001) *Iz moikh vospominaniy* [From my memories]. Tomsk: Charodey.
15. Barbusse, A. (1973) *Ogon'* [Fire]. Translated from French by V. Parnakh. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
16. Remarque, E.M. (2010) *Na Zapadnom fronte bez peremen* [All Quiet on the Western Front]. Translated from German by Yu. Afon'kin. Moscow: AST, Astrel'.
17. Chernov, K.A. (2000) Regulyarnye chasti russkoy armii, formirovavshiesya v Tomske (XVIII – nachalo XX v.) [The regular parts of the Russian Army formed in Tomsk (18th – early 20th centuries)]. In: Vasil'ev, E.A. (ed.) *Trudy Muzeya g. Severska* [Proceedings of the Museum of the city of Seversk]. Is. 1: *Muzey i gorod* [Museum and the city]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Glukhov, V.S. (2014) Sokhranit' kollektsiyu strelkovogo oruzhiya: interv'yu s professorom I.B. Bogoryadom [Saving the collection of small arms: an interview with Professor I.B. Bogoryad]. *Sibirskaya starina*. 28. pp. 38–40.
19. Glukhov, V.S. (2015) [Sources of studying the weapons collection of TSU]. *Etyudy kul'tury* [Sketches of culture]. Proc. of the International Scientific and Practical Conference of students, graduate students and young scientists. Tomsk: Tomsk State University. pp. 282–287. (In Russian).
20. Zhuk, A.B. (2006) *Entsiklopediya strelkovogo oruzhiya* [Encyclopedia of small arms]. Moscow: Tranzitkniga.
21. Anon. (1969) Russkaya armiya [The Russian Army]. In: Zhukov, E.M. *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [The Soviet Encyclopedia of History]. V. 12. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
22. The collection of small arms. The armory of the Research Institute of Applied Mathematics and Mechanics, Tomsk State University. Safe 3.
23. Houze, H.G. (2004) *Winchester Repeating Arms Company: Its History & Development from 1865 to 1981*. Iola, WI.: Krause Publications.
24. Centre for the Documentation of the Contemporary History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 5880. List 1. File 1. (In Russian).
25. The collection of small arms. The armory of the Research Institute of Applied Mathematics and Mechanics, Tomsk State University. Safe 2.
26. The collection of small arms. The armory of the Research Institute of Applied Mathematics and Mechanics, Tomsk State University. Safe 6.
27. The collection of small arms. The armory of the Research Institute of Applied Mathematics and Mechanics, Tomsk State University. Safe 8.
28. The collection of small arms. The armory of the Research Institute of Applied Mathematics and Mechanics, Tomsk State University. Safe 5.

Received: 01 June 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 81–90. DOI: 10.17223/15617793/397/14

УДК 94:378+069(571.16)

Н.М. Дмитриенко, Э.И. Черняк

МУЗЕИ ИМПЕРАТОРСКОГО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Привлечение разнообразных опубликованных источников и архивных документов позволило впервые в полном объеме осветить начальный период складывания и функционирования музейной сети Императорского Томского университета. В статье раскрыты законодательные и организационные основы музейного строительства в университете, охарактеризована деятельность руководителей и сотрудников первых университетских музеев по комплектованию, обработке, хранению, экспонированию и использованию музейных коллекций в научно-образовательном процессе.

Ключевые слова: Императорский Томский университет; музей; научно-фондовая работа; научно-образовательная деятельность музеев.

В последнее десятилетие о музеях Томского университета подготовлено несколько интересных статей, им посвящено немало страниц в монографии С.А. Некрылова, издана документальная публикация [1–5]. В статьях освещены вопросы подготовки к открытию университетских музеев в 1880-х гг., приведены некоторые сведения о пополнении музейных коллекций в последующие времена, об использовании их в учебной работе. Думаем, что требуется дальнейшее изложение материалов о жизнедеятельности университетских музеев, о привлечении их к учебному и научно-исследовательскому процессам. В этом отношении интересно обращение к первым годам создания и функционирования музеев университета, их опыт вполне может пригодиться нынешним руководителям университета и специалистам-музееведам.

Следует напомнить, что создание и деятельность университетов в России базировались на положениях Общего устава императорских российских университетов 1863 г. и его новой редакции, утвержденной в 1884 г. [6, 7]. Этот законодательный акт определял внутреннюю структуру и управление университетом, права и обязанности преподавателей и студентов. Согласно уставу в университетах, как правило, формировалось четыре факультета: историко-филологический, физико-математический, юридический и медицинский. Научно-учебные дисциплины на факультетах распределялись по кафедрам, кроме того, формировались учебно-вспомогательные учреждения, в частности библиотеки, клиники, лаборатории, кабинеты и музеи. По каждому из структурных подразделений было определено количество штатных единиц, указаны денежные суммы на оплату труда и содержание лабораторий, кабинетов, музеев [8, 9].

Высочайшим указом от 16 мая 1878 г. Сибирский университет в Томске учреждался в составе четырех факультетов, обозначенных в Университетском уставе [10]. Опираясь на законодательный акт, профессор В.М. Флоринский как руководитель строительного комитета по возведению зданий университета и попечитель Западно-Сибирского учебного округа озаботился формированием научно-учебной базы, в том числе музейных коллекций по тем направлениям, какие были указаны в Университетском уставе 1863 г. Предшественники в изучении темы достаточно подробно осветили поступления в университет в виде даров и пожертвований коллекций по минералогии и палеонтологии, зоологии и ботанике, археологии и этнографии [2. С. 27–38; 4. С. 203–217; 11. С. 290–291; 12. С. 20–22].

Известно, что решением, утвержденным российским императором 25 мая 1888 г., Томский университет открывался в составе одного медицинского факультета [13. С. 240]. Как следствие, положения Университетского устава вводились с ограничениями. Однако настойчивость В.М. Флоринского, который, по сведениям, приведенным в книге С.А. Некрылова, добился заметного расширения учебных программ, помогла частично сгладить эти ограничения [4. С. 119–121]. Наряду с кафедрами и учебно-вспомогательными учреждениями медицинского факультета в Томском университете было разрешено создание кафедр физики, химии, минералогии, ботаники, зоологии и связанных с ними «учебно-вспомогательных установлений». Наряду с библиотекой, лабораториями, клиниками, музеем описательной и патологической анатомии предписывалось создать ботанический кабинет, музеи: зоологический и сравнительной анатомии, минералогический с геологическим и палеонтологическим, а также ботанический сад с оранжереями и теплицами. В то же время положение о Музее древностей, прописанное в Университетском уставе, во временных штатах Томского университета отсутствовало [14].

Исполняя правительственное решение от 25 мая 1888 г., министр народного просвещения утвердил предложения попечителя Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринского о профессорах первых восьми кафедр Томского университета [15. Л. 1]. С их прибытием в Томск началось организационное оформление подразделений университета. Так, в начале октября 1888 г. ректор университета, профессор Н.А. Гезехус обратился к профессорам с предложением представить смету расходов по устройству кабинетов и лабораторий, а чуть позже сообщал о необходимости обсудить вопрос «о покрытии расходов по первоначальному обзаведению кабинетов и музеев и пополнению библиотеки университета» [16. Л. 4, 7]. Следует отметить, что в обиходе первых лет университетской жизни в Томске использовались не только названия, принятые в официальных документах, в частности в Университетском уставе, но и неко-

торые другие. Например, в отчетных документах по Томскому университету упоминается институт – анатомический или ботанический [17. С. 18; 18. С. 18]. Из контекста понятно, что речь идет о кафедре и приданных ей вспомогательных учреждениях, в таком смысле этот термин используется и в нашей статье.

Согласно утвержденным штатам в числе первых в Императорском Томском университете была открыта кафедра ботаники, или ботанический институт. С 1 июля 1888 г. профессором кафедры был назначен доктор ботаники С.И. Коржинский [15. Л. 1]. Несмотря на молодость (ему исполнилось только 27 лет), профессор С.И. Коржинский имел немалый опыт научной работы. Еще гимназистом он собирал гербарий в Астрахани, где учился. Став студентом Казанского университета, совершил множество поездок по приволжским губерниям, изучая лесную и степную растительность [19. С. 71]. В Томском университете С.И. Коржинский проработал только четыре года, но успел за короткое время создать научно-образовательный комплекс в составе ботанического кабинета (ботаническая лаборатория и музей) и Ботанического сада.

Главным помощником профессора в устройстве Ботанического института стал магистр фармации П.Н. Крылов (позже – доктор ботаники). Прибыв в Томск в 1885 г., он работал в должности ученого садовника, заложил Ботанический сад. Ко времени открытия университета в Ботаническом саду была сформирована коллекция живых растений, включавшая представителей различных растительных семейств и классов. В коллекции насчитывалось 3 158 экземпляров оранжерейных растений, при этом 750 экземпляров были подарены Ботаническим садом Казанского университета, а 2 418 экземпляров выращены П.Н. Крыловым из семян. Кроме того, на открытом воздухе и в питомниках Ботанического сада имелось 14 380 экземпляров растений, также выращенных из семян [17. С. 44]. Много позже П.Н. Крылов вспоминал, что «поставил себе задачей положить основание ботаническому музею», и в свободное от работ в Ботаническом саду время изучал и собирал растения в будущей Университетской роще, в окрестностях Томска [20. С. 275]. Назначенный с 1 июля 1888 г. хранителем ботанического кабинета, П.Н. Крылов стал уже по должности заниматься «составлением гербария» [21. Л. 28].

Для ботанического института отвели три большие комнаты в главном корпусе университета, первая из них планировалась для научных и учебных занятий, вторая – под ботанический музей, который в первом отчете по университету за 1888 г. был назван музеем ботанической географии. Отвечая на предложение руководства подготовить смету первых расходов, С.И. Коржинский запрашивал средства на «меблировку ботанического музея и лаборатории»: считал необходимым приобрести 10 больших шкафов для гербария, 2 рабочих стола для музея, большой стол для разборки гербария, 4 полки для предварительной разборки растений, а также запрашивал 450 руб. на приобретение коробок для гербария и выписку «некоторых коллекций и пособий для преподавания» [16. Л. 18].

По всей видимости, заявка была полностью удовлетворена: из отчета за 1888 г. известно, что в ботаническом музее были установлены два шкафа для хранения гербария, шкаф для книг, стол для разборки гербария с восемью ящиками, два стола для занятий систематикой растений с широкими полками и ящиками. Вскоре оборудование ботанического музея было дополнено пятью шкафами для гербария, столом для работ по систематике, шестью шкафами с открытыми полками для разборки сухих растений и витриной для коллекций плодов, образцов древесины и других сухих и спиртовых препаратов. Были доставлены также конторка для письма и 56 коробок для хранения гербария [17. С. 38–42]. До осени 1889 г. третья комната ботанического кабинета оставалась без мебели, и собранные в ней коллекции лежали, по словам С.И. Коржинского, «просто на полу». Недовольный этим, он выступил на заседании Совета университета 7 октября 1889 г. и заявил, что нужно «разместить все в шкапы», придать комнате «приличный вид» [21. Л. 93].

Профессором по кафедре минералогии и геологии с 1 июля 1888 г. был назначен доктор минералогии А.М. Зайцев [15. Л. 1]. На правах учебно-вспомогательного учреждения при кафедре был создан минералогический кабинет в составе лаборатории и минералогического музея. Хранителем кабинета также с 1 июля 1888 г. работал кандидат физико-математических наук А.Н. Державин, он занимал эту должность в течение первого десятилетия [11. С. 285–286]. Минералогический кабинет располагался в трех комнатах первого этажа южного крыла главного здания университета, музей размещался в угловой комнате размером 13,5 х 13 аршин (т.е. 9,6 х 9,2 м). В первые полгода после открытия в музее были установлены 5 шкафов с выдвижными полками для хранения и демонстрации минералов и горных образцов. Имелось также 9 витрин, снабженных шкафчиками для хранения образцов, и 5 столов для размещения минералов и моделей для учебных занятий [17. С. 36]. В музее были размещены коллекции в количестве 9 916 штуфов, поступившие от дарителей. В дополнение к ним в конце 1888 г. профессор А.М. Зайцев запрашивал в Совете университета 500 руб. на приобретение коллекции моделей кристаллов, признаков минералов, горных пород [16. Л. 16].

Анатомический институт (кафедру) Томского университета с 1 июля 1888 г. возглавлял доктор медицины Н.М. Малиев. Будучи сотрудником Казанского университета, до приезда в Томск, он занимался антропологическими сборами в Поволжье, совершил несколько научных поездок в Европу, где слушал лекции по анатомии и гистологии, осматривал музеи в Лейпциге, Геттингене, Вене, Берлине, антропологический музей во Флоренции [19. С. 74]. Позже он признавался, что личное знакомство с заведующими некоторыми европейскими музеями позволили ему приобрести для анатомического музея Казанского университета «крайне интересную коллекцию перуанских

черепов, черепов жителей с острова Новой Зеландии и французских черепов из Оверна» [21. Л. 17]. При анатомическом институте полагалась должность прозектора, с 1 сентября 1888 г. ее занимал выпускник Казанского университета, впоследствии доктор медицины, С.М. Чугунов (в первые три года в качестве помощника прозектора). Созданный Н.М. Малиевым анатомический институт размещался в отдельном помещении, в двухэтажном доме на юго-западном участке Университетской рощи. В институте были устроены зал для анатомических занятий, комнаты для приготовления и хранения анатомических препаратов, рабочие кабинеты профессора и прозектора и анатомический музей [17. С. 18–19].

В 1888/89 учебном году формировался зоологический институт Томского университета. Первоначально, с 15 августа 1888 г., кафедрой зоологии было поручено руководить приват-доценту Харьковского университета, доктору зоологии В.В. Рейнгарду [4. С. 140; 15. Л. 1]. Однако практически сразу после этого назначения В.В. Рейнгард получил кафедру в Харьковском университете и отказался от приезда в Томск. С 17 ноября 1888 г. на томскую кафедру зоологии был определен доктор медицины Н.Ф. Кащенко. При кафедре был создан зоологический кабинет, в состав которого вошли зоологический музей, предназначавшийся для хранения поступивших в университет коллекций, помещение для учебных и научных занятий и препаровочная, служившая для черных работ (мацерации, постановки скелетов, приготовления чучел). По временным штатам Императорского Томского университета, утвержденным в 1888 г., учреждалась должность консерватора зоологического музея [14. С. 70]. С 1 июля 1888 г. на эту должность был назначен Э.Д. Пельцам, выпускник Казанского университета. (С 1891 г. место консерватора занимал кандидат естественных наук Императорского Харьковского университета В.П. Аникин.) С прибытием в университет доктора медицины, а позже и доктора зоологии Н.Ф. Кащенко он принял на себя заведование зоологическим институтом и, по более позднему признанию, исполнял обязанности хранителя музея [22. С. 349]. Зоологический музей размещался на первом этаже университетского корпуса, справа от входа, в большой комнате, разделенной аркой на три отделения. Длина всего помещения составляла 35 аршин (24,85 м), ширина – 9 аршин и 9 вершков (6,8 м). В музее было установлено восемь застекленных шкафов для сохранения чучел и препаратов, два стола для работы. Впоследствии было добавлено еще три шкафа, при этом один из них достигал по ширине 13 аршин (9,24 м) [17. С. 35; 23. С. 27].

Археологический музей был образован по инициативе профессора В.М. Флоринского в 1882 г., т.е. до решения об исключении историко-филологического факультета из структуры Томского университета [23. С. 39; 24. С. XVI]. И поскольку университет открылся в урезанном виде, то и штаты для археологического музея, вскоре названного Музеем археологии и этнографии, не полагались. Музеем заведовал сам В.М. Флоринский вплоть до отъезда из Томска в 1899 г. Кроме него с 1 сентября 1890 г. при музее состоял только особый служитель для черных работ [25. С. 47]. Под многочисленные разнообразные коллекции археологического музея отвели три большие комнаты на втором этаже южного крыла главного здания над помещениями минералогического кабинета. В первой, самой большой комнате, имевшей семь окон, находились шкафы и витрины с археологическими предметами, во второй располагались этнографический отдел и библиотека, в третьей – собрание монет, медалей и христианских древностей [11. С. 261–263; 23. С. 38].

Отведя помещения под музеи, снабдив их мебелью и необходимым оборудованием, университетское руководство озаботилось состоянием музейных фондов. Высокий профессионально-квалификационный уровень руководителей и сотрудников музеев, широта их научных интересов обеспечили успешность задуманного. Сложилось три направления формирования и пополнения музейных фондов. Прежде всего, продолжались частные дарения и пожертвования, начатые до открытия Томского университета. Так, в декабре 1888 г. житель станицы Алтайской Ипатьев подарил зоологическому музею шкуру горного барана [21. Л. 20]. В сентябре 1889 г. томский священник, настоятель университетской церкви А.А. Мисюрев подарил археологическому музею «каменный молоток», а в минералогический кабинет передал «группу кристаллов». Тогда же столоначальник канцелярии Западно-Сибирского учебного округа А.И. Подгорбунский принес восемь предметов в археологический музей и пять предметов в минералогический кабинет. От настоятеля Русской миссии в Иерусалиме, архимандрита о. Антонина доставлены были через томского жителя П.Л. Байгулова 364 монеты 93 разновидностей эпохи Древней Греции и Рима [21. Л. 84].

В 1889 г. И.П. Кузнецов принес в дар коллекцию бронзовых, медных и железных археологических предметов, собранных им в Минусинском и Ачинском округах, а также собрание медных складней, образков, серебряных крестов, медали, золотую табакерку и четыре серебряных стакана, всего 500 предметов. А томский купец И.Г. Гадалов в ознаменование первой годовщины университета подарил археологическую коллекцию из 765 предметов, приобретенную им у Бойлинга, проводившего раскопки в Минусинском, Ачинском и Енисейском округах. Большая коллекция включала бронзовые и железные кельты, кинжалы, а также серпы, ножи, зеркала и мелкие подвески и украшения [23. С. 40–41].

Зимой 1888/89 г. смотритель училищ Томского и Мариинского округов П.А. Буткеев подарил коллекцию минералов, в которой, по мнению профессора А.М. Зайцева, особенно выделялись «прекрасные экземпляры белой свинцовой руды», александрит и оловянный камень, а также «редкий по величине каламит» из Кольчугинских каменноугольных копей [21. Л. 34]. В декабре 1889 г. в университет поступил дар Д.А. Клеменца, тогда сотрудника Минусинского музея, – коллекция пород и шлихов из Южной системы

Енисейского горного округа, коллекция пород с правого берега Ангары, породы и окаменелости, найденные дарителем в Минусинском округе. Собранные Д.А. Клеменцем коллекции, по отзыву А.М. Зайцева, отличались систематичностью, были снабжены подробными списками входящих в них предметов. Совет университета выразил Д.А. Клеменцу благодарность и поручил А.М. Зайцеву записать коллекции в инвентарь [21. Л. 129–130]. В 1890 г. томский полицмейстер М.А. Архангельский доставил в университет коллекцию бийского собирателя М.В. Миловзорова в количестве 23 археологических и этнографических предметов [1. С. 15–16].

Коллекциями и отдельными предметами делились с университетом научные и просветительные общества. В 1889 г. Томское общество попечения о начальном образовании подарило хорошо сохранившийся череп мамонта, найденный в окрестностях с. Богородского на Оби [21. Л. 34]. В марте 1889 г. Императорская археологическая комиссия прислала в дар университету серебряный монетный слиток, найденный в Казанской губернии, а в октябре 1891 г. от этой организации был передан в Археологический музей медный кельт, обнаруженный Круповичем в одном из курганов близ с. Вороново Уртамской волости Томского округа, на правом берегу Оби [21. Л. 48; 26. Л. 155]. Через профессора Н.Ф. Кащенко в Зоологический музей поступил 81 спиртовый препарат от Императорского общества любителей естествознания. По словам Н.Ф. Кащенко, эта коллекция имела для музея большую ценность, хотя и требовала «приведения в порядок» [21. Л. 85].

С началом учебных занятий и открытием финансирования университет смог оплачивать некоторые приобретения. Например, за коллекцию минералов (7 ящиков) и собрание бабочек, насекомых и растений (1 ящик), общим весом до 60 пудов, полученных от вдовы коллекционера, коллежского асессора П.И. Седакова еще в 1884 г., в феврале 1889 г. было заплачено 400 руб. [21. Л. 40]. В 1889 г. на университетские средства для Археологического музея был куплен альбом одного из организаторов Кяхтинского музея, фотографа Н.А. Чарушина, в котором на 68 фотографиях были запечатлены типы монгольского населения и виды г. Урги [23. С. 40].

У преподавателей появилась возможность выписывать от разных поставщиков необходимые, по их мнению, коллекции и отдельные экземпляры. Так, для ботанического кабинета осенью 1888 г. были выписаны коллекции паразитных и шляпных грибов [21. Л. 92]. Н.Ф. Кащенко обратился в 1889 г. в Императорское Московское общество любителей естествознания с предложением прислать в зоологический музей часть дублетов зоологических коллекций, собранных членами общества [Там же. Л. 68]. В том же году от зоологической станции в Неаполе была приобретена крупная коллекция (193 спиртовых препаратов), представлявшая все типы животного царства. При получении в университете с удовлетворением констатировали, что все препараты «прекрасно консервированы и почти не пострадали от пересылки» [23. С. 28].

Третье, самое продуктивное направление комплектования обеспечивалось поездками и экскурсиями сотрудников университета. Летом 1889 г. консерватор зоологического музея Э.Д. Пельцам побывал в Нарымском крае, работал в окрестностях Томска, собрал и доставил в музей 35 видов птиц и 15 видов рыб [21. Л. 147]. Тогда же университетский библиотекарь и археолог С.К. Кузнецов собрал при раскопках древних могил в окрестностях г. Томска 155 бронзовых и железных предметов, гончарные изделия, девять человеческих черепов и передал их в археологический музей [23. С. 40–41].

Хранитель ботанического музея П.Н. Крылов направлялся в 1890 г. на Алтай «для коллектирования… сухих растений» и для сбора семян и луковиц для Ботанического сада. Обосновывая важность этой поездки, на которую требовалось 200 руб., С.И. Коржинский говорил: «Очень важно было бы обогащение нашего музея коллекциями, так как у нас до сих пор есть только любительские гербарии, которые никогда не смогут заменить коллекции, собранные рукой специалиста». И добавлял, что для отношений с музеями других русских университетов важно создавать «дублеты растений», формировать фонд семян и луковиц [21. Л. 146]. И действительно, П.Н. Крылов обследовал территории к югу и западу от Томска, затем Барабинскую и Кузнецкую степи, первым описал липовый лес в предгорьях Кузнецкого Алатау, доставил в музей образцы растений лесных областей, степных и лесных лугов [Там же. Л. 205–206].

В летние месяцы 1890–1891 гг. Н.Ф. Кащенко совершил ученые поездки на р. Обь, а затем на рыболовные озера Чаны, Сартлан и Убинское. При содействии студента Г. Скрипченко и служителя В. Векшина профессор добыл и привез в Томск живого орлана, 68 птичьих шкурок, несколько десятков рыб и более тысячи образцов рыбьих и птичьих паразитов [22. С. 351–352].

С первых лет пребывания в Томском университете профессор Н.М. Малиев собирал коллекцию анатомических препаратов, и ко времени завершения службы в 1895 г. довел ее количество до 597 образцов [11. С. 368]. В дополнение к этому летом 1890 г. помощник прозектора кафедры анатомии С.М. Чугунов совершил поездку в Сургутский округ и привез оттуда остеологический материал в анатомический музей (два полных мужских скелета, 19 черепов и др.). А кроме того, собрал разнообразный этнографический материал – медный и железный котелки, весла, лыжи, надгробный памятник в виде палочки с грубой фигуркой птицы, корневатики и куженьки из корней и бересты, три табакерки, луки, стрелы с железными наконечниками и отделанные перьями, два роговых музыкальных инструмента и даже детскую игрушку – модель деревянной лодки. А от начальника почтового отделения в Сургуте А.И. Иванова привез остяцкий музыкальный инструмент – «лебедь», который даритель приобрел в Сахалинских юртах на Оби [21. Л. 186–187]. Все этнографические предметы были переданы в археологический музей.

Университетские профессора регулярно выезжали в научные командировки по России и за рубеж, в том числе и с целью осмотра музеев и получения некоторых образцов. Так, летом 1889 г. профессор Н.М. Малиев совершил поездку по Западной Европе с намерением «осмотреть выдающиеся анатомические музеи и институты в Германии и Франции» [4. С. 342]. В 1892/93 г. профессор Н.Ф. Кащенко во время годичной командировки побывал в музеях всех российских университетов и Академии наук, в зоологическом музее в университете Неаполя, в музеях других европейских городов и, по его словам, «завел с ними обмен препаратами». Доставил в Томский университет солидную коллекцию, включавшую 7 готовых чучел, 103 птичьи шкурки (68 видов), 950 разнообразных раковин (400 видов), коллекции насекомых, яиц, собрание предметов по шелководству. В окрестностях Неаполя, Рима, Венеции, а также в Киеве, Харькове, на берегах Волги Н.Ф. Кащенко собрал, при участии жены, сопутствующей ему в поездке, громадную коллекцию моллюсков – более 2 тыс. экземпляров (165 видов), других, по преимуществу позвоночных, животных [22. С. 348–349]. Позже, в 1896 г., А.М. Зайцев посетил Музей естествознания в Берлинском университете, Музей горной школы и Музей естественной истории в Париже, Музей естествознания в Женеве, Естественно-исторический музей в Вене [4. С. 344–349].

Фондовая работа, наряду с комплектованием, требовала учета и документирования собранных материалов. И следует сказать, что с первых дней в университетских музеях уделялось большое внимание инвентаризации коллекций. В январе 1889 г. Совет университета рассматривал вопрос об инвентарных книгах в кабинетах и музеях и порядке их заполнения. Было принято решение завести новые инвентарные книги, ввести единообразие записей, вносить сведения в порядке поступления предметов [21. Л. 26]. Работа по учету и инвентаризации фондов выявила, что принятые еще до официального открытия университетских музеев коллекции герцога Лейхтенбергского Максимилиана и инспектора Иркутской гимназии П.И. Седакова были доставлены в сопровождении хорошо составленных каталогов [2. С. 34, 36]. Другие поступления требовали тщательной обработки и инвентаризации, к описанию коллекций и музейных предметов приступили научные руководители и сотрудники музеев. Так, профессор А.М. Зайцев разбирал палеонтологическую коллекцию, подаренную в 1885 г. Г.А. Траутшольдом [2. С. 36; 5. С. 87–88]. Приводились в порядок, рассортировывались по принятой в науке классификации другие поступления в минералогический музей. Учитывая масштабность коллекций, например дар З.М. Цибульского включал минералы более 1 000 названий, их систематизация требовала времени и сил [17. С. 38].

Обработкой зоологических коллекций, поступавших до открытия университета, занимался Н.Ф. Кащенко. Оказалось, что многие дары представляли собой «сырой зоологический материал», потребовались немалые усилия «на приведение в порядок музейных коллекций» [21. Л. 137]. Точно так же коллекции Г.А. Колпаковского (1 650 экземпляров шкурок среднеазиатских птиц) и И.Ф. Каменского (95 экземпляров шкурок птиц), подаренные в 1885–1886 гг., без должной обработки не все хорошо сохранились. Многие предметы зоологической коллекции, собранной Норденшельдом (сухие и спиртовые препараты) и приобретенной на пожертвования А.М. Сибирякова, сильно пострадали во время пересылки. А коллекция насекомых, собранная П.И. Седаковым, из-за неправильной упаковки была доставлена в университет, по свидетельству специалистов, «в совершенно негодном виде» [23. С. 28–29]. Понадобились умение и мастерство консерватора Э.Д. Пельцама, который изготавливал чучела, формировал скелеты животных. Благодаря его трудам многие ценные и редкие дары жертвователей были превращены в музейные образцы [21. Л. 85, 137, 149].

Н.М. Малиев, собравший коллекцию анатомических препаратов, сам ее описал и в последний год своей службы в университете, в 1896 г., издал в виде каталога [4. С. 259; 11. С. 368]. Особо следует отметить труды создателя и руководителя археологического музея В.М. Флоринского. В кратчайшие сроки – с 1882 по 1888 г. – он сформировал, систематизировал и описал большое по размерам и ценности музейное собрание, подготовил каталог археологических и этнографических коллекций. В 1888 г. увидел свет первый выпуск каталога, в котором было описано 2663 музейных предмета, в 1890 г. вышел добавочный каталог, включивший описание 1 763 предметов. (Позже, в 1898 г., вышел третий выпуск.) Издание было без фамилии автора, только предисловие подписано инициалами В.Ф. [27, 28].

Каталог с подробными сведениями о каждом музейном предмете, с вступительной статьей и обширнейшими примечаниями, не устаревшими и по сию пору, приобрел широкую известность в России и за рубежом. Автор-составитель получил благожелательные отклики члена-корреспондента Петербургской академии наук, члена Императорского Русского археологического общества В.Г. Тизенгаузена, академика Петербургской академии наук, президента Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, профессора Д.Н. Анучина, почетного члена Петербургской академии наук, председателя Императорского Русского географического общества, великого князя Константина Николаевича (Романова) [29. С. 24, 173, 202].

Описывая и систематизируя коллекции, организаторы университетских музеев задумывались и о способах популяризации и экспонирования материалов. Например, по предложению профессора Н.Ф. Кащенко, для зоологического музея были приобретены шесть витрин «для помещения мелких предметов», которые в случае размещения их в шкафах не были бы хорошо видны, а также «горку для ископаемых костей» [21. Л. 96]. В анатомическом музее были установлены два больших шкафа со стеклянными стенками для удобства обозрения выставленных в них анатомических препаратов с трех сторон. Одни пре-

параты демонстрировались прикрепленными к картонам, другие – в виде спиртовых препаратов в банках и цилиндрах [18. С. 18–19].

Планируя расширение ботанического музея, С.И. Коржинский говорил: «Здесь можно было бы разместить стенные таблицы, учебно-вспомогательные коллекции и вообще приспособить ее для занятий студентов (не микроскопических). Учебные коллекции я предполагаю начать составлять подобно тому, как устроено в Лесном институте у профессора Бородина, то есть так, чтобы они иллюстрировали весь курс морфологии и систематики споровых семенных растений. Подобные таблицы (вроде тех, какие я составил для прошлогодней выставки), по моему мнению, могли бы служить важным подспорьем для студентов, в особенности при повторении курса перед репетициями или экзаменами» [21. Л. 93]. Он озаботился приобретением ярлыков для живых экспонатов Ботанического сада, счел, что наиболее удобны для этих целей железные пластинки. Выкрашенные масляной краской, они, по мнению С.И. Коржинского, отличались долговечностью, именно такие ярлыки употреблялись в других ботанических садах. А для оранжерейных растений предлагал приобрести цинковые ярлыки [Там же. Л. 93–95].

Размещение, систематизация и каталогизация музейных коллекций позволили использовать их в учебной работе. Начиная с 1888/89 г. профессор А.М. Зайцев демонстрировал на лекциях по минералогии коллекцию, собранную П.И. Седаковым и после его смерти приобретенную у его вдовы. В последующем студенты 1-го и 2-го семестров обязательно использовали музейные фонды для изучения силикатов, горных пород, окаменелостей [Там же. Л. 40; 30. С. 11].

Особое внимание к привлечению музейных предметов и моделей в учебном процессе проявлял руководитель зоологического музея Н.Ф. Кащенко. Он считал необходимым выписать шесть новых микроскопов вдобавок к уже имевшимся шести, чтобы полнее обеспечить студентов на практических занятиях. По его мнению, требовались также модели «по истории развития животных», учебная коллекция по зоологии. Говорил, что все представители больших и малых групп животного царства уже есть в зоологическом музее, но в единственном экземпляре и могут служить только для демонстрации, а не для практических занятий. Сокрушался, что множество спиртовых препаратов в музее не могут быть показаны из-за нехватки стеклянной посуды различной формы и величины. Еще дальше пошел консерватор зоологического музея Э.Д. Пельцам. Он предложил организовать частные практические занятия со студентами по таксидермии и консервированию зоологических препаратов, или изготовлению чучел, и в 1890 г. получил разрешение Совета университета на такие занятия [21. Л. 96, 134, 136, 149, 203–204].

Профессор кафедры ботаники С.И. Коржинский выказывал большую заинтересованность в том, чтобы студенты занимались в одной из двух комнат ботанического музея. Комната была изолированной, и, по мнению профессора, «студенты могут во всякое время читать в ней вслух и вообще заниматься, не стесняясь ничьим присутствием». Он указывал на академическое значение Ботанического сада, который обеспечивал материалами преподавание ботаники и фармакогнозии, знакомил студентов с лекарственными растениями [21. Л. 93].

С первых лет музейные коллекции активно изучались и использовались в исследовательской работе. С.И. Коржинский не раз подчеркивал большое научное значение коллекции растений, считал, что в Ботаническом саду должно «производиться много наблюдений над влиянием климата на растения, опыты акклиматизации древесных пород, различных сельскохозяйственных растений, изучение туземных рас культурных растений», имеющих и научное, и практическое значение. Именно поэтому считал, что сад нуждается в расширении. Говорил, что в добавление к уже имевшимся в Ботаническом саду отделам оранжерейных и тепличных растений, медицинскому в 1889 г. был устроен систематический отдел, в котором имелось около 700 видов растений Сибири и Средней Азии, выносящих сибирские условия. При этом в отделе был устроен небольшой аквариум. К этому он считал необходимым добавить дендрологический и сельскохозяйственный отделы и, зная, что уже заготовлено 14 тыс. экземпляров древесных и кустарных пород, предлагал расширить территорию сада за счет засыпки оврага и устройства террас на южном склоне. Предлагал для пополнения всех отделов выписать семена, клубни, луковицы, корни будущих луковичных и многолетних растений [21. Л. 93–95].

П.Н. Крылов изучал флору Сибири. Привлекая фонды ботанического музея, созданные им самим и другими исследователями, он характеризовал растительность Алтая и Северного Казахстана [31–32].

Исследования в области геологии и минералогии на основе материалов минералогического музея осуществляли А.М. Зайцев и А.Н. Державин. По итогам была, например, опубликована статья А.М. Зайцева «Заметки о геологическом строении окрестностей г. Томска». Проанализировав окаменелости, обнаруженные в обнажении в Лагерном саду, образцы породы, доставленной от Толстого мыса на р. Ушайке, профессор первым в Сибири поставил вопрос о возрасте геологических образований в окрестностях Томска [33]. А.Н. Державин использовал наблюдения и сборы, сделанные летом 1889 г. на берегах р. Томи – от Кузнецка до Томска, и представил образцы песчаника, желтых и серых глин, каменного угля, обратил внимание читателей на валуны известняка с окаменелостями – кораллами, брахиоподами и мшанками, кристаллы полевого шпата «в скалах массивной породы», порфиры и базальты [34].

Первый в Томске и во всей Сибири опыт музееведческих исследований принадлежал М.В. Флоринскому. В предисловии и приложении к каталогу археологического музея он дал первый набросок историографии сибирской археологии, коснулся истории материальной культуры, провел добротное музеографическое изучение университетских коллекций. На

материалах Археологического музея осуществил одно из первых в стране краниологическое исследование [35, 36]. Прозектор кафедры анатомии С.М. Чугунов обследовал старинное кладбище, выявленное в ходе хозяйственных раскопок на Базарной площади в Томске, обнаружил хорошо сохранившуюся мумию, доставил ее в анатомический музей и подготовил научное описание необычной находки [37].

Показательно, что создатели и сотрудники музеев в университете содействовали формированию музейного дела в Томске. Известно, что П.Н. Крылов и Н.Ф. Кащенко участвовали в разработке программы и формировании фондов Музея прикладных знаний, открывшегося в Томске в 1892 г. [38. С. 452]. Позже П.Н. Крылов привлекался к проектированию музея-скансена в Томске [39. С. 72].

Важно подчеркнуть, что буквально с первых лет деятельности университетские музеи участвовали в выставках – в Томске и за его пределами. О первой музейной выставке уже не раз сообщалось в литературе. Следует добавить, что выставка, работавшая с 27 декабря 1888 г. по 8 января 1889 г., получила большой общественный резонанс. Прежде всего, в местной газете «Сибирский вестник» было опубликовано несколько объявлений и сообщений. Так, в выпуске «Сибирского вестника» от 18 декабря 1888 г. сообщалось, что на выставке в университете будут представлены коллекции «по таким отделам естествознания, с которыми в большинстве томская публика еще не знакома». Получив хорошую информационную поддержку, первая университетская выставка привлекла внимание 1820 посетителей, в их числе более 200 детей. Выручка, составившая 623 руб., была направлена в пользу Общества содействия начальному образованию [40. С. 2].

В отчетах о выставке сообщалось, что экспонаты четырех отделов поясняли организаторы выставки, сотрудники музеев университета. Их пояснение, по свидетельству прессы, вызывало «напряженное внимание и нескрываемое любопытство» слушателей, многие из которых впервые побывали в ученом обществе. По словам газеты, выставка «приблизила наше общество к университету» [41. С. 3]. К выставке были приурочены первые в Томске публичные лекции. Прочитанные С.И. Коржинским, А.М. Зайцевым, Н.М. Малиевым по тематике выставочных экспозиций, лекции были восприняты в Томске с большим интересом. А.В. Адрианов писал, например, Г.Н. Потанину: «Сегодня (27) в университете открылась научная выставка, завтра иду туда с двумя ребятишками и, кстати, прослушаю публичную профессора Зайцева лекцию…» [42. С. 104–105]. Внимание публики привлекали «богатейшая коллекция по сибирской археологии и этнографии и совершенно своеобразная коллекция принадлежностей быта североамериканских индейцев» [2. С. 39]. Повышенным интересом пользовалась частная коллекция золотых самородков, среди которых особо выделялся самородок весом 13 фунтов 80 золотников [43. С. 3]. В газете «Восточное обозрение» появилась обстоятельная публикация, анонимный автор которой, предположительно А.В. Адрианов, отметил полноту выставки, богатство археологического и геологического отделов. Особо остановился на характеристике ботанического отдела, который «систематизирован и составлен превосходно». Относительно высушенных растений, развешанных на больших картонах на стене, автор писал: «Ничего подобного нам не доводилось видеть ни в музеях, ни в учебных коллекциях и пособиях университетов и других высших учебных заведений». В то же время в газете была раскритикована не приведенная в систему экспозиция этнографического отдела и неудовлетворительное этикетирование экспонатов зоологического отдела [44. С. 7].

Издание каталогов, газетные публикации о коллекциях сделали их широко известными в стране, в Томский университет стали приходить приглашения для участия музейных работников в коллективных изданиях и выставках, например в Казанской научно-промышленной выставке 1890 г. Коллекции археологического музея экспонировались на выставке, приуроченной к Международному конгрессу доисторической археологии и антропологии в Москве летом 1892 г. [21. Л. 130; 29. С. 21–23].

Музейные коллекции становились доступными для обозрения и местным жителям, и путешественникам. Летом 1892 г. В.М. Флоринский принимал в университете сельских учителей, съехавшихся в Томск на курсы ручного труда, устроенные Обществом попечения о начальном образовании. По свидетельству заведующего курсами А.И. Мисюрева, профессор Флоринский сам лично «объяснял коллекции музея в продолжении нескольких часов» [45. С. 45]. Один из авторов столичного журнала «Вестник Европы» А.А. Исаев рассказывал, как в сопровождении В.М. Флоринского осматривал аудитории и кабинеты Томского университета и с особенным вниманием – археологическую коллекцию [46. С. 82]. С установлением прямого железнодорожного сообщения визиты в Томск участились; летом 1896 г. в нашем городе побывал английский путешественник, член Лондонского географического общества Вистлей, посетил некоторые кабинеты, пришел в восторг от книжной коллекции университета [47. С. 3]. В августе того же 1896 г. в Томске около двух недель пробыл сотрудник Министерства народного просвещения Франции, член Парижского географического общества барон Жозеф де Бай. По отзывам современников, блестящий ученый-археолог, этнограф, коллекционер, он более 30 лет своей жизни посвятил изучению российских древностей. Поработал он и в археологическом музее Томского университета, зарисовал интересовавшие его предметы, участвовал в раскопках курганов Тоянова городка совместно с университетским библиотекарем и археологом С.К. Кузнецовым [48. С. 2]. Позже, в 1900 г., в Томске оказалась путешественница Аннет Микин, известная как первая английская женщина, совершившая поездку по Сибирской железной дороге в Японию. Будучи в Томске она в сопровождении профессоров Ф.К. Крюгера и В.В. Сапожникова обошла университет, отметила как главные достопримечательности книжное собрание, коллекции зоо-

логического и минералогического музеев, а также Ботанический сад. Ей показалось забавным, что такие привычные английские растения, как rhubarb (ревень), в университетском саду «заботливо выращивали и пестовали» [49. С. 63–64].

Сложившаяся в первые годы после открытия Императорского Томского университета музейная сеть, включавшая анатомический, ботанический, минералогический, зоологический и археологический музеи, обеспечивала собирание, хранение и использование разнообразных коллекций, памятников природного и культурного наследия в учебной и научной работе, давала возможность участия университета в выставках в Томске и за его пределами. Университетские музеи способствовали превращению Томска в центр изучения и популяризации научных знаний о Сибири, формировали привлекательность города для путешественников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чернова И.В.* О поступлении коллекции В.М. Миловзорова в Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ // Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета / отв. ред. Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 1. С. 13–18.
2. *Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Черняк Э.И. и др.* Начало формирования музейных и ботанических коллекций первого в Азиатской России Сибирского (Томского) университета (конец 1870-х – 1888 г.) / С.А. Некрылов, С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняк и др. // Томские музеи : сб. документов и статей. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 3–40.
3. *Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Черняк Э.И.* Роль музеев Томского университета в активизации учебного процесса и подготовке кадров высшей квалификации / С.А. Некрылов, С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняк // Музеи евразийских университетов в поддержании и развитии общего образовательного пространства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 102–110.
4. *Некрылов С.А.* Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.) / С.А. Некрылов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. Т. 1. 514 с.
5. *История* комплектования музейных коллекций Сибирского (Томского) университета в документах // Томские музеи : сб. документов и статей / ред. С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 41–172.
6. *Общий* устав императорских российских университетов, Высочайше утвержденный 18 июня 1863 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб., 1866. Т. 38, № 39752. С. 621–637.
7. *Общий* устав императорских российских университетов, Высочайше утвержденный 23 августа 1884 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. СПб., 1886. Т. 4, № 2404. С. 456–474.
8. *Приложение:* штаты и табели к № 39752 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб., 1866. Т. 38. Паг. 2. С. 118–120.
9. *Приложение:* штаты и табели к № 4204 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. СПб., 1886. Т. 4. Паг. 3. С. 258–265.
10. *Об учреждении* Сибирского университета, Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, 16 мая 1878 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб., 1880. Т. 53, отделение 1, № 58527. С. 352–353.
11. *Краткий* исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913 гг.). Томск, 1917. 544 с.
12. *Томский* университет. 1880–1980 / отв. ред. М.Е. Плотникова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. 431 с.
13. *Об открытии* медицинского факультета Томского университета, Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, 25 мая 1888 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. СПб., 1890. Т. 8, № 5231. С. 239–241.
14. *Приложение:* штаты и табели к № 5231 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. СПб., 1890. Т. 8. Паг. 3. С. 70–71.
15. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 12.
16. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 5.
17. *Отчет* о состоянии Императорского Томского университета за первое полугодие по его открытии. Томск, 1889. 71 с.
18. *Сведения* о состоянии Императорского Томского университета за первое полугодие его существования // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1889. Кн. 1. Отдел 1. С. 3–71.
19. *Первый* университет в Сибири / изд. редакции «Сибирского вестника». Томск, 1889. 93 с.
20. *Крылов П.Н.* Накануне открытия Томского университета // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 273–276.
21. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 6.
22. *Кащенко Н.Ф.* Краткая автобиография // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 341–358.
23. *Отчет* о состоянии Императорского Томского университета за 1889 год. Томск, 1890. 71 с.
24. [Флоринский В.М.] Предисловие // Археологический музей Томского университета. Томск, 1888. С. III–XVI.
25. *Отчет* о состоянии Императорского Томского университета за 1890 г. Томск, 1891. 65 с.
26. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 27.
27. [Флоринский В.М.] Музей сибирской археологии и этнографии, основанный в 1882 году при Сибирском университете // Археологический музей Томского университета. Томск, 1888. Паг. 2. С. 1–155.
28. [Флоринский В.М.] Прибавление к каталогу Археологического музея Томского университета. Томск, 1890. [82 с.].
29. *Ястребов Е.В.* Сто неизвестных писем русских ученых и государственных деятелей к Василию Марковичу Флоринскому / Е.В. Ястребов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. 221 с.
30. *Отчет* о состоянии Императорского Томского университета за 1892 г. Год пятый. Томск, 1893. 96 с.
31. *Крылов П.Н.* Липы в предгорьях Кузнецкого Алатау // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1891. Кн. 3. Отд. 2. С. 1–40.
32. *Крылов П.* Ботанический материал, собранный Г.Н. Потаниным в восточной части Семипалатинской области в 1863 и 64 гг. / П.Н. Крылов // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1892. Кн. 4. Отдел 2. С. 1–106.
33. *Зайцев А.М.* Заметка о геологическом строении окрестностей Томска // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1889. Кн. 1. Паг. 3. С. 27–32.
34. *Державин А.* Геологический разрез берегов р. Томи от Кузнецка до Томска // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1890. Кн. 2. Паг. 4. С. 47–60.
35. [Флоринский В.М.] Примечания к описанию Археологического музея Сибирского университета // Археологический музей Томского университета. Томск, 1888. Паг. 3. С. 1–275.
36. *Флоринский В.М.* Двадцать три человеческих черепа Томского археологического музея // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1890. Кн. 2. Паг. 4. С. 16–46.

37. *Чугунов С.М.* О натуральной мумии, найденной в Томске // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1890. Кн. 2. Паг. 4. С. 107–122.
38. *Дмитриенко Н.М.* Музей прикладных знаний // Энциклопедия Томской области : в 2 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. Т. 1. С. 452–453.
39. *Дмитриенко Н.М.* О создании музея-скансена в Томске // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2013. № 377. С. 71–72.
40. *Сибирская* летопись // Сибирский вестник. Томск, 1889. 11 янв., № 5. С. 2.
41. *Сибирская* летопись // Сибирский вестник. Томск, 1889. 13 янв., № 6. С. 3.
42. *Адрианов А.В.* «Дорогой Григорий Николаевич…»: письма Г.Н. Потанину / сост. Н.В. Васенькин. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 288 с.
43. *Сибирская* летопись // Сибирский вестник. Томск, 1889. 8 янв., № 4. С. 3.
44. *Томск:* выставка в университете // Восточное обозрение. Иркутск, 1889. 19 февр., № 8. С. 7.
45. *Мисюрев А.И.* Краткие сведения по истории дирекции училищ Томской губернии. Томск, 1913. 86 с.
46. *Исаев А.А.* От Урала до Томска: из путевых заметок // Вестник Европы. СПб., 1891. Кн. 9. С. 55–86.
47. *Местная* хроника // Сибирский вестник. Томск, 1896. 8 авг., № 171. С. 3.
48. *Местная* хроника // Сибирский вестник. Томск, 1896. 18 авг., № 179. С. 2.
49. *Meakin A.M.* A Ribbon of Iron / A.M. Meakin. Reprint of 1901. New York : Arno Press Inc., 1970. 320 p.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 2 июня 2015 г.

IMPERIAL TOMSK UNIVERSITY MUSEUMS: THE FIRST YEARS OF ESTABLISHMENT AND ACTIVITIES

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 81–90. DOI: 10.17223/15617793/397/14

Dmitrienko Nadezhda M., Chernyak Eduard I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vassa.mv@mail.ru; ed.i.chernyak@gmail.com

Keywords: Imperial Tomsk University; museum; scientific work with funds; scientific and educational function of museums.

The problem of the article is formulated as historical reconstruction of the Imperial Tomsk University Museum Science right from the start of its activity. The solution of the problem is based on the analysis of laws about the University, archive documents and some other resources. It is known that Tomsk State University opened in 1888 consisting of only the medical faculty. But along with medical departments, departments of physics, chemistry, mineralogy, botany, zoology were opened. The Botanical, Zoological, Mineralogical, Anatomical, and Archaeological museums were established as well. Heads and employees of the museums were appointed. The Botanical Museum was headed by Professor S.I. Korzhinskiy, the custodian of the Museum was Master of Pharmacy P.N. Krylov. The Mineralogical Museum was headed by Professor A.M. Zaytsev, the custodian was Candidate of Physical and Mathematical Sciences A.N. Derzhavin. The Anatomical Museum was headed by Professor N.M. Maliyev, and S.M. Chugunov worked as a prosector. The head of the Zoological Museum was Professor N.F. Kashchenko, at the same time he was the custodian of the Museum. E.D. Peltsam worked as a conservator in the Zoological Museum. Established in 1882, the Archaeological Museum had no staff. The Museum was under the supervision of its creator, Head of the West Siberian district of Education, Professor V.M. Florinskiy. He was the only worker of this museum as well. In 1888 Museums of the University were placed in large rooms. The Museum members started to collect museum funds. There were three directions for museum formation. The first direction was gifts and donations of various collectors. The second one was based on objects the University purchased. The third most productive direction was Siberian expeditions and trips of University members to European cities. Many items on mineralogy, geology, zoology, botany, and archeology were collected in the expeditions. The staff of university museums did a great job of systematization of collections. The most significant event of the first years of the University Museums was publication of the catalogue of the Archaeological Museum. His author Professor V.M. Florinskiy described nearly 4500 items, wrote valuable scientific commentaries. From the early days of the Imperial Tomsk University, the collections of the Museums were used in educational process, in research, participated in exhibitions. Townspeople and Siberian travelers visited the museums. And the University museums helped the city of Tomsk to transform into a center of study and popularization of scientific knowledge of Siberia. They created the image of the University and Tomsk as well.

REFERENCES

1. Chernova, I.V. (2002) O postuplenii kollektsii V.M. Milovzorova v Muzey arkheologii i etnografii Sibiri TGU [The entering of V.M. Milovzorov' collection into Tomsk State University Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Trudy Muzeya arkheologii i etnografii Sibiri im. V.M. Florinskogo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proc. of the Florinskiy Museum of archaeology and ethnography of Siberia in TSU]. V. 1. Tomsk: Tomsk State University.
2. Nekrylov, S.A. et al. (2010) Nachalo formirovaniya muzeynykh i botanicheskikh kollektsiy pervogo v Aziatskoy Rossii Sibirskogo (Tomskogo) universiteta (konets 1870-kh – 1888 g.) [The formation of museums and botanical collections in Siberian (Tomsk) university, first in Asiatic Russia (the end of 1870s – 1888)]. In: Fominykh, S.F. & Chernyak, E.I. *Tomskie muzei : sb. dokumentov i statey* [Tomsk Museums: book of documents and articles]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Nekrylov, S.A., Fominykh, S.F. & Chernyak, E.I. (2013) Rol' muzeev Tomskogo universiteta v aktivizatsii uchebnogo protsessa i podgotovke kadrov vysshey kvalifikatsii [The role of Tomsk University museums in stimulating of education and training high qualifying specialists]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Muzei evraziyskikh universitetov v podderzhanii i razvitii obshchego obrazovatel'nogo prostranstva* [Eurasian university museums and their role in the support and development of educational sphere]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Nekrylov, S.A. (2010) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.)* [Tomsk University as the first scientific center of Asiatic part of Russia (middle of 1870s – 1919)]. V. 1. Tomsk: Tomsk State University.
5. Fominykh, S.F. et al. (2010) Istoriya komplektovaniya muzeynykh kollektsiy Sibirskogo (Tomskogo) universiteta v dokumentakh [The documents on history of making museum collections in Siberian (Tomsk) University]. In: Fominykh, S.F. & Chernyak, E.I. *Tomskie muzei : sb. dokumentov i statey* [Tomsk Museums: book of documents and articles]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Anon. (1866) Obshchiy ustav imperatorskikh rossiyskikh universitetov, Vysochayshe utverzhdennyy 18 iyunya 1863 goda [The General Statute of the Imperial Russian universities, the Emperor approved on June 18, 1863]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete statute-book of the Russian Empire]. Book 2. V. 38. St. Petersburg. No. 39752. pp. 621–637.
7. Anon. (1886) Obshchiy ustav imperatorskikh rossiyskikh universitetov, Vysochayshe utverzhdennyy 23 avgusta 1884 goda [The General Statute of the Imperial Russian universities, the Emperor approved on August 23, 1864]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete statute-book of the Russian Empire]. Book 3. V. 4. St. Petersburg. No. 2404. pp. 456–474.
8. Anon. (1886) Prilozhenie: shtaty i tabeli k № 39752 [Appendix: staff and tables for no. 39752]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete statute-book of the Russian Empire]. Book 2. V. 38. St. Petersburg. Pt. 2. pp. 118–120.

9. Anon. (1886) Prilozhenie: shtaty i tabeli k № 4204 [Appendix: staff and tables for no. 4204]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete statute-book of the Russian Empire]. Book 3. V. 4. St. Petersburg. Pt. 3. pp. 258–265.
10. Anon. (1880) Ob uchrezhdenii Sibirskogo universiteta, Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta, 16 maya 1878 goda [On the establishment of the Siberian university, the State Council's opinion the Emperor approved on May 16, 1878]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete statute-book of the Russian Empire]. Book 2. V. 53. St. Petersburg. Pt. 1. No. 58527. pp. 352–353.
11. Anon. (1917) *Kratkiy istoricheskiy ocherk Tomskogo universiteta za pervye 25 let ego sushchestvovaniya (1888–1913 gg.)* [A brief historical essay of Tomsk University for the first 25 years of its existence (1888–1913)]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirsk. T-va Pechatn. dela.
12. Plotnikova, M.E. (ed.) (1980) *Tomskiy universitet. 1880–1980* [Tomsk University. 1880–1980]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Anon. (1890) Ob otkrytii meditsinskogo fakul'teta Tomskogo universiteta, Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta, 25 maya 1888 goda [On the opening of the Medical Faculty of Tomsk University, the State Council's opinion the Emperor approved on May 25, 1888]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete statute-book of the Russian Empire]. Book 3. V. 8. St. Petersburg. No. 5231. pp. 239–241.
14. Anon. (1890) Prilozhenie: shtaty i tabeli k № 5231 [Appendix: staff and tables for no. 5231]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete statute-book of the Russian Empire]. Book 3. V. 8. St. Petersburg. Pt. 3. pp. 70–71.
15. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 12. (In Russian).
16. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 5. (In Russian).
17. Anon. (1889) *Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za pervoe polugodie po ego otkrytii* [Report on the Imperial Tomsk University condition in the first six months after its opening]. Tomsk.
18. Anon. (1889) Svedeniya o sostoyanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za pervoe polugodie ego sushchestvovaniya [Data on the Imperial Tomsk university condition in the first six months of its existence]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. 1 (1). pp. 3–71.
19. Sibirskiy vestnik. (1889) *Pervyy universitet v Sibiri* [The first university in Siberia]. Tomsk.
20. Krylov, P.N. (2014) Nakanune otkrytiya Tomskogo universiteta [On the eve of the opening of Tomsk University]. In: Fominykh, S.V. (ed.) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in memoirs of contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.
21. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 6. (In Russian).
22. Kashchenko, N.F. (2014) Kratkaya avtobiografiya [Brief autobiography]. In: Fominykh, S.V. (ed.) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in memoirs of contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.
23. Anon. (1890) *Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 1889 god* [Report on the Imperial Tomsk University condition in 1889]. Tomsk.
24. [Florinskiy V.M.] (1888) Predislovie [Preface]. In: *Arkheologicheskiy muzey Tomskogo universiteta* [The Archaeological Museum of Tomsk University]. Tomsk.
25. Anon. (1891) *Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 1890 god* [Report on the Imperial Tomsk University condition in 1890]. Tomsk.
26. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 27. (In Russian).
27. [Florinskiy V.M.] (1888) Muzey sibirskoy arkheologii i etnografii, osnovannyy v 1882 godu pri Sibirskom universitete [The Museum of Siberian Archaeology and Ethnography founded in 1882 in the Siberian University]. In: *Arkheologicheskiy muzey Tomskogo universiteta* [Archaeological Museum of Tomsk University]. Pt. 2. Tomsk.
28. [Florinskiy V.M.] (1890) *Pribavlenie k katalogu Arkheologicheskogo muzeya Tomskogo universiteta* [An addition to the catalogue of the Archaeological Museum of Tomsk University]. Tomsk.
29. Yastrebov, E.V. (1996) *Sto neizvestnykh pisem russkikh uchenykh i gosudarstvennykh deyateley k Vasiliyu Markovichu Florinskomu* [A hundred unknown letters of Russian scientists and statesmen to Vasiliy Markovitch Florinskiy]. Tomsk: Tomsk State University.
30. Anon. (1893) *Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 1892 god* [Report on the Imperial Tomsk University condition in 1892]. Tomsk.
31. Krylov, P.N. (1891) Lipy v predgor'yakh Kuznetskogo Alatau [The lime-trees at the foothills of Kuznetsk Alatau]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. 3 (2). pp. 1–40.
32. Krylov, P.N. (1892) Botanicheskiy material, sobrannyy G.N. Potaninym v vostochnoy chasti Semipalatinskoy oblasti v 1863 i 64 gg. [The botanical material collected by G.N. Potanin in the eastern part of Semipalatinsk region in 1863 and 1864]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. 4 (2). pp. 1–106.
33. Zaytsev, A.M. (1889) Zametka o geologicheskom stroenii okrestnostey Tomska [On the geologic structure of Tomsk environments]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. 1 (3). pp. 27–32.
34. Derzhavin, A. (1890) Geologicheskiy razrez beregov r. Tomi ot Kuznetska do Tomska [The geologic horizontal section of the Tom River banks from Kuznetsk to Tomsk]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. 2 (4). pp. 47–60.
35. [Florinskiy V.M.] (1888) Primechaniya k opisaniyu Arkheologicheskogo muzeya Sibirskogo universiteta [Notes to the description of the Archaeological Museum of the Siberian University]. In: *Arkheologicheskiy muzey Tomskogo universiteta* [Archaeological Museum of Tomsk University]. Pt. 1. Tomsk.
36. Florinskiy, V.M. (1890) Dvadtsat' tri chelovecheskikh cherepa Tomskogo arkheologicheskogo muzeya [Twenty three human skulls in Tomsk Archaeological Museum]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. 2 (4). pp. 16–46.
37. Chugunov, S.M. (1890) O natural'noy mumii, naydennoy v Tomske [A natural mummy discovered in Tomsk]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. 2 (4). pp. 107–122.
38. Dmitrienko, N.M. (2008) Muzey prikladnykh znaniy [The Museum of Applied Knowledge]. In: Dmitrienko, N.M. (ed.) *Entsiklopediya Tomskoy oblasti* [Encyclopedia of Tomsk Oblast]. V. 1. Tomsk: Tomsk State University.
39. Dmitrienko, N.M. (2013) The attempt of making a Skansen-museum in Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 377. pp. 71–72. (In Russian).
40. Anon. (1889) Sibirskaya letopis' [Siberian chronicle]. *Sibirskiy vestnik*. 11 January. 5. p. 2.
41. Anon. (1889) Sibirskaya letopis' [Siberian chronicle]. *Sibirskiy vestnik*. 13 January. 6. p. 3.
42. Adrianov, A.V. (2007) *"Dorogoy Grigoriy Nikolaevich…": pis'ma G.N. Potaninu* ["Dear Grigoriy Nikolayevich...": letters to G.N. Potanin]. Tomsk: Tomsk State University.
43. Anon. (1889) Sibirskaya letopis' [Siberian chronicle]. *Sibirskiy vestnik*. 8 January. 4. p. 3.
44. Anon. (1889) Tomsk: vystavka v universitete [Tomsk: the university exhibition]. *Vostochnoe obozrenie*. 19 February. 8. p. 7.
45. Misyurev, A.I. (1913) *Kratkie svedeniya po istorii direktsii uchilishch Tomskoy gubernii* [Brief knowledge on the history of Tomsk province school management]. Tomsk.
46. Isaev, A.A. (1891) Ot Urala do Tomska: iz putevykh zametok [From Ural to Tomsk: travel notes]. *Vestnik Evropy*. 9. pp. 55–86.
47. Anon. (1896) Mestnaya khronika [The local news]. *Sibirskiy vestnik*. 8 August. 171. p. 3.
48. Anon. (1896) Mestnaya khronika [The local news]. *Sibirskiy vestnik*. 18 August. 179. p. 2.
49. Meakin, A.M. (1970) *A Ribbon of Iron*. Reprint of 1901. New York: Arno Press Inc.

Received: 02 June 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 91–98. DOI: 10.17223/15617793/397/15

УДК 1.130.2

М.Б. Красильникова

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МИФА

Рассматривается русский национальный миф в пространственно-временном аспекте. Являясь центральным в системе мифологии, национальный миф выполняет функцию коллективной самоидентификации и самоопределения в пространстве и времени. Особенности национального мифа связаны со специфическим «пониманием» пространства и времени, свойственным культуре. Представления о пространстве и времени входят в устойчивую систему образов и мотивов национального мифа и являются репрезентативными для осмысления его динамики.

Ключевые слова: русская культура; миф; национальный миф; архетип; пространство и время в культуре.

Проблематика национальной мифологии сегодня оказывается одной из наиболее актуальных и дискуссионных для современного гуманитарного знания, что обусловлено рядом причин. Во-первых, значим сам миф, поскольку он осознается как один из ключевых механизмов организации культуры. В исследованиях Р. Барта, М. Элиаде, К. Леви-Стросса, А. Бергсона и др. определена роль мифологического компонента в культуре и жизни общества. Сегодня существует понимание того, что миф сопровождает все социокультурные процессы, он «всегда рядом с нами и лишь прячется во мраке, ожидая своего часа» [1]. Во-вторых, современность характеризуется вниманием к национально-этнической проблематике в целом. Тенденция культурной универсализации противоборствует сегодня с другой тенденцией – стремлением к культурной, национальной самостоятельности.

Исследования по проблематике национального появляются уже в XVIII в. Дж. Вико создает свою концепцию развития наций, в которой предугадана идея европоцентризма. В трудах Ф. Шеллинга, И. Гердера формировались представления о природе национального, ставшие впоследствии основой примордиалистского подхода, в контексте которого нация рассматривается как высшая форма этноса. В русле этого подхода складывается представление о нации как о субъекте истории, обладающем характером, миссией, вырабатываются такие понятия, как «душа нации», «национальный дух», «национальный характер». В середине XX в. оформляется другая концепция, в которой акцентируется государственная природа национального (Э. Геллнер, Д. Бройи и др.). Приверженцы этой концепции исходят из того, что нации не являются изначальной данностью, они появляются не в результате саморазвития этноса, а представляют собой продукт деятельности государств, формируются в результате «стандартизации» общества. В конце XX в. появляется культуроцентричная постмодернистская концепция национального (Б. Андерсон, Х. Бхабха и др.). Б. Андерсон рассматривает нацию как «изобретенное», «воображаемое» образование, он считает, что в основе национальной идентификации лежит некий «образ» общности, создаваемый коллективным повествованием нации о самой себе. Х. Бхабха задает формулу: «нация и наррация». Речь идет о принципиальной незавершенности конструирования национального. Нация в этом случае рассматривается как проект, незавершенное повествование, создаваемое посредством различных дискурсивных практик. Данная теория характеризуется свойственным постмодернизму недоверием к «метаповествованиям». Отрицая возможность создания единого «текста нации», она акцентирует внимание на способах создания нарративных конструкций, в которых выражены представления о нации.

Нация характеризуется не только общностью обычаев, языка, но и способностью к самоосмыслению, потребностью в самоидентификации. Национальное самосознание формируется на мифологической основе. Уже в работах И. Гердера дано обоснование значимости мифа для национального самосознания. И. Фихте отмечал, что миф предшествует историческому бытию нации. Ф. Шеллинг выводит миф из «доистории» народа в его историю, подчеркивая, что становление народа как субъекта исторического действия тесно связано со становлением его мифологии, которая так же, как язык, выступает общим основанием для миропонимания. Мифология не изобретена народом, считает Шеллинг, напротив, народ возникает вместе с его «учением о богах». Философ видит в национальной мифологии народа жребий, изначально ему выпавший [2]. Близка к тезису Шеллинга и русская славянофильская доктрина. Так, по суждению И. Киреевского, судьба каждого народа заключается в его мифологии [3. С. 261].

Функцию самообоснования нации выполняет национальный миф. Его можно рассматривать как способ коллективной саморефлексии, как систему идей и образов, через которые определенный народ осознает себя и свое место в мировом культурно-историческом процессе [4]. Эта система формируется естественным путем, возникает в определенных культурно-исторических условиях.

Национальный миф создает символический контекст, в котором разворачивается история народа и на который ориентировано осмысление тех или иных событий. Исторические события обретают значимость, если они вписаны в структуру национального мифа, считает А. Цуладзе [5]. Э. Кассирер утверждал, что сама история народа является вторичной и производной от мифа. «Не историей народа определяется его мифология, – пишет он, – <…> наоборот, мифологией определяется его история» [6]. Культурно-исторические события рефлексируются, осознаются

через призму национального мифа. «В случае подключения мифа уже нет необходимости порождать целые тексты, можно только намекать, подсказывая существенные характеристики, подводящие массовое сознание к тому или иному мифу, – отмечает Г. Почепцов [7. С. 105–106].

Таким образом, национальный миф можно рассматривать как целостную универсальную конструкцию, которая наполняется конкретным содержанием, соответствующим определенной эпохе, социокультурной ситуации.

Современная российская действительность характеризуется поиском новой национальной субъектности, потребностью в целостности исторического самосознания. В этой ситуации национальный миф, эксплицирующий смыслы культурно-исторических процессов, привлекает внимание общественной мысли в целом, становится притягательным для исследований в разных областях гуманитаристики. В то же время его контуры размыты, неопределены. Проблематика национального мифа в современных отечественных исследованиях представлена в широком диапазоне идей, включающем в себя и полное отрицание самой возможности его существования: «У нас в России сложилась уникальная ситуация, потому что национальный миф у нас одновременно невозможен и необходим»; «…основная проблема русского национального мифа заключается в том, что он никогда не существовал и существовать не может» [8]. Для сегодняшнего дня характерно развенчание «старых» мифов, сотворение «новой» мифологии, пересмотр истории, «конструирование» прошлого в соответствии с идеологическими пристрастиями современных авторов. Сложность обращения к исследованию национального мифа обусловлена и отсутствием общепринятых методологических оснований, что приводит к разночтениям проблематики. Тем не менее видится возможным рассмотреть содержание русского национального мифа, выявить устойчивую систему образов и мотивов, составляющих его структурную основу и трансформирующихся в контексте социокультурной динамики.

Мифология содержит в себе представления о наиболее значительных параметрах общества и культуры, соответствующие национальному образу мира. Среди них – представления о пространстве и времени. По мысли Г.Д. Гачева, национальный образ мира являет собой некую «сетку координат», через которую определенный народ «улавливает» мир, создает устойчивую систему образов [9]. Это определенное видение мира, обусловленное национальными, культурными особенностями. Национальный миф вбирает в себя это «особое» видение мира, включающее в себя пространственно-временной комплекс, при этом обязательно содержит в себе своеобразное послание «граду и миру». О. Шпенглер писал о «тайном языке мирочувствования», специфичном для каждой культуры. Согласно его учению, наиболее репрезентативными элементами культуры, базовыми для ее существования и саморефлексии, являются «переживание», «чувство» пространства и времени. В национальном мифе соединяется понимание пространства и времени, свойственное культуре, и проблематика самоопределения народа во времени и пространстве. Пространство и время в этом случае можно рассматривать как атрибуты самоидентификации нации.

Самоосмысление народа связано с определением своего места в глобальной истории, определением начала своей истории (национальная этиология), с самоопределением в сакральной топографии, включающей в себя соотношение сакрального Центра (Мирового города) и периферии. Коллективная идентичность определяется представлением о значимом «другом», что связано с семантикой «своего» и «чужого» пространства. Эти сюжеты можно рассматривать как структурные элементы национального мифа.

Основной сферой бытования национального мифа не без основания считают письменную культуру. Безусловно, национальный миф заявляет о себе и в других формах культуры, в разных видах искусства – музыке, живописи и т.д. Так, в русской культуре своеобразной «историей» национального духа стала иконопись, о чем в свое время писал Е.Н. Трубецкой. Вместе с тем стоит признать, что формирование и функционирование национального мифа в основном реализуются через тексты.

В основе национального мифа, как правило, лежит некий «сакральный» текст, выполняющий функцию структурообразующего, смыслообразующего начала. Первый опыт самоопределения русского мира в пространстве и времени представлен в «Повести временных лет», где автором поставлена задача рассказать «откуда» и «как» пошла Русская земля. Здесь положено начало этномифу, определяющему место Руси среди других стран и народов, фиксирующему «начало» этнокультурной истории. Включение Руси в сакральную историю и топографию дается в соответствии с христианской традицией, образцом для построения картины мира является Библия.

Письменные источники средневековой культуры свидетельствовали о том, что Русь осознавала себя частью христианского мира, чем и предопределена ценностная разметка пространства. Разделение «своего» и «чужого» мира задано линией этноконфессиональной. Важнейшей составляющей в определении «своего» мира выступает вероисповедание, которое «роднит» народ, соединяет его. В христианском мире сакральным центром мира считался Иерусалим, в древнерусской литературе он обозначен словесным оборотом «среда земли».

По мнению исследователей, письменные источники указывают на то, что уже в XI в. можно найти начало формирования представлений о Киеве как о Новом Иерусалиме, центре православного, богоспасаемого мира. В ряде работ отмечено уподобление логики организации пространства Киева «праведному», сакральному пространству (Иерусалиму). В представлениях о богоизбранности земли исследователи видят отражение эсхатологической темы, доминирующей в древнерусской литературе и ставшей системообразующей для хронотопа культуры [10. С. 120–121, С. 131].

Русь, воспринявшая христианство через византийское влияние, выстраивала самоопределение в пространстве и времени через соотношение с «первоисточником» веры – Византией. Безусловно, Византия осознавалась культурным центром христианского мира, «предшественницей» во времени, тем не менее древнерусские письменные источники фиксируют не только ученичество, но и стремление к самостоятельности. Ю. Лотман отмечает, что уже в XI в. русские книжники утверждают богооткровенную природу русской грамоты и ее независимость от греческих образцов: «…русская грамота никем не явлена, а только самим Богом Вседержителем Отцом, и Сыном и Святым духом <…> А грамота русская явилась, Богом дана…» [11. С. 53].

Самоосмысление в пространственно-временном континууме насыщено историко-семантическим содержанием. Ю.М. Лотман обращает внимание на то, что противопоставление «своего» и «чужого» пространства в формирующемся историческом сознании шло по нескольким линиям. С одной стороны, включенность в христианский мир как в «свое» пространство диктовало восприятие мира кочевнического как «чужого». Вместе с тем взаимоотношения с Византией определялись не только преемственностью, но и логикой эмансипации. Наконец, сложную картину пространственного самоопределения дополняло противостояние между западной и восточной церковью [12. С. 223–224]. «Вероисповедальная настороженность» (В. Зеньковский) к Западу, которую Русь усвоила через византийское влияние, усилилась после принятой на Флорентийском соборе унии.

С падением Константинополя в православном мире заявляет о себе идея «странствующего царства». На русской почве она была представлена теорией «Москва – Третий Рим», ставшей формулой национального самосознания, основой национального мифа. Здесь сакральная топография соединяется с идеей об определенной миссии – предназначении во времени и Вечности. Концепция национальной самоидентификации оформляется под очевидным влиянием пророчества Даниила о четырех царствах. Идея единого царства, определяющая роль Москвы во вселенской истории, высказана иноком Филофеем в «Послании о неблагоприятных днях и часах», содержание которого посвящено в основном борьбе с суевериями и астрологией, что никак, казалось бы, не предполагало поворота к тематике исторической судьбы России. В завершении текста выговорена мысль, давшая начало оформлению национального мифа: «...все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, и это – российское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать» [13. С. 29–30].

Исторически одно царство уступает место другому, это означает, что божественное провидение проявляет себя в выборе народа, на который возлагается особая миссия. В.В. Зеньковский утверждал: «Именно отсюда (и только отсюда) надо выводить те учения о «всечеловеческом» призвании России, которые заполняют историософские построения первой половины XIX в. (продолжаясь, впрочем, у отдельных мыслителей до наших дней)» [14. С. 53]. Теория об историческом призвании русского государства имеет эсхатологическое звучание и возникает в атмосфере предчувствий и предсказаний о конце света. Время московского мифа – экстатическое, эсхатологическое, циклическое, возвращающееся в Вечность. Завершение сакральной истории возможно в сакральном месте. Тезис «Москва – Третий Рим» утверждал московскую Русь единственным «праведным» царством, что делало более жестким противопоставление «своего» и «чужого» мира-пространства. Антимирами «своего» пространства оказываются и Степь, и Запад. Осознавая себя преемницей византийского духа, русская культура унаследовала миссию защиты православного мира от западного христианства.

Родившийся в ситуации конкретных исторических обстоятельств, наложенный на сакральный текст миф «Москва – Третий Рим» дал начало саморефлексии русской культуры, позже он проявит себя в литературе, философском дискурсе, общественных дискуссиях последующих эпох. Первая национальная концепция самоосмысления имеет религиозные основания, вырастает из эсхатологического мифа и продуцирует этот миф. Эсхатологическое мирочувствование закрепляется в саморефлексии культуры как маркер национальной мифологии.

Историю культуры можно рассматривать как историю смены одной мифологической системы другой. Национальный миф, центральный в мифологической системе, представляет собой надысторическую структуру, которая вместе с тем наполняется конкретно-историческим содержанием. Ю.М. Лотман в истории русской культуры выделяет периоды доминирования «равновесной структуры» и эпохи бурной исторической динамики, характеризующиеся непредсказуемостью. В периоды равновесия культура в самоосмыслении склонна отводить себе центральное место в универсуме, а в динамические она помещает себя в пространстве семиотической и культурной периферии, культурный центр при этом воспринимается и как притягательный, и как потенциально враждебный [15. С. 54]. Именно это наблюдается в русской культуре при переходе от традиционного периода к новому. Меняется стратегия «своего-чужого» пространства, и определяется она противостоянием «старого» и «нового» времени. Это был период выхода русской культуры из времени-Вечности во время-историю. Московский эсхатологический миф уступал место петербургскому – государственному, имперскому; московское эсхатологическое время сменяется петербургским – историческим.

Петербургский миф также эсхатологичен, но это эсхатология другого порядка, определяемая свойствами Города как «своего-чужого» пространства, двойственного в аксиологическом плане, города на «краю» своей культуры, где «конец времен» совершается в историческом плане. Одной из основополагающих характеристик апокалиптики являются полярные версии эсхатологической роли четвертого царства: оно интерпретируется как царство антихриста

или как сила, удерживающая появление антихриста. Эта двойственность внятно проявляется в петербургском мифе. Если московский миф – о «завершении времен» в эсхатологической перспективе, то петербургский – о срыве, катастрофе в горизонте истории, но, вместе с тем, и о начале «нового времени», о новой истории. По мысли В.Н. Топорова, в саморефлексии русской культуры Петербург предстает как «иное царство» и одновременно как то место, «где национальное самосознание и самопознание достигло того предела, за которым открываются новые горизонты жизни, где русская культура справляла лучшие из своих триумфов…» [16. С. 260].

В соответствии с концепцией Ю.М. Лотмана, город как пространство может находиться в двояком отношении к окружающему его миру [17. С. 208–209]. Он может быть подобен храму, расположенному в центре города, т.е. некому сакральному Центру своего мира. Таким городом в национальной мифологии стала Москва. Но возможно и эксцентрическое его положение – вне «своего» мира, «на краю» культурного пространства, как мир, который еще предстоит создать и сделать «своим». Таким городом стал Петербург. «Петербургский миф», созданный огромным количеством художественных текстов и устной традицией, стал частью русского национального мифа. Новая культурная модель базировалась на сложном семиотическом комплексе «своего-чужого» пространства. «Чужое» выступает в этой модели аксиологически значимым, привлекательным. Европейское «окультуренное», упорядоченное пространство вступает здесь в противоречия с русским пространственным архетипом, «московским» пространством, «импортное» секулярное время – с христианским временем, включенным в божественную историю. «Сотворенный» на краю культурного пространства Город давал начало новой истории. Пространственная проблематика здесь перерастает в проблематику историософскую, имеющую своей задачей осмысление исторического бытия России и ее предназначения.

Век «ученичества» в истории России сменяется периодом зрелой культуры XIX в., способной к саморефлексии и критическому осмыслению «псевдоморфоза» (О. Шпенглер) петровской эпохи. Историческое самосознание народа формируется социальной и интеллектуальной элитой. В XIX в. сферой бытования национального мифа станут литература и философия. Становление русской философии («приход сознания в себя» Г. Флоровского) было связано с тем, что в этот период «умопостижение» России стало основной задачей общественной мысли, русский мир – проблемой для самого себя. Начало дискуссиям о «внутреннем смысле» русской истории было положено Чаадаевым. Его философская рефлексия фиксирует главную особенность эпохи – становление национального самосознания и связанную с этим потребность в осмыслении или конструировании собственной истории (настоящего, прошлого, будущего), которая в учении Чаадаева не лишена мифологизации. Но началось самоосмысление с «отходной», так обозначил эту ситуацию Г.В. Флоровский [18. С. 432], имея в виду пессимизм чаадаевского «Философического письма», где автор отказал России, русскому народу в истории. «Одна из самых печальных особенностей нашей своеобразной цивилизации состоит в том, что мы все еще открываем истины, ставшие избитыми в других странах. <…> Мы стоим как бы вне времени. <…> Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем, без прошедшего и без будущего. <…> Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы как будто чужие для самих себя. Мы так удивительно шествуем во времени, что по мере движения вперед пережитое пропадает для нас безвозвратно… Мы растем, но не созреваем, мы двигаемся вперед, но в косвенном направлении, т.е. по линии, не приводящей к цели», – пишет Чаадаев [19. С. 18, 21]. Чаадаев подчеркивает неисторичность, вневременность существования русского народа, его невключенность в мировые цивилизационные потоки, «неопределенность» в пространстве и времени. Вместе с тем в его творчестве Г.В. Флоровский увидел подлинную историософию национальной судьбы. Таким образом, национальный миф, получивший начало своего оформления в религиозной концепции, переходит в новую фазу своего бытования – историософскую. Но, чтобы понять логику Чаадаева, следует помнить, что его историософия во многом определена системой религиозных представлений. По мысли В. Зеньковского, суждения Чаадаева о специфике развития России стоят не в центре его учения, а являются логическим выводом из его общих идей в философии христианства. Своеобразие учения Чаадаева проявляется в теургическом восприятии и понимании истории, стремлении постичь «тайну времени», прикоснуться к священной мистерии, которая совершается под покровом внешних событий. Смысл истории, убежден Чаадаев, определен Провидением. Именно эта установка является «ключом» к пониманию его логики.

Философ настаивал на том, что христианское сознание не терпит «предрассудка национального», разъединяющего людей. Вместе с тем во всемирной истории, субъектом которой является человечество, Чаадаев видит особые пути различных народов. Тема «особенности» русской истории («русского пути») станет ключевой в историософском дискурсе, в русле которого продолжится формирование национального мифа. По мысли философа, у русского народа пока еще не было зрелого понимания собственной истории («…мы никогда еще не рассматривали нашу историю с философской точки зрения»), как не было, собственно, и самой истории, так как настоящая история народа начинается тогда, «когда он проникнется идеей, которая ему доверена и которую он призван осуществить, и когда он начнет выполнять ее…» [20. С. 148, 145]. Каждый народ имеет миссию, которая определена Провидением, исполнение этой миссии и есть подлинная история, считает Чаадаев. Историческое бытие народов предполагает осознание ими тех судеб, которые они призваны выполнить. Такая задача предстала и перед Россией.

В историческом «запаздывании» русского народа Чаадаев видит определенную логику: «Я полагаю, что

мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия…» [20. С. 150]. Задача самоосмысления народа в истории мировой (во времени) увязывается им с необходимостью самоопределения в Божественной истории – Вечности. В этом проявится общая установка русской религиозной философии. Чаадаев задает не только историческую (временную), но и пространственную проблематику национального мифа: «Есть один факт, который властно господствует над нашим многовековым историческим движением, который красной нитью проходит через всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю ее философию, который проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет их характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной причиной нашего умственного бессилия – факт географический» [Там же. С. 154]. Так «пространственный» фактор становится у Чаадаева основой для определения специфики исторического развития: время-история оказывается во власти пространства. Но эту «особенность» нельзя рассматривать как пространственный детерминизм, так как исходным в его учении является понимание истории как раскрытия Божественного промысла.

Тема «власти пространств» над русской душой (Н. Бердяев), роли фактора географического в судьбе, истории, культуре России станет впоследствии важнейшей составляющей национального мифа. Пространство в русской культуре осознается как беспредельное, сопротивляющееся форме. Это пространство неорганизованное, «потенциальное», непохожее на «окультуренное», организованное европейское. «Мистика» русского пространства, пространственной беспредельности ярче всего будет прочувствована и выражена Н. Гоголем.

В историософских построениях находит отражение специфическое «чувство» времени, на котором базируется самосознание народа. В русской философии XIX в. можно выделить две линии: одна делает акцент на своеобразии национальной судьбы, другая, признавая это своеобразие, не видит смысла его определения без признания целостности, универсальности исторического процесса. В соответствии с этими линиями формируется «текст» национального мифа. Традиция универсализма идет от учения Чаадаева. Она будет подхвачена славянофилами, Ф. Достоевским, В. Соловьевым, Н. Бердяевым и др. «Смысл» истории в этом случае может быть постигнут только во всемирном ее измерении, поэтому вопрос «…есть ли в мире единый лик России?» всегда соединяется с другим: «Что значит для мира выражение этого лика?» [21. С. 113]. Бытие нации здесь рассматривается в перспективе мировой истории. Особенностью видения «судьбы» России для этого направления станет то, что историческое время осознается подчиненным сакральному смыслу истории – возвращающимся в Вечность.

Представителем другого направления являлся Н.Я. Данилевский. Его книга «Россия и Европа» имела подзаголовок «Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к германо-романскому», который и определял задачу автора – обосновать славянский культурно-исторический тип. «Тайный смысл» времени, замысел истории не привлекают Данилевского. Его понимание «миссии» славянского культурного типа имеет скорее пространственное, чем историческое обоснование, тяготеет скорее к «горизонтали», чем к «вертикали». Идея доминирования пространственной координаты над временной, детерминированности времени (истории) пространством будет подхвачена евразийцами, в учении которых «логика пространства» станет определяющей для национальной самоидентификации.

В концепциях, связывающих историческую судьбу России с «завершением времен», эсхатологический компонент представлен в разной степени интенсивности: апокалипсических настроений нет в гармоничной славянофильской доктрине, в их ожидании «нового эона»; для философских построений рубежа XIX–XX вв. катастрофические предчувствия «срыва» истории, эсхатологические ожидания составят основу представлений о национальном начале, о предназначении русского народа.

Рубежная эпоха конца XIX – начала XX в. ознаменовалась стремлением русской культуры постичь «тайну связи» двух миров: подчиненного времени и абсолютного, временного и вневременного. Национальный миф выстраивается в линиях этой основной коллизии. Хилиастические и эсхатологические утопии, получившие широкое распространение в порубежную эпоху, создавали сюжет «преображения» мира в планетарном, вселенском масштабе, сюжет творческого прорыва из истории в «сверхисторию». Вершины своего оформления в религиозно-философской рефлексии национальный миф достигает в концепте «русская идея», в представлении о миссии России в деле «всемирного общечеловеческого единения» (Ф. Достоевский), реализуемого в сверхистории, в эсхатологической перспективе.

Всплеск интереса к проблеме национальной идентичности возникает в кризисные, переходные периоды. Заданный русской литературой и философией, репрезентуемый сюжетами «сакральной топографии» и историософии, национальный миф оказывается в поле внимания современного гуманитарного знания. Его современный «текст» представлен в разных измерениях: национально-государственном, национально-культурном, геополитическом. Проблема определения национальной и цивилизационной идентичности возвращает современных исследователей к отечественной интеллектуальной традиции, к узнаваемым мифологемам и сюжетам. В одном случае они ресемантизируются в соответствии с современным социокультурным контекстом (и, довольно часто, в соответствии с идеологической позицией автора), в другом наблюдается стремление отмежеваться от них как от устаревших схем, препятствующих развитию.

Проблематика самоопределения современной России в пространстве и времени стала основанием для появления «новой историософии», заявленной рядом

политико-идеологизированных концепций [22]. В современных исследованиях есть представления о России как центре (новоевразийство, почвенничество), периферии (И.Г. Яковенко, А.А. Пелипенко), «пограничье» (Я.Г. Шемякин, В.Л. Цымбурский). Дискуссии о «судьбах России» возвращают исследователей к идее «особенности» русского исторического процесса. «Особенность» получает разные коннотации, определенные взглядами авторов. Для одних она – условие самосохранения нации (А.Г. Дугин), для других – «неправильность», до сих пор не позволяющая войти в состав «правильной», европейской цивилизации (И.Г. Яковенко, А.А. Пелипенко). Есть и более резкие суждения, отрицающие саму «особенность»: «…я не считаю, что в России сложилась какая-то особая цивилизация. Скорее мы имеем здесь дело с неким неорганичным восточно-западным межцивилизационным гибридом, собственного качества лишенным» [23. С. 91].

В современных исследованиях широко применяется цивилизационый подход, в этом случае национальное инкорпорировано в цивилизационное. Признаваемые «особенности» пространственно-временных характеристик российской цивилизации выступают основанием для определения логики ее развития. Я.Г. Шемякин разделяет «пограничные» цивилизации, в которых пространство доминирует над временем, и «классические», где более значимы временные основания. Для цивилизационного самосознания России, которая отнесена автором к «пограничным» цивилизациям, характерно, по утверждению Шемякина, представление о беспредельности, безмерности, анормативности пространства, что формирует определенный ментальный склад русской нации – стремление к постоянному переходу через границу меры и нарушение нормативности, свойственной европейской цивилизации [24. С. 96–114]. Таким образом, пространственность, определяющая культурно-национальную самобытность, противоречит стратегии историчности, свойственной «классическим» цивилизациям.

Пространственно-временное самоопределение в современных дискуссиях идет в соответствии с основной линией «главного русского спора» – сравнением России с Европой с использованием известных базовых мифологем и понятий, которые оказываются искусственно включенными в современный контекст, так как порождены иными культурными, историческими обстоятельствами. В современной ситуации апелляция к идеям и образам, созданным другой эпохой, другими общественными запросами, предстают, говоря словами Чаадаева, как «странные фантазии», «ретроспективные утопии», «мечты о невозможном будущем» («Апология сумасшедшего»).

Социокультурные процессы постсоветской России сопровождались переосмыслением истории, стремлением объяснить прошлое с позиции изменившегося настоящего. Наиболее адекватным выражением пространственно-временной неопределенности стал отечественный постмодернизм. Отказ от метаповествований, фрагментарное видение истории свойственны постмодернизму в целом. В российском же варианте эта установка совпадает с ситуацией изменения хронотопа бытия народа. В произведениях В. Пьецуха, В. Шарова, В. Пелевина, В. Сорокина и других писателей феномен «сбоя» времени стал основанием для переосмысления истории в стилистике игровой полисемантики. Постмодернистские «игры» с пространством и временем создают свой вариант «национального мифа», характеризующийся путаностью темпоральностей, пространственной неопределенностью, ризоматическим дрейфом смыслов. Национальный миф распадается сегодня на мифы политические, социальные, сконструированные исторические.

Вместе с тем в истории любого народа существуют «вершинные» события, некие точки национального консенсуса, объединяющие «разрывную» историю. Нация «помнит» себя в таких событиях, позволяющих консолидироваться вокруг «священной» памяти. Именно это является основанием для постоянного восстановления национального мифа как «скрепы» идентичности и обновления его пространственно-временных характеристик, наполняющихся новым семантическим содержанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кассирер Э.* Техника современных политических мифов // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1990. С. 58–65.
2. *Шеллинг Ф.* Историко-критическое введение в философию мифологии. URL: gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/index.php
3. *Киреевский И.В.* Критика и эстетика. М. : Искусство, 1998. 463 с.
4. *Галанина Е.В.* Поиск национального мифа в постсоветском культурном пространстве России. URL:: rudocs.exdat.com/docs/index-271916.html
5. *Цуладзе А.* Политическая мифология. М. : Эскмо, 2003. URL: http //do.gendocs.ru/docs/index-9269.html
6. *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление (1923–1929. URL: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/ z0000755/ index.shtml
7. *Почепцов Г.* Имиджелогия. Москва : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 2001. 698 с.
8. *Данилов Д.* Миф о придуманном мифе. URL: www.http // pravaya.ru/look/16442
9. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Космо-психо-логос. М. : Прогресс, 1995. 480 с.
10. *Данилевский И.Н.* Восприятие пространства и времени в Древней Руси // Уранос и Кронос. Хронотоп человеческого мира / под ред. И.Т. Касавина. М. : РТ – Пресс, 2001. 260 с.
11. *Лотман Ю.М.* Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении / История и типология русской культуры. СПб. : Искусство–СПБ, 2002. 768 с.
12. *Лотман Ю.М.* «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской литературе преимущественно допетровского периода // История и типология русской культуры. СПб. : Искусство–СПБ, 2002. 768 с.
13. *Послание* о неблагоприятных днях и часах / Русская идея : сб. произведений русских мыслителей / сост. Е.А. Васильев; предисловие А.В. Гулыги. М. : Айрис-пресс, 2002. 512 с.
14. *Зеньковский В.В.* История русской философии : в 2 т. Ростов н/Д: Феникс, 1999. Т. 1. 544 с.

15. *Лотман Ю.М.* Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении / История и типология русской культуры. СПб. : Искусство – СПБ, 2002. 768 с.
16. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифоэпического: Избранное. М. : Прогресс – Культура, 1995. 624 с.
17. *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // История и типология русской культуры. СПб. : Искусство–СПБ, 2002. 768 с.
18. *Флоровский Г.В.* О народах не-исторических // Из прошлого русской мысли. М. : Аграф, 1998. 432 с.
19. *Чаадаев П.Я.* Философические письма // Сочинения. М. : Правда, 1989. 655 с.
20. *Чаадаев П.Я.* Апология сумасшедшего // Сочинения. М. : Правда, 1989. 655 с.
21. *Бердяев Н.А.* Проблема национальности. Восток и Запад // Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М. : Мысль, 1990. 206 с.
22. *Зверева Г.И.* Цивилизационная специфика России: дискурсный анализ «новой историософии» // Общественные науки и современность. 2003. № 4. С. 98–113.
23. *Россия:* социокультурные ограничения модернизации («круглый стол») // Общественные науки и современность. 2007. № 5. С. 87–103.
24. *Шемякин Я.Г.* Отличительные особенности «пограничных» цивилизаций (Латинская Америка и Россия в сравнительно-историческом освещении) // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 96–114.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 12 мая 2015 г.

SPATIOTEMPORAL BASES OF THE RUSSIAN NATIONAL MYTH

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 91–98. DOI: 10.17223/15617793/397/15

Krasilnikova Marina B. Polzunov Altai State Technical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: krasilnikovamb@mail.ru

Keywords: Russian culture; myth; national myth; archetype; space and time in culture.

Each culture has its own mythology which develops in certain circumstances under the influence of historical, natural and religious factors. National myth has a special place in mythology. It manifests itself throughout the history of culture being the basis of national and cultural identity. The history of culture can be represented through successive mythological systems which at the same time preserve the semantic "vertical". National myth is central in these systems. It determines the beginning of the formation of nation, the vector of its development (historical path), the purpose and meaning in world history, it is a means of collective self-identification. The customary imagery system making up the structural basis of national myth comprises the concepts of space and time. National identity is realized through the space-time component of culture which includes sacred topography, comprehensions of "friend or foe" space and temporal experience (ideas of time). The subject of the article is the spatiotemporal basis of Russian national myth. Specific perception of time and space of a culture can be regarded as one of the most important factors determining the customary imagery system of national myth. The author believes it is possible to trace the transformation of national myth in the sociocultural dynamics on the basis of the analysis of its spatiotemporal complex, find out the most important stages of its development. This article presents religious, secular (new temporal), historiosophical and modern stages. And even if transitional or crisis eras actualize the problems of national identity, it must be admitted that national myth asserts itself both in stationary and "breaking" eras. The article analyses the origins of Russian national myth, its appearance on the basis of "sacred" texts early in the process of self-identification of the nation and examines its transformation during the traditional culture changes, its new temporal and historiosophical period, its modern period of semantic development.

REFERENCES

1. Cassirer, E. (1990) Tekhnika sovremennykh politicheskikh mifov [Technique of modern political myths]. *Vestnik MGU. Ser. 7. Filosofiya*. 2. pp. 58–65.
2. Schelling, F. (n.d.) *Istoriko-kriticheskoe vvedenie v filosofiyu mifologii* [Historical and critical introduction to the philosophy of mythology]. [Online]. Available from: gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/index.php.
3. Kireevskiy, I.V. (1998) *Kritika i estetika* [Criticism and Aesthetics]. Moscow: Iskusstvo.
4. Galanina, E.V. (n.d.) *Poisk natsional'nogo mifa v postsovetskom kul'turnom prostranstve Rossii* [Search of the national myth in the post-Soviet Russian cultural space]. [Online]. Available from: rudocs.exdat.com/docs/index-271916.html.
5. Tsuladze, A. (2003) *Politicheskaya mifologiya* [Political Mythology]. Moscow: Eskmo. [Online]. Available from: http //do.gendocs.ru/docs/index-9269.html.
6. Cassirer, E. (n.d.) *Filosofiya simvolicheskikh form* [Philosophy of symbolic forms]. V. 2. *Mifologicheskoe myshlenie (1923–1929)* [Mythological thinking (1923–1929)]. [Online]. Available from: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/ z0000755/ index.shtml.
7. Pocheptsov, G. (2001) *Imidzhelogiya* [Imageology]. Moscow: Refl-buk; Kiev: Vakler.
8. Danilov, D. (2008) *Mif o pridumannom mife* [Myth about a myth invented]. [Online]. Available from: www.http // pravaya.ru/look/16442.
9. Gachev, G.D. (1995) *Natsional'nye obrazy mira. Kosmo-psikho-logos* [National images of the world. Cosmo-psycho-logo]. Moscow: Progress.
10. Danilevskiy, I.N. (2001) Vospriyatie prostranstva i vremeni v Drevney Rusi [The perception of space and time in ancient Russia]. In: Kasavin, I.T. (ed.) *Uranos i Kronos. Khronotop chelovecheskogo mira* [Ouranos and Kronos. Chronotope of the human world]. Moscow: RT – Press.
11. Lotman, Yu.M. (2002) Problema vizantiyskogo vliyaniya na russkuyu kul'turu v tipologicheskom osveshchenii [The problem of Byzantine influence on Russian culture typologically]. In: Lotman, Yu.M. *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [History and typology of Russian culture]. St. Petersburg: Iskusstvo–SPB.
12. Lotman, Yu.M. (2002) "Izgoy" i "izgoynichestvo" kak sotsial'no-psikhologicheskaya pozitsiya v russkoy literature preimushchestvenno dopetrovskogo perioda ["Cast Away" as a socio-psychological position in the Russian literature of largely the pre-Peter period]. In: Lotman, Yu.M. *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [History and typology of Russian culture]. St. Petersburg: Iskusstvo–SPB.
13. Philotheus. (2002) Poslanie o neblagopriyatnykh dnyakh i chasakh [The message of the adverse days and hours]. In: Vasil'ev, E.A. R*usskaya ideya : sb. proizvedeniy russkikh mysliteley* [Russian idea: works of Russian thinkers]. Moscow: Ayris-press.
14. Zen'kovskiy, V.V. (1999) *Istoriya russkoy filosofii* [The history of Russian philosophy]. V. 1. Rostov-on-Don: Feniks.
15. Lotman, Yu.M. (2002) Problema vizantiyskogo vliyaniya na russkuyu kul'turu v tipologicheskom osveshchenii [The problem of Byzantine influence on Russian culture typologically]. In: Lotman, Yu.M. *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [History and typology of Russian culture]. St. Petersburg: Iskusstvo–SPB.
16. Toporov, V.N. (1995) *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifoepicheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in mythoephics: Selected Works]. Moscow: Progress – Kul'tura.
17. Lotman, Yu.M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda [Symbols of St. Petersburg and the problems of city semiotics]. In: Lotman, Yu.M. *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [History and typology of Russian culture]. St. Petersburg: Iskusstvo–SPB.

18. Florovskiy, G.V. (1998) O narodakh ne-istoricheskikh [About non-historical nations]. In: Florovskiy, G.V. *Iz proshlogo russkoy mysli* [From the past of the Russian thought]. Moscow: Agraf.
19. Chaadaev, P.Ya. (1989) Filosoficheskie pis'ma [Philosophical Letters]. In: Chaadaev, P.Ya. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Pravda.
20. Chaadaev, P.Ya. (1989) Apologiya sumasshedshego [Apology of a Madman]. In: Chaadaev, P.Ya. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Pravda.
21. Berdyaev, N.A. (1990) Problema natsional'nosti. Vostok i Zapad [The problem of nationality. East and West]. In: Berdyaev, N.A. *Sud'ba Rossii. Opyty po psikhologii voyny i natsional'nosti* [The fate of Russia. The experience on the psychology of war and nationality]. Moscow: Mysl'.
22. Zvereva, G.I. (2003) Tsivilizatsionnaya spetsifika Rossii: diskursnyy analiz "novoy istoriosofii" [Civilizational specificity of Russia: discourse analysis of the "new philosophy of history"]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 4. pp. 98–113.
23. Round Table. (2007) Rossiya: sotsiokul'turnye ogranicheniya modernizatsii [Russia: socio-cultural constraints of modernization]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 5. pp. 87–103.
24. Shemyakin, Ya.G. (2000) Otlichitel'nye osobennosti "pogranichnykh" tsivilizatsiy (Latinskaya Amerika i Rossiya v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii) [Features of "border" civilizations (Latin America and Russia in comparative historical light)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 3. pp. 96–114.

Received: 12 May 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 99–107. DOI: 10.17223/15617793/397/16

УДК 027.52 (571.16)

Е.А. Масяйкина

ФОРМИРОВАНИЕ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ В МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЕЛЬСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИБЛИОТЕК ВЕРХНЕКЕТСКОГО, ТЕГУЛЬДЕТСКОГО И ЧАИНСКОГО РАЙОНОВ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Статья посвящена изучению деятельности сельских библиотек Томской области по формированию краеведческой культуры читателей. Исследованы междисциплинарные аспекты краеведения в структуре базисной культуры личности. Показано значение краеведческого образования и воспитания в контексте формирования личности. Приведены особенности формирования краеведческих фондов сельских библиотек традиционными и электронными документами. Рассмотрены направления, формы и результаты краеведческой библиотечной деятельности в соответствии с направлениями формирования базисной культуры личности.

Ключевые слова: сельские библиотеки; Томская область; краеведение; базисная культура личности; краеведческое образование; краеведческая культура.

Современное общество, важнейшими характеристиками которого являются как поликультурность и тенденция к глобализации, так и сохранение самобытности культуры локальных этнических групп, нуждается в формировании личности нового социокультурного типа. Культурологическая подготовка современного гражданина предполагает развитие личностно-ориентированного отношения к действительности; ее главный показатель – уровень сформированности гармоничной личности, ее духовности, интеллектуально-нравственной свободы, творческой индивидуальности, социальной активности. Идеальный тип личности настоящего и ближайшего будущего в современных исследованиях представляется следующим образом: это самостоятельный, предприимчивый, ответственный, коммуникабельный, толерантный человек, способный видеть и решать проблемы автономно, а также в группах, готовый и способный постоянно учиться новому в жизни и на рабочем месте, самостоятельно и при помощи других находить и применять нужную информацию, работать в команде. Общекультурная компетентность личности предполагает знание особенностей национальной и общечеловеческой культуры, духовно-нравственных основ жизни человека и человечества, отдельных народов, а также культурологических основ семейных, социальных явлений и традиций, влияния науки и религии на человека и мир в целом. Культурологическая компетентность возникает как следствие формирования базисной культуры личности.

Базисная культура личности – это фундаментальные свойства и качества личности, позволяющие индивиду развиваться гармонично и в согласии с той культурой, в которой он живет, не вступая с ней в противоречие, а внося посильный вклад в ее развитие. Базисная культура личности включает в себя: культуру жизненного самоопределения и семейных отношений; экономическую, политическую, правовую, экологическую, бытовую и нравственную культуру; интеллектуальную, художественную и физическую культуру; культуру межнационального общения и труда [1]. Данное понятие является одним из центральных в культурологической парадигме развития личности XXI в. Оно направлено на формирование базовых оснований (знаний, навыков, отношений) той культурной среды, в которой люди родились, живут и будут жить.

В контексте данного исследования представляется оправданным показать значение краеведческой деятельности в формировании базисной культуры личности. Академик Д.С. Лихачев высоко оценивал краеведение в культурологическом контексте, отмечая, что «краеведение оценивает значительность происходящих на данной территории событий и связанных с этой территорией людей, ценность архитектурных и археологических памятников, красоту пейзажей, редкость и важность природных данных. С этой точки зрения, “моральная отдача” краеведения, его культурообразующая и воспитательная роль исключительно велика» [2]. Понятие «краеведение» трактуется в современной справочной литературе как изучение природы, населения, хозяйства, истории и культуры какой-либо части страны, административного или природного района, населенных пунктов, осуществляемое главным образом силами местного населения [3].

Таким образом, мы видим, что краеведение является междисциплинарным понятием и прослеживается практически во всех аспектах базисной культуры личности. Так, *нравственная культура* предполагает формирование гуманистической морали, культуры общения, отношений повседневного морального поведения не только к Родине и государству в целом, но и к своей малой родине, объекту эмоциональной привязанности конкретного человека. *Гражданская культура* требует знания и выполнения гражданских обязанностей и долга, разумного использования своих гражданских прав, соблюдения законов не только государства в целом, но и того региона, где человек живет и работает. *Культура межнационального общения* представляет собой совокупность специальных знаний и действий, проявляющихся в межличностных контактах и взаимодействии представителей различных этнических общностей, позволяющих быстро и безболезненно достигать взаимопонимания и согласия в общих интересах. *Экономическая культура* включает в себя формирование знаний, потребностей, инте-

ресов и стиля мышления, соответствующих природе, принципам и нормам рационального хозяйствования и организации производства, распределения и потребления как на уровне государства, так и своего региона в частности. Также необходимы знания основных законов рыночной экономики, умение осмысливать явления экономической жизни и понимание экономической специфики конкретной территории, определяющие возможность внести личный вклад в ее развитие. *Трудовая культура* проявляется в развитии общетрудовых умений и способностей, психологической готовности к труду, в сознательном выборе профессии, востребованной и актуальной в той местности, где человек планирует жить. *Экологическая культура* предполагает формирование системы знаний о природе своего края, гуманного ответственного отношения к ней как к национальной и общечеловеческой ценности, готовности к природоохранительной деятельности, а также бережного личного отношения к местной природе, любви к ней, умения наслаждаться ее красотой. *Художественная культура* личности определяется формированием на общемировом и региональном материалах потребности в высоких культурных и духовных ценностях и в их дальнейшем обогащении, развитии творческих способностей; также предполагается знание образцов местного литературного и художественного творчества, знакомство с их авторами – своими земляками. *Культура семейных отношений* – это совокупность знаний, представлений, ценностей и традиций устройства семьи и взаимоотношений в ней, понимание ее назначения и функций, умение выстроить гуманные и гармоничные семейные отношения. Данный элемент общей культуры формируется прежде всего на примере позитивных образцов семейной жизни, входящих в ближнее социальное окружение личности: своих знакомых, соседей, родственников.

В процессе исследования мы опираемся на рабочее понятие «краеведческой культуры личности», сформированное нами на базе общепринятых понятий «базисная культура личности» и «краеведение» и определяющее фундаментальные личностные свойства, позволяющие человеку гармонично развиваться в рамках территориально ограниченной социально-культурной среды, изучая ее специфику, формируя эмоционально положительное отношение к ней, внося посильный вклад в развитие и процветание своего края. Понятие «краеведческая культура», таким образом, является обобщающим и включает краеведческие аспекты гражданской, нравственной, экономической, трудовой, семейной, художественной, интеллектуальной культуры, составляющие структуру базисной культуры личности.

Задачи формирования краеведческой культуры реализуются в процессе краеведческого образования. Понятие «краеведческое образование» всесторонне рассмотрено в трудах Г.П. Пирожкова и трактуется им как «совокупность систематизированных знаний и навыков, полученных в результате обучения краеведению; процесс развития и саморазвития личности, связанный с овладением социально значимым опытом, накопленным жителями отдельных территорий страны, воплощенным в знаниях, умениях, творческой деятельности и эмоционально-ценностном отношении к природе, человеческому сообществу, государству в лице местных властных структур; необходимое условие сохранения и развития материальной и духовной культуры». Автор также оперирует понятием «краеведческая культура», понимая его как «совокупность достижений человеческого сообщества определенного края» [4]. Краеведческое образование, в свою очередь, включает в себя процессы обучения, т.е. «совместную деятельность учителя и учащихся, в ходе которой осуществляются целенаправленная передача общественно-исторического опыта, формирование и развитие личности» [5] и воспитания, традиционно понимаемого как «целенаправленное развитие человека, включающее освоение культуры, ценностей и норм общества» [6].

Краеведческую культуру личности в современном обществе формируют различные социальные институты. Прежде всего это – учреждения системы образования, к которым относятся дошкольные и школьные организации, средние специальные учебные заведения, учреждения высшего и послевузовского, основного и дополнительного образования. Помимо этого, большое влияние на личность оказывает семья, изучение семейной истории в контексте развития государства и своего края. И, наконец, важнейшее значение имеет деятельность учреждений сферы культуры – музеев, клубов и библиотек.

Библиотека является информационным центром, хранилищем, организатором краеведческой деятельности региона. Одна из ее основных задач – формирование, хранение и предоставление пользователям массивов документов в традиционной и электронной форме, содержащих сведения по истории и современному состоянию своего региона. Библиотеки традиционно ведут как просветительскую работу, популяризируя культурное наследие края, так и научно-информационную деятельность, обеспечивая информационное и библиографическое сопровождение территориальных народнохозяйственных, научных, воспитательных и других программ, выявляя, изучая и упорядочивая местные краеведческие ресурсы. Библиотечное краеведение стремится к духовно-культурной интеграции всех категорий читателей, что опосредованно способствует понижению социокультурной и политической напряженности в регионе, обеспечивает устойчивость и относительную гармонию духовного единства и возможностей взаимодействия населения.

Организуя краеведческую деятельность, библиотека основывается на различном уровне сформированности краеведческой культуры читателей. В практике работы выделяются следующие уровни: нулевой (отсутствие практических и теоретических знаний о крае); эмпирический (наличие практических, житейских познаний о местности); теоретический (сформированы лишь теоретические понятия о специфике данного региона); теоретико-эмпирический (предполагающий сочетание и взаимодействие теоретических и эмпирических знаний о крае) [7. С. 172–173].

Организации краеведческой деятельности библиотек посвящено значительное количество литературы. Наиболее актуальными можно назвать труды И.И. Михлиной «Краеведческая библиография в системе российской библиографии: теоретические основания» (Краснодар, 2003), А.Н. Масловой «Краеведение и библиотека» (СПб., 2010), а также работы регионального уровня, например Г.А. Володиной «Краеведение в современной библиотеке» (2009), Е.В. Бейлиной «Краеведческая работа библиотек. Региональные программы», Г.Н. Захаровой «Трансформация краеведческой деятельности библиотек Белгородчины в условиях социально-экономических реформ». Особенности краеведческой деятельности в условиях детской библиотеки исследует Т.Н. Сомова в диссертации «Детская библиотека: специфика краеведческой деятельности» (М., 2003). Результатом теоретического осмысления стал терминологический словарь «Библиотечное краеведение», составленный В.С. Крейденко и А.В. Мамонтовым (СПб., 1998). Актуальные проблемы библиотечного краеведения обсуждаются на конференциях различного уровня, в частности на ежегодных заседаниях секции «Краеведение в современных библиотеках» в рамках конференций Российской библиотечной ассоциации (РБА), а также Межрегиональном научно-практическом семинаре «Библиотечное краеведение в мегаполисе» (М., 2014), региональном вебинаре «Проблемы краеведческой деятельности современных библиотек» (СПб., 2014), XVIII Международной краеведческой конференции (Владимир, 2013), Всероссийском научно-практическом семинаре «Краеведение в детской библиотеке» (Архангельск, 2012) и др.

Особенное значение краеведческая деятельность приобретает в сельских библиотеках, являющихся одним из немногих общедоступных бесплатных социальных институтов малых территорий, занимающихся сбором, упорядочиванием и предоставлением информации об истории и современном состоянии соответствующей местности. Предметом исследования данной статьи является деятельность сельских библиотек Томской области по формированию краеведческой культуры личности. Территориальные границы исследования включают Верхнекетский, Тегульдетский и Чаинский районы, что определяется сферой научных интересов кафедры библиотечно-информационной деятельности Института искусств и культуры Томского государственного университета. Источниковой базой исследования являются материалы библиотечных сайтов, аналитические отчеты о деятельности библиотек за 2011–2014 гг., представляющие актуальную информацию о современном состоянии и направлениях библиотечной работы.

Краеведческая деятельность сельских библиотек регламентируется организационно-методическими документами международного, федерального и регионального уровней. Так, Руководство Международной федерации библиотечных ассоциаций (ИФЛА) гласит, что «публичная библиотека (в число которых входят и муниципальные сельские библиотеки) должна быть одним из главных учреждений местного сообщества по сбору, хранению и популяризации достижений местной культуры во всем ее многообразии. Это может быть достигнуто самыми разными способами, например путем сбора и хранения местных исторических документов, организации выставок, вечеров воспоминаний. Эффективными методами также являются публикация материалов, интересующих местное население, проведение культурно-просветительских программ, освещающих местную тематику» [8. С. 21]. Конкретизирует данные положения «Руководство по краеведческой деятельности муниципальных публичных библиотек», принятое РБА в 2005 г., в котором определены цели краеведческой библиотечной деятельности: обеспечение доступности краеведческих информационных ресурсов, распространение краеведческих знаний, формирование и развитие краеведческих информационных потребностей. В документе также отмечается, что работа с краеведческими документами создает основу для использования краеведческих знаний в современной практической, научной, образовательной, общественной деятельности; формирует документную базу для будущих исторических исследований. Работа по выявлению, собиранию, хранению и библиографическому отражению местных изданий служит целям создания репертуара местной печати, создает источниковую базу для краеведческой деятельности [9]. Закон «О библиотечном деле и обязательном экземпляре документов в Томской области» утверждает порядок пополнения библиотечных фондов местными изданиями, являющимися источниковой базой для осуществления краеведческой деятельности [10]. Организацию проектных краеведческих работ, нацеленных на получение муниципальными библиотеками поддержки из областного бюджета, рассматривает Государственная программа Томской области «Развитие культуры в Томской области на 2013–2017 гг.» [11].

Методическое руководство краеведческой деятельностью сельских библиотек осуществляет Томская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина (ТОУНБ). Результаты и опыт работы сельских библиотекарей в сфере краеведения находят свое частичное отражение в продолжающемся издании «Панорама библиотечной жизни Томской области» (2004–2014 гг.). Сборники практического опыта, методические разработки различных мероприятий, проведенных на региональном материале и отражающих краеведческие аспекты, издаются также на базе Томской областной детско-юношеской библиотеки по итогам областных тематических научно-практических конференций и семинаров (в частности таких, как «Непрерывное экологическое образование: проблемы и перспективы», «Формирование духовности и патриотизма в молодежной среде», «Создание эффективных инструментов позиционирования библиотек» и др.) [12]. Отдельные аспекты краеведческой деятельности сельских библиотек Томской области рассмотрены в трудах сотрудников кафедры библиотечно-информационной деятельности Томского государственного университета К.А. Кузоро [13], Е.А. Масяйкиной [14].

Краеведческая деятельность реализуется на основе специализированного библиотечного фонда, представляющего собой «упорядоченное множество документов, связанных с краем по содержанию и происхождению, многоаспектно отраженных в справочно-поисковом аппарате библиотеки» [15. С. 43–44]. Видовой состав краеведческого фонда сельской библиотеки достаточно разнообразен и включает книги, брошюры, периодические и продолжающиеся издания, карты и атласы, плакаты и открытки, электронные документы, а также собственные издания. Объем фондов краеведческих документов, как правило, относительно невелик и составляет в процентном отношении 1,1–1,6 от общего фонда библиотеки (табл. 1) [16–27].

Объем краеведческих фондов сельских библиотек Томской области в 2011–2014 гг.

Районы Томской области	2011 г.		2012 г.		2013 г.		2014 г.	
	Краеведческий фонд библиотеки, экз.	% от общего фонда	Краеведческий фонд библиотеки, экз.	% от общего фонда	Краеведческий фонд библиотеки, экз.	% от общего фонда	Краеведческий фонд библиотеки, экз.	% от общего фонда
Верхнекетский	1 812	1,1	1 826	1,2	1 826	1,4	1 831	1,3
Тегульдетский	1 024	0,9	1 047	1,1	1 061	1,1	1 097	1,1
Чаинский	2 625	1,4	2 712	1,5	2 768	1,6	2 802	1,6

Анализируя динамику развития фондов исследуемых библиотек, мы видим, что в процентном отношении доля краеведческого фонда либо стабильно невысока, либо имеет тенденцию к снижению. Данная ситуация обусловлена различными факторами: недостаточным ассортиментом научно-популярных, литературно-художественных, информационных изданий, посвященных районам и населенным пунктам Томской области и соответствующих профилю фондов сельских библиотек; высокой стоимостью предлагаемых изданий. Тем не менее читательский спрос на краеведческие издания является традиционно высоким. Это связано как с популярностью любительского краеведения среди жителей районов, так и с включением регионального компонента в федеральные образовательные стандарты, что привело к многоаспектному изучению в школах, техникумах и вузах материалов по истории и современному состоянию своего края. Данные обстоятельства активно стимулируют развитие читательских запросов краеведческой тематики, выполняемых с помощью краеведческих информационных ресурсов, формируемых сельскими библиотеками. Так, в библиотеках Чаинского района читателям предлагаются разнообразные ресурсы, такие как электронный краеведческий каталог, раздел фактографической краеведческой информации на сайте библиотеки [28], фонд традиционных и мультимедийных справочно-библиографических изданий, содержащих сведения о Томской области, Чаинском районе и отдельных сельских поселениях. Особым вниманием читателей пользуются ресурсы, генерируемые непосредственно библиотеками, например полнотекстовая база данных «Исток», виртуальные и традиционные выставки фотографий, посвященных истории района, тематические традиционные и электронные пресс-папки [26]. Реализация краеведческих читательских запросов осуществляется посредством библиотечно-информационных услуг. Прежде всего это традиционное выполнение устных и письменных запросов, индивидуальные и групповые консультации по методике поиска краеведческой информации в библиотеках, а также оперативное информирование читателей о новых поступлениях краеведческих документов. Эффективной услугой является издание библиотеками собственной краеведческой информационной продукции: библиографических указателей, календарей знаменательных дат, литературно-художественных сборников. Особенной популярностью среди пользователей сельских библиотек пользуются культурно-просветительские мероприятия краеведческой тематической направленности.

Детальный анализ планово-отчетной библиотечной документации показывает, что краеведческая деятельность сельской библиотеки является многоаспектной и охватывает практически все направления формирования базисной культуры личности, реализуя их на региональном материале.

Деятельность сельских библиотек по изучению особенностей своего региона традиционно реализуется в следующих направлениях: историческое, литературное и экологическое краеведение, что соответствует формированию соответствующих аспектов базовой культуры личности.

Историческое краеведение представляет собой освоение местного исторического опыта, это многоаспектная деятельность, нацеленная на выявление, сохранение и изучение культурного и природного наследия региона. В частности, сельские библиотеки Чаинского района с 2009 г. реализуют долгосрочную целевую программу «Известное и неизвестное Подгорное», целью которой является привлечение внимания общественности к истории села, в результате чего создается собственная краеведческая электронная база данных. Программа реализуется в виде постоянно действующей и регулярно обновляемой подборки фотографий, предоставляемых читателями, хранящихся в библиотеке и посвященных таким тематическим направлениям, как «История семьи», «Природа родного края», «Поэты-земляки», «История улиц Подгорного» и др. Фотовыставка, существуя как в электронном, так и в традиционном формате, послужила основой для вечера воспоминаний «Сюжеты времени», получившего большой общественный резонанс [28]. Активный читательский отклик вызвали и такие краеведческие мероприятия, как «Первые жители села Горелово – переселенцы», «Живая история села Леботер» [26. С. 21]. В 2012 г. была издана летопись «Чаинский район: вехи исторической судьбы.

1629–2012 гг.» и подготовлен к изданию «Календарь знаменательных дат Чаинского района» [25. С. 31]. В поселке Ягодное Верхнекетского района в 2012 г. состоялся тематический вечер «Праздник в доме книг», посвященный 50-летию со дня образования сельской библиотеки. История открытия, значимые вехи развития, интересные, порой незаслуженно забытые события и факты – все это вызвало интерес не только коллег-библиотекарей, но и земляков, жителей села, для которых и была предназначена работа библиотеки [17. С. 12].

Краеведческая деятельность сельских библиотек направлена на изучение истории как ныне существующих объектов, так и уже исчезнувших. Так, в Тегульдетском краеведческом музее, являющемся сегодня структурным подразделением Центральной районной библиотеки, прошла встреча бывших жителей исчезнувшего поселка Старо-Шумилово. Инициаторы встречи искали своих земляков, разъехавшихся в различные регионы, как с помощью личных контактов, телефонных переговоров, так и посредством социальных сетей Интернета, и в результате многие из них приехали на встречу. Краеведческим отделом библиотеки была подготовлена презентация «Родное наше Старо-Шумилово», историческая справка о поселке и его жителях, стенды с фотографиями. Специально к началу встречи Тегульдетским поэтом А. Ивановым были написаны стихи и песни о селе, впоследствии исполненные гостями и хозяевами мероприятия. «Мы как будто побывали в родных местах, прошлись по улицам поселка, окунулись в атмосферу беззаботного детства», – говорили участники встречи [22. С. 18].

Литературное краеведение, содействуя формированию интеллектуальной и художественной культуры личности, раскрывает и обогащает знания читателей о родных местах, прививает им любовь и уважение к литературному творчеству своего края, помогает полнее ощутить связь литературы с повседневной жизнью. Результатом деятельности сельских библиотек в области литературного краеведения зачастую является, в частности, издание силами библиотеки произведений местных авторов.

Значительный общественный резонанс вызывают литературные встречи с земляками-писателями. Так, в Чаинском районе были проведены творческие встречи с Яковом Борисовичем Варкентиным (литературное обсуждение проекта его книги в форме медиапрезентации «По долгу памяти»), с местным поэтом Александром Максимовичем Кривоносовым, представлявшим свой сборник стихов «Размышления у таежного костра» (Подгорное, 2010). В нем – стихи разных лет, от впечатлений юности до глубоких раздумий о сегодняшнем дне, стихи-размышления о смысле жизни, о судьбе человеческой, стихи о родном крае. Стихи Александра Кривоносова были положены на музыку местных композиторов Анатолия Щербинина и Виктора Коршунова. Песни прозвучали в исполнении Людмилы Щербининой, Павла Устименко, Максима Боркова. Сотрудники районной библиотеки приняли участие в редактировании текста и оформлении книги А. Кривоносова, а впоследствии организовали презентацию этого поэтического сборника. Чаинская районная библиотека организовала также презентацию сборника стихов (включающего и произведения о Чаинском районе) томского поэта Владимира Мацкевича «…Надеяться, верить, любить» (Томск, 2008), а также встречу с томскими писателями В.М. Костиным и Н.В. Хоничевым. Большим вниманием у земляков пользуются произведения Василия Казанцева и Михаила Андреева, родившихся в Чаинском районе. В центральной библиотеке с 2008 г. реализуется краеведческая программа «Поселок красив людьми». В рамках этой программы была подготовлена вечер-встреча с местной поэтессой Галиной Ивановной Швецовой «Я счастлива, тем, что живу!». Галина Ивановна рассказала о себе, о людях, с которыми встречалась, о своих путешествиях. Читала свои стихи, которые пишет ещё с юности, большая часть которых адресована родному и любимому краю. Большую работу проделала Центральная Чаинская библиотека по редактированию и оформлению поэтического сборника Г.И. Швецовой «Звезда моя небесная». Некоторые стихи из этого сборника публиковались в местной газете «Земля Чаинская». Библиотекой подготовлены также два краеведческих сборника стихов «Милая добрая Родина: стихи и песни о Подгорном» и сборник стихов Я.Б. Варкентина «Тот яркий миг» (Подгорное, 2007). Большое значение для изучение истории Тегульдетского района имеют мероприятия по популяризации книг местного краеведа, Заслуженного работника культуры РСФСР, почетного гражданина Тегульдетского района Василия Андреевича Новокшонова «В тридцатые-комендатурские» (1993), «Чулымцы – аборигены района» (1995), «Переселенцы: в годы Гражданской войны» (1993), «В далеких истоках Победы» (1994), а также его поэтического сборника «Поздний свет» (2003) и др. Формировать художественную культуру, развивая литературное творчество читателей, призваны и многочисленные конкурсы районного и областного масштаба, например конкурс творческих работ читателей школьного возраста «Сказки и легенды земли Сибирской» [22].

Экологическое краеведение направлено на формирование экологической культуры личности и реализуется посредством познания природы родного края, выявления местных экологических проблем, поиска и практической реализации доступных путей их решения.

Библиотека с. Новоколомино Чаинского района провела экологическое ток-шоу «Чистая правда», участниками которого стали жители села – администрация, медицинские работники, учителя, пенсионеры и школьники. В рамках мероприятия были представлены творческие работы читателей, например видеоролик «Коломинские теремочки и нежные цветочки», фотовыставка «Лучшая усадьба села Новоколомино», презентация «Россия начинается от твоего дома». Эффективность мероприятия продемонстрировал интерес читателей к книгам и периодике из библиотечного фонда, раскрывающим темы декоративного оформления цветников, дизайна, строительно-

ремонтных работ, благоустройства окружающей среды в целом. Начиная с 1998 г. библиотеки Чаинского района реализуют долгосрочную целевую программу для школьников «Жить в согласии с природой», в рамках которой проводятся просветительские мероприятия разнообразных форм: краеведчесие чтения, уроки экологической этики, познавательные игры, викторины и др. Районная детская библиотека, начиная с 2005 г., реализует программу для дошкольников и младших школьников «Экологическая азбука» [26. С. 22]. Важный воспитательный эффект имели районные творческие семейные конкурсы, такие как «Домашний экологический музей», направленный на развитие совместной деятельности детей и родителей по созданию полезных предметов из бытового экологического мусора, и «Жалобная книга природы Чаинского района», целью которого было сформировать подборку фотографий, запечатлевших разнообразные экологические «проблемные места» района (стихийные свалки, неубранный мусор, результаты экологического вандализма населения) [28]. В библиотечной системе Тегульдетского района в 2013 г. были проведены районные гуманитарные конференции школьников «В краю кедровом» и «Мы – дети планеты Земля». Школьники выступали с тематическими сообщениями и презентациями. Лучшие доклады были включены в тематические пресс-досье, размещены на видео-стенде и используются в дальнейшей работе библиотеки при выполнении соответствующих информационных запросов [22]. Интересен также опыт работы детской эколого-краеведческой организации «Эдельвейс» Верхнекетского района под руководством С.В. Высотиной – инженера леса [18. С. 12].

Правовая культура личности формируется посредством взаимодействия сельских библиотек с местными органами власти. В библиотеках предоставлены читателям «Уголки правовой информации», где организован доступ к официальным документам федерального, регионального и локального масштаба. Библиотеки распространяют среди населения дайджесты «Территория» и «Молодежь-ка», выпускаемые органами местного самоуправления [Там же. С. 9].

Гражданско-патриотическая культура формируется посредством акцентирования причастности каждого жителя к героической истории своего села и района, знакомства с деятельностью земляков-героев. Так, в библиотеке-филиале с. Бундюр Чаинского района была проведена в честь Дня Победы литературно-музыкальная композиция «Мы должны их помнить», посвященная односельчанам – участникам Великой Отечественной войны. В библиотеке-филиале с. Обское был подготовлен театрализованный вечер памяти «Письма, опаленные войной», рассказавший о женщинах-односельчанках, ждавших своих родных с фронта [25. С. 32]. Центральная библиотека Чаинского района провела акцию в форме урока мужества для школьников «Души, опаленные Афганистаном», посвященную 25-летию вывода советских войск из Демократической республики Афганистан в 1988 г. Актуальности мероприятия способствовало то, что Чаинский район направил на службу в Афганистане 45 человек, один из которых погиб. Учащиеся местной школы представляли видеоролики и презентации о событиях этого периода, читали стихи, пели песни о героизме и отваге своих земляков, что послужило хорошим вкладом в формирование их патриотической культуры [26. С. 23]. Необычным мероприятием в Верхнекетском районе стала библиотечная акция «Запусти кораблик», во время которой школьники мастерили бумажные кораблики, называли их в честь своих земляков – участников Великой Отечественной войны и отпускали в «свободное плавание». Запуску корабликов предшествовала большая подготовительная работа, координируемая детскими отделениями библиотек. Школьники собирали информацию о своих земляках, писали сочинения, обсуждали их на «Уроках мужества» [22. С. 18].

Культура межнационального общения призвана формировать готовность личности к организации добрососедских отношений с многочисленными народностями, населяющими Томскую область, и реализуется в соответствии с программой «Общегражданский мир и межэтническая толерантность на территории Томской области (2014–2017 гг.)» [29] и «Концепцией устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера Томской области» [30]. В Томской области сегодня проживает наряду с русским населением более 120 национальностей, таких как татары, чуваши, украинцы, белорусы, поляки, немцы и др., которые в процессе повседневной жизни взаимодействуют друг с другом, работают, отдыхают, создают межнациональные семьи [31. С. 935]. Формированию межнациональной культуры содействует, частности, краеведческая деятельность библиотек по организации культурного взаимодействия с представителями коренных народностей. Так, Владимир Александрович Ивигин – патриот Верхнекетской земли, большой знаток ее истории, особенностей быта кочевых эвенков – собирает на общественных началах архив документов и публикаций об истории и быте местных кочевых семей. Все новые материалы он передает библиотеке, знакомит с ними читателей, формируя тематический альбом «Коренные народы Верхнекетья» [18. С. 12]. Тегульдетская районная библиотека организовала встречу представителей коренного малочисленного населения – чулымцев. С удовольствием вспоминали участники встречи свою жизнь, родных и друзей, рассматривали фотографии в тематических альбомах краеведческого отдела, вспоминали деревни, основанные чулымцами [22. С. 19].

Современные сельские библиотеки традиционно формируют интеллектуальную культуру своих юных читателей, организуя образовательные проекты с использованием регионального, местного материала. Так, в Тегульдетском районе краеведческий отдел центральной библиотеки традиционно сотрудничает со средней общеобразовательной школой, реализуя проект для младших школьников (общее число участников – 495 чел.) «Краеведческие уроки». В рамках проекта проводятся экскурсии, медиауроки, видеолекции, встречи с интересными людьми-земляками. Всеобщий интерес, в частности, вызвала встреча с участником

бывшей футбольной команды «Чайка», которая участвовала в соревнованиях в 60-е гг. XX в. и была чемпионом Тегульдетского района и Томской области [22]. Также активными партнерами являются школьные краеведческие музеи пос. Катайга и Степановка. Совместная краеведческая деятельность предполагает организацию учебно-познавательных мероприятий для школьников, коллективное использование архивных музейных документов и библиотечных фондов [18].

Художественная культура личности формируется прежде всего в процессе сотрудничества библиотеки с учреждениями основного и дополнительного образования. Так, краеведческий отдел Тегульдетской Центральной районной библиотеки активно сотрудничает с детской школой искусств, совместно реализуя краеведческий образовательный проект «Мы – славяне. Жизнь и быт русского народа». На базе экспонатов краеведческого отдела в рамках проекта для учеников школы искусств были подготовлены и проведены уроки «История куклы», «Русская матрешка», «Свадебный обряд». На занятиях учащиеся знакомятся с историей своего народа, изготавливают своими руками украшения, игрушки, обереги, изучают фольклор. На протяжении года реализовывался выставочный проект «Мир моих увлечений»: экспонировались четыре выставки рисунков, выставка пластилиновой графики [22]. Чаинская Центральная районная библиотека в рамках цикла мероприятий «Свидание с талантом» организовала встречу с местным поэтом и музыкантом – Л.Н. Половниковой, которая не только рассказывала о своем увлечении музыкой, но и исполняла свои песни [28].

Таким образом, изученные материалы позволяют сделать вывод о том, что деятельность сельских библиотек по изучению истории и культуры своего края способствует формированию краеведческой культуры личности, являющейся важнейшим звеном базисной личностной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Базисная* культура личности // Основы духовной культуры : энциклопедический словарь педагога. Екатеринбург, 2000. URL: http://spiritual_culture.academic.ru/ (дата обращения: 27.05.2015).
2. *Лихачев Д.С*. Краеведение как наука и как деятельность. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext /russ_kultura_12.pdf (дата обращения: 27.05.2015).
3. *Краеведение* // Большой энциклопедический словарь. М., 2000. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/166366 (дата обращения: 27.05.2015).
4. *Пирожков Г.П*. Краеведческое образование как составляющая культурологической подготовки специалиста : дис. … д-ра культурологии. Тамбов, 2007. 387 с. URL: http://www.dissercat.com/content/kraevedcheskoe-obrazovanie-kak-sostavlyayushchaya-kulturologicheskoi-podgotovki-spetsialista (дата обращения: 27.05.2015).
5. *Обучение* // Педагогический словарь. URL: http://enc-dic.com/ozhegov/Obuchenie-19604.html (дата обращения: 27.05.2015).
6. *Воспитание* // Большой энциклопедический словарь. URL: http://dic.academic.ru/ dic.nsf/enc1p/11806 (дата обращения: 27.05.2015).
7. *Справочник* библиотекаря / науч. ред. : А.Н. Ванеев, В.А. Минкина. СПб. : Профессия, 2001. 448 с. (Серия «Библиотека»).
8. *Руководство* ИФЛА / ЮНЕСКО по развитию службы публичных библиотек. СПб. : Изд-во Рос. нац. б-ки, 2002. 111 с.
9. *Руководство* по краеведческой деятельности муниципальных публичных библиотек (централизованных библиотечных систем) : принято Конференцией РБА. Санкт-Петербург, 27 мая 2005 г. URL: http://www.rba.ru/content/about/doc/ruk kraeved.php (дата обращения: 27.05.2015).
10. *О библиотечном* деле и обязательном экземпляре документов в Томской области: закон Томской области. URL: http://old.tomsk.gov.ru/ru/search/index.html?action=search&query (дата обращения: 27.05.2015).
11. *Развитие* культуры в Томской области на 2013–2017 гг. : Государственная программа Томской области // Департамент по культуре и туризму Томской области : официальный сайт. URL: http://depculture.tomsk.gov.ru/ru/programm-project/DCPKultura 2013–2017/ (дата обращения: 27.05.2015).
12. *Томская* областная детско-юношеская библиотека : официальный сайт. Конференции, семинары. URL: http://odub.tomsk.ru/ForColleagues/EducationSeminarsConferencesaspx (дата обращения: 27.05.2015).
13. *Кузоро К.А*. Краеведческая деятельность сельских библиотек Томской области в начале XXI в. (из опыта работы библиотек Каргасокского, Кривошеинского и Молчановского районов) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2012. № 3. С. 74–82.
14. *Масяйкина Е.А*. Библиотека и музей : краеведческая деятельность Центральной библиотеки Тегульдетского района Томской области // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2014. № 1. С. 94–98.
15. *Мелентьева Ю.П*. Сельская библиотека : проблемы развития и перспективы : науч.-метод. пособие. М. : Либерея, 2003. 96 с.
16. *Аналитическая* справка о деятельности Верхнекетской ЦБС МУ «Культура» за 2011 год / сост. А.Ф. Плегуца. Электрон. версия печат. публ. Белый Яр, 2012. 25 с. URL: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/2113_Verhneketskii.pdf (дата обращения: 27.05.2015).
17. *Аналитический* обзор деятельности Верхнекетской ЦБС МУ «Культура» за 2012 год / сост. А.Ф. Плегуца. Электрон. версия печат. публ. Белый Яр, 2013. 28 с. URL: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/2792_V-Ketskii_2012.pdf (дата обращения: 27.05.2015).
18. *Аналитическая* справка о деятельности Верхнекетской ЦБС МУ «Культура» за 2013 год / сост. А.Ф. Плегуца. Электрон. версия печат. публ. Белый Яр, 2014. 28 с. URL: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/3492_Otchet_CBS_za_2013_goda_.pdf (дата обращения: 29.05.2015).
19. *Информационно*-аналитический отчет о деятельности Верхнекетской ЦБС МУ «Культура» за 2014 год / сост. А.Ф. Плегуца. Белый Яр, 2015. 28 с.
20. *Отчет* деятельности муниципального учреждения «Центральная библиотека с филиалами» Тегульдетской районной ЦБС в 2011 году / сост. Г.А. Соломатина. Электрон. версия печат. публ. Тегульдет, 2012. 33 с. URL: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/2100_Teguldet_2011.pdf (дата обращения: 29.05.2015).
21. *Отчет* о деятельности муниципального казенного учреждения «Тегульдетская районная ЦБС» в 2012 году / сост. Г.А. Соломатина. Электрон. версия печат. публ. Тегульдет, 2013. 33 с. URL: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/2803_Teguldet_2012.pdf (дата обращения: 29.05.2015).
22. *Аналитический* отчет муниципального казенного учреждения «Тегульдетская районная ЦБС» за 2013 год / сост. О.А. Лехтина. Электрон. версия печат. публ. Тегульдет, 2014. 33 с. URL: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/3572_AS_Teg_2013.pdf (дата обращения: 29.05.2015).
23. *Аналитический* обзор деятельности МКУ «Тегульдетская районная ЦБС» за 2014 год / сост. О.А. Лехтина. Тегульдет, 2015. 39 с.
24. *Аналитическая* справка о деятельности муниципального бюджетного учреждения культуры «Межпоселенческая централизованная библиотечная система Чаинского района» за 2011 год / сост. Н.А. Стукалова. Электрон. версия печат. публ. Подгорное, 2012. 39 с. URL: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/ 2115_CHaino_2011.pdf (дата обращения: 29.05.2015).

25. *Аналитическая* справка о деятельности муниципального бюджетного учреждения культуры «Межпоселенческая централизованная библиотечная система Чаинского района» за 2012 год / сост. Н.А. Стукалова. Электрон. версия печат. публ. Подгорное, 2013. 61 с. URL: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/2791 _CHaincii_Podgornoe_2012.pdf (дата обращения: 29.05.2015).
26. *Аналитическая* справка о деятельности муниципального бюджетного учреждения культуры «Межпоселенческая централизованная библиотечная система Чаинского района» за 2013 год / сост. Н.А. Стукалова. Электрон. версия печат. публ. Подгорное, 2014. 44 с. URL: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/3570 _AS_Chaino_2013.pdf (дата обращения: 29.05.2015).
27. *Информационно*-аналитический обзор состояния и деятельности библиотек Чаинской ЦБС за 2014 год / сост. Н.А. Стукалова. Подгорное, 2015. 66 с.
28. *Чаинское* краеведение // Межпоселенческая централизованная библиотечная система Чаинского района Томской области : официальный сайт. Электрон. дан. URL: http://libpg.tomsk.ru/kraevedenie.html (дата обращения: 29.05.2015).
29. *Общегражданский* мир и межэтническая толерантность на территории Томской области (2014–2017 гг.). URL: http://storage.esp.tomsk.gov.ru/files.pdf (дата обращения: 27.05.2015).
30. *Концепция* устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера Томской области. URL: http://storage.esp.tomsk.gov.ru/files/54227/358-%D1%80%D0% B0 PDF (дата обращения: 29.05.2015).
31. *Этнический* состав населения // Энциклопедия Томской области. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2009. Т. 2 (Н–Я). 982 с.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 13 июня 2015 г.

THE FORMATION OF PERSONAL LOCAL STUDIES CULTURE IN MUNICIPAL RURAL LIBRARIES (ON THE MATERIAL OF THE ACTIVITIES OF THE LIBRARIES IN VERKHNEKETSKY, TEGULDETSKY AND CHAINSKY DISTRICTS OF TOMSK OBLAST)

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 99–107. DOI: 10.17223/15617793/397/16

Masyaikina Evgeniya A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: eamasyaikina@rambler.ru

Keywords: rural libraries; Tomsk Oblast; local studies; primary personal culture; local studies education; local studies culture.

Modern society needs a personality of a new socio-cultural type. Common cultural competence arises as a consequence of the formation of the primary personal culture, understood as “fundamental characteristics and personality traits that allow the individual to develop harmoniously in agreement with the culture s/he lives in, without conflicting with it, making a contribution to its development”. The primary personal culture includes: culture of life and self-determination of family relationships; economic, political, legal, environmental, domestic and moral culture; intellectual, artistic and physical education; culture inter-ethnic communication and work. Local history is an interdisciplinary concept and can be traced in almost all aspects of basic cultural identity, allowing them to implement it on the regional material. The concept of local studies and culture is a general notion and includes regional aspects of civil, moral, economic, labor, family, artistic, intellectual culture that constitute the basic structure of the personal culture. Different social institutions in modern society, including the crucial activities of libraries, form the personal local studies culture. Local studies activity acquires particular importance in rural libraries. They are one of the few popular free social institutions in small areas that collect, organize and provide information about the history and current state of the respective areas. The subject of this article is the research of the activities of rural libraries of Tomsk Oblast on the formation of personal local studies culture. The territorial borders of the research are Verkhneketsky, Teguldetsky and Chainsky areas. The source base of research is the information from library websites, analytical reports on the activities of the libraries for 2011–2014, representing the latest information on the current state and trends of library activities. Local studies are realized on the basis of cultural and educational events for different categories of readers, as well as the formation and use of a specialized library fund, which is an ordered set of documents related to the territory by its content and origin, multidimensionally reflected in the reference and search aids of a library. The composition of a local studies fund is quite diverse and includes books, pamphlets, periodicals, maps and atlases, posters and postcards, as well as electronic documents. A detailed analysis of the planning and reporting of library documentation shows that local studies in a rural library are multidimensional and cover virtually all areas of the formation of the basic culture, implementing them on the regional material, which actively promotes the formation of local studies culture.

REFERENCES

1. Anon. (2000) Bazisnaya kul’tura lichnosti [The basic culture of the person]. In: *Osnovy dukhovnoy kul’tury : entsiklopedicheskiy slovar’ pedagoga* [Basics of spiritual culture: encyclopedic dictionary of the teacher]. Ekaterinburg. [Online]. Available from: http://spiritual_culture.academic.ru/. (Accessed: 27th May 2015).
2. Likhachev, D.S. (1991) *Kraevedenie kak nauka i kak deyatel’nost’* [Local history as a science and activity]. [Online]. Available from: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext /russ_kultura_12.pdf. (Accessed: 27th May 2015).
3. Anon. (2000) Kraevedenie [Local history]. In: Prokhorov, A.N. (ed.) *Bol’shoy entsiklopedicheskiy slovar’* [Great Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Profizdat. [Online]. Available from: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/166366. (Accessed: 27th May 2015).
4. Pirozhkov, G.P. (2007) *Kraevedcheskoe obrazovanie kak sostavlyayushchaya kul’turologicheskoy podgotovki spetsialista* [Local History Education as part of training of a specialist in culture studies]. Culture Studies Dr. Diss. Tambov. [Online]. Available from: http://www.dissercat.com/content/kraevedcheskoe-obrazovanie-kak-sostavlyayushchaya-kulturologicheskoi-podgotovki-spetsialista. (Accessed: 27th May 2015).
5. Anon. (n.d.) Obuchenie [Learning]. In: *Pedagogicheskiy slovar’* [Pedagogical Dictionary]. [Online]. Available from: http://enc-dic.com/ozhegov/Obuchenie-19604.html. (Accessed: 27th May 2015).
6. Anon. (2000) Vospitanie [Education]. In: Prokhorov, A.N. (ed.) *Bol’shoy entsiklopedicheskiy slovar’* [Great Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Profizdat. [Online]. Available from: http://dic.academic.ru/ dic.nsf/enc1p/11806. (Accessed: 27th May 2015).
7. Vaneev, A.N. & Minkina, V.A. (eds.) (2001) *Spravochnik bibliotekarya* [Reference Book of the Librarian]. St. Petersburg: Professiya.
8. Anon. (2002) *Rukovodstvo IFLA / YuNESKO po razvitiyu sluzhby publichnykh bibliotek* [The Public Library Service: the *IFLA/UNESCO Guidelines* for Development]. St. Petersburg: Izdatel’stvo Rossiyskoy natsional’noy biblioteki.
9. Conference of the RBA. (2005) *Rukovodstvo po kraevedcheskoy deyatel’nosti munitsipal’nykh publichnykh bibliotek (tsentralizovannykh bibliotechnykh sistem)* [Guidelines for regional studies of municipal public libraries (centralized library systems)]. St. Peterburg. [Online]. Available from: http://www.rba.ru/content/about/doc/ruk kraeved.php. (Accessed: 27th May 2015).
10. Anon. (n.d.) *O bibliotechnom dele i obyazatel’nom ekzemplyare dokumentov v Tomskoy oblasti : zakon Tomskoy oblasti* [On libraries and mandatory copies of documents in Tomsk Oblast: the law of Tomsk Oblast]. [Online]. Available from: http://old.tomsk.gov.ru/ru/search/index.html?action=search&query. (Accessed: 27th May 2015).

11. The Department of Culture and Tourism of Tomsk Oblast: Official Website. (c. 2013) *Razvitie kul'tury v Tomskoy oblasti na 2013–2017 gg. : Gosudarstvennaya programma Tomskoy oblasti* [The development of culture in Tomsk Oblast in 2013–2017. State Program of Tomsk Oblast]. [Online]. Available from: http://depculture.tomsk.gov.ru/ru/programm-project/DCPKultura 2013–2017/. (Accessed: 27th May 2015).
12. Tomsk Regional Children and Youth Library: Official Website. (c. 2014) *Konferentsii, seminary* [Conferences, seminars]. [Online]. Available from: http://odub.tomsk.ru/ForColleagues/EducationSeminarsConferencesaspx. (Accessed: 27th May 2015).
13. Kuzoro, K.A. (2012) The work of rural libraries of the Tomsk region of local studies in beginning of the XXI century (from the experience of activity of libraries of the Kargasoksky, Krivosheinsky and Molchanovsky districts). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 3. pp. 74–82. (In Russian).
14. Masyaykina, E.A. (2014) Library and museum: regional studies of the central library of Teguldetsky district in Tomsk region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History.* 1. pp. 94–98. (In Russian).
15. Melent'eva, Yu.P. (2003) *Sel'skaya biblioteka : problemy razvitiya i perspektivy* [Rural Library: Problems and prospects of development]. Moscow: Libereya.
16. Plegutsa, A.F. (2012) *Analiticheskaya spravka o deyatel'nosti Verkhneketskoy TsBS MU "Kul'tura" za 2011 god* [Analytical information on the activities of Verhneketskiy centralized library system municipal institution Culture for 2011]. Belyy Yar. [Online]. Available from: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/2113_Verhneketskii.pdf. (Accessed: 27th May 2015).
17. Plegutsa, A.F. (2013) *Analiticheskaya spravka o deyatel'nosti Verkhneketskoy TsBS MU "Kul'tura" za 2012 god* [Analytical information on the activities of Verhneketskiy centralized library system municipal institution Culture for 2012]. Belyy Yar. [Online]. Available from: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/2792_V-Ketskii_2012.pdf. (Accessed: 27th May 2015).
18. Plegutsa, A.F. (2014) *Analiticheskaya spravka o deyatel'nosti Verkhneketskoy TsBS MU "Kul'tura" za 2013 god* [Analytical information on the activities of Verhneketskiy centralized library system municipal institution Culture for 2013]. Belyy Yar. [Online]. Available from: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/3492_Otchet_CBS_za_2013_goda_.pdf. (Accessed: 29th May 2015).
19. Plegutsa, A.F. (2015) *Analiticheskaya spravka o deyatel'nosti Verkhneketskoy TsBS MU "Kul'tura" za 2014 god* [Analytical information on the activities of Verhneketskiy centralized library system municipal institution Culture for 2014]. Belyy Yar.
20. Solomatina, G.A. (2012) *Otchet deyatel'nosti munitsipal'nogo uchrezhdeniya "Tsentral'naya biblioteka s filialami" Tegul'detskoy rayonnoy TsBS v 2011 godu* [Report on the activities of the municipal institution "Central Library with branches" of Teguldet District centralized library system in 2011]. Teguldet. [Online]. Available from: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/2100_Teguldet_2011.pdf. (Accessed: 29th May 2015).
21. Solomatina, G.A. (2013) *Otchet deyatel'nosti munitsipal'nogo uchrezhdeniya "Tsentral'naya biblioteka s filialami" Tegul'detskoy rayonnoy TsBS v 2012 godu* [Report on the activities of the municipal institution "Central Library with branches" of Teguldet District centralized library system in 2012]. Teguldet. [Online]. Available from: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/2803_Teguldet_2012.pdf. (Accessed: 29th May 2015).
22. Solomatina, G.A. (2014) *Otchet deyatel'nosti munitsipal'nogo uchrezhdeniya "Tsentral'naya biblioteka s filialami" Tegul'detskoy rayonnoy TsBS v 2013 godu* [Report on the activities of the municipal institution "Central Library with branches" of Teguldet District centralized library system in 2013]. Teguldet. [Online]. Available from: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/3572_AS_Teg_2013.pdf. (Accessed: 29th May 2015).
23. Lekhtina, O.A. (2015) *Analiticheskiy obzor deyatel'nosti MKU "Tegul'detskaya rayonnaya TsBS" za 2014 god* [Analytical review of the activities of the Teguldet District centralized library system for 2014]. Teguldet.
24. Stukalova, N.A. (2012) *Analiticheskaya spravka o deyatel'nosti munitsipal'nogo byudzhetnogo uchrezhdeniya kul'tury "Mezhposelencheskaya tsentralizovannaya bibliotechnaya sistema Chainskogo rayona" za 2011 god* [Analytical information on the activities of the municipal budget institution of culture, the Intersettlement Centralized Library System of Chainsky District, for 2011]. Podgornoe. [Online]. Available from: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/ 2115_CHaino_2011.pdf. (Accessed: 29th May 2015).
25. Stukalova, N.A. (2013) *Analiticheskaya spravka o deyatel'nosti munitsipal'nogo byudzhetnogo uchrezhdeniya kul'tury "Mezhposelencheskaya tsentralizovannaya bibliotechnaya sistema Chainskogo rayona" za 2012 god* [Analytical information on the activities of the municipal budget institution of culture, the Intersettlement Centralized Library System of Chainsky District, for 2012]. Podgornoe. [Online]. Available from: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/2791 _CHaincii_Podgornoe_2012.pdf. (Accessed: 29th May 2015).
26. Stukalova, N.A. (2014) *Analiticheskaya spravka o deyatel'nosti munitsipal'nogo byudzhetnogo uchrezhdeniya kul'tury "Mezhposelencheskaya tsentralizovannaya bibliotechnaya sistema Chainskogo rayona" za 2013 god* [Analytical information on the activities of the municipal budget institution of culture, the Intersettlement Centralized Library System of Chainsky District, for 2013]. Podgornoe. [Online]. Available from: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/3570 _AS_Chaino_2013.pdf. (Accessed: 29th May 2015).
27. Stukalova, N.A. (2015) Informatsionno-analiticheskiy obzor sostoyaniya i deyatel'nosti bibliotek Chainskoy TsBS za 2014 god [Informational and analytical overview of the status and activity of libraries of the Centralized Library System of Chainsky District for 2014]. Podgornoe.
28. Intersettlement Centralized Library System of Chainsky District, Tomsk Oblast. Official Website. (2012) *Chainskoe kraevedenie* [Chainskoye Regional Studies]. [Online]. Available from: http://libpg.tomsk.ru/kraevedenie.html. (Accessed: 29th May 2015).
29. Anon. (c. 2014) *Obshchegrazhdanskiy mir i mezhetnicheskaya tolerantnost' na territorii Tomskoy oblasti (2014–2017 gg.)* [The civil peace and interethnic tolerance in Tomsk Oblast (2014–2017)]. [Online]. Available from: http://storage.esp.tomsk.gov.ru/files.pdf. (Accessed: 27th May 2015).
30. Anon. (n.d.) *Kontseptsiya ustoychivogo razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa Tomskoy oblasti* [The concept of sustainable development of the indigenous peoples of Tomsk Oblast]. [Online]. Available from: http://storage.esp.tomsk.gov.ru/files/54227/358-%D1%80%D0% B0 PDF. (Accessed: 29th May 2015).
31. Goncharova, T.A. (2009) Etnicheskiy sostav naseleniya [The ethnic composition of the population]. In: Dmitrienko, N.M. (ed.) *Entsiklopediya Tomskoy oblasti* [Encyclopedia of Tomsk Oblast]. V. 2. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 13 June 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 108–113. DOI: 10.17223/15617793/397/17

ИСТОРИЯ

УДК 94(520):316.483“11”

П.А. Бояринова

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ «ГЕНДЕРНОГО БЕСПОКОЙСТВА» В ЭГАЛИТАРНОЙ КУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ЯПОНСКОГО РОМАНА «ТОРИКАЭБАЯ МОНОГАТАРИ»)

Рассматривается феномен гендерного беспокойства в историческом разрезе. Методологическая часть статьи посвящена раскрытию понятия гендерного беспокойства (в понимании его автора – Джудит Батлер) и сути его проявления в патриархальных и гендерно эгалитарных культурах. В конкретно исторической части статьи анализируется японский роман XII в. «Торикаэбая моногатари, или Путаница» (относящейся к эпохе Хэйан). На примере данного романа показана специфика функционирования гендерных регулирующих рамок и нарушения законов поло-гендерного совпадения в эгалитарной культуре.

Ключевые слова: гендерное беспокойство; гендерно эгалитарная культура; культура эпохи Хэйан.

Благодаря постструктуралистскому анализу произошел сдвиг в понимании конструкта гендера в патриархальных культурах (так как анализ проводился в первую очередь на материале европейской истории и культуры). Для нас стало более понятным, как в европейском обществе появилась особая матрица, формирующая социально одобряемую идентичность через определенные нормы, создающиеся фаллогоцентристским гетеросексистским дискурсом.

Эта матрица предполагает жесткое соответствие пола и гендера (женщина должна соответствовать канонам феминности, а мужчина – маскулинности). *В фаллогоцентристском дискурсе мужское и женское посредством сексуального желания должны составлять бинарную пару, но это не всегда так.* Если данное соответствие нарушается в патриархальной культуре, то возникает кризисная ситуация, названная Джудит Батлер «*гендерное беспокойство*» [1. С. 8].

Гендерное беспокойство – это ситуация, когда человек переживает социокультурный шок, не имея возможности верно идентифицировать собеседника, определить его социальный статус (что критично для культур со строгой гендерно обусловленной иерархией). Легче всего в традиционной культуре при помощи социально-психологического и даже физического насилия заставить человека с гендерными девиациями соответствовать нормам или прибегнуть к остракизму, чтобы избавиться от конфликта.

Ситуация гендерного беспокойства показывает, насколько важна перформативность гендера в формировании идентичности, на которую индивид претендует [2. С. 328]. Обучение и реализация процесса *производства верного гендера* – один их важнейших элементов успешной социализации.

В патриархальной культуре фаллогоцентристской гетеросексистской матрицей насильно создается единственность социально приемлемой идентичности на основе бинарных оппозиций (мужское – женское), что и является предпосылкой к неизбежному возникновению социальных конфликтов из-за выхода некоторых индивидов за рамки регулирующих практик поло-гендерного совпадения.

Однако есть культуры, в которых соответствие пола и гендера не так жестко выражено, вследствие чего существуют механизмы смены производства одного гендера на другой, что не допускает возникновение гендерного беспокойства (следовательно, в обществе меньше поводов для возникновения конфликта).

Такие механизмы существуют у самых разных народов. «Превращение пола» среди шаманов Северо-Восточной Сибири (чукчей, коряков, ительменов, эскимосов, алеутов) было описано в работах участников научных экспедиций начиная с XVIII и вплоть до начала XX в. [3. С. 324].

В Албании до сих пор существуют так называемые буренша – женщины, воспитанные родителями в качестве мужчин из-за отсутствия сына-наследника. Интересно, что именно существование строгой патрилинейной системы, предполагающей передачу наследства по мужской линии, привело к возникновению буренша, призванных отказаться от брака и сексуальных отношений для того, чтобы сохранить семейную собственность [4. С. 61].

Среди некоторых культур коренных жителей Америки существует такая любопытная категория, как бердаче (также их можно встретить в Юго-Восточной Азии и Южной Океании). Чаще всего это мужчины, которые носили женский гендерный дисплей и выполняли женские гендерные функции, но при этом в обществе знали, что они мужского пола [5. С. 101].

В североамериканской культуре мохавков родители могли воспитывать мальчика, как девочку (алиха), а девочку, как мальчика (хваме), если с детства они проявляли интерес к занятиям и предметам, традиционно ассоциирующимся с противоположным полом. Также переход мог быть осуществлен человеком самостоятельно в любое время [Там же. С. 101–102]. При этом перешедшие имели право на брак и семью, а мужчин даже учили имитировать менструации и роды.

И это далеко не все примеры, когда несоответствие гендера полу не вызывает в культуре социального напряжения и беспокойства, а сам индивид не считается девиантом.

Однако кроме патриархальных культур и создавших больше двух гендерных норм культур существу-

ет еще и тип общественного устройства, к которому стремится современная западная культура и большая часть мира в той или иной степени, – эгалитарное общество или, в контексте гендерной тематики, общество гендерного равенства.

Процесс формирования *гендерно эгалитарного общества* (при помощи политики эмансипации полов и сексуальных меньшинств) вызывает беспокойство у тех, кто считает, что гендерный эгалитаризм противоречит неким естественным законам природы, нарушение которых приведет к катастрофическим последствиям для рода человеческого.

Исследование специфики гендерного перформанса и ситуации гендерного беспокойства в реально существовавших гендерно эгалитарных культурах дает возможность извне взглянуть на существующие стереотипы, исследовать возможности и особенности функционирования гендерного эгалитаризма.

Общество гендерного равенства – это постсовременный идеал, что не противоречит возможности существования обществ, в большей степени соответствующих критериям гендерного эгалитаризма. Один из ярких примеров – культура эпохи Хэйан в Японии (VIII–XII вв.).

Мы должны понимать, что гендерный эгалитаризм в культуре эпохи Хэйан (причем, в первую очередь, в аристократической среде) был относительным.

В чем отличия гендерно эгалитарного общества Хэйан от идеи общества гендерного равенства? Общество гендерного равенства подразумевает равенство политических, социальных и экономических возможностей для всех его граждан, невзирая на гендерную принадлежность, а также отсутствие ярко выраженных гендерных стереотипов и норм в культуре. В культуре общества гендереного равенства происходит отказ приписывать те или иные качества по принципу бинарных оппозиций феминности–маскулинности, а также идентифицировать субъект в соответствии с этими категориями.

Что касается политических и экономических прав и возможностей мужчин и женщин в эпоху Хэйан, то они, конечно, не были равными, с одной стороны, но, с другой – были достаточно специфическими, чтобы защитить и обеспечить как мужчин, так и женщин.

В аристократических кругах карьерой и определенной работой были обеспечены как мужчины, так и женщины. Причем восхождение по карьерной лестнице (даже если оно связано с удачным замужеством) связывалось с такими качествами, как образованность, утонченность, знание этикета, литературы и музыки.

Особенностью гендерной системы Хэйан было то, что право наследования имели как мужчины, так и женщины. Социальный статус и должность переходили по мужской линии, а недвижимость и личное имущество – по женской [6. С. 126].

В эпоху Хэйан практиковались различные формы брака (матрилокальные, дуолокальные, неолокальные), а также визитные отношения, но совершенно отсутствовал патрилокальный брак [7. С. 124].

Даже при наличии традиции многоженства муж имел обязанности перед всеми женами как материальные, так и моральные и сексуальные. Невыполнение этих обязанностей могло быть причиной для расторжения брака по воле жены [8. С. 108].

В социальном плане чувствовалось серьезное гендерное разделение между женским и мужским мирами, как между внутренним и внешним. Женщины прятались от чужих глаз за плотными занавесками, большая часть их жизни проходила в женском кругу. Однако даже при таком видимом разделении плотными перегородками общение между мужчинами и женщинами не возбранялось и постоянно поддерживалось.

В первую очередь бросается в глаза несвойственное для традиционных обществ отцовское внимание к дочерям, которые считались не меньшей ценностью, чем сыновья.

Традиции хэйанской аристократии предполагали и наличие добрачного и внебрачного общения между мужчинами и женщинами в форме переписки и ночных визитов.

Хотя открыто обсуждать личные дела было не принято, но за любовной перепиской мог следить весь двор. Свои наблюдения в дневнике зафиксировала и Сей-Сёнагон: «Однажды по дороге я увидела, как слуга, приятный собой и стройный, торопливо шел с письмом, скатанным в трубку. Куда, хотелось бы мне узнать? Другой раз я заметила, как мимо самых моих ворот спешат хорошенькие девочки-служанки. <… > Они несли какие-то вещи, завернутые в белую бумагу, и стопки тетрадей на подносах. Что б это могло быть? Мне очень захотелось поглядеть. Но когда я окликнула девочек, они самым невежливым образом прошли мимо, не отвечая. *Можно было легко вообразить себе, у какого хозяина они служили*» [9. С. 81].

Провести же четкие гендерные различия в культуре эпохи Хэйан достаточно сложно. Легче всего выделить внешние атрибуты гендерного различия – это в первую очередь женский макияж, традиция чернения зубов, отращивание длинных волос, что делало придворных дам похожими на китайские рисунки тушью. В остальном женщины и мужчины носили схожую одежду по покрою и цветовой гамме (которая соответствовала в первую очередь годовому природному циклу).

Изучая литературу эпохи Хэйан, можно отметить, что и визуальные различия в гендерном дисплее, по-видимому, были не велики, и ценились в мужчинах и женщинах примерно одни и те же внешние качества. «Отрекшийся Государь был так красив, что, будь он женщиной, Гэндзи непременно увлекся бы им» [10. С. 18], – такие «феминные» идеалы мужской красоты рисует Мурасаки Сикибу в своем романе.

По характеристикам, присущим феминности и маскулинности, сложно выделить какие-либо различия. При чтении хэйанских текстов можно заметить, что такое отличие подразумевается, но никак четко не артикулируется. Сложно выделить исключительно мужские или женские качества.

Такое положение дел приводит к специфичному восприятию путаницы гендерных ролей, вследствие чего хоть и возникает ситуация гендерного беспокойства, но воспринимается и протекает она более сдержано.

Роман «Торикаэбая моногатари, или Путаница» относится к позднехэйанскому периоду (второй половине XII в.) и посвящен интереснейшему казусу гендерной путаницы.

Сюжет романа завязан на произошедшей смене гендерных ролей между братом и сестрой в обществе, которое не предполагает легитимации процесса изменения производства одного гендера на другой.

В «Торикаэбая моногатари» рассказывается о судьбе двух детей высокопоставленного чиновника Садайдзина (Левого министра) – дочке Химэгими и сыне Вакагими. Они родились в одно время от разных матерей, при этом отказались чрезвычайно похожими друг на друга.

Однако при внешнем сходстве дети различались характерами с самого рождения: «Хоть дети были и на одно лицо, мальчик все же выглядел более изящным, утонченным и обворожительным. Зато девочка была блистательна и горделива» (Часть 1, 1) [11]. Со временем гендерные различия только усилились. Вакагими становился все более стеснительным и чувствительным, начал прятаться за занавеску даже от отца, никакое учение в толк не брал и предпочитал рисовать, играть в куклы и перебирать раковины. Химэгими же, наоборот, стала непокладистой, бегала на улицу играть с мальчиками в мяч и стрелять из лука, появлялась перед гостями, чтобы продекламировать китайские стихи или сыграть на флейте (гости при этом считали, что перед ними мальчик).

Видя эти растущие различия и даже осознавая всю неправильность ситуации, родители «решили воспитывать Вакагими девочкой, а Химэгими – мальчиком» (Часть 1, 1) [Там же]. Сам Садайдзин хоть и был взволнован и опечален сложившейся ситуацией, но не пытался насильно навязать своим детям более «естественные» гендерные роли. В его рассуждениях присутствует некоторая свобода взглядов, предполагающая, что естественное положение дел и социальные нормы могут не совпадать: «Может быть, самой судьбой им назначено быть такими, как они есть? Такое положение предопределено в их прошлых жизнях, но все же кое-что зависит от них самих» (Часть 1, 2) [Там же].

Одна из проблем для Садайдзина состоит в том, что император и наследный принц приглашают его дочь ко двору (видимо, надеясь, что она станет его женой), так как Садайдзин относится к роду Фудзивара (на протяжении всего периода Хэйан женщины из этого рода становились императрицами). Однако Садайдзин понимает, что это невозможно, и изначально вообще предполагает, что его дети примут постриг.

Так как Химэгими очень скоро прославился при дворе своими талантами, он быстро взошел по карьерной лестнице в качестве придворного, к двадцати годам стал Внутренним министром и вошел в круг высшей аристократии, управляющей государством (в той части романа, где Химэгими реализует мужской гендерный перформанс, о нем пишут в мужском роде). Вакагими же делают распорядительницей женских покоев принцессы.

На время повествование практически забывает о судьбе Вакагими, прячущейся за занавесками, и сосредоточивается на жизни Химэгими, который начинает осознавать свое отличие от других и печалиться от того, что он и его сестра не такие, как все (Часть 1, 10) [Там же].

Тем временем родители Химэгими устраивают ему удачный брак с Ённокими, дочерью Удайдзина (Правого министра), надеясь, что по неопытности девушка не поймет, какого характера должны быть отношения между мужем и женой. Некоторое время дружеские отношения между супругами складываются успешно, но когда Ённокими забеременела от Сайсё, лучшего друга Химэгими, отношения практически разрываются. Химэгими перестает навещать свою жену.

Нужно отметить также и Сайсё не только как одного из важных действующих лиц, но и как персонажа с «нормальным», соответствующим полу гендером, которого периодически в романе сравнивают с Химэгими. В «Торикаэбая моногатари» о Сайсё говорится, что он «был не столь красив, как Химэгими, но и его отличали благородство и красота» (Часть 2, 5) [Там же]. С одной стороны, сам Сайсё (человек ветреный и влюбчивый) завидует Химэгими как сопернику, обладающему несравненными красотой и изяществом, которые привлекают женщин с первого взгляда (Часть 1, 8) [Там же]. Но, с другой стороны, он же думает о своем друге: «Помимо всего прочего, в нем есть такая необычайная хрупкость. Будь он женщиной, цены бы такой не было. Вот бы встретить такую!» (Часть 1, 8) [Там же].

Становится сложным определить, что же все-таки должно отличать в гендерном перформансе мужчину от женщины по хэйанским канонам. Ведь единственное, что останавливало Сайсё, – это заблуждение на счет половой принадлежности Химэгими. Выходит, что *качества (как внешние, так и внутренние), которыми обладает Химэгими, могут сделать его в глазах окружающих как идеальным мужчиной, так и идеальной женщиной.*

В тексте романа достаточно четко артикулируется только одно различие: женщина ассоциируется со слабостью и покорностью. Сайсё, опечалившись от того, что не получил ответ на любовное письмо, говорит, утирая слезы: «Я чувствую себя слабым, как женщина» (Часть 2, 5) [Там же]. Однако персонажи, в маскулинности которых не приходится сомневаться, то и дело проявляют эти качества, не стыдясь и не задумываясь о том, насколько их поведение мужественное или женственное.

Именно то, что Сайсё раскрывает тайну Химэгими, приводит к постепенному разрешению гендерной путаницы. Из-за того, что Химэгими понесла от Сайсё, ей приходится скрыться в поместье в Удзи, далеко от столицы. Химэгими долго колеблется, не желая

расставаться со своей жизнью при дворе (не удивительно, ведь ему удалось сделать блестящую карьеру; иерархически, кстати, Химэгими находится выше Сайсё). Однако Сайсё, раньше восхищавшийся и завидовавший успешности друга в мужском обличии, теперь говорит: «Я спрячу тебя, ты будешь только женщиной. Если ты останешься мужчиной, я не смогу видеть тебя так часто, как хочет того мое сердце, а это невыразимо печально. Сколь бы странным это теперь ни казалось, но с самых давних времен женщина слушается мужчину – нравится ей это или нет, так уж повелось. Да и тебе самой быть мужчиной вовсе не подходит» (Часть 2, 13) [Там же].

Беременная Химэгими оказывается в безвыходной ситуации и вынуждена отправиться в Удзи, жить затворницей. Как и предполагала Химэгими, ветреный Сайсё продолжает оказывать знаки внимания Ённокими. Химэгими чувствует себя униженной и планирует на время притвориться понимающей и мягкой, а затем сбежать.

Естественно, при дворе в Хэйан не могли не заметить внезапную пропажу Внутреннего министра, начинаются поиски Химэгими. Решается отправиться на поиски и Вакагими, который неожиданно преисполняется мужественности, заявляя: «Я ведь все-таки мужчина, мне не подобает оставаться безучастной. Я хочу стать тем мужчиной, каким мне назначено быть, и сделать все возможное, чтобы найти Химэгими» (Часть 3, 13) [Там же].

Вакагими остригает волосы, облачается в мужские одежды и впервые отправляется во внешний мир. Его робость и стеснение пропадают в мгновение ока (возможно, из-за того, что автор «Торикаэбая моногатари» изначально не уделял персонажу Вакагими большого внимания).

Переход от производства одного гендера к другому подтверждает постфеминистский постулат о том, что нельзя стать женщиной (или мужчиной) раз и навсегда [2. С. 339]. Идентичность, формирующаяся относительно общества, – это процесс ее создания и демонстрации (перформанс).

Обратная смена гендерных ролей в романе происходит достаточно легко и естественно. Автор всячески старается подчеркнуть то, что новые (более естественные) гендерные роли идут Химэгими и Вакагими даже больше, чем их прежние (хотя Химэгими и пользовался успехом как мужчина, а Вакагими – как женщина).

Вот как описывается новый образ Химэгими в «Торикаэбая моногатари»: «Она отдохнула, видно, под действием снадобья ее волосы отросли и приобрели изысканный блеск, брови же были выщипаны, как то и положено. Теперь она уже ничем не отличалась от женщины своего круга, и ее блистательный и благоуханный женский облик затмевал ее прежнее мужское обаяние, но лицо ее все еще выражало тревогу, растерянность и покорность. Всей душой она желала отдаться ухаживаниям и заботам Сайсё. Осознав естественность своего нынешнего положения, она приобрела в обхождении мягкость, и никто бы не подумал, что она – тот же самый человек, что прежде. В ее утонченности и изящности не было ни единого изъяна» (Часть 3, 10) [11].

Однако ситуация гендерной путаницы не могла пройти бесследно, и автор объясняет слишком смелые и решительные для женщины действия Химэгими, стремящейся вырваться любой ценой из плена Сайсё, отголосками ее «мужского» прошлого. Например, когда Химэгими покидает поместье Удзи, зная, что никогда больше не увидит своего сына: «Она вышла, думая лишь о ребенке. Казалось, сейчас она вернется, но все-таки она решилась уйти – видно, в ней осталась твердость, которую она приобрела будучи мужчиной» (Часть 3, 31) [Там же].

Несколько необычное поведение Химэгими отмечается и когда она появляется уже при дворе в роли Вакагими, хранительницы женских покоев: «Ее раскованные, блестящие манеры и независимость были, безусловно, мужскими» (Часть 2, 13) [Там же]. Но никто ее не осуждает за это нетипичное поведение, наоборот, это только вызывает восхищение как у императора, так и у придворных дам.

В конце концов, Химэгими и Вакагими находят друг друга и решают поменяться ролями. Химэгими учит брата играть на кото и писать в ее стиле (чтобы никто не отличил почерк и манеру игры). Вакагими рассказывает о положении дел в женских покоях. Дальнейшие судьбы сестры и брата складываются удачно. Ведь теперь женщина-Химэгими может стать женой императора (который давно был заинтересован в этом браке). Родив наследника, она становится императрицей (нёин). А мужчина-Вакагими продолжает службу, находит еще одну жену, улучшает отношения с Ённокими (и делает ее второй женой) и даже обзаводится любовницей.

Этот роман открывает нам еще один вариант рассмотрения героев: не по половому признаку, а по гендерному, как Химэгими-Вакагими в мужской ипостаси и Вакагими-Химэгими в женской. В обществе хэйанской аристократии должность, ранг и служба говорят о человеке куда больше, являясь и лицом человека, и социально-экономическим капиталом. Вакагими не просто «наследует» должность и место Химэгими, но также и жену, имущество, детей и даже любовницу (то есть продолжает отношения с той дамой, которая изначально заинтересовалась Химэгими в мужском облике).

Вообще японская литературная традиция (особенно моногатари) любит оперировать уже знакомыми образами, сюжетами и героями. Хоть «Торикаэбая моногатари» – очевидный вымысел, однако, возможно, описанная ситуация имеет под собой определенную основу, а у персонажа Химэгими был свой прототип.

В антологии «Цуцуми тюнагон моногатари» (текст которой относится предположительно к середине XI в.) есть рассказ «Любительница гусениц». Сюжет рассказа вращается вокруг некой Химэгими, дочери высокопоставленного советника, которая нарушает многие условности хэйанского общества (в том числе и гендерные).

В первую очередь она отказывается производить внешние атрибуты женского гендерного дисплея –

Химэгими не выщипывает брови, не чернит зубы, не белит лицо. За это окружающие девушки дразнят ее «белозубкой». Вообще, отсутствие такого макияжа – прерогатива мужчин, но нет никаких указаний на то, чтобы Химэгими обвиняли именно в мужланстве. В конце рассказа у девушки появляется воздыхатель, который при всем ее несоответствии находит Химэгими «красивой и благородной» [12. С. 94], при встрече отмечая, что «несмотря на неопрятность, в девушке было что-то особенное, весьма изящное и запоминающееся» [12. С. 93].

Более серьезным недостатком Химэгими является любовь к гусеницам, а не то, что она не использует макияж, носит широкие штаны или играет с мальчишками. Дело в том, что гусеницы – недостаточно изящные существа для аристократической хэйанской культуры, им не посвящаются стихи, потому что никто не находит их достойными любования.

Даже в гендерно эгалитарной культуре эпохи Хэйан, несмотря на небольшие отличия в восприятии женского и мужского образов, могла возникать ситуация диссонанса на гендерной почве, связанная с отказом индивида производить рекомендуемый и социально одобряемый вариант гендерного перформанса. Путаница, описанная в «Торикаэбая моногатари», осознается персонажами (и самим автором) как нежелательная, беспокоящая ситуация. Иного сложно ожидать от ситуации, в которой индивид испытывает серьезные трудности в социализации и вынужден ставить себя в некомфортное положение, чтобы вписаться в общество.

Стоит отметить, что обвинительные мотивы не свойственны «Торикаэбая моногатари»: персонажи, даже имея гендерную девиацию, воспринимаются как самоценные личности. Их качества и способности ценятся вне зависимости от того, какой они производят гендер. Более того, присутствует некое понимание, что даже такая нетипичная ситуация может быть в некоторой мере предопределенной, т.е. естественной по кармическим законам бытия.

Гендерное беспокойство имеет место быть, но оно не находится на первом плане. Никто из персонажей не стремится самостоятельно разрешить ситуацию гендерной путаницы, пока она сама не разрешается с течением времени.

Последующая перемена гендерных ролей приводит к возникновению отдельных образов – Внутреннего министра Химэгими-Вакагими (мужчины) и хранительницы женских покоев и жены императора Вакагими-Химэгими (женщины). Вне зависимости от того, кто исполняет эти роли, в обществе они существуют в качестве цельных, неделимых субъектов. Это подтверждает во многом выводы Джудит Батлер о том, что гендер является перформативным по своей сути: «…идентичность конструируется и утверждает себя в самом акте представления, а не выражает некую внутреннюю, предшествующую говорению и появлению сущность» [2. С. 300]. В ситуации гендерного беспокойства нарушаются законы пологендерного совпадения, что позволяет увидеть денатурализацию пола и гендера посредством изменения перформанса, что наглядно раскрывает как их различие, так и механизм фабрикации их единства [1. С. 137].

Если воспринимать гендер как механизм многократной стилизации тела и личности индивида при помощи набора повторяемых актов, созданного регулирующими рамками культурного дискурса [Там же. С. 139], то можно заметить, насколько смягчается жесткость этих регулирующих рамок в гендерно эгалитарной культуре. Не только сами рамки становятся более размытыми, но и нарушение предписанных правил переживается менее остро. Это прямой эффект гибкости регулятивных практик, которые и создают идею существования некой «истины пола».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Butler J.* Gender trouble: feminism and the subversion of identity. Routledge, 1990. 272 p.
2. *Антология* гендерной теории. М. : Пропилеи, 2000. 384 с.
3. *Верещака Е.А.* «Превращение пола» в культуре чукчей // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб., 2013. С. 324–334.
4. *Young A.* «Sworn Virgins»: The case of socially accepted gender change // Anthropology of East Europe Review. Vol. 16, № 1 (1998). P. 59–75.
5. *Киммел М.* Гендерное сообщество. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 464 с.
6. *Пасков С.С.* Япония в раннее Средневековье VII–XII века. Исторические очерки. М., 1987. 198 с.
7. *Япония* в раннее Средневековье. VIII–XII века: исторические очерки. М. : Наука, 1987.
8. *McCullough W.H.* Japanese Marriage Institutions in The Heian Period // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1967. Vol. 27. P. 103–167. URL : http://www.jstor.org/stable/2718385, free.
9. *Сэй-Сёнагон.* Записки у изголовья / пер. со старояп. и коммент. В. Марковой. М. : Худ. лит., 1975. 364 с.
10. *Мурасаки Сикибу.* Повесть о Гэндзи (Гэндзи-моногатари). Кн. 2 / пер. с яп. М. : Наука ; Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 270 с.
11. *Торикаэбая* моногатари, или Путаница: воспроизведено по «Торикаэбая моногатари, или Путаница». URL : http://vsemirnyisledopyt.ru/b/244492/read, free.
12. *Японская* новелла. СПб. : Северо-Запад Пресс, 2003. 589 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 июня 2015 г.

MAIN FEATURES OF "GENDER TROUBLE" PHENOMENON IN THE EGALITARIAN CULTURE (BY THE ANALYSIS OF A JAPANESE NOVEL *TORIKAEBAYA MONOGATARI*)

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 108–113. DOI: 10.17223/15617793/397/17

Boyarinova Polina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sampo-holder@ya.ru

Keywords: gender trouble; gender egalitarian culture; Heian culture.

American post-structuralist philosopher Judith Butler introduced the term "gender trouble" into scientific circulation. This is a situation in which the subject is confronted with a mismatch of the male or female categories with those genders produce (i.e. a situation in which gender and sexual identity do not match). The study of situations which generate gender trouble (on European material) gave the ground for debunking phallogocentric heterosexist matrix of European patriarchal culture. But the capacity of the given method is not fully disclosed, because it, like a litmus paper, is capable to uncover mechanisms of gender performativity in different cultures, in different time periods. A range of different cultures implies no rigid division into three or more genders, which are not corresponding to the binary pair of male-female. Through the mechanisms of initiation a biological woman can become a gendered male and a biological man can become a gendered female. Analysis of the phenomenon of gender trouble in an egalitarian culture has a special relevance to the contemporary political and social debate in the field of marriage, family and homosexuality. After all, the historical experience of the gender-egalitarian society's existence can show real examples of gender-equal society functioning. Japanese aristocratic culture of the Heian period is a prime example of gender egalitarian society which existed in real-life history. The situation in "Torikaebaya Monogatari, or Confusion" reflects gender trouble which happened on the basis of the gender identity shift between brother and sister. The story describes Heian rules of femininity and masculinity which are very close to each other. Socially approved virtues of men and women are generally the same. We can also observe reactions of others on the gender confusion (heroes themselves, their parents and surrounding people). In particular, parents resign themselves to the situation, suggesting that this state of affairs is predetermined by karma. The novella shows that the man performing the woman's gender role and the woman performing the male role both can be successful and achieve a lot in gender egalitarian society. But over time the nature and social norms take their course: the heroes again change their gender identity, and again easily fit into the hierarchy of society. The portrait of the heroine largely corresponds to the heroine of a short story "The Princess Who Loved Insects" from the anthology *Tsutsumi Chunagon Monogatari*, which suggests an existence of a prototype – a woman who really violated many conventions of the Heian society in one way or another. It should be noted that Heian literature has lack of conviction motives. Heroes do not lose their social significance because of gender and sex mismatch. This is a direct effect of the inexistence of the "truth of sex" and flexibility of regulatory practices.

REFERENCES

1. Butler, J. (1990) *Gender trouble: feminism and the subversion of identity*. Routledge.
2. Gapova, E. & Usmanova, A. (2000) *Antologiya gendernoy teorii* [Anthology of gender theory]. Moscow: Propilei.
3. Vereshchaka, E.A. (2013) "Prevrashchenie pola" v kul'ture chukchey ["The transformation of sex" in the culture of the Chukchi]. In: Chistov, Yu.K. (ed.) *Radlovskiy sbornik: Nauchnye issledovaniya i muzeynye proekty MAE RAN v 2012 g.* [Radlovsky collection: Scientific research and museum projects of the Museum of Anthropology and Ethnography, RAS, in 2012]. St. Petersburg: MAE RAN.
4. Young, A. (1998) "Sworn Virgins": The case of socially accepted gender change. *Anthropology of East Europe Review*. 16 (1). pp. 59–75.
5. Kimmel, M. (2006) *Gendernoe soobshchestvo* [Gender community]. Moscow: ROSSPEN.
6. Paskov, S.S. (1987) *Yaponiya v rannee Srednevekov'e. VII–XII veka. Istoricheskie ocherki* [Japan in the early Middle Ages. 7th – 11th centuries. Historical essays]. Moscow: Nauka.
7. Paskov, S.S. (1987) *Yaponiya v rannee Srednevekov'e. VII–XII veka. Istoricheskie ocherki* [Japan in the early Middle Ages. 7th – 11th centuries. Historical essays]. Moscow: Nauka.
8. McCullough, W.H. (1967) Japanese Marriage Institutions in The Heian Period. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 27. pp. 103–167. [Online]. Available from : http://www.jstor.org/stable/2718385. DOI: 10.2307/2718385
9. Sei Shōnagon. (1975) *Zapiski u izgolov'ya* [The Pillow Book]. Translated from Old Japanese by V. Markova. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
10. Murasaki Shikibu. (1993) *Povest' o Gendzi (Gendzi-monogatari)* [The Tale of Genji]. Book 2. Translated from Japanese. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura.
11. Anon. (n.d.) *Torikaebaya monogatari, ili Putanitsa* [Torikaebaya Monogatari, or The Changelings]. [Online]. Available from: http://vsemirniysledopyt.ru/b/244492/read.
12. Meshcheryakov. A. (2003) *Yaponskaya novella* [The Japanese novel]. St. Petersburg: Severo-Zapad Press.

Received: 03 June 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 114–118. DOI: 10.17223/15617793/397/18

УДК 94: 656.8

О.С. Гашкова

СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ ПОЧТОВОЙ СВЯЗИ В РОССИИ В 1991–2010 гг.

Исследуется структура управления почтовой связи в России в постсоветский период. Выделяются два основных этапа изменений модели управления связи: децентрализованный (1991–2002 гг.) и централизованный (2002–2010 гг.). Приводятся организационные структуры Томского областного производственно-технического управления связи, Управления федеральной почтовой связи Томской области и ФГУП «Почта России». Обосновываются причины предпочтительности централизованной структуры управления почтовой связи перед децентрализованной.

Ключевые слова: почтовая связь; структура связи; 1991–2010 гг.; Томская область.

В начале 1990-х гг. положение в стране было достаточно напряженным: распад СССР, экономическая нестабильность, смена политической системы и становление новой российской государственности. В этих условиях возникла необходимость пересмотра существующих моделей управления как отдельными организациями, предприятиями и учреждениями, так и отраслями в целом. Почта, являясь социально значимым объектом инфраструктуры, требовала тщательного подхода к организации управления.

Под влиянием внешних факторов структура почтовой связи на протяжении 1991–2010 гг. видоизменялась, пройдя два основных этапа:

1) 1991–2002 гг. – децентрализация почтовой системы и создание самостоятельных управлений федеральной почтовой связи в субъектах Российской Федерации;

2) 2002–2010 гг. – реструктуризация почтовой связи и создание единого государственного оператора связи – Федерального государственного унитарного предприятия (ФГУП) «Почта России».

На первом этапе в соответствии с Государственной программой приватизации государственных и муниципальных предприятий [1] начался процесс перевода предприятий связи из государственной в частную собственность. Изменения были направлены на создание децентрализованной модели управления связи, гибкой и адаптивной структуры с преобладанием экономических способов воздействия на объекты управления [2].

В соответствии с программой демонополизации отрасли связи [3] были поставлены следующие задачи:

1. Разукрупнение единой монопольной структуры, разделение отрасли связи на организационно независимые сферы – почту, радиосвязь, радио- и телевещание, прочие виды электрической связи.

2. Отказ от централизованной системы управления, изменение функций Министерства связи РФ, расширение самостоятельности региональных операторов связи.

3. Приватизация имущества государственных предприятий электросвязи.

4. Увеличение числа хозяйствующих субъектов, действующих на рынке связи.

По состоянию на 1992 г. в отрасли связи функционировали 247 государственных предприятий и организаций, в том числе 145 предприятий и организаций, относящихся к основной деятельности [2]. В Томской области эта сфера была представлена областным производственно-техническим управлением связи, которое контролировало почту, электросвязь, радио- и телевещание (рис. 1). После 1993 г. отрасль связи была разделена на независимые организации – Федеральное управление почтовой связи, ОАО «Ростелеком», государственное акционерное общество «Телерадио», ОАО Агентство «Роспечать» и др. С одной стороны, такой шаг позитивно повлиял на дальнейшее развитие электросвязи, но, с другой стороны, усугубил финансовое положение почты. Кроме того, разделение отрасли связи нарушило единую коммуникационную систему, разрывая сложившиеся организационные и структурные связи.

В итоге в процессе децентрализации на территории страны было создано 85 самостоятельных управлений федеральной почтовой связи (УФПС), организованных по территориальному принципу [5]. Каждое из управлений являлось юридическим лицом с правом ведения хозяйственной деятельности и предоставления услуг почтовой связи только в определенном субъекте Российской Федерации. В подчинении УФПС Томской области остались городской почтамт, городские и районные узлы связи, отделение перевозки почты и автобазы (рис. 2).

Однако изменение структуры управления почтовой связи не обеспечило стабильную работу почты. Сокращение доходов почты, вызванное разделением отрасли связи, сокращением доли отчислений от доставки пенсий и появлением частных операторов связи, привело к ухудшению качества услуг (снижение скорости доставки почтовых отправлений) и обслуживания (закрытие нерентабельных отделений связи, в основном сельских, и сокращение числа сотрудников почтовой связи).

Комплекс проблем, с которыми в результате столкнулась почтовая отрасль в 1990-х гг., вызвал снижение спроса на традиционные услуги, рельефно отразив кризисную ситуацию отрасли. Кроме того, сокращение доходов почты было связано с ухудшением финансового положения населения. В 1992 г. темпы инфляции в России достигали 25% в месяц, в результате чего наблюдалось резкое увеличение цен. В 1993 г. потребительские цены в Томской области выросли в 11,9 раза, а денежные доходы населения – в 11 раз [Там же. С. 730]. Так, количество отправленных писем за 1991–2001 гг. в России сократилось в 3,3 раза (с 3 964,2 до 1 188,5 млн штук), а количество отправленных посылок – в 9,6 раз (с

129,7 до 13,4 млн шт.) [7]. В Томской области в этот период объем письменной корреспонденции уменьшился в 3,3 раза (с 21,4 до 6,4 млн шт.), а посылок – в 10 раз (с 1 до 0,1 млн шт.) [6. С. 741].

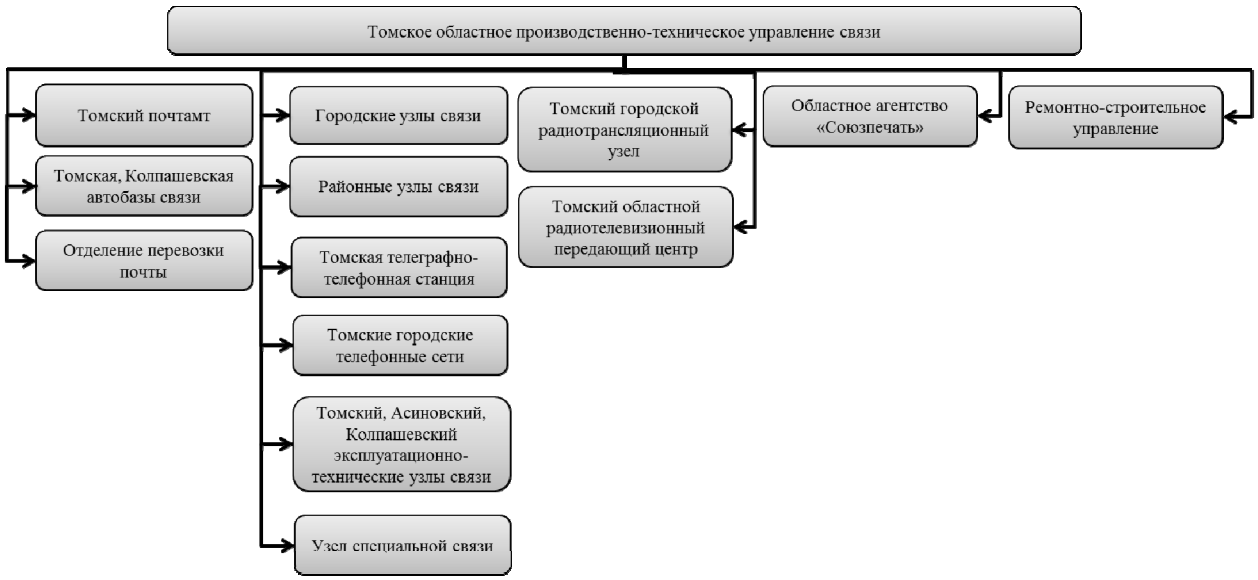

Рис. 1. Структура Томского областного производственно-технического управления связи в 1980–1992 гг. [4. Л. 3]

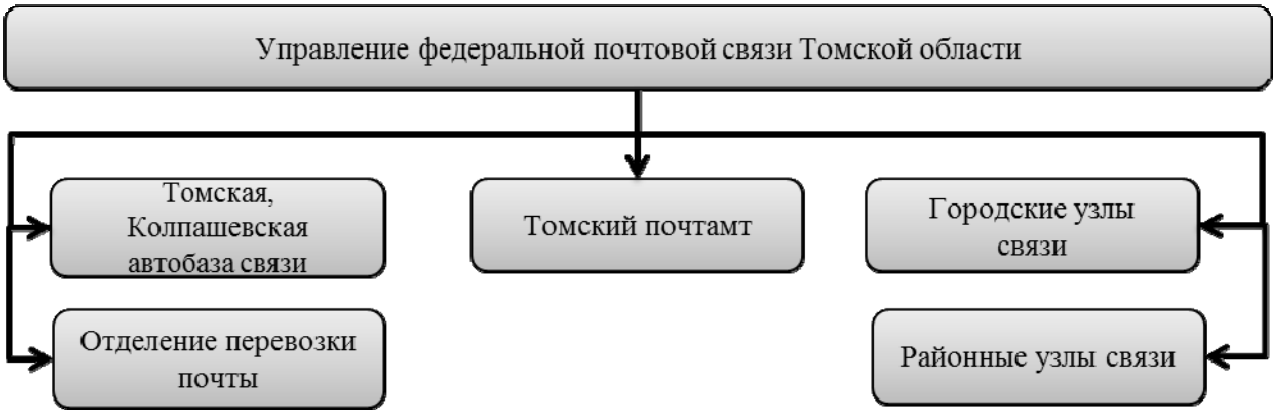

Рис. 2. Управление федеральной почтовой связи Томской области по состоянию на 1993 г. [6. С. 733].

Таким образом, почтовая связь в 1991–2002 гг., как в России, так и в регионах, характеризовалась как неустойчивая и не обеспечивающая бесперебойность работы коммуникационной системы. В начале 2000-х гг. структура почты всё чаще стала демонстрировать свою неэффективность и необходимость трансформации. Среди проблем децентрализованной структуры почтовой связи выделялись:

1) отсутствие единых принципов управления в рамках федеральной почтовой связи;

2) отсутствие единой стратегии развития, приведшее к низкой технической оснащенности объектов связи и низкой заработной плате сотрудников;

3) отсутствие единого стандарта оказания услуг;

4) неблагоприятная ситуация с доходами и рентабельностью организаций федеральной почтовой связи. В частности, только за три года (с 2001 по 2003 г.) количество убыточных УФПС увеличилось с 17 до 46 [8. С. 21];

5) снижение объёма традиционных услуг.

Таким образом, децентрализованная структура управления была признана неэффективной и непригодной для проведения масштабных программ модернизации инфраструктуры, улучшения качества работы почтовой связи, а также затруднявшей стандартизацию услуг почтовой отрасли. Кроме того, децентрализованная модель управления привела к доминированию местных хозяйственных и финансовых интересов над общесистемными, что противоречит основному принципу функционирования государственной почтовой связи – обеспечение единой надежной и качественной связи в пределах всей страны.

На втором этапе существовавшая модель управления почтовой отрасли была пересмотрена. В целях реорганизации почтовой сети в 2002 г. была разработана «Концепция реструктуризации организаций федеральной почтовой связи» [9], главной задачей которой было сохранение функционирования почтовой структуры, выполняющей важнейшую социальную функцию – обеспечение эффективной коммуникации

между людьми посредством предоставления качественных почтовых услуг.

Для построения оптимальной структуры управления почты был проведён анализ реформирования иностранных государственных операторов почтовой связи. Из международного опыта следовало, что для большинства стран Европы наиболее оптимальной являлась организационная структура по видам деятельности с сохранением централизованного управления. В рамках государственного оператора почтовой связи создавались подразделения, каждое из которых отвечало за предоставление одной услуги (например, экспресс-почта). При этом отделения могли иметь свою внутреннюю структуру. Однако применение подобной структуры в России было невозможно. Территориально распределенная сеть филиалов, неоднородность спроса на услуги и уровня конкуренции, характерные для России, требовали индивидуального подхода к управлению федеральной почтовой связью в различных регионах. Таким образом, наиболее выигрышной организационной структурой для России являлась централизованная модель, соединяющая в себе элементы географической организационной структуры и структуры по видам деятельности [9].

Процесс централизации управлений почтовой связи начался в 2002 г. путём их слияния и создания ФГУП «Почта России» [10], а завершился в 2010 г. присоединением ФГУП Управления почтовой связи «Татарстан Почтасы». В составе ФГУП «Почта России» по состоянию на 31 декабря 2010 г. значилось 86 филиалов, в том числе 82 территориальных УФПС, в подчинении которых находятся почтамты и отделения почтовой связи; «EMS Почта России» – филиал, отвечающий за экспресс-доставку почтовых отправлений; «Russian Post» – филиал ФГУП «Почта России» в Германии; Главный центр магистральных перевозок почты (ГЦМПП) и Автоматизированные сортировочные центры [11. С. 20–21] (рис. 3).

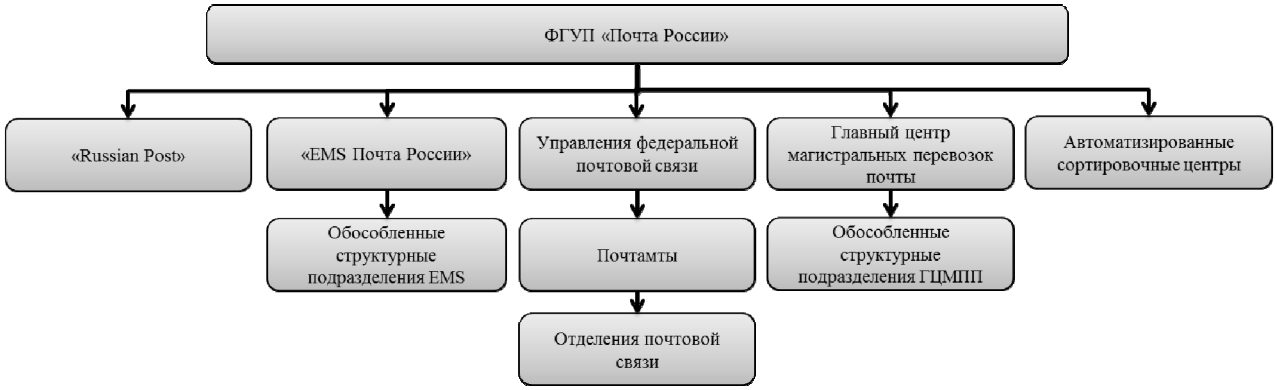

Рис. 3. Структура ФГУП «Почта России» по состоянию на 2010 г. [11. С. 28–29]

Вместе с тем внедрение единых систем управления выдвинуло новые задачи в области организации сети отделений связи. В 2005 г. была начата внутренняя оптимизация филиальной сети [12. С. 15, 17], в рамках которой были реализованы следующие мероприятия:

1. Структура аппаратов управления филиалов была приведена к единому стандарту, что позволило повысить качество управления филиалами по основным направлениям деятельности. Кроме того, за счёт ликвидации дублирующих функций в различных подразделениях численность центрального аппарата сократилась почти на 30% [13. С. 42], а эффективность работы выросла.

2. За счет укрупнения (слияния) почтамтов удалось повысить доходность подчиненных им почтовых отделений связи.

3. В целях увеличения количества отделений почтовой связи (ОПС) и повышения доступности почтовых услуг в городах ОПС стали открываться в новостройках, а также в супермаркетах и торговых центрах.

4. Для повышения рентабельности сельских ОПС обслуживание потребителей в сельской местности стало переводиться на новые форматы: передвижные ОПС и обслуживание почтальонами близлежащих отделений [11. С. 42].

В результате реструктуризации повысилось качество услуг и обслуживания почтовой связи, увеличились доходы почты. Кроме того, увеличение спроса на услуги связи было связано с ростом благосостояния населения России в 2002–2010 гг. С 1995 по 2010 г. удельный вес численности населения России с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения уменьшился с 30,6 до 17,4% [14]. Среднедушевой доход населения Томской области вырос с 2 070 руб. в месяц в 2000 г. до 15 070 руб. в месяц в 2010 г. [15]. Так, количество писем, отправленных за 2002–2010 гг. в России, возросло в 1,3 раза (с 1 230 до 1 608,7 млн шт.). Объём оказанных населению услуг в России к 2010 г. вырос в 4,6 раза в сравнении с 2000 г. (с 4 662,4 до 21 686,9 млн руб.) [16]. В Томской области в 2009 г. письменной корреспонденции было отправлено в 1,5 раза больше (с 6,8 до 10,2 млн шт.), посылок – в 2,2 раза больше (с 64,6 до 142,6 млн шт.), чем в 2000 г. [17]. Основную статью доходов почты в стране в 2009 г. составляли финансовые (40,7%) и почтовые (45%) услуги. В условиях новой модели управления почте удалось найти баланс между выполнением социальной функции и необходимостью рентабельного функционирования. Так, доходы, получаемые от финансовых и торговых услуг, почта

стала направлять на субсидирование убытков, связанных с предоставлением регулируемых государством почтовых услуг, а также на развитие новых сервисов и внедрение современной техники [11. С. 8]. В 2009 г. почте удалось выйти на уровень положительной рентабельности [13. С. 61].

Итак, на втором этапе развития почтовой связи (2002–2010 гг.) центробежные тенденции управления почтой сменились центростремительными. Процесс централизации отделений связи позволил создать единую почтовую сеть, обеспечивающую гарантированное предоставление услуг вне зависимости от региона России. Консолидация организаций отрасли позволила реализовать комплекс мер, направленных на повышение финансово-экономических показателей почты; разработать и внедрить пакет новых высокотехнологичных сетевых услуг; внедрить единую систему мониторинга эффективности деятельности по оказанию услуг почтовой связи [11. С. 17]. Удалось также повысить эффективность закупочной деятельности за счет экономии на объемах и унификации модельного ряда приобретаемого оборудования – транспортных средств и вычислительной техники [10. С. 24–25].

Таким образом, организационная структура почтовой связи на протяжении 1991–2010 гг. дважды изменялась. Принятая в начале 1990-х гг. децентрализованная система управления почтой являлась вынужденной. Дробление оказало негативное влияние на эффективность деятельности почтовой отрасли. Почтовая связь в силу своей социальной значимости нуждалась в централизованном управлении и контроле. Поэтому со сменой политической и экономической обстановки в России в начале 2000-х гг. и преодолением острой фазы кризиса система управления почтовой отраслью была пересмотрена. Выдвинув задачи повышения рентабельности почтовых отделений и объединения филиалов, руководство отрасли вернулось к централизованной системе организации почтовой сети, которая позволила повысить качество услуг и обслуживания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Постановление* Верховного Совета Российской Федерации от 11.07.1992 № 2980-1 «Об утверждении Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год» / Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12398/, ограниченный (дата обращения: 25.02.2015).
2. *Постановление* Правительства Российской Федерации от 25.07.1992 № 526 «О программе акционирования и приватизации в отрасли “Связь” на 1992 год (прогноз на 1993–1994 годы)» / Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_992/, ограниченный (дата обращения: 25.02.2015).
3. *Постановление* Правительства РФ от 4.09.1995 № 878 «Об утверждении программы демонополизации отрасли связи» / Ресурс «Инновации и предпринимательство». URL: http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_34370.html, свободный (дата обращения: 06.05. 2012).
4. *Статистические* отчеты о численности, составе и движении работников, занимающих должности руководителей и специалистов, за 1989 год // Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. Р-1134. Оп. 3. Д. 1522.
5. *Реорганизация* структуры управления – эволюционный этап развития Почты России // Почта России. 2010. № 1.
6. *Яковлев Я.А., Рассамахин Ю.К.* Рассказы о томской почте. Томск, 2003.
7. *Российский* статистический ежегодник : стат. сб. Росстат // Университетская информационная система «Россия». М., 2013. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
8. *Годовой* отчет ФГУП «Почта России» за 2004 год / Годовые отчеты ФГУП «Почта России». URL: http://www.russianpost.ru/rp/company/ru/home/plans/plans/reports_god, свободный (дата обращения: 19.02.2015).
9. *Распоряжение* Правительства РФ от 28.06.2002 № 885–Р «Концепция реструктуризации организаций федеральной почтовой связи» / Нормативные документы ФГУП «Почта России». URL: http://www.russianpost.ru/rp/servise/ru/home/documents/conception, свободный (дата обращения: 20.10.2013).
10. *Распоряжение* Правительства РФ от 05.09.2002 № 1227–Р «О создании федерального государственного унитарного предприятия «Почта России» / Информационно-правовой портал «BestPravo». URL: http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/eb-instrukcii/b3k.htm, свободный (дата обращения: 30.04.2012).
11. *Годовой* отчет ФГУП «Почта России» за 2010 год / Годовые отчеты ФГУП «Почта России». URL: http://www.russianpost.ru/rp/company/ru/home/plans/plans/reports_god, свободный (дата обращения: 19.02.2015).
12. *Годовой* отчет ФГУП «Почта России» за 2006 год / Годовые отчеты ФГУП «Почта России». URL: http://www.russianpost.ru/rp/company/ru/home/plans/plans/reports_god, свободный (дата обращения: 19.02.2015).
13. *Годовой* отчет ФГУП «Почта России» за 2009 год / Годовые отчеты ФГУП «Почта России». URL: http://www.russianpost.ru/rp/company/ru/home/plans/plans/reports_god, свободный (дата обращения: 19.02.2015).
14. *Регионы* России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации : стат. сб. Росстат // Университетская информационная система «Россия». М., 2012. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
15. *Регионы* России. Социально-экономические показатели : стат. сб. Росстат // Университетская информационная система «Россия». М., 2013. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
16. *Российский* статистический ежегодник : стат. сб. Росстат // Университетская информационная система «Россия». М., 2013. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
17. *Связь* в России : стат. сб. Росстат // Университетская информационная система «Россия». М., 2010. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 апреля 2015 г.

THE MANAGEMENT STRUCTURE OF POST SERVICE IN RUSSIA IN 1991–2010

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 114–118. DOI: 10.17223/15617793/397/18

Gashkova Olga S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olga-gashkova@rambler.ru

Keywords: Post service; management structure of communication; 1991-2010; Tomsk region.

At the beginning of the 1990s the situation in Russia was quite tense: the collapse of the Soviet Union, the economic instability, the change of the political system and the creation of a new Russian state. Under these conditions, the existing models of organiza-

tions' management structure were revised. The structure of the postal service throughout the 1991–2010 was modified, there were two main stages: 1) 1991–2002: the decentralization of the postal system and the creation of separate departments of the federal postal service in the Russian Federation regions; 2) 2002–2010: the restructuring of the postal service and the creation of the united Post Service – Federal State Unitary Enterprise (FSUE) "Russian Post". At the first stage, the communication sphere has been divided into independent organizations – postal service, radio, radio and television broadcasting, and other types of telecommunications. As a result, 85 independent departments of federal postal service organized on a territorial basis were established. However, management changes of postal service did not provide a stable work. Reduction of income and decrease of demand led to a crisis of postal service. Thus, the postal service in 1991–2002, both in Russia and in its regions, was characterized as an unstable communication system. At the beginning of the 2000s the postal management structure became inefficient and needed transformation. At the second stage, the existing postal management structure was revised. The centralized management structure with a combination of geographic and functional structures was selected for the Russian Post Service. In 2002 the FSUE Russian Post was created and the process of uniting the federal postal service departments began, ending in 2010. As a result of the restructuring of the postal management structure the quality of services and the income increased. The process of post offices centralization created a united postal network providing guaranteed services throughout the country. Thus, the management structure of the postal service throughout the 1991–2010 changed twice. The decentralized system of the 1990s was forced. The subdividing had a negative impact on the efficiency of the postal sphere. At the beginning of the 2000s the management system of the postal service was revised. The governing body returned to the centralized system of the postal network, putting forward the goals of increasing the quality of services and profitability of post offices.

REFERENCES

1. Russian Federation. (1992) Resolution of the Supreme Soviet of the Russian Federation of 11.07.1992 no. 2980-1 "On the approval of the State program of privatization of state and municipal enterprises in the Russian Federation in 1992". [Online]. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12398/. (Accessed: 25 February 2015). (In Russian).
2. Russian Federation. (1992) Resolution of the Government of the Russian Federation of 25.07.1992 no. 526 "On the corporatisation and privatization in the communication industry in 1992 (estimates for 1993–1994)". [Online]. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_992/. (Accessed: 25 February 2015). (In Russian).
3. Russian Federation. (1995) Resolution of the Government of the Russian Federation of 4.09.1995 no. 878 "On approval of the program of demonopolization of the telecommunications industry". [Online]. Available from: http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_34370.html. (Accessed: 06.05. 2012). (In Russian).
4. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1134. List 3. File 1522. Statistical reports on the size, composition and movement of employees holding positions of managers and professionals for 1989. (In Russian).
5. Anon. (2010) Reorganizatsiya struktury upravleniya – evolyutsionnyy etap razvitiya Pochty Rossii [The reorganization of the management structure – an evolutionary stage of development of the Russian Post]. *Pochta Rossii*. 1.
6. Yakovlev, Ya.A. & Rassamakhin, Yu.K. (2003) *Rasskazy o tomskoy pochte* [Stories about Tomsk Post]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Rosstat. (2013) *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik* [Russian Yearbook of Statistics]. Moscow: Rosstat.
8. Russian Post. (c. 2004) *Godovoy otchet FGUP "Pochta Rossii" za 2004 god* [Annual report of FSUE Russian Post for 2004]. [Online]. Available from: http://www.russianpost.ru/rp/company/ru/home/plans/plans/reports_god. (Accessed: 19th February 2015).
9. Russian Federation. (2002) Order of the Government of the Russian Federation of 28.06.2002 no. 885-P "The concept of restructuring of the federal postal communication organizations". [Online]. Available from: http://www.russianpost.ru/rp/servise/ru/home/documents/conception. (Accessed: 20th October 2013). (In Russian).
10. Russian Federation. (2002) Order of the RF Government of 05.09.2002 no. 1227-P "On establishment of the federal state unitary enterprise Russian Post". [Online]. Available from: http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/eb-instrukcii/b3k.htm. (Accessed: 30.04.2012). (In Russian).
11. Russian Post. (c. 2010) *Godovoy otchet FGUP "Pochta Rossii" za 2010 god* [Annual report of FSUE Russian Post for 2010]. [Online]. Available from: http://www.russianpost.ru/rp/company/ru/home/plans/plans/reports_god. (Accessed: 19th February 2015).
12. Russian Post. (c. 2006) *Godovoy otchet FGUP "Pochta Rossii" za 2006 god* [Annual report of FSUE Russian Post for 2006]. [Online]. Available from: http://www.russianpost.ru/rp/company/ru/home/plans/plans/reports_god. (Accessed: 19th February 2015).
13. Russian Post. (c. 2009) *Godovoy otchet FGUP "Pochta Rossii" za 2009 god* [Annual report of FSUE Russian Post for 2009]. [Online]. Available from: http://www.russianpost.ru/rp/company/ru/home/plans/plans/reports_god. (Accessed: 19th February 2015).
14. Rosstat. (2012) *Regiony Rossii. Osnovnye kharakteristiki sub"ektov Rossiyskoy Federatsii* [Regions of Russia. The main characteristics of the subjects of the Russian Federation]. Moscow: Rosstat.
15. Rosstat. (2013) *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli* [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. Moscow: Rosstat.
16. Rosstat. (2013) *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik* [Russian Yearbook of Statistics]. Moscow: Rosstat.
17. Rosstat. (2010) *Svyaz' v Rossii* [Communications in Russia]. Moscow: Rosstat.

Received: 30th April 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 119–119–123. DOI: 10.17223/15617793/397/19

УДК 070:654.197]:374.7(470.34)

А.А. Данилов

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В РАСШИРЕНИИ КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕВЕЩАНИЯ МАРИЙ ЭЛ, МОРДОВИИ И ЧУВАШИИ)

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-11-21003.

Анализируются общие и особенные характеристики расширения культурно-воспитательной функции телевидения Марийской, Мордовской и Чувашской республик на различных этапах развития российского государства. Делаются выводы о том, что для развития телевидения исследуемого региона характерны те же этапы, что и для советского телевидения в целом, однако в этих процессах имелись специфические особенности, что, несомненно, отражалось на работе телевизионных структур. Освещается работа по организации центров, осуществляющих подготовку квалифицированных национальных кадров для телевидения. Рассматриваются пути решения проблем, связанных с многообразием национальных традиций и культур вышеобозначенного региона. Исследуются аспекты функционирования национальных телевизионных каналов, общественного телевидения.

Ключевые слова: телевидение; культурно-воспитательная функция; Чувашия; Марий Эл; Мордовия.

В настоящее время телевидение представляет из себя одно из самых массовых средств распространения культурной, воспитательной информации. Тема исследования, несомненно, актуальна, что подтверждается активными дискуссиями о повышении культурного уровня аудитории, значении телевидения в воспитательном процессе. Исследование направлено на анализ одной из главных проблем жизнедеятельности нашего государства – поддержание, сохранение и развитие культуры посредством важнейшего СМИ – телевидения. Актуальность темы подтверждается указом Президента РФ, в соответствии с которым 2014 г. в стране объявлен Годом культуры. По мнению министра культуры В.Р. Мединского, ключевым моментом Года культуры в РФ станет поворот к регионам. По его мнению, Год культуры позволит «высветить накопившиеся проблемы» и сформулировать задачи на будущее.

Исследуемая в рамках работы проблема не получила всестороннего анализа в трудах ученых. Представленная работа будет демонстрировать первый опыт сравнительно-сопоставительного обобщения общего и особенного в вопросах расширения культурно-воспитательной функции телевидения в Чувашии, Марий Эл и Мордовии. Цель и задачи исследования заключаются в том, чтобы на базе изучения литературы и источников, современных научно-методологических подходов выделить особенное и общее в расширении культурно-воспитательной функции регионального телевидения с учетом общих черт и отличительных характеристик телевещания Чувашии, Марий Эл и Мордовии.

Национальное телевидение России имеет особую значимость, его появление стало серьезным шагом в их национально-государственном и культурном развитии. Территориальные границы исследования составляют регионы Среднего Поволжья. В советский период в исследуемые границы входили территории Марийской, Мордовской и Чувашской АССР. В начале 1990-х гг. данные территории вошли в субъекты постсоветской России – Марийскую, Мордовскую и Чувашскую республики. Для данных субъектов характерны общность исторического прошлого, естественно-географическая близость, многонациональный состав населения, тесные связи в культурной, экономической жизни, традиции. Данные интегративные характеристики определяют целостность рассматриваемого региона. Телевизионные структуры Марий Эл, Мордовии и Чувашии имеют общие тенденции и специфические региональные особенности исторического развития. Специфику развития регионального телевидения нельзя не изучать в контексте функционирования телевидения страны в целом. Исторические факты в других регионах также утверждают наличие общих характеристик социокультурного феномена современности – телевидения.

Применительно к рассматриваемой теме интересен опыт исследования Е.Я. Дугина, в монографии которого «Местное телевидение: типология, факторы и условия формирования программ» [1] создается ретроспектива и определяются перспективы развития местного телевидения. Автором определяются специфические и общие факторы и условия функционирования: отличительные характеристики регионов в культурном и промышленном развитии, в количестве средств массовой информации, влияющих на формирование программ региональных телеканалов. К общим факторам относятся осуществление функций телевещания, координация региональных телепередач с программами Центрального телевидения и местными печатью и радио.

При изучении классификации и типологии телепрограмм Е.Я. Дугин пишет о понятии «телевизионная программа», которое ввиду «нейтральности» его содержательного определения можно в зависимости от выбранного критерия наполнить различной смысловой нагрузкой. В случае если в качестве основы типологии ставится характеристика «зрелищности», визуальной природы телевизионных структур, то понятие «программа» подразумевает определенный отрезок времени, в рамках которого транслируется «целенаправленно организованный структурный эле-

мент», определяемый как «телевизионное зрелище» [1. С. 13, 35].

В ходе работы нашел применение фундаментальный специально-научный метод исследования. *Историко-генетический метод* позволил провести изучение феномена телевидения от момента возникновения и в последующем историческом развитии, выявить взаимосвязь определенных фактов с фактологической базой, более ранней во времени, тем самым обозначив главные причинно-следственные связи. Посредством данного метода исследовательская группа органически охарактеризовала общее, особенное и единичное в исследуемых явлениях и процессах.

При определении общего и особенного необходимо учитывать хронологические рамки исследования, которые должны делиться на советский (1950–1991 гг.) и постсоветский (1991–2014 гг.) периоды. Для представленной периодизации характерны, главным образом, изменения в общественно-политической и социально-экономической сферах, оказывавшие серьезное влияние на развитие местного телевидения. Определение нижней границы обусловлено появлением в 50-х – начале 60-х гг. XX в. телевидения в исследуемом регионе. В советский период действовала вертикальная структура управления региональным телевещанием как подразделением Центрального телевидения. В постсоветские годы изменились материальные, организационные и содержательные основы деятельности регионального телевидения. Исследование в рамках данной периодизации дало возможность проанализировать тенденции становления и общие характеристики в расширении культурно-воспитательных функций телевизионных структур в Марийской, Мордовской и Чувашской республиках на различных этапах развития.

В ходе изучения опыта функционирования телевидения можно выделить общие и особенные характеристики в процессах расширения культурно-воспитательной функции телевидения исследуемого региона. В процессах деятельности регионального телевидения России советского периода много общих черт, так как эволюционное развитие регионального телевидения во многом зависело от центрального. Для развития телевидения Марийской, Мордовской и Чувашской АССР характерны те же этапы, что и для советского телевидения в целом. Однако в этих процессах имелись специфические особенности, что, несомненно, отражалось на работе телевизионных структур.

Наряду с общими тенденциями развития регионального телевидения в исследуемом регионе сформировались характерные особенности. В ходе сравнительно-сопоставительного анализа функционирования телевидения Марий Эл, Мордовии и Чувашии трудно определить единые временные границы становления и развития материально-технической составляющей телевидения, характерной для всего исследуемого региона. Более логичным, на наш взгляд, является выявление в истории телевидения рассматриваемого региона двух периодов – советского (1950–1991 гг.) и постсоветского (1992 г. – по настоящее время), так как на деятельности телевидения отражались главным образом социально-экономические и общественно-политические изменения. В советский период работавшая в исследуемом регионе телевизионная сеть не покрывала полностью телевизионным вещанием всю территорию рассматриваемых республик. Для регионального телевидения постсоветского периода характерны классификация по способу трансляции на цифровое, кабельное и эфирное, по форме собственности – на негосударственное и государственное, дальнейшая модернизация материально-технической базы, имеющая в большей степени эволюционный характер.

Становление и развитие телевидения в отдельных регионах СССР во многом шло консолидированно. Эволюционные процессы регионального телевизионного вещания во многом зависели от Центрального телевидения, в результате развития которого в середине XX в. феномен телевидения широко распространялся в СССР, в том числе и в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР. В 1956 г. телевидение появилось в Мордовской АССР, в 1960 г. – в Марийской АССР, в 1961 г. – в Чувашской АССР. В ходе развития телевидение рассматриваемых республик проходило этапы советского телевидения в целом. Однако в этих процессах наблюдался ряд некоторых специфических особенностей, обусловленных различными условиями. Зачастую на региональном уровне события и социально-экономические, общественно-политические и культурные явления происходили позже, в отличие от центральных районов страны, что, несомненно, отражалось на деятельности телевизионных структур [2. Л. 12; 3. Л. 2; 4. Л. 77].

В отличие от Марий Эл и Чувашии в Мордовии телевидение возникло несколько раньше. Популяризация телевидения среди так называемых радиолюбителей и поддержка региональных властных органов дали возможность в 1956 г. реализовать в Мордовии проект «любительского телевизионного центра», работавшего вплоть до организации государственной типовой телевизионной студии. Важным событием для телевизионных студий рассматриваемого региона стало использование передвижных телестанций, видеомагнитофонов, расширение спутниковой формы трансляции телевизионного сигнала, реализация аппаратно-студийных помещений нового поколения с переходом на цветное вещание, создание сети маломощных и мощных передатчиков телесигнала в районах региона. Все это определяло дальнейшее развитие местного телевидения. Также в 1980 г. в Мордовии заработал Саранский телевизионный завод, выпускавший телевизоры для многих регионов СССР. Постсоветский период характеризуется дальнейшим развитием телекоммуникационной сети в Марийской, Мордовской и Чувашской республиках, открытием негосударственных телевизионных каналов. Негосударственные телеканалы в Марий Эл и Мордовии возникли в 2000-е гг. – это телевизионная компания «СТС-Ола ТВ» с развлекательным форматом вещания, «Регион 12», ориентированные на создание информационных и тематических программ в Марий Эл,

и «Телесеть Мордовии», транслирующий собственные тематические и информационные программы в Мордовии. В Чувашии альтернативные телевизионные каналы возникли еще в 1990-х гг. К их числу относятся «Канашская телестудия», «Чебоксары-ТВ», «Канал 5 плюс». В 2000-х гг. возникли новые телевизионные каналы «Местное телевидение», Шумерлинская телевизионная студия «Новая реальность», «Новочебоксарское кабельное телевидение», молодежный телевизионный канал «ВТК-Информ». Таким образом, в Чувашии инфраструктура телевизионного вещания развита более широко и включает разноплановые телеканалы, ориентированные на разнообразную аудиторию и реализующие различные функции [5. С. 204].

В настоящее время группа интернет-СМИ рассматриваемого региона наряду с другими регионами Российской Федерации главным образом составляет совокупность аналогов печатных и уникальных сетевых изданий. В 2006 г. ГТРК «Чувашия» впервые среди представителей региональных телевизионных структур начала прямое интернет-вещание своих информационных продуктов. В декабре 2011 г. в Интернете начало телевещание Национальное телевидение Чувашии. Таким образом, подобные процессы имеют тенденцию расширения.

Полиэтничный характер населения рассматриваемого региона предопределил необходимость организации телепередач на национальных языках. К примеру, в эфире Чувашского телевидения транслировались передачи как на чувашском и русском, так и на татарском и мордовском языках. Этим объяснялась необходимость организации информационного обмена, подготовки профессиональных национальных кадров для телевидения, способствующих сохранению национальной самобытной культуры, ее дальнейшему развитию, обогащению культуры регионов, взаимосвязанных географической близостью, общим в историческом развитии, многообразием национального состава населения, прочными взаимоотношениями в культурной жизни, большим количеством общих традиций.

Это обусловило проведение в 1960–1970-х гг. в стенах Марийского, Мордовского и Чувашского государственных университетов планомерной работы по организации центров, осуществляющих подготовку квалифицированных национальных кадров для телевидения: создавались отделения, открывались специализации и кафедры журналистики. В Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова на основе кафедры журналистики для организации целенаправленной подготовки сотрудников телевидения, радио, прессы и интернет-СМИ в 1995 г. был создан факультет журналистики, в рамках которого введена специализация по телевизионной журналистике, а в 1999 г. в Чувашском госуниверситете заработала кафедра, занимающаяся целенаправленной подготовкой телевизионных кадров – кафедра электронных средств массовой информации и рекламы (в 2013 г. объединена в кафедру журналистики), что в немалой степени, на наш взгляд, способствовало организации новых телеканалов в регионе. Создание факультета и кафедры по телевидению помогло пополнить ГТРК «Чувашия» и другие телеканалы республики профессиональными журналистами.

В советский период на расширение культурно-воспитательной функции региональных телевизионных студий влияли, главным образом, преобразования в политической и социально-экономической жизни. Телевидение Марий Эл, Мордовии и Чувашии занималось, в первую очередь, разъяснением экономических, политических задач, ставящихся перед конкретными регионами. Однако в ходе работы местных телестудий учитывались особенности национального характера и региональная специфика. В своем творчестве телевизионные студии рассматриваемого региона уделяли внимание развитию и сохранению национальной культуры, межнациональному согласию. В советский период совершенствование содержания программ местного телевидения способствовало сближению культурного уровня сельского и городского населения. Также рассматриваемые телевизионные студии являлись катализатором сохранения национальной культуры населяющих регион народов. Для региональных телевизионных журналистов одной из приоритетных была задача пропаганды духовных ценностей народов изучаемого региона. Рассматриваемые телевизионные студии активно взаимодействовали в творческим плане, взаимно обогащая культуры.

Во второй половине 1980-х гг. из эфира телевизионных каналов были вытеснены культурно-просветительские и учебно-образовательные программы, что, на наш взгляд, серьезно не отразилось на деятельности телевизионных студий Марийской, Мордовской и Чувашской республик, так как наряду с усилением национального самосознания возрос интерес титульных наций к собственным историческим корням, культуре, языку. В 1990-е гг. на территории Марий Эл, Мордовии и Чувашии были приняты законы о языках, вместе с русским признававших государственными языки титульной нации. Реализация права наций на самоопределение оказала существенное влияние на работу государственных телевизионных каналов, ставших большое внимание уделять развитию и сохранению межнационального согласия, национальных культур.

В период становления российской государственности региональные телевизионные студии испытывали крайне тяжелое финансовое положение. Централизованное управление местным вещанием было разрушено. Демократические преобразования не изменили положения подконтрольности региональных СМИ местным власть имущим. В связи с этим следует отметить организованную на факультете журналистики Чувашского госуниверситета пресс-конференцию с участием известного тележурналиста В.В. Познера, в рамках которой он озвучил желание пригласить в программу «Познер» тогдашнего Президента Чувашии Н.В. Федорова. В ходе состоявшейся передачи, обсуждая ситуацию начала 1990-х гг., Н.В. Федоров констатировал то, что «в связи с происхождением российского государства как империи, в силу генетически заложенных угроз распада России на отдельные государства, и это подтверждается условиями, в которых формировалась Российская империя, в начале

1990-х гг. в условиях геополитических потрясений и ослабления государства, в Чувашии существовали серьезные националистические настроения» [6]. В тот момент была обозначена крайне жесткая позиция по недопущению подобных движений.

В 1990-х гг. свобода многими СМИ стала ассоциироваться со вседозволенностью, что, несомненно, не может являться свободой гражданского общества. Каждый журналист должен быть носителем внутренней ответственности, тем самым самоорганизуя деятельность средств массовой информации, обладающих статусом властного органа, не имеющих силы государственного влияния. В этом, на наш взгляд, в начале 1990-х гг. все-таки требовался некоторый контроль за средствами массовой информации со стороны государственных структур, поскольку на тот момент СМИ не могли быть одновременно свободными и ответственными перед российским обществом. Таким образом, в данный период особенностью деятельности телевидения в рассматриваемом регионе представляется контроль со стороны государства, что было нехарактерным для общефедерального телевидения.

В 2000-х гг. региональные государственные телерадиокомпании были преобразованы в филиалы всероссийского государственной радиовещательной компании, была построена жесткая вертикаль управления. Эта ситуация существенно изменила национальную сетку вещания – в приоритете оказалось информационное вещание за счет уменьшения объема трансляции телепередач, освещающих вопросы развития национальной культуры. Сегодня государственные телерадиокомпании исследуемого региона занимаются освещением мероприятий, праздников, проводимых национально-культурными центрами и объединениями, чего, безусловно, недостаточно. К примеру, одним из самых многочисленных в Российской Федерации является чувашский народ. В советский период количество передач на национальном языке в Чувашской АССР составляло 40–50%, в 1990-е гг. эти показатели достигали 60%. В Марий Эл и Мордовии подобные цифры в разные годы не превышали 5–10%. В 2004 г. ситуация изменилась после пересмотра политики вещания ВГТРК, доля тематического телевещания серьезно сократилась до минимальных значений, не превышающих 3–4% [7].

Существование общественного телевидения по примеру западных телевизионных каналов в определенной степени решило бы проблему давления на СМИ со стороны властных структур, однако в современных условиях существования действующей политической системы и финансовых возможностей населения его появление маловероятно, тем более в рассматриваемом регионе, характеризующимся высоким уровнем подчиненности средств массовой информации государству. Об этом, к примеру, свидетельствует ситуация в Марий Эл, в которой все оппозиционные печатные средства массовой информации выпускают тираж за пределами республики.

Решением проблем, связанных с многообразием национальных традиций и культур, может стать создание собственного национального телеканала по примеру опыта Башкортостана или Татарстана. Примеры из положительного опыта работы телевизионных студий советского периода, безусловно, полезны при внедрении концепций национального телевизионного вещания, активно обсуждаемых в настоящее время в рассматриваемом регионе. Однако в условиях современной экономической ситуации реализация подобных проектов затрудняется проблемами поиска необходимых средств в федеральном бюджете страны. В этом отношении примечателен опыт Чувашской Республики, в которой ведется планомерная работа по реализации национального вещания в регионе, в отличие от Марий Эл и Мордовии. Сегодня в данном регионе организована трансляция Национального радио Чувашии, производящего социально значимые программы (доля вещания на русском языке – 35%, чувашском – 60%, татарском и других языках – 5%) [8].

Также в Чувашии с декабря 2011 г. вещает первое Национальное телевидение Чувашии. С этого времени телеканал стал необходимым для жителей республики источником информации, подробно и оперативно освещающим все стороны жизни Чувашии. Записываются театральные постановки, концертные программы, торжественные, праздничные и спортивные мероприятия. Телеканал выступает информационным партнером многих важнейших мероприятий республиканского и всероссийского уровня, ведет прямые трансляции практических из всех городов и районов Чувашии. Организует социальные акции, конкурсы, викторины. На данный момент Национальное телевидение Чувашии – один из самых современных каналов региона, оснащенных передовым технологическим оборудованием.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дугин Е.Я.* Местное телевидение: типология, факторы и условия формирования программ. М. : Изд-во МГУ, 1982. 103 с.
2. *Центральный* государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р-1122. Оп. 1. Д. 178.
3. *Государственный* архив Республики Марий Эл. Ф. Р-658. Оп. 2. Д. 242.
4. *Государственный* архив современной истории Чувашской Республики. Ф. П-691. Оп. 1. Д. 59.
5. *Данилов А.А.* Формирование системы телевещания в Марийской, Мордовской и Чувашской республиках в 1990-е – 2000-е гг. // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11, № 6.
6. *Познер*. Гость в судии – Николай Федоров // Официальный сайт «Первого канала». URL: http://www.1tv.ru/prj/pozner/vypusk/803, свободный (дата обращения: 09.01.2015).
7. *Составлено* по данным: Государственного архива Республики Марий Эл, Центрального государственного архива Республики Мордовия, Государственного исторического архива Чувашской Республики. Государственного архива современной истории Чувашской Республики.
8. *История* // Официальный сайт Национальной телерадиокомпании Чувашии. URL: http://www.ntrk21.ru/page.aspx?id=54&title=Istoriya, свободный (дата обращения: 22.12.2014).

Статья представлена научной редакцией «История» 13 января 2015 г.

THE GENERAL AND THE SPECIAL IN EXPANSION OF THE CULTURAL AND EDUCATIONAL FUNCTION OF REGIONAL TELEVISION BY COMMON AND DISTINCTIVE FEATURES OF TELECASTING IN MARI EL, MORDOVIA AND CHUVASHIA

Tomsk State University Journal, 2015, 397,119–123. DOI: 10.17223/15617793/397/19

Danilov Andrey A. Ulianov Chuvash State University (Cheboksary, Russian Federation). E-mail: danilov.andrey@mail.ru

Keywords: television; cultural and educational function; Chuvashia; Mari El; Mordovia.

During the Soviet period, the expansion of the cultural and educational function of regional television studios was influenced, mainly, by transformations in the political, social and economic life. The television of Mari El, Mordovia and Chuvashia was engaged, first of all, in the explanation of the economic and political tasks set before concrete regions. However, during the work of local television stations, features of national character and regional specifics were considered. In their activities, the television studios of the considered region paid attention to development and preservation of national culture, to inter-ethnic concord. During the Soviet period, improvement of the content of local television programs promoted rapprochement of the cultural level of the country and urban population. Also, the considered television studios were the catalyst of preservation of national culture of the people inhabiting the region. For regional television journalists, one of the priorities was the problem of promotion of cultural wealth of the people of the considered region. The considered television studios actively interacted creatively, mutually enriching the cultures. In the second half of the 1980s, television channels stopped showing cultural and educational programs, which, in the author's opinion, did not influence the activity of the television studios of the considered region seriously, as along with strengthening of national consciousness an interest of the titular nations in their own historical roots, culture and language increased. In the 1990s, the territories of Mari El, Mordovia and Chuvashia adopted laws on the languages, together with Russian recognizing languages of the titular nation as state ones. Realization of the right of the nations to self-determination had an essential impact on the work of the state television channels which began to pay much attention to the development and preservation of inter-ethnic concord and national cultures. In the 2000s, the regional state broadcasting companies were transformed to branches of the All-Russian state broadcasting company, a rigid management structure was constructed. This situation significantly changed the national broadcasting grid: the priority belonged to information broadcasting due to the reduction of programs on the development of national culture. Today the state broadcasting companies of the studied region are engaged in publicizing of events and holidays organized by the national cultural centers and associations, which is certainly not enough. Establishment of a separate national TV channel can become a solution to the problems connected with the variety of national traditions and cultures. Experience of the Chuvash Republic is remarkable in this regard: Chuvashia organizes systematic work on national broadcasting in the region, unlike Mari El and Mordovia. Since December, 2011 the first national television of Chuvashia broadcasts in Chuvashia. Since then the TV channel has become an information source necessary for the inhabitants of the republic; it covers all the aspects of the republic's life.

REFERENCES

1. Dugin, E.Ya. (1982) *Mestnoe televidenie: tipologiya, faktory i usloviya formirovaniya programm* [Local TV: typology, factors, and conditions of program formation]. Moscow: Moscow State University.
2. Central State Archive of the Republic of Mordovia. Fund R-1122. List 1. File 178. (In Russian).
3. State Archive of the Republic of Mari El. Fund R-658. List 2. File 242. (In Russian).
4. State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. Fund P-691. List 1. File 59. (In Russian).
5. Danilov, A.A. (2009) Formirovanie sistemy televeshchaniya v Mariyskoy, Mordovskoy i Chuvashskoy respublikakh v 1990-e – 2000-e gg. [Formation of the system of broadcasting in Mari, Mordovia and Chuvashia republics in the 1990s – 2000s]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. 11 (6).
6. Official Site of the First Channel. (2009) *Pozner. Gost' v studii – Nikolay Fedorov* [Pozner. The guest in the studio: Nikolai Fyodorov]. [Online]. Available from: http://www.1tv.ru/prj/pozner/vypusk/803. (Accessed: 09th January 2015).
7. Compiled according to: the National Archive of the Republic of Mari El, the Central State Archive of the Republic of Mordovia, the State Historical Archive of the Chuvash Republic, the State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. (In Russian).
8. Official Site of the National Broadcasting Company of Chuvashia. (n.d.) *Istoriya* [History]. [Online]. Available from: http://www.ntrk21.ru/page.aspx?id=54&title=Istoriya. (Accessed: 22.12.2014).

Received: 13 January 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 124–128. DOI: 10.17223/15617793/397/20

УДК 94(470)"19": 338.12

О.В. Дворцова

РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ТОМСКЕ В НАЧАЛЕ XX в.

Выявлены и обоснованы основные направления в торгово-промышленной деятельности г. Томска. Отдельное внимание уделено правовой основе по организации и ведению предпринимательской деятельности, влиянию законодательных актов на развитие экономики, социальному составу и численности предпринимателей. Предпринята попытка выявить отличительные черты томского предпринимателя от предпринимателя центральной части России.

Ключевые слова: предпринимательство; торговля; купечество; экономика; Томск.

Интерес к изучению предпринимательства растет с каждым годом, что обусловлено развитием рыночных отношений в России, а также назревшей необходимостью реформирования торгово-экономической деятельности.

В начале XX в. происходил быстрый рост экономики в стране и, как следствие, наблюдалось увеличение числа торгово-промышленных предприятий. В данной статье будет рассмотрено развитие предпринимательства в Сибири на примере г. Томска. Объектом исследования являются предпринимательство как явление, сословный состав предпринимателей и влияние предпринимательства на развитие города; предметом – выявление основных направлений и особенностей развития предпринимательства в г. Томске в начале XX в.

В XX–XXI вв. историки стали уделять большое внимание вопросу предпринимательства. Профессор В.П. Бойко занимался изучением томского купечества конца XVIII – XIX в., его социальным составом, влиянием на развитие экономики и города в целом [1]; Н.М. Дмитриенко рассматривала общественную жизнь Томска от возникновения и до современности, отдельное внимание уделяя томскому купечеству и его вкладу в развитие города [2]. Большую работу проделали алтайские исследователи А.В. Старцев и Ю.М. Гончаров, изучая историю провинциального русского города второй половины XIX – начала XX в. на примере Западной Сибири [3].

На наш взгляд, вопрос предпринимательства в Томске изучен недостаточно, факты, которые смогут подтвердить и дополнить мнение ведущих историков, представлены не в полном объеме. Для понимания этого важнейшего социального процесса необходим глубокий анализ фактов его становления, поскольку именно предпринимательство оказало огромное влияние на экономическое развитие города.

В начале XX в. правительство С.Ю. Витте создало благоприятные условия для развития предпринимательства посредством установления курса на индустриализацию, винной монополии, стимулирования притока иностранного капитала и денежной реформы, стабилизировавшей рубль; деятельность министра финансов В.Н. Коковцова способствовала развитию промышленности и упорядочению налогообложения.

До начала XX в. понятие «предприниматель» ассоциировалось с купеческим классом. С введением в 1898 г. «Положения о Промысловом налоге» предпринимательство стало доступно широким слоям населения. Согласно закону предприниматель обязан был приобрести промысловое свидетельство для каждого торгового и промышленного заведения. Свидетельство могло получить как юридическое, так и физическое лицо. Приобретение гильдейских свидетельств стало делом добровольным. Отменялись купеческие привилегии. Для вступления в купеческое сословие первой гильдии необходимо было оплатить основной промысловый налог в размере 500 руб., второй гильдии – от 50 до 500 руб. в год [4. С. 489]. В результате гильдейские свидетельства покупали только те, кому они были необходимы, например крестьяне для свободного перемещения по стране, а также улучшения своего материального и социального положения в обществе. «Старое купечество» порой не выкупало свидетельства за ненадобностью выплат лишних налогов. Это стало возможным в том случае, если купец занимал государственный пост либо принадлежал к дворянскому сословию.

Алтайский исследователь Ю.М. Гончаров в своих работах произвел расчеты и выявил тенденцию снижения обновления фамильного состава купечества в начале XX в., по сравнению со второй половиной XIX в., на 4,1% [5. С. 100]. По его мнению, происходит качественное изменение в сословном делении населения. Преобладающей массой становится мещанство. При этом купец, у которого торговля не задалась, мог перейти в мещанство, а на следующий год вновь приобрести гильдейское свидетельство.

Развитие предпринимательства связано также с увеличением численности и социальным составом населения города. В 1896 г. население Томска составляло 50 023 человек, в 1902 г. достигло 65 301, а в 1908 г. – 79 293 человека [6. С. 301]. Большую часть населения составляло мещанство, за ним шло крестьянство. Купечество, по данным 1908 г., составляло лишь 729 человек, мещанство – 32 526 [Там же. С. 306–307]. В европейской части страны господствующее положение по-прежнему занимало дворянство, что нельзя сказать о Сибири и Томске.

Предприниматели из разных сословий суммировали свои капиталы и открывали товарищества по продаже разного вида товаров либо по предоставлению услуг для населения. Представители одного рода, близкие друг другу лица объединялись и организовывали торговые дома. Правовой статус эта форма получила в манифесте 1807 г. «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торго-

вых предприятий». Этим законодательным актом устанавливалось два вида товариществ: на вере (коммандитное) и полное. Товарищество на вере, в отличие от полного товарищества, состоит из двух групп участников: полных товарищей и вкладчиков. Полные товарищи осуществляют предпринимательскую деятельность от имени самого товарищества и несут неограниченную ответственность по обязательствам товарищества. Вкладчик не участвует в управлении делами товарищества на вере, но имеет право знакомиться с финансовой деятельностью товарищества. Таким образом, в товариществе на вере допускается использование капитала сторонних лиц, что дает возможность привлекать дополнительные средства не за счет имущества полных товарищей.

Полное товарищество состоит только из полных товарищей, без привлечения вкладчиков (коммандитов). Товарищество на вере и полное товарищество создаются и действуют на основе учредительского договора, который подписывается всеми полными товарищами. Приемы организации торговых домов оставались практически неизменными до 1917 г. [7. С. 971].

Основным нормативным документом при организации торгового дома считался фирменный договор, в котором фиксировались взаимные обязательства сторон, участвовавших в деле. Датой основания торгового дома считалась дата его регистрации в административных органах местного управления. Учредительный договор мог быть бессрочным либо заключался на определенное время (от 1 года до 10–15 и более лет).

В начале XX в. предпринимательство в Томске развивалось в нескольких направлениях: торговом, промышленном, кредитно-банковском, страховом и посредничество.

По статистическим сведениям, к 1915 г. в Томске действовали 28 товарищеских фирм разной направленности: 2 крестьянина торговали бакалейными товарами, учредив «Т-во Хускутдинов и Бикмулин»; продажей галантерейных и москательных товаров занимались купцы Житков и Сапожников; купец Вытнов основал Торговый дом «Вытнов с сыном Петром» и владел винокуренным заводом и др.

В 1894 г. горными инженерами В.С. Реутовским и М.В. Гирбасовым было зарегистрировано основанное на вере «Технико-промышленного бюро». Товарищество занималось торговлей техническими изделиями, а также разработкой проектов и проведением электричества в г. Томске. В начале XX в. отделения «Бюро» появились в Новониколаевске, Красноярске и Иркутске.

В январе 1906 г. в Томске образовалось «Сибирское Товарищество Печатного Дела», учредителями которого являлись профессора Е.Л. Зубашев, М.Н. Соболев, И.А. Малиновский, а также знаменитый впоследствии ученый-геолог В.А. Обручев. Товарищество занималось печатью газеты «Сибирская жизнь» и ведением типографского дела в Томске. Товарищество было основано на вере, социально-сословный состав его был следующим: 1 дворянин, 13 мещан. В товарищество входили 3 профессора [8. С. 196–201].

Особенностью Томска являлось преобладание торгового капитала над промышленным. В 1910 г. в городе было зарегистрировано 189 фабрично-заводских предприятий с годовым оборотом в 8 950 216 руб., в 1911 г. в городе работало 1 001 постоянно действующее торговое предприятие с оборотом в 26 765 тыс. руб. По статистике, промышленная деятельность по обороту денежных средств занимает лишь 33% от торговых предприятий [9. С. 20–21]. Большинство промышленных заведений представляли собой ремесленные мастерские, где трудились хозяин, члены его семьи и, по возможности, несколько наемных рабочих. Среди крупных промышленных заведений начала XX в. можно выделить спичечную фабрику купца первой гильдии А.Е. Кухтерина, основанную в 1900 г. и действующую вплоть до 2011 г. На фабрике было задействовано около 400 рабочих [10. С. 91].

Правительство поощряло открытие новых магазинов и предприятий. В историческом очерке «Томская область» В.П. Зиновьев пишет: «В начале XX в. в городе насчитывалось почти полторы тысячи магазинов и лавок, то есть примерно по одной “торговой точке” на каждые 60 горожан… Обороты томских магазинов составляли приблизительно третью часть всей губернской торговли» [11. С. 96]. Активная торговля велась по-прежнему в лавках и магазинах на Торговой площади близ р. Томь, а также по ул. Почтамтской.

В 1898 г. в Томске была открыта первая в Сибири Торговая биржа, которая фактически начала свою работу в 1900 г. с принятием Устава. Комитет Биржи выражал интересы томского предпринимательства, хотя историки признают, что существенный вклад в развитие торгово-промышленных отношений Биржа не внесла.

Развивалась и кредитно-банковская система. В начале XX в. Томск был крупным банковским центром Сибири, в городе насчитывалось шесть банков: Общественный сибирский банк, Томские отделения Сибирского торгового, Государственного банка, Русского для внешней торговли банка, Нижегородско-Самарского земельного, Ярославско-Костромского земельного банка.

Создано было Томское общество взаимного кредита (ТОВК), целью которого являлось предоставление капиталов его членам на развитие торговой деятельности. ТОВК проводило учет торговых векселей, выдавало ссуды до 6 месяцев, позволяло открывать вклады на бессрочное время, а также на определенный срок. Контора располагалась в центре города по ул. Магистратской в доме № 2 [5. С. 23]. ТОВК ориентировалось на средние слои городского населения: мелких предпринимателей и обывателей. Данный факт можно объяснить, во-первых, тем, что предельный кредит в обществе не мог превышать размер записанного в уставе минимального кредита более чем в 50 раз. Во-вторых, меньшей выгодностью ТОВК по сравнению с коммерческими банками. Развитие кредитно-банковской системы привело к расцвету частного и мелкого предпринимательства.

Для открытия торгового или промышленного заведения необходимо было написать просьбу губернатору, после чего начиналось рассмотрение дела: в губернское правление отправляли запрос о благонадежности предпринимателя, после чего томский губернатор выносил окончательное решение.

Например, в 1911 г. крестьянин Симбирской губернии М.Е. Тимешкин написал прошение о разрешении на торговлю книгами в Томске и Томском уезде. Проведенная проверка показала: «…крестьянин М.Е. Тимешкин, 23 года от роду, прибыл в Томск около 2 ½ лет назад из г. Симбирска, где служил коридорным в меблированных комнатах, по происхождению чуваш, предполагает торговать подержанными учебниками и произведениями русских писателей. Политически благонадежен» [12. Л. 7]. Подобных примеров в архивных источниках начала XX в. встречается довольно много. Политическая «благонадежность» играла большое значение при вынесении решения. Как правило, неблагонадежным предпринимателям отказывали в просьбе ведения торговой деятельности. В 1898 г. в связи с неблагонадежностью каинский мещанин Б. Шварц получил отказ на его прошение заниматься ломовоизвозным промыслом [13. Л. 3].

С образованием Министерства торговли и промышленности в 1905 г. стали проводиться проверки действующих предпринимателей, в том числе крупных. Например, 2 апреля 1912 г. в Томскую казенную палату поступило распоряжение канцелярии Министерства торговли и промышленности предоставить сведения о томском купце И.Г. Тихонове: «…когда началась его торгово-промышленная деятельность, как велики торговые обороты его, какое положение он занимает среди местного купечества и насколько деятельность его является выдающейся». Из ответа следует, что Иван Георгиевич Тихонов торговую деятельность начал в 1881 г. при наличии небольших денежных средств, к 1912 г. является первым в Томске по величине оборотов бакалейными товарами и имеет свою конфетно-пряничную фабрику. В купеческом сословии второй гильдии состоит с 1884 г., с 1910 г. – купец первой гильдии [14. Л. 18–19].

Проверке в 1909 г. подвергались купцы второй гильдии А.П. Усачева и А.Е. Кухтерина. Результат был следующий: астраханский мещанин, а ныне томский купец второй гильдии А.П. Усачев, состоит в купечестве с первой половины 1898 г., оборот по предприятию торговый дом «Усачев и Ливень» в 1907 г. составил 175 500 руб., среди местного купечества Усачев занимает довольно выдающееся положение и пользуется отличной репутацией и полным доверием. А.Е. Кухтерин состоял в томском купечестве второй гильдии с 19 января 1891 по 1905 г., по раскладкам дополнительного промыслового налога 1909 г. сумма торгового оборота торгового дома «Евграф Кухтерин и сыновья» определилась в 2 335 598 руб. О начале торговой деятельности А.Е. Кухтерина сведений нет. А.Е. Кухтерин с 19 января 1903 г. состоит членом Общего Присутствия Казенной Палаты по дополнительному промысловому налогу по выбору томского купеческого общества. Торговым депутатом и членом Раскладочного присутствия не состоит [15. Л. 4, 53–54].

Данные проверки проводились во многом в связи с изменением торговых отношений в среде предпринимателей Центральной России и Сибири. До начала XX в. взаимоотношения между предпринимателями в Сибири основывались на доверии и «честном слове», поэтому занятые в торговле купцы и мещане радели за свою репутацию и всячески стремились ее поддерживать. Подобные проверки позволяли определить Министерству надежность того или иного купца, уровень его доходов, а также ведение его торговой деятельности. С проведением железной дороги и появлением иностранного капитала у местных купцов появилась возможность приобретать товары из Центральной России и привозить свой товар, заключать торговые сделки напрямую с производителями, минуя оптовые склады. В итоге это привело к закрытию складов некоторых купцов.

Для г. Томска, как и для Сибири в целом, было характерным открытие филиалов и представительств торговых фирм центральной части России. Во многом это связано с проведением железной дороги в Томск – происходит значительное удешевление перевозки товара и расширение рынка для экспортируемых продуктов. Нередки случаи, когда за 1 фунт сахара приходилось платить по 30–35 коп., за 1 фунт керосина – 10 коп., в начале XX в. цены упали практически вдвое [16. С. 8]. Происходил постепенный переход от монополистического предпринимательства к конкурентному: железная дорога связала Сибирь с Центральной Россией и Европой, позволив мелким и средним предпринимателям работать с производителями и приобретать товар небольшими партиями, в розницу.

Правительство было заинтересовано в привлечении иностранного капитала, поэтому в 1891 г. был принят таможенный тариф, по которому было не выгодно ввозить в страну товары, по сравнению с ввозом капиталов. Иностранные граждане уравнивались в правах с российскими подданными. Это привело к появлению многочисленных филиалов зарубежных фирм и магазинов. В конце XIX в. в Томске по ул. Набережная реки Ушайки компания «Зингер» открывает магазин по продаже швейных машинок, в 1907 г. контора компании располагалась по адресу ул. Иркутская, 28 [16. Л. 176].

В начале XX в. в Томске открывается Омская контора Заринских технологических заводов Н. Тер-Акопова, продавала керосин, колесную мазь и масла; фабрично-торговое товарищество «Р. Кёллер и Ко» (Москва) имело представительства в Санкт-Петербурге, Саратове, Владивостоке, Нижегородской ярмарке, предлагало томичам уксусную эссенцию, прованское масло, столовую соль, горчицу, клюквенный экстракт [14. С. 4]; товарищество «Антон Эрлангер и Ко» из Москвы распространяло мельничные машины и принадлежности, устройство новых и переустройство старых мельниц по новейшей автоматической системе. Доверенным лицом компании выступал техник В.О. Шебек [17. С. 4, 8, 14].

Развитие торговли привело к увеличению капиталов ряда купцов, что в свою очередь позволило им возводить торговые и доходные дома из кирпича в центральной части города. Ярким примером является ул. Почтамтская (ныне часть пр. Ленина). Купцы-предприниматели начали возводить прекрасные строения, которые и по сей день являются гордостью и украшением г. Томска.

Ярким примером является «Торговый дом А.Ф. Второв и сыновья». А.Ф. Второв – крупнейший торговец текстильными товарами, еще во второй половине XIX в. открыл в Томске отделение по оптовой продаже товаров, снимал в аренду помещения для торговли. А в 1905 г. состоялось торжественное открытие пассажа купца Второва. Здание было построено в центре города, рядом с торговой площадью; помимо магазинов в здании разместились престижная гостиница и ресторан «Европа».

Вкладывая свои капиталы в строительство, купцы в дальнейшем сдавали в аренду помещения и получали дополнительный доход. Надо сказать, что до второй половины XIX в. кирпичное строительство велось на деньги государства и купцы арендовали лавки и помещения для торговли. Таким образом, на рубеже XIX–XX в. для Томска характерен рост каменного строительства, одновременно с этим – развитие арендных отношений.

Одной из особенностей предпринимательства г. Томска являлось ведение торговой деятельности в разных направлениях. Другими словами, если одно предприятие приносило убыток, товар был не востребован, то продажа другого товара покрывала расходы и приносила доход. Одновременно было широко распространено посредничество. Предприниматель Н.П. Поляков представлял акционерное общество Мальцевских заводов и фабрик. Он торговал по ул. Почтамтской в доме купца Фуксмана хрустальной посудой, оконным стеклом, простым бемским стеклом, чугунно-эмалированным литьем, локомобилями. В то же время торговец был представителем Меленковской льняной мануфактуры и предлагал на продажу мешки, брезенты, брезентное полотно, холсты и пр. [18. С. 6].

Рост числа торгово-промышленных заведений привёл к росту конкуренции и внедрению новых способов развития торговли и продвижения своего товара: снижение цен на продукцию, достижение монополии в отдельных отраслях, продажа товара в кредит, большое внимание уделяли рекламе, появилась антиреклама.

В начале XX в. развитие торгово-экономических отношений привело к переосмыслению понятия «предпринимательство». Возможность средним слоям населения заниматься торгово-промышленной деятельностью позволила многим приобрести гильдейские купечества и войти в состав купечества, стать предпринимателем.

Экономическая политика государства в начале XX в. была направлена на развитие российской торговли и предпринимательства, одновременно поощряла и допускала появление иностранных капиталов в стране, что привело к росту конкуренции между предпринимателями и стремлению привлечь за счет рекламы как можно больше покупателей. Кредитно-банковская система способствовала развитию мелкого и среднего бизнеса.

Проведение железной дороги в Томск привело к появлению большого количества торгово-промышленных заведений на рынке, что в свою очередь позволило Томску остаться крупным торговым городом Сибири в начале XX в. У местного предпринимателя появилась возможность покупать товары напрямую у производителя, что удешевляло в разы стоимость товара, исчезла необходимость пользоваться услугами посредников. Развитие торгово-экономических отношений привело в начале XX в. к изменению жизни торгового люда Томска как в торговле, так и в быту. Сибирский предприниматель стал все больше походить на предпринимателя из центральной части России, что применительно не только к внешнему облику, но и к ведению торгово-промышленного делопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бойко В.П.* Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX вв. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории / под ред. В.П. Зиновьева. Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2009.
2. *Томск.* История города от основания до наших дней / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004.
3. *Скубневский В.А., Гончаров Ю.М.* Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. Ч. I: Население. Экономика.
4. *Высочайше* утвержденное Положение о государственном промысловом налоге (№ 15601) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб. 1901. Т. XVIII. Отд. 1-е.
5. *Гончаров Ю.М.* Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). М., 1998.
6. *Памятная* книжка Томской губернии за 1910 год. Томск : Издание Томского губернского статистического комитета. Типография губернского правления, 1910.
7. *Манифест* «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий» (№ 22418) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. XXIX.
8. *Киселев А.Г.* Фирма на рынках Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. Ханты-Мансийск : Изд-во ЮГУ, 2008.
9. *Город* Томск. Томск : Издание Сибирского товарищества печатного дела в Томске, 1912.
10. *Блинов Н.В.* Рабочие Томска в конце XIX – начале XX в. // Томску –375 лет : сб. ст. / под ред. Л.П. Цыганкова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979.
11. *Томская* область: Исторический очерк / отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994.
12. *Государственный* архив томской области (далее ГАТО). Ф. 3. Оп. 4. Д. 2822.
13. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2580.
14. ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 623.
15. ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 496.

16. *Путеводитель* по городу Томску и его окрестностям. 2-е изд. Томск : Епархиальная типография, 1907.
17. *Сибирский* вестник политики, литературы и общественной жизни. 1901. № 104 (17 мая).
18. *Гурьев Н.А.* Томск в кармане. Справочная книжка и адрес-календарь г. Томска. Томск, 1902.

Статья представлена научной редакцией «История» 17 февраля 2015 г.

ENTREPRENEURSHIP DEVELOPMENT IN TOMSK IN THE EARLY 20TH CENTURY

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 124–128. DOI: 10.17223/15617793/397/20

Dvortsova Olga V. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dvortsovaolia@gmail.com

Keywords: entrepreneurship; business; trade; merchants; economics; Tomsk.

Entrepreneurship is an integral element of national economies. Historians began to pay much attention to the question of business development in different time spans at the turn of the 20th–21st centuries. Research of the phenomenon of business in Tomsk at the beginning of the 20th century is presented in this article. The policy of the government in the second half of the 19th – early 20th centuries promoted favorable economic development in the country, and the adopted laws an increase in the number of businessmen. For example, "Polozhenie" of 1898 led to high-quality changes in the social composition of businessmen and gave an opportunity for representatives of different classes to engage in trading activities. For this purpose, it was necessary to purchase a trade certificate for every commercial or industrial type of business. Merchant privileges were canceled and the term "businessman" ceased to be associated with merchants. The increasing number of commerce and industry enterprises is connected with rapid growth of the city population: in 1896 the population of Tomsk was 50 023 people, in 1902 it was 65 301, in 1908 it was 79 293. Among the population, burghers dominated who also included merchants and the peasantry. A widespread phenomenon was an association of several persons for conducting trade activity. In this case representatives of a family had an opportunity of developing and increasing capitals, still maintaining the continuity of generations; people from different classes could start trade activity merging their capitals. Such forms of entrepreneurship were called trading houses or associations, their activity was regulated by the Manifest of 1807.There were the following directions of economic development in Tomsk: trade, industry, credit and bank, insurance and mediation. The main characteristic for Tomsk was prevalence of trading capital over industrial. Statistical data show the city had 189 factory enterprises (1910) and 1001 trade enterprises (1911). The development of credit and banking system allowed a greater number of entrepreneurs to open commercial establishments. At the beginning of the 20th century Tomsk was considered a large bank center of Siberia with six banks. In the market, there was a large number of branches of larger and medium-sized commercial establishments from Central Russia, including foreign representative offices. In turn, the economic policy led to the growth of commerce and industry enterprises in the city, rapid development of small and medium-sized businesses, promoted competition. Entrepreneurs also engaged in patronage and charity, promoting cultural development and education. They influenced the development of the city, its architectural look. Nowadays these constructions represent historical and cultural heritage of the city of Tomsk.

REFERENCES

1. Boyko, V.P. (2009) *Kupechestvo Zapadnoy Sibiri v kontse XVIII–XIX vv. Ocherki sotsial'noy, otraslevoy i mental'noy istorii* [Merchants of Western Siberia in the end of the 18th and in the 19th centuries. Essays on the social, industrial and mental history]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
2. Dmitrienko, N.M. (ed.) (2004) *Tomsk. Istoriya goroda ot osnovaniya do nashikh dney* [Tomsk. The history of the city from the foundation to the present day]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Skubnevskiy, V.A. & Goncharov, Yu.M. (2003) *Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v*. [Cities in Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Pt. 1: *Naselenie. Ekonomika* [Population. Economy]. Barnaul: Altai State University.
4. Anon. (1901) Vysochayshe utverzhdennoe Polozhenie o gosudarstvennom promyslovom naloge (№ 15601) [The Regulations on state trade tax (no. 15601) the Emperor approved]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete statute-book of the Russian Empire]. Book 3. V. 18. St. Petersburg. Pt. 1.
5. Goncharov, Yu.M. (1998) *Kupecheskaya sem'ya vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. (po materialam komp'yuternoy bazy dannykh kupecheskikh semey Zapadnoy Sibiri)* [Merchant family of the second half of the 19th – early 20th centuries (based on a computer database of merchant families of Western Siberia)]. Moscow: IEA RAN.
6. Tomsk Regional Statistics Committee. (1910) *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii za 1910 god* [The memorial book of the Tomsk Province for 1910]. Tomsk: Izdanie Tomskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta. Tipografiya gubernskogo pravleniya.
7. Anon. (1830) Manifest "O darovannykh kupechestvu novykh vygodakh, otlichiyakh, preimushchestvakh i novykh sposobakh k rasprostraneniyu i usileniyu torgovykh predpriyatiy" (№ 22418) [Manifesto "On new benefits, excellences, advantages granted to merchants and new ways to spread and strengthen trade enterprises" (no. 22418)]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete statute-book of the Russian Empire]. Book 1. V. 29. St. Petersburg.
8. Kiselev, A.G. (2008) *Firma na rynkakh Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.* [The company in Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. Khanty-Mansiysk: Yugra State University.
9. Anon. (1912) *Gorod Tomsk* [The city of Tomsk]. Tomsk: Izdanie Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela v Tomske.
10. Blinov, N.V. (1979) Rabochie Tomska v kontse XIX – nachale XX v. [Workers in Tomsk at the end of 19th – early 20th centuries]. In: Tsygankov, L.P. (ed.) *Tomsku –375 let* [Tomsk is 375]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Zinov'ev, V.P. (1994) *Tomskaya oblast': Istoricheskiy ocherk* [Tomsk Oblast: Historical Review]. Tomsk: Tomsk State University.
12. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 4. File 2822. (In Russian).
13. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 4. File 2580. (In Russian).
14. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 196. List 1. File 623. (In Russian).
15. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 196. List 1. File 496. (In Russian).
16. Chirkov, N.S. (1907) *Putevoditel' po gorodu Tomsku i ego okrestnostyam* [Guide to the city of Tomsk and its surroundings]. 2nd ed. Tomsk: Eparkhial'naya tipografiya.
17. *Sibirskiy vestnik politiki, literatury i obshchestvennoy zhizni*. (1901). 104 (17 May).
18. Gur'ev, N.A. (1902) *Tomsk v karmane. Spravochnaya knizhka i adres-kalendar' g. Tomska* [Tomsk in the pocket. Reference, calendar and address book of Tomsk]. Tomsk: Izd. N.A. Gur'eva i I.L. Millera.

Received: 17 February 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 129–135. DOI: 10.17223/15617793/397/21

УДК 94”04/15”

Д.Д. Крылова

КОЛДУНЫ, СВЯТЫЕ, ОДЕРЖИМЫЕ: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ФИГУРЫ ОДЕРЖИМОГО В ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ XV–XVI вв.

Анализируется идентификация фигуры одержимого жителями локальных сообществ Западной Европы периода XV–XVI вв., а также выявляются причины переходности статуса одержимого в иные формы, например святого или колдуна.
Ключевые слова: идентификация одержимых; понятие одержимости в Средние века; понятие ведьмы; понятие святого; история Западной Европы.

Главная задача представленной статьи – анализ одной из ключевых проблем, с которой сталкивается большинство исследователей, занимающихся изучением феномена одержимости и ведовства, – проблемы нестабильности статуса одержимого и перехода этого статуса в иные формы, например, в статус святого или колдуна [1, 2; 3. С. 118–134; 4, 5]. На протяжении XV–XVII вв. по всей территории Западной Европы наблюдался рост числа людей, считавшихся связанными со сверхъестественными силами [6. P. 268–306; 7, 8]. При данных обстоятельствах выявление случаев одержимости среди общего количества фактов, касающихся связи человека с потусторонним, становится довольно затруднительным.

Исследователями отмечается крайняя нестабильность статуса одержимого в обществе: лишь немногие из тех, кто был объявлен или признан одержимым, оставались в этом «звании» на долгое время [9; 10. С. 160–182]. В большинстве случаев одержимость определялась как ведовство, в других случаях одержимый признавался святым, реже сумасшедшим или жуликом.

Подобных случаев в мировой истории насчитывается немало. Одним из самых известных казусов является судебный процесс над Жанной Д’Арк – Орлеанской Девой. Изначально ее авторитет базировался на прямой связи с Богом, эта связь никем не ставилась под сомнение. Однако в последующем ее объявили ведьмой, она была осуждена и казнена. Лишь через несколько столетий Жанна была канонизирована церковью [11. С. 170].

На протяжении выделенного нами периода, XV–XVII вв., можно найти не одно резонансное дело в отношении одержимых и их определения в общей массе святых, колдунов. Например, судебный процесс в Экс-ан-Провансе 1611 г. [12. P. 62–78], Луденское дело 1634 г. [13] и судебный процесс в городе Лувьере 1647 г. [12. P. 79–100]. Фигурантками судебных разбирательств стали одержимые монахини, которые выступили с обвинениями против приходских священников, духовников женских монастырей. Несмотря на безусловную идентичность обвинений и хода процесса, общий итог дела для каждой из фигуранток оказался абсолютно противоположным. Мадлен де ла Палу де Мандоль и Луиза Капо из Прованса, Мадлен Бавен из Лувьера после казни обвиняемых ими священнослужителей были осуждены как ведьмы, а Жанна де Анж из Лудена еще при жизни получила титул святого-чудотворца и была приглашена ко двору короля Людовика XIII.

Описанная ситуация характерна не только для Франции, но и для других стран Западной Европы, например известное дело Алисы Гудридж и Томаса Дарлинга 1597 г. [14. P. 127–144] или Салемский процесс в Новой Англии 1682 г. [15. P. 220–229]. В первом случае за обвинениями в адрес Алисы Гудридж одержимого Дьяволом юного Томаса Дарлинга последовала «памфлетная война» на почве дискуссии об истинной природе заболевания Томаса, в результате которой было совершено разоблачение Дарлинга как мошенника и симулянта. Во втором случае одержимые девочки-обвинители после серии массовых казней своих односельчан по обвинению в порче были сами осуждены как ведьмы и казнены.

Можно найти множество громких судебных процессов и связанных с ними научных дискуссий в отношении истинной природы одержимости, не говоря уже об огромном количестве менее известных дел, не принявших форму широкомасштабных судебных разбирательств.

Возникают следующие вопросы: каким образом средневековое общество производило разделение людей, подозревавшихся в связях с миром духов, на колдунов, святых и одержимых? Как жители того или иного замкнутого сообщества определяли, кто перед ними? И, главное, в чем же причины такой переходности между понятиями, статусами и определениями? Почему грань между одержимым, святым и колдуном настолько призрачна, что позволяла одному понятию плавно перетекать в другое. Собственно, в чем причины того, что при сходных обстоятельствах и одинаковых условиях итог процесса был столь разнообразным? Почему одним при жизни возносили хвалу и почитали как святых, а других сжигали на кострах, как ведьм?

На наш взгляд, существует комплекс причин, способствующих формированию данной ситуации.

Первое, на что стоит обратить внимание, – это понимание самого термина «одержимость» в позднесредневековую эпоху. К этому времени термин представлял собой сложносоставное многослойное понятие, которое находилось на стыке народной традиционной культуры, во многом связанной с язычеством, и элитарной теологической, демонологической традиции, в первую очередь представленной церковной элитой, а также появляющимся рационализмом ученых-медиков, юристов и т.д. [7. С. 30].

В период XV–XVII вв., который характеризуется многими исследователями как пик проявления одер-

жимости среди населения позднесредневековой Европы [15. P. 231], мы наблюдаем разрозненность и противоречивость критериев определения одержимости, и, как следствие, находим множество аналогичных одержимости описаний болезней и недугов под разными названиями [2. P. 1–8]. В отношении термина «одержимость» в одном временном промежутке сосуществуют как минимум десятки сходных по содержанию терминов: *possessio, obssessio, arreptitio, daemoniaci, energumeni, indaemoniati, vexati* и пр. [6. P. 291].

Наиболее широкое распространение получили два понятия – *possession u obsession* – одержимость и наваждение [11. С. 292; 16. С. 205; 17. С. 267–297]. Указанные термины не равнозначны. Одержимость означает проникновение в тело человека некой сущности, которая оказывает влияние на его здоровье и физическое состояние, управляет телом жертвы, но не влияет на сознание и разум жертвы, не разрушает его душу. Наваждение или осаждение, осада, в свою очередь, лишь внешнее вмешательство духов в жизнь человека. В данном случае проникновение в тело не происходит, сущности и духи действуют лишь при помощи искушения, иллюзий и обмана.

Сосуществование двух понятий было определено ходом развития теологической мысли в период позднего Средневековья. Понятия формировались параллельно друг другу и использовались авторами при обозначении двух типов вмешательства потусторонних сущностей в жизнь человека. «Наваждение» преимущественно развивалось в рамках агиографической литературы и использовалось в теологических произведениях при описании подвига святых и мучеников в борьбе против злых сил. Термин же «одержимость» употреблялся для обозначения болезней внезапного характера, в результате чего причину такого недуга искали во вмешательстве бесов и демонов [16. С. 296; 17. С. 293]. На разных этапах развития христианского учения интересующие нас термины становились то популярными, то выходили из употребления, в конце концов термин «одержимость» стал общеупотребительным, тогда как термин «наваждение» так и остался жить только в теологическом и агиографическом контексте. Некоторые из авторов дополнительно выделяли ведовскую одержимость и демоническую одержимость: «Следует строго различать одержимых дьяволом от предавшихся ему. Первые – ни в чем неповинные жертвы дьявола, которым он овладевает помимо их воли; вторые добровольно входят с ним в союз, сами призывают его, заключают с ним свободный договор» [18. С. 15–16].

Таким образом, мы наблюдаем коннотацию концептов ведовства и Дьявола с понятием «одержимость». К XVI в. его понимание, с одной стороны, было напрямую связано с понятием ведовства (отношения между одержимым и ведьмой как жертвы и преступника), а также с формировавшимся образом Дьявола как вселенского зла, которому подчиняется сонм бесчисленных бесов и демонов, становившихся причиной возникновения одержимости. С другой стороны, одержимость, развиваясь в рамках житийной литературы, была сопряжена с концептами чуда [19. P. 243–274] и святости [16. С. 200–202]. Интересным является тот факт, что описания некоторых типов чудес мало отличаются от описаний порчи, например чудеса о наказании [3. С. 118–134]. Таким образом, семантически ассоциироваться «одержимости» стали понятия «порча», «колдовство», «святость» [1. С. 31–126].

Термин «одержимость» так и не получил законченного, точного определения. Каждый из авторов медицинских или демонологических трактатов подходил довольно вольно к описанию данного явления, хотя определенное клише все же было сформировано. Интересующее нас понятие развивалось в демонологических, теологических, медицинских трактатах XIV–XVII вв. Описание «одержимости» встречается в судебных материалах этого периода, а также в литературе агиографического характера. Авторы трактатов практически не расходятся в описании припадков и развития болезни у одержимого, в проведении ритуала экзорцизма и изгнания демонов, но природа возникновения и критерии определения одержимости, от которых напрямую зависела постановка правильного диагноза, сильно рознятся. Они то и дело перекликаются с признаками колдовства или заключения сделки с Дьяволом либо с явно противоположным сюжетом – житиями святых, сотворении чуда [11. С. 293–298; 20. С. 320; 21. С. 59–148; 22. С. 124–288]. Так, в Руанском трактате 1644 г. в признаках одержимости указывается вступление в договор с Дьяволом [11. С. 296], а в трактате 1652 г. Пьера Эспри де Борроже [23. С. 197] – обстоятельное описание шабаша, хотя именно эти пункты становились основными доказательствами виновности на судах против ведьм. Появление подобного рода работ было скорее правилом, чем исключением, две выбранные нами в качестве примера работы являются типичными среди прочих произведений данной эпохи. В период с XIV–XVII вв. количество трактатов на различные демонологические темы непрерывно росло. Специалисты в области колдовства и демонологии старались поделиться своим опытом наблюдений, участия в судебных процессах и пр., издавая все новые и новые проспекты, брошюры и трактаты. К таким работам, появившимся на базе наблюдений за одержимыми, относятся Руанский трактат и трактат «Страдающее благочестие» де Борроже.

Фигура святого, как и фигура одержимого или ведьмы, носила двусмысленный характер. Авторы демонологических трактатов, как и агиографы, пытались разграничить демоническую и святую одержимость, разработав целый ряд обязательных признаков, характерных при контакте со святым или нечистым духом. В теологических работах описывается, как и куда вселяется дух, в зависимости от этого определялась его природа. Святой дух мог поселиться только в сердце, тогда как нечистый дух мог проникнуть в любой внутренний орган человека. Согласно другим трактовкам святой дух воздействует только на человеческую душу, а нечистый дух проникает внутрь тела [6. P. 283]. Сложно представить, что рядовой член деревенской или городской общины был

настолько посвящен в такие тонкости демонологического знания, а потому большинство из них руководствовались совсем другим инструментарием, решая проблему идентификации одержимого. Подробнее мы коснемся этого момента чуть позже.

Безусловным является тот факт, что у одержимого, ведьмы и святого было несколько основных точек пересечения, благодаря которым возникала возможность перехода из одного статуса в другой.

Первая точка пересечения заключается в том, что ведьма, одержимый и святой – это люди, соприкасающиеся с потусторонним миром. Каждый из них общается с духами, имеет с ними постоянную связь. Серьезным фактором для пересечения указанных понятий является и то, что и термин «ведьма» – понятие не однородное, включающее в себя колдунов, гадателей, травников и знахарей [24. С. 317–409]. Одержимый тоже получал от духа провидческие способности, которые часто определяли его как гадателя, часто он получал и дар исцеления, временно становясь знахарем. Это относится и к святым, которые совершали аналогичные чудеса исцеления, предсказаний, чудеса, связанные с погодными и иными явлениями. Например, уже упомянутые ранее чудеса исцеления и чудеса о наказании имеют поразительное сходство с описанием малефиция. Под малефицием со времен Римской империи понимали вредоносное колдовство разнообразных видов, – от порчи и сглаза до приворотной магии, которое каралось по закону [3. С. 118–134].

Второй точкой является добровольность отношений с духами, присущая и первым, и вторым, и третьим. Степень добровольности отношений для каждого отдельного случая могла варьироваться [7. С. 35; 25. С. 33; 26. С. 10]. Причем отмечается, что в это время выросло число людей – приверженцев различных мистических практик [8]. Святой сам впускал в себя святой дух, также как и ведьма заключала пакт. Одержимый также мог иногда признаваться виновником своего недуга, и одержимость в данном случае объявлялась преднамеренной, подобно той, что возникает у шаманов или знахарей. Несмотря на этот факт, одержимость чаще всего рассматривали как последствие вредоносного колдовства или порчи. Исходя из этого противоречия, в период XV–XVII вв. в западной демонологической традиции получили развитие несколько концепций в отношении природы возникновения одержимости, однако магистральными стали только две теории.

Согласно первой концепции одержимость – результат вредоносного колдовства. В рамках этой концепции одержимый – жертва ведьмы или колдуна, жертва порчи, околдования. Спасение одержимого зависело от священнослужителей, ведьмы и приходило извне [27. С. 7–17; 28. С. 357–391].

Согласно второй концепции одержимый рассматривался как грешник, который сам виноват в своей участи, поэтому ему не могут помочь ни экзорцист, ни ведьма, наславшая на него порчу [21. С. 101–102]. Он сам источник своего спасения или гибели. Ведьма в данном случае будет выражать Божью волю, хотя и с помощью демонических сил. Попытки одержимого призвать к ответу ведьму воспринимаются негативно, ведь он будет совершать данный поступок по воле демонов, которым выгодна гибель человека, пусть и виновного. Одержимый должен сам найти выход, если же нет, то он мог быть обвинен в колдовстве и осужден. То есть в данной интерпретации одержимый из позитивной фигуры невиновного страдальца превращается в грешника, в фигуру негативную, наказанную по справедливости. Таким образом, от преобладания позитивного или негативного отношения к фигуре одержимого зависела его дальнейшая судьба. Столь явно выраженные разночтения и противоречия становились причиной не одной судебной и диагностической ошибки.

Скорее всего, выявленные нами разночтения в письменных источниках данной эпохи связаны с определенной традицией представлений о добре и зле в отдельных регионах Западной Европы. Унифицированная и разветвленная система мира, созданная демонологами и теологами, формировалась и воспринималась ограниченным кругом лиц, принадлежавших к книжной культуре. Народные массы в большинстве своем транслировали древние, передававшиеся из поколения в поколение представления о потустороннем мире, духах и их месте в обыденной жизни рядового человека. Особенно явно это проявляется в рассказах о причине, месте и времени возникновения одержимости. В них можно найти отсылки к культу предков, вере в заблудшие души и привидения, представлениям об отношениях человека с нечистой силой, магических практиках и т.д. [29. С. 40; 30. С. 158–160; 31. С. 52–62].

Видимо, принципиальное значение в процессах над ведьмами, в отношении к одержимости, а также к святости и чудесам имели распространенные в локальных сообществах сказочные нарративы – легенды, сказания и сказки о чудесах, колдовстве, ведьмах и потусторонних силах [2. P. 8–12; 32. С. 161–165].

Ярким примером может служить концепт оборотничества (линкатропии). Оборотни были представлены и в сказках, и в демонологических трактатах, где чаще всего связывались с ведьмами и Дьяволом. Однако иногда оборотничество считали вариантом одержимости, только животным духом, чем и определялась звериная сущность оборотня [32. С. 161–165]. Другим примером могут служить распространенные на территории Британских островов представления о домашних духах ведьм – импов (imps) [33. P. 283–305; 34. С. 126]. Некоторые исследователи напрямую связывают представления о imps с традиционными представлениями о духах леса и природы – феях, приводя в качестве доказательства множество примеров совпадений описаний фей и imps в нарративах крестьян. Так, порой описание Дьявола полностью совпадало с традиционным образом короля фей Оберона [33. P. 287].

Проникновение элементов народной религиозности и сказочных нарративов хорошо видно на примере демонологических трактатов, в которых порой проскальзывают отсылки к бытовым, массовым представлениям о сверхъестественном. В одном из самых

популярных трактатов этого времени, трактате М. Дальтона, крупного специалиста в вопросах колдовства и ведовства, «Суд жюри присяжных» (1618 г.) в описании одержимости указывается такой признак: «Когда кто-либо отчетливо видит некоего призрака и вскоре после этого несчастье постигает его» [11. С. 296–298], что, несомненно, является отсылкой на традиционные верования о призраках, душах умерших. Эти идеи тянутся из глубокой древности и связаны со страхом встречи с призраком умершего. Всевозможные призраки, духи и привидения все чаще появляются в рассказах и легендах изучаемого периода, например нарративы о призраках-двойниках (отсюда традиция занавешивать зеркала в доме умершего). В это же время появляются персонифицированные призраки, такие как баньши – ирландский кричащий призрак, призрак прачки или стаи призраков – «дикая охота».

Р. Мюшембле пишет: «На протяжении всего Средневековья люди боялись увидеть в небе “дикую охоту”, сонмы летящих по небу призраков, именуемых также “адским воинством”. Поверье, возникшее из сказаний о полетах стай демонов, возглавляемых их начальником и сопровождаемых дьявольскими псами, а иногда и дикими женщинами, гласит, что в грозовые ночи эти стаи уносят души умерших в преисподнюю» [29. С. 40].

Классическим примером связи между народными традиционными представлениями о «диком воинстве», колдовстве и одержимости можно назвать исследованный К. Гинзбургом феномен веры в бенанданти (*benandanti*) среди крестьян Италии [35. С. 132–146]. Суть заключалась в том, что родившихся «в сорочке» людей массовое сознание наделяло особыми способностями, в частности ясновидением, способностью летать на различных животных и предметах, перемещаться на дальние расстояния.

Призраки все чаще фигурируют в рассказах о причинах одержимости. Одержимость Николь Обри из Лиона началась после ее «встречи» с душой покойного дедушки [12. P. 21–35], а эпидемия одержимости в Лудене началась на базе рассказов о призраках, живущих в главном здании монастыря [36. С. 121]. Связь одержимости и представлений о призраках можно назвать крайне устойчивой и явной.

Таким образом, в зависимости от характера, бытовавшего на определенной территории нарратива, люди определяли, с чем они имеют дело, а порой и сами провоцировали суд над ведьмой, на котором воспроизводили известный всей общине сказочный сценарий. Ярким примером воспроизводства сказочного нарратива может служить процесс над Жилем Де Ре [11. С. 370]. Считается, что именно он является прототипом Синей Бороды. Крестьяне, выступавшие свидетелями на суде, воспроизводили известную им сказку о злодействах над невинными детьми. Скорее всего, они обвиняли его в преступлениях, которых он никогда не совершал, но существовавших в массовом сознании в виде определенного архетипа [37. С. 254–294], бытовавших на данной территории с незапамятных времен, возможно, связанных с древним ритуальным, обрядовым и религиозным опытом предыдущих поколений [38. С. 116–120].

Одним из основных элементов в процессе выявления одержимости членами того или иного сообщества становилась репутация человека, которого подозревали в каких-либо отношениях с потусторонним миром. Материальная и имущественная составляющая имиджа того или иного человека не имела определяющего значения, хотя и учитывалась. Самым важным было общее отношение общины к подозреваемому: негативное или положительное, уважительное или подозрительное и т.д. Репутация индивида зарабатывалась стараниями всей семьи на протяжении нескольких поколений, а кроме того, зависела от сферы деятельности, которую он для себя избирал, его характера и значимости его фигуры для общины.

По справедливому замечанию отечественной исследовательницы Ю.Ф. Игиной [34], репутация как отдельного человека, так и его семьи находилась в прямой зависимости от его сексуального поведения [34]. Чем более вызывающим (порочным) было поведение индивида, чем больше скандалов существовало вокруг его сексуальной репутации, тем больше была вероятность обвинения в колдовстве и связи с нечистью. И, наоборот, чем чище была репутация человека, тем уважительней к нему относилась община. Она в своем исследовании приводит такой пример: «Примечателен в этой связи случай с женским семейством Флауэр (включавшим вдовую мать и трех дочерей), обвинявшимися в ведовстве на процессе 1619 г. Согласно памфлетному источнику они были уличены соседями в том, что в их доме по ночам гостила “низкая компания”, проводившая с ними вместе “беспутный образ жизни» [Там же. С. 159–161].

Как отмечают специалисты, иногда незамужние дочери и их матери, пытаясь добыть средства к существованию, могли организовывать нечто вроде притона. Или же в случае, если содержали постоялый двор или харчевню, могли предлагать сексуальные услуги постояльцам за плату. Похоже, что семейство Флауэр организовало нечто вроде такого заведения. По крайней мере, в глазах соседей оно выглядело именно так. В этом случае обвинение в распутстве стало сопутствующим обвинению в ведовстве. При этом показательно, что автор, написавший об их случае памфлет, интерпретировал их распутство и порочность в целом как одну из причин, обусловивших впадение женщин в ведовство и связь с дьяволом [Там же. С. 120].

Однако даже безупречная репутация индивида и его семьи не всегда могла обеспечить благоприятный исход дела, а порой и вовсе не оказывала на общественное мнение никакого влияния [6. P. 268–306]. Немаловажную роль играло и самоопределение одержимого в отношении собственного состояния и то, как он себя оценивал и описывал, как жертву порчи или сглаза, называл ли себя околдованным, одухотворенным, избранным, порочным и пр. [Там же. P. 295–296]. Хотя, как в случае с безупречной репутацией, этот фактор не всегда был решающим или определяющим в дальнейшей судьбе одержимого.

Одним из действительно определяющих факторов в процессе идентификации одержимого становилось мнение специалистов. В случае, когда община не могла прийти к согласию о природе недомогания одного из ее членов и поставить какой-либо диагноз, вступал в ход последний и решающий аргумент – мнение третьего, незаинтересованного лица, обладающего непререкаемым авторитетом среди населения. Таким лицом мог стать приглашенный специалист в области теологии или демонологии, известный экзорцист или медик, знания которого в области сверхъестественного не подвергались сомнению. А порой – наиболее уважаемый член общины или приходской священник, монах. Во многом от того, какую позицию занимали приглашенные специалисты, зависела дальнейшая судьба подозреваемого. В их руках была возможность, как остановить панику и истерию вокруг одержимого, так и раздуть ее, развернув широкомасштабный антиведовской процесс [2. P. 8–12].

Случалось, что на один случай одержимости находилось два авторитетных лица с абсолютно противоположными мнениями. В спорных ситуациях люди сами посылали запросы в города и научные центры, делали приглашения специалистам, оплачивали анализы, чтобы поставить верный диагноз. Иногда заинтересованные стороны обращались к специалистам с целью подтвердить / опровергнуть обвинения. Массу подобных примеров мы найдем в Англии XVI–XVII вв., где развернулись дискуссии о природе и реальности одержимости, итогом которых стали скандалы и разоблачения псевдоодержимых и «несправедливо осужденных» ведьм [39. С. 150–156]. Одним из результатов скандалов стал массовый перевод одержимых в статус психически нездоровых людей.

Одним из самых известных случаев является дело «одержимого» Томаса Дарлинга и «ведьмы» Алисы Гудридж, по ходу которого развернулась полемика между Дж. Дареллом и С. Харснетом. В итоге Томас Дарлинг был уличен в клевете, хотя к этому времени Алиса Гудридж уже умерла в заключении [14. P. 127–146]. Решение по одержимости луденских монахинь также принимало не одно авторитетное лицо – кардинал Ришелье, архиепископ Сури, Жан Жозеф Сурен [12. P. 120–125]. Дело одержимой Анны Гюнтер заинтересовало короля Якова I, который взял его под свой личный контроль [2. P. 6].

Во избежание возникновения дискуссий с непредсказуемым финалом защитники святых и одержимых старались превентивно опровергнуть все возможные разногласия относительно природы происхождения духа и возникшего состояния, изначально создавая вокруг описываемой ими фигуры определенный образ или ореол в глазах общественности. Делалось это и потому, что мнение общественности было практически всегда настроено к фигуре одержимого если не негативно, то подозрительно [6. P. 268–306].

Поскольку подавляющее большинство жителей деревни (города) не владело демонологическим и теологическим инструментарием, они с крайней настороженностью относились к любым отклонениям в поведении любого из своих членов. Претензия на исключительное право контакта с миром духов, пусть и ангелов или самим Богом, редко расценивалась в позитивном ключе, чаще провоцируя страх и панику [12. P. 73–74]. Тот, кто пытался представить себя посвященным в тайны бытия, расценивался общинниками как опасный элемент. Признание человека святым или одержимым чаще происходило на двух уровнях – массовом общественном, членами его родного сообщества, и узком элитарном, научном – специалистами, демонологами, агиографами. Поэтому в рамках сообщества специалистов, профессионалов в области вопросов демонологии и колдовства человека могли признать святым, чудотворцем, одержимым, но внутри родного круга обвиняемый вполне мог расцениваться только как колдун или ведьма и никак иначе.

Мы видим, что на процесс идентификации одержимого в конкретном сообществе, будь то деревенская община или же городское сообщество, влияло множество факторов, например семантика одержимости в указанное время; взаимопроникновение нескольких концептов – ведовства, святости, чуда, одержимости, образа Дьявола; неоднозначность трактовок понятий «святой», «одержимый», «ведьма» и проникновение в них традиционных народных представлений о добре, зле и природе сверхъестественного. Также на выявление одержимого влияли репутация человека, его самоидентификация, бытовавшие в обществе в отношении указанного лица настроения.

Причудливое переплетение описанных факторов и тех, что, возможно, не были учтены в этой статье, генерировало уникальную среду, в которой формировалось мнение в отношении лица, подозревавшегося в связях со сверхъестественными силами. В зависимости от преобладания тех или иных тенденций люди с практически идентичными историями либо были канонизированы, либо осуждены. Порой именно случай определял общий сценарий и итог развития ситуации, поскольку никто из находившихся в контакте со сверхъестественным не мог быть абсолютно уверенным в происхождении данных сил.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арнаутова Ю.Е.* Колдуны и святые: Антропология болезни в Средние века. СПб., 2004.
2. *Almond Philip C.* Demonic Possession and Exorcism in Early Modern England: Contemporary Texts and their cultural context. 2004.
3. *Кланицай Г.* Структура повествований о наказании и исцелении. Сопоставление чудес и maleficia // Одиссей. Человек в истории. 1998. С. 118–134.
4. *Caciola N.* Discerning spirits. Divine and demonic possession in the Middle Ages. London, Cornell university press, Ithaca, 2003.
5. *Смилянская Е.Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII века. М., 2003.
6. *Caciola N.* Mystics, Demoniacs, and the Physiology of Spirit Possession in Medieval Europe // Comparative Studies in Society and History 42, no. 2 (2000). P. 268–306.

7. *Рассел Дж. Б.* Колдовство и ведьмы в Средние века. СПб., 2001.
8. *Монтер У.* Ритуал, миф и магия в Европе раннего нового времени. М., 2003.
9. *Девис Н.-З.* Дамы на обочине. Три исторических портрета женщин XVII века. М., 1999.
10. *Тогоева О.И.* Ересь или колдовство? Демонология XV в. на процессе Жанны д'Арк // Средние века. М., 2007. Вып. 68 (4). С. 160–182.
11. *Роббинс Р.Х.* Энциклопедия колдовства и демонологии. М., 1996.
12. *Ferber S.* Demonic Possession and Exorcism: In Early Modern France. P., 2004.
13. *Certeau, Michel de.* The Possession at Loudun. P., 2000.
14. *Sands Kathleen R.* Demon Possession in Elizabethan England. P., 2004.
15. *Levack B.* The Witchcraft Sourcebook. P., 2003.
16. *Махов А.Е.* Сад демонов – Hortus Daemonum: Словарь инфернальной мифологии средневековья и Возрождения. М., 2007.
17. *Саммерс М.* История колдовства. М., 2002.
18. *Орлов М.А.* История сношений человека с дьяволом. М., 1992.
19. *Daston, Lorraine*. Marvelous Facts and Miraculous Evidence in Early Modern Europe. Questions of Evidence: Proof, Practice, and Persuasion across the Disciplines, ed. by James Chandler et al. Chicago: University of Chicago Press, 1991.
20. *Бертон Р.* Анатомия меланхолии. М., 2005.
21. *Гиффорд Дж.* Диалог о ведьмах и колдовстве (1587) // *Gifford G.A* Dialogue Concerning Witches and Witchcraftes. London, 1587 // Демонология эпохи Возрождения (XVI–XVII вв.) М., 1995. С. 101–102.
22. *Помпонацци П.* О причинах некоторых естественных явлений и о чародействе / пер. с ит. А.Х. Горфункель. М., 1990. С. 124–288.
23. *Боррже, де П.Э.* Страдающее благочестие. (1652) // Ведовство, которого не было. СПб., 2005.
24. *Харт Р.* История ведовства // Демонология эпохи Возрождения (XVI–XVII вв.) / пер. с англ., лат., нем., франц. ; под ред. М.А. Тимофеева. М., 1995. С. 317–409.
25. *Иоанн Триттемий*. Трактат о дурных людях и колдунах // Демонология эпохи Возрождения (XVI–XVII вв.) М., 1995.
26. *Канторович Я.А.* Средневековые процессы о ведьмах. М., 1990.
27. *Tamm Marek*. Saints and the demoniacs: exorcistic rites in medieval Europe (11th – 13th century) // Folklore 23. 2003. P. 7–17.
28. *Спасский А.* Вера в демонов в древней церкви и борьба с ними // Богословский вестник. 1907. Т. 2. С. 357–391.
29. *Мюшембле Р.* Очерки по истории Дьявола: XII–XX. М., 2005.
30. *Арнаутова Ю.Е.* Колдовство и колдовские болезни в Средние века // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 158–160.
31. *Делюмо Ж.* Ужасы на Западе. М., 1994.
32. *Арнаутова Ю.Е.* Западноевропейские средневековые оборотни // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 161–165.
33. *Wilby Emma*. The Witch's Familiar and the Fairy in Early Modern England and Scotland // Folklore 111. 2000. P. 283–305.
34. *Игина Ю.Ф.* Ведовство и ведьмы в Англии: антропология зла. СПб., 2009.
35. *Гинзбург К.* Образ шабаша ведьм и его истоки // Одиссей. Человек в истории. 1990. С. 132–146.
36. *Хаксли О.Л.* Луденские демоны. М., 2000.
37. *Тогоева О.И.* Сказка о Синей Бороде, или Две жизни Жиля де Ре // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 2003. Вып. 5. С. 254–294.
38. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. М., 2000.
39. *Игина Ю.Ф.* Медицина против демонологии: дискуссия вокруг ведовства, одержимости дьяволом и экзорцизма // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. Вып. 3. С. 150–156.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 апреля 2015 г.

WITCHES, SAINTS, DEMONIACS: PROBLEMS OF IDENTIFICATION OF THE POSSESSED IN LOCAL COMMUNITIES OF WESTERN EUROPE IN THE 15TH–16TH CENTURIES

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 129–135. DOI: 10.17223/15617793/397/21

Krylova Diana D. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: diana.krylova90@mail.ru

Keywords: identification of possessions; concept of possession of the Middle Ages; concept of a witch; concept saints; history of the Western Europe.

The article discusses the problem of identification of the possessed by local community inhabitants of the Western Europe in the 15th–17th centuries. The reasons of instability of the status of the possessed in a community are studied, as well as the change of this status to the status of a witch or a saint. The change of the possessed into a witch or a saint proves to be true by numerous examples in the history of the Western Europe in the 15th–17th centuries. The author comes to a conclusion that this situation has a number of reasons. The article describes the most important of them. The first thing the author considers is the content of the term "possession" in the specified period. Possession was a multi-layered concept at the intersection of the folk culture and elite theological tradition. Several terms similar semantically and interchangeable coexist at one time. Simultaneously, the concept of witchcraft, the image of the Devil, sanctity and other penetrates the concept of possession. The next important reason the author gives is the semantic similarity of the concepts "saint", "witch" and "possessed". Possession displays were closest to miracles of saints and maleficia of witches. It was due to many reasons, first of all, because all the concepts had numerous common points; for example, they all communicated with the world of spirits, had no accurate definitions. The following reason is the connection of the concepts with traditional folk narratives that occurred in the country and city environments as legends and fairy tales. The author gives special attention to an expert assessment and a scientific way to diagnose possession which was in demand during the reviewed period. The author analyzes the personal status of the prospective possessed, their reputation and its connection with the right diagnosis made by local community inhabitants. An essential role also belonged to the way the person explained the nature of his/her ailment. The main conclusion of the article is that the quaint combination of the described factors, prevalence of certain tendencies and moods in a society, and also the role of the personality of the possessed became essential in making a diagnosis within the studied local community.

REFERENCES

1. Arnautova, Yu.E. (2004*) Kolduny i svyatye: Antropologiya bolezni v Srednie veka* [Witches and saints. Anthropology of illness in the Middle Ages]. St. Petersburg: Aleteyya.
2. Almond, Ph.C. (2004) *Demonic Possession and Exorcism in Early Modern England: Contemporary Texts and their cultural context*. Cambridge: Cambridge University Press
3. Klanitsay, G. (1998) Struktura povestvovaniy o nakazanii i istselenii. Sopostavlenie chudes i maleficia [Narrative structure of the punishment and healing. Comparison of miracles and maleficia]. In: Gurevich, A.Ya. (ed.) *Odissey. Chelovek v istorii* [Odyssey. Man in History]. Moscow: Nauka.

4. Caciola, N. (2003) *Discerning spirits. Divine and demonic possession in the Middle Ages*. London: Cornell University Press, Ithaca.
5. Smilyanskaya, E.B. (2003) *Volshebniki. Bogokhul'niki. Eretiki. Narodnaya religioznost' i "dukhovnye prestupleniya" v Rossii XVIII veka* [Wizards. Blasphemers. Heretics. Folk religion and "religious crimes" in Russia in the 18th century]. Moscow: Indrik.
6. Caciola, N. (2000) Mystics, Demoniacs, and the Physiology of Spirit Possession in Medieval Europe. *Comparative Studies in Society and History*. 42: 2. pp. 268–306. DOI: 0010-4175/00/2269–6321
7. Russel, J.B. (2001) *Koldovstvo i ved'my v Srednie veka* [Witchcraft and witches in the Middle Ages]. Translated from English by I.Yu. Larionov. St. Petersburg: Evraziya.
8. Monter, W. (2003) *Ritual, mif i magiya v Evrope rannego novogo vremeni* [Ritual, Myth and Magic in Early Modern Europe]. Moscow: Iskusstvo.
9. Davis, N.Z. (1999) *Damy na obochine. Tri istoricheskikh portreta zhenshchin XVII veka* [Ladies on the sidelines. Three historical portraits of women of the 17th century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Togoeva, O.I. (2007) Eres' ili koldovstvo? Demonologiya XV v. na protsesse Zhanny d'Ark [Heresy or witchcraft? Demonology of the 15th century. The trial of Joan of Arc]. *Srednie veka – Studies on Medieval and Early Modern History*. 68 (4). pp. 160–182.
11. Robbins, R.H. (1996) *Entsiklopediya koldovstva i demonologii* [Encyclopedia of Witchcraft and Demonology]. Moscow: Inart.
12. Ferber, S. (2004) *Demonic Possession and Exorcism In Early Modern France*. Paris: Routledge.
13. Certeau, M. de. (2000) *The Possession at Loudun*. University of Chicago Press.
14. Sands, K.R. (2004) *Demon Possession in Elizabethan England*. Westport.
15. Levack, V. (2004) *The Witchcraft Sourcebook*. New York: Routledge.
16. Makhov, A.E. (2007) *Sad demonov – Hortus Daemonum: Slovar' infernal'noy mifologii srednevekov'ya i Vozrozhdeniya* [Garden of Demons – Hortus Daemonum: Dictionary of infernal mythology of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Intrada.
17. Summers, M. (2002) *Istoriya koldovstva* [The history of witchcraft]. Moscow: Olma-Press.
18. Orlov, M.A. (1992) *Istoriya snosheniy cheloveka s d'yavolom* [The history of human intercourse with the devil]. Moscow: Respublika.
19. Daston, L. (1991) *Marvelous Facts and Miraculous Evidence in Early Modern Europe. Questions of Evidence: Proof, Practice, and Persuasion across the Disciplines*. Chicago: University of Chicago Press.
20. Burton, P. (2005) *Anatomiya melankholii* [Anatomy of Melancholy]. Moscow: Progress-Traditsiya.
21. Gifford, G.A. (1587) Dialogue Concerning Witches and Witchcraftes. In: Timofeev, M.A. (1995) *Demonologiya epokhi Vozrozhdeniya (XVI–XVII vv.)* [Demonology of the Renaissance (16th and 17th centuries)]. Moscow: ROSSPEN.
22. Pomponazzi, P. (1990) *O prichinakh nekotorykh estestvennykh yavleniy i o charodeystve* [The reasons for some of the natural phenomena and sorcery]. Translated from Italian by A.Kh. Gorfunkel. Moscow: Glavnaya redaktsiya AON pri TsK KPSS.
23. Borrozhe, P.E. de. (1652) Stradayushchee blagochestie [Suffering piety]. In: Gorelov, N. (2005) *Vedovstvo, kotorogo ne bylo* [Witchcraft that never happened]. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
24. Hart, R. (1995) Istoriya vedovstva [History of Witchcraft]. In: Timofeev, M.A. *Demonologiya epokhi Vozrozhdeniya (XVI–XVII vv.)* [Demonology of the Renaissance (16th and 17th centuries)]. Moscow: ROSSPEN.
25. Trittemiy, J. (1995) Traktat o durnykh lyudyakh i koldunakh [Treatise on bad people and warlocks]. In: Timofeev, M.A. *Demonologiya epokhi Vozrozhdeniya (XVI–XVII vv.)* [Demonology of the Renaissance (16th and 17th centuries)]. Moscow: ROSSPEN.
26. Kantorovich, Ya.A. (1990) *Srednevekovye protsessy o ved'makh* [Medieval processes on witches]. Moscow: Kniga.
27. Tamm, M. (2003) Saints and the demoniacs: exorcistic rites in medieval Europe (11th – 13th century). *Folklore*. 23. pp. 7–17.
28. Spasskiy, A. (1907) Vera v demonov v drevney tserkvi i bor'ba s nimi [Belief in demons in the ancient church, and fight against them]. *Bogoslovskiy vestnik*. 2. pp. 357–391.
29. Muchembled, R. (2005) *Ocherki po istorii D'yavola: XII–XX* [Essays on the History of the Devil: 12th–20th centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
30. Arnautova, Yu.E. (1994) Koldovstvo i koldovskie bolezni v Srednie veka [Sorcery and witchcraft illness in the Middle Ages]. *Voprosy istorii*. 11. pp. 158–160.
31. Delumeau, J. (1994) Uzhasy na Zapade [Horror in the West]. Moscow: Golos.
32. Arnautova, Yu.E. (1997) Zapadnoevropeyskie srednevekovye oborotni [Western European medieval werewolves]. *Voprosy istorii*. 6. pp. 161–165.
33. Wilby, E. (2000) The Witch's Familiar and the Fairy in Early Modern England and Scotland. *Folklore*. 111 (2). pp. 283–305.
34. Igina, Yu.F. (2009) *Vedovstvo i ved'my v Anglii: antropologiya zla* [Witchcraft and witches in England: anthropology of evil]. St. Petersburg: Aleteya.
35. Ginzburg, K. (1990) Obraz shabasha ved'm i ego istoki [The image of coven and its sources]. In: Gurevich, A.Ya. (ed.) *Odissey. Chelovek v istorii* [Odyssey. Man in History]. Moscow: Nauka.
36. Huxley, A. (2000) *Ludenskie demony* [The Devils of Loudun]. Moscow: Terra.
37. Togoeva, O.I. (2003) Skazka o Siney Borode, ili Dve zhizni Zhilya de Re [The tale of the Bluebeard, or the two lives of Gilles de Rais]. *Kazus: Individual'noe i unikal'noe v istorii*. 5. pp. 254–294.
38. Propp, V.Ya. (2000) *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [The historical roots of the fairy tale]. Moscow: Labirint.
39. Igina, Yu.F. (2007) Meditsina protiv demonologii: diskussiya vokrug vedovstva, oderzhimosti d'yavolom i ekzortsizma [Medicine against demonology: a discussion on witchcraft, demon possession and exorcism]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2 – Vestnik of St. Petersburg State University. Series 2. History*. 3. pp. 150–156.

Received: 02 April 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 136–146. DOI: 10.17223/15617793/397/22

УДК 642.6

Е.Ю. Лицарева

ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ РУКОВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ ОРГАНИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, НИДЕРЛАНДОВ И ДАНИИ

Включение экономики России в мировой рынок, а также процессы интеграции, которые приобретают глобальный характер, – все это настоятельно требует более детального изучения, накопленного в странах с развитыми рыночными отношениями опыта управления современными организациями. Особенно показательна в этом плане практика европейских стран, в частности Великобритании, Нидерландов и Дании. При этом обязательным является творческий подход к такому опыту со стороны российских руководителей, принимающих решения в зависимости от той ситуации, в которой находятся организации.

Ключевые слова: человеческий ресурс; современные европейские организации.

Практика управления в странах ЕС отражает не только многообразие национальных школ и традиций менеджмента, но и свидетельствует об отсутствии какой-либо универсальной европейской концепции. Тем не менее особое место в системе современного европейского менеджмента занимает концепция руководства человеческими ресурсами. При этом имеющийся человеческий ресурс по степени значимости для организаций стран ЕС приравнивается к другим ресурсам. В отличие от американского менеджмента, в европейском менеджменте при тех же процессах найма и отбора больший упор делается, прежде всего, на максимальное и рациональное использование имеющегося у организации собственного внутреннего человеческого ресурса, а внешние источники рассматриваются как вторичные.

Можно выделить следующие этапы формирования концепции руководства человеческими ресурсами.

Начало XX в. *Концепция научного управления Ф. Тейлора – «Человек – элемент системы».* Стратегия – жесткая регламентация физических работ. Основные принципы – «Научная система выжимания пота», жесткое нормирование труда. Основные функции руководства персоналом – найм, увольнение, выдача заработной платы. Жесткий авторитарный стиль руководства. В целом и руководство персоналом, и управление организацией как особый вид профессиональной деятельности пока не существовал.

20-е гг. XX в. *Концепция административного управления – «Экономический человек».* Стратегия – отсутствие прав наемных работников. Основные принципы – минимизация затрат на рабочую силу, приведение в соответствие условий труда и функций с психофизическими особенностями работников. Нацеленный на задачу авторитарный стиль руководства. Основные функции руководства персоналом – найм, увольнение, расчет и выплата заработной платы, техника безопасности.

50-е гг. XX в. *Концепция человеческих отношений – «Психологический человек».* Стратегия – ориентация на малые группы. Основные принципы – снятие напряженности, устранение конфликтов, коллективизм, лояльность, участие в принятии решений. В стиле руководства происходит ориентация на человека и задачи. В функциях добавляются социально-психологическая помощь, разрешение конфликтов, повышение квалификации.

60–70-е гг. XX в. *Концепция социализации – «Профессиональный человек».* Стратегия – профессионализация, специализация функций руководства персоналом. Основные принципы – работа в группах, ослабление действий иерархической структуры. Кооперативный стиль руководства. К основным функциям руководства персоналом, появившимся в предшествующие периоды, добавились: развитие персонала, переподготовка, ротация, оценка, формирование резерва.

80-е гг. XX в. *Концепция ориентации на изменяющиеся аспекты внешней среды – «Социальный человек».* Стратегия – возрастание роли и значения знаний. Основные принципы – повышение затрат на персонал, анализ конкуренции на рынке труда, расширение узаконенных прав по участию в принятии решений (может быть через профессиональные союзы и организации), партнерство. Стиль руководства – кооперативный. Функции руководства персоналом сосредотачиваются на взаимодействии всех стадий воспроизводства персонала.

90-е гг. XX в. *Концепция деловой активности организации – «Развивающийся человек».* Стратегия – мобилизация резервов личности каждого сотрудника. Основные принципы – самообучение и самосовершенствование организации, техника групповой работы, формирование гибкой организационной структуры. Демократический стиль руководства. Функции руководства персоналом представляют собой системное кадровое регулирование, появляется маркетинг персонала.

2000-е гг. *Концепция приоритета руководства персоналом – «Предприимчивый человек».* Стратегия – инновационная и предпринимательская ориентация руководства персоналом. Принципы – совместное решение, самообучающаяся организация. Стиль руководства – солидарный. Функции руководства персоналом – стратегическое развитие кадрового потенциала и ресурсов личности [1. С. 10–11].

Английские и голландские специалисты считают, что в современном менеджменте термин «руководство человеческими ресурсами» взаимозаменяем термином «руководство персоналом». Руководство чело-

веческими ресурсами при этом рассматривается в качестве непрерывного процесса руководства персоналом с акцентом на стратегический, а также системный подход (система принципов и норм, приводящих человеческий ресурс в соответствие со стратегией организации, находящейся во внешнем окружении), а именно стратегическое руководство человеческими ресурсами организации с полной ответственностью, которая возлагается на высшее руководство.

Концепции руководства человеческими ресурсами включают в себя как традиционные подходы менеджмента к руководству персоналом (стратегический и системный), которые используются в современном контексте, так и новые, что обусловлено переменами в мире и окружающей организацию средой (комплексный, интеграционный, маркетинговый, функциональный, процессный, динамический, нормативный, административный, поведенческий и ситуационный) [2]. При таком подходе к руководству персоналом, например в организациях Нидерландов, происходит интеграция стратегии руководства персоналом со стратегией самой организации. Основная задача при этом, как считают специалисты в области руководства персоналом Ассоциации голландских муниципалитетов, – создать такие условия, при которых у персонала проявятся стремления к высоким стандартам качества работы [3; 4. С. 3–4]. Немаловажным фактором становится и то, что директор и управляющие должны осознавать себя прежде всего партнерами, наряду с другими коллегами, внося свой вклад в выполнение целей и задач организации. Белорусские исследователи связывают руководство человеческими ресурсами с децентрализованным управлением персонала непосредственных руководителей подразделений в различных формах – беседа, диалог и т.д.

В бизнес-школах и специальных центрах Великобритании, Нидерландов и Дании, обучающих руководителей и персонал современным концепциям менеджмента, выделяют следующие отличия понятия «руководство человеческими ресурсами» от термина «руководство персоналом»:

1. *Руководство человеческими ресурсами* ориентировано на нужды и потребности организации в рабочей силе, которые определяются на базе анализа имеющихся и проектируемых рабочих мест (функция планирования персонала, в частности планы «высвобождения от достигнутого»). *Руководство персоналом* больше исходит из нужд и потребностей работников, а также имеющегося кадрового потенциала.

2. Обретение *руководством человеческими ресурсами* стратегического измерения делает политику в отношении персонала более активной в отличие от пассивной политики, характерной для *руководства персоналом*.

3. Ответственность за реализацию более активной политики *руководства человеческими ресурсами* возлагается и на линейных менеджеров (руководителей структурных подразделений), а это означает, что работа с персоналом руководителей всех звеньев интегрируется в целую систему, которая способна эффективно реализовывать данную политику.

4. При *руководстве человеческими ресурсами* происходит переориентация системы работы с персоналом на индивидуальную работу, а следовательно, с доминировавших *в руководстве персоналом* коллективистских ценностей на индивидуалистические.

5. Традиционно менеджер по персоналу должен был стремиться сэкономить на издержках, связанных с воспроизводством рабочей силы и не был заинтересован в долгосрочном инвестировании в человеческий капитал. Европейские технологии *руководства человеческими ресурсами* нацелены на повышение эффективности такого рода инвестиций, обеспечивающих профессиональный рост и развитие работников предприятия при обязательном улучшении качества условий труда. Особый упор европейский менеджмент делает на постоянное развитие персонала, в том числе через специальные программы обучения – «обучение в течение всей жизни», «продолженное обучение» и т.д.

6. В концепции *руководства персоналом* все внимание сосредотачивалось на рядовых работниках. В *руководстве человеческими ресурсами* большое внимание уделяется управленческому штату и руководителям, особенно повышению квалификации руководящего состава. Например, проведение специалистами Датской школы государственного управления специализированных двухнедельных курсов для руководителей на о. Борнхольм (Дания).

7. *Руководство человеческими ресурсами* предполагает сильную и адаптивную корпоративную культуру, стимулирующую атмосферу взаимной ответственности руководителя и подчиненных, стремление работников сделать деятельность организации более эффективной через поддержку инициативы на всех уровнях, постоянных инноваций и открытого совместного обсуждения проблем [3, 5].

Как считают британские специалисты и показывает европейская практика, технология руководства человеческими ресурсами приводит к ожидаемому эффекту, если соблюдаются следующие условия:

– высшее руководство организации и линейные руководители реализуют стратегию руководства человеческими ресурсами в своей оперативной деятельности, тесно взаимодействуя с функциональными руководителями;

– относительно хорошо развита система адаптации к внешнему и внутреннему рынку труда (индивидуальное планирование карьеры, подготовка и переподготовка персонала, стимулирование профессионального роста и ротация кадров);

– существует высокий уровень ответственности всех работников организации и высокое качество работы и ее результатов, условий труда (рабочая обстановка, содержательность и удовлетворенность работой);

– поддерживается высокий уровень участия работников и рабочих групп в разработке и принятии управленческих решений, касающихся их повседневной работы;

– применяется практика эффективного распределения обязанностей и делегирования полномочий подчиненным;

– организация обладает функциональной и структурной гибкостью, имеются разнообразные системы организации труда (кружки качества, автономные рабочие группы, проектные группы);

– используемые системы оплаты строятся на принципах всестороннего учета персонального вклада, а нередко и дополнительных усилий (в том числе и самими работниками) и уровня профессиональной компетентности (знания, умения и навыки, которыми реально овладели работники);

– функционирует эффективная система организационной коммуникации, обеспечивающая многосторонние связи внутри организации.

На современном этапе в европейских странах наблюдается относительный и абсолютный рост числа работников кадровых служб и отделов, занимающихся руководством персонала. При этом значительно повысился статус этой профессии, и руководители кадровых служб стали входить в состав правления и даже в состав совета директоров европейских организаций. Резко возросло внимание к уровню профессиональной подготовки менеджеров по персоналу.

Таким образом, в европейских организациях происходит консолидация вокруг управленческой вертикали всех функций менеджмента персонала, что проявляется в появлении стратегического уровня руководства человеческими ресурсами. Вместо фрагментарной структуры руководства персоналом складывается система менеджмента, ориентированная, прежде всего, на развитие человеческого ресурса. *Миссия* этой системы, наряду с реализацией приоритетных стратегических целей организации, достигать ключевых целей руководства человеческими ресурсами. В связи с этим европейские специалисты, в частности английские и голландские, выделяют следующие цели и задачи руководства персоналом.

Цели:

– формирование человеческого ресурса;

– развитие человеческого ресурса;

– использование человеческого ресурса.

Задачи, соответственно, тесным образом связаны с целями, а именно:

– привлечь, удержать, развивать человеческие ресурсы, необходимые организации для достижения ее целей, а также мотивировать их должным образом;

– создать и развивать эффективную организационную структуру, которая гибко реагировала бы на перемены, при этом необходимо сформировать особый климат корпоративной культуры, совершенствовать стили руководства, что способствовало бы поощрению сотрудничества и приверженности общей идее в рамках всей организации;

– использовать с максимальной эффективностью умения, знания и способности всех служащих организации;

– обеспечить выполнение организацией социальных, юридических обязанностей по отношению к своим служащим, причем особое внимание должно быть уделено условиям труда, качеству предоставляемых и создаваемых условий [4. С. 13].

Выстраивая концепцию эффективного руководства организацией и ее человеческими ресурсами, большинство английских, голландских и датских специалистов в области руководства персоналом исходят из наиболее практически адаптированных теорий современного менеджмента: немецкой модели делегирования полномочий; пятиступенчатой модели роста организации Л. Грейнера; пятиступенчатой модели Черчилля–Левиса; теории факторов «незапланированного роста»; теории «Равных возможностей»; теории эффективного руководства И. Адизеса; теории ежедневной практики мотивации и позитивного / прогрессивного контроля; модели формирования идеальной группы по М. Белбину.

Делегирование полномочий [6] – процесс передачи человеку права на принятие решений, который включает в себя также распределение функций, возложение ответственности за решения, создание ответственности за результат. Впервые данная модель стала применяться в Германии более сорока лет назад.

Делегирование полномочий напрямую связано с эффективным распределением обязанностей, которое является ключом к управлению ростом организации. При этом эффективное распределение обязанностей зависит от трех основных факторов: четкая постановка задач, доверие и контроль. *Цель процесса делегирования полномочий* – создание комплексной системы, которая базируется на доверии и уверенности в том, что люди, получившие власть и влияние в ходе распределения обязанностей и ответственности между сотрудниками, способны к эффективному управлению.

Задачи делегирования полномочий:

– высвобождение времени руководителя для выработки стратегии организации;

– совершенствование процесса принятия решений, так как нередко люди на местах лучше знают ситуацию, что исключает необходимость участия верхних уровней;

– мотивирование персонала;

– развитие персонала;

– содействие заинтересованности сотрудников в стремлении повыситься в должности;

– улучшение взаимоотношения руководства и подчиненных.

Процесс делегирования полномочий включает в себя следующие этапы:

1. Определение цели.

2. Кто будет нести ответственность за выполнение этой цели.

3. Какая власть потребуется данному человеку, и как она будет устанавливаться.

4. Когда этот человек должен отчитываться, перед кем, а также в какой форме.

5. Сколько денег он может тратить, не имея разрешения.

6. К кому он может обращаться за помощью.

7. Какие приказы он может издавать и кому.

8. Какую дисциплинарную власть имеет при делегировании.

9. Определение продолжительности полномочий.

Значительно облегчает делегирование полномочий осознание руководителем необходимости этого про-

цесса, а также ясное представление того, какие работники могут делать ту или иную работу за руководителя в данный момент и особенно в будущем. При этом недостаточно задать цель и распространить компетенцию для выполнения этой цели на подчиненных, но необходима также свобода действий для достижения цели, а для этого важно, чтобы соблюдался баланс прав и обязанностей, а также прав и ресурсов.

Успех делегирования полномочий во многом зависит от проявления следующих факторов:

– Руководитель выбрал нужного человека.

– Руководитель не раздумывает, что выбранный им человек решит данный вопрос лучше него, внеся вклад в общую задачу.

– Руководитель уведомляет выбранного человека о назначении.

– Руководитель информирует и согласует сроки выполнения задания.

– Выбранный человек имеет возможность руководить, развивать уверенность в своих подчиненных (обладает необходимыми финансовыми, организационными и человеческими ресурсами).

– Выбранному человеку предоставляется свобода действий.

– На выбранного человека возлагается ответственность.

– Исполнение выбранным человеком своих обязанностей планируется так, чтобы возможная ошибка не вызвала последствий.

– Учитываются недостатки выбранного человека.

– Руководитель постоянно пересматривает позиции делегирования.

При делегировании полномочий часто возникают *проблемы* следующего характера:

– нежелание руководящего работника расставаться хотя бы с частью власти, так как передача некоторых прав и полномочий подчиненному означает передачу части собственной власти;

– недоверие по отношению к подчиненным;

– ощущение незаменимости со стороны руководителя;

– передаются права и полномочия, но вся ответственность за исполнение может быть оставлена за лицом, которое осуществило передачу этих прав и полномочий, т.е. за руководителем;

– вместо передачи прав и полномочий нередко передаются обязанности, или происходит освобождение от рутинной работы, или делегирование дубликата работы.

При делегировании также возможны следующие *ошибки*:

– чрезмерная передача прав и полномочий, которые приходится возвращать;

– передача ответственности без свободы действий;

– передача ответственности до принятия решения о назначении;

– передача прав и полномочий до предварительной проверки человека, что приводит, как правило, к неудаче;

– передача полномочий, а затем – частая проверка человека;

– частая критика, которая приводит к тому, что человек вынужден за решениями обращаться к старшему по должности;

– предоставление недостаточного объема информации со стороны руководителя.

Часто при делегировании полномочий некоторые люди начинают вырабатывать собственный, самостоятельный путь. Руководящий работник должен внимательно относиться к этому и определить, насколько допустим такой путь подчиненного, так как выбранный работник может приложить максимум усилий для независимых действий. С другой стороны, может возникнуть ситуация, когда выбранный работник осторожничает, избегая принимать решения, так как боится сделать ошибку и не желает критики.

Пятиступенчатая модель роста организации Л. Грейнера [7]. В «кривой роста бизнеса» (развитие организации) Л. Грейнер на примере истории развития корпорации Apple выделяет пять ключевых фаз, каждая из которых заканчивается организационным кризисом, а каждый кризис может быть преодолен только через смену форм управления и организационной структуры компании.

1. **Создание.** На данной ступени развитие организации идет посредством создания, происходит реализация творческого потенциала основателей, что в конечном счете приводит к кризису руководства и лидерства. Во многом эта ступень зависит от компетентности и специальных знаний одного человека – лидера, и организация пока не имеет необходимой жесткой структуры.

2. **Управление.** На данной ступени развитие организации идет посредством управления, возникают функциональная организация, бюрократический аппарат, формальные связи, происходит развитие управленческих кадров, контроль, начинает действовать правило «магического числа семь»: человек одновременно может обрабатывать и контролировать не более семи независимых элементов информации. Это правило распространяется на количество людей или количество операций, за которыми можно проследить в течение определенного промежутка времени. Психологи называют это «объемом контроля», который во многом определяет принципы управления организацией и ее развития, а также объясняет тот факт, что крупные организации – всегда иерархические структуры, состоящие из различных маленьких групп. «Объем контроля» каждого из членов руководящей группы должен заключать в себе конкретную область деятельности, а руководитель организации должен контролировать их работу, исходя их своего «объема контроля». Этим и определяются дальнейшие действия, связанные с развитием организации, так как постепенно происходит кризис автономии.

3. **Делегирование.** На данной ступени развитие организации идет посредством делегирования полномочий. Происходит децентрализация, передача ответственности. Централизованное управление сосредо-

точивается только на выработке стратегии в целом. Все это приводит к кризису управления и контроля.

4. **Координация.** На данной ступени развитие организации идет посредством координации. На этапе крутого перелома этой стадии наступает кризис бюрократического аппарата. Центр сосредоточивает у себя только технические функции (данные и т.д.).

5. **Сотрудничество.** На данной стадии развитие организации идет посредством сотрудничества, через решение проблем с помощью команд-групп, создаются группы для решения определенных задач. Центр фактически не нужен. На этапе крутого перелома данной стадии происходит кризис, связанный с психологической отработкой менеджеров.

Пятиступенчатая модель Черчилля–Левиса [7].

Данная теория рассматривает основные этапы развития организации и ее человеческих ресурсов, а именно:

1. Становление.
2. Выживание.
3. Успех, который включает в себя свободу действий и дальнейший рост организации.
4. Взлет.
5. Зрелость ресурсов.

При этом развитие организации анализируется с точки зрения изменений во времени таких параметров, как стратегия, формальные системы управления и стиль руководства, влияние руководителя на организацию и организационную структуру.

Основными факторами менеджмента по данной модели становятся следующие:

Факторы, относящиеся к самой организации, – ресурсы персонала, системные ресурсы, финансовые ресурсы, ресурсы деловой активности.

Факторы, относящиеся к руководителю организации как развивающемуся менеджеру, – правильная постановка целей и определение приоритетов, быстрота принятия решений, управленческие способности, стратегические возможности.

Теория факторов «незапланированного роста» [7]. Большинство европейских теорий управления, связанных с развитием организации и ее ресурсов, особое внимание уделяют рассмотрению *факторов «незапланированного роста».* К таким факторам они относят, в первую очередь, «фактор времени»: на все уходит больше времени, чем было запланировано. При этом ключом к управлению временем являются расстановка приоритетов и овладение ситуацией, а также правильное определение обязанностей руководителя и обязанностей персонала. Следующий фактор «незапланированного роста» – финансовые проблемы. Обычно считается, что количество финансовых ресурсов должно быть адекватно объемам работы организации. Самым главным фактором «незапланированного роста» организации часто становятся кадровые проблемы, которые более подробно будут рассмотрены в дальнейшем.

Теория «Равных возможностей» [6]. Теория была разработана в 1989 г. и действует в соответствии с построенной на ее основе модели, определяющей равную возможность на трех уровнях:

Уровень 1. Равная возможность как равный шанс. Действует на этапе найма и отбора кандидатов и означает, что каждый должен иметь равные возможности подать заявление и рассматриваться на соответствие открывающимся вакансиям. Теоретически все имеют равные возможности, но в реальности существует дискриминация по полу, возрасту, национальности, религиозной принадлежности, внешности и т.д. В то же время дискриминация не связана с требованиями и критериями, которые выдвигаются при оценке и отборе кандидатов для того, чтобы принять на работу людей, наделенных необходимыми для организации навыками и способностями в данное время, и ограничить доступ случайных лиц.

Уровень 2. Равная возможность как равный доступ. Если удается устранить дискриминацию на стадии найма и отбора кандидатов, останутся другие нежелательные преграды, которые мешают проявлению принципа равных возможностей тогда, когда человек уже работает в организации, – продвижение по службе, обучение и т.д.

Уровень 3. Равная возможность как равная доля. Это идеальное представительство всех групп на каждом уровне в иерархии организации. На идеальном уровне для принятия решений по найму, отбору, повышению в должности используются только законные, оправданные и необходимые критерии.

На практике, что касается применения теории «равных возможностей» по одному из направлений – равноправие мужчин и женщин, – показательна деятельность Европейского союза, и особенно Швеции, которая стала инициатором дискуссии о необходимости создания Европейского института равных возможностей. Речь идет о том, чтобы мужчины и женщины имели одни и те же права, обязанности и возможности во всех сферах жизни. Это включает в себя достижение подлинного равенства на рынке труда и в экономической сфере; равные стартовые возможности при организации своего дела; равный доступ к образованию и возможности развития своих личных качеств; равное распределение власти и влияния и более равномерное распределение мужчин и женщин на постах, относящихся к уровню принятия решений; одинаковые возможности в достижении финансовой независимости; равная ответственность за семью и детей и обеспечение возможности полноценного сочетания производственной и семейной жизни.

Теория эффективного руководства И. Адизеса [5]. В соответствии с теорией доктора И. Адизеса, одного из самых известных экспертов в области менеджмента, для эффективного управления руководитель должен обязательно выполнять четыре роли: ***созидающую*** **(Р)**, ***административную*** **(А)**, ***предпринимательскую*** **(Е)** и ***интегрирующую*** **(I).** В соответствии с данной теорией был разработан тест на выявление эффективного и неэффективного руководства. Согласно мнению И. Адизеса, выделяются следующие типы неэффективных руководителей:

– ***одиночка*** **(Р---):** такой руководитель первый приходит и последний уходит с работы, он всегда

занят, сотрудники для него – рабы, не признает необходимость обучения персонала, редко проводит или не проводит вообще совещания, у него нет плана работы и перспектив развития;

– ***бюрократ*** **(-A--):** приходит и уходит по расписанию, сотрудники никак не мотивированы, процесс обучения для него – действия по правилам, совещания также проходят строго по расписанию, вся деятельность организации производится по предписанным нормам;

– ***подстрекатель*** **(--E-):** нет четкого расписания, стол завален бумагами, сотрудники перегружены, совещания проводятся время от времени, вся деятельность сфокусирована на новые идеи, очень часто меняются приоритеты, организация отсутствует;

– ***слепой исполнитель*** **(---I):** приходит и уходит вместе со всеми, не показывает своей власти подчиненным, проводит много совещаний, умеет слушать;

– ***сухостой*** **(----):** самый худший из худших.

У всех этих неэффективных руководителей отсутствует одна или более управленческих ролей в коде **PAEI.** В то же время отмечается, что ***созидающая*** (**P**), ***административная*** (**A**), ***предпринимательская*** (**E**) и ***интегрирующая*** (**I**) роли являются необходимыми для эффективного управления. Но такой тип руководителя можно найти только в идеале или в учебниках. И. Адизес считает, что каждая из этих четырех управленческих ролей составляет основу и необходимую часть хорошего управленческого стиля, но не является достаточной лишь сама по себе. Руководителю следует быть выдающимся человеком в исполнении одной или более ролей, но не исключать и другие. Например, ***созидающий*** руководитель должен иметь код **Paei**, ***администрирующий*** **– pAei**, ***предприимчивый*** **– paEi**, ***интегрирующий*** **– paeI**. Стили типа P---, -A--, --E-, ---I нефункциональны не потому, что высвечивается только одна роль, а вследствие того, что другие роли вообще отсутствуют.

И. Адизес также считает, что руководителю необходимы девять характеристик, если он намерен быть членом команды – группы:

1. Способен исполнять все четыре управленческие роли, хотя может особо не преуспеть одновременно во всех четырех. Он должен быть превосходен, по крайней мере, в одной роли и соответствовать требованиям других, т.е. у него не должно быть ни одного тире в коде PAEI.

2. Знает свои собственные сильные и слабые стороны.

3. Доступен своему социальному окружению и имеет обратную связь с другими для того, чтобы определить, кто он, осознавая, что о нем судят по делам.

4. Имеет сбалансированный взгляд на себя.

5. Не пытается скрыть реального себя, по крайней мере на данный момент.

6. Может идентифицировать превосходную деятельность других даже в тех ролях, которые сам исполняет не очень хорошо.

7. Считается с мнением других в тех обстоятельствах, когда их суждения лучше, чем его собственное.

8. Может разрешать конфликты, которые неизбежно возникают, когда людям с различными потребностями и стилями приходится работать вместе и создавать эффективный управленческий комплекс.

9. Создает обучающую среду.

Теория ежедневной практики мотивации и позитивного / прогрессивного контроля [3, 5]. *Мотивация* – процесс, побуждающий человека к деятельности для достижения личных целей и целей организации. Мотивация – движущая сила, которая определяет направление и скорость энергии индивидуума. Нередко это причина, почему индивидуум старается достигнуть некоторых целей наперекор другим. Осуществление мотивации требует четкого выявления *потребностей* и определения системы *вознаграждения*. Любой менеджер несет ответственность перед верхами за результаты, перед партнерами – за сотрудничество, перед низами – за управление. Достигаемые результаты определяются в соответствующих показателях – количество, качество, период времени. Результаты должны быть достигнуты за счет эффективного и экономного использования имеющихся ресурсов, чему способствуют высокая степень сотрудничества и правильная координация действий. Максимальное использование ресурсов персонала дает решение по эффективному использованию всех ресурсов, имеющихся у организации. При этом необходимо учитывать, что руководство и управление должны включать в себя обязательно *ежедневную практику мотивирования каждого работника* и особенно того человека, который на той или иной должности принимает и осуществляет наилучшие решения.

В соответствии с европейскими теориями развития человеческого ресурса мотивация действует обычно как *постоянный фактор – персональные побуждения индивидуума*, и как *переменный фактор – конкретная ситуация, в которой оказывается индивидуум.* Например, у личности может быть желание выиграть (постоянная мотивация – побуждение), но она может быть полностью лишена желания участвовать в данном виде соревнования (ее ситуация). Футболист-профессионал, играя с сыном, подавляет в себе природное желание победить, так как он хочет поддержать уверенность в ребенке.

В рабочей среде различается мотивация оставаться на работе в фирме или организации – как постоянный фактор, и мотивация выполнить работу – как переменный фактор.

Факторы, побуждающие человека оставаться на работе в фирме / организации:

– удовлетворенность работой;
– верность организации;
– зарплата;
– личные связи в организации;
– возможность сделать карьеру;
– обучение.

В то же время люди остаются работать в данной организации и по следующим мотивам:

– неуверенность в своих возможностях;
– высокий уровень безработицы;
– боязнь перемен;

– малый спрос на профессию.

Факторы, побуждающие человека выполнить работу / задание в рамках организации:

– ясное понимание того, чего от него хотят;

– вознаграждение усилий;

– признание достижений;

– удовлетворение достижениями [4. С. 36–37].

С точки зрения руководителя, мотивирование должно «заставлять» служащих выполнять их работу и выполнять ее хорошо. Основная задача руководства – сделать персонал довольным, удовлетворенным или положительно настроенным по отношению к организации и начальнику. Мотивация каждого сотрудника идет изнутри и является вполне естественной. Это процесс, в ходе которого сотрудник лично выбирает, что лучше или не самое плохое для него, и затем он выражает данный выбор действиями через свое поведение.

Когда сотрудника пытаются заставить что-то сделать, т.е. когда сотрудника мотивируют с помощью добавления к его выбору преимуществ, то в целом хотят повлиять на вероятность того, что сотрудник сделает конкретный выбор, тот, который необходим. Можно укрепить данную мотивацию, но нельзя создать, или разрушить, или откорректировать. Это связано с тем, что человек в основном сам себя мотивирует личными целями, которые могут быть долгосрочными и зачастую неизвестны руководству, и ведет себя в соответствии с собственными представлениями о том, что он есть и какова его роль. Поэтому понимание мотивации персонала – далеко не простая задача для руководителя. Часто трудно понять собственные процессы мотивации, не говоря уже о процессах мотивации других. Нередко у человека вырабатывается собственное восприятие самого себя, концепция себя, что является главным фактором, влияющим на поведение в конкретной ситуации.

Индивидуум вырабатывает свое отношение, которое является относительно устойчивым. Именно оно определяет положительную или отрицательную оценку человеком людей, окружающих его, организации в целом. Каждый имеет систему ценностей, являющуюся мерилом, которое он прилагает к тем или иным действиям, людям, предметам, организации. Данные ценности подвергаются влиянию культуры, в которой индивидуум живет и работает. Человек получает четкую личную индивидуальность, хорошо определяемые цели, испытывает самоуважение, потому что он определяет личную индивидуальность посредством его роли на работе и в некоторой степени развивает чувство лояльности по отношению к начальникам и профессии. Если человек сильно заинтересован в работе, то зачастую этого уже достаточно, так как происходит внутреннее вознаграждение и нет необходимости в деньгах (внешнее вознаграждение). У индивидуума есть чувства и эмоции, и если начальник понимает это, то человек работает лучше.

Существует множество людей с разнообразными мотивами. Одни мотивируются деньгами, другие – чувством принадлежности к организации, что лежит в основе формирования корпоративной культуры, третьи – вызовом, но каким бы ни был мотив или мотивы, решение о реакции в ответ на что-то принимается лично человеком. При этом основным фактором выступает личный интерес. Поэтому задача руководства состоит в том, чтобы работа человека определялась способностью выполнять цели организации и в то же время удовлетворять его личные интересы.

Существует множество теорий мотивации. Многие из них подчеркивают силу внутренних мотивов, таких как чувство сопричастности, чувство достижения, собственного достоинства (теория иерархии потребностей по А. Маслоу). Некоторые из них предполагают, что внешние стимулы, такие как оплата труда, статус, рабочие условия, можно игнорировать. Внешние стимулы являются не менее важными и в сочетании с внутренними мотивами обеспечивают наиболее эффективные результаты.

Для руководства наилучшим способом влияния на поведение подчиненных является философия самых успешных теорий мотивирования и использования данных познаний с систематическим анализом каждой конкретной ситуации. Поэтому руководство должно довести цели организации до каждого человека. Оно должно быть уверено, что персонал знает о зависимости качества работы и результатов (обычно в виде вознаграждения), которые последуют за этим, от усилий, которые подчиненные прилагают, выполняя работу. Руководство должно определить необходимую ступень значительных различий в личной мотивировке с целью управления группами людей, выбора стиля руководства и формы поддерживающих мотивов и стимулов.

Европейские специалисты считают, что должна существовать ежедневная практика мотивирования к выполнению работы / задания, которая состоит из следующих компонентов процесса [3, 5, 6]:

– определение того, какие действия / бездеятельность служащего или группы отрицательно сказываются на работе / выполнении задания;

– выявление серьезности проблемы для определения необходимого времени по устранению и приложению необходимых усилий;

– выявление причин проблем в выполнении работы / задания:

– отсутствие знаний и способностей, необходимых для выполнения задания;

– отсутствие необходимой информации, касающейся данного задания;

– неинтересное задание;

– отсутствие определенных требований со стороны руководства;

– отсутствие признания добросовестной и эффективной работы по выполнению задания со стороны руководства;

– плохие рабочие условия;

– составление списка мер по улучшению ситуации:

– убедиться в том, что персонал знает о целях и требуемых стандартах;

– обеспечить, если это необходимо, дополнительную подготовку персонала;

– упростить задачу, если это необходимо, для ее соответствия знаниям и способностям служащего;

– переделать задачу для того, чтобы она создавала в служащих чувство удовлетворенности;

– поощрять добросовестную и эффективную работу по выполнению задания;

– применять санкции против тех, кто плохо работает при выполнении задания;

– создать или улучшить условия;

– подумать над тем, можно ли было предотвратить проблему, кто мог и должен был это сделать, что необходимо сделать для предотвращения таких проблем в будущем.

Таким образом, все работники среди прочих целей в жизни имеют определенные потребности, желания и намерения, связанные с предпочтениями, касающимися выполнения работы / задания. Руководитель должен предложить нечто такое, что, по мнению его персонала, будет достойной целью и стоить дополнительных и индивидуальных усилий, так как сама необходимость и ожидаемое удовлетворение должны быть достаточно сильными, чтобы стать достойной компенсацией за напряженную работу.

Способы мотивации

Экономическая мотивация. Многие руководители считают, что большая часть сотрудников работает для удовлетворения своих экономических нужд. Действительно, во многих случаях именно экономическая мотивация приводит к успеху. Здесь могут быть различные варианты: долевое участие в прибыли, премии, выплаты за производительность, сдельная оплата. Премии могут зависеть от объема выпускаемой продукции, ее качества. Они не должны быть слишком общими и распространенными, иначе их будут воспринимать как обычную заработную плату в обычных условиях. В производстве и коммерции встречаются и другие формы экономической мотивации, но экономическая мотивация необязательно должна иметь форму денежных выплат. Могут быть и другие варианты: продвижение по службе, возможность представлять организацию на различных встречах, вручение подарков и наград, медицинские и страховые программы, предоставление бесплатного (или со скидкой) отдыха, служебного автомобиля.

Экономическая мотивация, как и другие формы мотивационной деятельности, должна быть связана с личным вкладом каждого работника, будь то индивидуальная или групповая работа, при этом работник должен знать, что всегда поощряются дополнительные усилия. В то же время руководитель должен быть уверен, что эти усилия как минимум покрывают его затраты на выплату премий.

Способы мотивации, связанные с психологическими потребностями (неэкономические).

Поощрение чувства сопричастности / принадлежности помогает работнику осознать себя личностью в организации. Обычно этого добиваются руководители, ориентированные на работника. Но нельзя полагаться только на эти психологические потребности своих работников. Некоторые руководители представляют организацию как большую семью, что может привести к покровительственному стилю руководства, который обычно замедляет рост организации. Наиболее приемлемым считается консультативный подход с четкой постановкой задач и распределением обязанностей или ответственности. Это создает чувство вовлеченности в процессы, но и способствуют и проявлению эмоций со стороны сотрудников.

Чтобы поддержать положительные эмоции и компенсировать возможные отрицательные, необходимо повысить социальную роль работы для каждого работника. Например, руководитель должен проследить, чтобы те, кто ведет все бумажные дела, регулярно в соответствующие дни посылали сотрудникам поздравления с днем рождения. Важно также совместное празднование торжеств и проведение каких-либо мероприятий. Лучше поощрять работников, организовывая такие события самим. Рекомендуются также различные ежедневные информационные сводки новостей. Это важно не только для персонала, но и особенно для тех, кто вновь поступил на работу, так как помогает им быстрее подключиться к деятельности фирмы / организации.

Подбор работы под исполнителя. Некоторые человеческие потребности – потребность в успехе или признании – по мере их удовлетворения все больше возрастают. Поэтому рекомендуется публично хвалить сотрудников за успешно проделанную работу. К публичной критике обычно прибегают тогда, когда хотят сделать данный пример назидательным. При описании задач для каждого сотрудника в ходе выполнения задания во внимание берутся, как правило, его сильные и слабые стороны. Формула успеха должна быть заложена в саму постановку задач, так как необходимо сделать так, чтобы работник просто не смог потерпеть неудачу. Чтобы выяснить все стремления своих работников к работе, необходимо регулярно проводить совещания, позволяющие отслеживать динамику производительности и нейтрализовать жалобы и недовольства. Каждый управляющий должен также проводить свои совещания. Если проблема заключается в недостатке способностей и умений работников, то обычно выбирают один из трех вариантов:

– упрощают задачу;

– проводят дополнительную подготовку;

– понижают в должности или увольняют.

Мотивация отстающих работников. Увольнение отстающих работников может стать крайне дорогостоящей практикой. Кроме денежных компенсаций, которые придется выплатить, руководитель вынужден тратиться на кадровую перестановку, также есть опасность получить репутацию плохого работодателя. Процесс увольнения отстающего работника отвлекает и от более важных дел. Если этот отстающий работник занимает в организации относительно высокое положение, то, соответственно, возрастут затраты на его замещение и потери времени руководителя. Если кто-то из работников будет уволен, то оставшимся придет-

ся работать в неполном составе, будет потеряно время и на обучение нового сотрудника. Прежде чем кого-то уволить, необходимо взвесить все «за» и «против» и, может быть, помочь отстающему следующими способами:

– определить, почему производительность данного работника оказалась ниже той, которую от него ждут, т.е. необходимо соотнести задачи, стоящие перед ним с его способностями и представлениями о работе руководства, а также критериями роста производительности;

– провести совещание, где будет пересматриваться содержание деятельности работника. Такое совещание может проходить либо в неформальной, товарищеской атмосфере, либо наоборот – соответствовать первому этапу процесса увольнения. В любом случае работнику надо дать возможность высказать свои жалобы и недовольства. Такое совещание помогает выявить цели работников и посмотреть на деятельность организации со стороны. Если задача для работника трудна, ее можно упростить или предложить ему другую работу. Если ему не хватает знаний – предложить обучение. Если это связано со взаимоотношениями в коллективе или условиями работы, то здесь надо пересмотреть саму организацию работы, так как наличие отстающего работника может быть связано с более серьезными проблемами. Если правильно определены реальные причины отставания работника, то необходимо заинтересовать его. То, что руководитель обратил внимание на проблемы отстающего работника, может уже заинтересовать его. Обрисовав перспективы работы, а может быть, даже предложив вознаграждение, руководитель еще больше приободрит такого работника. При этом нельзя критиковать за неудачи, только за недостаточные усилия.

В современных европейских организациях *мотивация отстающих работников* нередко связана с функцией контроля деятельности персонала, особенно в процессе увольнения и, как, правило, в этом отношении контроль становится *прогрессивным* и *позитивным*, осуществляясь через стимулирование деятельности персонала [4. С. 45–46].

В связи с этим контроль может быть направлен как на предупреждение возможных ошибок, когда происходит анализ причин их возникновения, в том числе и причин, почему сотрудник не выполняет те или иные задания или не справляется с поставленными задачами, так и на поиск виновных с применением системы санкций к тем, кто совершил эти ошибки (*негативный контроль*). Если преобладает первая ориентация, то контроль развивается как упреждающий и является управленческим. Если вторая – то контроль сопровождается разборками, а сотрудники выполняют задания из страха наказания.

Этапы *прогрессивного контроля*:

1. Устное замечание (за первое или незначительное нарушение).

2. Письменное замечание (за более серьезное или вторичное нарушение).

3. Временное увольнение без заработной платы (за частые нарушения).

4. Увольнение.

Часто наказание усугубляет проблему, а не решает ее. Наказание бьет по самоуважению сотрудника, способствует формированию враждебного отношения. При *позитивном контроле* акцентируют внимание на признаках негативного отношения к работе:

1. Устное замечание с обсуждением нарушения и напоминанием о важности следования правилам, высказыванием уверенности, что больше обсуждать это не придется.

2. Письменное замечание и беседа с высказыванием уверенности в желании сотрудника исправиться в будущем.

3. Однодневный отпуск с оплатой для размышлений.

4. Увольнение.

Обучение проводится не только для отстающих работников, но и для развития персонала в целом. Потребности в обучении зависят от особенностей дела. Занятия можно проводить прямо в организации, отделе. Сознание того, что руководство может обеспечить своим работникам продвижение по службе и создать им возможности для самосовершенствования, будет способствовать их стимулированию. Затраты на обучение могут оказаться меньше, чем затраты на найм новых работников. При этом необходимо рассчитать все расходы на обучение персонала, потери за то время, когда персонал проходит такое обучение, и возможные срывы со стороны не обучающихся в это время работников. Основная проблема при данном способе мотивации – обученный персонал обычно ищет другую, более высокооплачиваемую работу. Поэтому с такими сотрудниками необходимо заключить контракт о продолжении работы в организации, обучавшей их какое-то время, или поощрить новой должностью / деньгами. Обучение сотрудников проводится в университетах, колледжах, школах бизнеса, различных образовательных центрах. При этом персонал получает второе высшее образование, проходит переподготовку на различных курсах, а может быть, просто высшее образование. Обучение предполагает также приглашение специалистов, консультантов в организацию, использование аудио- и видеокурсов.

Идеальная группа, по М. Белбину [3, 7]. Специалисты Ассоциации голландских муниципалитетов и Мерсисайдского инновационного центра (Великобритания) считают, что при выстраивании своей команды или группы руководитель должен исходить из того, что любой член группы играет две роли. Доктор М. Белбин из Кембриджского научно-исследовательского центра промышленного обучения определяет эти роли так: ее / его собственная роль специалиста, например бухгалтера, и специфическая роль в качестве участника группы. Он считает, что главное в группе – баланс характеров. Группа, составленная исключительно из умных и талантливых личностей, обычно терпит неудачу. М. Белбин выделяет в общей сложности восемь отдельных ролей:

Председатель (формирователь). Это административный лидер, который выбирает группу, проводит собрания, контролирует достижения.

Координатор (организатор). Этот человек является часто неформальным лидером в выполнении задач, и делает это иногда даже успешнее, чем формальный лидер.

Исследователь ресурсов. Осуществляет поиск идей и разработок на стороне и сообщает о находках команде, умеет хорошо налаживать внешние контакты и проводить переговоры.

Аутсайдер (генератор). Нередко это человек со стороны, умышленно введенный для подачи идей.

Рабочий организации. Осуществляет преобразование концепций и планов в рабочие процедуры.

Контролер-оценщик. Проводит анализ проблем, оценивает идеи, предложения, выносит критические суждения.

Рабочий команды. Наиболее чувствительный участник команды, хорошо знает потребности и проблемы других членов команды, чувствует все «подводные течения», способствует единству и гармонии в коллективе.

Завершитель. Обеспечивает выполнение заданий к указанному сроку.

Первые четыре роли направлены на внешнюю сторону деятельности группы и являются доминирующим, последние четыре роли направлены на внутреннюю работу и имеют меньше влияния. Если в группе менее восьми человек, то один из них может выступать в двух совместных ролях.

Таким образом, как показывает мировая, в частности европейская, практика, концепция руководства человеческими ресурсами является сравнительно новой развивающейся концепцией руководства современной организацией. Пришедшая в большинстве европейских стран из бизнеса, где руководители предприятий увидели в эффективном использовании человеческого ресурса возможность повысить свои прибыли, на современном этапе эта концепция берется на вооружение менеджерами фактически всех существующих типов организаций, имеющих и не имеющих целью получение прибылей. Это связано с тем, что именно эффективное руководство человеческими ресурсами помогает европейским организациям найти наиболее успешные возможности руководить и управлять своими предприятиями в сложных, постоянно меняющихся условиях окружающей действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Менеджмент* персонала 2000. Минск : БГЭУ, 1998. 288 с.
2. *Материалы* Российской академии государственной службы при Президенте РФ. Программа «Государственная служба и кадровая политика в условиях реформирования институтов исполнительной власти». М., 1997.
3. *Методические* материалы специалистов Ассоциации голландских муниципалитетов. Гаага, 1996.
4. *Лицарева Е.Ю.* Учебное пособие по курсу «Управление персоналом». Томск : Изд-во науч.-техн. лит-ры, 2002. 59 с.
5. *Методические* материалы экспертов Датской школы государственного управления. Копенгаген, 1996.
6. TACIS. Сибирская академия государственной службы. Материалы «Программы поддержки областных администраций Новосибирской, Томской и Кемеровской областей». Новосибирск, 1996.
7. *Методические* разработки Оксфордского, Ворвикского университетов и Мерсисайдского инновационного центра (Великобритания). Программа Европейского банка реконструкции и развития и Ворвикского университета (Великобритания) «Подготовка команд менеджеров и консультантов для российских технопарков и малых инновационных фирм». 1993–1994.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 марта 2015 г.

THE EUROPEAN EXPERIENCE IN THE FIELD OF ORGANIZATION's HUMAN RESOURCE MANAGEMENT: THE UNITED KINGDOM, THE NETHERLANDS AND DENMARK

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 136–146. DOI: 10.17223/15617793/397/22

Litsareva Elena Yu. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elits2011@mail.ru

Keywords: human resources; modern European organizations.

The inclusion of the Russian economy into the world market, as well as integration processes which are global in nature, urgently requires a more detailed study of the lessons learned in countries with the developed market relations and modern organization management experience. In this regard, some practices of European countries, including the United Kingdom, Netherlands and Denmark are so significant. On the part of decision makers, the creative approach is necessary in such practices. Management practice in different countries of the European Union reflects not only the diversity of national traditions and schools of management, but also the absence of any universal concept. The human resources concept takes a special place in the system of modern European management. The human resource is very significance for modern European organizations and is equated to other resources that require, above all, their rational use. English and Dutch experts believe that in the field of modern management, the term "human resource management" means the same thing as the term "personnel management". So, human resource management is a continuous process of personnel management based on strategic and systemic approaches. Human resource management is a system of principles and rules, leading human resource in accordance with the strategy of the organization which is in the external environment. Top management has full responsibility for the strategic management of the organization's human resources. The concept of human resource management includes the traditional approaches to staff management (strategic and system) that are used in a modern context because of changes in the world and in the surrounding environment and new approaches (comprehensive, integration, marketing, functional, process-based, dynamic, regulatory, administrative, behavioral and situational). These approaches to the human resource, for example, in the Netherlands allow integrating personnel management strategy with the strategy of an organization itself. In connection with this, the main task is to create conditions in which staff will be striving for high standards of work quality. Another important factor is that the director and managers have to realize themselves, first and foremost, as partners along with other colleagues and to contribute to the implementation of the goals and objectives of the organization. As to the concept of effective management of the organization and its human resources, most of the British, Dutch and Danish specialists in the field of staff management come from the practical adapted modern management theories: the German Management-by-Delegation model; the five-phase growth

model (Larry Greiner); the five-stage model of Churchill-Lewis; "factors of the unplanned growth" theory; the theory of "equal opportunities"; the theory of efficient management (Ichak Kalderon Adizes); the theory of daily practice of motivation and positive/progressive control; the model of a perfect group (M. Belbin).

REFERENCES

1. Belyatskiy, N.P. (1998) *Menedzhment personala 2000* [Personnel Management 2000]. Minsk: BGEU.
2. Russian Academy of Public Service under the President of the Russian Federation. (1997) *Programma "Gosudarstvennaya sluzhba i kadrovaya politika v usloviyakh reformirovaniya institutov ispolnitel'noy vlasti"* [The Program Public Service and Personnel Policy during Reforms of Institutions of the Executive Branch]. Moscow.
3. Association of Dutch Municipalities. (1996) *Metodicheskie materialy spetsialistov Assotsiatsii gollandskikh munitsipalitetov* [Teaching materials of experts of the Association of Dutch Municipalities]. The Hague.
4. Litsareva, E.Yu. (2002) *Uchebnoe posobie po kursu "Upravlenie personalom"* [The manual for the course "Human Resource Management"]. Tomsk: NTL.
5. Danish School of Public Administration. (1996) *Metodicheskie materialy ekspertov Datskoy shkoly gosudarstvennogo upravleniya* [Teaching materials of experts of the Danish School of Public Administration]. Copenhagen.
6. TACIS. Siberian Academy of Public Service. (1996) *Materialy "Programmy podderzhki oblastnykh administratsiy Novosibirskoy, Tomskoy i Kemerovskoy oblastey"* [Materials of the Support Programs of Regional Administrations of Novosibirsk, Tomsk and Kemerovo Oblasts]. Novosibirsk.
7. Oxford Univeristy, University of Warwick, Merseyside Innovation Centre. (1993–1994) *Programma Evropeyskogo banka rekonstruktsii i razvitiya i Vorvikskogo universiteta (Velikobritaniya) "Podgotovka komand menedzherov i konsul'tantov dlya rossiyskikh tekhnoparkov i malykh innovatsionnykh firm"* [The European Bank for Reconstruction and Development and the University of Warwick (UK) Program "Preparation of management and consultant teams for Russian technology parks and small innovative firms].

Received: 06 March 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 147–153. DOI: 10.17223/15617793/397/23

УДК 63.3 (2Р5)

Н.А. Минина

ОБРАЗОВАНИЕ ГОРОДА НОВОНИКОЛАЕВСКА: ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО В 1893–1895 гг.

Исследуется неизученная, «забытая» страница истории Новосибирска – землеустройство в период его зарождения. Объектом исследования является образованный у места строительства моста Кривощековский поселок, ставший исходным пунктом будущего мегаполиса. Одной из неотложных мер землеустройства в поселке была его планировка. Первый план, выполненный летом 1894 г., не сохранился, но переписка о его создании и реализации опровергает известный тезис о стихийном развитии города в начальный период. Все даты приведены по старому стилю.

Ключевые слова: Новониколаевск; землеустройство; план; Главное управление Алтайского горного округа.

Землеустройство г. Новониколаевска в начальный период его истории – тема актуальная и практически не изученная. Сам термин, понимаемый как система государственных мер по упорядочиванию землепользования, был применен к истории Новониколаевска только в последнее время [1. С. 10–17]. В новосибирской историографии существует устоявшееся мнение, что возникновение города и развитие его территории в первые годы происходили стихийно, поэтому такого исследовательского вопроса, как землеустройство, не могло возникнуть в принципе [2. С. 21–55]. Тезис о стихийности развития Новониколаевска, высказанный еще в 1920-е гг., широко эксплуатируется до сих пор [3. С. 495]. Он настолько привычен для историков и новосибирских краеведов, что, фактически не подтверждаемый документами, превратился в догму, в исторический миф. Одна из главных причин мифологизации этой страницы городской истории – недостаточная изученность исторических источников, относящихся к первым годам существования Новониколаевска.

Землеустройство всегда связано с собственностью на землю. В данном случае предоставление земли для нового поселения находилось в ведении администрации Алтайского горного округа как распорядителя кабинетских земель. В связи с этим обширный материал для изучения первых лет Новониколаевска содержится в Государственном архиве Алтайского края, где сформировались фонды Главного управления Алтайского горного округа (ГААК. Ф. 3. Ф. 4). По своему содержанию архивные дела, относящиеся к истории города, являются землеустроительными (землеотводными): большинство документов различного содержания посвящены одной теме – установлению законного землепользования.

До сих пор в новосибирской историографии материалы данного фонда использовались фрагментарно [4. С. 21]. На основе более детального изучения документов фонда тема землеустройства в Новониколаевске исследована алтайским историком Д.С. Дегтяревым в рамках сравнительного анализа образования новых городов Западной Сибири. Автором сделан вывод, что в Новониколаевске, расположенном на удельных землях, землеустройство было проведено даже быстрее, чем в городах на казенной земле, и в целом завершилось выкупом земель у Кабинета в 1907 г. [1. С. 14]. Впервые в историографии города автор указывает на факт разработки в 1894 г. первого плана будущего города, но без детальной его характеристики. Ранее, в 2007 г., о землеустройстве писал В.Н. Шумилов, назвав этот процесс «первым межеванием» [5. С. 8]. В этом исследовании также используются материалы ГААК, приведены новые факты из истории города первых лет, в том числе о планировке поселка в 1894 г., однако по-прежнему план, выполненный межевщиком Кузнецовым в 1896 г., автор посчитал первым в истории города [Там же. С. 15].

Выбор временных рамок данного исследования обоснован следующим: период 1893–1895 гг. – первичный, или начальный, в развитии будущего города. В это время поселение занимало компактную территорию, тяготеющую к месту строительства моста. Дальнейшие события позволяют нам определить 1896 г. как начало следующего этапа: для растущего поселения был разработан «план Кузнецова», который территориально объединил поселок Кривощековский и станцию Обь в один Новониколаевский поселок, получивший к этому времени свое название (пока не официально). Также к началу 1896 г. в Новониколаевском поселке уже возникает вопрос о самоуправлении.

С нашей точки зрения, необходимость проведения землеустройства во вновь образуемом поселении была обусловлена интересами обеих сторон – как Алтайского горного округа, так и значительной части поселенцев, которые были заинтересованы в узаконении своего пребывания на кабинетских землях. Землеустройство в поселке заключалось в комплексе проводимых Главным управлением Алтайского горного округа (далее ГУ АГО) мероприятий по отведению земли для селитьбы новых «засельщиков», торгово-промышленных, транспортных заведений (Богословское пароходство, например), железной дороги, а также первых социальных объектов, таких как школы, церкви и общественные учреждения. В рассматриваемый начальный период нас интересует отвод земли под улицы, площади, селитьбу и торговлю, т.е. формирование собственно территории будущего города.

Неотъемлемой частью землеустроительных работ было картографирование местности поселка, которое проводилось чиновниками, межевщиками, чертежниками и другими чинами ГУ АГО. Изготовленные ими многочисленные рукописные планы представляют сейчас ценный источник для исследования истории Новониколаевска, особенно важны карты и планы первых лет, которые достоверно отражают процесс

урбанизации данной территории. Отметим, что в архивном фонде ГУ АГО и Чертежной Главного управления до наших дней сохранились не все картографические материалы, в том числе первый в истории города план, составленный летом 1894 г. Но обширная ведомственная переписка в сочетании с последующими планами позволяет произвести его реконструкцию.

Судя по планам 1893 г., к моменту строительства Транссиба в месте расположения будущего города на правом берегу Оби находился смешанный лес [6]. В документах он называется по-разному: Приобский, Обской [7. Л. 23, 42] и Верх-Обской бор, а с 1896 г. – Николаевский [8. Л. 221]. На опушке этого бора, по правому берегу Каменки, находился Кривощековский выселок. Выселок был основан в 1877 г. переселенцами из европейской части России, приписавшимися к Кривощековскому сельскому обществу [7. Л. 26–27]. Возможно, это были те самые «низкорослые вятичи», встреченные во время изысканий 1891 г. Н.Г. Михайловским, который назвал их поселение «Новой деревней» [2. С. 32]. К 1894 г. в выселке было всего 33 двора. Несмотря на малочисленность жителей, в дальнейшем этот выселок сыграл определенную роль в становлении планировочной структуры города. Более того, эти крестьянские семьи стали первыми горожанами, поэтому уделим внимание его дальнейшей судьбе.

С постройкой Сибирской железной дороги Кривощековский выселок почти полностью подлежал сносу: 28 дворов оказались в зоне отчуждения. К 1 мая 1894 г. крестьяне должны были перенести их на новое место – за четыре версты выше по р. Каменке либо в другой выселок, находящийся на левом берегу Оби «на горе», в 400 саженях от Кривощеково. Эти варианты были предложены крестьянам заведующим межевыми работами ГУ АГО В.А. Розановым в конце октября 1893 г. [7. Л. 48–50]. Данное распоряжение содержало оговорку, что если крестьяне признают участок неудобным, то могут избрать другую пригодную для этой цели местность по соглашению с железнодорожным управлением [Там же. Л. 10–11]. Крестьяне выбрали второе: они отказались принять предложенное Розановым место как «неподходящее» и поселились по соседству, сразу за линией железной дороги. Сюда крестьянские усадьбы были перенесены уже в декабре 1893 – январе 1894 г. С этого момента завязался конфликт между крестьянами и чиновниками: из Барнаула одно за другим шли предписания о «выдворении кривощековских крестьян с боровых мест», а крестьяне, в свою очередь, затягивали переписку и всеми силами стремились остаться на занятом месте. Так образовался самовольный выселок Кривощековский, о котором обычно упоминают исследователи [2. С. 12–29].

Начиная с весны 1893 г. в Кривощековский выселок и его окрестности прибывают новые поселенцы, их социальный состав был весьма пестрым. Заселялись они самовольно, в первую очередь по левому берегу Каменки [6]. Этот процесс достиг пика весной – летом 1894 г., к началу непосредственных работ по строительству железнодорожного моста. С этого времени местность, прилегающая к стройке, уже не выходит из поля зрения ГУ АГО, что выразилось в активной переписке по поводу образования нового населенного пункта. Отметим, что в официальных документах быстро растущий поселок называют вполне традиционно: Кривощековский выселок (варианты – посёлок, засёлок) или вовсе – село Кривощёково.

Как уже было замечено, в историографии традиционно подчеркивается, что поселок появился самовольно на землях Кабинета и рос стихийно [9. С. 93], но насколько продолжительным был период стихийного развития, не уточняется [10. С. 107]. В землеустроительных делах ГУ АГО поселок действительно называют самовольным, так как подавляющей частью поселенцев – рабочими и разночинцами – осуществлялся захват кабинетской земли. Архивные данные свидетельствуют, что в администрации быстро пришли к решению, что в поселке необходимо срочное наведение порядка. Как нельзя лучше официальная позиция изложена помощником начальника Алтайского округа по Земельной части Е. Недзвецким. В докладе начальнику Алтайского округа от 23 июня 1894 г. он писал: «Поселение это положительно необходимо для надобностей строящейся железной дороги и Обского моста как главным образом для жилищ рабочих, занимающихся постройкой, так и для усадеб и заведений торгово-промышленного люда в видах удовлетворения разных жизненных потребностей рабочих и железнодорожной администрации, с другой же стороны, будучи уверен, что в недалеком будущем с открытием Сибирского железнодорожного пути пункт пересечения железною дорогою главного водного пути Сибири – Оби будет иметь большое значение в торгово-промышленном отношении и почти безошибочно можно сказать, что на месте ныне существующих села Кривощековского и выселка его на правом берегу Оби не более как через 10–20 лет образуется один из лучших городов Сибири в торговом отношении, я полагал бы теперь же позаботиться о правильном размещении усадеб и других построек во вновь образуемом поселении разбивкою всей прилегающей в означенном пункте к полотну железной дороги местности на правильные кварталы и усадебные участки…» [7. Л. 14–16].

Комментарии излишни: через 10 лет самовольный поселок действительно стал городом, а 24 июня на докладе Недзвецкого начальником Алтайского округа В.К. Болдыревым поставлена резолюция «утвердить». Утверждение доклада означало легализацию поселка и формальное прекращение стихийного, самовольного заселения. Командированная в Кривощеково губернская комиссия в акте об осмотре поселка от 7 июля зафиксировала 347 домохозяев, в основном разночинного происхождения [Там же. Л. 34–41]. Теперь перед чиновниками встала непростая задача – приведение поселка в соответствие с законами. План землеустроительных работ был намечен в том же докладе Недзвецкого и сводился к следующему:

1) местность поселка, как боровую, принять в непосредственное распоряжение ГУ АГО;

2) обмежевать селитебную местность, разбить ее на правильные кварталы, улицы и проулки с нарезкой как можно большего количества усадебных мест по 250 квадратных сажен каждое (10 сажен по улице и 25 вглубь);

3) по окончании разбивки обязать самовольно построившихся перенести свои ранее построенные без определенного плана дома в соответствии с планом;

4) обложить поселенцев арендной платой, принятой на территории Алтайского округа, – по 1 рублю с усадьбы в год;

5) разработать сумму и порядок сборов с торговых и промышленных заведений, что поручалось чиновнику по сбору аренды К.И. Бородухо;

6) выселить крестьян выселка Кривощековского с самовольно занятых мест, о чем просить содействия Томского губернатора;

7) запретить дальнейший самовольный захват участков кем бы то ни было.

Рассмотрим каждый из этих пунктов с точки зрения их содержания и реализации. Первостепенной задачей было составление плана поселка, как назвал его один из авторов, чиновник К.И. Бородухо, – «план проектной разбивки местности на правом берегу реки Оби под поселение разночинцев и лиц торгового звания» [7. Л. 48]. Составление плана было поручено чиновнику разных поручений, статскому советнику М. Сергееву [Там же. Л. 17–18]. С помощью колыванского межевщика Пеньковского Сергеев осмотрел местность поселения и распланировал ее в соответствии со строительным и пожарным уставами. Поручение было исполнено Сергеевым 16 июля 1894 г., о готовом проекте плана Кривощековского поселка Сергеев доложил 19 июля в рапорте № 39 начальнику округа В.К. Болдыреву: «Местность, занятая поселением разночинцев, снята на представляемый при сем план, на котором проектированы улицы и кварталы, в каковые и рекомендовано разночинцам переставить свои избы, помещенные ими на этой местности без малейшего соблюдения каких-либо строительных правил. А также разбита на кварталы и местность, самовольно занятая крестьянами, и проектирована торговая площадь близ полотна и Обского моста железной дороги. Каковую распланировку и имею честь представить на благоусмотрение Вашего Превосходительства» [7. Л. 28–29]. Таким образом, в поселке предполагалось оставить лишь разночинцев, а крестьяне подлежали безусловному выселению, поэтому были взяты соответствующие подписки: с крестьян – о переселении, с разночинцев – о перенесении домов согласно плану [Там же. Л. 33, 76].

Окончательный вариант землеустроительных работ, который подтверждал ранее высказанные предложения по упорядочиванию поселения, был представлен 11 августа 1894 г. в докладе Земельной части [Там же. Л. 42–45]. Однако данный доклад, а вместе с ним и первый план поселка, был утвержден начальником округа не сразу, а лишь спустя месяц, 20 сентября. Эта отсрочка объясняется возникшей между чиновниками дискуссией по поводу разбивки улиц в проектируемом поселке. Чиновник по сбору аренды К.И. Бородухо, который также был командирован в поселок для расчета и взимания арендной платы за занятые поселенцами усадьбы, обратил внимание на имеющиеся в проекте Сергеева недостатки. Вероятно, Сергеев подошел к планировке поселения достаточно формально: он избрал для поселка единую планировочную структуру, несмотря на то что поселок разбивался надвое большим каньоном речки Каменки. Чиновник К.И. Бородухо предложил учесть в планировке непростой рельеф местности, сочтя планировку Сергеева ошибочной. Об этом он сообщил в специальном рапорте начальнику округа Болдыреву: «…считаю не лишним высказать свое мнение для устранения могущих возникнуть в будущем недоразумений: 1. В <…> плане селитьбы на правой стороне р. Каменки кварталы не прямоугольные, а имеют форму косоугольников, это неудобство, вероятно, возможно устранить. 2. На левом берегу р. Каменки разбивка селитьбы составляет продолжение правой стороны, причем улицы должны пройти по косогору и кварталы примыкаться (так в тексте. – *Н.М.*) к берегу Оби углами. По моему мнению, план селения нисколько не потеряет, если кварталы по левому берегу р. Каменки будут разбиты иначе, то есть улицы расположены параллельно, а переулки перпендикулярно к берегу р. Оби…» [7. Л. 48–50, 53]. Сергеев, в свою очередь, в докладе начальнику округа опротестовал предложения Бородухо [Там же. Л. 71–72]. Но по сохранившейся планировке бывшей Закаменки мы видим, что поправки чиновника Бородухо были учтены, в противном случае современный Октябрьский район Новосибирска имел бы совершенно другую конфигурацию, являясь продолжением улиц Центрального района, как это предлагал чиновник Сергеев.

Историческая реконструкция на основе последующих планов, например плана Кузнецова 1896 г., позволяет представить размеры распланированного Кривощековского поселка: он был небольшим, располагался вокруг Каменки, на стыке современных Центрального и Октябрьского районов. Этот план обозначил направления роста селитебной территории на северо-запад и юг. Каким образом на практике происходила разбивка поселка в лесном массиве? В том же докладе Земельной части содержится инструкция окружного лесничего А. Фролова: «Оказавшийся на отводимых участках под устройство домов, улиц и проулков лес следует оценивать перечислительным способом по сортиментам, т.е. на что годен лес (бревно, жерди, дрова и т.д.) и взыскивать с арендаторов стоимость его по таксе 1894 г. Арендатор участка должен уплатить и за лес против его участка до середины улицы или проулка. На вырубку леса нужно выдавать билеты. Если арендатор откажется от леса и уплаты лесных пошлин, то он отпускается желающим по таксе и крестьянам на обустройство усадеб бесплатно» [Там же. Л. 45]. Эти данные заставляют нас усомниться в легендарных сведениях о прорубке под улицы просек [11. С. 29].

По плану Земельной части предписывалось поселок обмежевать, но в строгом смысле межевание как определение внешних границ поселения не было проведено не только в 1894 г., но и в 1896 г. Например, в 1897 г. в рапорте начальнику Алтайского округа Управляющий Томским имением В. Шубенко сообщал: «Определенное количество земли под поселок не отводилось, но по мере роста населения нарезались новые участки» [8. Л. 50]. По нашему мнению, данный факт не стоит рассматривать как упущение со стороны ГУ АГО, скорее этому были объективные причины: поселок рос исключительно быстро, поэтому не удивительно, что сама администрация Алтайского округа затруднялась определить его размеры даже в недалеком будущем, а в первые годы поселок довольно свободно развивался на территории Николаевского бора. Подтверждением служит, например, старое кладбище (ныне Центральный парк): очевидно, во время его разбивки посчитали, что оно достаточно удалено от поселка, но уже через несколько лет кладбище оказалось буквально в центре города. И все же работавшим на месте межевщикам и лесникам администрация округа рекомендовала стараться сохранять лес: «…в интересах лесного хозяйства Округа сохранить наибольшее количество леса от вырубки…». Собственно говоря, и сейчас боровые массивы в Новосибирске – остатки того бора.

Серьезной задачей для администрации был контроль за соблюдением жителями намеченной планировки, на что часто обращал внимание чиновник К.И. Бородухо: «Несмотря на запрещение застраиваться без отвода места, самовольные застройки производятся. В продолжение моей двухнедельной отлучки из с. Кривощековского устроено уже самовольно несколько лавок по р. Каменке и занято несколько селитебных мест. Необходимо Земельной части иметь постоянного своего агента в с. Кривощековском, чтобы следить за правильностью устройства селения. Земельная часть не обладает достаточною исполнительною силою, как, например, железнодорожная администрация, по распоряжению которой устраняются подлежащие к сносу постройки с такой быстротой, что в несколько часов от селитебной усадьбы не остается никакого следа. Поэтому чтобы выдворить и удержать порядок с небольшими силами, нужно иметь на население постоянное влияние, а не довольствоваться одними урывочными распоряжениями» [7. Л. 48]. Вся ответственность ложилась на исполнителей с мест – заведующий Земельной частью резюмировал: «Написать лесничему Секлюцкому, чтоб он строго придерживался утвержденного плана на новое селение у села Кривощекова на правой стороне р. Оби и те строения, которые расположены вопреки плану, должны подлежать снесению» [Там же. Л. 58]. Естественно, что для наведения порядка требовалось немало времени, так как управление, осуществляемое напрямую из Барнаула, было недостаточным. Но неоспоримым является тот факт, что принципиально, начиная с лета – осени 1894 г., поселок развивался в соответствии с планом, что имело решающее значение для поселения, возникшего буквально с «нуля». В 1896 г., как известно, в структуре Алтайского округа были образованы имения, причем администрация Томского имения располагалась как раз в Новониколаевском поселке.

Определенные трудности были встречены чиновниками при разбивке в посёлке базарной площади. Базарная площадь по плану Сергеева была намечена в непосредственной близости к насыпи железной дороги, но здесь, как мы помним, находился перенесенный с первоначального места Кривощековский выселок. До конца 1894 г. власти настаивали на выселении кривощековских крестьян. Например, крестьянину Шмакову 2 августа 1894 г. было отказано в выделении земли на основании распоряжения Болдырева «…всех кривощёковцев выселить на левый берег, а на правом оставить только разночинцев – людей необходимых при работе на строительстве железной дороги» [7. Л. 50]. Освобожденные от крестьянских усадеб участки планировалось сдать в аренду торговцам: «…усадебные места в выселке Кривощековском, расположенные вблизи предполагаемой Базарной площади, как находящиеся в центре поселения, и имеющие особую ценность, раздать по 10 руб. за место, применяясь к плате, получаемой с пристани Пароходства Богословского горного округа, с заключением условий на 10 лет, по истечение же этого срока плата на эти места может быть повышена…» [Там же. Л. 57 об.].

Однако кривощёковцам было резонно оставаться на месте: те владельцы усадеб, что не попали в полосу отчуждения Транссиба, сами сдавали их в аренду под торговые лавки приезжему торговому люду, причем арендаторами у крестьян были известные сибирские купцы. Еще 25 мая 1894 г. на предприимчивых крестьян чиновником Бородухо был составлен акт, в котором поименно были перечислены все кривощековцы-арендодатели с указанием площади сданных ими участков. Это вдова Кузнецова, сдавшая под мелочную лавку 3,5 кв. сажени мещанину Ивану Трапезникову и каинскому купцу Панферову; крестьянин Ермолай Утев, сдавший места под лавку купцу И.А. Жернакову, томскому купцу Пискулину, барнаульскому купцу Ф.Д. Маштакову; Тимофей Ушаков сдал места под жилье и лавку колыванскому купцу Н.Т. Орлову, барнаульским купцам С.А. Томсикову и И.Т. Сурикову. В этом же документе чиновник сделал любопытное уточнение: «Кроме того, в 1893 г. к крестьянской общине с. Кривощекова были приняты вновь Афанасий Коновалов, Данил Боталов и Петр Кондратьев. Они также поселились на правом берегу реки Оби, причем Петр Кондратьев, имевши усадьбы в самом селе Кривощёково, захватил еще и в новом посёлке в боровом месте землю под торговую баню и усадьбы, которую разными сделками уступил колыванским купцам Евграфу Александрову Жернакову под усадьбу и магазин по улице 8 сажен и во двор 30 сажен, и Соломону Абрамову Толоконскому и торговому дому Рубанович для двух лавок – всего по улице 11 сажен» [Там же. Л. 108–109].

Данные факты не только свидетельствуют о коммерческой жилке кривощековцев, они интересны как

иллюстрация существовавших земельных отношений. Дело в том, что первоначально только крестьяне были законными хозяевами приобской территории, о чем сообщали чиновники округа: «За пределами боровой местности занятие участков посторонними не принадлежащими к Кривощековскому обществу лицами может быть дозволено лишь с согласия того общества» [Там же. Л. 13]. Также это свидетельствует о том, что изначальный Кривощековский выселок не был самовольным – как правило, историками доказывается обратное [2. С. 33]. Однако крестьяне были хозяевами лишь до тех пор, пока администрация Алтайского округа не приняла решение о легализации возникшего у строительства моста Кривощековского поселка, который отнюдь не предполагал сельского статуса. Именно поэтому ГУ АГО заняло жесткую позицию в отношении крестьян.

В начале июля 1894 г. совместная с Томским губернским управлением комиссия Алтайского округа, в которую входил чиновник Сергеев, осмотрела Кривощековский выселок и нашла, что «крестьяне действительно образовали в бору поселок, состоящий из 53 домов. Дома эти разбросаны в беспорядке, проезды между ними узкие и различной ширины. Самые постройки имеют вид жалкий и весь поселок не производит впечатления благоустроенного крестьянского поселения, а скорее напоминает собою как бы нечто временное <…> Лишь 2–3 дома могут названы крестьянскими домами – остальные разве надворными постройками в крестьянском быту…». Комиссия также осмотрела место за рекой Каменкой, предложенное ранее инженером Розановым для переселения, и нашла его «неподходящим». В конечном итоге с крестьян взяли подписку, что они переселятся на левый берег [7. Л. 33]. Но крестьяне, хотя и дали требуемую с них подписку, вскоре направили томскому губернатору А.А. Ломачевскому прошение о защите своего права оставаться в образованном ими выселке, объяснив, что живут на правом берегу уже 17 лет, имеют здесь хорошую пашню и уже истратили все деньги на перенос своих усадеб с полосы железной дороги, а еще одно переселение «повлечет к дальнейшему разорению» [Там же. Л. 26–27]. Губернатор поддержал крестьян, направив соответствующую просьбу начальнику Алтайского округа. Болдырев остался на своей позиции, но дал отсрочку крестьянам до установления санного пути через Обь. В это же время на месте выработалось и другое решение «крестьянского вопроса»: чиновник Бородухо в своем рапорте начальнику округа сообщал: «…почему-то здесь, в Кривощеково, сложилось мнение, что упомянутые крестьяне ни в каких случаях не могут остаться на избранных местах, даже на правах арендаторов. Я сомневаюсь в существовании подобного распоряжения, а потому, чтобы очистить место для предполагаемой торговой площади, допустил крестьянам переносить свои постройки на другие места по р. Каменке на правах аренды. Если это мое распоряжение противно Земельной части, имею честь просить телеграфировать <…> чтобы вовремя отменить мое распоряжение». За это время, отмечает Бородухо, крестьяне выстроили хорошие дома, как доказательство он прилагает список из 34 крестьянских усадеб, находящихся на территории площади. Причем оказывается, что среди владельцев усадеб всего лишь 14 кривощековцев [7. Л. 69–70].

В этом же докладе чиновник предлагает разбить базар на новом месте, «немного изменив положение кварталов». В итоге крестьяне были оставлены на «самовольно занятом» месте, и 22 сентября 1894 г. Земельная часть распорядилась: «Те кривощековские крестьяне, кои будут ходатайствовать об оставлении их на правом берегу, могут быть оставлены, только с тем, чтоб селились в улицы и ряды, а тем более очистили места, предназначенные для базарной площади…» [Там же. Л. 48 об.]

Вообще нужно отметить деятельность чиновника К.И. Бородухо: обращают внимание его весьма прогрессивные инициативы в различных вопросах развития поселка, подчас даже не входящих напрямую в компетенцию чиновника по сбору аренды.

В скором времени вовсе отпал вопрос об освобождении базарной площади: было решено, что лучше разбить её на новом месте. В краеведческой литературе обычно указывается, что первый базар стал слишком мал, поэтому торг перенесли в другое место. Как видим, обстоятельства формирования первой площади были гораздо сложнее, и в целом мы приходим к выводу, что первая базарная площадь как открытое пространство была запланирована, но её разбивка на местности не была осуществлена по приведенным выше причинам. Но торговля здесь велась с усадебных мест крестьян (построенных не по плану площади) и их «арендаторов».

Ситуация с «неудачной» торговой площадью не удовлетворяла ни Алтайский округ, который терял доход от сдачи торговых усадеб, ни торговцев. Поэтому очень скоро в поселке появилась вторая площадь, причем по инициативе колыванского (преимущественно) купечества. 3 сентября 1894 г. из Колывани в Барнаул была отправлена телеграмма: «На отведенной Сергеевым базарной площади находится до 40 усадеб крестьян, которые не скоро очистят площадь от своих построек. Просим коллективно быстрее отвести удобнейшую площадь для торговли, изменить план намеченного селения и отвести торговую площадь». В телеграмме подписались приказчики: М.В. Можаров – купца Е.А. Жернакова, Суровсков – барнаульского купца Ф.Д. Маштакова, Кривцов – купца Орлова, Зайцев – Толоконского, Рождественский – И.А. Жернакова, Буранов – купца Томсикова, Яковлев – Пискулина, Сергеев – от Торгового дома «Рубанович и Толоконские», а также купец Семёнов. В.К. Болдырев ответил приказчикам 10 сентября того же года: «Разрешение вопроса базарной площади будет произведено [на] месте» [7. Л. 63]. После недолгой переписки чиновники пришли к единому мнению: нужно пойти на изменение плана поселка, чтобы разбить базар в северо-западном направлении от проектированной Сергеевым первой площади. Эта новая площадь почти соответствует современной пл. Свердлова, а конкретно – участку бывшего реаль-

ного училища. Интересно, что, фактически являясь площадью новой, к тому времени, когда появилась уже третья по счету торговая площадь, она получила название Старо-Базарной – очевидно, название самой первой площади всё же не отложилось в памяти новониколаевцев. Площадь заработала уже весной 1895 г. В апреле 1895 г. усадьбы (всего 23 места) рядом с новым базаром были не просто отданы в аренду за 10 руб. за место, а сданы с торгов по баснословной цене – от 30 до 193 руб. Максимальную цену дал Ипполит Жернаков за участок в кв. № 14 [7. Л. 91]. Как известно, здесь вплоть до завершения строительства Крайисполкома сохранялся кирпичный дом и магазин Жернаковых.

Таким образом, к весне 1895 г. Кривощековский поселок жил по плану селения и даже успел расширить свои границы за его пределы в северо-западном направлении. Но любопытно, что очертания неудавшегося первого базара сохранились до сих пор: это улицы Кривощёковская и Мостовая с прилегающей территорией автовокзала. Эта местность и сейчас выбивается из общей схемы центра города, что свидетельствует о том, что чиновникам так и не удалось заставить крестьян перенести свои дома в четкие линии улиц и переулков. Данная территория – своеобразный реликт изначального хаотичного поселка и, с нашей точки зрения, единственный в своем роде остаток самовольной застройки первых лет города.

Развитие поселка на заре его истории – чрезвычайно важная страница для современного Новосибирска, так как территория, сложившаяся в 1893–1895 гг., является исходным историческим ядром, «началом начал» мегаполиса и даже сейчас сохраняет некоторые отпечатки того времени. На основе архивных документов нами установлено, что уже летом 1894 г. в Новониколаевске (тогда – Кривощековском поселке) был начат процесс землеустройства, осуществленный Главным управлением Алтайского горного округа с целью узаконения самовольно образовавшегося поселения. В результате учреждения первого «градостроительного» плана поселка в 1894–1895 гг. была заложена планировочная структура будущего города. С утверждением плана поселок стал легальным, что имело стратегическое значение: законность личного подворья, пусть даже на арендных правах, убеждала вновь поселившихся, что поселок – не просто временное явление на период строительства моста. Таким образом, проведение начальных землеустроительных работ легло в основу быстрых темпов роста населения и различных торгово-промышленных заведений, стало одним из базовых условий на пути становления быстрорастущего города.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дегтярев Д.С.* Землеустройство новых городских поселений в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Югорского университета. 2012. № 1 (24). С. 10–17.
2. *Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н.* Новосибирск в историческом прошлом: конец XIX – начале XX в. Новосибирск : Наука, 1978. 293 с.
3. *Новосибирск* // Историческая энциклопедия Сибири / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории ; рук. проекта акад. РАН А.П. Деревянко ; гл. ред. В.А. Ламин ; отв. ред. В.И. Клименко. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 2. 807 с.
4. *Так начинался* Новосибирск / Л.М. Горюшкин, Г.А. Бочанова. Новосибирск : Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1983. 176 с.
5. *Новосибирск*. История генеральных планов в документах / автор-сост. В.Н. Шумилов. Новосибирск, 2007. 440 с.
6. *Государственный* архив Алтайского края (ГААК). Ф. 50. Оп. 1. Д. 66.
7. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 913.
8. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 84.
9. *Бочанова Г.А.* Проблемы местного самоуправления в дореволюционном Новониколаевске // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области : сб. науч. тр. / под ред. Л.М. Горюшкина, В.А. Зверева. Новосибирск : Изд-во СОРАН, НИЦ ОИГГМ, 1997. С. 93–99.
10. *Кожуркова Т.Б.* Основные исторические этапы формирования планировочной структуры сибирского города на примере Новосибирска (Новониколаевска) // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2008. № 3. С. 100–112.
11. *Новосибирск*. 100 лет. События. Люди: 1893–1993: [хроника] / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск : Наука, 1993. 471 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 марта 2015 г.

THE ORIGIN OF NOVONIKOLAEVSK: LAND PLANNING FROM 1893 TO 1895

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 147–153. DOI: 10.17223/15617793/397/23

Minina Natalia A. Novosibirsk State Museum of History and Nature (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: minina_n@ngs.ru

Keywords: Novonikolaevsk; Land Planning; plan; General Directorate of the Altai Mining District.

This article investigates the first two years of existence of the city of Novosibirsk. This period is extremely important in the history of the city due to the construction of the railway bridge over the Ob River, which results in the transformation of an uninhabited region into a lively town referred to as Krivoschekovsky. The newly discovered and previously used documents and maps from the archives of the General Directorate of the Altai Mining District provide new facts and information about the founding of Novosibirsk. In contrast to previously established views describing the first years of the settlement of Novonikolaevsk as spontaneous and uncontrolled, the new artifacts show that the development was done through careful planning by land surveyors. Land management was influenced by both the new settlers and the government institutions, in this case, by the General Directorate of the Altai Mining District. The most pressing issue of the settlement was the legitimate use of land and property rights so the land planning can link together numerous small events of the thriving city. From this perspective, the formation of the marketplaces, the implementation of trade and persistent attempts of the mining administration to evict peasants of the former Krivoschekovsky settlement are described in the article. The first step in the land use planning was the settlement layout. The article discusses the development and implementation of the first urban plan of the city. The plan “for the settlement of commoners and people of the merchant rank” was quickly developed by the officials of the Altai Mining District in the summer of 1894, and approved on September 20th, 1894, by the District

Chief V.K. Boldyrev. The graphic representation of the plan was not found, but it can be reconstructed based on numerous items of correspondence and subsequent planning. This first plan laid the foundation for the further growth in the city's future. The article stresses the importance of this plan as a legal instrument; the approval of this document grants the legal status to the settlement that arose spontaneously on the Cabinet lands.

REFERENCES

1. Degtyarev, D.S. (2012) Zemleustroystvo novykh gorodskikh poseleniy v Tomskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Planning new urban settlements in the Tomsk province in second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Yugorskogo universiteta*. 1 (24). pp. 10–17.
2. Goryushkin, L.M., Bochanova, G.A. & Tseplyaev, L.N. (1978) *Novosibirsk v istoricheskom proshlom: konets XIX – nachale XX v.* [Novosibirsk in the historical past: the end of 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
3. Lamin, V.A. (ed.) (2009) Novosibirsk. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. V. 2. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri.
4. Goryushkin, L.M. & Bochanova, G.A. (1983) *Tak nachinalsya Novosibirsk* [Thus began Novosibirsk]. Novosibirsk: Zap.-Sib. knizh. izd-vo.
5. Shumilov, V.N. (2007) *Novosibirsk. Istoriya general'nykh planov v dokumentakh* [Novosibirsk. History of general plans in the documents]. Novosibirsk: Novosib. kn. izd-vo.
6. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 50. List 1. File 66.
7. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 3. List 1. File 913.
8. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 4. List 1. File 84.
9. Bochanova, G.A. (1997) Problemy mestnogo samoupravleniya v dorevolyutsionnom Novonikolaevske [Problems of local government in the pre-revolutionary Novonikolaevsk]. In: Goryushkin, L.M. & Zverev, V.A. (eds.) Voprosy kraevedeniya Novosibirska i Novosibirskoy oblasti [Issues of Local History of Novosibirsk and Novosibirsk Oblast]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, NITs OIGGM.
10. Kozhurkova, T.B. (2008) Osnovnye istoricheskie etapy formirovaniya planirovochnoy struktury sibirskogo goroda na primere Novosibirska (Novonikolaevska) [The main historical stages of the formation of the planning structure of a Siberian city on the example of Novosibirsk (Novonikolaevsk)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta – Vestnik of Tomsk State University of Architecture and Building*. 3. pp. 100–112.
11. Goryushkin, L.M. (ed.) (1993) *Novosibirsk. 100 let. Sobytiya. Lyudi: 1893–1993* [Novosibirsk. 100 years. Events. People: 1893–1993]. Novosibirsk: Nauka.

Received: 20 March 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 154–160. DOI: 10.17223/15617793/397/23

УДК 903.5(571.1)

Л.В. Панкратова

ОБРЯДОВЫЕ КОДЫ КУЛЬТУРЫ: К РЕКОНСТРУКЦИИ МИФОРИТУАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА «КУЛАЙЦЕВ»

Материалы Барсовского VII могильника кулайской историко-культурной общности изучаются как многоуровневый культурный текст, структурные элементы которого являются обрядовыми кодами, отражающими систему мировоззрения и мифологическую картину мира древнего населения. Выявлены элементы локативного, отчасти темпорального, предметного, изобразительного и персонального кодов погребального обряда. Установлено, что обрядовые коды не только моделируют пространственно-временные ориентиры вселенной, но и обладают способностью одновременно указывать на социальные и этические структуры.

Ключевые слова: текст; кулайская историко-культурная общность; обряд / ритуал; металлопластика; композиция.

Связь, существующая между мифом и ритуалом, была подмечена давно, а проблема соотношения мифа и ритуала в гуманитарной науке имеет обширную историографию, в значительной мере освещённую в литературе [1–3 и др.]. Исследования этнологов, начиная со второй половины XX в., продемонстрировали глубокое семантическое единство мифов и ритуалов и показали, что оно имеет не генетическое, а парадигматическое происхождение [1. С. 154]. Современные российские учёные используют термины «обряд» и «ритуал» как эквивалентные, но предпочитают последний как международный [4. С. 4].

Н.И. Толстым предложено определение обряда как многоуровневого «культурного *текста*, включающего в себя элементы, принадлежащие разным кодам: *акциональному* (обряд – последовательность определённых ритуальных действий), *реальному*, или *предметному* (в обряде производятся действия с некоторыми обыденными предметами или со специально изготовленными предметами), *вербальному* (обряд содержит словесные формулы, приговоры, благопожелания и т.п., сюда же относятся терминология и имена), а также *персональному* (ритуальные действия совершаются определёнными исполнителями и могут быть адресованы определённым лицам или персонажам), *локативному* (действия приурочены к ритуально значимым элементам внешнего или внутреннего пространства или вообще пространственно ориентированы – вверх, вниз, вглубь и т.д.), *темпоральному* (действия, как правило, производятся в определённое время года, суток, до или после какого-либо события семейного или социального и т.п.), *музыкальному* (в сочетании со словом или независимо), *изобразительному* (изобразительные символы ритуальных предметов, пищи, одежды, утвари и т.п.) и т.д.» [5. С. 167]. Разные коды в структуре обряда / ритуала являются комплементарными. Формы их реализации и семиотическое осмысление соответствуют системе мировоззрения и мифологической картине мира традиционной культуры [Там же. С. 168].

Значительная часть вышеперечисленных кодов ритуала фиксируется археологами в процессе исследования археологических памятников и артефактов в контексте археологических комплексов. Опыт анализа археологического источника с целью выявления структурных элементов (кодов) погребального обряда (по Н.И. Толстому) и реконструкции мифологической картины мира предлагается вниманию читателей.

Объектом изучения является уникальный комплекс бронзовой художественной металлопластики из погребения 3 Барсовского VII могильника кулайской историко-культурной общности раннего железного века Западной Сибири, рассмотренный как один из элементов структурной организации некрополя. Значение ансамбля бронзовых изделий погребения объясняется рядом обстоятельств. За почти столетнюю историю изучения кулайских древностей накоплена огромная источниковая база. Значительную часть её составляют художественные изделия из бронзы. Однако для решения вопросов функционирования бронзовой металлопластики в системе культуры и выявления семантики изображений имеющейся в распоряжении учёных информации недостаточно. Во многом это объясняется тем, что основной массив бронзовых отливок происходит из так называемых кладов / культовых мест или «случайных сборов». Эти комплексы обнаружены неспециалистами и утратили археологический контекст. Такие коллекции предметов по разным причинам часто оказываются неполными, что также снижает информационный потенциал ритуальных ансамблей. В сложившейся ситуации непотревоженные археологические комплексы, исследованные специалистами, с фиксированным контекстом находок, полностью опубликованные, привлекают особое внимание. Значение же закрытых комплексов (погребений) трудно переоценить. Одним из таких памятников является Барсовский VII могильник, выявленный в Сургутском Приобье (рис. 1), раскопанный и опубликованный Ю.П. Чемякиным и Г.А. Степановой [6][1]. Важно также, что некрополь, однозначно интерпретируемый как кулайский, локализован на территории формирования культуры.

Могильник возник на месте многослойного селища Барсова гора I/21, содержавшего материалы эпохи поздней бронзы, атлымской культуры, белоярской и кулайской культур эпохи раннего железа [7. С. 82]. За три года работ на памятнике исследовано девять кулайских погребений, шесть из которых описывают в планиграфии памятника дугу, направленную с запада на юго-восток, два погребения располагались южнее дуги, а одно – севернее (рис. 2). Последнее сооружение могильника рассматривается

в числе погребений на основании анализа его стратиграфии и формы, так как ни останков умершего, ни погребального инвентаря в могиле, устроенной во внешней яме кулайского жилища, не обнаружено. Четыре могильные ямы имели прямоугольную форму, пять, по мнению Ю.П. Чемякина, напоминали по форме лодку с обрезанной кормой, и, скорее всего, умершие действительно были захоронены в лодках. Южнее могил зафиксирована канава, которая ограничивала могильное поле. В средней части канавы вырыта могила 9. Данные стратиграфии показывают, что канава появилась после того, как прекратил существование белоярский посёлок, но до того, как было сооружено погребение 9. В центре могильного поля выявлен открытый очаг, внутри и вокруг которого расчищены фрагменты битой посуды «кулайцев» и обломки изделий из бронзы, в том числе, «зеркал» [Там же].

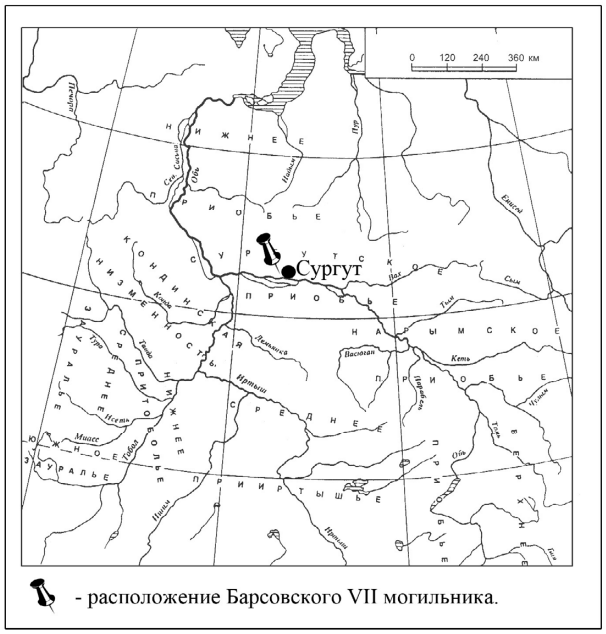

Рис. 1. Карта-схема расположения Барсовского VII могильника

Шесть захоронений совершены по обряду ингумации. Сохранность костяков плохая. В трёх могилах кости не сохранились. Умерших хоронили на спине, с руками, вытянутыми вдоль тела. Установлено, что четыре могилы сориентированы по линиям северо-запад – юго-восток, столько же по линиям северо-восток – юго-запад с небольшими отклонениями, а ещё одна – с севера на юг. Ю.П. Чемякин отмечает, что погребения в «лодках» носами плавучих средств были обращены к очагу, расположенному в центре могильного поля [7].

Таким образом, планиграфия памятника представляет собой своеобразный текст, прочтение которого предвещает определённые перспективы реконструкции мировоззрения древнего населения региона. Внимание привлекают такие элементы *локативного кода* погребального обряда, как дугообразное расположение погребений и их взаимосвязь с небольшой канавой (траншеей), ограничивающей могильное поле с юга (рис. 2). Подобные признаки пространственной организации погребений обнаружены также на Барсовском III могильнике, где два захоронения сооружены во рве белоярского городища Барсов городок I/3 и ориентированы по оси рва, т.е. по дуге оборонительного сооружения [Там же. С. 81]. Аналогичным способом во внешнем рве саргатского кургана сооружены семь грунтовых погребений Абатского-3 могильника [8. С. 131, рис. 66-*А*], которые, с нашей точки зрения, следует интерпретировать как позднекулайские, возможно, с участием кашинского компонента. Кроме того, погребения 2, 3, 7 и 9 вместе с очагом в планиграфии памятника образуют ряд объектов в виде прямой (см. рис. 2). Отмечается также стремление «кулайцев» использовать для устройства могильников и отдельных захоронений площадки хронологически более ранних памятников и остатки древних сооружений (жилищ, ям, рвов, валов и т.п.).

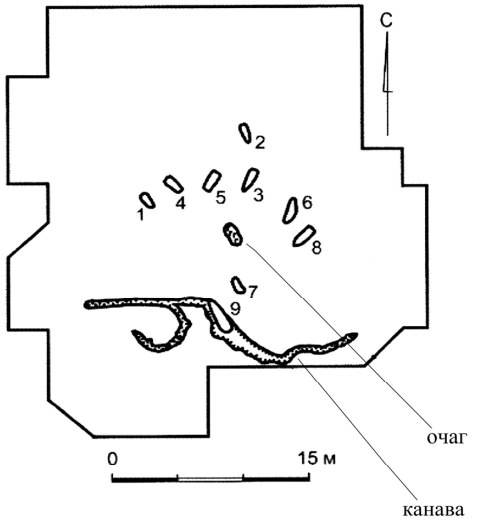

Рис. 2. План Барсовского VII могильника [7]

Иначе говоря, можно предполагать, что для какой-то части «кулайского» населения значимыми пространственными ориентирами при сооружении погребальных комплексов были два направления – горизонтальное и вертикальное. В горизонтальной плоскости расположение объектов могильника задавалось дугой и прямой. Центром дугообразно расположенных погребений Барсовского VII могильника являлся очаг, на который сориентированы могилы. Через очаг проходила и условная ось, совпадающая с прямой, образованной четырьмя могилами, пересекающая могильное поле с севера на юг. Ось не только объединяет в один ряд четыре погребения и очаг могильника, но и структурирует пространство некрополя, противопоставляя погребения 1, 4, 5 захоронениям 3, 6, 8. В то же время вторая условная ось, перпендикулярная первой и пересекающая её в месте расположения очага, противопоставляет погребения 7 и 9 всем остальным (см. рис. 2).

Что касается вертикального направления при возведении ритуального комплекса, то оно выражено менее очевидно и, на наш взгляд, задавалось ориентацией умерших «вниз», что подчёркивают случаи устройства погребений в ямах, оставшихся от древних сооружений.

Элементы локативного кода соотносятся с категориями движения (движение по кругу, к центру, вглубь) и мифологического времени, выражая такие его характеристики, как цикличность, устремлённость в прошлое, к сакральному центру «начальных времён». Направление символического движения умерших к центру ритуального пространства обозначено положением носовой части погребальных лодок. Ориентация в прошедшее поддержана также устройством некрополей на местах обитания и погребения предшественников «кулайцев» во времени и пространстве. Для выявления других элементов *темпорального кода* погребального ритуала необходимо привлечение специальных методов исследования, отчасти они могут быть реконструированы при изучении стратиграфии некрополя.

Материалы могильника (*предметный код* ритуала) интересны в самых разных аспектах. Тот факт, что захоронения оказались не потревоженными грабителями, а сопроводительный инвентарь зафиксирован in situ, позволяет рассматривать и каждое из погребений, и некрополь в целом как текст, знаки которого расположены в неслучайном порядке, служат для передачи информации и имеют определённое значение (содержание). Учитывая, что текст понимается как многоуровневая структура, сложные знаки внутри него, а также их сочетания могут рассматриваться как тексты в составе текста более высокого уровня. Как отдельный текст в составе текстов «погребение» и «некрополь» может рассматриваться комплекс металлопластики из погребения 3 Барсовского VII могильника (*предметный и изобразительный коды* ритуала).

Погребение 3 располагалось в центральной части могильного ряда (см. рис. 2), имело форму лодки, в которой умерший был уложен головой на северо-восток, а ногами – к носовой части транспортного средства (рис. 3).

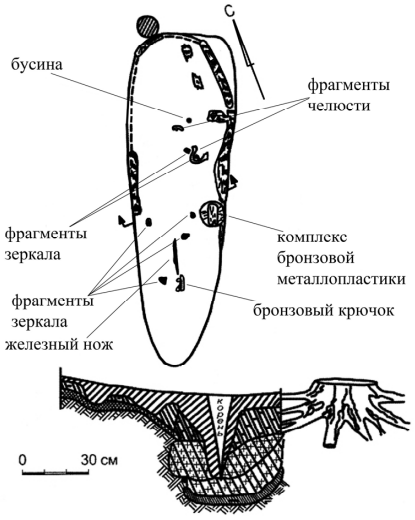

Рис. 3. План и разрез погребения 3 Барсовского VII могильника [7]

Ориентация покойного установлена по положению фрагментов черепа и нижней челюсти. Сопроводительный инвентарь представлен бусиной, обнаруженной в районе расположения костей черепа погребённого, фрагментами бронзового зеркала, локализованными в центральной части могильной ямы; железным ножом и бронзовым крючком, уложенными в ногах умершего. В средней части могилы у стенки деревянной конструкции слева от погребённого (вероятно, в районе пояса) расчищено скопление бронзовых отливок, завёрнутых в бересту (рис. 4). Расположение предметов во вместилище зафиксировано in situ [7. С. 190. Рис. 84 – *2а*; 9. С. 224]. Ю.П. Чемякин отмечает, что на одной из фигурок уцелели нити [9. С. 223]. Возможно, изображения пришивались (прикреплялись) к бересте. На это же указывает и петля на обороте одной из отливок.

Совокупность изделий предстаёт в виде многофигурной композиции, персонажи которой структурированы горизонтальной и вертикальной осями изобразительного пространства. Центральное место занимает древовидная фигура, аналоги которой, впрочем, находим и среди антропоморфных изображений (рис. 5) [10. Ил. 5, 6]. Справа и слева от неё двумя ярусами размещаются:

– в нижнем ярусе слева (от зрителя) – профильное плоское изображение медведя, справа – изображение головы медведя анфас (вид сверху);

– в верхнем ярусе слева – фрагмент древовидного (вероятно, антропоморфного) изображения [9. С. 219], справа – фигурка птицы с расправленными крыльями без головы (см. рис. 4).

Центральное изображение, а также древовидная и птицевидная отливки верхнего яруса уложены верхними краями на подпрямоугольную бронзовую пластину (рис. 4).

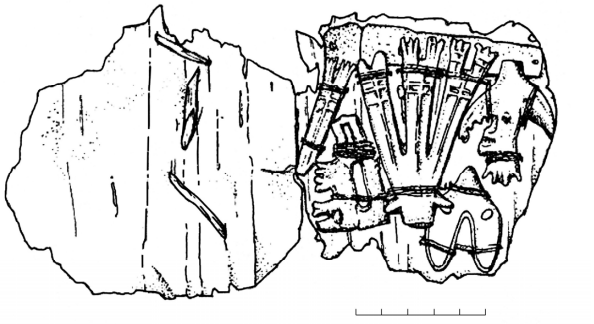

Рис. 4. Комплекс бронзовой металлопластики из погребения 3 Барсовского VII могильника (береста, бронза, нить). Реконструкция [7]

Рис. 5. Находка Украинская (бронза) [10]

Композиция организована таким образом, что в ней чётко выделяются центр, верх и низ (по вертикальной оси); середина, правая и левая стороны (по горизонтальной оси). Значение центральной фигурки подчёркнуто и её размерами. Семантическая соотнесённость антропоморфных изображений «кулайцев» с древовидными изделиями подчёркивалась ранее [11, 12]. В данном контексте интересно сочетание в одной фигурке нескольких антропоморфных образов, сгруппированных парами (возможно, разнополыми) в виде «развилок». Многочисленные антропоморфные существа, «произрастающие» из одного ствола, – яркий символ социального единства не только людей, но и мифологических персонажей[2].

Семантика отливки определяется также противопоставлением ей и друг другу смежных изображений. Образы, фланкирующие древовидно-антропоморфную фигуру, образуют пары, в которых персонажи противопоставлены друг другу. Антитетические дуэты возникают как по горизонтали, так и по вертикали пространства композиции. В первом случае противопоставляются полная профильная фигура медведя и его голова, а также древовидно-антропоморфное изображение и орнитоморфное. Во втором случае оппозицию составляют древовидно-антропоморфное изображение и фигурка медведя, изображение безголовой птицы с расправленными крыльями и изображение головы медведя анфас. Аналогичные оппозиционные пары персонажей обнаруживаются в разнообразных вариантах медвежьего праздника у народов Сибири [14–16]. Антитезы проявляются как сопоставления:

1) охотников и зверя;

2) живого медведя-зверя и убитого медведя-«гостя» (шкура медведя вместе с головой и лапами, уложенными определённым образом);

3) охотников и птиц, которым в ходе праздника приписывается убийство зверя;

4) птиц и зверя, якобы ими убитого.

Таким образом, сопоставления 2 и 3 находят аналоги в горизонтально противопоставленных персонажах, а сопоставления 1 и 4 изоморфны оппозициям, возникающим по вертикали изобразительной композиции. Следует отметить, что выявленное отношение изоморфизма позволяет рассматривать сопоставления в вертикальной плоскости (1 и 4) как антагонистические, воплощающие идею смерти, в то время как противопоставления в горизонтальной плоскости (2 и 3) проявляются как метаморфозы персонажей в ходе ритуала, актуализирующие идею перевоплощения. Выявленные соответствия не означают, что буквальным смыслом изображения является иллюстрация медвежьего праздника, но указывают на задействованные в ней персонажи как на значимые в мифоритуальном контексте.

Двумерная организация пространства композиции металлического ансамбля «кулайцев» пересекающимися горизонтальной и вертикальной осями, разбивающими изобразительную плоскость на четыре части с выделенной в центре вертикалью, недвусмысленно указывает на связь композиции с мифологемой мирового древа, а также отражает космологическо-религиозные представления древнейшего – «шаманского» – комплекса, представленного в многочисленных изобразительных памятниках сибирских традиций[3], в частности в рисунках на бубнах (шаманские карты) [17. С. 105, 107, 109].

Значение образа древа подчеркивается размерами древовидной отливки и её локализацией в пространстве композиции, ведь, как известно, в изобразительных текстах «эпохи мирового древа» персонажи, расположенные в центре, имеют значение «быть объектом почитания (целью ритуального действа)», а смежные – «быть участниками ритуала» [18. С. 93–94]. Выступая посредствующим звеном между вселенной (макрокосмом) и человеком (микрокосмом), мировое древо является местом их пересечения [19. С. 405], перехода из одного пространства в другое. Семантическая соотнесённость локативных и темпоральных структур между собой и схемой мирового древа подчёркивалась в литературе неоднократно [20, 21]. Общими для них являются идеи порядка, равновесия, завершённости, цикличности.

Поскольку роль посредников между мирами играли шаманы и эта их функция была основной, можно предположить, что символ мирового древа использовался в качестве конвенционального знака[4] служителя культа (*персональный код* ритуала). Использование символики сакрального центра социума или вселенной указывает на высокий социальный (ритуальный) статус [22. С. 64], поэтому их обладатели были не рядовыми членами общества. Это предположение может быть аргументировано и локализацией могиль-

ной ямы в центре дугообразной последовательности захоронений некрополя. Вероятно, берестяное вместилище с бронзовыми фигурками из Барсовского VII могильника являлось атрибутом служителя культа, возможно, «шаманствующего» лица. Набор образов, отлитых в бронзе, и, в частности, способ их размещения на металлической пластине находят аналоги в этнографических материалах по сибирскому шаманизму (рис. 6).

Рис. 6. Нагрудник эвенкийского шамана из коллекции Музея археологии и этнологии Томского государственного университета: *1* – нагрудник (кожа, металл); *2* – металлическая деталь нагрудника

Сравнение планиграфии некрополя с композицией ансамбля бронзовых изделий из берестяного вместилища показало, что в обоих случаях пространство текстов культуры структурировано двумя перпендикулярными осями, разбивающими его на четыре части. Элементы из разных частей взаимно противопоставлены друг другу. В месте пересечения осей расположен сакральный центр пространства, обладающий высоким семиотическим статусом. Дугообразное расположение погребений могильника может быть сопоставлено со способом расположения бронзовых изображений в верхнем ряду композиции на бронзовой подпрямоугольной, слегка изогнутой пластине. Композиционная структура текстов имеет большую семиотическую нагрузку и, одновременно указывая на представления о строении мироздания и правилах ориентации в нём, актуализирует временные структуры, связывающие настоящее с прошлым и будущим. Посредством разбиения пространства и противопоставления его частей демонстрируются этические и, вероятно, «этиологические» (причинные) концепты [17. С. 107]. Не исключено, что и структура социальной иерархии была организована и описывалась в соответствии с этим же композиционным принципом.

Таким образом, несмотря на то что выявленные в результате анализа археологических источников символы предметного, изобразительного, персонального, локативного и, отчасти, темпорального кодов погребального ритуала «кулайцев» не могут быть дополнены мифологическими текстами вербального и музыкального кодов похоронного обряда, их семантика, тем не менее, указывает на группу ритуальных текстов (в том числе и вербальных), моделирующих аналогичную картину мира. А это, в свою очередь, означает, что возможность реконструкции мифологемы «кулайцев» об инобытии является реальной задачей, решение которой лежит в области исследования семантики текстов погребального обряда.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Автор выражает глубокую признательность Ю.П. Чемякину и Г.А. Степановой за возможность использования материалов памятника.

[2] Изобразительные композиции в виде развилок зафиксированы этнографами у энцев, ненцев и селькупов. Энцы вырезали на развилке ветки дерева подобные двухголовые антропоморфные изображения как воплощение духов – покровителей чума – «огня-отца» и «огня-матери». Селькупы считали, что из березовой развилки произошел человек [13. С. 150].

[3] Аналогичные приёмы структурирования пространства композиции использовались при воспроизведении культовых изображений на предметах западносибирских шаманских комплексов. В частности, у нганасан и селькупов они проявляются: в членении пространства композиции продольной и поперечной линиями, нарисованными красной и чёрной краской; в соотнесении персонажей и элементов структуры композиции с зонами мифологического мироздания (в том числе и с центром вселенной), временными (календарными) циклами и мифологическими персонажами [23].

[4] Конвенциональный (условный) знак – искусственно созданный знак, которому люди договорились приписывать определённое значение. Выделяют три основных вида конвенциональных знаков – сигналы, индексы и символы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М. : Наука, 1976. 407 с.
2. *Топорков А.Л.* Теория мифа в русской филологической науке XIX века. М. : Индрик, 1997. 456 с.
3. *Токарев С.А.* Обряды и мифы // Мифы народов мира. М. : Большая Российская энциклопедия, 1997. Т. 2. С. 235–237.
4. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб. : Наука, 1993. 240 с.
5. *Толстой Н.И.* Вторичная функция обрядового символа // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М. : Индрик, 1995. С. 167–184.
6. *Чемякин Ю.П., Степанова Г.А.* Новый стратифицированные памятник раннего железного века на Барсовой горе // Сургут. Сибирь. Россия : междунар. науч.-практ. конф., посв. 400-летию г. Сургута: тез. докл. (22–25 марта 1994 г.). Екатеринбург: [Б.и.], 1994. С. 215–219.
7. *Чемякин Ю.П.* Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут ; Омск : Омский дом печати, 2008. 224 с.
8. *Матвеева Н.В.* Ранний железный век Приишимья. Новосибирск : Наука, 1994. 150 с.
9. *Чемякин Ю.П.* Бронзовая пластика раннего железного века с Барсовой горы // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2002. С. 214–245.
10. *Яковлев Я.А.* В копилку урало-сибирской художественной металлопластики железного века // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск : Изд-во Томского ун-та, 2004. Вып. 2. С. 91–124.
11. *Панкратова Л.В.* «Обезглавленные боги» (к изучению кулайского культового литья) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. СПб. : ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 1. С. 276–283.

12. *Панкратова Л.В.* Образ мирового древа в кулайской металлопластике // Археология Южной Сибири : сб. науч. тр., посвящ. 80-летию со дня рождения А.И. Мартынова. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2012. Вып. 26. С. 136–143.
13. *Прокофьева Е.Д.* Энецкий шаманский костюм // Сборник музея антропологии и этнографии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. Т. XIII. С. 125–152.
14. *Алексеенко Е.А.* Культ медведя у кетов // Советская этнография. 1960. С. 90–104.
15. *Крейнович Е.А.* Медвежий праздник у кетов // Кетский сборник: Мифология. Этнография. Тексты. М. : Наука, 1969. С. 6–112.
16. *Источники* по этнографии Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.
17. *Топоров В.Н.* К реконструкции некоторых мифологических представлений (на материале буддийского изобразительного искусства) // Народы Азии и Африки. М. : Наука, 1964. № 3. С. 101–110.
18. *Топоров В.Н.* К происхождению некоторых поэтических символов (Палеолитическая эпоха) // Ранние формы искусства. М. : Наука, 1972. С. 77–102.
19. *Топоров В.Н.* Древо мировое // Мифы народов мира. М. : Большая Российская энциклопедия, 1997. Т. 1. С. 398–406.
20. *Топоров В.Н.* Квадрат // Мифы народов мира. М. : Большая Российская энциклопедия, 1997. Т. 1. С. 630–631.
21. *Топоров В.Н.* Круг // Мифы народов мира. М. : Большая Российская энциклопедия, 1997. Т. 2. С. 18–19.
22. *Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета. Л. : Наука, 1990. 165 с.
23. *Пелих Г.И.* К вопросу о нганасанском культе медведицы нгарка // Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить…. Барнаул : Изд-во АГУ, 1995. С. 152–160.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 апреля 2015 г.

CEREMONIAL CODES OF CULTURE: ON RECONSTRUCTION OF THE MYTH-AND-RITUAL COMPLEX OF THE KULAI PEOPLE

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 154–160. DOI: 10.17223/15617793/397/23

Pankratova Ludmila V. Tomsk State Pedagogical University. (Tomsk, Russian Federation). E-mail: solomila@mail.ru

Keywords: text; Kulai historical-cultural community; ceremony/ritual; repoussage; composition.

According to the ethnologists' research dated from the second half of the 20th century, the long-established relation between myth and ritual has a deep semantic unity caused not by genetic but rather by paradigmatic origin. Modern Russian scientists use terms "ceremony" and "ritual" as equivalents, using the latter as an international term. N.I. Tolstoy (1995) defined ceremony as a multilevel text that includes elements of different codes: action, objective, verbal, personal, locative, temporal, musical and graphic. In a ceremonial structure, while being complementary, different codes correspond to the world-view system and mythological world-view of a traditional culture. A considerable part of ceremonial codes is fixed during the research of archaeological monuments and artifacts in the context of archaeological complexes. Graphic, personal, locative and, partially, temporal codes of burial ceremonial were distinguished due to the analysis of the material collected in Barsovsk VII burial ground (Surgut Priob'ye) of the Kulai historical-cultural community of the Iron Age period of Western Siberia. The unique complex of artistic repoussage from Barsovsk VII burial ground (Surgut Priob'ye) is considered as one of the necropolis structure elements. Comparison between the necropolis planigraphy and bronze religious castings composition, wrapped in birch bark, revealed the correspondence between them that consists in space structuring by two perpendicular axes; sacral space center situation in axes intersection point; opposition between objects from different parts; arched location of certain objects. It was determined that the two-dimensional organization of text space indicates their connection with the World Tree's mythologem and reflects the cosmological and religious conceptions of the ancient shamanistic complex. Cosmic center symbols allow interpreting a human buried with the bronze statuettes as a minister of religion or as a person involved in shamanism – a man of a high social/ritual rank. Ethical and, probably, "etiological" (causal) concepts are shown by space division as well as by an opposition of its parts. It is possible that the structure of the social hierarchy was organized and described in accordance with this composition principle. Despite the fact, that ceremonial codes revealed during the analysis cannot be supplemented with verbal and musical codes, their semantics, nevertheless, indicates a group of sacral texts modeling a similar world-view. Thus, the possibility of mythologem reconstruction concerning the otherness of the Kulai people is a realistic objective that can be fulfilled by the semantic analysis of texts used in burial rites.

REFERENCES

1. Meletinskiy, E.M. (1976) *Poetika mifa* [The Poetics of Myth]. Moscow: Nauka.
2. Toporkov, A.L. (1997) Teoriya mifa v russkoy filologicheskoy nauke XIX veka [The theory of myth in Russian philology of the 19th century]. Moscow: Indrik.
3. Tokarev, S.A. (1997) Obryady i mify [Rites and Myths]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira* [Myths of nations of the world]. V. 2. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
4. Bayburin, A.K. (1993) *Ritual v traditsionnoy kul'ture. Strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavyanskikh obryadov* [The ritual in the traditional culture. Structural and semantic analysis of the East Slavic rites]. St. Petersburg: Nauka.
5. Tolstoy, N.I. (1995) Vtorichnaya funktsiya obryadovogo simvola [A secondary function of the ceremonial symbol]. In: Tolstoy, N.I. *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* Language and popular culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics. Moscow: Indrik.
6. Chemyakin, Yu.P. & Stepanova, G.A. (1994) [A new stratified monument of the early Iron Age on the Barsov hill]. *Surgut. Sibir'. Rossiya* [Surgut. Siberia. Russia]. Proc. of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 400th anniversary of Surgut. 22nd to 25th March 1994. Ekaterinburg. pp. 215–219. (In Russian).
7. Chemyakin, Yu.P. (2008) *Barsova Gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost'* [The Barsov hill: Essays of the Archaeology of the Surgut Ob area. Antiquity]. Surgut; Omsk: Omskiy dom pechati.
8. Matveeva, N.V. (1994) *Ranniy zheleznyy vek Priishim'ya* [The Early Iron Age of the Ishim area]. Novosibirsk: Nauka.
9. Chemyakin, Yu.P. (2002) Bronzovaya plastika rannego zheleznogo veka s Barsovoy gory [Bronze sculptures of the early Iron Age from the Barsov hill]. In: *Voprosy arkheologii Urala* [Issues of Archeology of the Urals]. Ekaterinburg: Ural State University.
10. Yakovlev, Ya.A. (2004) V kopilku uralo-sibirskoy khudozhestvennoy metalloplastiki zheleznogo veka [To the treasury of the Ural-Siberian Iron Age metal plastic art]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [The Khanty-Mansi Autonomous Area in the mirror of the past]. Is. 2. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State University.
11. Pankratova, L.V. (2012) ["Beheaded gods": the study of the cult of Kulai casting]. *Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami* [Eurasian steppe cultures and their interaction with the ancient civilizations]. Proc. of the International Scientific Conference

dedicated to the 110th anniversary of outstanding Russian archaeologist M.P. Gryaznov. V. 1. St. Petersburg: IIMK RAN, Periferiya. pp. 276–283. (In Russian).
12. Pankratova, L.V. (2012) Obraz mirovogo dreva v kulayskoy metalloplastike [The image of the world tree in Kulai metal plastic art]. In: Bobrov, V.V. & Rusakova, I.D. (eds.) *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archeology of Southern Siberia]. Is. 26. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
13. Prokof'eva, E.D. (1951) Enetskiy shamanskiy kostyum [Enets shamanic costume]. In: Tolstov, S.P. (ed.) *Sbornik muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. V. XIII. Moscow; Leningrad: AN SSSR.
14. Alekseenko, E.A. (1960) Kul't medvedya u ketov [The cult of the bear of the Ket people]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 90–104.
15. Kreynovich, E.A. (1969) Medvezhiy prazdnik u ketov [Bear festival of the Ket people]. In: Uspenskiy, B.A. (ed.) *Ketskiy sbornik: Mifologiya. Etnografiya. Teksty* [Studia Ketica: Mythology. Ethnography. Texts]. Moscow: Nauka.
16. Lukina, N.V. & Ryndina, O.M. (1987) *Istochniki po etnografii Zapadnoy Sibiri* [Sources of Ethnography in Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Toporov, V.N. (1964) K rekonstruktsii nekotorykh mifologicheskikh predstavleniy (na materiale buddiyskogo izobrazitel'nogo iskusstva) [The reconstruction of some mythological concepts (based on Buddhist fine arts)]: In: Toporov, V.N. *Narody Azii i Afriki* [The peoples of Asia and Africa]. V. 3. Moscow: Nauka.
18. Toporov, V.N. (1972) K proiskhozhdeniyu nekotorykh poeticheskikh simvolov (Paleoliticheskaya epokha) [The origin of some poetic characters (The Paleolithic era)]. In: Toporov, V.N. *Rannie formy iskusstva* [Early forms of art]. Moscow: Nauka.
19. Toporov, V.N. (1997) Drevo mirovoe [The world tree]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira* [Myths of nations of the world]. V. 1. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
20. Toporov, V.N. (1997) Kvadrat [Square]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira* [Myths of nations of the world]. V. 1. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
21. Toporov, V.N. (1997) Krug [Circle]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira* [Myths of nations of the world]. V. 2. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
22. Bayburin, A.K. & Toporkov, A.L. (1990) *U istokov etiketa* [At the root of etiquette]. Leningrad: Nauka.
23. Pelikh, G.I. (1995) K voprosu o nganasanskom kul'te medveditsy ngarka [On the issue of the cult of Nganasan ngarka bear]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Moya izbrannitsa nauka, nauka, bez kotoroy mne ne zhit'...* [My choice is science, science I can not live without . . .]. Barnaul: Altai State University.

Received: 15 April 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 161–166. DOI: 10.17223/15617793/397/24

УДК 327

В.П. Румянцев

МЕЖДУ РЕФОРМАМИ И РЕПРЕССИЯМИ: ЭВОЛЮЦИЯ АМЕРИКАНО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Анализируются истоки Исламской революции в Иране 1978–1979 г., которая самым серьезным образом повлияла на политический ландшафт Ближнего и Среднего Востока. В качестве причин Исламской революции в Иране автор статьи называет не только поспешные и непродуманные действия шаха М.Р. Пехлеви по реформированию иранского общества, но также и непоследовательную политику главного союзника шаха – Соединенных Штатов Америки. Корни такой непоследовательности следует искать в ранней истории взаимоотношений Вашингтона и Тегерана, которая поможет понять двойственность американского подхода к Ирану в период «Реформ шаха и народа».

Ключевые слова: США; Иран; Моххамед Моссадык.

Первые американцы, ступившие на иранскую (или персидскую, как тогда чаще говорили) землю в 1830 г., были миссионерами, объектом деятельности которых являлась община христиан-несторианцев. И хотя ими немало было сделано в плане развития образования и здравоохранения иранского народа, нередко они проявляли высокомерие и непонимание норм поведения местного населения. Один из таких миссионеров, Джастин Перкинс, отзывался о мусульманах-шиитах как о «диких моххамединцах». Он считал, что дни ислама сочтены: «Подобно могучему айсбергу, оторвавшемуся от своего унылого ледника и медленно дрейфующему в сторону таяния, моххамедизм, окруженный светом и теплом цивилизации и христианства, точно так же растает и тихо и безвредно улетучится» [1. P. 15–16]. Слова Дж. Перкинса слово бы заложили модель восприятия иранского общества, характерную для целого ряда американских политиков и дипломатов, восхищавшихся древней культурой и историей Персии, но относившихся к иранцам как к нецивилизованному, фанатичному и отсталому народу.

Тем не менее в отношении иранцев к гражданам США до Второй мировой войны было в целом мало негатива. В глазах местных жителей американцы представали как противовес англичанам и русским, традиционно боровшимся за влияние в Персии. Многие из американцев по праву пользовались уважением иранцев. Например, Говард Баскервилль – молодой учитель американской миссионерской школы в Тебризе, сражавшийся вместе с иранскими революционерами за конституцию и убитый в 1909 г. Его иногда называли «американским Лафайетом в Иране», сравнивая со знаменитым французским маркизом, воевавшим за независимость североамериканских колоний.

Был у Соединенных Штатов в Иране не только свой Лафайет, но и свой, если так можно выразиться, Грибоедов – Роберт Имбри, американский консул в Тегеране, зверски убитый толпой религиозных фанатиков в 1924 г. Но только в отличие от автора «Горе от ума» у Р. Имбри не было серьезных свершений на дипломатическом поприще, не было своего Туркманчайского договора, да и дипломатом его можно назвать с большой натяжкой, скорее шпионом и авантюристом. Событиями в Тегеране воспользовался премьер-министр Реза Пехлеви, чтобы ввести чрезвычайное положение, объявить цензуру в прессе. Спустя год Пехлеви займет шахский трон. Как и в случае с резней в русском посольстве в 1829 г., Тегеран предложит денежную компенсацию за убийство Р. Имбри [2. P. 275–292].

Несмотря на то что дипломатические отношения между Вашингтоном и Тегераном были установлены еще в 1856 г., активными они не были еще долгое время. Первыми настойчивый интерес к Ирану стали проявлять американские нефтяные компании. «Стэндарт Ойл оф Нью Джерси» начала вести переговоры о приобретении концессий на севере Ирана в 1920–1921 гг., спустя несколько лет к ней присоединилась «Синклэйр», но обе компании успеха не добились. Усилия американских компаний провалились во многом из-за противодействия англичан. Еще в начале XX в. «Англо-персидская (потом “Англо-иранская”) нефтяная компания» завладела монополией на добычу нефти в Иране и ревностно ее охраняла.

Место Ирана в американской внешней политике изменилось в годы Второй мировой войны. В Иране был размещен 30-тысячный контингент американских войск, обеспечивавший поставки по ленд-лизу в СССР. Война с нацистской Германией и ее союзниками лишний раз показала значение нефти в современных войнах. Интерес США к Ирану точно характеризовали слова государственного секретаря Корделла Хэлла: «В наших интересах, чтобы в Персидском заливе не укрепилось противоречащее позициям нефтяных американских компаний в Саудовской Аравии влияние какой-либо великой державы» [1. P. 19]. Но как раз в годы войны в принципе благожелательное отношение иранцев к американцам стало меняться. Американские военнослужащие проявляли мало почтения к местным обычаям и традициям. Пьянство, уличные драки, лихачество на дорогах стали предметом постоянных жалоб на поведение американских солдат. Незнание иранской специфики продемонстрировал даже Ф.Д. Рузвельт, когда прибыл в Тегеран в 1943 г. на переговоры с союзниками. Президент США, совершив визит вежливости к иранскому шаху Моххамеду Реза Пехлеви, отклонил просьбу последнего навестить главу Соединенных Штатов. Иранское общество было шокировано. Особенно это контрастировало с поведением И.В. Сталина, пригласившего

молодого шаха на продолжительную встречу [1. P. 46–47].

К концу 1940-х гг. Соединенные Штаты стали усиливать свою активность в Иране. Относительно небольшая военная миссия была заменена в 1950 г. на многочисленную Группу военных советников, действовавшую вплоть до падения иранской монархии. Регулярно США отправляли в Иран своих советников. Различных американских миссий было столько, что они нередко соперничали друг с другом за внимание шаха. Знаний о специфике Ирана не доставало. Многие советники руководствовались лишь внутренним опытом, накопленным Соединенными Штатами.

Одной из наиболее заметных американских миссий в Иране руководил Артур Миллспо. Его отношение к Ирану было покровительственным и высокомерным: «Персию нельзя предоставлять саму себе, даже если русские оставят ее в покое политически… Персия все еще не приобрела навыков для самостоятельного управления» [3. P. 19]. В середине 1940-х гг. А. Миллспо предлагал шаху ввести прогрессивную шкалу налогов и сократить расходы на содержание армии. Его предложения были восприняты многими иранцами как вмешательство в их внутренние дела. Среди тех, кто активно критиковал американского советника, был Моххамед Моссадык – пожалуй, наиболее яркая фигура среди иранских политиков конца 1940-х – начала 1950-х гг.

М. Моссадык происходил из аристократической семьи крупного землевладельца, его мать была принцессой из каджарской династии, правившей в Персии с 1781 по 1925 г. Будущий премьер-министр Ирана получил образование во Франции и Швейцарии. Его часто называют человеком левых взглядов и убеждений, несмотря на происхождение, но правильнее будет относиться к нему как к иранскому националисту. Успел побывать Моссадык губернатором провинции Фарс, министром финансов, депутатом меджлиса. В конце 1940-х гг. он стал инициатором формирования Национального фронта (НФ), объединившего несколько политических сил. Наиболее важными группами в составе Фронта были Иранская партия, Партия трудящихся, Национальная партия и Тегеранское объединение ремесленников и рыночных торговцев. Марксистская партия «Тудэ», не входя в коалицию, поддерживала НФ, хотя легально и находилась под запретом. НФ настаивал на национализации иранской нефтяной промышленности. В марте 1951 г. парламент Ирана, *меджлис*, принял соответствующий закон. Через месяц под давлением общественности шах назначил 69-летнего Моссадыка главой правительства.

Великобритания не желала отдавать иранскую нефть без борьбы. В Лондоне были даже готовы отправить свои войска в Иран, собрав осенью 1951 г. ударную группировку из частей флота, авиации и армии. Против военного вмешательства выступили США. Британский премьер-министр Клемент Эттли заявил на заседании правительства: «Мы не можем позволить себе испортить отношения с Соединенными Штатами по данному вопросу» [4. P. 468]. Вашингтон настоял на комбинации экономического и дипломатического давления вкупе с секретными действиями.

Отношение Вашингтона к Моссадыку определялось несколькими соображениями. Во-первых, Соединенным Штатам нужно было не допустить цепной национализации западной собственности в других уголках мира. Во-вторых, необходимо было остановить сближение НФ с «Тудэ» и сбить стремительный рост популярности марксисткой партии в регионе. В-третьих, в условиях корейской войны крайне желательно было нейтрализовать попытки Советского Союза укрепить свое влияние в Иране, где политическая ситуация, казалось, благоволила Москве. В-четвертых, кризис в Иране создавал возможности для ослабления британского присутствия в этой стране и замены его американским. Журнал «Тайм» не случайно назвал деятельность Национального фронта «самым худшим бедствием для антикоммунистического мира со времени завоевания красными Китая» [1. P. 80].

Соединенные Штаты верили, что деятельность правительства Моссадыка вела на последнюю ступеньку, с которой иранские коммунисты войдут в состав кабинета министров или даже возглавят его. Многие американские специалисты, работавшие в Иране, как, например, Кеннет Иверсон из Фонда Форда, считали, что призыв Моссадыка к честным и свободным выборам приведет к катастрофе, поскольку на таких выборах партия «Тудэ» победит без особых хлопот и тем самым расчистит путь для советского проникновения [5. P. 267–268].

С осени 1952 г. ЦРУ и британская МИ-6 разрабатывали план государственного переворота в Иране. Но президент США Г. Трумэн, являясь, как говорят американцы, «хромой уткой», т.е. лидером, покидавшим свой пост и не желающим принимать ответственность за серьезные решения, не стал давать добро на осуществление подрывной операции в Тегеране. Это решение пришлось принимать новому президенту – Д. Эйзенхауэру. Детали секретного плана «Аякс» были доложены руководству США 25 июня 1953 г. Через несколько недель президент Эйзенхауэр одобрил план свержения Моссадыка. Ставка была сделана на верные шаху армейские круги Ирана. ЦРУ помогло отладить взаимодействие между антиправительственными силами, инициировало вброс в иранскую печать компромата на Моссадыка, организовало выступления «демонстрантов», требовавших отставки премьер-министра. К концу июля 1953 г. «Тудэ» открыто выступила на стороне Моссадыка. Медлить было нельзя. 19 августа офицеры иранской армии арестовали Моссадыка. Новым главой правительства был назначен генерал Фазлолла Захеди – ключевая фигура в заговоре 1953 г. [6. P. 663–667].

В течение месяца после свержения Моссадыка в Иране было арестовано боле 1 400 человек, до конца года – еще 700, около 3 тыс. чиновников были уволены по подозрению в связях с «Тудэ». Некоторых сторонников отстраненного от власти премьера казнили. Сам Моссадык был осужден на три года тюремного

заключения, после которого он оставался под домашним арестом до самой своей смерти в 1967 г. Национальный фронт был разогнан, но его оставшиеся на свободе активисты не забились в угол, а продолжали действовать: распространяли листовки, организовывали демонстрации, забастовки. В начале ноября 1953 г. была проведена всеобщая забастовка базарных торговцев, через месяц произошло выступление студентов Тегеранского университета [7. P. 86–88]. Здесь в очередной раз проявилось цивилизационное непонимание Соединенными Штатами специфики иранской жизни. Репрессии не запугали иранцев, а лишь настроили их против США. Положительный имидж американцев испарился окончательно. 1953 г. стал поворотным в истории американо-иранских отношений. Победа над Моссадыком оказалась пиррова.

После смены власти в Тегеране Соединенные Штаты сосредоточились на решении двух ключевых вопросов американо-иранских отношений: урегулирование проблемы добычи нефти в Иране и подключение шахского режима к стратегическим планам Запада. В 1954 г. был создан Международный нефтяной консорциум (МНК) по эксплуатации иранской нефти, в котором у британского капитала уже не было явных доминирующих позиций. В состав нефтяного консорциума вошли пять американских компаний, каждая из которых получила по 8% акций: «Стэндарт Ойл оф Нью Джерси» («Джерси Стэндарт»), «Сокони Вакуум» (переименованная впоследствии в «Сокони Мобайл»), «Стэндарт Ойл оф Калифорниа» («Сокал»), «Тексако» и «Галф». Бывший монополист – «АИНК», переименованная в «Бритиш Петролеум», получила 40% акций, англо-голландская корпорация «Роял Датч Шелл» – 14%. Еще 6% акций отошли к французской «Компании франсез де петроль».

Со стороны Ирана переговоры о создании консорциума вел министр финансов Али Амини, бывший участник Национального фронта, вышедший из коалиции в 1952 г. Шах принял условия создания МНК, которые включали выплату 50% чистой прибыли от добычи нефти Ирану. Срок действия соглашения фаталистично был определен в 25 лет – именно столько оставалось существовать шахскому режиму.

Следующей задачей американской дипломатии стало вовлечение Ирана в планы создания военно-политической группировки на Ближнем и Среднем Востоке. Начало новому пакту положило подписание 24 февраля 1955 г. в Багдаде представителями Ирака и Турции договора о взаимном сотрудничестве в сфере безопасности и обороны. Текст договора был составлен в обтекаемых формулировках, в нем не содержалось никаких твердых гарантий оказания взаимной помощи, а декларировалось стремление поддерживать мир и безопасность в регионе путем заключения дополнительных соглашений. К договору могло присоединиться любое государство, которое должно было заключить специальное соглашение с кем-либо из участников данного договора или со всеми вместе. К договору в итоге примкнули Великобритания, Иран и Пакистан.

21–22 ноября 1955 г. в Багдаде состоялось учредительное заседание нового пакта. Высшим органом пакта стал Постоянный совет министров, заседавший на двух уровнях – правительственном, где каждая сторона была представлена премьер-министром или министром иностранных дел, и представительском – на уровне послов. Заседания Совета министров должны были происходить не реже раза в год. Были созданы комиссии по военным, экономическим вопросам и по борьбе с подрывной деятельностью. Соединенные Штаты предпочли официальному членству в пакте статус наблюдателя. Штаб-квартиру организации было решено разместить в столице Ирака, что определило и название пакта – «Багдадский».

Иран стал занимать все более заметное место в американской глобальной стратегии. Администрация Д. Эйзенхауэра разрабатывала так называемую периферийную стратегию сдерживания Советского Союза, предусматривавшую перераспределение американской военной и экономической помощи от европейских стран к государствам, расположенным по периметру СССР и КНР. Повышенное внимание стало оказываться таким странам, как Иран, Пакистан, Таиланд, Южная Корея, Тайвань, Южный Вьетнам.

Помимо сугубо военной помощи Соединенные Штаты стали оказывать поддержку шаху в укреплении его сил безопасности. Полковник Стивен Мид, занимавший должность военного атташе в посольстве США в Тегеране, помогал шаху реорганизовывать его разведку и контрразведку. При этом особый упор делался на изучении русского языка, добывании информации о «Тудэ», мониторинге ситуации в южных районах СССР. ЦРУ в свое время щедро снабжала деньгами лидеров племен, недовольных деятельностью правительства Моссадыка. Американские спецслужбы также активно распространяли книги, памфлеты, плакаты с критикой «Тудэ». В карикатурной манере представлялся образ М. Моссадыка. Популярной темой инспирированных американцами статей были заседания правительства, которые Моссадык якобы проводил у себя дома, лежа на кровати, одетый в розовую пижаму. Распускались слухи, что даже когда его пришли арестовывать, он принял офицеров в спальне [1. P. 55; 7. P. 91; 8. P. 74; 9]. В конечном итоге Соединенные Штаты помогали шаху создать и его репрессивный аппарат, в частности САВАК – «Организацию разведки и безопасности Ирана», методы действий которой почти не отличались от гестаповских [1. P. 98].

Помимо оказания военной и технической помощи Соединенные Штаты пытались «зайти» в Иран и с другой стороны. В этой стране активно стали действовать различные американские неправительственные организации и фонды. Наиболее заметной была деятельность Фонда Форда (ФФ), который с началом холодной войны усилил свою международную активность. Президент этого фонда Пол Хоффман говорил в связи с событиями в Иране в 1951–1953 гг., что необходимо «предпринять любые усилия, чтобы сплотить свободный мир» [5. P. 262]. ФФ действовал в русле популярной тогда теории развития, одним из

постулатов которой была убежденность в том, что устойчивость демократических институтов в обществе напрямую зависит от уровня развития его экономики. Поэтому в развивающихся странах необходимо поощрять модернизационные процессы, и в первую очередь аграрную реформу.

Используя багаж знаний и опыта, накопленный в США на протяжении более полутора столетий, специалисты ФФ настаивали на трансформации иранского крестьянства из полузависимых от помещиков земледельцев в свободных фермеров. Начал фонд свою деятельность в Иране в этой области с создания специальной школы в г. Мамазан, где планировалось обучать наставников крестьян – своеобразных проводников аграрной реформы. Они должны были овладеть основами бухгалтерии, знаниями о кредитной политике банков, чтобы преодолеть боязнь сельских жителей самостоятельного ведения хозяйства. Нельзя сказать, что от желающих обучаться в этой школе отбоя не было – многих отпугивала насыщенная учебная программа, включавшая агрономию, методику преподавания, английский язык и даже такой курс, как «роль гражданина в обществе» [5. P. 266–267].

Следующим начинанием Фонда Форда был пилотный проект по поощрению кредитования иранских крестьян. В основном сельские труженики Ирана вынуждены были закладывать от 30 до 75% будущего урожая землевладельцам, чтобы получить от них средства для закупки семян, техники и т.п. Крестьянина нужно было приучить вместо того, чтобы ходить на поклон к помещику, идти в банк. В районе г. Варамин, в 35 км к юго-западу от Тегерана, на средства ФФ создавался сельскохозяйственный кооператив, охватывавший примерно 1 тыс. человек. Специалисты фонда помогли договориться с банками о кредитах. Результат сначала был обнадеживающим, наблюдатели отмечали понимание финансовой ответственности членами кооператива, их постепенной убежденности, что можно работать самим на себя, но потом начались сбои. Кооператив собрал неплохой для себя урожай – 151 т хлопка, но в то время рынок хлопка переживал кризис и базарные торговцы в Тегеране отказывались покупать продукцию кооператива даже по рекордно низким ценам. Американским кураторам проекта удалось, используя свои связи, протолкнуть этот хлопок на европейские рынки, но это был не выход, вечно рассчитывать на помощь извне не приходилось [Там же. P. 270].

Дальше, по замыслу инициаторов проекта, должна была настать «иранизация» предприятия, вовлечение местных предпринимателей и банков, но те не спешили. Не проявляло особого интереса к проекту сельскохозяйственного кооператива в Варамине и правительство. В 1957 г. администрация Д. Эйзенхауэра объявила о выделении Ирану 45 млн долл. «на поддержание обороны», и иранские министерства и банки вступили в соревнование друг с другом за этот куш. Ведомства Ирана не разделяли теорию развития, продвигаемую Фондом Форда. К тому же из-за частой смены кабинетов министров у иранских чиновников просто не оставалось ни времени, ни желания заниматься долгосрочными проектами.

Шах пытался личным примером заставить помещиков начать продажу своих земель крестьянам. Были изданы указы о распределении коронных земель. Кстати, именно на землях шаха стали создаваться первые сельскохозяйственные кооперативы, но желающих следовать шахскому примеру было немного. Меджлис, где сильны были позиции землевладельцев, отвергал законопроекты конца 1950-х гг. о введении максимума остававшейся в собственности помещиков земли [10. С. 375–376].

Событием, повлиявшим на дальнейшую историю Ирана, стала революция в соседнем Ираке. В июле 1958 г. в результате государственного переворота рухнула монархия иракского короля Фейсала II. Падение монархии в Багдаде рассматривалось как возможный сценарий развития событий и для Ирана. Через несколько недель после революции в Багдаде Дж.Ф. Даллес говорил Д. Эйзенхауэру: «Будущее шаха представляется довольно мрачным, если не убедить его начать реформы» [11. P. 217]. Вопрос заключался в том, какие именно реформы следует начать.

15 ноября 1958 г. Совет национальной безопасности (СНБ) США одобрил курс политики в отношении Ирана. Исходным соображением было то, что «с 1953 г. Иран рассматривается в регионе как символ влияния США и его переход к нейтрализму или к советскому контролю будет являться серьезным психологическим ударом, последствия которого скажутся на престиже США по всему Ближнему Востоку и Азии». Далее в докладе СНБ указывалось, что на нужды развития экономики Ирана ежегодно тратится около 180 млн долл., но, несмотря на такую внушительную цифру, «программа развития не дает желаемого политического результата, потому что сосредоточена на долгосрочных проектах». Отсюда делался вывод, что Соединенным Штатам следует «поощрять распределение иранских ресурсов в пользу экономически выгодных проектов, которые будут быстро осуществлены и поняты массами иранского народа» [12. P. 605, 609, 613].

Налицо было противоречие двух моделей американского поведения в Иране. Одна, отстаиваемая неправительственными организациями, такими как Фонд Форда, исходила из теории развития: социально-экономической стабильности в Иране можно добиться только через серию долгосрочных проектов, сердцевиной которых должна стать аграрная реформа, а потом свободные крестьяне станут главной опорой модернизирующего государство строя. Совсем другой модели придерживалось американское правительство, считавшее, что главное – не экономический, а политический результат, поэтому волей-неволей, но Соединенные Штаты вынуждены ориентироваться на шаха как на главного гаранта прозападной ориентации Ирана.

14 декабря 1959 г. Д. Эйзенхауэр, совершавший турне по европейским и азиатским странам, прибыл в Тегеран. Включение Ирана в список стран, которые посещал американский президент, само по себе

должно было сказать о значимости Ирана для внешней политики США. Вместе с тем, выступая перед меджлисом, Д. Эйзенхауэр заявил: «…хотя мы у себя в Америке тратим огромные суммы денег для того, чтобы обеспечить свою безопасность и помочь нашим союзникам, мы не забываем, что одна лишь военная сила не принесет мир и справедливость, необходимо укреплять духовную и экономическую мощь» [13. P. 309]. Тем самым президент США отвергал претензии Ирана на увеличение американской военной помощи.

Шах пытался стабилизировать внутриполитическую ситуацию. Он инициировал создание новых партий – «Меллиюн» («Националисты») – партия консервативного толка во главе с премьер-министром Манучехром Экбалем, и «Мардом» («Народ») – партия «лояльной оппозиции» во главе с Асадоллой Аламом. Совершались реверансы и в сторону реальной оппозиции. Власти не стали сопротивляться возобновлению деятельности Национального фронта.

В 1960 г. иранские власти объявили о выборах в новый меджлис, которые преподносились как «честные и свободные». Мировые СМИ отправили своих корреспондентов, и те не были разочарованы. Результат выборов вроде бы был предсказуемым – как и ожидалось, большинство голосов получила «Меллиюн», на втором месте – «Мардом», но начались акции протеста. На улицы иранских городов Национальный фронт вывел своих сторонников. Особо неистовствовал один из наиболее активных оппозиционеров, д-р Мозаффар Бакай, который критиковал правительство за коррупцию, непотизм, жестокость, игнорирование конституции и продажу Ирана иностранцам. Критические стрелы выпускала даже лояльная партия «Мардом». Шах понял, что начинает терять контроль над ситуацией. Он отменил результаты выборов, назначил нового премьер-министра – Джафара Шарифа-Имами, который поддерживал хорошие отношения и с Национальным фронтом, и с шиитским духовенством [14. P. 123].

Волнения в Иране вновь заставили администрацию Д. Эйзенхауэра вернуться к вопросу о судьбе шахского режима в Иране. По указанию президента США аппарат Совета национальной безопасности подготовил в начале июля 1960 г. доклад о политике Соединенных Штатов в отношении Ирана. Основной вывод экспертов СНБ был неутешительным: «без внутренних реформ монархия, вероятнее всего, будет свергнута», однако «…несмотря на слабость шахского режима, отсутствие какой-либо конструктивной прозападной альтернативы [шаху. – *В.Р.*] обусловливает необходимость поддержки режима для реализации интересов США в Иране». Выход из создавшегося в Иране положения аналитики СНБ видели в «реформировании архаичной социальной, экономической и политической структуры Ирана <…> усилении аппарата внутренней безопасности шаха» [12. P. 680–688]. Таким образом, по мнению Соединенных Штатов, удержать режим М.Р. Пехлеви от падения и, следовательно, обеспечить американские интересы в Иране, можно было путем сочетания экономических реформ и репрессий в отношении противников шахского режима.

Реформировать предстояло то, что с трудом подлежало каким-либо трансформациям. Предоставим слово человеку, который знал о ситуации в Иране не понаслышке – Дэвиду Рокфеллеру, который, будучи одним из руководителей крупнейшего в США «Чейз Манхэттен Банка», неоднократно бывал в Тегеране: «Иран располагал большими количествами нефтяных денег и всячески надеялся, что этот источник дохода будет продолжать расти. Однако не было почти ничего из того, что могло бы обеспечить продуктивное использование этих огромных средств, <…> юридическая система и система государственного управления Ирана не обладала прозрачностью, подотчетностью и не вызывала доверия. <…> Все, что имело какое-либо экономическое значение, принадлежало государству, управлялось им целиком сверху донизу и от центра к периферии, что приводило к огромнейшим потерям, неэффективности и коррупции. Любое действие требовало выплаты взяток, знакомства с кем-то находящимся у власти или и того, и другого» [15. С. 363].

Таким образом, к началу 1960-х гг. в Иране сложилась ситуация, чреватая взрывом антишахских настроений. Иранская экономика страдала от хронического дефицита бюджета, была заморожена заработная плата, но в то же время доходы от добычи нефти в 1961 г. составили 305 млн долл., что было больше, чем в предыдущем году на 7% [16. P. 427]. В беседе с американским журналистом У. Липпманом Н.С. Хрущев привел пример Ирана как страны, готовой к революции из-за нищеты народа и коррупции правительства. Советский лидер признал, что в Иране не столь сильны позиции коммунистов, но это и не важно – бедственное положение масс и тотальное воровство на верхах все равно приведут к революции [1. P. 131].

Шатания от попыток реформирования иранского общества к жестким репрессиям в адрес оппозиции подтачивали опоры, на которых держалась власть шаха. Одной из таких опор была поддержка шахского режима Вашингтоном. Судьба американской политики в Иране была решена тогда, когда Соединенные Штаты приняли активное участие в свержении М. Моссадыка. Последующие попытки Вашингтона содействовать реформам в Иране уже, по большому счету, изменить отношение иранской националистической элиты к США не могли. Накануне серии «Реформ шаха и народа», начавшихся в 1962 г., США все еще колебались в своем выборе между кардинальными реформами иранского общества, которые почти наверняка привели бы к власти Национальный фронт, и безоговорочной поддержкой авторитарного режима М.Р. Пехлеви. Окончательный выбор в пользу последнего варианта был сделан администрацией Дж.Ф. Кеннеди. Через 15 лет после этого решения в Иране произошла Исламская революция.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bill J.A.* The Eagle and Lion: The Tragedy of American-Iranian Relations. New Haven and L., 1988.
2. *Zirinsky M.* Blood, Power, and Hypocrisy: The Murder of Robert Imbrie and American Relations with Pahlavi Iran, 1924 // International Journal of Middle East Studies. 1986. Vol. 18, № 3. P. 275–292.
3. *Bonakdarian M.* U.S.-Iranian Relations, 1911–1951 // The United States and the Middle East. Diplomatic and Economic Relations in Historical Perspective: a Conference / ed. by A. Amanat. Yale, 2000.
4. *Mokhtari F.* Iran's 1953 Coup Revisited: Internal Dynamics versus External Intrigue // Middle East Journal. 2008. Vol. 62, № 3. P. 457–488.
5. *Nemchenok V.V.* «That so Fair a Thing Should Be so Frail»: The Ford Foundation and the Failure of Rural Development in Iran, 1953–1964 // Middle East Journal. 2009. Vol. 63, № 2. P. 261–284.
6. *Little D.* Mission Impossible: The CIA and Cult of Covert Action in the Middle East // Diplomatic History. 2004. Vol. 28, № 5. P. 663–701.
7. *Gasiorowski M.* U.S. Foreign Policy and the Shah: Building a Client State in Iran. Ithaca, N.Y., 1991.
8. *Pollack K.* The Persian Puzzle: The Conflict Between Iran and America. N.Y., 2004.
9. *Эггерт К.* Моссадык: ключевая фигура иранской политики // Русская служба Би-би-си. 20 августа 2003 г. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/life/newsid_3167000/3167647.stm, свободный (дата обращения: 19.03.2015).
10. *История* Востока: в 6 т. / отв. ред. В.Я. Белокриницкий, В.В. Наумкин. М., 2008. Т. 6: Восток в новейший период (1945–2000-е гг.)
11. *Little D.* American Orientalism. The United States and the Middle East since 1945. Chapel Hill and L., 2002.
12. *Foreign* Relations of the United States (FRUS). 1958–1960. Vol. XII. Near East Region; Iraq; Iran; Arabian Peninsula. Wash., 1993.
13. *The United* States and Iran. A Documentary History / ed. by Alexander Y., Nanes A. Frederic, MD, 1980.
14. *Cottam R.* Iran and the United States: A Cold War Case Study. Pittsburgh, 1988.
15. *Рокфеллер Д.* Воспоминания : пер. с англ. М., 2012.
16. FRUS. 1961–1963. Vol. XVII. Near East, 1961–1962. Wash., 1995.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 мая 2015 г.

BETWEEN REFORMS AND REPRESSIONS: THE EVOLUTION OF THE US-IRANIAN RELATIONS IN THE 19TH – FIRST HALF OF THE 20TH CENTURIES

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 161–166. DOI: 10.17223/15617793/397/24

Rumyantsev Vladimir P. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rumv@mail.ru

Keywords: United States; Iran; Mohammad Mossadegh.

Iran has a special place in the world politics. This country is situated at the crossroads of two important global and regional security areas of the world: South Asia and the Middle East. This country has been the object of policies of great powers because of its geopolitical location and the vast resources of hydrocarbons. In the 19th century British and Russian empires encountered on the territory of the Iranian plateau. From the mid-twentieth century the United States and the Soviet Union became main antagonists here. And at the beginning of the 21st century relations between Washington and Moscow in Iran are still full of contradictions and differences. This article attempts to trace the evolution of U.S. policy toward Iran since the moment when the first Americans landed on the Persian ground until the turning-point in the history of US-Iranian relations – the overthrow of Mohammad Mossadegh's government. This coup was followed by the first attempts of social and economic reforms in Iran. Thus, chronologically the article covers a period from 1830 to 1961, stopping on the eve of the so-called "White Revolution" or the Reforms of the Shah and the People. This work is based on the U.S. diplomatic documents published in *The Foreign Policy of the United States*, as well as on the earlier collections of documents published in connection with the beginning of the Islamic revolution in Iran. The historical-genetic method was chosen as the main method of this article. The method allowed to reveal the nature of changes in the U.S. Iran policy, to show the cause-and-effect relations and patterns of American policy in its evolution. This is partly a due explanation of such a long time period under study. This article continues a series of critical publications about the U.S.-Iranian policy, initiated in 1988 by American historian J. Bill. His critical approach was continued by his compatriots M. Gasiorowski, D. Little, K. Pollack. They see reasons for the Islamic Revolution in the inconsistent course of reforms in the 1960–1970s. In contrast to his American colleagues, the author of this publication offers to have a broader look to the problem and cover the period preceding the "White Revolution".

REFERENCES

1. Bill, J.A. (1988) The Eagle and Lion: The Tragedy of American-Iranian Relations. New Haven and London: Yale University Press.
2. Zirinsky, M. (1986) Blood, Power, and Hypocrisy: The Murder of Robert Imbrie and American Relations with Pahlavi Iran, 1924. *International Journal of Middle East Studies*. 18 (3). pp. 275–292.
3. Bonakdarian, M. (2000) U.S.-Iranian Relations, 1911–1951. *The United States and the Middle East. Diplomatic and Economic Relations in Historical Perspective*: a Conference. Yale.
4. Mokhtari, F. (2008) Iran's 1953 Coup Revisited: Internal Dynamics versus External Intrigue. *Middle East Journal*. 62 (3). pp. 457–488.
5. Nemchenok, V.V. (2009) "That so Fair a Thing Should Be so Frail": The Ford Foundation and the Failure of Rural Development in Iran, 1953–1964. *Middle East Journal*. 63 (2). pp. 261–284.
6. Little, D. (2004) Mission Impossible: The CIA and Cult of Covert Action in the Middle East. *Diplomatic History*. 28 (5). pp. 663–701.
7. Gasiorowski, M. (1991) *U.S. Foreign Policy and the Shah: Building a Client State in Iran*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
8. Pollack, K. (2004) *The Persian Puzzle: The Conflict Between Iran and America*. N.Y.: Random House.
9. Eggert, K. (2003) Mossadyk: klyuchevaya figura iranskoy politiki [Mossadegh: a key figure in Iranian politics]. *Russkaya sluzhba Bi-bi-si* [BBC Russian Service]. 20 August. [Online]. Available from: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/life/newsid_3167000/3167647.stm. (Accessed: 19th March 2015).
10. Belokrinitskiy, V.Ya. & Naumkin, V.V. (eds.) (2008) *Istoriya Vostoka* [The history of the East]. V. 6: *Vostok v noveyshiy period (1945–2000-e gg.)* [East in the recent period (1945–2000s.)]. Moscow: Vostochnaya literatura.
11. Little, D. (2002) *American Orientalism. The United States and the Middle East since 1945*. Chapel Hill and London: University of North Carolina Press.
12. Keefer, E.C. (ed.) (1993) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1958–1960*. Vol. XII. *Near East Region; Iraq; Iran; Arabian Peninsula*. Washington.
13. Alexander, Y. & Nanes, A. (eds.) (1980) *The United States and Iran. A Documentary History*. Frederick, Md: Aletheia Books
14. Cottam, R. (1988) *Iran and the United States: A Cold War Case Study*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.
15. Rockefeller D. (2012) Vospominaniya [Memories]. Translated from English. Moscow: Librayt, Mezhdunarodnye otnosheniya.
16. Gerakas, E. (ed.) (1995) *FRUS. 1961–1963*. Vol. XVII. *Near East, 1961–1962*. Washington.

Received: 25 May 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 167–173. DOI: 10.17223/15617793/397/25

УДК 94(5)

Ю.С. Сигида

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ ФИНАНСОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ГРУПП (ЧЕБОЛЬ) В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЮЖНОЙ КОРЕИ В ПЕРИОД С 1998 ПО 2013 г.

Исследуются трансформация роли системы финансово-промышленных групп Южной Кореи после Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. вплоть до 2013 г., а также комплекс правительственных посткризисных реформ и его влияние на создание новых тенденций в развитии южнокорейских концернов. Рассматривается влияние финансово-промышленных групп на формирование и реализацию экономического и внутриполитического курса страны, обозначаются новые особенности взаимодействия чеболь с правительственным аппаратом Южной Кореи после Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг.

Ключевые слова: финансово-промышленные группы; Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг.; внутренняя политика.

Конец 1990-х гг. стал особым временем в развитии экономических и политических отношений на мировом уровне. С одной стороны, активно развивается и наращивает обороты процесс всеобщей глобализации и демократизации мировой экономической и политической систем, во многих странах к этому времени устанавливаются и стабилизируются демократические режимы и институты. С другой стороны, кризисные явления в экономике, в частности Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг., заставили мировое сообщество переосмыслить явления глобализации и интеграции, столкнувшись с негативными проявлениями данных процессов. В большей степени эти негативные явления были связаны не с процессом интеграции как таковой, а с тем, что вовлеченность любой страны в данный процесс вскрывала слабые стороны, присущие ее экономической и политической системе.

Рассмотрим исторический контекст, в рамках которого Южная Корея подошла к концу XX в. В 1990-е гг. в Южной Корее также активно нарастают процессы глобализации, страна становится активным и значимым участником мирового рынка. Вектор развития производства был перенесен с тяжелой промышленности на высокотехнологичные отрасли, такие как информационные технологии, электроника, производство полупроводников и т.д. Темпы роста экономики оставались стабильно высокими и составили 8,6% в 1994 г., 8,9% в – 1995 г. [1].

Кроме того, в 1995 г. наблюдался рост ВНП до 10 тыс. долл. на душу населения. Происходят изменения и в отношении роли и места финансово-промышленных групп (ФПГ) (чеболь) в экономической и политической структуре страны. В данный период корпорации начинают активно осваивать зарубежные рынки и упрочивают там свои позиции. В первую очередь это рынки России, Восточной Европы, Китая и Юго-Восточной Азии (Индонезия). Так, например, объем товарооборота с КНР в период с 1991 по 2001 г. вырос с 1 до 18 млрд долл., а с Японией – с 12 до почти 17 млрд долл. [2].

В 1989 г. свыше 70% товарооборота Южной Кореи обеспечивалось за счет деятельности 50 наиболее крупных и известных ФПГ [3]. Данные тенденции активно способствовали превращению крупнейших ФПГ Южной Кореи в транснациональные корпорации мирового уровня. Экономика Кореи не была достаточно самостоятельна и в значительной степени зависела от вложений и капитала западных инвесторов. Следует также отметить, что на данном этапе продолжался процесс увеличения кредитной задолженности ФПГ, начало которому было положено в предыдущий период становления концернов (1960–1980-е гг.). Попытка реформирования чеболь, предпринятая президентом Ким Ён Самом (1993–1998), потерпела неудачу, поскольку он столкнулся с жёстким сопротивлением руководящего состава южнокорейских концернов.

В конечном итоге огромная задолженность ФПГ, избыточное кредитование вкупе со слабой системой банковского и финансового контроля в стране послужили основной причиной того, что Южная Корея пострадала от Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. Чрезмерное привлечение иностранных инвестиций не было ограничено государством или банковской системой, поэтому фактические активы компании не соответствовали тем суммам кредитов, которые корпорации брали в долг у различных международных организаций и банков. В ряде случаев соотношение заемного капитала чеболь по отношению к собственному составляло свыше 400%. Так, в конце 1998 г. размер кредиторской задолженности банкам составлял свыше 63 млрд долл., данная сумма равнялась примерно 21% ВВП Южной Кореи в 1997 г. [4].

Также отрицательно сказалась всесторонняя экономическая и финансовая взаимосвязь государств Юго-Восточной Азии, поскольку кризисные явления в любой из этих стран, в свою очередь, неблагоприятно сказываются на экономическом и финансовом развитии стран-соседей. Помимо тесной вовлеченности в мировое финансовое экономическое пространство одной из главнейших причин кризиса в Южной Корее явились укоренившиеся негативные тенденции экономической системы РК: монополизм системы чеболь, повсеместное распространение коррупции, приоритет клановых и семейных связей [3]. Снижение ВВП в Южной Корее в 1998 г. составило 6,7% [5], произошло значительное снижение курса южно-корейской воны по отношению к доллару – почти в три раза, на критическом уровне оказался

размер золотовалютных резервов страны (около 5 млрд долл.) [6].

Те специфичные черты модернизации (усиленный государственный контроль и большое влияние иностранного опыта), которые исторически помогали эффективному развитию чеболь, в конечном счете привели к экономическому кризису. Вплоть до 1979 г. власть держала под контролем ФПГ. На начальном этапе государственный контроль был необходим ввиду тяжелого положения в стране после войны, но эпоха вмешательства государства в экономику затянулась. Когда же чеболь предоставили больше свободы (1980-е гг.), эффект был противоположный. За долгие годы фирмы настолько привыкли к значительным привилегиям со стороны государства, что оказались не готовы действовать в рамках рыночной экономики. С одной стороны, государство предоставило чеболь большую свободу действий, а с другой – продолжало обеспечивать их денежными кредитами без предоставления каких-либо гарантий со стороны ФПГ. Это способствовало расцвету коррупции, взяточничества. Также традиционная политика поддержки более слабых предприятий, основанная на патерналистском стиле управления, привела к ослаблению экономики, поскольку применение данного принципа мешало развитию более сильных предприятий.

Азиатский финансовый кризис обнажил слабые стороны экономики Южной Кореи и остро поставил перед правительством вопрос о необходимости реформирования экономической системы. Кроме этого, значительная финансовая помощь с целью преодоления кризиса, выделенная Международным валютным фондом (МВФ), выдавалась только при условии проведения реформ. Таким образом, фактически выбора у государственного аппарата не было. В общих чертах предполагалось, что Южная Корея должна осуществить реструктуризацию предприятий, повысить качество управления компаниями, а также упрочить их финансовую стабильность, восстановить банковские капиталы. Основные положения, касающиеся проведения реформ, были изложены в Протоколе о намерениях и техническом приложении к нему, подписанном РК и МВФ 3 декабря 1997 г., а также в ряде принятых впоследствии законов: Закон о поощрении прямых иностранных инвестиций (ноябрь 1998 г.), Закон об операциях с иностранной валютой (сентябрь 1998 г.), Закона о труде (февраль 1998 г.).

Для осуществления реформирования экономики было выделено четыре главных направления: финансовая сфера, государственное управление, рынок труда и корпоративное устройство. В процессе реализации реформ принимали участие сами ФПГ (чеболь), правительственный аппарат, а также финансовые институты. Таким образом, правительственный аппарат предпринял попытку изменить исторически сложившиеся принципы взаимодействия с крупным бизнесом в лице чеболь и осуществил курс реформ, направленных на разукрупнение и реструктуризацию ФПГ, который оказал положительное воздействие на экономическую и финансовую системы Южной Кореи, благодаря чему ей удалось успешно преодолеть кризисные явления. Уже в 1999 и 2000 гг. темпы роста корейской экономики были сравнительно высокими и составили около 10% в год, в то время как темпы инфляции составили только 0,8 и 2,3% [5].

Как упоминалось выше, все реформы на данных предприятиях были проведены в основном под давлением МВФ. В связи с этим становится очевидным последующее сопротивление чеболь реформам. В целом на этапе постреформирования чеболь можно выделить целый ряд протекающих на предприятиях процессов.

Во-первых, следует отметить, что процесс сопротивления правительственным реформам становится более активным и открытым после стабилизации экономической ситуации и привлечения к этой борьбе широких народных масс. Большинство ФПГ отрицательно относились к широкомасштабному процессу реструктуризации предприятий, поскольку последующие изменения в результате приводили к уменьшению их роли в экономической и политической сферах. Кроме того, если в период наиболее острого финансового кризиса в 1998 г. концерны были согласны на большие уступки, чтобы преодолеть рецессию, то как только экономическая ситуация улучшилась, предприятия стали менее гибкими и уступчивыми. И поскольку позитивные результаты экономических реформ и реструктуризации проявились уже в первый посткризисный год, то руководящий состав ФПГ воспринял это как показатель того, что самое худшее позади и самая острая точка кризиса пройдена. В связи с этим главы концернов ожидали, что правительственный аппарат снизит свое давление на ФПГ и смягчит программу реформ, а чеболь, в свою очередь, вернет себе утраченные позиции [7]. «Десятипроцентный рост южнокорейской экономики в 2005 г., вызванный девальвацией воны и восстановлением функционирования кредитной системы, – как отмечал Штефан, – породил среди владельцев и топменеджеров, ведущих чеболь, иллюзию возможности воссоздать прежний механизм развития» [5]. Представители бизнеса надеялись на то, что правительственный аппарат учтет высокие заслуги ФПГ и «структурообразующую роль» предприятий в экономике страны.

ФПГ решили привлечь на свою сторону население Южной Кореи и с этой целью использовали свое влияние для организации кампании в СМИ по дискредитации курса реформ правительства, направленного на реструктуризацию крупных компаний. Основное обвинение, муссировавшееся в СМИ, состояло в том, что данная программа реформ направлена на ослабление крупного бизнеса в Южной Корее в интересах иностранных компаний-конкурентов. Помимо этого, ФПГ предпринимали усилия для сохранения за собой определенных подразделений, для чего намеренно завышали цены на них при продаже. В целом южнокорейские концерны рассчитывали на реабилитацию уже знакомой и отлаженной схемы взаимодействия между финансовыми структурами, правительством и крупными ФПГ.

Пик обострения отношений между ФПГ и правительством пришелся на этап постреформирова-

ния, когда государственный аппарат начал процесс юридического вмешательства в дела таких южнокорейских компаний, как «Корея Эйр», «Хендай» и других, которые обвинялись в уклонении от налогов и неправомерных действиях на фондовой бирже. В это же время был предпринят ряд мер по реструктуризации ФПГ и обозначены новые приоритеты в экономической политике, направленные на поддержку и защиту интересов малого и среднего бизнеса, что ослабляло положение чеболь в стране. Кроме этого, общественность всколыхнул процесс осуществления реструктуризации крупных южнокорейских банков и нескольких известных корпораций («Дэу», «Корея Хеви Индастри») в 1999 г.

Обострение отношений с государством привело к объединению усилий ФПГ для противостояния правительственным реформам и послужило своего рода толчком к трансформации роли ФПГ в стране и осознания ими своей независимости и степени влияния. Этот момент был знаковым в истории развития и функционирования ФПГ, поскольку наглядно продемонстрировал тот факт, что южнокорейские концерны стали обладать необходимой силой, влиянием, ресурсами и возможностями для оказания противодействия правительству и, кроме этого, стали достаточно самостоятельными для консолидации своих усилий. Несомненно, почву для этого также подготовили процесс демократизации политического режима в стране, развитие демократических ценностей и институтов, таких, например, как профсоюзы, которые чеболь смогли привлечь на свою сторону. Корпорации умело использовали нарастающее недовольство населения в свою пользу. Рабочие южнокорейских предприятий отрицательно отнеслись к некоторым аспектам правительственных реформ, связанных с реструктуризацией ФПГ и изменением системы трудовых отношений. Основное недовольство было связано со стремлением правительства модернизировать господствовавшую систему пожизненного найма и внедрить практику приглашения иностранных специалистов, а также более квалифицированных сотрудников других компаний, даже если они при этом являются конкурирующими. Это подрывало стабильность и предсказуемость трудовой системы, поскольку традиционно процесс продвижения по карьерной лестнице был долгим, упорным, медленным, но известным заранее. А в новых условиях значительное количество сотрудников, терпеливо идущих к своему повышению и заслуживших его по количеству проработанных лет, не получили в итоге продвижения, поскольку эти места были отданы приглашенным сотрудникам. Данный факт естественным образом вызвал недовольство рабочих. Помимо этого, дополнительную напряженность привнес процесс приватизации некоторых предприятий госсектора, который послужил причиной сокращения персонала. Еще большее раздражение вызвало участие в этом процессе иностранных инвесторов. В конечном итоге недовольство правительственными реформами привело к демонстрацям и акциям протеста в 1999 г.

Столь активная общественная деятельность корпораций, направленная против осуществляемых правительством реформ, обусловлена не только их опасениями касательно потери своей власти, но и новыми явлениями, имеющими место в экономике Кореи. В частности, речь идет о новом курсе правительства на поддержку малого и среднего бизнеса и о противодействии крупных ФПГ данному курсу. Однако поощрение развития малого и среднего бизнеса, по существу, проводилось теми же методами и по тому же принципу. Для вновь образованных предприятий малого и среднего бизнеса вводились всяческие льготы, которые развивались под контролем и опекой государства. Правительство предоставило мелкому и среднему бизнесу 1 млрд долл., полученных от Азиатского банка реконструкции и развития для обеспечения гарантий их кредитования [8]. В апреле 1998 г. предприятия данного сектора также получили средства в размере 1 млрд долл. для приобретения импортного сырья и материалов [Там же]. То есть была осуществлена попытка немного сместить центр развития экономики с одних предприятий на другие – с крупных многопрофильных ФПГ на предприятия, задействованные в сфере малого и среднего бизнеса. Но правительственные механизмы регулирования экономики, финансовые рычаги остались прежними.

Несмотря на то что само по себе активное содействие правительства Южной Кореи развитию малого и среднего бизнеса и реформированию ФПГ – явление, несомненно, положительное, оно заключает в себе множество противоречий и нерешенных вопросов. Многие проблемы и сложности, возникшие в корейской экономике в связи с функционированием чеболь, решались старыми методами, что, по сути, не меняло ситуацию коренным образом, как было задумано в ходе реформ. Однако начавшийся после Азиатского финансового кризиса процесс реформирования чеболь повлиял на взаимоотношения государства и ФПГ, их положение и влияние в экономике, политике, социальной сфере. Вопреки реформам статус и степень влияния чеболь увеличились, возросла их самостоятельность.

В дальнейшем вектор на необходимость реформирования чеболь был поддержан южнокорейскими политическими лидерами. В 2002 г. победу на президентских выборах одержал Но Му Хён, ставший 16-м президентом Республики Корея. Обещания продолжать политику «солнечного тепла», бороться с коррупцией, обуздывать чеболь и сокращать рабочую неделю привлекли к нему голоса молодёжного электората. В сфере экономики администрация Но Му Хёна предприняла усилия по следующим направлениям: стабильная макроэкономическая политика, создание дополнительных рабочих мест за счет стимулирования внутренних производственных инвестиций, расширение так называемого среднего класса, обеспечение прозрачности экономической активности на внутреннем рынке, либерализация потребительских

рынков и взаимодействие с иностранными партнерами, подготовка к возможным в будущем экономическим вызовам.

Однако в период его правления (2003–2008 гг.) реформирование чеболей приостановилось. Но данный факт не выглядит странным, если принять во внимание то, что предвыборная кампания Но Му Хёна была профинансирована чеболь SK Group. Взамен данная корпорация получила значительные государственные субсидии. Данный факт вызвал недовольство оппозиции, которой удалось объединить свои усилия и собрать в парламенте большинство голосов за его импичмент, формальным поводом для которого послужило открытое оказание президентом поддержки леволиберальной партии «Еллин Ури». В поддержку президента на улицы вышла молодёжь ввиду популярности его либеральных взглядов в молодежной среде. Возникла угроза массовых беспорядков, и высшая судебная инстанция в импичменте отказала [9]. Однако расследования продолжались, вскрывались новые факты. 23 мая 2009 г. Но Му Хён, обвиненный в получении 6 млн долл. в качестве взятки от американской фирмы, покончил жизнь самоубийством.

После окончания скандального правления Но Му Хена большую популярность приобрела более консервативная правая партия, представитель которой Ли Мен Бак и стал следующим президентом Республики Корея [Там же]. Следует также отметить тесную связь нового южнокорейского лидера с ФПГ, поскольку он почти 30 лет работал в «Хендай» и был самым молодым исполнительным директором в стране. Однако, как и предыдущие лидеры, Ли Мен Бак ставил перед собой задачу ослабления влияния чеболь. Возможно, данные обещания были обусловлены лишь желанием привлечь на свою сторону часть электората в связи с нарастающим в обществе недовольством по отношению к чеболь, связанным с растущим монополизмом ФПГ, коррупцией на предприятиях, а также их сопротивлением развитию малого и среднего бизнеса. Помимо этого президент ставил перед собой чрезвычайно амбициозные экономические цели: добиться 7%-ного прироста ВВП, вывести страну на 7-ю позицию в мировом экономическом рейтинге и достичь показателя в 40 тыс. долл. среднедушевого дохода [Там же].

Однако мировой финансовый экономический кризис 2007 г. внес значительные коррективы в планы правительства, которому пришлось сосредоточить все свои усилия на решении других, более срочных задач по преодолению экономической рецессии, восстановлению потерянных рабочих мест и экспортных позиций Южной Кореи на мировом рынке. В 2009 г. все вышеперечисленные задачи были успешно выполнены, опираясь на ресурсы и возможности чеболь, которые усиленно развивали на своей базе такие отрасли, как автомобилестроение, судостроение, сталелитейное производство и электроника. Это позволило Южной Корее восстановить свои экспортные позиции и даже освоить новые рынки. Таким образом, в очередной раз в момент экономического кризиса система ФПГ стала тем локомотивом, который помог экономике Южной Кореи сделать очередной рывок. Как следствие, ни о каких реформах или ослаблении влияния корпораций не могло быть и речи. Скорее наоборот, положение чеболь при Ли Мен Баке только упрочилось, поскольку его администрация рассматривала корпорации как основную антикризисную силу. Между правительством и крупнейшими чеболь установилось постоянное оперативное взаимодействие.

На закате своего правления президентом была объявлена крупнейшая амнистия, которая заключалась в помиловании боле 70 осуждённых бизнесменов. Следует отметить, что в списке лиц, получивших помилование, числились руководители известных ФПГ, которые были тесно связаны с правительственными чиновниками. Среди них значились председатель «Хендай Мотор» Чон Мон Гу, глава SK Energy Чхве Тхэ Вон и председатель «Ханха Груп» Ким Сын Ён. Все они были осуждены за растрату, мошенничество, применение силы в разрешении споров и за нарушения финансового и законодательства [10]. Это решение нанесло серьезный удар по имиджу Ли Мен Бака и послужило причиной критики в его адрес, поскольку вызвало недовольство честных предпринимателей, которые осознали, что деятельность коррумпированных чиновников и бизнесменов осталась безнаказанной. Также данное решение негативно отразилось на имидже Южной Кореи среди иностранных инвесторов, которые поняли, что правительство вновь занялось активной поддержкой семейных корпораций, соревноваться с которыми в Корее иностранцам не было никакой возможности [11].

Свой президентский срок Ли Мен Бак завершил в феврале 2013 г., когда новым президентом Республики Корея впервые стала женщина. Нельзя не отметить тот факт, что имя этой женщины тесно связано с чеболь. Пак Гын Хе является дочерью генерала Пак Чжон Хи, который в свое время стал основателем и идеологом всей системы ФПГ в Южной Корее. Отношение к данной персоне в Южной Корее неоднозначно, но большинство людей старшего поколения чрезвычайно чтут и уважают генерала как лидера, который осуществил модернизацию и превратил отсталую аграрную страну в передовую индустриальную державу. Несмотря на то что ее отец всесторонне поддерживал чеболь, Пак Гын Хе в своей предвыборной программе пообещала оказывать помощь малому и среднему бизнесу, а также ограничить власть крупных корпораций. Однако подобного рода обещания уже довольно давно содержатся в предвыборной программе каждого южнокорейского лидера и зачастую не имеют ничего общего с их реальными намерениями, а декларируются лишь с целью привлечения на свою сторону электората и мировой общественности. Автор книги «Корея: невозможная страна», корреспондент английского журнала «The Economist» в Республике Корея Даниэль Тюдор отмечает: «Самый главной вызов для Сеула – это укрепление государства всеобщего благоденствия и решение проблемы чеболей (конгломератов), злоупотребляющих властью. Это надо сделать, не навредив при этом эконо-

мическому росту страны. Предвыборная платформа Пак Гын Хе концентрировалась именно на этих моментах, но если присмотреться к ее ближайшему окружению, я не уверен, что эти люди заинтересованы в такого рода изменениях» [12]. Каковы же будут реальные действия Пак Гын Хе в отношении чеболь, покажет время.

Подводя итоги, можно отметить, что в XXI в. взаимоотношения южнокорейских концернов и правящей элиты остались столь же тесными, как и в предшествующем столетии, но приобрели несколько дополнительных особенностей.

1. В условиях нестабильной и часто меняющейся экономической ситуации система ФПГ (чеболь) стала надежным средством для быстрого выхода из кризиса.

Процесс исторического развития Южной Кореи убедительно и наглядно демонстрирует тот факт, что система ФПГ (чеболь) является идеальным средством в процессе преодоления кризисных явлений в экономике, достойных аналогов которому правительство Южной Кореи предложить пока не может. Именно чеболь явились для Республики Корея основной движущей силой при выходе из Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг., а также мирового финансового кризиса 2007 г. Кроме того, изначально экономическая модернизация в стране осуществлялась в чрезвычайно неблагоприятных условиях, которые также можно считать в своем роде критическими. Таким образом, южнокорейские концерны доказали свою несомненную состоятельность и высокую эффективность в умении преодолеть любые неблагоприятные экономические факторы, способные принести внушительную прибыль, и при этом в кратчайшие сроки. Несколько раз на пороге очередной попытки реформирования чеболь выручали правительство в момент кризиса, что приводило к смягчению или отказу от ранее выбранных программ по реструктуризации и реформированию концернов. Такую политику Правительства Южной Кореи в отношении чеболь также можно понять – в стране просто нет других, столь же мощных производственных ресурсов, которые могли бы послужить основой для очередного экономического рывка. Таким образом, в результате финансовых и экономических кризисов и без того тесная взаимосвязь и взаимозависимость южнокорейских корпораций и политической элиты только укреплялась.

2. Окончательная трансформация пассивной роли чеболь в активную после Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг.

Следует заметить, что кризисные явления в экономике, как это ни парадоксально, способствовали усилению чеболь несмотря на то, что именно данные концерны были «официально» признаны виновниками Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. Помимо упрочения своего положения за счет того, что компании помогли в очередной раз выйти стране из кризиса, чеболь впервые удалось консолидировать свои усилия, объединиться и выступить против правительственных реформ. Воспользовавшись недовольством населения по поводу попыток изменения трудовой политики на предприятиях, чеболь смогли привлечь работников компаний на свою сторону и спровоцировать акции массового протеста, обладая необходимой для этого финансовой и организационной мощью. Таким образом, с течением времени южнокорейские конгломераты сумели превратиться в активных политических игроков.

3. Система ФПГ (чеболь) стала одним из основных спонсоров предвыборных программ политических лидеров.

С приходом в страну демократического режима, а также по мере его усиления в XXI в. очередная предвыборная гонка в большинстве своем протекает между двумя основными кандидатами от ведущих политических партий. Силовые захваты власти и авторитарные режимы остались в прошлом. В данной связи большое значение приобретают успешность и продуманность предвыборной кампании кандидатов и, соответственно, ее финансирование. Несомненно, все крупнейшие чеболь обладают достаточными ресурсами для спонсирования любых затрат во время предвыборных баталий, и их помощью зачастую пользуются политические лидеры. Так, например, предвыборная кампания президента Но Му Хёна была профинансирована крупным чеболь SK [9]. После его победы на выборах и вступления в должность подразделения SK вернули потраченные на финансирование кампании средства в объеме, превышающем затраты почти в сто раз за счёт госсубсидий. Такая практика еще больше способствовала упрочению связей конгломератов и южнокорейских лидеров и делала последних заложниками своеобразного «долга» перед компаниями.

4. Реформирование ФПГ (чеболь) стало обязательным пунктом всех предвыборных программ.

Каждый политический лидер в Южной Корее считает обязательным заявить о назревшей необходимости реформирования крупнейших южнокорейских конгломератов и пообещать предпринять для этого все необходимые меры. Однако практика показывает, что данные заявления лишь декларируются политическими лидерами, но не претворяются в жизнь. Да и может ли быть иначе, если в процессе исторического развития связь политической элиты и чеболь стала настолько тесной и многогранной, включая в себя семейно-клановую, финансовую, политическую и социальную взаимозависимости, что разорвать ее, по всей видимости, не представляется возможным.

Длительный процесс исторического развития системы ФПГ (чеболь) убедительно демонстрирует тот факт, что с течением времени южнокорейские концерны не теряют своих устойчивых позиций в экономике страны. Более того, с каждым десятилетием чеболь все больше укрепляют свои позиции в других сферах и становятся активным участником внутриполитической жизни страны благодаря своим финансовым возможностям. Родственные, клановые, дружественные и финансовые связи с ведущими политическими лидерами также способствовали трансформации пассивной роли чеболь в активную. Несмотря на попытки Правительства РК развивать предприятия малого и среднего бизнеса, Южной Корее не удалось

создать в их лице достойной и столь же надежной альтернативы для формирования основной или хотя бы равной (наряду с чеболь) движущей силы экономики страны. И вопреки осуществленным программам реформирования южнокорейские конгломераты по-прежнему сохраняют свое влияние, самобытность и уникальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Корея.* Универсальная научно-популярная энциклопедия. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/strany_mira/KOREYA.html?page=0,6, свободный (дата обращения: 01.03.2015).
2. *Regional* Trade in Northeast Asia: Why Do Trade Costs Matter? URL: http://www.kiep.go.kr/eng/e_sub03/sub01_2.asp?sort=01&seq=20060707153616&p=1&keytype=&keyword=&pgsize=15, free (access data: 01.11.2014).
3. *Мансуров А.Ю., Михеев В.В.* Финансово-промышленные группы в экономике Южной Кореи // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 4. С. 39–53.
4. *Конина Н.* Реструктурирование деятельности финансово-промышленных групп Южной Кореи в условиях кризиса // Международный журнал «Проблемы теории и практики управления». 1999. № 3. URL: http://vasilievaa.narod.ru/6_3_99.htm, свободный (дата обращения: 01.03.2015).
5. *Штефан Е.* Рост ВВП Южной Кореи в 1999 г. составил 10,7% // «Сеульский вестник». URL: http://vestnik.kr/econo/2819.html, свободный (дата обращения: 01.03.2015).
6. *Андрианов В.* Финансово-экономический кризис в Республике Корея и меры правительства по его преодолению // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 5. С. 47.
7. *Сыроежкин К.* Чеболь как символ экономики Южной Кореи // Интернет-журнал о политике и обществе «Континент». URL: http://www.continent.kz/2000/13/19.html, свободный (дата обращения: 01.03.2015).
8. *Suh S., Nakarmi L.* Chaebol revolution. Are Korean business giants really serious about the restructuring and globalization? Asian week agenda. URL: http://www-cgi.cnn.com/ASIANOW/asiaweek/97/1010/aa1.html, free (дата обращения: 01.03.2015).
9. *Иванова М.* Наследницей генерала движет холодная твердость. URL: http://vkrizis.ru/obschestvo/naslednicey-generala-dvizhet-holodnaya-tverdost, свободный (дата обращения: 01.03.2015).
10. *Кирьянов О.* Ли Мен Бак амнистировал соратников // «Российская газета». URL: http://www.rg.ru/2013/01/29/amnistia-site.html, свободный (дата обращения: 01.03.2015).
11. *Новый* прагматизм Сеула // Электронная версия журнала «Коммерсант». URL: http://www.kommersant.ru/doc/1030932, свободный (дата обращения: 01.03.2015).
12. *Интервью* с корреспондентом английского журнала The Economist в Республике Корея Даниэлем Тюдором «Победила дочь, а не женщина». URL: http://www.rosbalt.ru/main/2013/02/26/1099122.html, свободный (дата обращения: 01.03.2015).

Статья представлена научной редакцией «История» 26 марта 2015 г.

THE TRANSFORMATION OF THE ROLE OF FINANCIAL INDUSTRIAL GROUPS (CHAEBOL) IN THE ECONOMIC AND POLITICAL LIFE OF SOUTH KOREA FROM 1998 TO 2013

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 167–173. DOI: 10.17223/15617793/397/25

Sigida Yuliya S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sigidagirl@yandex.ru

Keywords: financial industrial groups; chaebol; Asian financial crisis 1997–1998; inner policy.

The system of financial industrial groups (chaebol) plays a significant role in the economic and political life of South Korea. This system has demonstrated an outstanding ability to adjust to different tendencies on each particular historical stage of the country's development, effectively responding to new changes and challenges in the world political, economic and social space. This article investigates the historical period starting from 1998 and up to 2013 as well as consistent transformation of chaebol's role and influence on political and economic life in South Korea during the analyzed period. Various mechanisms used by chaebol to influence the political and economic life of South Korea are pointed out. It is important to mention that the end of the 1990s and the beginning of the 2000s became a special stage not only in the process of development of South Korean chaebol but also in the world economic and political life, because, on the one hand, at that time the global process of integration of the world economic system was progressing at a fast pace. On the other hand, some economic events such as Asian financial crisis of 1997–1998 caused re-estimation of the process of integration in the global society itself. The analyzed period became a prominent stage in the process of chaebol's development due to the fact that it was the time of the final transformation of chaebol's mostly passive role into active. Moreover, the significance and influence of chaebol in the political life increased and their connection with the South Korean political elite moved to a new level. Such a change was connected with stabilization and strengthening of the democratic regime in South Korea by the end of the 1990s as well as with sufficient development of democratic institutions which became the reason of transformation of relationships between Korean companies and political leaders. The historical background which prepared the ground for such drastic changes in the role of chaebol in South Korea is also investigated in the article. Special attention is paid to the influence and consequences of the Asian financial crisis of 1997–1998 and, especially, government reforms in the transformation of Korean conglomerates. The after-reform stage in the development of chaebol is specifically emphasized in the article because it was a turning point in the process of companies' awareness of their possibilities and level of influence and the time when they managed to consolidate their efforts successfully. In fact, during the period following after the Asian financial crisis, the interests of South Korean government and conglomerates diverged considerably for the first time and, thus, chaebol started their active resistance to government reforms. Special attention is paid to the mechanisms of involvement of democratic institutions and mass media in the political activities of chaebol. Also the specific traits of relationships between Korean conglomerates and government at the current stage are pointed out.

REFERENCES

1. Universal popular scientific encyclopedia. (n.d.) *Korea*. [Online]. Available from: http://www.krugosvet.ru/enc/strany_mira/KOREYA.html?page=0,6. (Accessed: 01st March 2015). (In Russian).

2. *Regional Trade in Northeast Asia: Why Do Trade Costs Matter?* [Online]. Available from: http://www.kiep.go.kr/eng/e_sub03/sub01_2.asp?sort=01&seq= 20060707153616&p=1&keytype=&keyword=&pgsize=15. (Accessed: 01st November 2014).
3. Mansurov, A.Yu. & Mikheev, V.V. (1998) Finansovo-promyshlennye gruppy v ekonomike Yuzhnoy Korei [Financial and industrial groups in the economy of South Korea]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 4. pp. 39–53.
4. Konina, N. (1999) Restrukturirovanie deyatel'nosti finansovo-promyshlennykh grupp Yuzhnoy Korei v usloviyakh krizisa [Restructuring of the financial and industrial groups of South Korea in the crisis]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. 3. [Online]. Available from: http://vasilievaa.narod.ru/6_3_99.htm. (Accessed: 01st March 2015).
5. Stefan, E. (2000) Rost VVP Yuzhnoy Korei v 1999 g. sostavil 10,7% [South Korea's GDP growth in 1999 was 10.7 %]. *Seul'skiy vestnik*. [Online]. Available from: http://vestnik.kr/econo/2819.html. (Accessed: 01st March 2015).
6. Andrianov, V. (1999) Finansovo-ekonomicheskiy krizis v Respublike Koreya i mery pravitel'stva po ego preodoleniyu [Financial and economic crisis in the Republic of Korea and the government's measures to overcome it]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 5. p. 47.
7. Syroezhkin, K. (2000) Chebol' kak simvol ekonomiki Yuzhnoy Korei [Chaebol as a symbol of the South Korean economy]. *Kontinent*. [Online]. Available from: http://www.continent.kz/2000/13/19.htm. (Accessed: 01st March 2015).
8. Suh, S. & Nakarmi, L. (2000) Chaebol revolution. Are Korean business giants really serious about the restructuring and globalization? Asian week agenda. *Asiaweek*. [Online]. Available from: http://www-cgi.cnn.com/ASIANOW/asiaweek/97/1010/aa1.html. (Accessed: 01st March 2015).
9. Ivanova, M. (n.d.) *Naslednitsey generala dvizhet kholodnaya tverdost'* [Heiress of the General is driven by cold hardness]. [Online]. Available from: http://vkrizis.ru/obschestvo/naslednicey-generala-dvizhet-holodnaya-tverdost. (Accessed: 01st March 2015).
10. Kir'yanov, O. (2013) Li Men Bak amnistiroval soratnikov [Lee Myung-bak pardoned associates]. *Rossiyskaya gazeta*. [Online]. Available from: http://www.rg.ru/2013/01/29/amnistia-site.html. (Accessed: 01st March 2015).
11. Anon. (2008) Novyy pragmatizm Seula [The new pragmatism of Seoul]. *Kommersant*. [Online]. Available from: http://www.kommersant.ru/doc/1030932. (Accessed: 01st March 2015).
12. Tudor, D. (2013) *Interv'yu s korrespondentom angliyskogo zhurnala The Economist v Respublike Koreya Danielem Tyudorom "Pobedila doch', a ne zhenshchina"* [Interview with correspondent of The Economist in the Republic of Korea Daniel Tudor: "It is the daughter that won, not the woman"]. [Online]. Available from: http://www.rosbalt.ru/main/2013/02/26/1099122.html. (Accessed: 01st March 2015).

Received: 26 March 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 174–177. DOI: 10.17223/15617793/397/26

УДК 351.74(571.15)

Е.В. Суверов

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИЛИЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ (1945–1953 гг.)

В послевоенный период действовали нормативно-правовые акты, направленные на пресечение антиобщественных проявлений, организацию службы милиции, а также на привлечение трудящихся для охраны общественного порядка в Алтайском крае в 1945–1953 гг. Особое внимание законодатель уделял борьбе с хулиганскими выходками и самогоноварением, изоляции бродяг и попрошаек, контролю за соблюдением правил дорожного движения, проверке паспортного режима.
Ключевые слова: нормативно-правовые акты; милиция; охрана общественного порядка; хулиганство; самогоноварение.

Послевоенный период в Алтайском крае сопровождался всплеском нарушений общественного покоя граждан, вызванных массовыми амнистиями из мест лишения свободы, демобилизацией из армии военнослужащих, злоупотреблением алкоголем местными жителями. Множество проступков совершалось послевоенной молодежью, лишенной нормального родительского воспитания. Многие из подростков не имели отцов из-за разрушительных последствий кровопролитной Великой Отечественной войны, что негативно сказывалось на формировании личности.

Правовой основой деятельности милиции по охране общественного порядка в Алтайском крае являлись: Конституция РСФСР 1936 г., Уголовный кодекс РСФСР 1926 г., Указы Президиума Верховного Совета СССР, Положение о рабоче-крестьянской милиции 1931 г., Постановления Совета народных комиссаров (с 1946 г. – Совет министров СССР), ведомственные приказы и нормативные акты местных органов власти.

Обеспечение порядка в Алтайском крае являлось первоочередной задачей для всего государственного аппарата, но основная нагрузка по ее выполнению ложилась на плечи алтайской милиции. На основании ст. 97 Конституции РСФСР 1936 г. Советы депутатов трудящихся обеспечивали охрану государственного порядка, соблюдение законов и охрану прав граждан [1].

В ст. 192 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. указывалось, что «нарушение обязательных постановлений местных органов власти, издаваемых ими в пределах установленной законом компетенции, а равно постановлений, приказов и инструкций отдельных ведомств, издаваемых по уполномочиям законодательных органов… влекло предупреждение или принудительные работы на срок до одного месяца или штраф до ста рублей» [2].

Так, одно из решений исполкома Барнаульского горсовета депутатов трудящихся в 1949 г. определило, что на виновных в нарушении общественного порядка лиц налагался штраф до 100 руб. или исправительно-трудовые работы до 30 дней, выносимые административными комиссиями при исполкомах райсоветов г. Барнаула [3].

23 июля 1951 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами», в результате чего усилилась борьба с бродягами. Большинство нищих были ветеранами войны, ставшими инвалидами, потерявшими на фронте ноги или руки, а иногда и ноги, и руки. В Советском Союзе попрошайничество рассматривалось как проявление социального паразитизма, за что предусматривалось строгое наказание, несмотря на героическое прошлое многих бродяг-инвалидов.

По данному Указу во втором полугодии 1951 г. по всей стране было задержано 107 766 человек нищих, в 1952 г. – 156 817, в 1953 г. – 182 342 нищих. Среди изолированных нищих инвалиды войны и труда составляли 70%; лица, впавшие во временную нужду, – 20%; профессиональные нищие – 10%, в их числе трудоспособные граждане – 3% [4. Л. 41].

Многие инвалиды не желали отправляться в специализированные учреждения, совершали из них побеги и продолжали жить на улице, приставая к прохожим, злоупотребляли алкоголем, шокировали граждан неопрятным видом, нарушали общественный порядок.

Серьезная угроза общественной безопасности исходила от хулиганских действий граждан, часто совершаемых в нетрезвом состоянии. Основными антиобщественными проявлениями в первые послевоенные годы являлись пьянство и хулиганство, занимавшие 25–30% от общего числа правонарушений, а также нарушение правил уличного движения [5. С. 53–54]. Около 60% всех случаев хулиганства в районах Западной Сибири совершалось в состоянии опьянения [6. С. 105].

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. определял хулиганство как «озорное, сопряженное с явным неуважением к обществу действие, совершенное в первый раз, наказание – лишение свободы на срок до трех месяцев, если до возбуждения уголовного преследования на совершившего указанные действия не было наложено административного взыскания. Если означенные действия заключались в буйстве или бесчинстве, или совершены повторно, или упорно не прекращались, несмотря на предупреждение органов, охраняющих общественный порядок, или же по своему содержанию отличались исключительным цинизмом или дерзостью, наказание – лишение свободы на срок до двух лет» [2].

Детализировало борьбу с хулиганскими выходками специальное постановление ЦИК и СНК СССР от 29 марта 1935 г. «О мерах по борьбе с хулиганством», где подчеркивалось, что дефицит мест отдыха, моно-

тонный и ежедневный труд были одной из причин пьянства среди населения и роста хулиганских проявлений. Указ Президиума ВС СССР от 16 августа 1940 г. предусматривал немедленное рассмотрение дел по поводу хулиганства [7. С. 412].

14 ноября 1945 г. НКВД СССР издал директиву № 208 «О мероприятиях по усилению борьбы с уголовной преступностью и хулиганством», которой нацеливал органы милиции на развитие и укрепление связи с общественностью, на использование ее помощи в работе по профилактике преступлений.

Принимались нормативные акты по борьбе с хулиганством и на местном уровне. В декабре 1948 г. в г. Рубцовске было принято решение исполкома городского Совета депутатов трудящихся, которое устанавливало наказание за хулиганство, не влекущее за собой уголовную ответственность. Мелких хулиганов административные комиссии могли наказать штрафом до 100 руб. или привлечением к принудительным работам до 30 дней [8. С. 76].

Уровень хулиганских проявлений в крае был настолько высок, что потерпевшими оказывались иногда и сами милиционеры. Сотрудник УМВД Алтайского края В.Т. Свиридов, находясь в служебной командировке в г. Бийске, 22 апреля 1949 г. в ночное время зашел в ресторан, где находились трое неизвестных граждан. Пребывая в состоянии алкогольного опьянения, без особых причин неизвестные стали оскорблять Свиридова, а затем наносить ему побои. Один из хулиганов, сбив с ног милиционера, пытался забрать деньги и личное оружие. Обороняясь, милиционер в момент борьбы был вынужден стрелять в нападавшего, легко ранив его [9. Л. 61].

С самогоноварением в Советском Союзе начали борьбу еще в 1920-х гг. 2 января 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О мерах усиления борьбы с самогоноварением», согласно которому основными мерами борьбы с самогоноварением являлось наложение штрафов в административном порядке и привлечение к принудительному труду [6. С. 105].

Большинство нарушений общественного спокойствия на Алтае происходило по причине нетрезвого состояния граждан. Несмотря на жесткие правительственные меры, изготовление самогона на Алтае носило массовый характер, особенно в сельской местности. В стране увеличивалось число осужденных граждан за самогоноварение. Если в ноябре 1947 г. за изготовление, хранение и сбыт самогона были привлечены к уголовной ответственности 834 человека, то с 16 декабря 1947 г. по 10 января 1948 г. – 1 892 [10. Л. 135].

Заметное ужесточение борьбы с самогоноварением произошло после принятия Указа от 7 апреля 1948 г. «Об ответственности за изготовление и продажу самогона», усиливавшего уголовную ответственность за данное деяние [11].

Сотрудники ГАИ обязаны были контролировать уличное движение. Правовой основой деятельности сотрудников государственной автомобильной инспекции были приказ МВД СССР № 0742 от 3 декабря 1948 г., инструкция «О надзоре за движением транспорта и пешеходов», приказ МГБ СССР № 190 от 1 апреля 1952 г. и «Инструкция по учету дорожных происшествий».

Охрана общественного порядка в населенных пунктах Алтайского края возлагалась на посты милиции. В соответствии с приказом НКВД СССР от 17 января 1946 г. «за постами милиции закреплялся постоянный состав милиционеров, переброска с поста на пост запрещалась без особого разрешения начальников управлений. К ночному патрулированию в городах привлекался офицерский состав милиции, комендантские патрули и внутренние войска, а за счет бригад содействия милиции выставлялись дополнительные посты» [12. С. 269].

После принятия в 1948 г. нового Устава (УГШСМ-48) патрульно-постовая служба, ставшая обязательной частью наружной службы, получила новое развитие. Новый Устав детализировал права и обязанности милиционеров, заступающих в патрулирование и на стационарные посты. Появились офицерские посты милиции. В целом принятие нового устава способствовало укреплению дисциплины патрульно-постовой службы.

Свою лепту в охрану общественного порядка внесли алтайские участковые уполномоченные милиции. Для усиления борьбы с преступностью и охраны общественного порядка в сельской местности и использования в этой борьбе сельского актива была издана Директива МВД СССР от 14 февраля 1946 г. № 33 [13. С. 47].

Директива предписывала создание института уполномоченных, ответственных за прописку в сельской местности, не подвергнутой паспортизации, и введение в селах, деревнях и хуторах книг по учету лиц, оставшихся на ночлег.

В этом же нормативном документе были определены основные обязанности участкового уполномоченного: систематически вести работу по поддержанию общественного порядка; своевременно выявлять, предупреждать и пресекать преступления; укреплять паспортный режим на закрепленном участке; вести борьбу с детской безнадзорностью и беспризорностью; поддерживать и развивать связь с общественностью; осуществлять надзор за санитарным состоянием дворов и улиц [14. Л. 8].

В помощь милиции в обеспечении порядка в общественных местах были призваны бригады содействия милиции (Бригадмил, БСМ), образованные на основании постановления СНК РСФСР «О реорганизации обществ содействия органам милиции и уголовного розыска в бригады содействия милиции» от 29 апреля 1932 г. В Бригадмил принимались граждане СССР, достигшие 18 лет, по рекомендации партийных, комсомольских, профсоюзных, других общественных организаций или по представлению руководителей милицейских подразделений.

За отличие в охране общественного порядка в краевом центре бригадмильцам, членам БСМ 3-го отделения милиции г. Барнаула Горбунову, Терехову, Середе и Сотникову была объявлена благодарность с

выдачей денежного вознаграждения по 100 руб. каждому [15].

Одним из важных мероприятий, проводимых сотрудниками алтайской милиции, являлась проверка паспортного режима в городах края. 4 октября 1945 г. Совет народных комиссаров СССР принял постановление «О паспортизации населения». На основании данного нормативного документа паспортизации подлежали все граждане СССР в возрасте от 16 лет и старше, проживающие в районах, где была введена паспортная система. Следует отметить, что бо́льшая часть населения Алтайского края проживала в сельской местности и не имела паспортов. Паспорта были только у горожан. С 1937 г. крестьянам было запрещено покидать колхозы без согласования с местной администрацией и предварительного соглашения с места будущей работы.

Таким образом, правовыми основами деятельности милиции по охране общественного порядка в Алтайском крае в 1945–1953 гг. были Конституция РСФСР 1936 г., Уголовный кодекс РСФСР 1926 г., Указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления ЦИК и СНК РСФСР, Директивы НКВД-МВД СССР, Устав патрульно-постовой службы, многочисленные нормативно-правовые акты представителей местной власти. Все эти документы были направлены на реализацию одной из функции милиции – охрану порядка в общественных местах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Конституция* РСФСР 1936 г. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/ cnst1936.htm, свободный.
2. *Уголовный* кодекс РСФСР 1926 г. URL: http://ru.wikisource.org/ wiki/Уголовный кодекс РСФСР 1926 года/Редакция 05.03.1926, свободный.
3. *Алтайская* правда. 1949. 14 мая (№ 93).
4. *Российский* государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 30. Д. 78.
5. *Гилинский Я.* Социальная патология в современной цивилизации // Криминология – XX век. СПб., 2000.
6. *Бодерко Л.Н.* Милиция Западной Сибири в 1930–1956 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 1999.
7. *Сборник* документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). М., 1953.
8. *Гриценко И.Ф.* Рубцовская милиция: образование и этапы развития. Барнаул : Изд-во АГУ, 1998.
9. *Отдел* по реабилитации жертв политических репрессий и архивной информации ИЦ при ГУВД по Алтайскому краю. Ф. 1. Оп. 2. Д. 10.
10. *Государственный* архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 199.
11. *Ведомости* Верховного Совета СССР. 1948.
12. *Органы* и войска МВД России. М., 1996.
13. *Мулукаев Р.С., Скилягин А.Т.* История советской милиции: хронологический справочник. Л., 1976.
14. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 98.
15. *Боевой* пост. 1950. 7 апр. (№ 13).

Статья представлена научной редакцией «История» 9 февраля 2015 г.

THE LEGAL BASIS OF MILITIA ACTIVITY IN PROTECTION OF PUBLIC ORDER IN ALTAI (1945–1953)

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 174–177.

Suverov Evgeny V. Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (Barnaul, Russian Federation). E-mail: suverovev69@mail.ru

Keywords: laws and regulations; militia; protection of public order; hooliganism; manufacture of homebrew.

Maintaining order in Altai was a priority for the entire state apparatus, but Altai militia had the main load for its implementation. A lot of laws and regulations acted in the postwar period. They aimed at prevention of antisocial manifestations, organization of militia service and recruitment of working people for the protection of public order in Altai in 1945–1953. Legislators paid special attention to fight against hooliganism and manufacture of homebrew, social isolation of vagrants and beggars, control over compliance with road traffic rules, checking the passport regime. The legal basis for the militia activities of the protection of public order in Altai was the RSFSR Constitution of 1936, the RSFSR Criminal Code of 1926, Decrees of the Supreme Soviet of the USSR, the Regulation of the worker-peasant militia 1931, the Resolution of the Council of People's Commissars (from 1946 the USSR Council of Ministers), departmental orders and regulations of local authorities. The penal policy of the Soviet state against hooliganism manifestations increased in the postwar period. Employees of law enforcement bodies in the fight against hooligans acted in accordance with the RSFSR Criminal Code of 1926. The special resolution of the CEC and CPC of the USSR dated March 29, 1935 "On measures to combat hooliganism" detailed struggle against hooliganism. Militia undertook various activities to isolate many poor people prone to anti-social behavior. Significant toughening of fight against manufacture of homebrew occurred after the adoption of the Decree of 7 April 1948 "On the responsibility for the vodka production and sale", it tightened criminal liability for this act. The legal basis of the State Automobile Inspectorate officers' activities was the Order of the Ministry of Internal Affairs of the USSR No. 0742 of 03 December 1948, the Instruction "On the supervision of the movement of transport and pedestrians", the Order of the USSR Ministry of State Security No. 190 dated 01 April 1952 and the "Instruction on accounting of traffic accidents". Altai district police officers made their contribution to ensuring public order. The Militia Statement was issued in the USSR Interior Ministry on February 14, 1946, No. 33 to strengthen the fight against crime and protection of public order in rural areas and use rural activists in this fight.

REFERENCES

1. The Constitution of the RSFSR of 1936. [Online]. Available from: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/ cnst1936.htm. (In Russian).
2. The Criminal Code of the RSFSR of 1926 [Online]. Available from: http://ru.wikisource.org/ wiki/Ugolovnyy kodeks RSFSR 1926 goda/Redaktsiya 05th March 1926. (In Russian).
3. *Altayskaya pravda*. (1949). 14 May (93).
4. Russian State Archive of Contemporary History. Fund 5. List 30. File 78. (In Russian).

5. Gilinskiy, Ya. (2000) Sotsial'naya patologiya v sovremennoy tsivilizatsii [Social pathology in modern civilization]. In: Burlakov, V.N. et al. (eds.) *Kriminologiya – XX vek* [Criminology – XX century]. St. Petersburg: Press.
6. Boderko, L.N. (1999) *Militsiya Zapadnoy Sibiri v 1930–1956 gg.* [Militia in Western Siberia in 1930–1956]. History Cand. Diss. Tyumen.
7. Golyakov. I.T. (ed.) (1953) *Sbornik dokumentov po istorii ugolovnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR (1917–1952 gg.)* [The collection of documents on the history of criminal law of the USSR and RSFSR (1917-1952)]. Moscow: Gosyurizdat.
8. Gritsenko, I.F. (1998) *Rubtsovskaya militsiya: obrazovanie i etapy razvitiya* [Rubtsovsk militia: the formation and development stages]. Barnaul: Altai State University.
9. The Division for the rehabilitation of victims of political repressions and archival information of the Information Center of the Central Internal Affairs Directorate for Altai Krai. Fund 1. List 2. File 10. (In Russian).
10. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9401. List 2. File 199. (In Russian).
11. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*. (1948).
12. Borisov, A.V. et al. (1996) *Organy i voyska MVD Rossii* [Agencies and troops of the Russian Interior Ministry]. Moscow: Izd-vo Ob"ed. red. MVD Rossii.
13. Mulukaev, R.S. & Skilyagin, A.T. (1976) *Istoriya sovetskoy militsii: khronologicheskiy spravochnik* [The history of the Soviet militia: a chronological reference]. Leningrad: NIiRIO VPU MVD SSSR.
14. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9415. List 5. File 98. (In Russian).
15. *Boevoy post*. (1950). 7 April. (13).

Received: 9 February 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 178–186. DOI: 10.17223/15617793/397/27

УДК 94:338.43

О.В. Усольцева

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1950–1960-е гг.

Освещается государственная расселенческая политика 1950–1960-х гг., концентрируется внимание на практике проектирования сельского расселения Томской области, обобщаются итоги реализации созданных для районов Томской области схем и проектов районных планировок. На томском материале выявлен механизм выбора «перспективных» и «неперспективных» сельских населённых пунктов. Определено влияние произведённых преобразований сельской поселенческой сети на изменение характера взаимодействия советской деревни и власти.

Ключевые слова: сельское расселение; 1950–1960-е гг.; Томская область; сселение; районная планировка.

На фоне непрекращающейся деградации сибирской деревни реактуализируется проблема государственного стимулирования устойчивого развития сельских территорий. Управленческий здравый смысл, а не только ностальгия, заставляют обратиться ко всему многообразию социально-экономических и культурно-духовных условий воспроизводства населения, свойственных некогда только деревне. Традиционно одним из объектов, на который в этой связи направлено управленческое воздействие власти, является сельское расселение. Сетовать на то, что у нас в Сибири вообще и в Томской области в частности мало людей, недостаточно, нужна адекватная расселенческая политика, вскрывающая естественные предпосылки улучшения демографической ситуации. Непреложным следствием побуждения людей жить в сельской местности вновь становится вопрос об исторически сложившейся сельской поселенческой сети, которая в послевоенное время испытала на себе пресс не только теории, но и противоречивой практики перманентных преобразований. Так вот, исторический опыт – «сын ошибок трудных» теории и практики преобразования сельского расселения, в надежде, что он будет востребован, категорически нуждается на современном этапе в научном обобщении.

Ещё в предвоенный период в плановом порядке было ликвидировано расселение в виде мелких хуторов и выселков и удалось сконцентрировать колхозное производство в пределах отдельных деревень. Несмотря на чрезмерные потери мужского населения в Великой Отечественной войне, что привело к повсеместному уменьшению людности сельских населённых пунктов и к утрате ими былого потенциала для развития колхозного производства, сложившуюся поселенческую сеть как оптимальную основу для развития колхозного производства предполагалось сохранить. Однако послесталинские концептуальные подходы реанимировали модернистское видение перспектив развития сельскохозяйственного производства и деревни как поселенческой единицы. На заседании Президиума ЦК КПСС 1 апреля 1958 г. было отменено закрытое письмо ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1951 г. «О задачах колхозного строительства в связи с укрупнением мелких колхозов», в котором были осуждены идеи, содержащиеся в статье Н.С. Хрущёва «О строительстве и благоустройстве в колхозах», опубликованной в газете «Правда» 4 марта 1951 г. В том письме по-сталински жёстко была пресечена попытка подменить производственную задачу в сельском хозяйстве задачей немедленного переустройства быта колхозников. Партийным организациям директивно предписывалось «исходить из того, что объединение мелких колхозов не означает обязательного создания в каждом колхозе единого населённого пункта путём сселения деревень [1. Т. 18. С. 680]». И вот, спустя семь лет былой взгляд Н.С. Хрущёва признаётся правильным и объективным, и в соответствии с ним формируется политическая повестка дня.

В развитие идеологически обоснованной на декабрьском (1958 г.) Пленуме ЦК КПСС задачи приблизить труд колхозников к труду индустриальных рабочих, а условия жизни в деревне сделать неотличимыми от условий социалистического города устами Первого секретаря ЦК КПСС на декабрьском (1959 г.) Пленуме заявлялось категорично, что большое количество мелких населённых пунктов является главным препятствием в развитии сельской местности как в производственном, так и в культурно-бытовом отношении. Далее, в Программе КПСС, принятой XXII съездом в октябре 1961 г., данный курс концептуально закреплялся и его историческая перспектива становилась непреложным императивом: «Постепенно колхозные деревни и сёла преобразятся в укрупнённые населённые пункты городского типа с благоустроенными жилыми домами, коммунальным обслуживанием, бытовыми предприятиями, культурными и медицинскими учреждениями. В конечном счёте по культурно-бытовым условиям жизни сельское население сравняется с городским» [2. С. 83].

Партийная линия немедленно стала воплощаться и в теории, и на практике. В Постановлении декабрьского (1959 г.) Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем развитии сельского хозяйства» говорилось: «Рост сельскохозяйственного производства, увеличение общественных доходов колхозов, улучшение благосостояния колхозников сопровождаются большим размахом строительства на селе. Необходимо, чтобы проектные организации сейчас приступили к разработке схем районных и внутрихозяйственных планировок. В этих схемах должны быть предусмотрены перспективы развития и специализации сельскохозяйственного производства, рациональное размещение производственных и общественных зданий, жилых

массивов, электрификация, водоснабжение, дорожное строительство и связь, дальнейшее развитие населённых пунктов колхозов и совхозов» [3].

Нужно отметить, что применительно к задачам, которые ставились перед промышленностью, районные планировки выказывали свою продуктивность, помогали избежать ошибок в размещении производства и расселении рабочих, в том числе и на перспективу. Посредством составления районных планировок также были эффективно решены задачи организации новых колхозов и совхозов при освоении целинных земель. Видимо, эти успехи породили иллюзию универсальности такого метода.

В 1950-е гг. исторически сложившаяся сельская поселенческая сеть не только по мнению властей, но и уже в общественном (но не крестьянском) сознании входила в противоречие с грандиозными задачами социалистического и коммунистического строительства. Улучшение географического размещения промышленности и сельского хозяйства приобретало с середины 1950-х гг. характер идеи фикс. Вместе с тем в литературе того времени отмечалось, что создание районных планировок сельских районов шло с большими затруднениями [4. С. 43–44]. Да это и понятно. Дело в том, что в части планирования размещения промышленного производства и нового сельскохозяйственного производства вопрос в большей степени был техническим.

Что же касается локализации сельскохозяйственного производства в местах, традиционно уже обжитых, то перед «планировщиками» возникал целый ряд задач социального и даже гуманитарного характера. В районных планировках в отношении сельского расселения необходимо было провести классификацию существующих населённых пунктов по их значимости в хозяйственной жизни колхозов и районов и выявить сёла и деревни, которые должны были стать основой дальнейшего развития как центры по-городскому благоустроенных укрупнённых колхозов. Значительная часть традиционной вообще и русской сибирской деревни в частности, в связи с необходимостью (как отмечалось в процессе обсуждения проблем сельскохозяйственного строительства на состоявшемся в Москве в апреле 1958 г. третьем Всесоюзном совещании по строительству [5. С. 132]) рационального размещения сельскохозяйственного строительства на территории района, а становилась обременением. Логично формулировалась как абсолютно приемлемая идея всяческого сселения. Или, как писалось в партийных документах, следовало так тщательно составить схемы районных планировок и внутрихозяйственных планировок колхозов и совхозов, чтобы избежать бросовых затрат при строительстве на селе [6. С. 31]. То есть экономически детерминированный взгляд на судьбу деревни в это время не подвергался сомнению как единственно верный.

18 июня 1960 г. Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР приняли Постановление № 917 «О мерах по улучшению сельского строительства». В нём описывались недостатки сельского строительства, в числе которых было то, что «застройка населенных пунктов и хозяйственных центров колхозов и совхозов ведется без необходимых районных и внутрихозяйственных планировок, производственные постройки размещаются без учета специализации и перспектив развития хозяйства, вместо укрупнения основных населенных пунктов допускается строительство новых жилых домов в мелких поселках, которые в дальнейшем необходимо будет сселять» (цит. по: [6. С. 31–32]). Налицо противоречие между реальной сельской жизнью и характером действий власти. В этой связи постановление предписывало проектным организациям разработать в течение 1960–1965 гг. схемы районной планировки сельских районов и на их основе проекты планировки и застройки сельских населенных пунктов и хозяйственных центров колхозов и совхозов. Постановление обязало Госстрой РСФСР и Министерство сельского строительства РСФСР разработать в течение 1960 г. методические указания по районной планировке сельских районов и по внутрихозяйственной планировке. Также указывалось, что Советы Министров союзных республик, крайисполкомы и облисполкомы должны принять меры, чтобы в мелких населенные пунктах, которые должны будут сселяться, новое строительство не производилось [6. С. 32].

В эти годы возникли и очень быстро закрепились в управленческом лексиконе термины «перспективные» и «неперспективные» деревни. В частности, они употреблялись на совещании по градостроительству в Москве (1960 г.), а также в опубликованных в тот же год НИИСельхозстроем Министерства сельского хозяйства СССР «Правилах застройки сельских населенных пунктов РСФСР» [7. С. 74; 8. С. 19; 9. С. 27]. Согласно инструкции по составлению схем районной планировки сельскохозяйственных районов РСН 01-60, утверждённой Государственным комитетом Совета Министров СССР по делам строительства и Министерством сельского хозяйства РСФСР и введённой в действие с 1 января 1960 г., они должны были стать основой для определения размеров и размещения центральных и других перспективных селений колхозов, центральных усадеб и отделений совхозов, производственных комплексов совхозов и колхозов [10. С. 471].

Во исполнение инструкции в 1962 г. научно-исследовательским институтом градостроительства и районной планировки Академии строительства и архитектуры СССР при участии Всесоюзного научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства (ВНИИЭСХ) были разработаны методические указания по составлению схем планировки сельскохозяйственных районов [11. С. 4]. В них чётко указывалось, что существующие населённые пункты делятся на перспективные, подлежащие укрупнению и благоустройству, и неперспективные, подлежащие постепенной ликвидации по мере амортизации жилого фонда. В населённых пунктах, отнесённых к категории неперспективных, методические указания запрещали предусматривать капитальное строительство [Там же. С. 41].

Поистине революционный характер намечающихся преобразований стал для всех очевидным и не-

оспоримым, т.е. научно-оправданным после того, как в 1961–1964 гг. были проведены исследования ВНИИЭСХ и Института экономики АН СССР по определению оптимальных размеров социалистических сельскохозяйственных предприятий и их внутрихозяйственных подразделений. Результаты этого исследования были опубликованы [12]. Авторы констатировали, что сельское население страны в основном проживало в мелких населённых пунктах. Они говорили о необходимости создания вместо существующих деревень и других мелких сельских населённых пунктов крупных и благоустроенных посёлков городского типа, в которых будет концентрироваться всё большая часть работников сельскохозяйственного производства [Там же. С. 80]. В целях более рационального использования капитальных вложений сельские населённые пункты по своему хозяйственному значению были разделены на три основные группы:

а) перспективные посёлки, в которых должно производиться строительство зданий всех типов и полное благоустройство;

б) относительно крупные посёлки при крупных животноводческих фермах, в которых возможно строительство школ, магазинов и других крайне необходимых общественных зданий, но с тем, чтобы новые здания по долговечности не превышали срока службы самого посёлка;

в) неперспективные посёлки, в которых не разрешается никакого нового строительства и которые постепенно переносятся в другие [Там же. С. 109].

Таким образом, с этого времени требовалась практическая реализация в некотором роде технического задания с допустимыми корректировками в зависимости от специфики регионов от вновь вскрывающихся обстоятельств социального и политического толка и элементарная исполнительская дисциплина всех управленческих звеньев, вовлечённых в столь масштабное мероприятие. В помощь исполнителям преобразования села из недр Госстроя СССР, Главка землепользования и землеустройства Минсельхоза СССР, Госгражданстрой СССР и различных академических институтов было обеспечено мощное методическое сопровождение [13. С. 42; 14. С. 39]. Однако как раз данный прикладной аспект оказался противоречивым и трудновыполнимым.

Так, составление проектов районной планировки для районов Томской области затянулось на все 1960-е гг. Первый этап разработки проектов районной планировки в Томской области пришёлся на 1960–1964 гг. Томский облисполком 17 мая 1960 г. поручил проектным организациям г. Томска разработать в 1960 г. схемы районных планировок для Томского, Асиновского и Кожевниковского районов. Выполнить их должны были соответственно «Теплоэлектропроект», «Томгипротранс» и «Облпроект» [15. Л. 147–148]. Райисполкомам было поручено совместно с главными экономистами проектов к 1 июня 1960 г. подготовить и предоставить облисполкому для утверждения задания на разработку схем районных планировок. Для разрешения основных вопросов, связанных с разработкой схем районных планировок, в том числе с уточнением заданий на проектирование и разработку схем районной планировки, а также для подготовки этого вопроса на рассмотрение и утверждение облисполкома, была создана комиссия из руководителей облсельхозуправления, облкомхоза, облплана, облздравотдела, облоно, облместпрома, областного отдела культуры, облпотребсоюза, управления пищевой промышленности совнархоза, промкооперации [15. Л. 149]. Позднее комиссию по рассмотрению схем районных планировок возглавил заместитель председателя облисполкома [16. Л. 81].

Впоследствии работа по составлению схем и проектов районных планировок сельскохозяйственных районов Томской области была сосредоточена в Сибирском государственном институте по проектированию сельскохозяйственного строительства «Сибгипросельхозстрой» (г. Новосибирск), созданном Приказом Министерства сельского строительства РСФСР от 19 декабря 1958 г. путём объединения трёх новосибирских проектных институтов. В Томске с 1962 г. существовала экспедиция этого института, однако схемы и проекты районных планировок она не составляла.

Томская область активно включилась в работу по планировке сельской местности, о чём свидетельствует следующий набор исполнительских действий. В 1961 г. институт «Сибгипросельхозстрой» составил проекты районной планировки Колпашевского, Молчановского и Томского районов [17. Л. 147–148], в 1962 г. довёл до завершения схему районной сельскохозяйственной планировки Томского сельского района, которую Томский облисполком 6 июня 1962 г. утвердил [18. Л. 158]. В 1962 г. была начата разработка схем районных планировок Туганского, Чаинского и Шегарского районов. 28 февраля 1962 г. облисполком обязал председателей райисполкомов подготовить исходные данные для составления этих схем [19. Л. 147]. 5 сентября 1963 г. облисполком утвердил проекты заданий на составление схем районных планировок Кривошенского и Чаинского производственных управлений, разработанные институтом «Сибгипросельхозстрой» совместно с производственными управлениями и райисполкомами [20. Л. 133]. 16 апреля 1964 г. облисполком рассмотрел и утвердил проект планировки пригородной зоны г. Томска, разработанный проектным институтом «Гипрокоммунстрой» и проект сельскохозяйственной планировки Томского района, разработанный проектным институтом «Сибгипросельхозстрой» [21. Л. 13–14]. 21 февраля 1964 г. Томский облисполком распорядился разработать задание на составление схемы районной планировки Парабельского района. 3 июня 1964 г. оно было рассмотрено бюро парткома Парабельского производственного колхозно-совхозного управления и позднее было утверждено облисполкомом [22. Л. 11]. 16 октября 1964 г. Томский облисполком утвердил задание на составление схемы районной планировки Зырянского района [23. Л. 3], 9 июня 1965 г. – Шегарского и Молчановского районов [24. Л. 19]. В тематическом плане института «Сибгипросельхозстрой» на 1964 г.

значится разработка районных планировок Парабельского, Зырянского, Асиновского и Бакчарского районов Томской области [25. Л. 233], на 1965 г. – Кожевниковского, Молчановского и Шегарского районов Томской области [26. Л. 164], на 1966 г. – Молчановского, Кривошеинского, Колпашевского, Первомайского, Асиновского, Чаинского районов Томской области [27. Л. 124].

Однако, несмотря на проделанную огромную работу, в 1966–1969 гг. районные планировки вынужденно подверглись массовой корректировке. Одновременно с этим велось создание районных планировок тех районов, для которых ранее они не были составлены. Причинами корректировки стали изменения административно-территориального деления области в 1960-е гг., ошибки в проектировании, вызванные несовершенством методики составления районных планировок и недостаточным опытом. Кроме того, в эти годы в русле фундаментальных решений февральского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС и XXIII съезда КПСС (1966 г.) составлялись и многократно корректировались планы интенсификации сельскохозяйственного производства и его составной части – специализации, что тормозило выбор перспективных сельских (из числа сельскохозяйственных) населённых пунктов и, соответственно, вынуждало многократно корректировать районные планировки.

Значительные изменения административно-территориального деления области произошли в начале 1963 г., когда решением Томского облисполкома № 48 от 8 февраля 1963 г. были укрупнены районы Томской области и созданы на их основе четыре промышленных и восемь сельскохозяйственных районов [28. Л. 59–62]. Вследствие этого Томской облисполком вынужден был заказывать корректировки только что созданных проектов. Так, например, 28 января 1963 г. распоряжением № 40-р Томский облисполком утвердил схемы районных планировок Чаинского, Туганского и Шегарского районов, разработанные в 1962 г., и тут же распорядился просить проектный институт в связи с укрупнением районов внести соответствующие коррективы в ранее разработанные схемы районных планировок бывших Томского, Чаинского, Шегарского и Кривошеинского районов [29. Л. 84].

Разукрупнение районов в 1965 г. опять вызвало необходимость вносить изменения в схемы и проекты районных планировок [30. Л. 9–11]. Распоряжением Томского облисполкома № 195-р от 26 апреля 1966 г. проектному институту было выдано задание на корректировку составленных в 1963–1964 гг. проектов районной планировки Асиновского и Кривошеинского районов. Это стало необходимым в связи с тем, что решением Томского облисполкома от 15 января 1965 г. из состава Асиновского района был выделен Первомайский район, из состава Кривошеинского – Молчановский. 3 декабря 1966 г. Томский облисполком откорректированные проекты утвердил. 8 апреля 1968 г. решением № 61 Бакчарского райисполкома было утверждено задание на корректировку схемы районной планировки Бакчарского района [31. Л. 4–9]. 16 апреля 1969 г. Томский облисполком утвердил задания институту «Сибгипросельхозстрой» на составление схем районных планировок Шегарского и Александровского районов [32. Л. 145].

Таким образом, на протяжении 1960-х гг. многие районы области в конечном итоге получили по два-три проекта районной планировки. Большинство из этих проектов в конце десятилетия были признаны устаревшими, были списаны и подлежали уничтожению [19. Л. 147–148].

В середине 1960-х гг. была признана целесообразной и начата разработка сводной схемы районной планировки Томской области. Первая часть её (стадия технико-экономического доклада) была выполнена Государственным институтом проектирования городов «Гипрогор» (г. Москва) в 1965 г. и 9 марта 1967 г. была утверждена Томским облисполкомом [33. Л. 5]. Через год работу продолжил институт «Сибгипросельхозстрой», которому 6 марта 1968 г. Томский облисполком поручил разработать в 1968–1970 гг. проект районной планировки сельскохозяйственных районов Томской области. Для координации и оперативного решения вопросов, связанных с разработкой проекта, была создана областная комиссия по районной планировке. Одновременно с работой над проектом «Сибгипросельхозстрой» должен был откорректировать схемы районной планировки отдельных районов, созданные ранее, а также разработать схемы районных планировок Александровского, Тегульдетского и Верхнекетского административных районов, для которых к этому времени ещё не были составлены схемы районных планировок [34. Л. 16].

Изначально районные планировки мыслились не только универсальным инструментом расселенческой политики, но и, в первую очередь, средством интенсификации сельскохозяйственного производства, средством «комплексного решения вопросов перспективного развития сельскохозяйственного производства и размещения сельскохозяйственного строительства» [Там же. Л. 14]. Вместе с тем, как уже отмечалось, с середины 1950-х гг. велось интенсивное производственное строительство в сельской местности, направления и темпы которого «планировщики» регулировать не успевали. К тому же к началу 1960-х гг. в деревне парадоксальным образом образовалась избыточная масса вступающего во взрослую жизнь поколения молодых людей, для которых радикальное преобразование всей сельской жизни оказало выталкивающий в город эффект. Деревня же в части остающихся в ней жителей продолжала жить по инерции в русле традиционных ценностей. Формализация понятия деревни, которая должна исчезнуть, создавала только ещё предпосылки к формированию нового понимания традиционной деревни как культурологической, мировоззренческой, ценностной категории, требующей сохранения.

В этой связи важно конкретизировать уровни управленческой вертикали, на которых институализировались новые типы деревень: «перспективные» и «неперспективные». Из правительственных постановлений, инструкций, а также из делопроизводственных

материалов отчетливо видно то, как создавались районные планировки в части определения «неперспективных» и «перспективных» сельских населенных пунктов. Процедура выбора перспективных и неперспективных населённых пунктов прописана, в частности, в инструкции 1960 г. В ней указывалось, что разработку задания на проектирование должен производить райисполком с участием специалистов проектной организации [10. С. 471]. Руководящие работники райисполкома, председатели сельских Советов, правлений колхозов, директора совхозов и специалисты колхозов и совхозов, а также других сельскохозяйственных предприятий и организаций должны были принимать непосредственное или опосредованное участие в разработке схем и проектов районной планировки и на последующих этапах. В Постановлении Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР № 917 от 18 июня 1960 г. «О мерах по улучшению сельского строительства» значилось, что на Советы Министров союзных республик, крайисполкомы и облисполкомы возлагается обязанность до завершения работ по составлению схем районных и внутрихозяйственных планировок утвердить по представлению райисполкомов перечень населенных пунктов, которые «целесообразно развивать и вести в них новое строительство» [6. С. 32].

В Томской области разработку задания на проектирование осуществляли сотрудники райисполкомов и производственных управлений совместно со специалистами института «Сибгипросельхозстрой». Для этого в районах создавались комиссии. Так, к примеру, распоряжением облисполкома от 21 февраля 1964 г. № 72-р райисполкомы и колхозно-совхозные управления Асиновского, Бакчарского, Зырянского и Парабельского районов обязаны были создать комиссии по рассмотрению схем районных планировок и представлять проектному институту необходимые материалы, а также консультативно принимать участие в разработке схем районных планировок [35. Л. 118]. В состав комиссии входили, например, в 1964 г. в Асиновском районе, заместитель председателя райисполкома (председатель комиссии), председатель райплана, главврач райбольницы, главврач санэпидемстанции, райпожинспектор, районный архитектор, заведующий горкомхозом, заведующий конторой коммунальных предприятий, главный землеустроитель производственно-колхозного управления [36. Л. 19]. Сформулированное задание, в котором содержались основные технико-экономические показатели проекта, а также списки перспективных и неперспективных деревень, принималось райисполкомом либо бюро райкома, одобрялось областной комиссией по схемам районных планировок и после этого утверждалось распоряжением облисполкома и передавалось в проектную организацию. Те же самые инстанции проходили изготовленный проект и схемы районных планировок. Готовые районные планировки высылались в район в двух экземплярах. Один из них хранился у землеустроителя, второй – у архитектора. К примеру, в приложении к схеме районной планировки Асиновского района (1966 г.) приводится копия постановления бюро Асиновского райкома КПСС и исполкома районного Совета депутатов трудящихся от 18 апреля 1966 г. «Об утверждении задания на корректировку схемы районной планировки Асиновского района» со списком перспективных и неперспективных населённых пунктов района [37. С. 197–198, 225–227].

Таким образом, ярлык неперспективности на конкретные деревни вешали непосредственно районные власти, но на основе информации с мест. В определённом смысле районное начальство в окончательном решении было индуцировано корпоративными интересами сельской бюрократии. А проектные институты лишь проверяли произведенную типологию на соответствие имеющимся инструкциям и вносили присланные списки в схемы и проекты районных планировок. В случае изменения районными властями видения перспективности того или иного населённого пункта они обращались в проектный институт с просьбой внести изменения в районную планировку. Так, к примеру, в распоряжении Томского облисполкома № 434-р от 22 июля 1970 г. значилось: «В связи с изменившейся специализацией совхоза “Рыбаловский” Томского района считать посёлок “Кудринский участок” совхоза “Рыбаловский” перспективным населённым пунктом. <…> Поручить областному управлению сельского хозяйства откорректировать схему планировки Томского района» [38. Л. 85]. Аналогично в распоряжении Томского облисполкома № 68-р от 12 февраля 1970 г. указывалось: «В связи с неблагоприятными условиями застройки село Новиковка капитальными зданиями принять предложение Асиновского райисполкома – определить село Вороно-Пашня центральной усадьбой колхоза “Заря” и перспективным селом, а село Новиковка считать отделением колхоза. Поручить Новосибирскому институту “Сибгипросельхозстрой” внести соответствующие коррективы в схему планировки Асиновского района» [39. Л. 176]. Однако всего через несколько месяцев Асиновский райисполком в решении № 239 от 22 июля 1970 г. говорил о необходимости «…оставить с. Новиковка центральной усадьбой совхоза “Новиковский” согласно схеме районной планировки» и просил в этой связи облисполком аннулировать распоряжение № 68-р от 12 февраля 1970 г. об утверждении с. Вороно-Пашня центральной усадьбой совхоза «Новиковский» [40. Л. 28].

Ещё одним примером является распоряжение Томского облисполкома № 92-р от 25 февраля 1972 г. «О частичном изменении проектов районных планировок Асиновского, Бакчарского и Каргасокского районов», в котором значилось: «…принять предложения Асиновского, Бакчарского и Каргасокского райисполкомов о внесении в проекты районных планировок следующие изменения: Асиновский район. Населённые пункты Победа, Михайловка, Верх-Курья и Митрофановка наметить как пункты ограниченного развития. Отнести к числу неперспективных населённых пунктов второй очереди сселения с. Феоктистовка. Бакчарский район. Населённый пункт Чумакаевка наметить как пункт ограниченного развития. Карга-

сокский район. Отнести к числу неперспективных населённых пунктов первой очереди сселения посёлки Прорыто и Молочно-товарная ферма» [41. Л. 147].

Такой механизм, когда именно районные власти предопределяли, какие деревни являются перспективными, а какие нет, делал их субъектом управления преобразованием поселенческой сети. Немаловажно понять, в каких управленческих рамках находилось само районное начальство. Последнее, обретя посреднические функции между властью и народом в послевоенный период, к началу 1960-х гг. в качестве объекта управления имело уже укрупнённые колхозы и совхозы с центральными усадьбами и отделениями, и, как следствие, отдельная деревня утратила для него значение. Задания спускались на колхозы и совхозы и декларировались последними как планы развития. Способность выполнять плановые показатели и предопределяла судьбу деревень. Образовалась смычка районного начальства и правлений колхозов (дирекций совхозов), в которой роль районного звена становилась всё более формальной, а так называемая деревенская элита, сосредоточившаяся в центральных усадьбах, спекулятивно вооружилась модернистскими установками партии и правительства и де-факто реализовывала право определять судьбу малых деревень – периферии центральных усадеб.

Рубежные итоги всего комплекса преобразовательных мероприятий в отношении советской деревни, призванных сблизить город и деревню и, как следствие, сделать сельскохозяйственное производство качественно и количественно более эффективным, подвели совещание-семинар, состоявшееся в Минске в июле 1968 г., посвящённое переустройству сёл в свете решений XXIII съезда КПСС, и последовавшие за ним партийно-правительственные решения. Многие участники совещания-семинара в своих докладах констатировали недостатки в сельском строительстве, в частности, как и за десять лет до этого, отмечали бессистемность в застройке населённых пунктов, отсутствие генеральных планов и проектов планировки и застройки, невыполнение планов строительства, большое распыление капиталовложений по мелким объектам. Повторяли, что наличие проектов районной планировки сельскохозяйственных районов и проектов планировки и застройки сельских населённых мест и их строгое соблюдение – обязательное условие ведения сельского строительства [42. С. 14–15].

Однако откровенная рефлексия в связи с повсеместным пробуксовыванием практически всего связанного с сельской действительностью никоим образом не означала сомнений в правильности расселенческой политики. Индикатором проблемности этой политики была неэффективность использования капиталовложений в сельскохозяйственное строительство и главным образом распыление финансовых средств по мелким объектам строительства. Как основной вывод была сформулирована необходимость совершенствования мероприятий по переустройству села до достижения коренных изменений сельского расселения. Примечательно, что звучали ноты задействования политической воли в деле переустройства села. Мобилизующе звучал тезис по «определению мер по разумному ограничению или даже недопущению капитальных вложений в строительство остальных сёл и посёлков» [42. С. 19].

По итогам минского совещания-семинара 12 сентября 1968 г. вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 728 «Об упорядочении строительства на селе» [43. С. 327–331]. В постановлении предписывалось в течение пяти лет завершить разработку планов районной планировки и генеральных планов застройки центральных усадеб совхозов и колхозов, а также внести необходимые уточнения в составленные ранее проекты.

Основываясь на данном постановлении, институт «Сибгипросельхозстрой», для выяснения того, как практически были выполнены разработанные им в 1966 г. проекты районной планировки Асиновского и Молчановского районов, в 1969 г. провёл проверку их реализации. При проверке отдельно рассматривался вопрос сселения неперспективных населённых пунктов. Было установлено, что организованного (принудительного) сселения из-за недостатка финансовых ресурсов проводилось намного меньше, чем было запланировано. Отмечалось, что сселение населения из неперспективных населённых пунктов, намечаемых к сселению в первую очередь, не запланировано и в годовых отчётах хозяйств не отражено, и, соответственно, в годовых производственных и финансовых планах совхозов и колхозов средства на эти цели не предусмотрены. То есть сселение неперспективных населенных пунктов в проверенных районах носило «неорганизованный, можно сказать, стихийный характер». Население из неперспективных населённых пунктов переселилось на центральные усадьбы хозяйств или в другие населённые пункты, или же выехало за пределы района [Там же. С. 9, 25]. Проверка показала, что чаще всего население покидало мелкие населённые пункты, где не было школ, клубов, в которых было плохое жилье, которые были отдалены от транспортных путей [44. С. 9]. Вызывающее беспокойство сокращение населения в районе также объяснялось уходом молодежи в города на учёбу и на работу в промышленности [Там же. С. 29].

Однако сопоставление планов сселения, содержащихся в районных планировках Парабельского (1964 г.), Бакчарского (1964 г.), Кожевниковского (1965 г.) и Асиновского (1966 г.) районов, с материалами переписи населения 1970 г. показывает, что навешанный на деревню ярлык «неперспективной» всё-таки предопределял её исчезновение, пусть и не в строгом соответствии с предписанными сроками сселения. Так, из 106 населённых пунктов, которые в этих районах были названы перспективными, исчез к концу десятилетия только один. В то же время из 55 сельских населённых пунктов, запланированных к сселению в первую очередь (в период до 1970 г.), исчезло 30. Кроме того, во второй половине 1960-х гг. исчезли 12 сельских населённых пунктов из 79, сселить которые планировалось во вторую очередь (по-

сле 1970 г.) [21. Л. 32; 36. Л. 225–226; 45. Л. 35–95; 46. Л. 28–29; 47. Л. 157–158].

В проектах районных планировок районов Томской области, составленных в 1960-е гг., неперспективными были названы (в зависимости от района и времени составления проекта) от 29,4 до 74,6% от общего числа сельских населённых пунктов [21. Л. 32–33; 47. Л. 157–158; 48. Л. 9–10; 49. Т. 1. Л. 7; 50. Т. 1. Л. 8].

Обеспечение перспективных населённых пунктов проектами планировки и застройки было обязательным, но эта работа также проводилась медленно, что тормозило застройку и благоустройство населённых пунктов. Так, в Асиновском районе из 44 перспективных населённых пунктов к 1969 г. проектами планировки и застройки были обеспечены только 8 (18%), в Молчановском – из 36 только 5 (14%). На остальные перспективные населённые пункты были заказаны проекты планировок, выполнение которых полностью подразумевалось к 1970 г.

Анализ того, как выполнялись запроектированные в районных планировках объёмы строительства, показывает, что строительство производственных помещений (коровников, телятников, птичников), а также автогаражей производилось в указанных районах с перевыполнением плана, а строительство детских учреждений, клубов, жилищное строительство значительно отставали от плана. Совсем не строились фельдшерско-акушерские пункты, больницы, школьные интернаты, торговые центры, магазины, столовые, хлебопекарни. Запрет на строительство в неперспективных населённых пунктах соблюдался. Проектный институт сделал вывод, что нужно форсировать культурно-бытовое и жилищное строительство, «так как иначе был большой отток населения» [44. Л. 17].

Для Томской области в конце 1960-х гг. был разработан обобщающий документ, получивший название «Проект районной планировки сельскохозяйственных районов Томской области» [51]. 19 марта 1971 г. решением Томского облисполкома он был утверждён [52. Л. 24].

Этот документ содержал обновлённый перечень подлежащих сселению сельских населённых пунктов, более широкий по сравнению с теми перечнями, которые были в составленных ранее районных планировках отдельных административных районов. 1970–1980-е гг. интересны с точки зрения реализации расселенческой политики с учётом новых реалий, требующих специального исследования. Предшествующий же этому этап переустройства деревни ознаменовался разработкой не только урбанистических общих принципов и подходов, но и количественных и качественных параметров организованной укрупнённой поселенческой сети по стране вообще и в Томской области в частности. Были сделаны первые реальные шаги в виде создания нормативных и планировочных документов. Реально сселили, по общему признанию, в этот период мало, но, усилив естественные процессы свёртывания поселенческой сети, создали предпосылки к организованному и принудительному процессу фатально необратимого исчезновения малых деревень впоследствии.

Именно в 1960-е гг. была окончательно выхолощена традиционная сущность деревенской жизни. Село и сельское хозяйство удалось максимально упростить для экономически детерминированного управления. Колхозный крестьянин уступил место сельскохозяйственному рабочему, который как объект управления открывал уже иную страницу в истории сельской поселенческой сети. По большому счёту, с пережитками досоветского прошлого было покончено. Село утратило всякую самостоятельность, его судьба целиком и полностью попадала в зависимость от благоволения государства. Наступало время торжества патернализма по отношению к деревне. Быть или не быть ей, уже, как правило, от неё не зависело.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сталин И.В.* Сочинения. Тверь : Информационно-издательский центр «Союз», 2006. 685 с.
2. *Программа* Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. М. : Политиздат, 1961. 144 с.
3. *Правда*. 1959. 27 дек. (№ 361).
4. *Рязанов В.* Вопросы районной планировки сельских местностей // Архитектура СССР. 1956. № 4. С. 42–50.
5. *Ковалёв С.А*. Географическое изучение сельского расселения. М. : Изд. МГУ, 1960. 340 с.
6. *Ивченко С.А*. Сельское расселение в Тамбовской области в 1959–1989 гг. : дис. … канд. ист. наук. Тамбов, 2003. 244 с.
7. *Хорев Б.С.* Вопросы совершенствования научно-технической политики в области развития сельских населённых мест // Демографическая ситуация и расселение населения в сельской местности РСФСР. М, 1986. С. 70–77.
8. *Беленький В.Р.* Российская деревня: из прошлого в будущее. М. : Общество «Знание» РСФСР, 1991. 56 с.
9. *Мазур Л.Н*. Политика реконструкции российской деревни (конец 1950-х – 1980-е гг.) // Отечественная история. 2005. № 3. С. 25–37.
10. *Инструкция* по составлению схем районной планировки сельскохозяйственных районов РСН 01-60 (извлечение) // Справочник законодательства по капитальному строительству в колхозах. М. : Юрид. лит., 1964. С. 469–473.
11. *Методические* указания по составлению схем планировки сельскохозяйственных районов. М. : Гос. изд-во лит-ры по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1962. 100 с.
12. *Оптимальные* размеры сельскохозяйственных предприятий. М. : Колос, 1965. 487 с.
13. *Прошляков В.П., Гординский Я.П.* Кто же их выдумал… «неперспективные» деревни // Достижения науки и техники. 1992. № 4. С. 37–50.
14. *Хорев Б.С.* Реконструкция сельского расселения: новый этап научно-технической политики // Вопросы географии. М. : Мысль, 1988. Сб. 132: Современное село: пути развития. С. 34–52.
15. *Государственный* архив Томской области (ГАТО) Ф. Р-829. Оп. 3. Д. 448.
16. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 3. Д. 492.
17. *Государственный* архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1829. Оп. 1. Д. 50.
18. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 3. Д. 484.
19. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 3. Д. 490.
20. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 3. Д. 508.
21. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 3. Д. 514.
22. *Центр* документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 5407. Оп. 1. Д. 64.
23. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 7. Д.5097.

24. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 3. Д. 545.
25. ГАНО Ф. Р-1829. Оп. 1. Д. 47.
26. ГАНО Ф. Р-1829. Оп. 1. Д. 58.
27. ГАНО Ф. Р-1829. Оп. 1. Д. 79.
28. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 3. Д. 497.
29. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 3. Д. 506.
30. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 7. Д. 5336.
31. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 7. Д. 6302.
32. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 3. Д. 671.
33. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 3. Д. 617.
34. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 3. Д. 651.
35. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 3. Д. 521.
36. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 7. Д. 4999.
37. *Текущий* архив администрации Муниципального образования «Асиновский район» (г. Асино Томской области). Схема районной планировки Асиновского района Томской области, 1966 г. 229 с.
38. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 3. Д. 695.
39. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 3. Д. 692.
40. *Муниципальный* архив администрации Муниципального образования «Асиновский район» (г. Асино Томской области). Ф. 22. Оп. 1. Д. 1355.
41. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 3. Д. 735.
42. *Новиков И.Т.* О мерах по дальнейшему повышению организационного и технического уровня работы по переустройству сёл и деревень в свете решений XXIII съезда КПСС // Переустройство сельских населённых мест в свете решений XXIII съезда КПСС. Материалы совещания-семинара (Минск, июль, 1968 г.), М. : Изд-во лит-ры по строительству, 1969. С. 11–42.
43. *Переустройство* сельских населённых мест в свете решений XXIII съезда КПСС : материалы совещания-семинара (Минск, июль, 1968 г.). М. : Изд-во лит-ры по строительству, 1969. 335 с.
44. *Текущий* архив администрации Муниципального образования «Асиновский район» (г. Асино Томской области). Результаты проверки реализации проектов районной планировки Асиновского и Молчановского районов (1969 г.). 72 с.
45. *Численность* населения по каждому населённому пункту Томской области по итогам ежегодного учёта и Всесоюзных переписей населения за период с 1959 по 1989 г. Томск : Том. обл. управление статистики, 1990. 95 с.
46. ЦДНИ ТО. Ф. 5399. Оп. 1. Д. 47.
47. ЦДНИ ТО. Ф. 252. Оп. 3. Д. 5.
48. ЦДНИ ТО. Ф. 5411. Оп. 1. Д. 22.
49. *Текущий* архив Департамента архитектуры, строительства и дорожного комплекса Администрации Томской области. Проект районной планировки Асиновской группы районов Томской области (Первомайский район). 1986 г.
50. *Текущий* архив Департамента архитектуры, строительства и дорожного комплекса Администрации Томской области. Проект районной планировки Асиновской группы районов Томской области (Тегульдетский район). 1986 г.
51. *Текущий* архив Департамента архитектуры, строительства и дорожного комплекса Администрации Томской области. Проект районной планировки сельскохозяйственных районов Томской области. 1970 г.
52. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 3. Д. 703.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 февраля 2015 г.

THEORY AND PRACTICE OF RURAL SETTLEMENT TRANSFORMATION IN TOMSK OBLAST IN 1950S-1960S

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 178–186. DOI: 10.17223/15617793/397/27

Usoltseva Olga V. Humanitarian Lyceum (Tomsk, Russian Federation). E-mail: usolzeva@list.ru

Keywords: rural population distribution; 1950s–1960s; Tomsk Oblast; resettlement; district layout.

By the end of the 1950s, a large number of small rural settlements of the country was called the main obstacle to the development of the rural settlement network in both production, cultural and community aspects. In this connection, the idea of the need to transform the collective villages into bigger urban settlements with comfortable houses was fixed in the program of the CPSU (1961). It was decided to start the reconstruction of the rural settlement network with the development of schemes of district and intra-farm layout that included the design of agricultural production location and the change of rural population distribution. Initially, it was very difficult to draw up the layout of agricultural districts with the already rooted population, because "planners" faced a lot of social and even humanitarian problems. In district layouts, it was necessary to classify the existing settlements according to their importance in the economic life of the collective farms and districts, to identify the rural settlements that were to become the basis for further development of urban centers of comfortable, consolidated farms. The other rural settlements fell into the encumbrance category, therefore, were to be relocated. The terms "promising" and "unpromising" villages arose and quickly established themselves in the management lexicon. Drafting of district layout of Tomsk Oblast continued during the 1960s. The first stage of the development of district layout projects in Tomsk Oblast was carried out in 1960– 1964. In 1966–1969, district layouts underwent significant adjustments due to the change in the administrative and territorial division of the region, the errors in the design caused by the imperfection of the methodology for district layout, and the lack of experience, because of the changes in plans for the development of agricultural production of the region. Throughout the 1960s, many districts of the region received 2–3 projects of district layout. At the end of the decade, most of them were considered to be outdated and to be subject to destruction. In these projects from 29.4 to 74.6 % of the total number of rural settlements were identified as unpromising, depending on the district and the time of drafting. The summary scheme of district layout of Tomsk region (began in the middle 1960s and completed by 1970) assumed the resettlement of almost half of the rural settlements of region. In the 1960s, only a small part of the rural settlements intended for resettlement was relocated in Tomsk Oblast. However, the increase of the natural processes of reducing the settlement network paved the way for the organized process of the fatally irreversible disappearance of small villages.

REFERENCES

1. Stalin, I.V. (2006) *Sochineniya* [Works]. Tver: Soyuz.
2. Anon. (1961) *Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza. Prinyata XXII s"ezdom KPSS* [The program of the Communist Party of the Soviet Union. Adopted by the XXII Congress of the CPSU]. Moscow: Politizdat.

3. *Pravda*. (1959). 27 December. (361).
4. Ryazanov, V. (1956) Voprosy rayonnoy planirovki sel'skikh mestnostey [Questions of regional planning of rural areas]. *Arkhitektura SSSR*. 4. pp. 42–50.
5. Kovalev, S.A. (1960) *Geograficheskoe izuchenie sel'skogo rasseleniya* [Geographical study of rural resettlement]. Moscow: Moscow State University.
6. Ivchenko, S.A. (2003) *Sel'skoe rasselenie v Tambovskoy oblasti v 1959–1989 gg.* [Rural resettlement in Tambov oblast in 1959–1989]. History Cand. Diss. Tambov.
7. Khorev, B.S. (1986) Voprosy sovershenstvovaniya nauchno-tekhnicheskoy politiki v oblasti razvitiya sel'skikh naselennykh mest [Issues of improvement of scientific and technical policy in the field of development of rural populated areas]. In: Gasilov, E.M. et al. (eds.) *Demograficheskaya situatsiya i rasselenie naseleniya v sel'skoy mestnosti RSFSR* [Demographic situation and resettlement of the population in rural areas of the RSFSR]. Moscow: Moskovskiy filial Geograficheskogo ob-va SSSR.
8. Belen'kiy, V.R. (1991) *Rossiyskaya derevnya: iz proshlogo v budushchee* [Russian village: from past to future]. Moscow: Obshchestvo "Znanie" RSFSR.
9. Mazur, L.N. (2005) Politika rekonstruktsii rossiyskoy derevni (konets 1950-kh – 1980-e gg.) [The policy of reconstruction of the Russian village (late 1950s – 1980s)]. *Otechestvennaya istoriya*. 3. pp. 25–37.
10. Anon. (1964) Instruktsiya po sostavleniyu skhem rayonnoy planirovki sel'skokhozyaystvennykh rayonov RSN 01-60 (izvlechenie) [Instruction on drawing up schemes of regional planning of agricultural districts RSN 01-60 (extract)]. In: Ivanov, V.D. (ed.) *Spravochnik zakonodatel'stva po kapital'nomu stroitel'stvu v kolkhozakh* [Reference book of the legislation on capital construction in collective farms]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
11. Anon. (1962) *Metodicheskie ukazaniya po sostavleniyu skhem planirovki sel'skokhozyaystvennykh rayonov* [Guidelines for the preparation of planning schemes of agricultural areas]. Moscow: Gos. izd-vo lit-ry po stroitel'stvu, arkhitekture i stroitel'nym materialam.
12. Plotnikov, K.N. et al. (1965) *Optimal'nye razmery sel'skokhozyaystvennykh predpriyatiy* [The optimal size of agricultural enterprises]. Moscow: Kolos.
13. Proshlyakov, V.P. & Gordinskiy, Ya.P. (1992) Kto zhe ikh vydumal… "neperspektivnye" derevni [Who invented them: "unpromising" villages]. *Dostizheniya nauki i tekhniki*. 4. pp. 37–50.
14. Khorev, B.S. (1988) Rekonstruktsiya sel'skogo rasseleniya: novyy etap nauchno-tekhnicheskoy politiki [Reconstruction of rural resettlement: a new stage of scientific and technical policy]. *Voprosy geografii*. 132. pp. 34–52.
15. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 3. File 448. (In Russian).
16. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 3. File 492. (In Russian).
17. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1829. List 1. File 50. (In Russian).
18. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 3. File 484. (In Russian).
19. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 3. File 490. (In Russian).
20. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 3. File 508. (In Russian).
21. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 3. File 514. (In Russian).
22. Centre for the Documentation of the Contemporary History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 5407. List 1. File 64. (In Russian).
23. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 7. File 5097. (In Russian).
24. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 3. File 545. (In Russian).
25. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1829. List 1. File 47. (In Russian).
26. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1829. List 1. File 58. (In Russian).
27. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1829. List 1. File 79. (In Russian).
28. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 3. File 497. (In Russian).
29. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 3. File 506. (In Russian).
30. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 7. File 5336. (In Russian).
31. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 7. File 6302. (In Russian).
32. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 3. File 671. (In Russian).
33. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 3. File 617. (In Russian).
34. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 3. File 651. (In Russian).
35. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 3. File 521. (In Russian).
36. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 7. File 4999. (In Russian).
37. The current archive of the municipal administration of Asino District (Asino, Tomsk Oblast). *Skhema rayonnoy planirovki Asinovskogo rayona Tomskoy oblasti, 1966 g.* [The scheme of regional planning of Asino District of Tomsk Oblast in 1966].
38. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 3. File 695. (In Russian).
39. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 3. File 692. (In Russian).
40. Municipal Archive of the Administration of municipal formation Asinovsky District (Asino, Tomsk Oblast). Fund 22. List 1. File 1355. (In Russian).
41. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 3. File 735. (In Russian).
42. Novikov, I.T. (1969) [On measures to further improve the organizational and technical level of work on the reconstruction of villages and settlements in the light of the XXIII Congress of the CPSU decisions]. *Pereustroystvo sel'skikh naselennykh mest v svete resheniy XXIII s"ezda KPSS* [Reconstruction of rural populated areas in the light of the XXIII CPSU Congress decisions]. Proc. of the meeting-seminar. July, 1968. Minsk. Moscow: Izd-vo lit-ry po stroitel'stvu. pp. 11–42. (In Russian).
43. Anon. (1969) *Pereustroystvo sel'skikh naselennykh mest v svete resheniy XXIII s"ezda KPSS* [Reconstruction of rural populated areas in the light of the XXIII CPSU Congress decisions]. Proc. of the meeting-seminar. July, 1968. Minsk. Moscow: Izd-vo lit-ry po stroitel'stvu.
44. The current archive of municipal administration of Asino District (Asino, Tomsk oblast). The results of inspecting projects of regional planning of Asino and Molchanovo Districts. (1969). (In Russian).
45. Anon. (1990) *Chislennost' naseleniya po kazhdomu naselennomu punktu Tomskoy oblasti po itogam ezhegodnogo ucheta i Vsesoyuznykh perepisey naseleniya za period s 1959 po 1989 g.* [The population of every village of Tomsk Oblast in the annual account and the All-Union census in the period from 1959 to 1989]. Tomsk : Tom. obl. upravlenie statistiki.
46. Centre for the Documentation of the Contemporary History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 5399. List 1. File 47. (In Russian).
47. Centre for the Documentation of the Contemporary History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 252. List 3. File 5. (In Russian).
48. Centre for the Documentation of the Contemporary History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 5411. List 1. File 22. (In Russian).
49. The current archive of the Department of Architecture, Building and Road Complex of Tomsk Oblast Administration. The draft of regional planning of Asino group of districts of Tomsk oblast (Pervomaisky district). (1986). (In Russian).
50. The current archive of the Department of Architecture, Building and Road Complex of Tomsk Oblast Administration. The draft of regional planning of Asino group of districts of Tomsk oblast (Teguldet district). (1986). (In Russian).
51. The current archive of the Department of Architecture, Building and Road Complex of Tomsk Oblast Administration. The draft of regional planning of Asino group of districts of Tomsk oblast. (1970). (In Russian).
52. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 3. File 703. (In Russian).

Received: 14 February 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 187–192. DOI: 10.17223/15617793/397/28

УДК 94 (47+57) «1917/1991»

А.В. Хорошенкова

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ИСТОРИКОВ В ВУЗАХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1945–1991 гг.

В статье, продолжающей серию публикаций автора, посвящённую исследованию исторической науки и высшего исторического образования в вузах Нижнего Поволжья в советский период, рассматриваются проблемы организации профессиональной подготовки историков в вузах данного региона в 1945–1991 гг. Анализируется реформирование учебных планов и содержания учебных программ на исторических факультетах. Сделан вывод о том, что централизация управления образованием, с одной стороны, способствовала сохранению единого образовательного пространства, а с другой – существенно ограничивала самостоятельность вузов.

Ключевые слова: историческое образование; исторические дисциплины; учебные планы; исторические факультеты.

В рассматриваемый период содержание высшего образования в СССР определялось типовыми учебными планами, разрабатываемыми и утверждаемыми Министерством высшего образования. Учебный план по специальности «История» 1947 г. был рассчитан на четырехлетнее обучение. В плане выделялось несколько блоков учебных курсов: общественно-политические дисциплины, психолого-педагогические исторические курсы, спецкурсы и спецсеминары, а также факультативы [1. С. 17]. Содержание образования, представленное на уровне теоретического осмысления в учебных планах, получает свою конкретизацию в учебных курсах (дисциплинах).

Блок общественных дисциплин включал в себя «Основы марксизма-ленинизма» (250 ч), «Политэкономию» (140 ч), «Диалектический и исторический материализм и историю философии» (140 ч). В преподавании общественных наук план предусматривал преемственность: «Основы марксизма-ленинизма» изучались с 1-го по 3-й семестр, а затем «Политэкономия» в 5–7-м семестрах и философские дисциплины в 6–8-м семестрах. В конце обучения студенты сдавали обязательный государственный экзамен – «Основы марксизма-ленинизма» [2. С. 77].

Таким образом, блок общественно-политических дисциплин был весьма обширен. Через обязательное изучение марксистских дисциплин власть проводила целенаправленную политику идеологизации и политизации общества. Тем самым достигались цели воспитания личности, преданной коммунистическим идеалам; становления специалистов, рассматривающих всю многомерность истории через призму всего одного научного метода – марксистско-ленинского.

Блок исторических дисциплин состоял из «Истории Древнего мира» (178 ч), «Истории Средних веков» (227 ч), «Истории Нового времени» (442 ч) и «Истории СССР» (492 ч). Сравнивая учебный план 1947 г. с планами 1943 и 1957 гг., можно отметить отсутствие курса «Новая история стран Востока». Этот курс был вычеркнут из плана 1947 г., и история стран Востока стала изучаться вместе с новой историей (Запада) [Там же. С. 78].

Несмотря на это сокращение достаточно важного предмета, объем курсов по зарубежной истории почти в два раза превышал объем часов, отводимых на отечественную историю, что, в общем-то, было свойственно академической традиции высшего образования до революции. Восстановив в 1930-е гг. основные формы дореволюционного образования, сталинское правительство формально продолжало придерживаться и старой схемы периодизации истории, и соотношения часов на отечественную и зарубежную историю. Несмотря на то что история Отечества исчезла из учебных планов как предмет (была заменена историей СССР), нетрудно заметить, что в целом в периодизации истории (если судить по названию учебных дисциплин) еще мало заметен формационный подход. Сравнивая учебный план 1947 г. с учебными планами 1950-х гг., можно отметить постепенное увеличение со временем количества часов на изучение истории СССР, что соответствовало общей тенденции увеличения количества исследований по истории советского периода в советской науке.

В 1955 г. были переработаны учебные планы и программы с учетом нового перечня специальностей. Это мероприятие было направлено на сокращение многопредметности, перевод части дисциплин из обязательных в факультативные, сокращение количества учебных часов на обязательные занятия и экзамены, увеличение времени для самостоятельной работы студентов. Серьезное значение придавалось созданию новых учебников.

В вузах Нижнего Поволжья эволюция профессиональной подготовки историков проходила в русле вышеназванных тенденций. Исторический факультет Саратовского государственного университета пережил очередную реорганизацию в связи с принятым в 1955 г. решением о его слиянии с историческим факультетом Педагогического института. Преподаватели истфака СГУ единодушно одобрительно оценивали эту меру: С.М. Стам называет соответствующее постановление Минпроса «разумным», а Л.А. Дербов характеризует его следующим образом: «Осенью 1955 г. в состав факультета влился большой коллектив бывшего исторического факультета Саратовского пединститута. В числе нового пополнения был ряд высококвалифицированных, перспективных работников. Это значительно расширило возможности развертывания научно-исследовательской и учебной работы кафедр» [3. С. 11].

В тяжелых условиях происходило возрождение Сталинградского педагогического института. В 1946 г. Сталинградский педагогический институт был переведён

из Камышина, где был восстановлен во время войны, обратно в Сталинград.

В этот период на историческом факультете педагогического института обучались 111 студентов. Из них на 1-м курсе – 49, на 2-м – 28, на 3-м – 27 и на 4-м – 7 человек.

В результате неукомплектованности профессорско-преподавательского состава руководство факультета отмечало недоработки учебных планов: так, на 1-м курсе не читалась «История древнего мира» (объёмом 400 ч), на 2-м курсе – «Конституция СССР» и «История СССР» (объёмом по 34 ч каждый), на 1-м курсе – «Диалектический и исторический материализм» (34 ч) и «Конституция СССР» (100 ч). 4-й курс самостоятельно изучал «Новую историю стран Востока», из-за чего учебный год был продлён [4. Оп. 23. Д. 79. Л. 38–40].

В период сессии все студенты явились на экзамены. Из 111 студентов экзамены выдержали 73 человека. В учительском институте на историко-филологическом отделении обучались 136 человек. На экзамены явились 134 студента, а выдержали экзамены – 88 [Там же. Л. 43].

Выполнение учебных планов в 1945/46 учебном году составило на историческом факультете 69%. На 1-м курсе – 76%, на 2-м – 78%, на 3-м – 76%, на 4-м – 71%. По историко-филологическому отделению учительского института выполнение учебных планов составило 87% [4. Оп. 23. Д. 151. Л. 4–25].

Серьёзные проблемы вызывало состояние грамотности студентов в эти годы. В 1946/47 учебном году был проведён диктант по тексту романа Фадеева «Молодая гвардия». На историческом факультете никто из студентов не написал его на «отлично». Только один студент 2-го курса справился на «хорошо» и три студента – на «посредственно». Остальные получили «неудовлетворительно» [Там же. Оп. 23. Д. 244. Л. 38–39].

В 1946/47 учебном году на исторический факультет Сталинградского педагогического института был принят 61 человек, а на историческое отделение учительского института – 28 [4. Д. 151. Л. 62].

Достаточно активно продолжает развиваться и заочное обучение в Сталинградском педагогическом институте. Наиболее многочисленным среди факультетов Сталинградского педагогического и учительского институтов в этот период было заочное отделение исторического факультета и исторического отделения. На 1 января 1948 г. заочно на историческом факультете обучались 19 человек. Из них на 1-м курсе – 75, на 2-м – 21, на 3-м – 47, на 4-м – 27, на 5-м – 13 [Там же. Оп. 33. Д. 189. Л. 13–15].

В соответствии с учебным планом на историческом факультете изучались следующие дисциплины: «Основы марксизма-ленинизма» (на 1-м и 2-м курсах); «Иностранный язык» (с 1-го по 3-й курс); «Психология» (1-й курс); «Военная подготовка» (1-й, 2-й курсы); «История древнего мира» (1-й курс); «История СССР» (с 1-го по 3-й курс); «Всеобщая литература» (с 1-го по 3-й курс); «Русская литература» (с 1-го по 3-й курс); «Педагогика» (2-й курс); «История Средних веков» (2-й курс); «Политическая экономия» (1-й курс); «История педагогики» (1-й курс); «Школьная гигиена» (1-й курс); «История Нового времени» (1-й курс); спецсеминар по истории (1-й курс); «Методика истории» (1-й курс); «Конституция СССР» [4. Оп. 33. Д. 189. Л. 18].

В 1950 г. с 30 мая по 15 июня были проведены следующие экзамены: по новой истории на 4-м курсе исторического факультета и по истории СССР на 2-м курсе исторического отделения учительского института. По новой истории из 38 студентов, сдававших экзамен, 9 человек получили «отлично», 12 – «хорошо», 16 – «удовлетворительно» и 1 человек ответил «неудовлетворительно». По истории СССР из 50 студентов «отлично» получили 6 человек, «хорошо» – 12, «удовлетворительно» – 28 и «неудовлетворительно» – 4. Комиссия отметила, что большинство студентов показали нетвёрдые знания, допускали в ответах смещение исторических событий, фактов и дат. На 2-м курсе исторического отделения был проведён также экзамен по основам марксизма-ленинизма. Из 53 человек 8 получили «отлично», 20 – «хорошо», 23 – «удовлетворительно» и 2 человека ответили «неудовлетворительно» [Там же. Л. 44].

С 1956 г. на всех факультетах введен пятилетний срок обучения. На историческом факультете один день в неделю полностью отводился для самостоятельной работы.

В послевоенный период студенты под руководством преподавателей продолжают научно-исследовательскую работу.

В 1948 г. на историческом факультете и историческом отделении учительского института обучались 275 студентов. Действовали различные кружки: кружок истории Нового времени (в нём занимались 6 студентов), кружок истории СССР (объединил 2 человека), кружок истории Древнего мира (он был наиболее многочисленным – 27 человек). Тематика исследований кружковцев была достаточно широкой. Так, в рамках работы кружка истории Нового времени были подготовлены следующие доклады: «Революция 1848 г. (февральский период)» (Перфильева); «Якобинская диктатура и её крушение» (Жидков); «Международные отношения в Русско-японской войне» (Штыменко).

Общей темой исследования кружка истории СССР была проблема «Речной порт Сталинграда в Великой Отечественной войне».

В кружке истории Древнего мира исследовались следующие темы: «Трипольская культура» (Воронкова – Косова); «Греческие колонии» (Афиногенов – Шеина) [4. Оп. 25. Д. 343. Л. 1, 13–14].

В 1952/53 учебном году на историко-филологическом факультете Сталинградского педагогического института действовали следующие кружки:

– кружок по Новой и Новейшей истории. В кружке занимались 7–8 студентов. Руководили работой кружка доцент В.А. Козюченко и кандидат исторических наук Е.А. Долгополова;

– кружок по древней и средней истории. Им руководила З.М. Шарапова. В кружке работали 18 студентов;

– кружок по истории Древнего мира. Его руководителем была доцент Д.И. Нудельман. В кружке занимались 25 студентов [8. Оп. 42. Д. 334. Л. 36].

Активная работа кружков, безусловно, приносила значимые для профессиональной подготовки студентов результаты. Так, в мае 1953 г. на студенческой научной конференции работала историческая секция под руководством доцента В.А. Козюченко. В работе этой секции приняли участие 23 человека – 9 преподавателей и 14 студентов [4. Оп. 42. Д. 334. Л. 40].

На смотре студенческих научных работ вузов г. Сталинграда в 1956 г. студент В.Н. Попов был награждён грамотой Министерства Высшего образования за работу «Влияние первой русской революции на германское рабочее движение (1905–07 гг.)». Научным руководителем был доцент В.А. Козюченко [Там же. Оп. 52. Д. 133. Л. 5].

На научно-методической конференции преподавателей вузов г. Сталинграда, которая проходила 10–11 марта 1959 г., в своём докладе директор Сталинградского педагогического института тов. Дроздов отметил активную работу преподавателей по ведению научно-исследовательских кружков, в частности работу В.И. Мамонтова, который руководил кружком археологии. Работу секции общественных наук на этой конференции возглавил кандидат исторических наук, доцент М.Я. Бромберг [Там же. Оп. 32. Д. 42. Л. 223].

В этот период возникают проблемы с трудоустройством молодых учителей истории в рассматриваемом регионе. Так, в 1956 г. Сталинградский педагогический институт выпустил 46 историков. Областной отдел народного образования сообщил, что на работу они могут принять только 7 человек [Там же. Оп. 52. Д. 132. Л. 50].

В конце 1950-х гг. происходит дальнейшая корректировка учебных планов. На заседании совета Сталинградского педагогического института 9 февраля 1959 г. было решено в учебные планы 5-х курсов исторического факультета включить дисциплину «Историография» [Там же. Оп. 60. Д. 325. Л. 144–145]. Это, безусловно, способствовало расширению научного кругозора будущих историков, приобщению их к актуальным вопросам исторической науки.

В 1961 г. руководство Волгоградского государственного педагогического института им. А.С. Серафимовича разрабатывает экспериментальный учебный план. Об этом свидетельствует «Отчет о работе Волгоградского педагогического института за 1961–62 учебный год». В нем, в частности, говорится: «Мы не следовали догматическому учебному плану Министерства, а продолжили экспериментировать свой вариант плана, в основе которого, конечно, был учебный план, утвержденный министерством» [5. С. 91].

Сущность нового учебного плана Волгоградского педагогического института состояла в сокращении обязательных аудиторных учебных занятий, а следовательно, в выделении времени студентам для самостоятельной работы и преподавателям – для индивидуальной работы со студентами. Имела место и некоторая перестановка порядка изучения дисциплин, сроков сдачи зачетов и экзаменов.

Это, безусловно, потребовало реформаторской смелости ректора (так, в 1960-х гг. стали именоваться в СССР руководители высших учебных заведений) Волгоградского педагогического института, тем более что подобного опыта в вузах не имелось. Ведь начиная с 1930-х гг. вузам категорически запрещалось какое-либо вмешательство в учебные планы. Они обязаны были строго выполнять спущенные министерством учебные планы и программы. Скорее всего, решающим фактором стало Инструктивное письмо Министерства высшего образования СССР от 15 сентября 1956 г., которое на волне «оттепели» конца 1950-х – начала 1960-х гг. предписывало вузам сократить лекционные часы, повысить роль самостоятельной работы, переводить часть студентов на индивидуальный график, практиковать досрочную сдачу экзаменов.

Идея связи школы с жизнью, определившая приоритеты государственной образовательной политики в Законе «Об организации связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», была принята вузами Нижнего Поволжья и нашла свое непосредственное отражение в организации всего учебного процесса. Первый шаг по приближению обучения к производству отразился в трансформации системы набора в высшие учебные заведения. С 1957 г. вводилось преимущество при приеме для лиц с двухлетним производственным стажем. Эта мера была нацелена на изменение социального состава студентов, повышение среди них удельного веса рабочих и крестьян, а также усиление стимула к работе выпускников школ на заводах, фабриках, в колхозах и совхозах [16. С. 173]. В связи с отсутствием достаточных знаний у производственников потребовалась система довузовской подготовки молодежи.

Выделение специальности «История» в составе историко-филологических факультетов отразилось на изменении учебного плана пединститутов. Если сравнить учебный план 1963 г. и последующие конца 70-х гг. [17. С. 132] с планом 1954 г., то можно заметить ряд изменений.

Так, в 60-е гг. появилось несколько новых дисциплин: «История нового и новейшего времени» (вместо «История нового времени»), «Новая и новейшая история стран Азии и Африки» (вместо «Новая история стран Востока»). С 1963 г. в учебном плане возрождается «Историография истории СССР», а с 1978 г. – «Историография всеобщей истории». В 1970-е гг. «Основы археологии и этнографии», «Вспомогательные исторические дисциплины», а также «Логика» и «Основы научного атеизма» в пединститутах перешли из разряда факультатива в обязательный предмет, появился пропедевтический курс «Введение в специальность» [2. С. 382].

Большим преимуществом новых учебных планов было возвращение в пединституты курса историографии и начало изучения «Источниковедения истории

СССР», а также спецкурсов по историографии и источниковедению всеобщей истории.

Разное содержательное наполнение имел пропедевтический курс «Введение в специальность». Некоторые вузы (в частности, МГУ имени М.В. Ломоносова, Саратовский имени Н.Г. Чернышевского и др.) пошли по другому пути. В основу данного курса они положили знакомство студентов с историей как наукой, обучение первокурсников навыкам работы в вузе (правилам конспектирования лекций и документов, подготовке к семинарским занятиям, зачетам и экзаменам). Это давало свои положительные результаты: обучение будущих историков приобретало практическую направленность, быстрее вырабатывались необходимые навыки учебной и научной работы.

В начале 1960-х гг. в СГУ сложилась следующая ситуация. Исторический факультет готовил «только преподавателей средних школ». На других же факультетах подготовка учителей не велась либо велась частично. В 1965 г. ректор В.Г. Лебедев и проректор по учебной работе П.А. Бугаенко предложили на историческом факультете оставить подготовку учителей обществоведения и истории «в количестве 50 человек ежегодно», а также и на других факультетах вести подготовку учительских кадров. В июне 1962 г. Учёный совет СГУ внес изменения в учебные планы исторического факультета: теперь в них предусматривалось проведение двухмесячной «пионерской» практики в течение июня – июля.

Специализация студентов-историков велась по пяти кафедрам: истории Древнего мира, истории Средних веков, истории Нового и Новейшего времени, истории СССР досоветского периода и истории СССР советского периода. Кроме этого, часть студентов специализировалась по кафедре истории КПСС.

В 1970 г. в СГУ завершилось создание системы учебных, производственных и педагогических практик. Студенты-историки уже после первых двух семестров отправлялись на археологические раскопки в Нижнем Поволжье либо в Причерноморье, позднее – в архивы и музеи, причём музейная практика проходила в музеях Москвы и Ленинграда. На 5-м курсе историки организовывали педагогическую практику в школах Саратова.

С 31 января по 2 февраля 1974 г. проходило Всесоюзное совещание заведующих кафедрами истории, на котором присутствовал профессор ВГПИ В.А. Козюченко. В своём докладе на заседании учёного совета факультета он отметил, что это было первое всесоюзное совещание подобного рода в истории советской высшей школы. Одним из существенных недостатков исторического образования в СССР на этом совещании было названо отсутствие у 20% учителей высшего образования. Остро встал вопрос о качестве подготовки историков и учителей обществоведения. Участниками совещания было единодушно рекомендовано введение пятилетнего срока высшего профессионального обучения для историков.

В 1960-е гг. в учебный план внесены музейная практика (её руководителем в ВГПИ был В.И. Мамонтов) [Там же. Д. 110. Л. 3] и археологическая практика (руководил на факультете ВГПИ этой работой А.С. Скрипкин) [15. Д. 208. Л. 13]. Ведение таких практик способствовало интеграции теоретических знаний и практических умений студентов. Данные нововведения позволили сделать процесс подготовки историков более эффективным и содержательным, расширить спектр их профессиональных возможностей, вооружить арсеналом новых методов исторического исследования.

Теоретическую подготовку студентов-историков значительно обогащали и предусмотренные учебным планом спецкурсы и спецсеминары. В начале 1970-х гг. по исторической проблематике студентам-историкам ВГПИ предлагались следующие спецкурсы: «Коммунистическое и рабочее движение в развитых капиталистических странах на современном этапе»; «В.И. Ленин и проблема национально-освободительного движения народов стран Азии и Африки»; «В.И. Ленин и международное коммунистическое движение в 1917–23 годах»; «Гражданские войны во II–I веках до нашей эры. Падение республики»; «Борьба двух тенденций в международном рабочем и социалистическом движении конца XIX – начала XX века» [15. Д. 209. Л. 82]; «Внешняя политика СССР»; «Отечественная война 1812 года»; «Общественно-политическое движение в первой четверти XIX века»; «История Земских соборов в Русском государстве»; «Культура России XIX – начала XX века»; «Великая Отечественная война 1941–45 гг.» [Там же. Д. 252. Л. 8].

С 1973 г. на заочном отделении исторического факультета Волгоградского педагогического института был введён новый учебный план, в котором появились новые учебные дисциплины – «Методика преподавания обществоведения» и «Вспомогательные исторические дисциплины». Общее количество учебных часов увеличилось на 128, из них 60 часов лекций и 68 часов практических занятий. На дневном отделении в соответствии с новыми программами студенты-историки изучают такие дисциплины, как «Археология СССР», «Вспомогательные исторические дисциплины», «Методика преподавания обществознания» и «Историческое краеведение» [Там же. Д. 444. Л. 12].

Согласно учебному плану государственные экзамены студенты сдавали по следующим предметам: «История КПСС», «История СССР», «Новая и новейшая история», «Педагогика и методика преподавания истории и обществознания» [Там же. Д. 315. Л. 38].

Подготовка историков в Волгоградском государственном университете началась с момента открытия университета в 1980 г. Это была одна из наиболее «устоявшихся» специальностей, вызывающая постоянный интерес абитуриентов. Кафедры обеспечивали специализацию студентов по археологии, всеобщей и отечественной истории.

Согласно учебному плану на 1-м курсе дневного отделения студенты-историки изучали следующие дисциплины: «Введение в специальность» (36 ч), «История первобытного общества» (36 ч), «История древнего мира» (50 ч), «Основы археологии» (20 часов), «Основы этнографии» (50 ч), «История СССР» (40 ч), «Вспомогательные исторические дисциплины» (17 ч).

На 2-м курсе изучались такие дисциплины, как «История Средних веков» (52 ч), «История СССР» (40 ч), «Вспомогательные исторические дисциплины» (17 ч).

На 1-м курсе студенты изучали следующие дисциплины: «История СССР» (36 ч), «История нового времени» (50 ч), «История стран Азии и Африки» (36 ч), «История края» (52 ч) [9. Д. 160. Л. 9].

Таким образом, во второй половине XX в. можно выделить три этапа трансформации профессиональной подготовки историков. Первый охватывает вторую половину 1940-х – 1950-е гг. Важнейшими задачами государства по реформированию высшего социально-гуманитарного образования во второй половине 1940-х гг. стали реэвакуация и восстановление вузов и восполнение профессорско-преподавательского состава и студенческого контингента. Ещё одним направлением реформирования высшего исторического образования стал выпуск и обновление содержания учебников. Необходимо было приступить к разработке и изданию учебников по новым отраслям науки, возникшим и развившимся в ходе Великой Отечественной войны.

Второй этап приходится на 1960–1980-е гг. Трансформация исторического образования, предпринятая во второй половине 60-х и в 70-е гг., привела к резкому увеличению специалистов с историческим образованием, позволила поднять кадровый потенциал школ и вузов. Высшее историческое образование, сохраняя прежнюю парадигму, оставалось под постоянным партийно-государственным контролем, страдало жесткой привязанностью к государственным планам и учебным программам, количественным, но не качественным подходом к подготовке кадров, однообразием методов, слабой восприимчивостью к новейшим достижениям науки и техники.

Третий этап связан с системным кризисом рубежа 80-х – 90-х гг. прошлого века. Сложная ситуация в конце 80-х – начале 90-х гг. определилась в области подготовки исторических учебников: ученые-гуманитарии, авторы учебников, учителя, лишившись традиционной идеологической системы координат, испытывали трудности при интерпретации исторического процесса.

Возникла парадоксальная ситуация, когда вузы, осуществлявшие процесс непрерывного духовного производства, в ожидании новой методологии в сфере общественных наук не могли нормально функционировать.

Научно-педагогическая общественность активно ставила вопросы совершенствования исторического образования в стране. Так, например, декан исторического факультета МГУ академик Ю.С. Кукушкин призывал не ограничивать совершенствование преподавания истории в вузах организационной перестройкой, а наполнять учебные планы новым содержанием. Это касалось, прежде всего, расширения преподавания истории мировой культуры на всех факультетах.

Сохранение экстенсивного пути подготовки научно-педагогических кадров историков и массовое распространение в вузах страны заочного обучения, как и в предвоенные годы, негативно сказывалось на качестве подготовки специалистов. Постепенно снижается методологическое и методическое обеспечение исторических курсов.

Централизация управления образованием, с одной стороны, способствовала сохранению единого образовательного пространства, поскольку органами управления образованием определялись единые для всех вузов учебные планы и программы, требования к уровню подготовки выпускников. С другой стороны, существенно ограничивалась самостоятельность вузов. Партийно-государственные директивы определяли методологию исследований, основополагающий и системообразующий принцип выделения историографических направлений преимущественно по классовому критерию, спектр исследуемых проблем и даже источниковую базу. Высшее историческое образование же призвано было транслировать идеологически детерминированные выводы исторических исследований и воспитывать преданную советскому режиму молодёжь.

Ухудшение финансирования образования, разрыв системных связей гуманитарной и естественнонаучной подготовки, составляющих основу высшего образования, постепенно привели к изменению профессионально-нравственного облика специалистов, социальному нигилизму и снижению уровня профессиональной компетентности студентов.

Все это требовало изменения всей парадигмы высшего образования, новой структуры и новых подходов к организации учебного процесса. Требовались коренные изменения в содержании подготовки выпускников высшей школы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Народное* образование, наука и культура СССР. М., 1977.
2. *Ушмаева К.А.* Развитие высшего исторического образования на Северном Кавказе с 1945 по 2000 г. (по материалам Дона, Кубани и Ставрополья) : дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004.
3. *Галямичев А.Н.* Медиевистика в Саратовском университете: очерки истории (1917–1977 гг.). Саратов, 2010.
4. ЦДНИ ВО (Центр документации новейшей истории Волгоградской области). Ф. 113.
5. *Волгоградский* государственный педагогический университет (1931–2006). Краткая история. Волгоград : Перемена, 2006.
6. *Батурина Ю.Ю.* Научно-педагогическая интеллигенция Нижнего Поволжья в 1956–1964 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2011.
7. *Дебров Л.А.* Введение в изучение истории. М., 1981.
8. ГАВО (Государственный архив Волгоградской области). Ф. 6056. Оп. 2.
9. ГАВО. Ф. 603. Оп. 1.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 марта 2015 г.

HISTORY EDUCATION IN THE UNIVERSITIES OF THE LOWER VOLGA REGION IN 1945–1991

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 187–192. DOI: 10.17223/15617793/397/28

Khoroshenkova Anna V. Volgograd State Pedagogical University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: horav73@mail.ru

Keywords: history education; historical subjects; curricula; historical faculties.

In the period under review training historians was carried out in accordance with the directives of the state and the Communist Party. The content of higher education in the USSR was determined by model curriculum developed and approved by the Ministry of Higher Education. Curriculum for specialty "History" in 1947 was designed for four-year training. The block of socio-political subjects was quite extensive. Through the mandatory study of Marxist disciplines, the authorities pursued the policy of indoctrination and politicization of society. Thus, they achieved the goal of educating a person loyal to the communist ideals, handling all the multidimensionality of history through the prism of just one scientific method of Marxism-Leninism. The course of foreign history had about twice more hours than the one of national history, which, in general, was typical of the academic tradition of higher education before the revolution. Stalinist government restored the basic pre-revolutionary forms of education in 1930 and formally continued to adhere to the old scheme and periodization of the history, and the ratio of hours on domestic and foreign history. In 1955, the curricula and programs were revised taking into account the new list of specialties. This event was aimed at reducing the multidisciplinarity, transfer of some compulsory subjects to the optional block, reduction of the number of hours for classes and exams, increase of the time for students' self-study. In the Lower Volga universities, the evolution of training historians followed the above mentioned trends. The History Faculty of Saratov State University survived another reorganization in connection with the adoption of its decision to merge with the History Faculty of the Pedagogical Institute in 1955. Since 1956, all faculties had a five-year period of study. The History Faculty had one day a week completely free for independent work. In the postwar period, students supervised by professors continue research work. At the scientific conference of professors of Stalingrad universities held on March 10th and 11th, 1959, Director of Stalingrad Pedagogical Institute Drozdov said in his report that professors are active in organizing and managing research circles. The idea of connection between school and life determining the priorities of the state educational policy in the Law "On organization of connection between school and life, and further development of the public education system in the USSR", was adopted by universities in the Lower Volga region and was directly reflected in the organization of the whole educational process. Centralization of education management, on the one hand, helped to maintain a unified educational space, on the other, it essentially limited the autonomy of universities.

REFERENCES

1. Anon. (1977) *Narodnoe obrazovanie, nauka i kul'tura SSSR* [National Education, Science and Culture of the USSR]. Moscow: Statistika.
2. Ushmaeva, K.A. (2004) *Razvitie vysshego istoricheskogo obrazovaniya na Severnom Kavkaze s 1945 po 2000 g. (po materialam Dona, Kubani i Stavropol'ya)* [Development of the higher historical education in the North Caucasus from 1945 to 2000 (based on the Don, Kuban and Stavropol Territories)]. History Cand. Diss. Stavropol.
3. Galyamichev, A.N. (2010) *Medievistika v Saratovskom universitete: ocherki istorii (1917–1977 gg.)* [Medieval studies at the University of Saratov: Essays on the history (1917–1977)]. Saratov: Saratov State University.
4. Centre for the Documentation of the Contemporary History of Volgograd Oblast (TsDNI VO). Fund 113.
5. Sergeev, N.K. et al. (2006) *Volgogradskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet (1931–2006). Kratkaya istoriya* [Volgograd State Pedagogical University (1931–2006). Brief history]. Volgograd: Peremena.
6. Baturina, Yu.Yu. (2011) *Nauchno-pedagogicheskaya intelligentsiya Nizhnego Povolzh'ya v 1956–1964 gg.* [Scientific-pedagogical intelligentsia of the Lower Volga region in 1956–1964]. History Cand. Diss. Volgograd.
7. Debrov, L.A. (1981) *Vvedenie v izuchenie istorii* [Introduction to the study of history]. Moscow: Vysshaya shkola.
8. State Archive of Volgograd Oblast (GAVO). Fund 6056. List 2.
9. State Archive of Volgograd Oblast (GAVO). Fund 603. List 1.

Received: 25 March 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 193–196. DOI: 10.17223/15617793/397/29

УДК 008:39; 008:351.858

Е.В. Чигрина

ОТРАЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ ТОМСКИХ ТАТАР

Рассмотрена идентичность татар, проживающих на территории Томской области. Анализируются формирование мусульманской идентичности и её трансформация с течением времени. Ставится вопрос о том, какое влияние ислам оказал на формирование комплекса семейной обрядности. Прослежено проявление религиозной идентичности томских татар в проведении родильного, свадебного и похоронного обрядов.

Ключевые слова: томские татары; религиозная идентичность; родильный обряд; свадебный обряд; похоронный обряд.

Актуальность работы заключается в выяснении того, как в условиях глобализации, разнообразия социальных связей и создания новых форм социализации современной России сохраняется религиозная идентичность одной из этнических групп Сибири – томских татар.

Религия ислам – одна из главных идентификационных характеристик современного татарского этноса в Российской Федерации. В Томской области, по данным переписи населения 2010 г., проживает 17 029 татар.

Процесс исламизации у тюрков шёл с конца XIV в. На формирование мусульманской идентичности татар оказывали влияние многие факторы: миссионерская деятельность проповедников из Средней Азии, миграция поволжских татар, которые проникали в Сибирь для торговли с купцами с Востока начиная с XVI в. [1. С. 199]. Распространение ислама у сибирских татар знаменовало собой важные изменения в их политической и этнической структурах. Во второй половине XVI в. Сибирское ханство превратилось в самостоятельное государство. В этот период происходит и формирование самостоятельных татарских этнических групп [2. С. 17].

В процессе этногенеза томских татар шла трансформация их этнической идентичности. Сначала они существовали как мелкие тюркские группы: эуштинцы, басандайцы, евагинцы. Затем на эту территорию подкочевали чаты и калмаки, постепенно они консолидировались под общим названием «томские люди» (этим термином их называли русские), позднее – «томские татары».

Центром духовной жизни томских магометан была мечеть, которая выполняла не только духовную, но и социализирующую функцию [1. С. 200]. На протяжении XIX – начала XX вв. шло стремительное умножение мечетей в самых населённых центрах чатов, эуштинцев, телеутов (калмаков), что свидетельствовало об усиленной их исламизации к первой половине XIX в. [3. С. 210–211]. В 1883 г. в Томской губернии было 38 деревянных мечетей, а в начале XX в. их количество кратно увеличилось. Одновременно началось строительство каменных мечетей. В Томске в этот период было построено две мечети в 1904 и 1915 гг. Строительство мечетей и молитвенных домов говорило как об увеличении численности мусульманского населения, так и об устойчивых позициях ислама [1. С. 200–201]. Государственная внутренняя политика невольно ускоряла исламизацию томско-татарского населения, облегчая консолидацию трёх разнородных основных групп томских тюрков (эуштинцев, чатов и калмаков) в единую этническую общность, куда неизбежно включались рассеянные по юртам бухарцы и татары-переселенцы – сначала уголовные ссыльные, потом добровольно покинувшие Поволжье, Приуралье и в целом Европейскую Россию [3. С. 210–211]. Ислам послужил фактором, объединившим эти разрозненные группы, но до конца консолидации не произошло. Современные томские татары знают, что есть группа калмаков, которая сегодня территориально расположена в соседней Кемеровской области.

Ислам играл определяющую роль в духовной сфере и быте томских татар, формируя образцы поведения в семейной и общинной жизни мусульман [1. С. 201]. Однако известно, что до обращения в мусульманство на данной территории был распространён шаманизм. Языческие верования бытовали среди томских татар ещё в конце XIX – начале XX в. Смешанный характер религиозных представлений проявился и в том, что частично язычество вошло в их мусульманские воззрения [4. С. 174].

В рамках анализа влияния факторов духовной жизни на этническую идентичность татар Томской области И.Г. Комарова (Поправко) выделила три основных аспекта: религиозный, моральный и культурно-коммуникативный.

Одним из способов проявления идентичности являются семейные обряды, на формирование современного облика которых оказал влияние ислам. Согласимся с И.Г. Комаровой (Поправко) в том, что главным фактором духовной жизни, повлиявшим и до сих пор влияющим на формирование, функционирование и трансляцию татарской этнической идентичности, является религия (для подавляющего большинства – ислам) [5. С. 98].

В XX и начале XXI в. ислам был и остается основной религией томских татар. Проведённый опрос в 2005 г. показал, что в вопросах выбора брачного партнера и сегодня остается актуальной религиозная принадлежность татар и русских: 53% татар выступают против браков с русскими по причине несходства религии, 37% относятся лояльно к таким бракам [6. С. 51].

В жизни каждого человека наступают события, такие как свадьба, похороны или рождение ребенка. И чтобы

соблюсти традиции, появляется необходимость в обращении либо к знающим людям, либо непосредственно в мечети или центры культуры для совершения таинства обрядов.

Родильный обряд. XX в. внёс существенные коррективы во все сферы жизни. Формирование общесоветских форм быта, сближение с русскими, оказали влияние на изменения в обрядах родильном и наречении именем. Часть обрядов отошла сама собой, поскольку роды стали принимать в больнице. Сейчас не проводятся такие обряды, как *карын цац* – первое сбривание волос новорождённого на седьмой день, праздник *бала туе* – «праздник колыбели» [4. С. 73]. На сегодняшний день сохранился обряд наречения ребёнка именем – *исем кушу*. Для его проведения приглашается небольшое количество гостей, а также мулла, который читает молитву. Как правило, наречение именем проводится после 40 дней с момента рождения ребёнка, так как в последние годы утвердилось поверье, что показывать ребёнка до 40 дней нежелательно, «чтобы не сглазили» [7]. Числу 40 приписывался сакральный смысл, эти дни женщина после родов и её ребёнок переживали процесс перехода из духовного мира в земной. Магическим смыслом наделялось число 7, поскольку за 7 дней Аллах создал Землю. В течение этого срока ребёнку нужно было дать имя [8. С. 33].

Свадебный обряд. Ценность семьи значима в татарской культуре, а вступление в брак считалось естественной необходимостью. В XX в. свадебный обряд подвергся сильной трансформации. Основной элемент, который претерпел изменения начиная с 1920-х гг., – это выбор спутника жизни, он стал обоюдным желанием молодых. Жених и невеста – главные действующие лица, и этот принципиальный момент свадебного обряда к концу XX в. только усилился. Возникнув как инновация, сейчас это стало нормой жизни.

В свадебном обряде произошли существенные изменения. Исчезли такие моменты, как сватовство, совет, сговор, подготовка калыма и приданного, обряд знакомства невесты с её новыми родственниками.

Многие послесвадебные обряды также были утрачены. Это и подготовка к брачной ночи («брачное ложе»), развязывание невестой пояса жениха, проверка «честности» невесты.

При этом к концу XX в. свадебные обряды значительно обогатились нововведениями. Появились совершенно новые обряды и традиции – торжественная регистрация брака в ЗАГСе, свадебный картеж из машин, украшение свадебного помещения, фото- и видеосъёмка. Многие обряды несут в себе шутливо-игровые элементы, например выкуп невесты, заимствованный, по мнению информантов, из свадебной обрядности русских [9. С. 117].

Несмотря на то что многие обряды и традиции отошли в прошлое (были утрачены) татарский свадебный обрядовый комплекс демонстрирует преемственность традиций. Например, также происходит оповещение родителей о намерении вступить в брак, обязательным является знакомство с родителями.

Важным остаётся и религиозный компонент в проведении свадьбы: *никах* – мусульманский религиозный обряд бракосочетания.

А.А. Ильина обращает внимание на то, что в сохранении татарского культурного наследия, как и татарской национальной идентичности, особая роль принадлежит Республике Татарстан, которая не представляет всех российских татар, но справедливо претендует на консолидирующую роль татарского этноса в российском обществе [10. С. 257].

В г. Томске существует Областное государственное автономное учреждение культуры «Центр татарской культуры», основным направлением работы которого является сохранение и развитие культурного наследия татарского народа. В условиях глобализации, когда происходит нивелирование национальных и культурных особенностей и исчезают многие традиционные элементы, национально-культурные объединения выполняют важную миссию. В первую очередь, хотелось бы отметить, что Центр татарской культуры делает все для сохранения татарского языка, поэтому татары г. Томска говорят на литературном казанско-татарском языке. Сельские жители в значительной мере сохраняют местные диалекты, но, по нашему мнению, это происходит, пока живы носители этих говоров.

В Центр обращаются будущие молодожены, чтобы им «провели свадьбу» по традиционным обрядам, существовавшим прежде в татарской среде. Молодым интересно узнать, какие мероприятия проводились во время свадебного обряда. Были случаи проведения свадьбы в татарском центре. Так, в 2011–2012 гг. дважды свадьба проходила в центре. Жених и невеста были одеты в нарядные свадебные костюмы, в которых подчеркивалась этническая специфика. *Никах* начинался с обряда встречи молодых угощением. Это мёд с маслом. Приглашался мулла, который зачитывал молитву, в ней говорится о значении семьи, ответственности супругов друг перед другом. Обязательным элементом был обряд одаривания молодых подарками. *Никах* завершается выступлением художественных коллективов центра. Иногда в традиционный сценарий свадьбы проникает современная плясовая музыка. В основном свадьбу проводят на татарском языке, но не все знают свой язык, и в этом случае фразу говорят как на татарском, так и на русском языках. В Центре не отказывают в проведении свадьбы и смешанным парам.

Бывали случаи, когда представителя(лей) татарского центра приглашали на свадьбу для проведения конкурсов, выноса *чак-чака* (за 2011–2012 гг. таких случаев было два) либо просто просили на время свадебной церемонии традиционные свадебные костюмы.

Центр поддерживает и помогает молодым людям, которые обращаются с просьбой научиться правильно произносить татарскую речь. Например, молодая невеста (не татарского происхождения), желая произвести впечатление на жениха (татарина), решила прочитать стихотворение. Другой случай обращения в центр – это желание выучить песню на татарском языке для мамы [11].

В нашем современном мире принято обращаться за помощью к Интернету, ведь там можно найти самые разнообразные сценарии проведения свадьбы. Достоверность информации, получаемой таким путём, всегда оценивается по степени авторитетности источника. Интернет-источники особенно трудно оценить с этой точки зрения, тем более пользователю, который не разбирается в тонкостях. Центр татарской культуры – это «дом» для большой семьи, в котором помогут разобраться в устоявшихся традициях свадебного обряда, а также в нововведениях, появившихся в XX в.

Из этих небольших по количеству, но важных по значению обращений в центр видно, что свадьба – это то событие, которое подталкивает людей обратиться к традициям, узнавать обычаи и обряды, правила поведения во время свадебного обряда.

Похоронный обряд. В настоящее время похоронный обряд томских татар во многом сохранил черты, сложившиеся в прошлом, хотя и подвергся некоторым изменениям. И сегодня обязательным остаётся совершение религиозного обряда по исламским канонам, с приглашением муллы и чтением молитв. Трансформация похоронного обряда во многом является следствием контактов с русским окружением и результатом тех социально-политических и идеологических изменений, которыми был богат XX в. К современным элементам обряда можно отнести то, что умершего одевают в обычную одежду, а потом заворачивают в саван. На городских и сельских татарских кладбищах можно встретить на памятниках таблички, фотографии, рисунки, изображение лица. Могилы огораживаются оградками.

Обряды семейного цикла томских татар характеризуются достаточно выраженными исламскими чертами. В результате не только сохраняется, но и воспроизводится мусульманско-татарская идентичность всех групп татар, проживающих в Томской области, независимо от времени их появления, особенностей диалектов и сохраняющейся некоторой культурной специфики.

В настоящее время ислам – одна из главных идентификационных характеристик татар. Большое влияние эта религия оказала на формирование комплекса семейной обрядности, который в целом сохранился в настоящее время, хотя и претерпел некоторые изменения под действием русского населения и общемировых тенденций.

Центр татарской культуры – это хорошая основа для сохранения и возрождения национальных традиций. Он поддерживает и институализирует татарско-мусульманскую идентичность.

Татары по-разному интерпретируют для себя ислам. Самое главное – соблюдать все устои, посещать мечеть, чтить традиции. Но есть случаи, когда татары не считают себя в полном смысле слова мусульманами, «лишь соблюдают некоторые традиции». Между тем хотелось бы отметить, что у большинства представителей татарского населения дома содержатся предметы для посещения мечети – тюбетейка, чётки, что является подтверждением тезиса о важности ислама как этноконсолирующего фактора томских татар.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркова М.Ф.* Идентичность томских татар на рубеже XIX–XX веков // Дефиниции культуры : сб. трудов участников Всерос. семинара молодых ученых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. Вып. VII. С. 198–202.
2. *Селезнёв А.Г., Селезнёва И.А.* Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. 72 с.
3. *Шерстова Л.И.* Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 312 с.
4. *Томилов Н.А.* Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. 216 с.
5. *Комарова И.Г.* Социокультурные грани этнической идентичности татар томской области // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 302. С. 96–100.
6. *Картасова Д.А.* Современная языковая и религиозная ситуация у томских татар // Археология и этнография Приобья: Материалы и исследования : сб. трудов кафедры археологии и этнологии. Вып. 3. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2009. С. 47–55.
7. ПМА – ПМ Чигриной Е.В. «Беседы с представителями татарского этноса». 2009–2010 гг. г. Томск.
8. *Маркова М.Ф.* Семейные традиции и обычаи татар-мусульман Томской губернии на рубеже XIX–XX веков // Духовные ценности ислама и образование: историко-культурная традиция и современность. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. (Сер. Монографии. Вып. 23). С. 25–37.
9. *Чигрина Е.В.* О влиянии русского свадебного обряда на свадебную обрядность татар // Материалы I Всероссийского фестиваля науки XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (25–29 апреля 2011 г.). Томск, 2012. С. 110–118.
10. *Ильина А.А.* Национально-культурные объединения татар и сохранение татарского языкового, культурного и духовного наследия // Этническая история и культура тюркских народов Евразии : сб. науч. трудов. Омск : Издатель-Полиграфист, 2011. С. 255–257.
11. ПМА – ПМ Чигриной Е.В. «Беседы с представителями ОГАУК “Центра татарской культуры”». 2013 г. г. Томск.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 апреля 2015 г.

REFLECTION OF RELIGIOUS IDENTITY IN FAMILY CEREMONIALISM OF TOMSK TATARS

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 193–196. DOI: 10.17223/15617793/397/29

Chigrina Elena V. Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Lena4igrina@mail.ru

Keywords: Tomsk Tatars; religious identity; maternity rituals wedding rituals; funeral rituals.

The article analyzes how religious identity of one of the ethnic groups of Siberia, Tomsk Tatars, is preserved in the conditions of globalization, a variety of social connections and new forms of socialization in modern Russia. Islam is one of the main identification characteristics of modern Tatar ethnos in the Russian Federation. 17 029 Tatars live in Tomsk Oblast according to the population census of 2010. The transformation of ethnic identity of Tomsk Tatars occurred in the course of their ethnogenesis. At first, they existed as small Turkic groups: Eushta, Basandaika and Evagino groups. Then Chats and Kalmaks migrated to this territory. Gradual-

ly, they all were called “Tomsk people” by Russians, later they became Tomsk Tatars. Islam played the defining role in the spiritual sphere and life of Tomsk Tatars, forming examples of behavior in the family and communal life of Muslims. However, it is known that before conversion to Islam,the population of the territory practiced Shamanism. Tomsk Tatars had pagan beliefs in late 19th and early 20th centuries. The mixed nature of the religious ideas showed in the fact that paganism was part of their Muslim views. A way to manifest an identity is family ceremonies; Islam had an impact on their modern state. Each person has some events, such as wedding, funeral or birth, in his/her life. To observe traditions, there is a need to either ask people who know or go directly to a mosque or to a center of culture to make the sacred ceremonies. The 20th century introduced essential amendments in all spheres of life. Formation of the all-Soviet forms of life and rapprochement with Russians had an impact on the changes in the ceremonies of maternity and naming. A number of ceremonies disappeared as women began to deliver in hospitals. The value of a family is significant in the Tatar culture, and marriage was considered a natural need. In the 20th century the wedding ceremony underwent strong transformation. The basic element that changed since the 1920s is the choice of the partner in life: it became the mutual desire of the young. The groom and the bride became the main characters, and this key moment of the wedding ceremony only amplified by the end of the 20th century. Having appeared as an innovation, now it has become a norm of life. The structure of the wedding changed essentially. Many ceremonies were lost. Yet, by the end of the 20th century the wedding complex was considerably enriched with innovations. The funeral ceremony of Tomsk Tatars followed the traditions of the past in many respects, still it also underwent some changes. Transformation of the funeral ceremony is largely a consequence of contacts with the Russian environment and result of the numerous socio-political and ideological changes of the 20th century.

REFERENCES

1. Markova, M.F. (2007) [The identity of Tomsk Tatars at the turn of the 19th and 20th centuries]. *Definitsii kul'tury* [Definitions of culture].Proc. of the participants of the All-Russian seminar of young scientists. 14th to 15th October. Is. 7. Tomsk: Tomsk State University. pp. 198–202. (In Russian).
2. Seleznev, A.G. & Selezneva, I.A. (2004) *Sibirskiy islam: regional'nyy variant religioznogo sinkretizma* [Siberian Islam: a regional variant of religious syncretism]. Novosibirsk : Izd-vo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN.
3. Sherstova, L.I. (2005) *Tyurki i russkie v Yuzhnoy Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaya dinamika XVII – nachala XX veka* [Turks and Russians in Southern Siberia: ethno-political and ethno-cultural dynamics of the processes of the 17th – early 20th centuries]. Novosibirsk: IAET SO RAN.
4. Tomilov, N.A. (1983) *Ocherki etnografii tyurkskogo naseleniya Tomskogo Priob'ya* [Essays on ethnography of the Turkic population of Tomsk Ob area]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Komarova, I.G. (2007) Sociocultural sides of Tomsk Tatars ethnic identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 302. pp. 96–100. (In Russian).
6. Kartasova, D.A. (2009) *Sovremennaya yazykovaya i religioznaya situatsiya u tomskikh tatar* [Modern linguistic and religious situation of Tomsk Tatars]. In: *Arkheologiya i etnografiya Priob'ya. Materialy i issledovaniya* [Archaeology and Ethnography of the Ob area. Materials and Research]. Is. 3. Tomsk: Tomsk state Pedagogial University.
7. Chigrina, E.V. (2009–2010) *Besedy s predstavitelyami tatarskogo etnosa* [Talks with the representatives of the Tatar ethnic group]. Tomsk.
8. Markova, M.F. (2008) Semeynye traditsii i obychai tatar-musul'man Tomskoy gubernii na rubezhe XIX–XX vekov [Family traditions and customs of Muslim Tatars of Tomsk province at the turn of the 19th and 20th centuries]. In: Avanesov, S.S. & Kostyukova, T.A. (eds.) *Dukhovnye tsennosti islama i obrazovanie: istoriko-kul'turnaya traditsiya i sovremennost'* [Spiritual values of Islam and education: historical and cultural tradition and modernity]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Chigrina, E.V. (2012) [The influence of Russian wedding ceremony on the wedding rituals of Tatars]. *Nauka i obrazovanie* [Science and Education]. Proc. of I All-Russian Science Festival of XV All-Russian conference of students, graduate students and young scientists. 25th to 29th April 2011. Tomsk. pp. 110–118. (In Russian).
10. Il'ina, A.A. (2011) Natsional'no-kul'turnye ob"edineniya tatar i sokhranenie tatarskogo yazykovogo, kul'turnogo i dukhovnogo naslediya [National-cultural associations of Tatars and preservation of the Tatar language, cultural and spiritual heritage]. In: *Etnicheskaya istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Evrazii* [Ethnic history and culture of the Turkic peoples of Eurasia]. Omsk: Izdatel'-Poligrafist.
11. Chigrina, E.V. (2013) *Besedy s predstavitelyami OGAUK "Tsentra tatarskoy kul'tury"* [Conversations with representatives of the Center of Tatar Culture]. Tomsk.

Received: 26 April 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 197–203. DOI: 10.17223/15617793/397/30

ПРАВО

УДК 343.953

Т.А. Алексеева, Р.Л. Ахмедшин, В.Л. Юань

ПОЛНОСТРУКТУРНАЯ МОДЕЛЬ МЕХАНИЗМА ОТРАЖЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В СЛЕДАХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Анализируется механизм отражения личностных особенностей преступника в следах преступления. Основной идеей выступает положение о необходимости переноса исследовательского акцента с modus operandi на modus vivendi. Каждый уровень личности, отражающийся в следах преступления, связан с определенной сферой проявления психического.

Ключевые слова: механизм отражения; следы преступления; личность преступника; почерк; походка; мимика; речь; поведение; биография.

Идея о том, что объективный процесс интеграции научного знания обогащает, прежде всего, науку заимствующую, нашла отражение и в криминалистической науке XX в. О целесообразности подобной идеи один из первых отечественных криминалистов И.Н. Якимов в 1925 г. писал, что «в настоящее время уже не ставится вопрос о том, какие методы наиболее научны и плодотворны, чисто ли криминалистические или психологические. Все это способствовало развитию криминалистики, углублению, усовершенствованию ее научных методов» [1. С. 9].

Основная целевая ориентированность рассматриваемого заимствования заключается в решении проблемы моделирования личности преступника посредством анализа его преступной деятельности, получившей отражение в следах преступления. На современном этапе развития криминалистики общие вопросы целей, задач и методов моделирования личности преступника по следам преступления в целом решены, проблемным остается вопрос механизма отражения индивидуально-психологических особенностей личности преступника в следах преступления.

Ранее из криминалистически ценных уровней поведения нами выделены двигательный (почерк, походка, жесты), коммуникативный (речь, мимика) и организационный (организация пространства и выбор моделей поведения) [2]. Одно из качественных отличий между ними заключается в первую очередь в возможности волевого контроля проявления названных элементов вовне. Все рассмотренные уровни, будучи отраженными в следах преступления, выступают внешней наблюдаемой формой отражения modus operandi преступника.

Modus operandi, несмотря на то что является устоявшимся в отечественной криминалистике понятием, далеко не исчерпывает исследовательский интерес к феномену отражения личности вовне. Было бы наивно полагать, что в силу того, что преступным является только действие, ограниченное по времени, месту и содержанию, нет необходимости при исследовании криминалистически значимой информации выходить за пределы события преступления. Конечно же, такая необходимость есть, недаром понятие modus operandi (способ совершения) является всего лишь составной частью более широкого понятия modus vivendi (образ жизни, уклад жизни, стиль жизни). Способ совершения преступления характеризует пусть и значительную, но все же фрагментарную составляющую личности, в том числе и преступной. Криминалистическое же исследование образа жизни преступника позволяет исследовать картину личности целиком, не боясь переоценить ситуативный фактор, значимость которого в преступном событии никто не отрицает. Если подвести итог сказанному, можно определить содержательную структуру modus operandi как совокупность способа подготовки к преступлению, способа совершения преступления и способа сокрытия следов преступной деятельности. Modus vivendi же содержательно состоит из стадии допреступного поведения, modus operandi и стадии постпреступного поведения.

В механизме modus vivendi мы выделяем три уровня отражения личностных особенностей лица вовне.

Первый уровень – рефлексивное отражение личности вовне. В силу примитивности природы рефлекса данный уровень был первым изученным криминалистами и нашел свое отображение в исследованиях отражения личности преступника в почерке, походке, жестикуляции. Содержательно рефлексивный уровень modus vivendi соответствует двигательному уровню modus operandi вплоть до полной идентичности.

Второй уровень – поведенческое отражение личности вовне. В настоящее время поведение преступника выступает крайне актуальным объектом для исследования криминалистами. Учитывая многоаспектность поведенческого начала на данном уровне, аккумулируются исследования как минимум двух форм отражения личности вовне. Речь идет о поведенческо-коммуникативном и поведенческо-двигательном уровнях. Содержательно поведенческий уровень modus vivendi соответствует коммуникативному и организационному уровню modus operandi.

Третий уровень – адаптивное отражение личности вовне. В современной криминалистической науке данный уровень, несмотря на многочисленные попытки, еще исследован явно недостаточно. Содержательно адаптивный уровень modus vivendi не имеет прямых аналогов в структуре modus operandi, ведь именно этот уровень предопределяет допреступное и постпреступное поведение.

Отметим также, что приоритетно рефлексивный уровень связан преимущественно с психическими процессами, поведенческий – преимущественно с психологическими состояниями и свойствами, а адаптивный – преимущественно с психологическими свойствами.

Двигательная активность основывается на базе двигательных навыков, имеющих невысокую вариативность. Для поведенческой деятельности (как коммуникативной, так и двигательной) характерна типовая модель, предполагающая привычные формы реагирования, лежащие в достаточно жестком диапазоне, хотя и не исключающая формы непривычные. Адаптивная деятельность человека, спроецированная на громадное количество моментов выбора, предопределивших и предопределяющих его биографию, а следовательно, его как личность в наиболее ярком исчерпывающем виде, хотя принципиально изменчива, согласно механизму гомеостаза не склонна к изменениям.

Рефлексивный уровень в механизме отражения особенностей личности преступника вовне. Как уже говорилось ранее, данный уровень отражения личности вовне основательно изучен криминалистической наукой. Согласно исследованиям Н.А. Бернштейна в организации сложных движений участвуют несколько уровней [3]. Ведущий уровень, представленный в сознании, отвечает за целеполагание. Нижестоящие уровни, хотя и отвечают за функциональность, неосознаваемы. Таким образом, техника выполнения каждого автоматизированного движения становится вторична и не контролируется человеком. [2. С. 155]. Без сомнения, на движения (почерк, походка, жесты) влияют и психические состояния, и психические процессы [4], однако системообразующей структурой выступают здесь психические процессы.

Поведенческий уровень в механизме отражения особенностей личности преступника включает в себя поведенческо-коммуникативный и поведенческо-двигательный уровни. Как уже отмечалось, поведенческий уровень основан на типовой модели, проявляющейся во внешних действиях преступника, ограниченной определенным диапазоном. Поведенческий уровень предполагает отображение особенностей личности преступника в конкретный момент времени, обусловленный сложившейся ситуацией.

Поведенческо-коммуникативный уровень в механизме отражения особенностей личности преступника вовне. На поведенческом уровне отражение особенностей личности преступника происходит на коммуникативном уровне, который включает в себя проявление особенностей устной речи и мимики преступника. Устная речь, сформировавшись в течение жизни, включает в себя следующие элементы: вокальность (выражается в силе голоса через громкость), тональность (определяет эмоциональную насыщенность речи) и содержательность (передает осознаваемую и неосознаваемую смысловую нагрузку) [5]. Выделенная структура устной речи соответствует принципу о том, что «основанием классификации сведений о личности будут выступать не произвольно избранные критерии, а объективно существующие стоны личности» [6. С. 231].

Центральным понятием, лежащим в основе коммуникативного уровня, является модель реагирования, которой в большей степени соответствует устная речь и в меньшей – мимика. Модель реагирования – это строго ограниченное проявление способов реагирования в нормальном состоянии, основанное на поведении, за рамки которого преступник не способен выйти. Границы модели реагирования, в пределах которых может происходить варьирование коммуникативных поведенческих особенностей преступника, неодинаковы, но всегда ограничены. Строгие рамки модели реагирования объясняются свойством психики находиться в состоянии максимального комфорта, любое отклонение от нормы требует затраты дополнительных сил, в то время как психика стремится вернуться к привычному состоянию покоя. Особенность модели реагирования состоит в том, что она предполагает наличие выбора, вариативности, но в установленных границах.

Рассмотрим возможные варианты речевых особенностей преступника, опираясь на элементы устной речи.

Особенности вокальности обусловлены формированием речевого навыка, который на данном уровне выражается в определенной силе голоса – громкости. Можно выделить три вида силы голоса у преступника: громкий голос; голос средней громкости; тихий голос и их варьирование в пределах модели реагирования:

1) громкий голос: очень громко – громко – средняя громкость;

2) голос средней громкости: громко – средняя громкость – тихо;

3) тихий голос: средняя громкость – тихо – очень тихо.

Говоря об эмоциональности, можно выделить степень и силу проявления эмоций. Сила – это показатель испытываемых эмоций самим человеком внутри себя, переживание определенных чувств. Степень – это проявление эмоций вовне, в окружающий мир, посредством устной речи и мимики. Определенный уклад жизни, наиболее комфортное состояние психики преступника формируют уровень как силы, так и степени эмоций. Психическое состояние преступника оказывает непосредственное влияние на силу эмоций, которая на коммуникативном уровне выражается в степени эмоций. Однако величина силы эмоций не всегда прямо пропорциональна степени. Выделим четыре типовых группы проявления эмоциональности.

1. Низкая сила и степень эмоций. В данном случае можно говорить об малоэмоциональности преступника, что характеризуется равномерной интонацией, слабовыраженной мимикой, неменяющимся выражением лица. Самый ограниченный диапазон проявления эмоциональности.

2. Высокая сила эмоций и низкая степень эмоций. Эмоциональное состояние так или иначе должно выразиться, контроль и подавление одного явления сказыва-

ются на проявлении другого, поэтому эмоции выразятся либо в изменениях тональности, либо в мимике.

3. Высокая сила и степень эмоций. Самый широкий спектр проявления эмоций преступника как в устной речи, так и в мимике, характеризующийся высокой степенью вариативности.

4. Низкая сила и высокая степень эмоций. Указанная группа представляется наиболее редкой, так как в данном случае имеет место искусственное увеличение проявление эмоций, что в нормальном состоянии человеку не свойственно. Такое поведение может быть обосновано нестандартной ситуацией либо психологическими особенностями преступника.

Кроме того, проявление особенностей устной речи преступника обусловлено наличием типовой модели речевого поведения. Под типовой речевой моделью понимаются сформировавшиеся в течение длительного периода особенности устной речи, обусловленные психическими свойствами личности, наиболее проявляющиеся в состоянии покоя.

Содержательность выражается в устойчивой передаче смысловой нагрузки в рамках типовой модели в виде:

1) структуры предложений (простое, сложносочиненное, сложноподчиненное, причастные / деепричастные обороты и т.д.). Использование в речи сложных по конструкции предложений, как правило, говорит о достаточно высоком уровне образованности преступника и наоборот;

2) употребления определенных частей речи (существительных, прилагательных, глаголов, наречий, местоимений и т.д.). Количество употребления той или иной части речи может являться показателем уровня эмоциональности преступника (прилагательные – эмоциональность; наречия, глаголы – малая эмоциональность);

3) слов-символов (неосознаваемый смысл), которые несут информацию о психологическом типе преступника.

Сформировавшиеся особенности вокальности, тональности и содержательности речи преступника устойчиво проявляются в течение жизни и варьируются в пределах допустимой модели реагирования в стрессовых ситуациях. Поэтому при выявлении коммуникативных особенностей преступника следователю важно учитывать ситуационный фактор и скорость адаптации к возникшей ситуации.

Все ситуации, в рамках которых можно наблюдать особенности речи преступника, можно разделить либо по степени привычности (привычные и непривычные), либо по степени эмоционального напряжения (нормальные (обычные) и стрессовые). В данном случае в большей степени нас интересуют стрессовые и непривычные ситуации, такие как ситуация самого совершения преступления и ситуация допроса [7. С. 26]. Привычной и нормальной ситуацией может выступать анкетная стадия при производстве допроса, которая и будет являться ориентиром особенностей речи преступника в состоянии покоя [8].

Скорость адаптации к ситуации имеет непосредственную зависимость от психологического типа преступника (психологических особенностей) и от частоты нахождения преступника в стрессовых ситуациях, так как чем чаще человек вынужден действовать в стрессовых ситуациях, тем быстрее он адаптируется к ним.

Исходя из вышесказанного, можно выделить типовые модели коммуникативной адаптации в стрессовой ситуации:

1. Быстрая адаптация в стрессовой ситуации. Преступник характеризуется высоким уровнем волевых характеристик, особенности устной речи в стрессовой ситуации приближены к типовой речевой модели поведения. Из-за высокой степени контролируемости речи информация о стрессовом состоянии преступника идет через невербальные каналы.

2. Средняя адаптация к стрессовой ситуации. Степень контролируемости коммуникативных особенностей непостоянна, преступнику требуется больше времени как для адаптации в пространстве, так и для регулирования речевых особенностей.

3. Низкая скорость адаптации. Коммуникативные особенности преступника, характерные для состояния стресса, прослеживаются на протяжении всего допроса. Следователю в такой ситуации легче оказывать правомерное психологическое воздействие.

Задача следователя – создавать и поддерживать стрессовое состояние преступника, так как в такой ситуации наиболее ярко проявятся особенности устной речи преступника, которые, скорее всего, проявились и в момент совершения преступления.

Поведенческо-двигательный уровень в механизме отражения особенностей личности преступника вовне. Человек как носитель самостоятельности и свободы ограничен рядом объективных факторов, некоторые из которых значительно ограничивают как самостоятельность, так и свободу человека. При кажущейся неограниченности modus vivendi в целом человек не склонен к излишне высокой инвариантности поведения. Гомеостатическая составляющая психики в значительной степени предопределяет существование привычного, наиболее оптимального для конкретного человека modus operandi, привычного тактического алгоритма выбора из типовых вариантов. Понимание природы типичности выбора нашло реализацию в революционной для криминалистики методике построения психологического профиля неизвестного преступника, разработанной в конце XX в. Напомним, что данная методика базируется на утверждении, что в стрессовой ситуации (ситуации преступления) человек склонен к выбору варианта не из всего диапазона возможностей, а только из наиболее привычного, т.е. склонен к типовой модели поведенческого реагирования. Типовая модель поведения – крайне значимый феномен для криминалистической науки, так как существование данного феномена позволяет исследовать проблему идентификации личностных свойств, прежде всего психологических по следам преступления.

При анализе поведенческо-двигательного уровня отражения личности преступника в следах преступления усилия ученых-криминалистов направлены в основном на организацию преступником пространства и времени в системе «событие преступления» в рамках неосознанно выбранной преступником модели поведения. Это достаточно сложные механизмы формируются и трансформируются в течение жизни человека в ограниченном диапазоне, поэтому и устанавливаемые на их основе закономерности имеют высокую криминалистическую ценность. Рассмотрим указанный уровень проявления личностных особенностей по четырем параметрам (исследуемость, стабильность, ситуационность, вариационность).

Исследуемость (формализация) личностной информации при выборе оптимальной модели поведения базируется на законе отражения явлений вовне. Изучение личности в этом случае происходит посредством анализа механизма образования материальных и идеальных следов – основных объектов познания в криминалистике. При выборе наиболее оптимального способа использования пространства, времени, ресурсов проявляется значительный объем психологических свойств лица, поэтому криминалистический анализ поведения преступника, отразившийся в следах преступления, является составной частью криминалистической науки. В криминалистическом исследовании в криминалистике каждый объект должен обладать свойством измеряемости или, по крайней мере, свойством оценки, только в этом случае возможна эмпирическая проверка получаемой информации. Измеряемость на уровне оценки элементов поведенческо-двигательного уровня механизма отражения вовне осуществляется за счет использования системы выявленных закономерностей в сфере использования преступником пространства, времени, ресурсов в процессе совершения преступления, которые отображаются в следах преступного события.

Фактор стабильности отражения особенностей личности в ее поведении обусловлен природой формирования и проявления психологических свойств личности – типовой поведенческой модели.

Деятельность человека детерминируется необходимостью уменьшения напряжения и сохранения состояния внутреннего психофизиологического равновесия, подчиняясь закону гомеостаза. Подкрепление, которое человек получает извне, уменьшает силу начального побудительного фактора; подкрепление, соответствующее побудительному фактору, нивелирует необходимость организма в дополнении. Современный уровень развития человека объясняется заложенным стремлением к равновесию, вытекающим из реализованной возможности сохранять состояние внутреннего равновесия путем снижения напряжения побудительного мотива. Одним из способов подобного сохранения является существование типовых моделей поведения.

Стабильность типовой поведенческой модели – один из защитных механизмов, предохраняющих нашу психику от переутомления. Еще одним фактором, предопределяющим гомеостатическое функционирование психики, выступает состояние глубокого стресса, испытываемого преступником в ситуации преступления. Речь, конечно, идет не столько о моральных мучениях, сколько о необходимости принятия комплекса решений в ситуации угрозы извне.

Волевой контроль за проявлением вовне типовой поведенческой модели, без сомнения, существует, однако, исследуя природу волевых актов, необходимо помнить, что любой контроль за стереотипизированной деятельностью значительно понижает её эффективность в силу деавтоматизации привычных навыков и моделей поведения. Степень волевого контроля деятельности предопределяется высоким её уровнем в сфере целеполагания и задач его достижения и очень невысоким уровнем контроля реализации способов достижения цели. Составляющие же modus operandi, теоретически подлежащие осмыслению (например, символическое значение слов или движений) [9. С. 159], человеком не осознаются либо их осознание рационализировано, т.е. замаскировано ложной аргументацией, с целью избежания излишней энергозатраты (неосознаваемого психического напряжения), и проявляется в следующим образом:

1. Факт готовящегося преступного события преступник, действующий с прямым умыслом, осознает. Комплекс причин, из-за которых необходимо совершить данное убийство, также в большей степени осознано. Отметим, что косвенный умысел – это чаще случаи неосознанного стремления к совершению преступления.

2. Выбор орудия преступления осмыслен, однако комплекс причин, предопределяющих этот выбор, неосознаваем или рационализирован.

3. Выбор алгоритма нанесения повреждений, предметов хищения, способа постпреступного поведения и ряд иных факторов волевому осмыслению не подлежит. Техника выполнения каждого автоматизированного движения становится вторична и не контролируется человеком. Однако в силу отсутствия полного автоматизма, характерного для почерка, объяснение причин этой техники лежит в сфере типовой модели поведения, вытекающей из уникальной или психотипологической совокупности особенностей личности.

Ситуационность проявления двигательных навыков обусловливается тем, что психологические свойства – это наиболее статичные свойства характера, поэтому личностные особенности лица, несомненно, являются стабильными. Типовая модель поведения как отражения основной совокупности психологических свойств теоретически, без сомнения, может трансформироваться при изменении привычных условий, как и в случае изменений динамического стереотипа. Несмотря на сказанное, следует учесть, что вероятность изменения типовой модели поведения в изменяющихся и динамичных стрессовых условиях гораздо меньше, чем в привычных. Причина такого, казалось бы, парадоксального утверждения в том, что при ситуационных изменениях внешних условий, находясь в стрессовом состоянии, психика тяготеет к отработанным, стереотипным моделям по-

ведения как наиболее проверенным, а следовательно, надежным. В случае с проявлениями на уровне двигательных автоматизмов ситуация прямо противоположна именно из-за низкого потенциала изменяемости, свойственного динамическому стереотипу как типовой форме стереотипизации движений.

Степень вариационности проявления типовой модели поведения может быть сведена к четырем типовым группам функционирования поведенческо-двигательного уровня в целом:

1) естественная психотипологическая вариативность в привычных условиях, которая характеризуется незначительной вариативностью. Происходит допустимо незначительное расходование энергии, поэтому для человека это наиболее экономичная формула;

2) естественная психотипологическая вариативность в измененных условиях, которая характеризуется минимальной вариативностью, что было аргументировано ранее. Наблюдается минимальное расходование энергии, поэтому для человека это наиболее эффективная формула modus operandi;

3) вариативность социализированных на уровне малых (семья, друзья) групп свойств личности. Без сомнения, помимо психотипологических характеристик для личности характерны и поведенческие модели социализированного уровня, однако их проявление носит преимущественно демонстрационный характер, иерархически это уровень более низкий по сравнению с психотипологическими свойствами. Конечно, если человек постоянно находится под воздействием этносоциальных факторов, то типовая модель поведения его может измениться. Отметим, что последнее характерно для достаточно замкнутых социальных групп, хотя, без сомнения, может быть стимулировано также и инфантильностью личности;

4) вариативность социализированных на уровне больших (этнос, культура) групп свойств личности, которая характеризуется плохо прогнозируемой степенью вариативности типовой модели поведения. Именно на данном уровне человек проявляется как предельно индивидуальная формация, антагонистичная формации типовой, что крайне затрудняет моделирование его поведения как на уровне прогнозирования, так и на уровне идентификации. Позитивным для криминалистики является то, что данный уровень крайне энергозатратен и проявляется достаточно редко, в том числе и в преступной сфере.

Выделенные группы факторов позволяют рассмотреть степень проявления ситуационного фактора в сформированной модели поведения личности. Все они потенциально могут внести изменения в типовую модель поведения преступника, следовательно, при их анализе необходимо вносить коррективы в установленные учеными корреляции отражения особенностей личности в типовой модели её поведения.

Типовая модель поведения, характерная для поведенческого уровня отражения личностных особенностей в следах преступления, хотя и не обладает в той же степени идентификационными свойствами, как элементы рефлексивной модели механизма отражения личности вовне, но как минимум может служить экспресс-методикой анализа следов преступления, имеющей значение для оперативно-розыскной деятельности.

Адаптивный уровень в механизме отражения особенностей личности преступника вовне. Криминалистическое исследование закономерностей организации преступником своей жизнедеятельности привело к пониманию принципов функционирования механизма гомеостаза в его стремлении создать вокруг себя условия своей жизни. Это создало необходимость разработать понятие, которое бы описывало систему выбора преступником приемлемой для себя формы организации своей жизнедеятельности, которая бы включала наиболее благоприятные для него условия жизни. Результатом научных разработок в этом направлении стало понятие адаптивного уровня криминалистического исследования личности преступника. Рассмотрение данного понятия необходимо начать с механизма гомеостаза, который лежит в его основе. Основное предназначение этого механизма заключается в обеспечении существования непрерывного процесса жизнедеятельности преступника посредством оптимизации расходов доступного ему ограниченного потенциала энергии. Этот потенциал расходуется с течением времени на поддержание его существования, а израсходованный объем требуется периодически восполнять. Несвоевременное восполнение недостатка этого объема влечет за собой ухудшение самочувствия, значительное падение его работоспособности и расстройство здоровья.

Агрессивные условия внешней среды, в которой существует преступник, вынуждают его постоянно стремиться к достижению стабильности, которая нарушается факторами самой среды. Реализация преступником указанного стремления может происходить разными способами. Их выбор напрямую зависит от формы организации им своей жизнедеятельности. Осуществляя свою жизнедеятельность в условиях ограниченного запаса энергии, в условиях непрерывного течения времени и ограниченного набора навыков, способностей и возможностей, преступник стремится реализовать себя в окружающей среде таким образом, чтобы добиться наиболее благоприятного для себя сочетания факторов этой окружающей среды, из которых будут состоять условия его жизни.

В таких условиях преступнику проще достигать состояния стабильного равновесия по следующим причинам:

1. Расход доступного ему потенциала энергии происходит более медленно, чем в других известных ему условиях (стремление к привычным для себя деятельности, круга общения и обстановке).

2. Процесс восстановления нарушенного состояния стабильного равновесия происходит быстро (потребление продукции, относительно быстро восполняющей утраченный потенциал энергии или вызывающей подобное ощущение).

3. Добиться восстановления нарушенного состояния стабильного равновесия легко (образ жизни за чужой счет).

Центральная закономерность организации личностью преступника своей жизнедеятельности заключается в том, что, являясь носителем определенного генотипа, он приспосабливается к условиям окружающей среды, проявляя собственный типичный способ адаптации, при которой все доступные ему возможности становятся инструментами, позволяющими ему организовать свою жизнедеятельность на адаптивном уровне в наиболее благоприятном для себя варианте. В процессе проявления своего типичного способа адаптации преступник стремится приобретать такие навыки, умения и способности, которые ему легче всего даются и при помощи которых он будет в дальнейшем организовывать свою жизнедеятельность.

Приспособление к негативным факторам окружающей среды со стороны преступника будет выражаться в решении им следующих проблем.

1. Проблема выживания. Речь идет о доступном преступнику ограниченном потенциале энергии. Наличие потребностей вызвано постоянной необходимостью поддерживать свое состояние на нормальном уровне. Решение этой проблемы в разной степени реализуется преступником во всех сферах его жизнедеятельности.

2. Проблема ограниченности доступного преступнику потенциала энергии. Речь идет о влиянии времени на расход ограниченного потенциала энергии. Данная проблема выражается в постоянном стремлении преступника оптимизировать расход своего энергетического потенциала с учетом временных затрат. Решение этой проблемы реализуется преступником в оптимизации затрат своего энергетического потенциала наиболее экономным путем.

3. Проблема адаптации навыков, умений и способностей. Речь идет о сочетании расхода доступного преступнику ограниченного потенциала энергии со своими навыками, умениями и способностями и с учетом временных затрат. Чтобы найти оптимальные способы расхода ограниченного потенциала энергии при реализации навыков, умений и способностей, преступнику требуется адаптироваться. При исполнении навыков, умений и способностей он не только расходует свой ограниченный потенциал энергии, но и затрачивает на это определенное количество времени. Решение этой проблемы реализуется преступником в стремлении оптимизировать исполнение своих навыков, умений и способностей с учетом имеющихся у него потребностей, времени и возможностей.

4. Проблема влияния факторов окружающей среды. Речь идет о том, какие условия избираются преступником в качестве благоприятных для своего существования. Очевидно, что для успешной адаптации ему необходимо стремиться к таким условиям, в которых шансы на успех будут высокими, поскольку доступные ему навыки, умения и способности не всегда эффективны при разных обстоятельствах. Решение этой проблемы реализуется им в виде оценки своих возможностей и степени благоприятности условий окружающей среды.

5. Проблема организации своей жизнедеятельности на адаптивном уровне в такой форме, при которой преступник будет существовать в благоприятных для себя условиях. Речь идет о том, какие способы адаптации своей жизнедеятельности к условиям окружающей среды он изберет применительно к условиям собственного существования и каким образом он задействует доступные ему возможности. В качестве наиболее оптимального метода криминалистического исследования организации личностью преступника своей жизнедеятельности видится биографический метод [10]. Данный метод позволяет проводить исследование личности преступника в хронологическом порядке, обеспечивая полноту собираемых о нем данных, при этом не требуя специальных знаний от применяющего его исследователя.

Несмотря на ряд недостатков, связанных с объемом данных, вероятности их искажения и / или полной или частичной утраты, труднодоступности и сложностей при их поиске, только биографический метод в наибольшей степени позволяет сформировать целостную картину о личности преступника и на основе этого провести криминалистическое исследование закономерностей организации им своей жизнедеятельности на адаптивном уровне. Примером отражения биографических данных в формировании личности преступника, прямо влияющих на его поведение во время проведения следственных действий, может послужить состав семьи, в котором он вырос. Если это была классическая полная по своему составу семья, в которой члены семьи совместно проживали друг с другом, то с высокой степенью вероятности преступник будет иметь поддержку и психологический комфорт. Исходя из этого биографического факта, криминалистическая наука не рекомендует проводить его повторный допрос. Другим примером может послужить характеристика его профессиональной деятельности. Так, если профессиональная деятельность преступника связана со сферой производства, то, вероятнее всего, он будет характеризоваться высокой внимательностью и уверенностью в себе.

Подводя итог, следует заключить, что преступник склонен к планированию, расчету и организации своей жизнедеятельности таким образом, чтобы факторы окружающей среды сложились в благоприятные для него условия, в которых добиться восстановления нарушенной стабильности своего состояния будет легко и, следовательно, угрозы его существованию будут минимальны. С этой целью он выбирает такую приемлемую форму организации своей жизнедеятельности, при которой задействуются доступные ему коммуникативные, двигательные навыки, а также типовые формы поведения, в разной степени проявляющиеся в его биологических параметрах, социальных характеристиках и психологических данных, которые в том или ином виде отражаются в его биографии. Криминалистическое исследование приемлемой формы организации личностью преступника на адаптивном уровне позволяет определить основные источники криминалистически значимой информации о нем, с высокой долей вероятности спрогнозировать его типовые наборы адаптации в условиях проведения следственных действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Якимов И.Н.* Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М., 1925. 496 с.
2. *Алексеева Т.А., Ахмедшин Р.Л., Попова О.А.* Формализация криминалистически значимых данных: механизм отражения личностных особенностей в результатах деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 154–159.
3. *Бернштейн Н.А.* О построении движений. М. : Медгиз, 1947. 254 с.
4. *Симакова Е.С.* Отражение в почерке психологических свойств и состояний личности (Криминалистический, уголовно-процессуальный и психологический аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2003. 204 с.
5. *Алексеева Т.А.* Криминалистическая структура устной речи // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381. С. 167–170.
6. *Ведерников Н.Т.* Избранные труды. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. Т. 2. 236 с.
7. *Ахмедшин Р.Л.* Тактика коммуникативных следственных действий. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2014. 294 с.
8. *Юань В.Л.* Биографический метод как базовый метод изучения личности допрашиваемого перед допросом // Проблемы использования криминалистических знаний в правоприменительной деятельности. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2014. С. 112–114.
9. *Алексеева Т.А.* Криминалистическая характеристика содержательности как структурного элемента устной речи // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 159–161.
10. *Ведерников Н.Т.* Избранные труды. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. Т. 1. 240 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 25 мая 2015 г.

A FULL-STRUCTURED MODEL OF THE PERSONALITY REFLECTION MECHANISM IN THE TRACES OF A CRIME

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 197–203. DOI: 10.17223/15617793/397/30

Alekseeva Tatiana A., Akhmedshin Ramil L., Yuan Vladimir L. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tanyaalek@yandex.ru; raist@sibmail.com; it-rigon@mail.ru

Keywords: mechanism of reflection; traces of crime; personality of offender; handwriting; gait; facial expressions; speech; behavior; biography.

The idea that the objective process of the integration of scientific knowledge enriches primarily the adopting science reflected in the forensic science of the twentieth century. In 1925 I.N. Yakimov, one of the first Russian forensic scientists, wrote on the feasibility of such an idea: “There is now no question of what methods are the most scientific and productive: purely forensic or psychological. All of them contributed to the development of forensic science, deepening and improvement of its scientific methods”. The main target orientation of the adoption in question is to solve the problems of modeling the personality of offenders through analysis of their criminal activity reflected in the traces of a crime. At the present stage of development of forensic science, general questions of goals, objectives and methods of modeling the personality of the offender based on the traces of a crime have already been solved in general. The only problem that remains is the question of the mechanism of reflection of individual psychological characteristics of the offender in the traces of a crime. Previously, from the crime levels of behavior we have identified motor (handwriting, gait, gestures), communicative (speech, facial expressions) and organizational (organization of space and a choice of behavior). One qualitative difference between them lies primarily in the possibility of will power control of displaying these elements externally. All of the levels, as reflected in the traces of a crime, are the external form of the observed reflection of the criminal’s modus operandi. Despite the fact that modus operandi is a well-established definition in the Russian forensic science does not deplete the research interest in the phenomenon of external reflection of the personality. It would be naive to believe that as the criminal act is only limited by time, place and content, there is no need to go beyond the circumstances of the crime in the study of forensically important information. There definitely is such a need, that’s why the concept of modus operandi (method of operation) is only a part of the broader concept of modus vivendi (way of life, lifestyle). The method of a crime characterizes a significant, but still fragmentary component of personality, including a criminal. Forensic investigation of the criminal lifestyle allows exploring the whole picture of the individual, without being afraid to overestimate the contextual factor, the importance of which in a criminal event is not denied.

REFERENCES

1. Yakimov, I.N. (1925) *Kriminalistika. Rukovodstvo po ugolovnoy tekhnike i taktike* [Forensics. Guide to the criminal techniques and tactics]. Moscow.
2. Alekseeva, T.A., Akhmedshin, R.L. & Popova, O.A. (2014) Formalization of forensically relevant data: the mechanism of reflection of personality characteristics in the performance. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 387. pp. 154–159. (In Russian).
3. Bernshteyn, N.A. (1947) *O postroenii dvizheniy* [On construction of movements]. Moscow: Medgiz.
4. Simakova, E.S. (2003) *Otrazhenie v pocherke psikhologicheskikh svoystv i sostoyaniy lichnosti (Kriminalisticheskiy, ugolovno-protsessual’nyy i psikhologicheskiy aspekty)* [Reflection in handwriting of psychological characteristics and conditions of the person (Forensic, criminal procedure and psychological aspects)]. Law Cand. Dis. Tomsk.
5. Alekseeva, T.A. (2014) The criminalistic structure of oral speech. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 381. pp. 167–170. (In Russian).
6. Vedernikov, N.T. (2014) *Izbrannye trudy* [Seleted works]. V. 2. Tomsk: Tomsk State University.
7. Akhmedshin, R.L. (2014) *Taktika kommunikativnykh sledstvennykh deystviy* [The tactics of communicative investigation]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Yuan’, V.L. (2014) Biograficheskiy metod kak bazovyy metod izucheniya lichnosti doprashivaemogo pered doprosom [Biographical method as the basic method of studying a person being questioned before the interrogation]. In: Dergach, N.S. (ed.) *Problemy ispol’zovaniya kriminalisticheskikh znaniy v pravoprimenitel’noy deyatel’nosti* [Problems of using forensic knowledge in law enforcement]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Alekseeva, T.A. (2014) The criminalistic description of richness of content as a structural element of speech. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 378. pp. 159–161. (In Russian).
10. Vedernikov, N.T. (2014) *Izbrannye trudy* [Seleted works]. V. 1. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 25 May 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 204–211. DOI: 10.17223/15617793/397/31

УДК 347.91

Н.Г. Галковская

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ЗАЯВЛЕНИЙ О ВОЗВРАЩЕНИИ РЕБЕНКА ИЛИ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ В ОТНОШЕНИИ РЕБЕНКА ПРАВ ДОСТУПА НА ОСНОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ДОГОВОРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена анализу изменений, внесенных в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 126-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с присоединением Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей». Отмечаются основные процессуальные особенности рассмотрения дел по искам о возвращении ребенка или о праве доступа к нему.

Ключевые слова: международная конвенция; защита детей в международном масштабе; незаконное перемещение или удержание детей; права опеки; права доступа; судебные; административные процедуры возвращения детей, незаконно перемещенных в любое из договаривающихся государств.

В последние годы вопросам обеспечения наилучших интересов ребенка мировое сообщество уделяет все большее внимание. Весьма острой проблемой защита прав детей в настоящее время является и для России. Наше государство прилагает значительные усилия в данном направлении. Обеспечение благополучного и защищенного детства стало одним из основных национальных приоритетов России. В силу ст. 38 Конституции Российской Федерации, п. 1 ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства. Указом Президента Российской Федерации 1 июня 2012 г. утверждена Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг. [1], целью которой провозглашено формирование государственной политики по улучшению положения детей, в которой констатируется право ребенка на особую заботу и помощь, определяются основные направления и задачи государственной политики в интересах детей и ключевые механизмы ее реализации, базирующиеся на общепризнанных принципах и нормах международного права. Указанный документ содержит информацию об основных проблемах в сфере детства; определяет семейную политику детствосбережения и меры, которые должны приниматься государством в рамках ее реализации. Также Национальная стратегия определяет ряд мер, направленных на создание системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружественного к ребенку правосудия. Национальная стратегия предусматривает ожидаемые результаты вышеуказанных мер и устанавливает механизм ее реализации.

Меры, принимаемые Российским государством, обусловлены, в том числе, теми международными обязательствами, которые берет на себя государство при присоединении к международным договорам в сфере защиты прав детей. Как указано в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2013 г. № 19-П, правовое регулирование в сфере государственной защиты прав несовершеннолетних, исходя из требований Конституции Российской Федерации, ее статей 7 (ч. 2), 20 (ч. 1), 21 (ч. 1), 22 (ч. 1) и 38 (ч. 1), а также международно-правовых обязательств Российской Федерации, должно в приоритетном порядке гарантировать им защиту достоинства личности, права на жизнь, права на свободу и личную неприкосновенность, что предполагает, в частности, наличие законодательных мер, имеющих целью обеспечение безопасности каждого ребенка как непосредственно от преступных посягательств, так и от неблагоприятного воздействия на его нравственность и психику, которое может существенным образом повлиять на развитие его личности, даже не будучи выраженным в конкретных противоправных деяниях [2].

Существует немалое количество международных соглашений, которые закрепляют права детей и устанавливают обязательства государств по осуществлению этих прав. На сегодняшний день можно констатировать, что Россия ратифицировала основные международные договоры в данной области. Важнейшим международным документом, закрепляющим права детей, является Конвенция о правах ребенка 1989 г., которую Российская Федерация ратифицировала 16 августа 1990 г. [3]. Указанная Конвенция провозглашает приоритет интересов детей перед потребностями государства, общества, религии, семьи. Она своего рода общепризнанная основа для формирования национального законодательства о детях и семье, которая формулирует международно-правовые стандарты для дальнейшей эволюции межгосударственных соглашений по защите детей в различных ситуациях.

Российская Федерация принимает также участие во многих международных договорах, направленных на реализацию прав детей в области образования[1], в сфере организации труда[2].

Помимо этого, Российская Федерация с 13 ноября 2001 г. стала членом Гаагской конференции по международному частному праву, которая разрабатывает конвенции в различных областях международного частного права, в частности международной защиты детей и семьи. Кроме того, Россия активно взаимодействует с международными контрольными органами, такими как Комитет ООН по правам ребенка, Европейский комитет по социальным правам; проходит

процедуру универсального периодического обзора, которая подразумевает периодическую оценку Советом ООН по правам человека ситуации в области прав человека во всех государствах – членах ООН и вынесение рекомендаций по ее улучшению [7].

Важным позитивным итогом деятельности международных контрольных органов стало принятие в России целого ряда мер, нацеленных на укрепление системы защиты прав детей. В качестве примера можно привести учреждение должности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка [8] и принятие упомянутой ранее Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. [1].

Вместе с тем решение многих задач еще далеко от завершения. Как свидетельствует статистика, количество дел по транснациональным спорам, связанным с воспитанием детей, значительно возросло[3]. Предметом настоящего исследования выступает проблема законодательного регулирования отношений раздельно проживающих родителей по поводу совместного воспитания детей, которую можно отнести к числу наиболее сложных проблем правового регулирования семейных отношений. Еще более сложными эти вопросы становятся при наличии иностранного элемента.

Выявление многочисленных фактов незаконного вывоза детей за пределы Российской Федерации либо фактов их невозвращения в Российскую Федерацию, а также отказов одного из родителей, проживающего за пределами Российской Федерации, в обеспечении доступа другого родителя, гражданина Российской Федерации, к общению с ребенком и участию в его воспитании объясняет актуальность создания и применения на межгосударственном уровне универсального механизма, обеспечивающего регулирование данных отношений [9].

Один из таких механизмов закреплен в Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (далее – Конвенция 1980 г.) [12], которая была принята 25 октября 1980 г. 14-й сессией Гаагской конференции по международному частному праву. Российская Федерация присоединилась к указанной Гаагской конвенции на основании Федерального закона от 31 мая 2011 г. № 102-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» [13].

Конвенция 1980 г. вступила в силу для России 1 октября 2011 г. По состоянию на 10 апреля 2014 г. в Конвенции 1980 г. участвуют 93 государства, а присоединение России к Конвенции признали только 35 государств – участников Конвенции [4].

Основная идея Конвенции 1980 г. заключается в том, что любой ребенок, незаконно вывезенный из страны обычного проживания (или удерживаемый вне ее), должен быть незамедлительно возвращен домой. Правовой механизм, заложенный в указанной Конвенции, позволяет защитить детей от вредных последствий трансграничного похищения и незаконного удержания.

Согласно Конвенции 1980 г. действия родителя будут рассматриваться как международное похищение при наличии следующих условий: 1) ребенок постоянно проживал в России (или другой стране – участнице Конвенции); при этом гражданство ребенка и родителей не имеет значения и не учитывается при вынесении решения о возвращении (ст. 4); 2) ребенок перемещен или удерживается за границей с нарушением прав опеки, причем эти права эффективно осуществлялись до его перемещения (ст. 3); 3) ребенок не достиг 16-летнего возраста (ст. 4).

При этом важно подчеркнуть, что случаи похищения детей, содержащие признаки уголовных преступлений, к предмету правового регулирования Конвенции 1980 г. не относятся. Не случайно в названии данного международного документа использован термин «гражданско-правовой аспект». Гаагская конвенция регулирует отношения в сфере частного права. Понятие «похищение», применяемое в указанном документе, имеет другое, отличное от уголовного права, значение. В этой связи следует согласиться с мнением В.Л. Кабанова, который полагает, что это, безусловно, должно ориентировать законодателей, правопользователей, правоприменителей страны, присоединившейся к Конвенции, на цивилизованные, гуманные методы и процедуры реализации прав, интересов несовершеннолетних детей, их родителей, лиц, их заменяющих, и одновременно интересов государства [16].

Иными словами, Конвенция 1980 г. распространяется на случаи, когда целью перемещения или удержания ребенка является желание осуществлять в отношении его право, связанное с заботой о личности ребенка, включая право определять место его жительства или право взять ребенка на ограниченный период времени в место иное, чем место его постоянного проживания.

Согласно положениям ст. 8 Конвенции 1980 г. любое лицо, учреждение или иная организация, заявляющие о том, что ребенок был незаконно перемещен или удерживается в нарушение прав опеки, могут обратиться в Центральный орган государства постоянного проживания ребенка или в Центральный орган любого другого договаривающегося государства за содействием в обеспечении возвращения ребенка.

Соответствующий Центральный орган должен быть создан в каждом государстве – участнике Конвенции 1980 г. (ст. 6). Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2011 г. № 1097, вступившему в силу 12 января 2012 г., Центральным органом, отправляющим обязанности, возложенные на Центральные органы Конвенцией 1980 г., определено Министерство образования и науки Российской Федерации [17]. Функции по операционной деятельности в связи отправлением обязанностей Центрального органа в Министерстве исполняются отделом нормативно-правового регулирования в сфере защиты прав детей Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей[5].

В соответствии со ст. 7 Конвенции 1980 г. Центральный орган принимает необходимые меры для

обнаружения местонахождения незаконно перемещенного или удерживаемого ребенка, предотвращения причинения ему дальнейшего вреда; проводит мероприятия по организации или обеспечению эффективного осуществления прав доступа; инициирует судебные или административные процедуры для возвращения ребенка; оказывает и другие виды содействия, предусмотренные ст. 7 Конвенции.

Важно отметить, что Центральный орган предпринимает все необходимые меры для обеспечения в первую очередь добровольного возвращения ребенка или содействия мирному урегулированию спорных вопросов (п. «с» ст. 7 Конвенции). В Российской Федерации в целях добровольного возвращения ребенка может быть использована процедура медиации, предусмотренная Федеральным законом «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [18]. Данный Федеральный закон регулирует отношения, связанные с применением процедуры медиации, к спорам, возникающим, в частности, из гражданских и семейных правоотношений (ч. 2 ст. 1)[6].

В ходе анализа положений Конвенции 1980 г. с учетом требований Методики осуществления мониторинга в Российской Федерации по показателю использования положений нормативных правовых актов в качестве основания совершения юридически значимых действий (пп. «к» п. 8) была установлена необходимость имплементации положений этого международного акта в законодательство Российской Федерации [22]. Федеральным законом № 126-ФЗ от 5 мая 2014 г. были внесены изменения в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «О судебных приставах», Федеральный закон «Об исполнительном производстве», а также в Закон Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности» (далее Федеральный закон №126-ФЗ) [23].

Федеральный закон № 126-ФЗ дополнил подраздел II раздела II Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее ГПК РФ) новой главой 22.2 «Производство по рассмотрению заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации». Указанная глава включает 9 статей, которые определяют процессуальные особенности рассмотрения дел по искам о возвращении ребенка или о праве доступа к нему. Дела по искам о возвращении ребенка на основании Конвенции 1980 г. или осуществлении на ее основании прав доступа обладают существенными сложностью и спецификой.

Судам в соответствии с ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11 ГПК РФ предстоит непосредственно применять нормы Конвенции, раскрывающие понятия незаконного перемещения и незаконного удержания ребенка, прав опеки и прав доступа, предусматривающие обстоятельства, при наличии которых заявление подлежит удовлетворению или отклонению, а также принимать во внимание на основании Конвенции иностранное законодательство, судебные или административные решения [24].

Заявления о возвращении ребенка или осуществлении прав доступа к нему подлежат рассмотрению судом в исковом производстве с учетом того, что спор возникает из семейных правоотношений в связи с нарушением прав опеки и доступа, требование предъявляется к конкретному лицу – предполагаемому нарушителю указанных прав заявителя, стороны спора имеют противоположные юридические интересы, но вправе урегулировать его с помощью мирового соглашения. Поэтому в случае незаконного перемещения или удержания ребенка судебная защита нарушенных прав опеки и доступа на основании Конвенции 1980 г. должна осуществляться в исковой форме [24].

Согласно ч. 1 ст. 244.11 ГПК РФ обратиться в суд с заявлением о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа к нему могут родители ребенка, иные лица, полагающие, что ответчиком нарушены их права в отношении ребенка, а также прокурор.

Исходя из специфики и сложности таких дел, определена их особая родовая подсудность. В соответствии с ч. 2 ст. 244.11 ГПК РФ подсудность дел, касающихся возвращения незаконно перемещенного или удерживаемого ребенка отнесена в каждом федеральном округе к подсудности одного из районных судов, расположенного в месте нахождения верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области и судов автономных округов. Иными словами, следует отталкиваться от места пребывания ребенка в соответствующем федеральном округе. Например, такими районными судами в ст. 244.11 ГПК РФ названы Тверской районный суд г. Москвы (для Центрального федерального округа); Дзержинский районный суд г. Санкт-Петербурга (для Северо-Западного федерального округа); Центральный районный суд города Новосибирска при пребывании ребенка в пределах Сибирского федерального округа.

При таком подходе определения подсудности число судов, компетентных рассматривать подобные дела, сократилось до девяти (с учетом изменений, внесенных Федеральным законом в ГПК РФ от 23.06.2014 № 154-ФЗ) [25].

Аналогичная, так называемая централизованная, юрисдикция успешно применяется в других государствах – участниках Конвенции 1980 г. (Австралии, Великобритании, Венгрии, Швецарии, Германии и др.). Так, например, в Германии Конвенция 1980 г. вступила в силу 1 декабря 1990 г. На тот момент судьи не были ознакомлены с практикой ее применения. Вследствие этого судебные споры были подсудны по первой инстанции более чем 600 судам и рассматривались длительное время; судьями некорректно применялось национальное законодательство, поскольку дела по Конвенции рассматривались как дела об определении места жительства ребенка и об осуществлении родительской опеки; в большинстве случаев судьи ссылались на исключения, предусмотренные Конвенцией, что повлекло серьезную критику со стороны государств – участников Конвенции.

В апреле 1999 г. законодательство Германии было изменено, в результате чего дела по Конвенции стали подсудны 24 судам, судьи которых регулярно проходят обучение по вопросам применения Конвенции. Это кардинально изменило ситуацию, а также способствовало успешному применению Конвенции 1980 г. в качестве меры предотвращения похищения детей [24].

Анализируя указанные правила определения родовой подсудности, безусловно, следует отметить, что установление так называемой централизованной подсудности является своего рода «законодательной новеллой». Ранее никогда еще районный суд определенного города не наделяли какими-то особыми полномочиями, отличными от других районных судов. В этой связи представляется более логичным передать указанную категорию дел на рассмотрение, например, судам уровня субъекта Российской Федерации, где уже имеется опыт работы с иностранцами, поскольку иностранное усыновление относится к подсудности судов субъектов Российской Федерации (ч. 2 ст. 269 ГПК РФ). Поэтому стоит согласиться с мнением Н.В. Кравчук, о том, что концентрация дел о возврате детей на основании Конвенции 1980 г. в судах указанного уровня обеспечит высокое качество их разрешения, соблюдение кратких сроков рассмотрения заявлений, специализацию судей и быстрое накопление ими опыта [26].

Что касается территориальной подсудности, то она определяется исходя из фактического или последнего известного места нахождения ребенка, о возвращении которого ставится вопрос (ч. 2, 3 ст. 244.11 ГПК РФ). В случае изменения места пребывания ребенка заявление о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа подлежит рассмотрению судом, который принял заявление к своему производству с соблюдением установленных правил подсудности (ч. 4 ст. 244.11 ГПК РФ).

Следующей процессуальной особенностью, направленной на разработку упрощенного механизма рассмотрения исследуемой категории дел, является установление сокращенных процессуальных сроков.

Во-первых, в соответствии с ч. 2 ст. 244.15 ГПК РФ заявление о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа рассматривается судом в срок, не превышающий сорока двух дней со дня принятия заявления судом, включая срок на подготовку дела к судебному разбирательству и составление мотивированного решения.

Сокращенный срок рассмотрения дела определен таким образом, чтобы решение по делу о похищении ребенка могло быть вынесено в течение шести недель с начала процедур, как того требует ст. 11 Конвенции 1980 г.

Во-вторых, сроки обжалования решений суда по данным делам сокращены до 10 дней, а сроки рассмотрения дел судом апелляционной инстанции – до одного месяца со дня поступления дела в суд апелляционной инстанции (ст. 244.17 ГПК РФ).

В-третьих, согласно положениям ст. 244.19 ГПК РФ высылка копий судебных постановлений Центральному органу, лицам, участвующим в деле, а также в суд, в производстве которого находится дело, связанное со спором об этом ребенке, должна осуществляться не позднее дня, следующего за днем вынесения соответствующего постановления.

Частью первой ст. 244.15 ГПК РФ установлено рассмотрение исследуемой категории дел с обязательным участием органа опеки и попечительства и прокурора.

Новые положения ГПК РФ не допускают в рамках указанной категории дел соединения нескольких требований и заявление встречных исков (ст. 244.14 ГПК РФ).

Данный запрет направлен на то, чтобы не допустить смешения дела о возвращении ребенка с другими делами о воспитании ребенка. Данное требование основано на положении Конвенции 1980 г., согласно которому, разрешая требование о возвращении ребенка в государство его постоянного проживания, суд не решает вопроса о том, с кем из родителей будет проживать ребенок.

Согласно положениям ст. 16 Конвенции после получения уведомления о незаконном перемещении или незаконном удержании ребенка судебные органы государства, в которое ребенок перемещен или в котором он удерживается, не должны выносить решения относительно прав опеки, пока не будет установлено, что ребенок не подлежит возвращению в соответствии с Конвенцией. Предполагается, что в случае возвращения ребенка в государство его постоянного проживания спор о ребенке подлежит разрешению судом указанного государства. Так, если местом постоянного проживания ребенка является Российская Федерация, то спор между родителями о месте жительства ребенка и / или порядке общения с ним должен будет рассматриваться российским судом.

В связи с этим абзацем 7 ст. 215 ГПК РФ введено новое основание для приостановления производства по делу, связанному с воспитанием ребенка, в случае поступления в суд копии определения суда о принятии к производству заявления о возвращении этого ребенка или об осуществлении в отношении него прав доступа на основании международного договора Российской Федерации. Кроме того, ч. 1.1 ст. 169 ГПК РФ предусмотрена обязанность суда отложить на тридцать дней разбирательство дела, связанного со спором о ребенке, в случае поступления письменного уведомления от Центрального органа, назначенного в Российской Федерации в целях обеспечения исполнения обязательств по международному договору Российской Федерации, о получении им заявления о незаконном перемещении этого ребенка в Российскую Федерацию или его удержании в Российской Федерации с приложением к уведомлению копии заявления, если ребенок не достиг возраста, по достижении которого указанный международный договор не подлежит применению в отношении этого ребенка. Указанные нововведения установлены в развитие основных принципов Конвенции 1980 г.: если вывоз ребенка в другую страну был незаконным, суд страны, куда был перевезен ребенок, не имеет права принимать какие-либо решения о родительских правах в отношении данного ребенка. Судья страны, куда был привезен

ребенок, обязан, напротив, предписать немедленно возвратить ребенка в страну, где он проживал до его перемещения. Однако основополагающий характер и успех Гаагской конвенции 1980 г. основан на том, что незаконное перемещение ребенка признается недопустимым и любые споры о детях должны рассматриваться судом по их месту жительства. При этом в центре применения всех механизмов защиты несовершеннолетних находится суд постоянного места жительства ребенка [27].

Одной из новелл процессуального законодательства является установление новых видов обеспечительных мер. Так, для предотвращения односторонних, не согласованных с истцом действий ответчика ст. 244.13 ГПК РФ («Обеспечение иска») предусматривает, что судья может запретить ответчику до вступления в законную силу решения суда по делу о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа изменять место пребывания ребенка и временно ограничить его выезд из Российской Федерации. Кроме того, ст. 120 ГПК РФ («Розыск ответчика и (или) ребенка») дополнена положением, что при неизвестности места пребывания ответчика и / или ребенка по требованию о возвращении незаконно перемещенного в Российскую Федерацию или удерживаемого в Российской Федерации ребенка или об осуществлении в отношении такого ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации судья обязан вынести определение об объявлении розыска ответчика и / или ребенка[7].

В соответствии со ст. 244.16 ГПК РФ решение суда по делу о возвращении на основании международного договора Российской Федерации незаконно перемещенного в Российскую Федерацию или удерживаемого в Российской Федерации ребенка должно содержать в том числе порядок возвращения ребенка, указание на распределение расходов, связанных с возвращением ребенка, а решение суда по делу об осуществлении в отношении ребенка, незаконно перемещенного в Российскую Федерацию или удерживаемого в Российской Федерации, прав доступа на основании международного договора Российской Федерации должно содержать в том числе меры по обеспечению осуществления прав доступа.

Вместе с тем Конвенция 1980 г. содержит ряд ограничений на возвращение ребенка в страну его обычного проживания. Так, судебный или административный орган запрашиваемого государства может отказать в возвращении ребенка в следующих случаях:

1) если с момента незаконного перемещения или удержания ребенка прошло более одного года и ребенок адаптировался к новой среде (абзац 2 ст. 12 Конвенции);

2) если родитель, выступающий против возвращения ребенка, смог доказать, что другой родитель фактически не осуществлял право опеки на момент перемещения или удержания ребенка (п. «a» ст. 13 Конвенции):

3) если родитель дал согласие на перемещение либо удержание ребенка или впоследствии не выразил возражений против таковых (п. «a» ст. 13 Конвенции);

4) если имеется очень серьезный риск того, что возвращение ребенка создаст угрозу причинения ему физического или психологического вреда либо иным образом поставит его в невыносимые условия (абзац 1 п. «b» ст. 13 Конвенции);

5) если ребенок возражает против возвращения и уже достиг такого возраста и степени зрелости, при которых следует принять во внимание его мнение (абзац 2 п. «b» ст. 13 Конвенции);

6) если возвращение ребенка противоречит основополагающим принципам запрашиваемого государства, касающимся защиты прав человека и основных свобод (ст. 20 Конвенции).

В целях проведения розыска ребенка, обеспечения исполнения судебных решений о возвращении незаконно перемещенных или незаконно удерживаемых детей или об осуществлении в отношении таких детей прав доступа Федеральным законом № 126-ФЗ внесены изменения в Федеральные законы «Об исполнительном производстве», «О судебных приставах», а также в Закон Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации».

Вне сферы внимания законодателя остались многие вопросы, касающиеся новых для российских ученых и практиков понятий, вводимых Конвенцией, а также ряд положений российского законодательства, вступающих в противоречие с международными стандартами в области защиты прав ребенка или не способствующих эффективному исполнению Конвенции [26]. В Конвенции используется ряд терминов, смысл которых не обязательно совпадает со смыслом, вкладываемым в эти понятия в национальном праве стран-участниц, в том числе и России, а также терминов, не имеющих аналогов в национальном праве в связи с различным правовым регулированием рассматриваемых вопросов[8]. Поэтому для эффективного применения Конвенции 1980 г. требуется приведение норм внутреннего законодательства в соответствие с ее положениями.

Разделяя мнение О.А. Хазовой [28], хочется верить, что присоединение России к Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. поможет создать в России механизм цивилизованного рассмотрения трансграничных споров о детях.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Например: Российская Федерация является участницей Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования 1960 г., которая была ратифицирована СССР еще 1 августа 1962 г. [4].

[2] См.: Конвенция МОТ о минимальном возрасте для приема на работу (Конвенция 138) 1973 г.; и Конвенция МОТ о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда (Конвенция 182) 1999 г. [5, 6].

[3] Значительный рост случаев международного похищения родителями друг у друга своих детей отмечается как учеными (например, [10], так и практиками (например, [11]).

[4] Аналитики по-разному оценивают целесообразность присоединения Российской Федерации к Конвенции 1980 г. Некоторые видят в этом поспешное политическое решение (например, [14]); другие, напротив, находят положительные моменты (например, [15]). Интересно отме-

тить, что подобный плюрализм проявился, в частности, и в Государственной думе при обсуждении проекта Федерального закона «О присоединении Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» и при голосовании по проекту. За проект Федерального закона проголосовали 323 депутата (71,8%), против – 58 (12,9%), воздержавшихся не было. Всего голосовал 381 депутат, не голосовали 69 [16].

[5] Стоит отметить, что в большинстве стран – участников Конвенции 1980 г. центральным органом является Министерство юстиции, что кажется вполне оправданным в свете тех функций, которые возлагаются на центральный орган (ст. 7 Конвенции).

[6] Более подробно о возможностях применения процедуры медиации в рамках реализации положений Конвенции 1980 г. см. [19–21].

[7] Как отмечают аналитики, это положение является огромной новеллой, ничего подобного ранее не было даже в практике, не говоря уже о теории. Такое решение вопроса очень сильно приближает нас к правовым реалиям западных стран, где нормальным для суда является, например, запрет ответчику не приближаться ближе километра к жилищу истца.

[8] Например, российскому семейному праву не известен институт родительской опеки. Также в российском праве не употребляется понятие «право доступа» и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Указ* Президента Российской Федерации от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // Собрание законодательства РФ. 04.06.2012. № 23. Ст. 2994.
2. *Постановление* Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2013 № 19-П «По делу о проверке конституционности п. 13 части первой ст. 83, абзаца третьего части второй ст. 331 и ст. 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 29.07.2013. № 30 (ч. II). Ст. 4189.
3. *Конвенция* о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.
4. *Конвенция* о борьбе с дискриминацией в области образования (Заключена в г. Париже 14.12.1960) (вступила в силу для СССР 1 ноября 1962 года) // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М. : Логос, 1993.
5. *Конвенция* № 138 Международной организации труда «О минимальном возрасте для приема на работу» [рус., англ.] (Заключена в г. Женеве 26.06.1973): Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М. : Юрид. лит., 1990.
6. *Конвенция* № 182 Международной организации труда «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда» [рус., англ.] (Заключена в г. Женеве 17.06.1999) (ратифицирована 23 мая 2003 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 17 мая 2004 г. № 20. Ст. 1924.
7. *Международные* обязательства Российской Федерации в сфере защиты прав детей в свете деятельности международных универсальных и региональных контрольных органов по правам человека // Евразийский юридический журнал. 2013. № 10 (65).
8. *Указ* Президента Российской Федерации от 01.09.2009 № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка» // Собрание законодательства Российской Федерации. 07.09.2009. № 36. Ст. 4312.
9. *Семина Т.А., Тригубович Н.В.* К вопросу о реализации в Российской Федерации Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. // Семейное и жилищное право. 2012. № 4.
10. *Хазова О.А.* Международное похищение детей: правовые аспекты // Закон. 2010. № 1.
11. *Семья* Интернешнл // Вестник Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. 2012. № 2.
12. *Конвенция* о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей [рус., англ.] (Заключена в г. Гааге 25.10.1980) // Собрание законодательства Российской Федерации. 19 декабря 2011 г. № 51. Ст. 7452.
13. *Федеральный* закон от 31 мая 2011 года № 102-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 06.06.2011. № 23. Ст. 3242.
14. *Борминская Д.С.* К вопросу о присоединении Российской Федерации к Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. // Семейное и жилищное право. 2011. № 5.
15. *Ростовцева Н.В.* О применении в России Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей // Судья. 2014. № 8.
16. *Кабанов В.Л.* Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей как компонент российского права // Семейное и жилищное право. 2014. № 1.
17. *Постановление* Правительства Российской Федерации от 22.12.2011 № 1097 «О центральном органе, отправляющем обязанности, возложенные на него Конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 02.01.2012. № 1. Ст. 141.
18. *Федеральный* закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (с изм. и доп. от 01.09.2013) // Собрание законодательства Российской Федерации. 02.08.2010. № 31. Ст. 4162.
19. *Тригубович Н.В., Семина Т.А., Чернов А.В.* Применение медиации при разрешении споров о детях, в том числе в рамках реализации положений Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года // Семейное и жилищное право. 2013. № 1.
20. *Сюкияйнен Э.Л.* Медиация в международных семейных конфликтах: российский аспект // Семейное и жилищное право. 2014. № 2.
21. *Семина Т.А.* Применение в Российской Федерации Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, заключенной в г. Гааге 25 октября 1980 г. Реформа законодательства. Механизмы медиации // Семейное и жилищное право. 2014. № 2.
22. *Доклад* Правительства Российской Федерации о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2011 год // Российская газета. 2013. 27 марта.
23. *Федеральный* закон от 05.05.2014 № 126-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с присоединением Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 12.05.2014. № 19. Ст. 2331.
24. *Пояснительная* записка «К проекту Федерального закона “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с присоединением Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей”». URL: http://base.garant.ru/57707925.
25. *Федеральный* закон от 23.06.2014 № 154-ФЗ «О создании судов Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 30.06.2014. № 26 (ч. I). Ст. 3360.
26. *Кравчук Н.В.* Конвенция о международном похищении детей: законодательные проблемы и перспективы реализации // Семейное и жилищное право. 2013. № 1.
27. *Гетьман-Павлова И.В.* Международное частное право России, Франции и Европейского союза: новые горизонты для совместного правосудия (обзор научно-исследовательского проекта Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна) // Международное право и международные организации. 2014. № 1.

28. *Хазова О.А.* Присоединение России к Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей и вопросы российского семейного права // Закон. 2012. № 5.

Статья представлена научной редакцией «Право» 4 июня 2015 г.

THE SPECIFIC PROCEDURE FOR CONSIDERATION OF APPLICATIONS FOR THE RETURN OF THE CHILD OR ON THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHTS OF THE CHILD ON THE BASIS OF THE INTERNATIONAL AGREEMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 204–211. DOI: 10.17223/15617793/397/31

Galkovskaya Natalia G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ni13012003@mail.ru

Keywords: international convention; child protection at the international level; illegal removal or retention of children; custody; access; judicial; administrative procedures of return of children illegally removed to any of the contracting States.

The article analyzes the process of implementation of the Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction, 1980 in the system of the Russian legislation. The specified Hague convention came into force for Russia on October 1, 2011. The federal law No. 126-FZ of May 5, 2014 made changes to the Civil Procedure Code of the Russian Federation, the Family code of the Russian Federation, the Federal law "On bailiffs", the Federal law "On executive production", and also to the Law of the Russian Federation "On private detective and security activity". The Code of Civil Procedure of the Russian Federation is added with new chapter 22.2 "Production on applications for return of the child or on the implementation of the rights of the child on the basis of an international agreement of the Russian Federation". This chapter contains nine articles which establish the following procedural features: 1) the statement about the return of a child or realization of rights to access him/her is subject to consideration in a court in a lawsuit production; 2) the right to apply for return of a child belongs to the child's parents, other persons who consider that their rights have been violated by the defendant in respect of the child, as well as prosecutor (Part 1, Article 244.11); 3) the law defined a special tribal jurisdiction in the specified categories of cases (Part 2, Article 244.11); 4) the reduced procedural terms for trial on the merits (Part 2, Article 244.15), for the appeal of a judgment and consideration of the case of appeal instance by court (article 244.17), and also for sending copies of court rulings (Article 244.19); 5) Part 1, Article 244.15 states the investigated cases are to be heard with obligatory presence of the Department of Custody and Guardianship authorities and the prosecutor; 6) under this category of cases, the new regulations do not permit several requirements and counter-claims (Article 244.14); 7) one of the novels of procedural law is the establishment of new types of interim measures: the defendant is prohibited to change the place of residence of the child and temporarily restrict the child's departure from the Russian Federation before the the court verdict on the case for the return of the child or on the exercise of the rights to access comes into force (Article 244.13), etc. In conclusion, the author claims that many questions on the topic are still not accounted for by legislators. A number of provisions of the Russian legislation conflicts with the international standards in the field of protection of the rights of the child. Therefore, for the effective implementation of the 1980 Convention, it is necessary to bring domestic laws into conformity with its provisions.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2012) Decree of the President of the Russian Federation of 01.06.2012 no. 761 "On the National Strategy of Action for Children in 2012–2017". *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the legislation of the Russian Federation]. 04.06.2012. 23. Art. 2994. (In Russian).
2. Russian Federation. (2013) The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 18.07.2013 no. 19-P "On the case on the constitutionality of paragraph 13 of the first part of Art. 83, third paragraph of the second part of Art. 331 and Art. 351.1 of the Labour Code of the Russian Federation in connection with citizens' complaints of V.K. Barabash, A.N. Bekasova and others, and with a query of Murmansk Regional Duma". *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of the legislation of the Russian Federation]. 29.07.2013. 30 (Pt. II). Art. 4189. (In Russian).
3. USSR. (1993) The Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on 20.11.1989) (entered into force for the USSR on 15.09.1990). *Sbornik mezhdunarodnykh dogovorov SSSR* [Collection of the international treaties of the USSR]. XLVI.
4. USSR. (1993) The Convention against Discrimination in Education (concluded in Paris on 14.12.1960) (entered into force for the USSR on November 1, 1962). In: *Mezhdunarodnye normativnye akty YuNESKO* [International regulations of UNESCO]. Moscow: Logos. (In Russian).
5. USSR (1990) *Konventsiya № 138 Mezhdunarodnoy organizatsii truda "O minimal'nom vozraste dlya priema na rabotu" [rus., angl.] (Zaklyuchena v g. Zheneve 26.06.1973): Mezhdunarodnaya zashchita prav i svobod cheloveka. Sbornik dokumentov* [Convention No. 138 of the International Labor Organization "On the minimum age for admission to employment" [Rus., Eng.] (Concluded in Geneva on 26.06.1973): The international protection of human rights and freedoms. Collection of documents]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
6. Russian Federation. (2004) Convention No. 182 of the International Labor Organization "On the Prohibition and Immediate Action for the Elimination of the Worst Forms of Child Labour" [Rus., Eng.] (Concluded in Geneva on 17.06.1999) (ratified on 23 May 2003). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of the legislation of the Russian Federation]. 17.05.2004. 20. Art. 1924. (In Russian).
7. Solntsev, A.M. & Koneva, A.E. (2013) International obligations of Russian Federation related to children's rights in the light of the activities of universal and regional human rights control mechanisms. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian Law Journal*. 10 (65). (In Russian).
8. Russian Federation. (2009) Presidential Decree of 01.09.2009 no. 986 "On the Commissioner of the President of the Russian Federation for the Rights of the Child". *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of the legislation of the Russian Federation]. 07.09.2009. 36. Art. 4312. (In Russian).
9. Semina, T.A. & Trigubovich, N.V. (2012) K voprosu o realizatsii v Rossiyskoy Federatsii Konventsii o grazhdansko-pravovykh aspektakh mezhdunarodnogo pokhishcheniya detey 1980 g. [On the issue of the implementation in the Russian Federation of the Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction of 1980] *Semeynoe i zhilishchnoe pravo – Family and Housing Law*. 4.
10. Khazova, O.A. (2010) Mezhdunarodnoe pokhishchenie detey: pravovye aspekty [International child abduction: legal aspects]. *Zakon*. 1.
11. Anon. (2012) Sem'ya Interneshnl [The Family International]. *Vestnik Upolnomochennogo pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po pravam rebenka*. 2.
12. Russian Federation. (2011) The Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction [Rus., Eng.] (Concluded in the Hague 25.10.1980). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of the legislation of the Russian Federation]. 19.12.2011. 51. Art. 7452. (In Russian).
13. Russian Federation. (2011) Federal Law of May 31, 2011 no. 102-FZ "On Accession of the Russian Federation to the Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction". *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of the legislation of the Russian Federation]. 06.06.2011. 23. Art. 3242. (In Russian).

14. Borminskaya, D.S. (2011) K voprosu o prisoedinenii Rossiyskoy Federatsii k Gaagskoy konventsii o grazhdansko-pravovykh aspektakh mezhdunarodnogo pokhishcheniya detey 1980 g. [On the question of accession of the Russian Federation to the Hague Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction, 1980]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo – Family and Housing Law*. 5.
15. Rostovtseva, N.V. (2014) O primenenii v Rossii Gaagskoy konventsii o grazhdansko-pravovykh aspektakh mezhdunarodnogo pokhishcheniya detey [On the application to Russia of the Hague Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction]. *Sud'ya*. 8.
16. Kabanov, V.L. (2014) Konventsiya o grazhdansko-pravovykh aspektakh mezhdunarodnogo pokhishcheniya detey kak komponent rossiyskogo prava [The Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction as a component of the Russian law]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo – Family and Housing Law*. 1.
17. Russian Federation. (2012) Resolution of the Government of the Russian Federation of 22.12.2011 no. 1097 "On the central authority sending the responsibilities entrusted to it by the Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction". *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of the legislation of the Russian Federation]. 02.01.2012. 1. Art. 141. (In Russian).
18. Russian Federation. (2010) The Federal Law of 27.07.2010 no. 193-FZ (ed. on 07.23.2013) "On Alternative Dispute Resolution Procedure Involving a Mediator (Mediation Procedure)" (rev. and ext. On 01.09.2013). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of the legislation of the Russian Federation]. 02.08.2010. 31. Art. 4162. (In Russian).
19. Trigubovich, N.V., Semina, T.A. & Chernov, A.V. (2013) Primenenie mediatsii pri razreshenii sporov o detyakh, v tom chisle v ramkakh realizatsii polozheniy Gaagskoy konventsii o grazhdansko-pravovykh aspektakh mezhdunarodnogo pokhishcheniya detey 1980 goda [The use of mediation to resolve disputes about children, including the framework of the provisions of the Hague Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction, 1980]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo – Family and Housing Law*. 1.
20. Syukiyaynen, E.L. (2014) Mediatsiya v mezhdunarodnykh semeynykh konfliktakh: rossiyskiy aspekt [Mediation in international family conflicts: the Russian aspect]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo – Family and Housing Law*. 2.
21. Semina, T.A. (2014) Primenenie v Rossiyskoy Federatsii Konventsii o grazhdansko-pravovykh aspektakh mezhdunarodnogo pokhishcheniya detey, zaklyuchennoy v g. Gaage 25 oktyabrya 1980 g. Reforma zakonodatel'stva. Mekhanizmy mediatsii [The use in the Russian Federation of the Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction, concluded in The Hague on 25 October 1980. Legislation reform. The mechanisms of mediation]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo – Family and Housing Law*. 2.
22. Russian Federation. (2013) Doklad Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii o rezul'tatakh monitoringa pravoprimeneniya v Rossiyskoy Federatsii za 2011 god [Report of the Government of the Russian Federation on the results of monitoring of law enforcement in the Russian Federation in 2011]. *Rossiyskaya gazeta*. 27 March.
23. Russian Federation. (2014) The Federal Law of 05.05.2014 no. 126-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with the accession of the Russian Federation to the Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction". *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of the legislation of the Russian Federation]. 12.05.2014. 19. Art. 2331. (In Russian).
24. Russian Federation. (n.d.) The explanatory note "To the draft federal law On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with the accession of the Russian Federation to the Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction". [Online]. Available from: http://base.garant.ru/57707925. (In Russian).
25. Russian Federation. (2014) The Federal Law of 23.06.2014 no. 154-FZ "On the establishment of courts of the Russian Federation in the Republic of Crimea and Sevastopol city of federal significance and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation". *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of the legislation of the Russian Federation]. 30.06.2014. 26 (Pt. I). Art. 3360. (In Russian).
26. Kravchuk, N.V. (2013) Konventsiya o mezhdunarodnom pokhishchenii detey: zakonodatel'nye problemy i perspektivy realizatsii [Convention on International Child Abduction: legislative problems and prospects of implementation]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo – Family and Housing Law*. 1.
27. Get'man-Pavlova, I.V. (2014) Mezhdunarodnoe chastnoe pravo Rossii, Frantsii i Evropeyskogo soyuza: novye gorizonty dlya sovmestnogo pravosudiya (obzor nauchno-issledovatel'skogo proekta Natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta "Vysshaya shkola ekonomiki" i Universiteta Parizh 1 Panteon-Sorbonna) [International Private Law of Russia, France and the European Union: new horizons for joint Justice (overview of a research project of the National Research University "Higher School of Economics" and the University of Paris 1 Pantheon-Sorbonne)]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii – International Law and International Organizations*. 1. DOI: 10.7256/2226-6305.2014.1.11537
28. Khazova, O.A. (2012) Prisoedinenie Rossii k Gaagskoy konventsii o grazhdansko-pravovykh aspektakh mezhdunarodnogo pokhishcheniya detey i voprosy rossiyskogo semeynogo prava [Russia's accession to the Hague Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction and the issues of family law]. *Zakon*. 5.

Received: 04 June 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 212–215. DOI: 10.17223/15617793/397/32

УДК 343.1

А.О. Машовец

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СУДЕБНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПОЛИГРАФА

Рассматриваются проблемные вопросы использования в доказывании результатов психофизиологического исследования. Обосновывается вывод о том, что использование полиграфа в судебном следствии является фундаментальным нарушением уголовно-процессуального закона. Практика использования полиграфа при допросах и в ходе проведения психофизиологических экспертиз в уголовном процессе должна быть законодательно запрещена.

Ключевые слова: полиграф; психофизиологическая экспертиза; судебное следствие; уголовный процесс; доказывание.

В следственно-судебной практике последних лет наметилась тенденция широкого применения в доказывании так называемого психофизиологического метода, основанного на использовании полиграфа при опросе или допросе. Теперь полиграф объявляется уже не просто оперативно-разыскным «средством ориентирующей информации», а респектабельным «заключением психофизиологической экспертизы», хотя суть технологии исследования осталась прежней. Ее в свое время А.М. Ларин квалифицировал как паракриминалистику, «придурковатую родственницу» почтенной криминалистики [1. С. 85–86].

Полиграф взят на вооружение многими спецслужбами и органами предварительного расследования. Разработаны околонаучные методики и стандарты, создающие видимость научности психофизиологических исследований. Особенно преуспел в развитии своего штата экспертов-полиграфологов Следственный комитет РФ. Судя по всему, руководство Следственного комитета РФ считает полиграф той палочкой-выручалочкой, которая поможет следователям в раскрытии преступлений и формировании доказательственной базы по делу. Так, в 2012 г. полиграфологам Следственного комитета РФ поручили производство больше 10,6 тыс. психофизиологических исследований. По сравнению с 2011 г., выводы экспертизы становились основой обвинительного заключения почти в два раза чаще (увеличение с 445 случаев до 855). Следственный Комитет РФ стремится к тому, чтобы оснастить все свои подразделения полиграфами и сделать процедуру допроса с использованием полиграфа обязательной [2].

Как тут не вспомнить пророческие слова А.М. Ларина: «Чтобы имитировать внедрение в расследование достижений науки и техники, они [практики. – *А.М.*] охотно прислушиваются к советам, которые им дают деятели особого рода. Эти шустрые господа, которые не склонны день и ночь, в жару и холод преследовать преступников, по крохам в пыли и мусоре собирать доказательства, а предпочитают в комфортабельных кабинетах испытывать полиграфом подозреваемого или обвиняемого, трактуя вкривь и вкось графики на бумажных лентах, ни за что не отвечая и пользуясь при этом всеми благами и преимуществами сотрудников милиции или службы безопасности» [1. С. 148].

Впрочем, еще более опасен тренд на использование психофизиологических исследований с помощью полиграфа в судебном следствии. Некоторые суды признают результаты такого рода исследований, в частности показания специалистов-полиграфологов, заключения судебных психофизиологических экспертиз, доказательствами и ссылаются на них в обосновании приговоров. Случаи назначения судебных психофизиологических экспертиз, использования в допросах полиграфов известны в Астраханской, Владимирской, Тамбовской, Саратовской областях, в Республиках Мордовия, Бурятия, Северная Осетия – Алания [3. С. 51–57].

Причем, как показывает практика, даже в суде с участием присяжных заседателей происходят исследования данных, полученных с использованием полиграфа [4]. Использование полиграфа при судебном допросе, с последующим подтверждением полученных данных судебной психофизиологической экспертизой, стало реальностью доказывания и в некоторых судах субъектов федерации. К счастью, Верховный суд РФ в ряде своих решений отказал в признании доказательственного значения за результатами психофизиологических исследований с помощью полиграфа [5–8]. Однако даже это не останавливает «полиграфов полиграфовичей».

В научном сообществе есть активные сторонники использования в доказывании результатов психофизиологических исследований с помощью полиграфа. Известен ряд работ, в которых предлагается нормативно закрепить доказательственное значение результатов психофизиологических исследований с помощью полиграфа [9–11].

Ставить вопрос о легализации применения полиграфа для получения показаний в суде могут только люди, не понимающие гуманистической сущности правосудия, стандарта «отсутствия разумных сомнений», принципиального значения оценки доказательств судьей по внутреннему убеждению, принципа презумпции невиновности. Именно по причине противоречия этим принципам и стандартам проект ФЗ «О применении полиграфа» был отвергнут Экспертно-консультативным советом при Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству [12].

Только судья может проверять и оценивать личные доказательства и делать окончательный вывод об их достоверности или ложности. В суде с участием присяжных заседателей оценка показаний любого из участников процесса относится к исключительной компетенции присяжных заседателей, а не эксперта. В связи с этим заключение судебно-психофизиологической экс-

пертизы (СПФЭ) не может быть признано допустимым доказательством [13. С. 161]. Исследования на полиграфе не являются доказательствами факта, не могут представляться в качестве доказательства коллегии присяжных заседателей [4. С. 60–61].

В апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 29.01.2014 г. отмечается: «Психофизиологическое исследование (проверка на полиграфе) уголовно-процессуальным законом не предусмотрена, не является доказательством факта и не может представляться в качестве такового коллегии присяжных заседателей» [5].

Мы вполне разделяем выводы о том, что по смыслу положений ст. 74, 75 УПК РФ заключения психофизиологических исследований с использованием полиграфа, равно как и заключение СПФЭ, являются недопустимыми доказательствами и не могут использоваться в доказывании фактических обстоятельств дела. В суде с участием присяжных заседателей применение данного средства доказывания тем более недопустимо в силу норм ст. 334, ч. 7 ст. 335 УПК РФ.

Психофизиологические исследования с помощью полиграфа носят вероятностный характер, выводы специалистов не являются научно обоснованными, поставленные на разрешение специалистов вопросы о правдивости показаний подсудимого, а также о том, имели ли место в действительности обстоятельства, изложенные в обвинении, относятся к исключительной компетенции суда. Составленные по результатам психофизиологических исследований документы не соответствуют требованиям, предъявляемым к заключениям эксперта (специалиста).

Если допустить использование в судебном доказывании проверку и оценку показаний с использованием детектора лжи, мы сделаем первый шаг к тому, чтобы подменить человеческое правосудие машинным. К сожалению, даже некоторые видные процессуалисты не видели опасности в этом. И.Л. Петрухин, например, вполне допускал возможность использовать при оценке доказательств ЭВМ [14. С. 433–434]. Все это подтверждает правильность диагноза о том, что в советской криминалистике, как, впрочем, и в уголовно-процессуальной науке, были забыты гуманитарные корни теории судебных доказательств [15].

Мы сейчас пожинаем плоды советской науки: под прикрытием риторики об объективной истине складывается новая разновидность инквизиционной технологии уголовно-процессуального доказывания, главными техниками которой являются: досудебное соглашение о сотрудничестве, возвращение судом уголовного дела прокурору, а еще и свой эксперт-полиграфолог, вооруженный надежным полиграфом, готовый «объективизировать» своей судебной психофизилогической экспертизой нужные следствию показания. Вот такое получается всестороннее, полное и объективное расследование на практике.

А. Александров и М. Лапатников пишут: «Для достижения раскрытия любого преступления и достижения неотвратимости наказания “преступника” СКР достаточно получить необходимое число «экспертов-полиграфологов» (не нужен даже оперативный аппарат). Отказ от дачи показаний против себя и применения полиграфа будут трактовать как косвенную улику против обвиняемого. С учетом современной тяги общества к чудесам не исключено появление в арсенале того СКР (который идет во главе реакции) новых нетрадиционных инструментов достижения объективной истины. Там и до пыток не далеко» [16].

Мы вполне можем возвратиться к средневековым судебно-следственным практикам, о чем предупреждал А.М. Ларин: использование полиграфа направлено на то, чтобы получить от обвиняемого уличающую его информацию вопреки его воле [1. С. 148].

Суть складывающейся следственно-судебной практики состоит в том, что специалист-полиграфолог дает оценку доказательственной базы по делу, а личные доказательства, достоверность которых подтверждается экспертом-полиграфологом, превращаются в «совершенные». Соответственно, признательные показания обвиняемого претендуют снова стать пресловутой «царицей доказательств». При попустительстве, а скорее всего при самом активном потворстве руководства некоторых правоохранительных органов российская судебно-следственная практика входит в противоречие с фундаментальными уголовно-процессуальными нормами, определяющими процедуру доказывания.

Такого быть не должно. Учение доказательственного права о свободе оценки судьей доказательств по своему внутреннему убеждению и совести (ст. 17 УПК РФ) было выстрадано вековой историей. Любая попытка оспорить его – это попрание не только правовой справедливости, но и христианской морали.

Не случайно ни в одном из развитых уголовно-процессуальных порядков применение полиграфов не разрешено в качестве техники получения доказательств. А в некоторых законодательствах прямо запрещена. Так, в ч. 3 ст. 51 УПК Грузии прямо закреплено: «Не допускается производство экспертизы на предмет надежности свидетеля». В Грузии понимают опасность подмены оценки судьи экспертными заключениями, а у нас – нет. Вместо того, чтобы брать лучшее из европейской правовой культуры, а именно стандарты справедливого судебного разбирательства, наши отдельные ученые и представители судебно-следственной практики упражняются в опасном направлении. Хотелось бы повторить им: «Манипуляции с полиграфом умножают следственные и судебные ошибки» [1. С. 148].

Что же касается показаний, то они были, есть и останутся основным источником доказательств по уголовным делам. Бороться с трудностями при получении личных доказательств надо не с помощью чудесного средства в виде полиграфа, а используя опыт и мастерство при производстве следственных действий, прежде всего перекрестного допроса, о чем пишут многие современные ученые [17. С. 29; 18. С. 33]. Состязательность, непосредственность, устность, гласность – гарантии выяснения достоверности в суде, лучше которых не выдумало человечество за все время существования правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ларин А.М.* Криминалистика и паракриминалистика : науч.-практ. и учеб. пособие. М. : БЕК, 1996. 192 с.
2. *Следственный* комитет делает ставку на детектор лжи // Известия. 2013. 3 июля. http://izvestia.ru/news/552821
3. *Ушаков А., Андрианова О.* Использование результатов психофизиологических исследований с помощью полиграфа в раскрытии и расследовании уголовных дел. Н. Новгород : НА МВД России, 2014. 83 с.
4. *Фомин М.А.* Экспертиза с использованием полиграфа как доказательство в суде присяжных // Уголовный процесс. 2014. № 8. С. 59–65.
5. *Апелляционное* определение Верховного Суда РФ от 29.01.2014 N 66-АПУ13-85СП.
6. *Кассационное* определение Верховного Суда РФ от 18.10.2012 N 58-О12-50.
7. *Кассационное* определение Верховного Суда РФ от 04.10.2012 № 34-О12-12.
8. *Кассационное* определение Верховного Суда РФ от 04.06.2008 № 74-008-18 / СПС Консультант Плюс.
9. *Холодный Ю.И.* Криминалистические диагностические исследования с применением полиграфа // Криминалистика / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. М. : ЮНИТИ–ДАНА, 2008. С. 302–317.
10. *Центров Е.Е.* О некоторых психологических и криминалистических аспектах психофизиологических исследований на полиграфе. Память и ее значение (статья первая) // Вестник криминалистики. 2012. № 2 (42). С. 22–30.
11. *Комисарова Я.В.* Комментарий к проекту Федерального закона «О применении полиграфа» // Юридический мир. 2011. № 5. С. 60–61.
12. *Заключение* Экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству «О конституционно-правовых аспектах применения полиграфа в качестве доказательства в уголовном процессе» от 08.11.2011. Доступ с сайта председателя Совета проф. Е.Г. Тарло. URL: http://www.egtarlo.ru/stati/problemi-poligrafa-v-ugo-lovnom-protsesse
13. *Андреева О.И.* Проблемы психофизиологического исследования: криминалистический аспект // Вестник ТГУ. Серия «Экономика. Юридические науки». 2014. № 389. С. 158–161.
14. *Петрухин И.Л.* Понятие и содержание оценки доказательств // Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М. : Юрид. лит., 1973. С. 427–443.
15. *Александров А.С.* Семь смертных грехов современной криминалистики // Следователь. 2011. 3 (155). С. 44–47. URL: http://www.iuaj.net/node/342
16. *Александров А.С., Лапатников М.В.* Суд на осуд, а не на россуд // Уголовное судопроизводство. 2013. № 4. С. 6–12.
17. *Александров А.С., Гришин С.П.* Перекрестный допрос в уголовном суде // Российская юстиция. 2005. № 11. С. 25–30.
18. *Юнусов А.А., Баширов Т.Н.* Предмет и пределы допроса на суде в качестве свидетеля должностных лиц правоохранительных органов, осуществлявших досудебное производство по уголовному делу // Следователь. 2011. № 3 (155) С. 30–33.

Статья представлена научной редакцией «Право» 26 июня 2015 г.

ON THE POSSIBILITY OF USING A POLYGRAPH TO TAKE TESTIMONY IN COURT PROCEEDINGS

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 212–215. DOI: 10.17223/15617793/397/32

Mashovets Asiya O. Ural State University (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: okeanovna@me.com

Keywords: polygraph; court investigation; criminal proceeding; evidence.

In investigative and court practice there is a tendency to use a psychophysiological method based on the use of polygraph during questioning and interrogation. Today a polygraph is not only an investigative facility of fixing information, but also a conclusion of psychophysiological analysis. A polygraph is used by security service and during pre-trial investigation. Scientific methods and norms are elaborated to prove the scientific character of psychophysiological research. The Investigative Committee of the Russian Federation uses a polygraph widely, it organized its own department of polygraph experts. It seems that administration of the Investigative Committee of the Russian Federation considers conclusions of polygraph experts as evidence which can help in detection of a crime and gathering evidence for a case. There is a tendency to use psychophysiological research in court investigation. The use of a polygraph during court testimony with further confirmation of the acquired information with psychophysiological analysis is a real evidence used by several courts of subjects of federation. The essence of this practice consists in the fact that a polygraph expert estimates evidence of the case, and personal evidence proved with a polygraph becomes “absolute”. Consequently, confession of the defendant tends to be “absolute evidence”. Several courts admit results of this type of research, in particular, a polygraph expert evidence, conclusions of psychophysiological analyses, as evidence for a case and refer to it as sentence foundations. Research made with a polygraph is not evidence of fact. According to Articles 74, 75 of the Criminal Proceeding Code of the Russian Federation, a conclusion of psychophysiological research with the use of a polygraph, as well as medico-legal psychiatric assessment are inadmissible evidence and can not be used as practical evidence for a case. Psychophysiological research has a probability character; expert conclusions have no scientific groundings. Questions of credibility of the defendant’s testimony, facts of the case (such as different circumstances and facts exposed by the prosecution) are related to the competence of the court. According to psychophysiological research, documents do not correspond to requirements for an expert evidence. Only the judge can verify and evaluate personal evidence and come to a conclusion on the credibility of evidence or its invalidity. In a jury trial assessment of any party’s evidence for a case is only in the competence of the jury trial, but not an expert. The adversarial system of the court, its directness, its oral nature and its publicity are the guarantees of credibility in court.

REFERENCES

1. Larin, A.M. (1996) *Kriminalistika i parakriminalistika* [Forensics and para-forensics]. Moscow: BEK.
2. Markelov, M. & Safronov, E. (2013) Sledstvennyy komitet delaet stavku na detektor lzhi The Investigative Committee relies on the lie detector. *Izvestiya*. 3 July. Available from: http://izvestia.ru/news/552821
3. Ushakov, A. & Andrianova, O. (2014) *Ispol’zovanie rezul’tatov psikhofiziologicheskikh issledovaniy s pomoshch’yu poligrafa v raskrytii i rassledovanii ugolovnykh del* [Use of the results of psychophysiological research using polygraphs in the detection and investigation of criminal cases]. Nizhny Novgorod: NA MVD Rossii.
4. Fomin, M.A. (2014) Ekspertiza s ispol’zovaniem poligrafa kak dokazatel’stvo v sude prisyazhnykh [Examination using the polygraph as evidence in a jury trial]. *Ugolovnyy protsess*. 8. pp. 59–65.
5. Appellate Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.01.2014 N 66-APU13-85SP. (In Russian).
6. Cassational Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.10.2012 N 58-O12-50. (In Russian).
7. Cassational Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 04.10.2012 N 34-O12-12. (In Russian).

8. Cassational Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 04.06.2008 N 74-008-18. (In Russian).
9. Kholodnyy, Yu.I. (2008) Kriminalisticheskie diagnosticheskie issledovaniya s primeneniem poligrafa [Forensic diagnostic studies using polygraph]. In: Volynskiy, A.F. & Lavrov, V.P. (eds.) *Kriminalistika* [Forensics]. Moscow: YuNITI–DANA.
10. Tsentrov, E.E. (2012) O nekotorykh psikhologicheskikh i kriminalisticheskikh aspektakh psikhofiziologicheskikh issledovaniy na poligrafe. Pamyat' i ee znachenie (stat'ya pervaya) [Some psychological and criminological aspects of psychophysiological research on polygraph. Memory and its value (Article One)]. *Vestnik kriminalistiki*. 2 (42). pp. 22–30.
11. Komisarova, Ya.V. (2011) Kommentariy k proektu Federal'nogo zakona "O primenenii poligrafa" [Commentary on the draft federal law "On the application of a polygraph"]. *Yuridicheskiy mir – Legal World*. 5. pp. 60–61.
12. Russian Federation. (2011) *Zaklyuchenie Ekspertno-konsul'tativnogo soveta pri Komitete Soveta Federatsii po konstitutsionnomu zakonodatel'stvu "O konstitutsionno-pravovykh aspektakh primeneniya poligrafa v kachestve dokazatel'stva v ugolovnom protsesse" ot 08.11.2011* [Conclusion of the Advisory Council under the Federation Council Committee on Constitutional Law "On the constitutional and legal aspects of the use of the polygraph as evidence in criminal proceedings" of 08.11.2011]. [Online]. Available from: www.egtarlo.ru/stati/problemi-poligrafa-v-ugo-lovnom-protsesse.
13. Andreeva, O.I. (2014) The problems of psychophysiological research: a criminological aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 389. pp. 158–161. (In Russian).
14. Petrukhin, I.L. (1973) Ponyatie i soderzhanie otsenki dokazatel'stv [The concept and content of the assessment of the evidence]. In: Zhogin, N.V. (ed.) *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse* [Theory of evidence in the Soviet criminal trial]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
15. Aleksandrov, A.S. (2011) Sem' smertnykh grekhov sovremennoy kriminalistiki [The seven deadly sins of modern forensics]. *Sledovatel'*. 3 (155). pp. 44–47. [Online]. Available from: http://www.iuaj.net/node/342.
16. Aleksandrov A.S. & Lapatnikov, M.V. (2013) Sud na osud, a ne na rossud [Court to condemn rather than to argue]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo – Criminal Judicial Proceeding*. 4. pp. 6–12.
17. Aleksandrov, A.S. & Grishin, S.P. (2005) Perekrestnyy dopros v ugolovnom sude [The cross-examination in a criminal trial]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 11. pp. 25–30.
18. Yunusov, A.A. & Bashirov, T.N. (2011) Predmet i predely doprosa na sude v kachestve svidetelya dolzhnostnykh lits pravookhranitel'nykh organov, osushchestvlyavshikh dosudebnoe proizvodstvo po ugolovnomu delu [Scope and limits of interrogation at the trial of law enforcement officials who carried out the pre-trial criminal proceedings as a witness]. *Sledovatel'*. 3 (155). pp. 30–33.

Received: 26 June 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 216–223. DOI: 10.17223/15617793/397/33

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 159.923.3

Д.М. Егоров

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОСПРИЯТИЯ ЛЖИ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМОЙ В ПИСЬМЕННОЙ И АУДИАЛЬНОЙ ФОРМАХ

Представлены результаты экспериментального исследования оценивания лжи испытуемыми. Ложь предъявлялась в письменной и аудиальной формах. Представлены усредненные и индивидуальные стратегии оценивания лжи. Выделены типичные и атипичные стратегии оценивания испытуемых. Стратегия оценивания понимается в статье как действия испытуемых, направленные на оценивание лжи по выделенным параметрам. Отмечается существенное влияние аудиальной формы предъявления лжи в сравнении с письменной.

Ключевые слова: стратегия оценивания; типичная стратегия; нетипичная стратегия; аудиальная форма лжи; письменная форма лжи.

В статье отражены результаты сравнительного анализа психологических тенденций ответа на лживое сообщение в зависимости от формы его предъявления – в виде напечатанного текста или в виде аудиальной записи. Замечено, что человек оценивает обман с учетом множества разнообразных факторов, которые способствуют как интерпретации лживого текста в направлении поисках в нем правды, так и интерпретации его как лживого. Исследования закономерностей распознавания лжи ведутся с начала 1970-х гг. Одним из пионеров таких исследований стал Пол Экман. Он исследовал процесс распознавания лжи по видеозаписям мимики и поведения человека, предложил анализировать мимические ансамбли. Им были получены доказательства того, что при оценке обмана человек ориентируется на много аспектов: слова, мимику, жесты, голос и физиологические реакции. Видеоматериал наиболее близок к обычному человеческому взаимодействию [1]. Однако в современной жизни человек получает много сообщений в форме, не предполагающей присутствия и наблюдения лжеца, т.е. в виде текстов и аудиосообщений. Этот аспект восприятия лжи не достаточно широко изучен, и исследования в этом направлении актуальны. В сравнительном анализе тенденций ответа на ложь в качестве основной операциональной категории мы используем понятие «стратегия». И прежде чем перейти к формулировке гипотезы исследования, необходимо определить понятие «стратегия». Это понятие имеет свою область применения. Такой областью традиционно выступает дифференциальная и когнитивная психология. Впервые указанное понятие ввел в 1956 г. Дж. Брунер, который под стратегией понимал процесс выдвижения и верификации гипотез в конкретной задаче. В дальнейшие годы исследованиями стратегий решения познавательных задач занимались М.А. Холодная, Л.Л. Гурова, М.Л. Смульсон и др. И.Г. Скотникова отмечает, что первоначально когнитивная стратегия и когнитивный стиль понимались как синонимичные слитные понятия [2. С. 66]. Не вдаваясь в историю формирования содержания понятия «стратегия», мы будем понимать этот термин как «индивидуализированную систему способов оперирования информацией и формирования ответного поведения, направленную на решение конкретной задачи и задающую магистральное направление поиска решения, т.е. заключающая в себе его принцип» [2. С. 66].

Цель исследования – выяснить, состояла ли в получении информации о стратегиях оценивания лжи через текстовую и аудиальную формы предъявления и влияет ли достаточно устойчиво формы предъявления лжи на ее оценивание человеком (воспринимающим).

На этапе замысла исследования на основе теоретического анализа были выделены шесть параметров или модусов оценивания лжи: интерес, понимание, реалистичность, доверие, логичность и эмоциональность. Каждый из указанных параметров, как предполагалось, связан напрямую с восприятием и последующим оцениванием ложной информации. Одной из форм предъявления выступал текст, якобы напечатанный в газете, другой формой был текст этого же содержания, но записанный на магнитофон в виде якобы радиосообщения. Отметим здесь лишь, что текст составлялся как правдоподобная ложь и не содержал в себе никакой правды.

Мы предположили, что стратегия оценивания лжи испытуемыми будет значительно отличаться в зависимости от формы предъявления текста.

Процедура исследования

1. *Выборка.* В исследовании приняли участие 54 человека из числа студентов-филологов, социальных работников, учителей физической культуры и психологов. Из них 20 студентов мужского пола и 34 – женского. Из числа испытуемых были сформированы две экспериментальные группы. Первая экспериментальная группа (далее – эг1) составила 24 человек, вторая (эг2) – 30 человек. Все экспериментальные группы были представлены удобными выборками. Исследование проводилось на территории России и Казахстана.

2. *Методика исследования*. Был составлен экспериментальный текст, который выступил прообразом отрывка из газеты. Условное название текста «Кон-

фликт в долине реки Нигер». Перед нами стояла цель придумать такое содержание, которое могло бы распределять наши шесть параметров нормально. Такой текст был представлен в печатной форме. То же содержание текста мы записали в форме голосового сообщения при помощи диктофона. Было записано четыре голоса – два женских и два мужских. Далее случайным образом мы отобрали одну аудиоформу. В этом исследовании мы предъявляли нашим испытуемым женскую аудиоформу. Первой экспериментальной группе предлагалось по инструкции читать текстовую форму и после каждого прочтения оценивать содержание текста по шести параметрам. Порядок предъявления инструкций с параметрами выглядел следующим образом: интерес, понимание, реалистичность, доверие, логичность, эмоциональность. Вторая экспериментальная группа получала аналогичные инструкции, но форма предъявления для эг2 была аудиальная. Оценка производилась при помощи 10-балльной шкалы от – 10 до + 10. Оценку можно было производить как путем выделения одного числа, так и через выделение области или интервала чисел. Если испытуемый отмечал интервал, то подсчет итогового числа осуществлялся через вычисление среднего. В каждой инструкции указывалась интерпретация трех чисел на шкале, так что «–10» – абсолютно негативная оценка, «0» – полная неопределенность, «+10» – абсолютно позитивная оценка.

3. *Операционализация понятий*. Стратегия оценивания лжи была определена как последовательные оценочные действия испытуемого посредством шкалы по шести параметрам, в результате чего получался индивидуальный и усредненный рисунок оценивания для текстовой и аудиальной форм предъявления лжи.

4. *Аппаратура и бланки*. Текстовая форма состояла из бланка согласия для испытуемого, самого текста и шести инструкций, предъявляемых экспериментатором строго в определенной последовательности. Для аудиальной формы использовались компьютер и мультимедийная доска.

5. *Статистические методы обработки*: 1) корреляционный метод; 2) сравнение средних по t-критерию для независимых групп.

Результаты исследования

Ниже приводятся основные результаты нашего экспериментального исследования. Вначале представим результаты первичной и вторичной обработок экспериментальных данных, а далее попытаемся объяснить полученный результат исследования.

В первую очередь представим усредненную стратегию оценивания лжи. Исходя из полученных распределений средних оценок, мы построили кривые, которые отражали общий рисунок оценивания для каждой из экспериментальных групп (рис. 1).

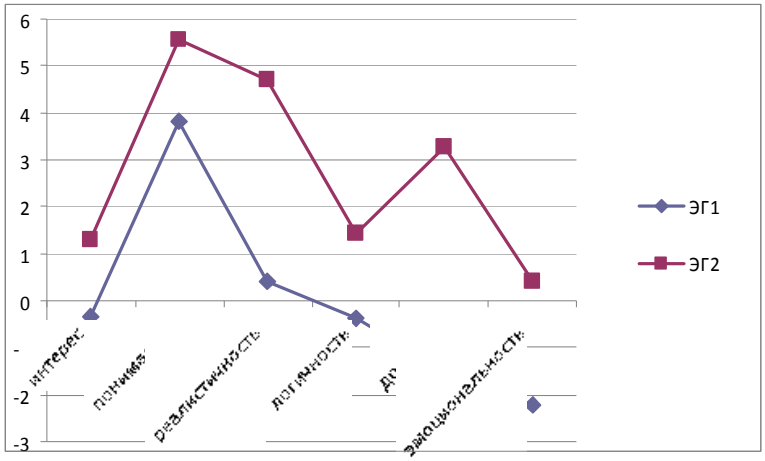

Рис. 1. Стратегии оценивания лжи при текстовой и аудиальной формах предъявления

Можно видеть, что для двух экспериментальных групп, независимо от экспериментальных условий, прослеживается как общее совпадение, так и различие в поведении рисунка оценивания лжи. То, что объединяет два графика, – это характер направленности оценивания. Параметр интереса по отношению к пониманию оценивался ниже, чем последний параметр. Далее идет плавное снижение параметров, по которым оценивалось экспериментальное содержание. Различие в поведении рисунка оценивания можно наблюдать относительно уровня расположения стратегий оценивания в зависимости от экспериментального условия. В целом стратегия оценивания текстовой формы располагается ниже стратегии оценивания аудиальной формы лжи. При этом можно наблюдать достаточно большие различия между отдельными параметрами оценивания при сравнении текстовой и аудиальной форм предъявления. Так, например, эти различия наблюдаются между параметрами «реалистичность» и «доверие» (табл. 1, 2).

Результаты в матрице корреляций для эг2, где использовалась аудиоформа лжи, демонстрируют сходные статистически значимые связи между параметрами оценивания. Так, наибольшее число значимых связей выявляется между параметрами «интерес» и «понимание» и пятью остальными параметрами оценивания. Такая связь носит прямой характер.

Таблица 1

Матрица корреляций Аудиоформа (эг2)

Показатель		Интерес	Понимание	Реалистичность	Доверие	Логичность	Эмоциональность
Интерес	Pearson Correlation	1	,608**	,478*	,549**	,736**	,499*
	Sig. (2-tailed)		,002	,018	,005	,000	,013
	N	24	24	24	24	24	24
Понимание	Pearson Correlation	,608**	1	,559**	,407*	,428*	,621**
	Sig. (2-tailed)	,002		,005	,049	,037	,001
	N	24	24	24	24	24	24
Реалистичность	Pearson Correlation	,478*	,559**	1	,370	,382	,246
	Sig. (2-tailed)	,018	,005		,076	,066	,247
	N	24	24	24	24	24	24
Доверие	Pearson Correlation	,549**	,407*	,370	1	,487*	,531**
	Sig. (2-tailed)	,005	,049	,076		,016	,008
	N	24	24	24	24	24	24
Логичность	Pearson Correlation	,736**	,428*	,382	,487*	1	,351
	Sig. (2-tailed)	,000	,037	,066	,016		,093
	N	24	24	24	24	24	24
Эмоциональность	Pearson Correlation	,499*	,621**	,246	,531**	,351	1
	Sig. (2-tailed)	,013	,001	,247	,008	,093	
	N	24	24	24	24	24	24

*Correlation is significant at the 0.05 level (2-tailed). **Correlation is significant at the 0.01 level (2-tailed).

Таблица 2

Матрица корреляций Текстовая форма (эг1)

Показатель		Интерес	Понимание	Реалистичность	Логичность	Доверие	Эмоциональ-ность
Интерес	Pearson Correlation	1	.365*	.547**	.243	.365*	.827**
	Sig. (2-tailed)		.047	.002	.195	.047	.000
	N	30	30	30	30	30	30
Понимание	Pearson Correlation	.365*	1	.539**	.436*	.353	.294
	Sig. (2-tailed)	.047		.002	.016	.056	.115
	N	30	30	30	30	30	30
Реалистичность	Pearson Correlation	.547**	.539**	1	.590**	.603**	.459*
	Sig. (2-tailed)	.002	.002		.001	.000	.011
	N	30	30	30	30	30	30
Логичность	Pearson Correlation	.243	.436*	.590**	1	.758**	.441*
	Sig. (2-tailed)	.195	.016	.001		.000	.015
	N	30	30	30	30	30	30
Доверие	Pearson Correlation	.365*	.353	.603**	.758**	1	.489**
	Sig. (2-tailed)	.047	.056	.000	.000		.006
	N	30	30	30	30	30	30
Эмоцио-нальность	Pearson Correlation	.827**	.294	.459*	.441*	.489**	1
	Sig. (2-tailed)	.000	.115	.011	.015	.006	
	N	30	30	30	30	30	30

* Correlation is significant at the 0.05 level (2-tailed). ** Correlation is significant at the 0.01 level (2-tailed).

Наконец, результаты в эг1, где применялась текстовая форма лжи, иллюстрируют наличие все тех же статистически значимых связей между параметрами «реалистичность», «интерес» и «эмоциональность». В данной экспериментальной группе наибольшее число значимых связей обнаруживается между параметром «реалистичность», далее идут «интерес» и «эмоциональность».

Перейдем к результатам вторичной обработки. Для того чтобы проверить гипотезу о существенном влиянии формы предъявления лжи на стратегию оценивания, применялся критерий Стьюдента для независимых групп. Нам достаточно было сравнить средние значения в эг1 и эг2. ниже приводим основные результаты этого сравнения.

На основании проведенного статистического анализа можно утверждать, что существенные различия в средних наблюдаются между «доверием» и «реалистичностью», соответственно t=3,445, t=3,960 при α=0,05. Форма предъявления лжи существенно влияла на эти два параметра оценивания. В остальных средних обнаружить статистически достоверные различия не удалось.

Наш анализ результатов исследования будет неполным, если мы не остановимся на рассмотрении не только общих закономерностей в оценивании лжи, но также и на индивидуальном рисунке оценивания лжи. Нами были проанализированы и выделены наиболее типичные и нетипичные стратегии оценивания лжи. В качестве основания для выделения таких индивидуальных стратегий оценивания был взят параметр «интерес», тем более что данный параметр чаще всех других связан с другими параметрами. Интерес мы разделили на три уровня его проявления: самый низкий, когда оценка соответствовала «–10», неопределенный интерес, когда оценка соответствовала «0», и высокий интерес «+10», когда оценка соответствовала высокому интересу к содержанию лжи. Ниже приведем несколько типичных и нетипичных стратегий оценивания лжи испытуемыми.

На рис. 2 можно видеть, что индивидуальная стратегия оценивания наиболее похожа на ту усредненную стратегию, которую мы приводили на рис. 1. Основное условие, как можно видеть, – это низкое оценивание интереса. На рис. 3 можно видеть «М-образную» стратегию. Она похожа на первую, но отличается «провалом» в параметре «реалистичность», уровень оценки интереса остается также низким.

Куполообразная стратегия (рис. 4) также встречалась в нашем исследовании, и отличие ее от первых двух, описанных выше, в том, что параметры «реалистичность», «логичность» и «доверие» находились выше по оцениванию, чем понимание.

На уровне неопределенного интереса мы выделили Z-образную форму стратегии оценивания (рис. 5), когда «реалистичность», «логичность», «доверие» оценивались ниже, чем «эмоциональность».

Основное отличие ступенчатой формы стратегии (рис. 6) от вышеописанной в том, что провал наблюдался в параметре «логичность». В остальном она похожа на вышеуказанную форму при условии высокого уровня интереса.

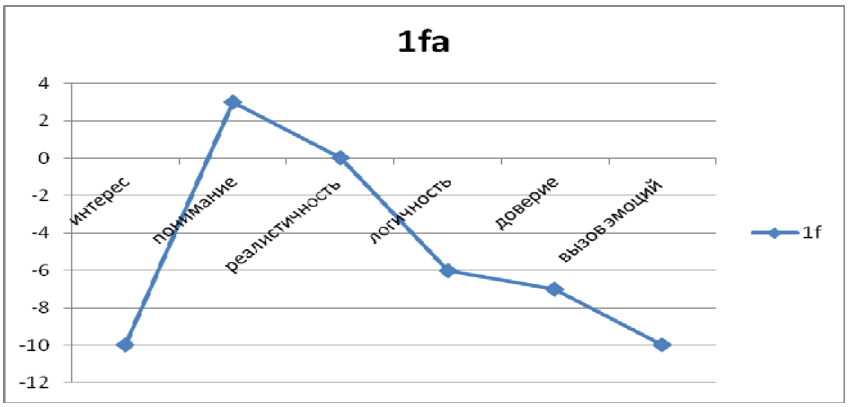

Рис. 2. Типичная стратегия оценивания лжи

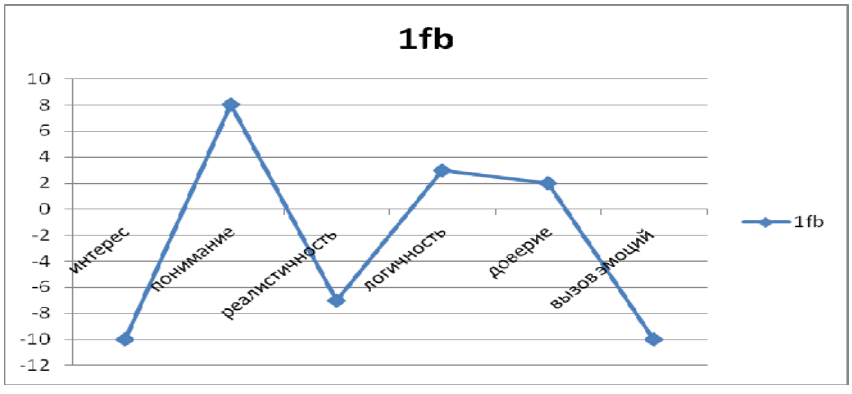

Рис. 3. М-образная стратегия оценивания

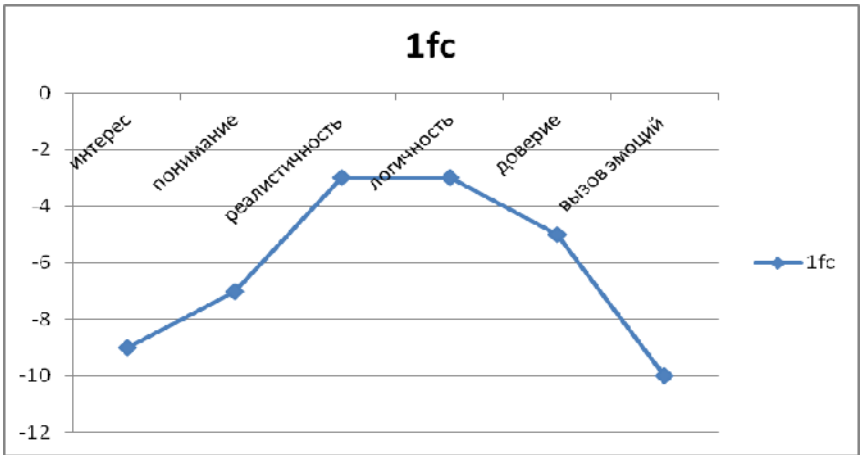

Рис. 4. Куполообразная стратегия оценивания

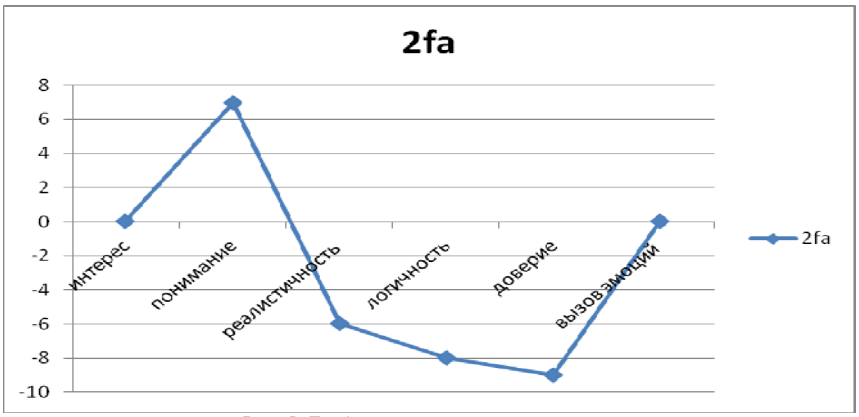

Рис. 5. Z-образная стратегия оценивания

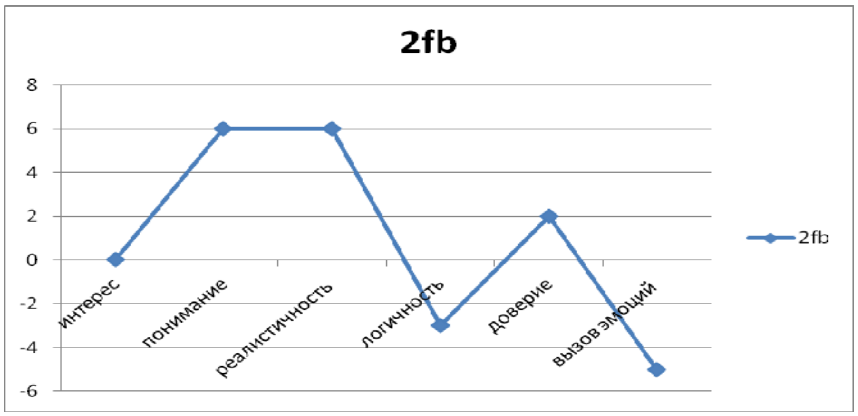

Рис. 6. Ступенчатая стратегия оценивания

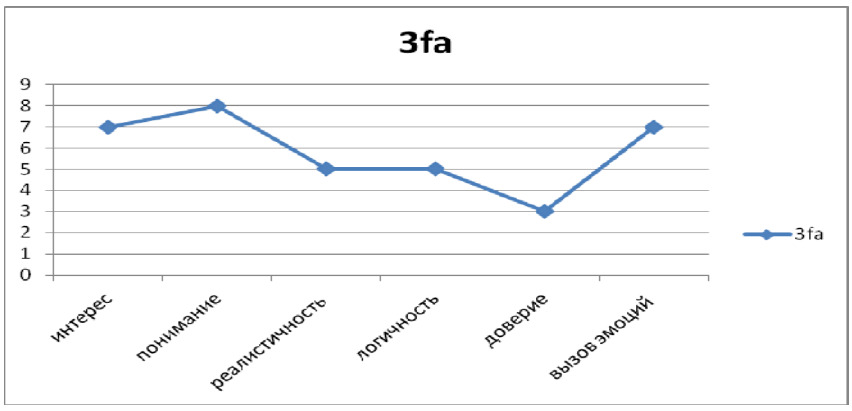

Рис. 7. Стратегия оценивания лжи с преобладанием эмоционального параметра оценивания

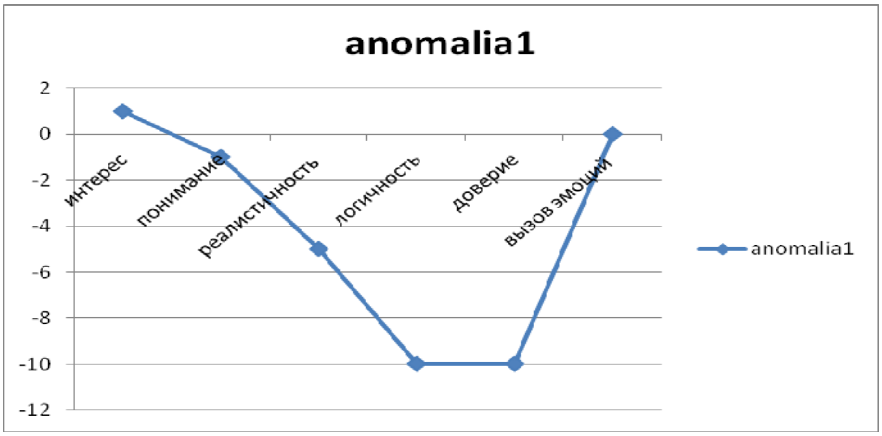

Рис. 8. Параболообразная стратегия оценивания

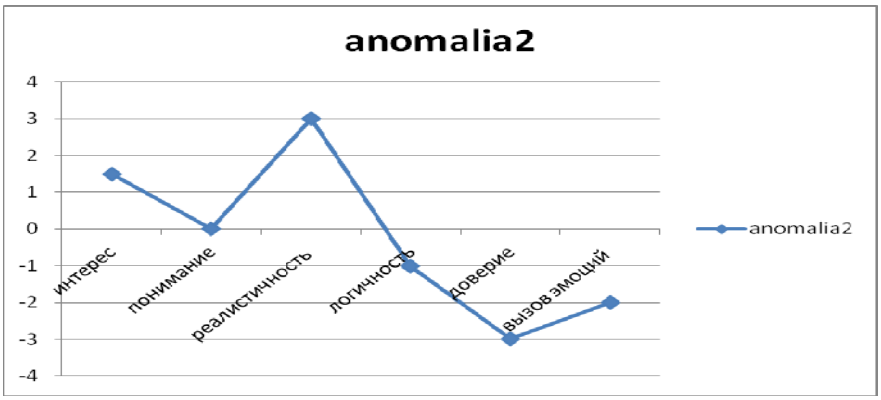

Рис. 9. Атипичная стратегия оценивания лжи с преобладанием параметра «реалистичность»

При условии высокой оценки интереса мы выделили стратегию оценивания лжи (рис. 7) как типичную при условии, что эмоциональность была оценена на уровне интереса.

Наконец, были выделены нетипичные стратегии оценивания лжи. Основным признаком атипичности выступал отрезок от интереса до понимания. Если в вышеуказанных индивидуальных стратегиях понимание лжи было всегда оценено выше, чем интерес, то в данном случае наблюдалась противоположная связь между оцениванием по этим параметрам. Нами были выделены две атипичные формы индивидуальных стратегий оценивания (рис. 8, 9).

Можно видеть, что параболообразная форма стратегии оценивания (рис. 8) отличается тем, что интерес выше или находится на одном уровне с пониманием и эмоциональностью и находится на уровне неопределенного оценивания.

На рис. 9 можно видеть, что уровень интереса выше, чем уровень понимания, а «реалистичность» в данном случае имеет тенденцию к росту.

Обсуждение и анализ результатов

Анализ результатов проведем на основании сформулированной эмпирической гипотезы исследования.

Наше предположение относительно того, что уровень оценивания лжи при текстовой и аудиальной формах предъявления будет иметь различия, подтвердилось частично. Действительно, в усредненных графиках мы обнаружили различия, которые заключались в том, что они располагались на разных уровнях оценивания. Тем не менее значимое различие было обнаружено только по двум параметрам, а именно «доверие» и «реалистичность».

Интерес к содержанию лжи в нашем исследовании определял дальнейшее оценивание по другим параметрам, об этом можно предварительно судить через анализ корреляционных связей интереса и остальных параметров. Таких связей выделено наибольшее число.

Реалистичность также имела большое число связей с остальными параметрами, но такое число наблюдалось при аудиальной форме предъявления лжи. Вероятнее всего, причины такого количества связей в том, что испытуемые сталкивались не просто с голосом человека, но также оценивали и личность самого «диктора», в отличие от безличного текста.

Сравнительный анализ индивидуальных форм стратегий оценивания показал их разнообразие, которое мы разделили на два типа – типичные и атипичные стратегии оценивания. Вместе с тем не было обнаружено ярко отличающихся стратегий оценивания в зависимости от формы предъявления.

Остается ответить на ряд вопросов, связанных с полученными результатами исследования. Первый из них можно сформулировать следующим образом: почему различия обнаружились только для двух параметров оценивания, а точнее для «реалистичности» и

«доверия», остальные же параметры не различались. В нашем случае можно только предположить, что именно эти два параметра – «реалистичность» и «доверие» – напрямую связаны с феноменом оценивания лжи в нашем исследовании. Остальные параметры носили производный характер. Для нашего исследования испытуемые были склонны оценивать «реалистичность» и «доверие» к ложной информации в текстовой форме значительно ниже, чем если такая информация предъявлялась в аудиальной форме.

Другими словами, «доверие» и «реалистичность» ложной информации выше для аудиальной формы предъявления, чем для текстовой. В соответствии с теорией психологических систем, человек как открытая, саморазвивающаяся система осуществляет свое становление во взаимодействии [3].

Такое взаимодействие может осуществляться в разнообразных формах. Одной из таких форм взаимодействия выступило оценивание нашими испытуемыми ложной информации. Нас интересовала не просто констатация факта различия или отсутствия такового между экспериментальными группами, но направление развития их ответов, выражаемых через оценивание. Такая стратегия в динамике оценивания испытуемых была получена в ходе нашего исследования. Стратегия оценивания ложной информации имела свой общий и специфический характер. Общая направленность определялась как усредненная стратегия оценивания для двух экспериментальных групп и выражалась в графическом представлении. В таком «рисунке» оценивания понимание ложного сообщения имело тенденцию к повышению с повышением оценивания интереса, доверия по отношению к тексту или аудиосообщению. Оценивание выступило в нашем исследовании не просто как ответ, в котором выражалась стратегия, но и как форма отношения к чему-либо или кому-либо. В данном случае ко лжи, выраженной в письменной или аудиоформе. Отношение может выражаться в форме смыслов. Каждый из наших испытуемых, в зависимости от формы предъявления лжи, высказался относительно услышанного или прочитанного. В ответах испытуемых проявлялась их направленность либо в форме заинтересованности текстом или аудиосообщением, либо полное эмоционально отрицательное недоверие к нашей экспериментальной информации.

Кроме того, можно предположить, что различие в доверии и реалистичности детерминирована мерой заинтересованности испытуемых. Так, например, письменная форма лжи имела минимум активного воздействия на наших испытуемых. В этом случае степень смысловой приписки через оценивание письменного текста уменьшалась. И наоборот, аудиальная форма лжи предполагала активность голоса, который нес более разнообразную эмоционально-смысловую нагрузку. Вероятно, голос, как один из индикаторов понимания правды, выступал тем фактором, который увеличивал доверие и реалистичность ложной информации, в отличие от письменной формы лжи, где испытуемый может подойти более критично к сообщению, осуществить более сложный дискурс текста. Исследования голоса как индикатора лжи, как отмечает О. Фрай, остается все еще слабоизученным явлением [4].

Наконец, помимо указанных причин, в нашем эксперименте внешняя речь другого человека, вероятно, снижала степень критичности, по сравнению с письменной формой подачи, где испытуемые пользуются внутренней речью, которая, возможно, повышает степень критичности к содержанию лжи. Таково наше видение причин низкого оценивания письменной формы лжи, по сравнению с аудиальной формой.

Второй вопрос касается корреляционных связей в экспериментальных группах. Во всех трех ЭГ были обнаружены такие связи между большинством параметров оценивания. В.В. Знаков отмечает, что понимание истины или обмана связано с тем, насколько человек доверяет источнику этой правды или обмана [5]. Такие связи мы обнаружили.

Вероятно, если не очевидно, что результаты проведенного исследования имеют практическую значимость, которая может выражаться в том факте, что в нашем современном обществе огромное влияние приобретает информационный поток, а точнее его качество, мера его истины и количество, его объем, рациональная и эффективная переработка которой для личности становится все более и более актуальной задачей, чтобы действовать в постоянно изменяющемся мире.

Попытаемся сформулировать ряд гипотез исследования, призванных ответить на возникшие вопросы в этой статье. Можно предположить, что чем больше обращений делает испытуемый к содержанию правдоподобной лжи, представленной в аудиальной или письменной форме, тем выше уровень оценивания содержания лжи по параметрам «реалистичность» и «доверие», и наоборот.

Еще одним предположением может стать следующее: если повысить уровень интереса к содержанию правдоподобной лжи, представленной в аудиальной или письменной формах, через вовлеченность в определенную ситуацию, то уровень оценивания содержания лжи по параметрам «реалистичность» и «доверие» повысятся.

Думается, что изменение эмоционального фона личности, параметр «эмоциональность» также, вероятно, изменит уровень оценивания лжи. Такие гипотезы мы делаем, руководствуясь коррекционными связями по трем параметрам: «интерес», «реалистичность», «доверие». Организация и проведение будущих исследований в соответствии с формулированными гипотезами помогут ответить на вопрос о причинах различий в оценивании лжи при двух формах ее предъявления, а также о существенных основаниях для утверждения суждения о выделении различных стратегий оценивания лжи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Экман П.* Психология лжи. СПб. : Питер, 2007. 185 с.
2. *Стиль* человека: психологический анализ / под ред. А.В. Либина. М. : Смысл, 1998. 310 с.
3. *Клочко В.Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблема становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск : Томский государственный университет, 2005. 174 с.
4. *Фрай О.* Детекция лжи и обмана. СПб. : Еврознак, 2005. 320 с.
5. *Знаков В.В.* Психология понимания правды. М., 1999. 281 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 25 мая 2015 г.

A COMPARATIVE ANALYSIS OF PERCEPTION OF LIES PRESENTED IN WRITTEN AND AUDIO FORMS

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 216–223. DOI: 10.17223/15617793/397/33

Egorov Dmitry M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: e_dima@bk.ru

Keywords: strategy evaluation; typical strategy; atypical strategy; auditory form of lies; written form of lying.

The article presents the results of an experimental study of strategies for the estimation of lies. A lie was offered in two forms. The first form was a written option as a type of text content from a newspaper. The second form was submitted via the audio option as a type of an excerpt from radio reports. A comparative analysis of the strategies of false information assessment can be carried by six parameters. These parameters were identified as follows: interest, understanding, realism, credibility, consistency, emotion. Each of the parameters, as the author suggested, are interconnected; therefore, it is possible to allocate a structure for assessing the lies that were presented in two forms. The sample of subjects is represented by 4 students of specialties. The subjects were divided into two experimental groups. The first experimental group assessed six parameters after each reading of the text. The second experimental group assessed six parameters in a similar sequence as group 1, but they listened to the lies. The results are presented in the form of a generalized graph that illustrates lies assessment strategies. A statistically significant correlation between the parameters of lies assessment has been found. The statistically significant differences between the parameters associated directly with falsehood are realism and credibility. The average and the individual lies assessment strategies have been determined. The average strategy is synthesized results for the two experimental groups. The individual strategy is expressed in typical and atypical forms of lies assessment. The "behavior" of strategies for each form of lies presentation has been analyzed. An important difference between assessment and recognition is emphasized. Assessment is connected with the semantic sphere of the person. The differences in the averages for the parameters of realism and trust are explained by a greater severity towards writing lies compared to auditory lies. Hypotheses are made for the organization of further research in this area.

REFERENCES

1. Ekman, P. (2007) *Psikhologiya lzhi* [Psychology of lies]. St. Petersburg: Piter.
2. Libin, A. V. (ed.) (1998) *Stil'cheloveka: psikhologicheskiy analiz* [Styleof a person: psychological analysis]. Moscow: Smysl.
3. Klochko, V. E. (2005) *Samoorganizatsiya v psikhologicheskikh sistemakh: problema stanovleniya mental'nogo prostranstva lichnosti (vvedenie v transspektivnyy analiz)* [Self-organization in psychological systems: the problem of the formation of the mental space of the person (introduction to transspective analysis)]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Fry, O. (2005) *Detektsiya lzhi i obmana* [Detection of lies and deceit]. St. Petersburg: Evroznak.
5. Znakov, V. V. (1999) *Psikhologiya ponimaniya pravdy* [Psychology of understanding the truth]. St. Petersburg: Aleteyya.

Received: 25 May 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 224–227. DOI: 10.17223/15617793/397/34

УДК 796.015.4

Д.С. Иванов, А.В. Белоусов

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОПРОСОВ ОРГАНИЗАЦИИ ТРЕНИРОВОЧНОГО ПРОЦЕССА ГИРЕВИКОВ 14–16 ЛЕТ

Рассматриваются особенности организации тренировочного процесса гиревиков 14–16 лет на основе опыта практической работы педагогов из различных регионов России. Были получены сведения, отражающие какие методы, средства используют специалисты на различных этапах подготовки в годичном цикле подготовки, данные об объемах тренировочной работы в недельном микроцикле, а также о способах определения нагрузки в тренировочном занятии.

Ключевые слова: спортсмены-гиревики; тренировочный процесс; методы тренировки; средства тренировки.

Введение

Поднятие тяжестей, а именно гирь, с целью проявления силы или ее развития получило развитие с конца XVII в. [1]. Сегодня следует отметить серьезную динамику развития гиревого спорта не только в России, но и за рубежом, показательным является факт, что в 2014 г. в соревнованиях Чемпионата Европы приняли участие представители 32 стран.

Рост популярности данного вида спорта среди молодежи нашей страны объясняется его простотой и доступностью. Гири (основной соревновательный снаряд) различных весов молодые люди используют не только для развития физического качества «сила», но и для формирования мышечной структуры своего тела.

Особенно актуальным это становится в подростковый период, когда происходит половая идентификация личности молодого человека. По данным психологов, существует тесная связь между внешностью подростка и его оценкой одноклассниками, которая выражается в том, что наивысшие оценки получают подростки, имеющие мезоморфный тип телосложения (стройный, мускулистый), на втором месте – обладающие хорошей физической силой [2]. Подростки ассоциируют со стройным, мускулистым телом качества лидера, энергичность, спортивность и т.д.

Все эти факторы способствуют росту числа людей, занимающихся гиревым спортом, и их активной соревновательной деятельности. В связи с этим возникает необходимость поиска научно обоснованных методик подготовки спортсменов-гиревиков разного возраста и на различных этапах тренировочного процесса.

Анализ научных работ, посвященных вопросам спортивной подготовки в гиревом спорте, позволяет сделать вывод о малочисленности подобных исследований.

В частности, ряд исследователей изучали проблемы использования гиревого спорта как средства физического воспитания студентов или их профессионально-прикладной физической подготовки [3–5].

Несомненный интерес для специалистов имеют проведенные исследования по изучению особенности построения тренировочного процесса в условиях применения искусственной среды управляющего воздействия [6].

Можно констатировать, что практически отсутствуют исследования, связанные с подготовкой юных спортсменов-гиревиков [7].

В этой связи с целью определения особенностей организации тренировочного процесса для гиревиков 14–16 лет было проведено исследование опыта практической работы тренеров из различных регионов России.

Методы исследования

Анкетирование – метод массового сбора материала с помощью специально разработанных опросников, называемых анкетами.

Анкетирование проводилось по принципу «мягкого рейтинга», когда педагоги могли выбрать несколько вариантов ответов.

Были получены сведения, отражающие, какие методы, средства используют специалисты на различных этапах подготовки в годичном цикле, данные об объемах тренировочной работы в недельном микроцикле, а также о способах определения нагрузки в тренировочном занятии.

Объект исследования

Исследование выполнялось в г. Томске во время проведения Кубка России и других соревнований по гиревому спорту. Было проведено исследование опыта практической работы тренеров из различных регионов России. Общее число специалистов, принявших участие в анкетировании, – 40 человек, имеющих стаж работы с детьми от 10 до 20 лет.

Результаты исследования

Анализ материалов показал, что на подготовительном этапе подготовки большинство специалистов используют четыре метода: повторный, переменный, равномерный и интервальный. Явное предпочтение специалисты отдают повторному методу (77,5%). Этот метод предусматривает повторное выполнение подходов с интервалами отдыха между подходами, определяемыми самочувствием спортсмена. Данный метод является прекрасным средством улучшения техники движений. Переменный метод занимает второе место (67,5%) в подготовке гиревика на подготовительном этапе. Переменный метод выполнения упражнения могут применять спортсмены при условии высокого уровня физической подготовленности. Без достаточной силовой подготовленности, высокого

уровня общей и специальной выносливости спортсмена данный метод противопоказан [8]. Следующий метод по рейтингу – равномерный (62,5%), предполагает выполнение соревновательных упражнений в одном темпе в течение продолжительного времени. Основная цель данного метода – повышение аэробных возможностей организма спортсмена [9]. Интервальный метод в подготовительном периоде используют менее 50% тренеров.

Ведущим средством подготовки на этом этапе являются упражнения без использования основного соревновательного снаряда (штанга, специальные силовые тренажеры и другие отягощения) – 92,5%, упражнения с гирями – 85%.

Значительное место в тренировочном процессе подготовки гиревиков в этот период уделяется развитию общей выносливости с использованием кроссовой подготовки (72,5%).

Также активно используются упражнения на гимнастических снарядах (75%), а для повышения скоростно-силовых способностей на этом этапе специалисты применяют прыжки со штангой на плечах (37,5%), прыжки на возвышенность (30%) и прыжки на скакалке (22,5%).

Предпочтение специалистов высокоинтенсивным методам, к которым относятся переменные и повторные тренировки, вызывает сомнение, так как это противоречит теории построения тренировочного процесса на подготовительном этапе в годичном цикле [10].

На соревновательном этапе подготовки предпочтение отдается соревновательному методу (87,5%), он предусматривает выполнение упражнения в форме соревнований. Большое значение отводится в данный период интервальному методу (75%), так как он позволяет повысить общую и специальную выносливость непосредственно к соревнованиям. Также уделяется внимание и равномерному методу (62,5%). Еще один метод, который широко используется на соревновательном этапе, это метод повышения интенсивности. Он предполагает выполнение соревновательных упражнений с гирями в более быстром темпе в течение одной или двух минут. Упражнения в этом случае выполняются под удары метронома или соответствующий счет [11].

Повышенный темп обеспечивает организму занимающегося более высокую нагрузку, которая, в свою очередь, повышает работоспособность и создает запас выносливости для работы в нормальном режиме. За счет повышенного темпа данный метод позволяет повысить уровень развития силовой выносливости и совершенствовать сердечно-сосудистую и дыхательную системы организма [11]. Что касается переменного и повторного методов, то тут наблюдается небольшое снижение в использовании этих двух методов на данном этапе.

На соревновательном этапе все тренеры используют упражнения с гирями (100%), так как на этом этапе ведется непосредственно соревновательная деятельность. По сравнению с подготовительным этапом, наблюдается значительное снижение использования упражнений со штангой и другими отягощениями (65%), а также упражнений на гимнастических снарядах (40%). Что касается прыжковой части, то тут отдается предпочтение не прыжкам со штангой на плечах (25%), а прыжкам на скакалке (32,5%), также используются прыжки на возвышенность (17,5%) и прыжки через скамейку (12,5%). Использование кроссовой подготовки, по сравнению с подготовительным этапом, остается практически неизменным (70%).

В переходном этапе подготовки у тренеров пользуются особой популярностью два метода: равномерный (72,5%) и переменный (62,5%).

По сравнению с соревновательным этапом на переходном этапе ярко выражена положительная динамика использования упражнений со штангой и другими отягощениями (87,5%) и использование упражнений на гимнастических снарядах (85%). Как и на соревновательном этапе подготовки, на переходном этапе большое предпочтение отдается прыжкам на скакалке (40%). В незначительной степени используются прыжки на возвышенность и прыжки со штангой на плечах. Стоит отметить, что, по сравнению с первыми двумя этапами подготовки, на переходном этапе кроссовой подготовке отводится самая большая часть (92,5%). На данном этапе отводится внимание и спортивным играм (27,5%). Они используются для комплексного совершенствования двигательной деятельности в условиях игры [8].

На переходном этапе практическими специалистами не исключается выполнение соревновательных упражнений с гирями. Также присутствует упражнения со штангой и другими отягощениями. Исходя из теории и методики физической культуры и спорта, возникает некоторое противоречие, так как тренировочные занятия в переходном этапе, как правило, характеризуются снижением суммарного объема работы и незначительными нагрузками. Основное содержание переходного этапа должны составлять разнообразные средства активного отдыха и общеподготовительные упражнения [10].

Определенный интерес представляют полученные данные по числу тренировочных занятий в неделю, проводимых специалистами на различных этапах подготовки (табл. 1).

Таблица 1

Число тренировочных занятий в недельном цикле на различных этапах подготовки, %

Этап подготовки	Число занятий в неделю, раз				
	3	4	5	6	Больше 6
Подготовительный	47,5	35	5	10	2,5
Соревновательный	20	37,5	30	7,5	5
Переходный	45	42,5	5	7,5	–

Как видно из результатов, мнения тренеров делятся практически пополам. Значительно меньшие процентные показатели по рейтингу: *пять*, *шесть и больше шести раз* в неделю на подготовительном этапе; *шесть и больше шести раз* в неделю на соревновательном и переходном этапах.

Важным принципом в построении тренировочного процесса является показатель тренировочной нагрузки спортсменов, здесь также нет единого подхода у специалистов: так, 92,5% в классических упражнениях с гирями нагрузку определяют в минутах, в подъемах – 87,5% и 40% – в килограммах. Ни один тренер не определяет объем тренировочной нагрузки в связи с частотой сердечных сокращений.

Выводы

Недостаточность теоретических исследований в области гиревого спорта привела к тому, что в практической деятельности тренеров нет единого, научно обоснованного подхода в организации тренировочного процесса юных гиревиков на различных этапах подготовки и требуется проведение исследовательских работ с целью структуризации методов, средств и нагрузки в годичном цикле подготовки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Солодов И.П., Тихонов В.Ф.* Этапы развития гиревого спорта. URL: http://www.vfgs/history
2. *Кон И.С.* Психология ранней юности. URL: http://www.koob.ru
3. *Ануров В.Л.* Гиревой спорт в физическом воспитании студентов вуза : дис. … канд. пед. наук. М., 2008. 26 с.
4. *Баранов В.В.* Воспитание ценностного отношения к физической культуре у студентов (на примере средств гиревого спорта) : дис. … канд. пед. наук. Челябинск, 2003. 42 с.
5. *Фейтуллаев М.М.* Методика применения бокса и гиревого спорта в профессионально-прикладной физической подготовке студентов агроинженерных специальностей : автореф. дис … канд. пед. наук. Ростов н/Д, 2008. 24 с.
6. *Ингушев Ч.Х.* Технология тренировки спортсменов в условиях адаптированной к гиревому спорту машины управляющего воздействия : дис … канд. пед. наук. Нальчик, 2002. 110 с.
7. *Павлов В.Ю.* Применение модельных характеристик в гиревом спорте // Материалы научно-практической конференции: «Состояние, проблемы, перспективы развития дополнительного физкультурно образования детей и молодежи». Томск, 2012.
8. *Тихонов В.Ф., Суховей А.В., Леонов Д.В.* Основы гиревого спорта: обучение двигательным действиям и методы тренировки: учеб. пособие. М. : Сов. спорт, 2009. С. 81, 89.
9. *Ромашин Ю.А.* Гиревой спорт : учеб.-метод. пособие. Казань : Комитет по ФКС и Т, 1998. 34 с.
10. *Холодов Ж.К., Кузнецов В.С.* Теория и методика физического воспитания и спорта : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд. центр «Академия», 2002. 391 с.
11. *Поляков В.А., Воропаев В.И.* Гиревой спорт : метод. пособие. М. : ФиС, 1988. С. 32, 34.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 1 июня 2015 г.

RESEARCH OF THE TRAINING OF WEIGHTLIFTERS AGED 14-16

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 224–227. DOI: 10.17223/15617793/397/34

Ivanov Denis S., Belousov Andrey V. Tomsk Polytechnic University **(**Tomsk, Russian Federation). E-mail: Ivanov88denis@gmail.com; ksd-ffk@tpu.ru

Keywords: sportsmen-weightlifters; training process; training methods; training facility.

Lifting weights, namely, weights for the purpose of display of force or its development, has developed since the late 17th century. Today, there should be noted serious dynamics of kettlebell sport not only in Russia but also abroad. Significant is the fact that in 2014 thirty-two countries attended the competition of the European Championship. The rise in popularity of the sport among the youth of our country is due to its simplicity and accessibility. Kettlebells (primary equipment in the weight lifting sport) of different weights are used not only for the development of the physical quality of "power", but also for the formation of the muscle structure of the body. Of particular relevance is adolescence, the time of the young man's gender identity development. According to psychologists, there is a close connection between the appearance of a teenager and his classmates' assessment, which is reflected in the fact that adolescents with a mesomorphic body type (slender, muscular) receive the highest scores, teenagers with good physical strength come second. Teenagers associate the qualities of leadership, energy, sports, etc. with a slender, muscular body. All these factors contribute to the increase in the number of people engaged in the weight lifting sport and active competitive activity. In this regard, there is a need to find science-based methods of training athletes, weightlifters of different ages and at different stages of the training process. Analysis of scientific papers dealing with the questions of sports training of young weightlifters who began to engage in the weight lifting sport is relatively recent and suggests a small number of such studies. Thus, in order to determine the features of the training process for weightlifters aged 14-16, a study was conducted of the practical experience of coaches from different regions of Russia. The received information reflected the methods and tools specialists use at various stages of training in the year cycle of preparation, data on volumes of training work in the weekly microcycle, and ways to determine the load in the training session. The study was carried out on the basis of the Palace of Entertainment and Sport of Tomsk during the Russian National Weightlifting Championship. Surveying of the practical experience of coaches from different regions of Russia was made. The total number of experts who participated in the survey was 40 people who worked with children aged 10 to 20. The results lead to the following conclusion. Lack of theoretical research in the field of kettlebell sport means that in practice there is no single, science-based approach to the organization of the training process of young weightlifters at various stages of preparation; and research is required with the aim of structuring the methods, means and the load in the year cycle of training.

REFERENCES

1. Solodov, I.P.& Tikhonov, V.F. (n.d.) *Etapy razvitiya girevogo sporta* [Stages of development of kettlebell lifting]. [Online]. Available from: www.vfgs/history.
2. Kon, I.S. (n.d.) *Psikhologiya ranney yunosti* [Psychology of early adolescence]. [Online]. Available from: www.koob.ru.

3. Anurov, V.L. (2008) *Girevoy sport v fizicheskom vospitanii studentov vuza* [Weight-lifting in the physical training of students of higher school]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
4. Baranov, V.V. (2003) *Vospitanie tsennostnogo otnosheniya k fizicheskoy kul'ture u studentov (na primere sredstv girevogo sporta)* [Education of the value attitude to physical training in students (by means of kettlebell sport)]. Pedagogy Cand. Diss. Chelyabinsk.
5. Feytullaev, M.M. (2008) *Metodika primeneniya boksa i girevogo sporta v professional'no-prikladnoy fizicheskoy podgotovke studentov agroinzhenernykh spetsial'nostey* [Use of boxing and weight lifting sport in professional applied physical training of students of agroengineering specialties]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Rostov-on-Don.
6. Ingushev, Ch.Kh. (2002) *Tekhnologiya trenirovki sportsmenov v usloviyakh adaptirovannoy k girevomu sportu mashiny upravlyayushchego vozdeystviya* [Technology of training athletes in terms of machine of control action adapted to weight lifting]. Pedagogy Cand. Diss. Nal'chik.
7. Pavlov, V.Yu. (2012) [The use of model performance in weight lifting]. *Sostoyanie, problemy, perspektivy razvitiya dopolnitel'nogo fizkul'turno obrazovaniya detey i molodezhi* [Status, problems and prospects of development of additional sports education of children and young people]. Proc. of the Scientific and Practical Conference. Tomsk. (In Russian).
8. Tikhonov, V.F., Sukhovey, A.V. & Leonov, D.V. (2009) *Osnovy girevogo sporta: obuchenie dvigatel'nym deystviyam i metody trenirovki* [Fundamentals of kettlebell sports: training of motor actions and methods of training]. Moscow: Sovetskiy sport.
9. Romashin, Yu.A. (1998) *Girevoy sport* [Kettlebell lifting]. Kazan: Komitet po FKS i T.
10. Kholodov, Zh.K. & Kuznetsov, V.S. (2002) *Teoriya i metodika fizicheskogo vospitaniya i sporta* [Theory and methods of physical education and sports]. 2nd ed. Moscow: Akademiya.
11. Polyakov, V.A. & Voropaev, V.I. (1988) *Girevoy sport* [Kettlebell lifting]. Moscow: FiS.

Received: 01 June 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 228–232. DOI: 10.17223/15617793/397/34

УДК 612.763-796.332

М.С. Нагорнов, К.В. Давлетьярова, Л.В. Капилевич

БИОМЕХАНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛОКОМОЦИЙ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ УДАРА ПО МЯЧУ У ФУТБОЛИСТОВ С ЗАБОЛЕВАНИЯМИ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА

У здоровых спортсменов при ударе по мячу выражена согласованность движений в суставах ноги – первая фаза удара выполняется за счет движения в тазобедренном суставе, заключительная – в коленном. При этом спортсмены эффективно используют реактивное движение в плечевом суставе в начальную фазу удара для повышения его силы. У спортсменов с патологией опорно-двигательного аппарата согласованность нарушена, оба сустава ноги в равной степени задействованы в первой фазе удара. Движение руки при этом не происходит.

Ключевые слова: футбол; паралимпийский спорт; сколиоз; плоскостопие; биомеханика.

Футбол является сложным видом спорта не только в физическом, но и в психологическом аспекте. При занятии футболом развиваются ловкость, быстрота, двигательные реакции, ориентация в пространстве, а также координация движений. Кроме того, игры с мячом способствуют развитию умения и навыков работы в коллективе, воспитывают отношения взаимопомощи. Они требуют выдержки, решительности, смелости и хорошего физического здоровья спортсмена [1–3].

На сегодняшний день среди современной молодежи доля лиц без нарушений здоровья крайне низка. Большое количество студентов, занимающихся футболом, имеют патологию опорно-двигательного аппарата (ОДА): сколиоз, остеохондропатию, остеохондроз в фазе ремиссии, плоскостопие. Это связано с тем, что молодые люди, несмотря на имеющиеся расстройства здоровья, не готовы смириться с ограничениями в социализации, в том числе и в спорте [4].

Изложенное выше обусловливает актуальность изучения особенностей работы организма спортсмена с нарушениями опорно-двигательного аппарата, выявление закономерностей работы всех систем организма и, на основании полученных данных, корректировки системы спортивной подготовки.

Цель исследования – изучить биомеханические особенности локомоций при выполнении удара средней частью подъема по мячу у футболистов с такими видами нарушений опорно-двигательного аппарата, как сколиоз II–III степени и плоскостопие II–III степени.

Объект и методы исследования. Объектом исследования была выбрана группа студентов I–III курса (n=30) Томского политехнического университета и Томского государственного университета. Возраст студентов варьировался от 18 до 23 лет. Класс футболистов соответствовал уровню сборной университета. Группа была поделена на основную (n=15) и контрольную (n=15). В контрольную группу входили футболисты без нарушений в опорно-двигательном аппарате. А в основной группе были футболисты с патологиями позвоночника (сколиоз II–III степени) и формы стопы (плоскостопие II–III степени). Частота тренировок и уровень нагрузок во время тренировок были идентичны. Футболисты выполняли удар средней частью подъема по неподвижному мячу.

Основным методом является аппаратно-программный комплекс для видеорегистрации и биомеханического анализа движений, включающий в себя видеокамеру Phantom Miro EX2.

Аппаратно-программный комплекс Star Trace разработан на основе технологии бесконтактного исследования видеоряда движений человека для количественной оценки функций его двигательного аппарата. Компьютерный анализ видеоряда позволяет с высокой точностью диагностировать различные виды патологии функции опорно-двигательного аппарата, а также осуществлять целенаправленную коррекцию и оптимизацию двигательного стереотипа.

Результаты и обсуждение. Удар по мячу состоит из четырех основных фаз: предварительная, подготовительная, рабочая и завершающая. В свою очередь, подготовительная фаза разделяется на два этапа: замах ударной ноги и постановка опорной ноги. А рабочая фаза делится на следующие два этапа: ударное движение и проводка. Многопараметрический анализ удара средней частью подъема позволяет разделить цикл на шесть биомеханических фаз [3].

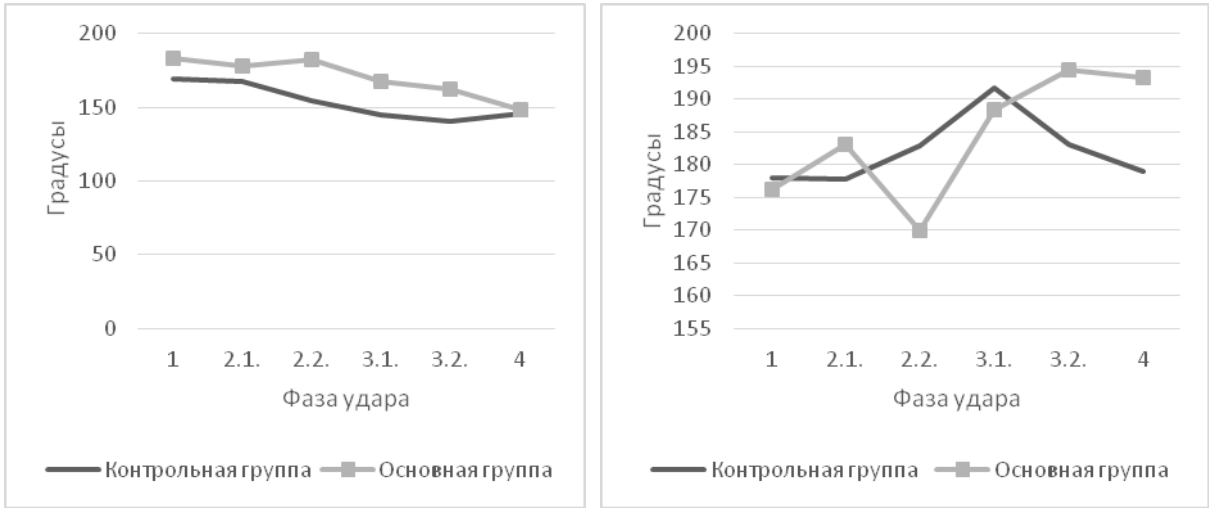
При исследовании значений угла в коленном суставе при ударе средней частью подъема видно, что на всем протяжении удара в контрольной группе величины углов меньше, чем в основной. Лишь в завершающей фазе удара различия исчезают (рис. 1).

На рис. 1 также представлено изменение величины угла в тазобедренном суставе при ударе средней частью подъема. Из рисунка видны существенные различия в биомеханической структуре удара. Если в контрольной группе угол возрастает на протяжении первых четырех фаз движения, а затем снижается, что в основной группы кривая имеет несколько экстремальных значений. В завершающей фазе угол у спортсменов основной группе существенно выше, чем в контрольной. Таким образом, при выполнении удара по мячу средней частью подъема движение в тазобедренном суставе у футболистов с нарушениями опорно-двигательного аппарата идет в противофазе по сравнению со здоровыми футболистами.

Разница в динамике углов в суставах верхних конечностей менее заметна (рис. 2). Можно отметить, что изменения величины угла в плечевом суставе при ударе средней частью подъема в контрольной группе немного выше после фазы 2 и имеют более плавный

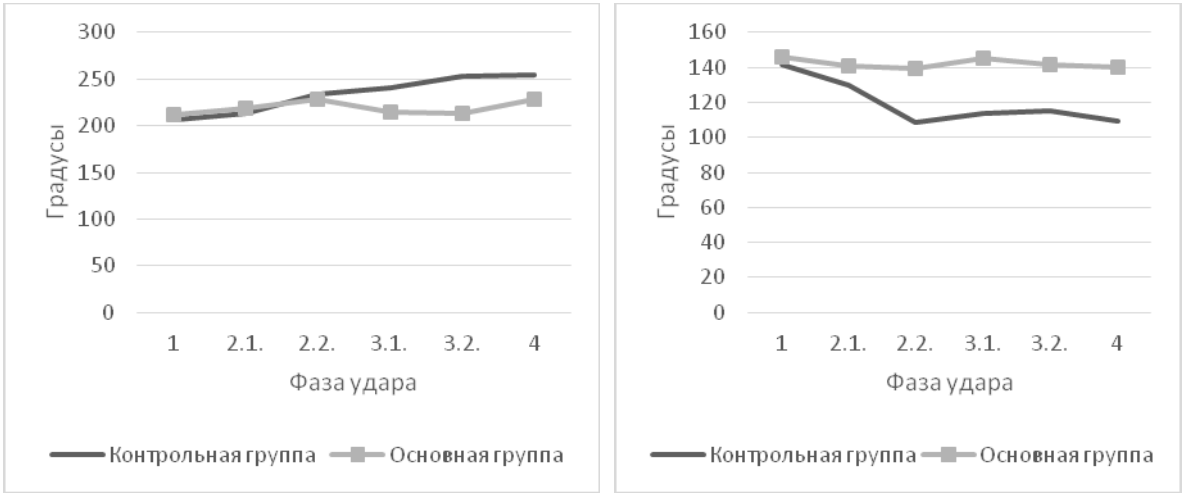
характер, по сравнению со значениями основной группы. Величины углов в локтевом суставе, наоборот, имеют меньшие значения в контроле, чем у основной группы.

На рис. 3, *А* показана динамика угловой скорости движения в коленном суставе. В контрольной группе в начале движения угловая скорость снижается, ее резкий прирост отмечается лишь в двух завершающих фазах движения. В контрольной группе, напротив, скорость возрастает в первой половине движения, а затем снижается. Прироста скорости в заключительной фазе движения не регистрируется.

А *Б*

Рис. 1. Изменение значений углов сгибания в коленном (*А*) и тазобедренном (*Б*) суставах при выполнении удара по мячу. Здесь и далее: 1. Предварительная фаза. 2. Подготовительная фаза. 2.1. Замах ударной ногой. 2.2. Постановка опорной ноги. 3. Рабочая фаза. 3.1. Ударное движение. 3.2. Проводка. 4. Завершающая фаза

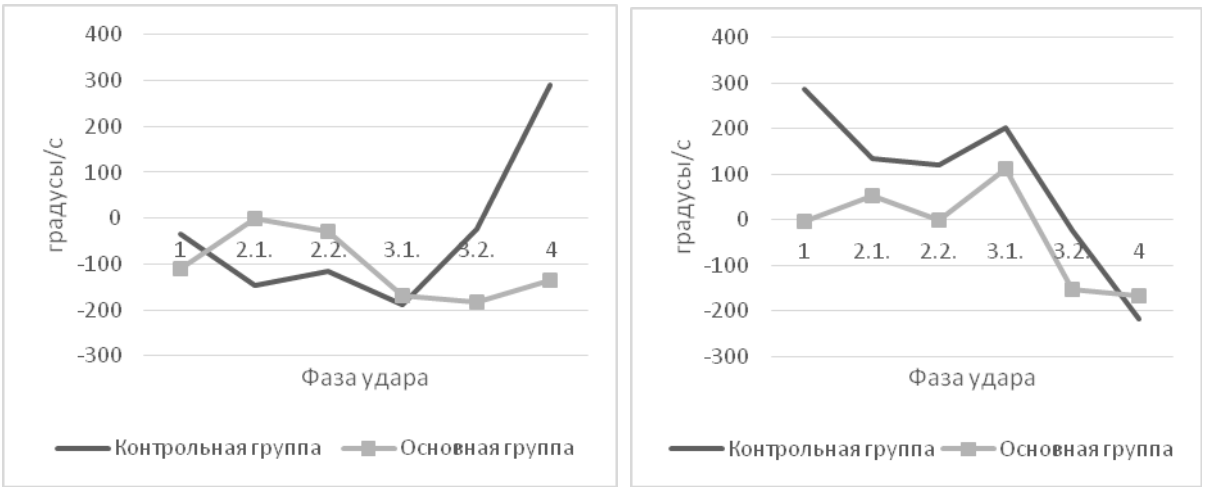
А *Б*

Рис. 2. Изменения значений углов сгибания в плечевом (*А*) и локтевом (*Б*) суставах при выполнении удара по мячу

Динамика угловой скорости движения в тазобедренном суставе между группами качественно не различается – она максимальна в начале движения, затем, после некоторого спада, отмечается прирост в фазе 3.1, после чего наблюдается значительный спад. Однако в контрольной группе величины скоростей ниже во все фазы, особенно эта разница заметна в начальных фазах удара.

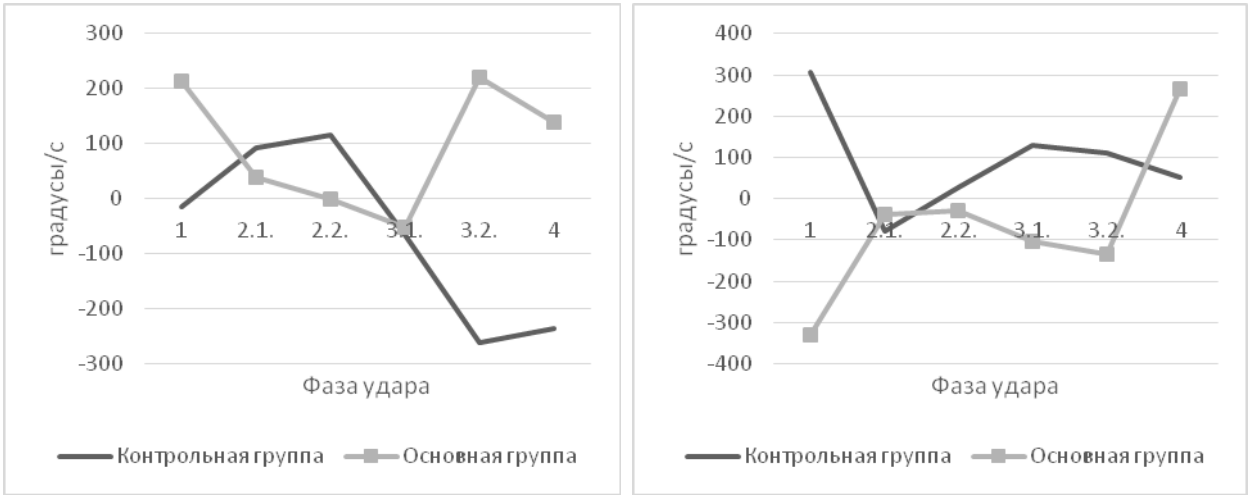
Наиболее заметные различия между группами в динамике угловых скоростей обнаружены в верхних конечностях: плечевом и локтевом суставах (рис. 4). При анализе показателей контрольной группы видно, что угловая скорость движения в плечевом суставе сначала увеличивается и после второй фазы начинает снижаться. Показатели основной группы полностью противоположны – рост скорости в первых двух фазах удара сменяется резким спадом.

В локтевом суставе складывается похожая ситуация. В контрольной группе угловая скорость при ударе средней частью подъема снижается в начальной фазе удара, затем наблюдаются ее рост до фазы 3 и стабилизация. В основной группе, напротив, в фазе 1 происходит резкое увеличение угловой скорости, затем она постепенно снижается. Еще один резкий прирост отмечается в завершающей фазе удара.

А *Б*

Рис. 3. Изменения значений угловой скорости движения в коленном (*А*) и тазобедренном (*Б*) суставах при выполнении удара по мячу

А *Б*

Рис. 4. Изменения значений угловой скорости движения в плечевом (*А*) и локтевом (*Б*) суставах при выполнении удара по мячу

Полученные результаты свидетельствуют, что у спортсменов с нарушениями опорно-двигательного аппарата динамический стереотип, лежащий в основе выполнения удара по мячу средней частью подъема стопы, существенно отличается от такового у здоровых спортсменов. Основные отличия связаны с фазовой структурой движений в суставах ноги. У спортсменов без нарушений ОДА в начальной фазе движение выполняется преимущественно в тазобедренном суставе. Угловая скорость движения в нем в эту фазу максимальная, величина угла растет. Начиная с середины движения ведущая роль переходит к коленному суставу – скорость движения в нем растет параллельно с падением скорости движения в тазобедренном суставе.

У спортсменов с патологией ОДА согласованность движений в суставах ноги нарушена. Скорость движения в обоих суставах – и коленном, и тазобедренном – максимальна в первой половине движения, затем она начинает снижаться. Небольшой прирост скорости в коленном суставе в заключительную фазу очень незначителен и не может компенсировать завершение движения в тазобедренном суставе. Одновременно меняется и угловая структура движения – разгибание в коленном суставе происходит раньше, а в тазобедренном отмечается дополнительное разгибательное движение в завершающей фазе удара.

Спортсмены контрольной группы при выполнении удара активно задействуют движения в верхних конечностях. Отмечается разгибание в плечевом и сгибание в локтевом суставах. При этом плечевой сустав работает в начальной фазе удара, а локтевой – в заключительной. Эти движения, очевидно, носят компенсаторный характер, способствуя поддержанию равновесия. Кроме того, перемещения верхней части тела способны обеспечить дополнительный инерционный момент движения ОЦТ, который увеличит силу удара по мячу. Очевидно, эту функцию выполняет преимущественно движение в плечевом суставе.

Спортсмены с патологией ОДА практически не задействуют этот механизм – углы в плечевом и локтевом суставах практически не изменяются на всем

протяжении удара. Угловые скорости движения в обоих суставах резко возрастают в заключительной фазе движения, когда удар уже выполнен. В результате движение руки способствует удержанию равновесия после завершения удара и никак не участвует в самом ударе по мячу.

Заключение. Полученные результаты свидетельствуют, что у спортсменов с нарушениями опорно-двигательного аппарата динамический стереотип, лежащий в основе выполнения удара по мячу средней частью подъема стопы, существенно отличается от такового у здоровых спортсменов. У здоровых спортсменов выражена согласованность движений в суставах ноги – первая фаза удара выполняется за счет движения в тазобедренном суставе, заключительная – в коленном. При этом спортсмены эффективно используют реактивное движение в плечевом суставе в начальную фазу удара для повышения его силы и движение в локтевом суставе – в заключительную фазу для поддержания равновесия. У спортсменов с патологией ОДА согласованность нарушена, оба сустава ноги в равной степени задействованы в первой фазе удара. Движение руки при этом не происходит, плечевой и локтевой суставы подключаются только в заключительную фазу движения, способствуя удержанию равновесия, но не влияя при этом на силу и эффективность удара по мячу.

Можно предположить, что формирование такого «патологического» динамического стереотипа у спортсменов с нарушениями ОДА является результатом трудностей с поддержанием равновесия и координацией движений [5–7]. По всей видимости, в тренировочном процессе футболистов данной группы необходимо больше внимания уделять развитию равновесия и координации, а также контролю вестибулярной чувствительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ермакова Ю.Н.* Характеристика особенностей владения элементами игры в футбол у детей старшего дошкольного возраста // Вестник спортивной науки. 2009. № 5.
2. *Кошельская Е.В., Капилевич Л.В., Баженов В.Н. и др.* Физиологические и биомеханические характеристики техники ударно-целевых действий футболистов // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 2012. Т. 153, № 2. С. 235–237.
3. *Нагорнов М.С., Давлетьярова К.В., Ильин А.А., Капилевич Л.В.* Физиологические особенности техники удара по мячу у футболистов с нарушениями опорно-двигательного аппарата // Теория и практика физической культуры. 2015. № 7. С. 8–10.
4. *Дубровский В.И., Федорова В.Н.* Патологическая биомеханика // Биомеханика: учеб. для сред. и высш. учеб. заведений. М. : Изд-во ВЛАДОС – ПРЕСС, 2003. С. 591–628.
5. *Илларионова А.В., Капилевич Л.В.* Особенности внутримышечной и межмышечной координации при дозировании усилий в условиях неустойчивого равновесия // Теория и практика физической культуры. 2014. № 12. С. 44–46.
6. *Капилевич Л.В., Гужов Ф.А., Бредихина Ю.П., Ильин А.А.* Физиологическое обеспечение точности и координации движений в условиях неустойчивого равновесия и подвижной цели // Теория и практика физической культуры. 2014. № 12. С. 22–24.
7. *Шелков О.М., Чурганов О.А.* Медико-биологическое обеспечение паралимпийских видов спорта. «Спортивная медицина. Здоровье и физическая культура. Сочи 2011» / Материалы II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, 16–18 июня 2011 года / под. общ. ред. С.Е. Павлова. Сочи, 2011. С. 114–117.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 16 июня 2015 г.

BIOMECHANICAL FEATURES OF LOCOMOTION WHEN HITTING THE BALL BY FOOTBALL PLAYERS WITH MUSCULOSKELETAL SYSTEM DISORDERS

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 228–232. DOI: 10.17223/15617793/397/34

Nagornov Mikhail S. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: smbmihey@gmail.com
Davletyarova Ksenia V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: davletyarova@rambler.ru
Kapilevich Leonid V. Tomsk State University, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kapil@yandex.ru

Keywords: football; paralympic sports; scoliosis; flatfoot; biomechanics.

The authors investigated the biomechanical characteristics of locomotions when hitting the ball with the middle part of the instep in players with such musculoskeletal system disorders (MSD) as scoliosis of II-III degree and flatfoot of II-III degree. It was shown that athletes with musculoskeletal system disorders have a different dynamic stereotype of hitting the ball with the middle part of the instep than healthy athletes. The main differences are related to the phase structure of the movements in the leg joints. Athletes without MSD mainly use the hip joint in the initial phase of the movement. The angular velocity is maximum in this phase, the angle increases. In the middle of the movement the leading role goes to the knee joint: the speed of movement in it grows in parallel with the fall of the speed in the hip joint. Athletes with locomotor pathology have disorders in the consistency of leg joints motion. The speed of movement in both joints, knee and hip, is maximum in the first half of the movement, and then it starts to slow down. A small increase in the speed in the knee joint in the final phase is very insignificant and cannot compensate for the completion of movement in the hip joint. At the same time the angle structure of the movement changes: extension of the knee occurs earlier, and the hip joint extends additionally in the final phase of the kick. Athletes of the control group actively involve the movement of the upper limbs when kicking. There is shoulder extension and elbow flexion. The shoulder joint works in the initial phase of the kick, and the elbow in the final. These movements obviously are compensatory in nature, helping to maintain balance. In addition, the movement of the upper part of the body is capable of providing an additional moment of inertia of the center of gravity motion which will increase the power of hitting the ball. Obviously, this function is performed mainly by the movement in the shoulder joint. Athletes with locomotor pathology practically do not employ this mechanism: the angles of the shoulder and elbow joints do not virtually change throughout the kick. The angular speed in both joints increases sharply in the final phase of the movement, when the kick is made. As a result, movement of the arm helps keep the balance after the kick and does not participate in hitting the ball.

REFERENCES

1. Ermakova, Yu.N. (2009) Kharakteristika osobennostey vladeniya elementami igry v futbol u detey starshego doshkol'nogo vozrasta [Characteristic features of knowing elements of the football game by children of older pre-school age]. *Vestnik sportivnoy nauki*. 5. pp. 15–17.
2. Koshel'skaya, E.V. et al. (2012) Fiziologicheskie i biomekhanicheskie kharakteristiki tekhniki udarno-tselevykh deystviy futbolistov [The physiological and biomechanical characteristics of the technology shock-targeted actions of footballers]. *Byulleten' eksperimental'noy biologii i meditsiny – Bulletin of Experimental Biology and Medicine*. 153 (2). pp. 235–237.
3. Nagornov, M.S. et al. (2015) Physiological features of shot technique of football players with musculoskeletal disorders. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 7. pp. 8–10. (In Russian).
4. Dubrovskiy, V.I. & Fedorova, V.N. (2003) Patologicheskaya biomekhanika [Abnormal biomechanics]. In: Dubrovskiy, V.I. *Biomekhanika* [Biomechanics]. Moscow: VLADOS – PRESS.
5. Illarionova, A.V. & Kapilevich, L.V. (2014) Distinctive Features of Intramuscular and Intermuscular Coordination at Power Graduation in the Context of Balance Training. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 12. pp. 44–46. (In Russian).
6. Kapilevich, L.V. et al. (2014) Physiological Mechanisms to Ensure Accuracy and Coordination of Movement under Conditions of Unstable Equilibrium and Moving Target (the Case of Strikes in Sports Karate). *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 12. pp. 22–24. (In Russian).
7. Shelkov, O.M. & Churganov, O.A. (2011) [Biomedical support of Paralympic sports]. *Sportivnaya meditsina. Zdorov'e i fizicheskaya kul'tura. Sochi 2011* [Sports Medicine. Health and physical education. Sochi 2011]. Proc. of II Russian Scientific Conference (with international participation). 16th to 18th June 2011. Sochi. pp. 114–117. (In Russian).

Received: 16 June 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 233–239. DOI: 10.17223/15617793/397/35

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 551.435.7 (-925.11)

Н.С. Евсеева, З.Н. Квасникова

ИНТЕНСИВНОСТЬ И ЦИКЛИЧНОСТЬ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭОЛОВЫХ ПРОЦЕССОВ В АГРОЛАНДШАФТАХ ЗОНЫ ПОДТАЙГИ БАССЕЙНА НИЖНЕЙ ТОМИ (ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ)

Приводятся результаты 25-летних наблюдений за интенсивностью и цикличностью проявления эоловых процессов в агроландшафтах бассейна нижней Томи в холодный период года. Установлено, что интенсивность дефляции обусловлена в основном сильными ветрами, распыленностью и гранулометрическим составом почв, а цикличность – особенностями глобальной циркуляции атмосферы, региональными синоптическими процессами.

Ключевые слова: дефляция; деструктивные и аккумулятивные процессы; эоловые отложения; холодный период года; ветровой режим; агроландшафты; Томская область.

Введение

Эоловые процессы, связанные с деструкцией, транспортировкой и отложением осадочной породы ветром, развиваются во всех природных зонах, а также на сельскохозяйственных угодьях. Общими условиями для их развития являются полностью отсутствующий или разреженный растительный покров, наличие дисперсных пород и сильные ветры. Наиболее развиты эоловые процессы в пустынях и полупустынях, где они изучались многими исследователями – В.А. Обручевым, Н.А. Соколовым, Б.А. Федоровичем, Д.В. Наливкиным, Л.А. Аристарховой, В.П. Чичаговым, Г.А. Ларионовым, А.Н. Сажиным, Ю.И. Васильевым, Н. Ланкастер, М. Рехейс и другими авторами.

В лесной зоне Западно-Сибирской равнины эти процессы изучены слабо. Тайгу и подтайгу в бассейнах Оби и Иртыша исследователи относят либо к недефляционноопасным [1], либо к зоне накопления эолового материала [2, 3]. Вырубка лесов, распашка земель, строительство различных коммуникаций способствуют развитию эоловых процессов. На сельскохозяйственных угодьях, особенно на пашне, ветровая эрозия приводит в очагах дефляции к уменьшению мощности гумусового горизонта, выносу питательных веществ и удобрений, меняет текстуру почв. В очагах аккумуляции возможно засыпание посевов, изменяется гранулометрический и химический состав почв и др. Кроме того, постепенно изменяется рельеф пашни: наветренные склоны становятся круче, а в местах аккумуляции происходит либо выравнивание поверхности, либо формируется нанорельеф. В целом происходит нарушение устойчивости геосистем и процесса самовосстановления почв, более интенсивно развиваются эрозионные процессы.

Объект и методы исследования

Объект исследования – агроландшафты подтайги Томь-Яйского междуречья в пределах Томской области. Это наиболее возвышенный расчлененный участок территории Томской области, где высоты составляют 100–270 м. Междуречье – один из наиболее освоенных в хозяйственном отношении участков области, где расположен г. Томск, крупные села (Богашево, Лучаново, Предтеченск, Басандайка, Аникино и др.). Площадь Томь-Яйского междуречья около 4,5 тыс. км^2, из них 26% занимают сельскохозяйственные земли, в том числе 9% пашня. Наиболее крупные массивы пашни, расположенные вблизи г. Томска, сел Лучаново, Басандайка и др., лишены растительности в осенне-весенний период.

Эоловые процессы зависят от циркуляции атмосферы, влияющей на режим и скорость ветра. Для исследуемого района названные характеристики освещены во многих работах [4–8]. Средняя скорость ветра в Томске 3–6 м/с, повторяемость скорости ветра 6 м/с и более составляет 57%. В холодный период года преобладают ветры южных румбов. Территория бассейна нижней Томи относится к районам сильного ветра, один раз в 6–10 лет здесь возможно возникновение смерчей [5].

Развитие эоловых процессов зависит также от микрорельефа пашни, типа почв, их механического состава, размеров поля. Микрорельеф пашни исследуемого района в основном полого-волнистый, местами плоский. Относительные превышения в пределах пашни изменяются от 0,5–1,0 до 10–15 м, крутизна склонов – от 0–1 до 7–12°, реже – более.

Согласно Н. Ланкастер, показатели ветровой эрозии широко варьируют и для данной скорости ветра зависят от текстуры почв и степени цементирования почвенной корки [9]. Самые высокие показатели эрозии имеют место на почвах глинистых текстур, особенно там, где их поверхность была нарушена движением транспортных средств или животных. В исследуемом районе в агропроизводство вовлечены в основном суглинисто-глинистые разности темно-серых и серых лесных почв, дерново-подзолистые почвы, формирующиеся на покровных лессовидных суглинках. Критические скорости ветра, при которых начинается ветровая эрозия, на суглинистых почвах изменяется от 4–5 до 9–12 м/с [10].

Площадь распаханных полей в нижнем бассейне Томи изменяется от 10–15 до 100 га. К.С. Кальянов отмечает, что чем большее расстояние проходит воз-

душный поток над незащищенной поверхностью, тем с большей интенсивностью и вероятностью проявляется ветровая эрозия [11].

В течение 1989–2014 гг. при изучении эоловых процессов холодного периода года нами применялись следующие методы и приемы:

– выполнен анализ данных по скоростям ветра по наблюдениям авиаметрической станции аэропорта Томск (Богашево) за 1991–2000 гг. и рассчитан дефляционный потенциал ветра по методике Г.А. Ларионова [12];

– проведены наблюдения за скоростью ветра на высоте 1 м в полевых условиях анемометром АРИ-49;

– проанализированы данные литературных источников, характеризующих ветровой режим территории;

– проведены ежегодные снегосъемки в микромасштабе (замеры толщины снега через 5–20 м) на пашне и в кедровом лесу на ключевом участке «Лучаново» (в 20 км юго-восточнее г. Томска), а также маршрутные обследования пашни в других точках наблюдения;

– ежегодно отбирались пробы снега (из всей толщи) и с поверхности эоловых волн разной степени загрязнения по опорным профилям длиной до 800 м;

– проводились трехкратное фильтрование снеговой воды, сушка и взвешивание твердого осадка;

– изучался гранулометрический и химический состав эоловых отложений.

Результаты исследования и их обсуждение

Ветер – один из главных агентов эолового рельефообразования в пределах исследуемой территории. Анализ материалов по характеристике ветров холодного периода года в бассейне нижней Томи показал, что в развитии эоловых процессов большое значение имеют сильные или бурные ветры (≥ 15 м/с), а также порывистость ветра, штормы.

Бурные ветры – одно из наиболее часто и ежегодно повторяющихся опасных явлений погоды на юго-востоке Западно-Сибирской равнины, в том числе и территории Томской области. Количество бурных ветров увеличилось за последние 30–35 лет, по сравнению с 1961–1980 гг. примерно на 30% [8]. Анализ данных за 2005–2009 гг. по межгодовой повторяемости сильного ветра в г. Томске показал, что она сильно изменяется по годам (табл. 1).

Таблица 1

Межгодовой ход повторяемости сильного ветра в г. Томске за период 2005–2009 гг. [13]

Год	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
Число случаев	14	30	50	48	29	171

Продолжительность бурных ветров в Томске достигает 58 ч, составляя в среднем 7,3 ч. Повторяемость бурь имеет два максимума – весной и осенью, именно в эти сезоны бури наиболее продолжительны.

Ветер исследуемого района характеризуется порывистостью. Порывы ветра фиксируются при средней скорости 5 м/с, если они превышают ее на 5 м/с [14]. Исследование режима порывистого ветра по данным авиаметрической станции аэропорта Томск (Богашево) за 1996–2003 гг. показали, что среднее число дней с порывистым ветром составляет 41,3 дня при максимальном значении за год – 55 дней. Анализ зависимости частоты порывов ветра от его средней скорости показал, что она выше при средней скорости 7–10 м/с (табл. 2).

Таблица 2

Повторяемость порывов при различной скорости ветра [14]

Скорость ветра, м/с	5–6	7–8	9–10	11–12	13–14	15–16	17–18
Повторяемость порывов, %	7,8	36,7	38,4	12,1	2,6	1,1	1,5

Г.О. Задде, В.В. Севастьяновым, В.И. Слуцким и др. обобщены данные по средней и максимальной скорости ветра за 10 мин и рассчитана средняя максимальная скорость ветра при порывах [15]. Для холодного периода года она изменяется от 7,1 до 8,9 м/с (табл. 3).

Таблица 3

Средняя максимальная скорость ветра с учетом порывов, м/с, по данным метеостанции Томск [15]

Месяц	Средняя скорость за 5 лет	Абсолютный максимум
I	7,2	17
II	7,6	24
III	7,1	14
IV	8,9	19
X	7,4	18
XI	7,9	22
XII	8,7	20

Непрерывная продолжительность порывов ветра в 60–80% случаев не превышает одного часа, но в зимний и переходные сезоны она достигает 10 ч и более. В годовом ходе абсолютная повторяемость порывистого ветра максимальна в зимний период и минимальна летом. В последние десятилетия наметилась тенденция увеличения повторяемости штормов, ураганных ветров, когда скорость достигает 25–34 м/с [5; 16]. Например, в марте 1990 г. наблюдалось пять дней со штормовым ветром (до 24 м/с), 7–8 апреля 2014 г. на территории Томской области порывы ветра достигали 28 м/с [17].

Наши полевые наблюдения за скоростью ветра на высоте 1 м над поверхностью пашни в феврале – апреле анемометром АРИ-49 показали, что на пашне средние скорости ветра составляют 3–5 м/с, а во время порывов – 10–25 м/с.

Как известно, интенсивность эоловых процессов зависит от эродирующей способности ветра, т.е. воздействия ветровых нагрузок на поверхность почвы или дефляционного потенциала ветра (ДПВ). Н.С. Евсеевой и В.И. Слуцким рассчитан ДВП по зависимости, предложенной Г.А. Ларионовым [7]. Данные о скоростях ветра взяты из наблюдений авиаметрической станции аэропорта Томск (Богашево) за период 1991–2000 гг. Необходимо отметить, что эта станция расположена вблизи пахотных угодий и наблюдения за скоростями ветра наиболее достоверно отражают таковые на пашне. Ветровые нагрузки по каждому месяцу определялись по восьми румбам. Установлено, что средние

значения ДВП без учета порывов изменяются от 0–0,5 (лето) до 17,4–21,8 (зимние месяцы). ДВП с учетом порывов более высок, особенно в зимне-весенний и осенний сезоны года (табл. 4).

Таблица 4

Дефляционный потенциал ветра с учетом порывов [18]

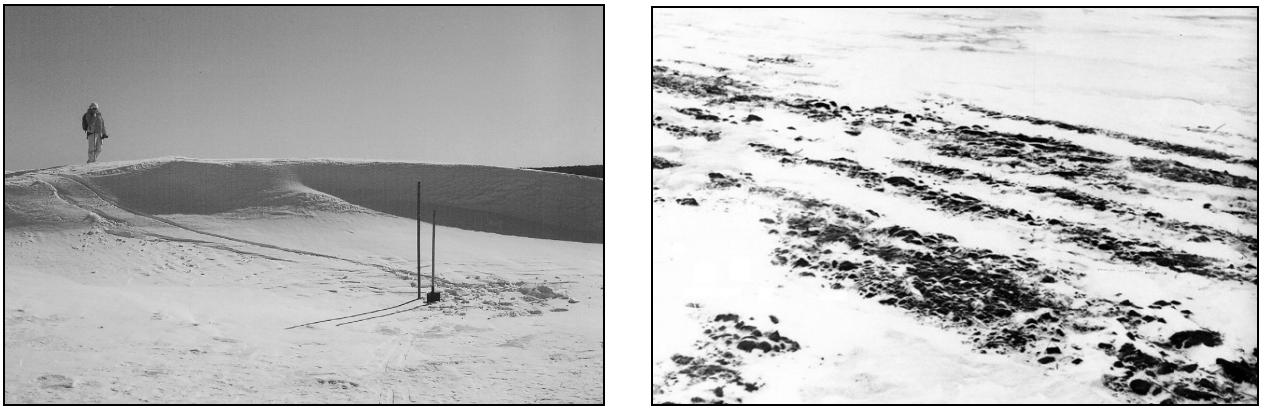
Месяц	Пороговая скорость, м/с										
	1	5	5,5	7	8	9	10	11	12	13	15
I	31,7	28,4	28,1	22,4	20,4	16,8	13,7	12,6	11,8	10,5	6,4
II	29,5	26,4	26,1	20,3	18,1	14,3	10,9	9,8	9,0	8,0	4,6
III	22,9	18,9	18,7	14,6	13,2	11,0	9,1	8,2	7,5	6,6	4,2
IV	22,6	18,8	18,6	14,1	12,5	9,7	7,2	6,1	5,1	4,2	2,2
V	22,3	18,3	18,0	13,8	12,4	10,1	8,1	7,1	6,1	5,3	3,4
VI	11,9	7,1	6,9	4,1	3,2	2,1	1,1	0,7	0,3	0,2	0,1
VII	10,1	5,3	5,1	2,2	1,4	0,8	0,4	0,3	0,3	0,2	0,1
VIII	11,7	7,0	6,8	4,5	3,9	3,0	2,3	2,0	1,7	1,5	0,7
IX	13,4	9,0	8,8	5,2	4,1	2,9	1,9	1,4	1,1	0,8	0,3
X	23,6	20,1	19,8	14,4	12,5	9,2	6,4	5,3	4,5	3,7	1,6
XI	27,9	24,5	24,3	18,7	16,6	12,9	9,6	8,4	7,5	6,7	4,4
XII	32,5	29,6	29,3	23,2	20,7	15,4	10,6	8,5	6,9	5,6	2,8
Среднее за год	22,5	18,6	18,4	13,8	11,6	9,4	6,8	5,9	5,2	4,3	2,4

Анализ скоростей ветра холодного периода года показывает, что они достаточны для переноса снега, поскольку дефляция снежного покрова происходит при скоростях ветра около 10 км/ч (2,8 м/с). Массовый перенос снега начинается на высоте 20 см над поверхностью при 5–6 м/с [19]. Ветер переметает снег, переотлагает его, а наветренные склоны, возвышенные участки мезо-и микрорельефа пашни периодически оказываются лишенными снега. Об это свидетельствует меньшая толщина снега на таких участках: от 0 до 30–40 см против 60–70 см и до 200–240 см в сугробах в период максимального снегонакопления (рис. 1, *А*, *Б*). Обнаженные участки почвы подвергаются дефляции.

Важным элементом потенциальной дефляции является показатель эродируемости почвы или противодефляционная устойчивость почв (Пд). Почвы юго-востока Западной Сибири обладают высокой распыленностью и уязвимы к сильным ветрам [20]. В исследуемом районе содержание частиц менее 1 мм достигает 90% у подзолистых, дерново-подзолистых, серых лесных почв и черноземов выщелочных и оподзоленных. Нами рассчитана противодефляционная устойчивость почв верхних горизонтов почв (0–20 см) по методике Г.А. Ларионова. В зависимости от механического состава, содержания гумуса, карбонатов Пд изменяется в диапазоне: у подзолистых почв – 0–50; у дерново-подзолистых – 10–49; у серых лесных – от 24 до 57; у черноземов выщелочных – от 48 до 75. Г.А. Ларионовым предложен переход от относительной характеристики противодефляционной устойчивости к пороговым скоростям (табл. 5). Сопоставление данных по скоростям ветра и Пд бассейна нижней Томи показывает, что ветер в агроландшафтах южной тайги и подтайги способен вызывать значительную дефляцию почв.

3. Как известно, эоловые процессы делятся на деструктивные и аккумулятивные.

Деструктивные процессы в агроландшафтах бассейна нижней Томи наиболее полно изучались на ключевых участках «Лучаново» и «10 км», а также на основе маршрутных наблюдений. Очагами дефляции являются наветренные склоны мезо-и микрорельефа пашни, а также гребни пашни в случае глубокой осенней вспашки (30–40 см). Размеры очагов дефляции, наиболее характерные для склонов южной экспозиции, изменяются от долей квадратных метров до 4 га. Средняя глубина выдувания почвы, рассчитанная нами по методике М.Е. Бельгибаева [21], за годы наблюдений изменялась от 0 до 0,4 мм, но чаще 0,01–0,02 мм.

А *Б*

Рис. 1. Залегание снежного покрова в агроландшафтах Томь-Яйского междуречья:
А) сугробы у лесополос, кромок леса (фото М.А. Каширо); *Б*) очаги дефляции на пашне (фото З.Н. Квасниковой)

Таблица 5

Противодефляционная устойчивость почв (Пд) и пороговые скорости ветра [12]

Пд	15	16–25	26–35	36–50	51–65	66–75	76–85	86–95	Больше 96
Пороговая скорость ветра, м/с	6	7	8	9	10	11	12	13	14

Аккумулятивные процессы. Выдутые частицы почв уносятся от очага дефляции на различные расстояния и отлагаются на поверхности снега при ослаблении скорости ветра, перед препятствиями (рис. 2).

А

Б

Рис. 2. Аккумуляция эоловых частиц в агроландшафтах Томь-Яйского междуречья: *А* – у опушки леса; *Б* – частицы почвы на поверхности снега пашни (фото З.Н. Квасниковой)

Интенсивность эоловой аккумуляции определялась нами по содержанию частиц на 1 м^2. Необходимо отметить, что интенсивность эоловой аккумуляции в исследуемом районе в течение холодного периода года (октябрь–апрель) оценивалась нами по ее максимальному проявлению в год наблюдения. Известно, что аккумуляция эолового материала в толще снега и на его поверхности неравномерна: максимум его накапливается на участках формирования эоловых волн (ряби) и гораздо меньше – между эоловыми волнами. Например, мощность отложившегося мелкозема на поверхности снега в пределах эоловых волн в 1996 г. достигала 13 мм, в 2003 г. – 30 мм, а между эоловыми волнами визуально и инструментально определить толщину твердого осадка невозможно. Весной в годы интенсивного проявления процессов дефляции эоловая рябь покрывает до 70–75% поверхности снега, а в отдельные годы на склонах южной экспозиции – до 90% (2004 г.). В 2003–2005 гг. отмечался значительный процент загрязнения площади пашни эоловыми частицами как на склонах южной экспозиции, так и на склонах северной экспозиции.

Вследствие неравномерности накопления эолового материала загрязненные прослойки снега наблюдались не во всех шурфах, заложенных в толще снега. Наиболее часто они встречаются в толще снега депрессий рельефа и в сугробах. За годы наблюдений количество прослоек загрязненного снега изменялось от 0–1 (1993, 1996, 2010, 2011, 2014) до 3–5 штук (1989, 1990, 1995, 2001, 2003, 2004, 2009). Толщина загрязненных прослоек снега варьировала от 3–5 мм до 10–15 см. Наибольшей толщины достигают загрязненные прослойки снега в случае осенней активизации эолового процесса – до 15 см (1991, 2012). Эти прослойки приурочены к средней и нижней частям толщи снега в шурфах.

За 25-летний период наблюдений отмечались годы с разной интенсивностью аккумуляции эолового материала на единицу площади в г/м^2. Согласно Е.М. Любцовой (2004), она может быть подразделена на слабую – менее 50 г/м^2, умеренную – 50–100; среднюю – 100–200; сильную – 200–500; очень сильную – 500–1 000 и чрезвычайно сильную – более 1 000 г/м^2 [22].

В табл. 6 приведены примеры интенсивной аккумуляции эолового материала за холодный период с указанием наибольшего проявления эоловых процессов по сезонам года.

В составе эоловых отложений преобладают фракции пыли – от 46 до 83,5%, содержание гумуса в пробах изменялось от 2,2 до 5,1%. Эоловые отложения имеют тесную генетическую связь с почвами исследуемого региона. Кроме того, в составе изучаемых осадков присутствует и пыль, приносимая воздушными потоками из других регионов [23]. Сравнительный анализ интенсивности аккумуляции эолового материала на пашне и в кедровом лесу показывает, что в кедраче накапливается незначительное количество эоловых осадков (табл. 6). Наблюдения за накоплением эоловых осадков в снегу на поле со

стерней показали, что в снеге накапливалось от 2,54 до 26 г/м^2.

Сопоставления данных по интенсивности эоловой аккумуляции и чисел Вольфа показывает, что однозначного совпадения не отмечается, наблюдается сдвиг интенсивности эолового процесса относительно максимумов солнечной активности. В целом отмечается цикличность проявления – от 1 до 5–6 лет (рис. 3, табл. 6).

Таблица 6

Интенсивность аккумуляции эолового материала на южных склонах пашни в холодный период года

Год наблюдения	Количество прослоек загрязненного снега в шурфах	Интенсивность аккумуляции, г/м^2		Наибольшая активизация процесса по сезонам
		Пашня	Кедровый лес	
1990	1–5	до 512	–	Зима–весна
1993	0	10	–	Слабое развитие процесса. В холодный период года
2000	1–2	> 200	–	Зима–весна
2001	1–5	до 344	–	Осень–зима
2002	0–1	до 305	–	Весна
2003	0–3	до 824	–	Зима–весна
2004	1–4	до 640	–	Осень–зима
2005	0–1	до 376	–	Весна
2006	0–1	до 85	–	Зима–весна
2007	0–1	до 45	до 13,9	Осень–зима
2008	0	до 83	до 18,8	Весна
2009	1–3	до 220	до 83,8	Осень–зима
2010	0	до 42	до 24,6	Весна
2011	0	до 109	до 5,3	Весна
2012	0–1	местами >1000	до 6,6	Осень
2013	0–1	менее 1,0	–	Равномерное. Осень–весна
2014	0	до 15,5	до 14	Равномерное. Осень–весна

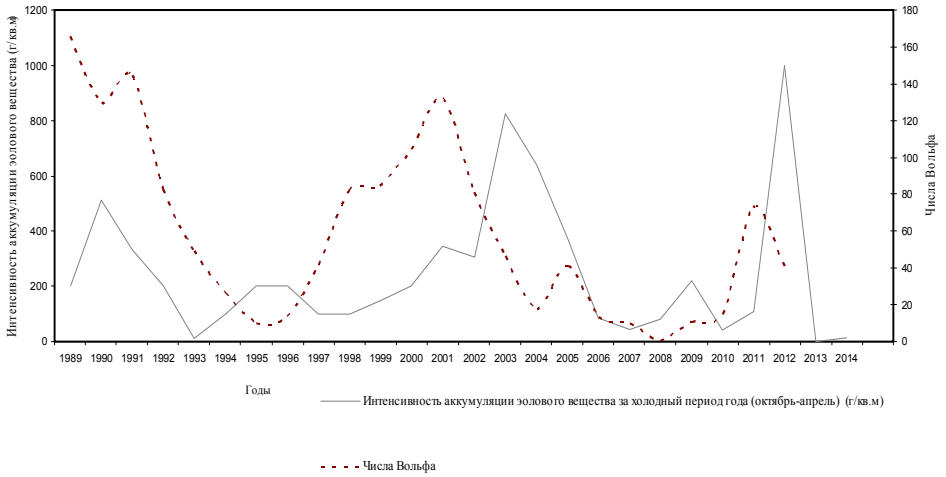

Рис. 3. Сопоставление цикличности проявления солнечной активности и интенсивности аккумуляции эолового материала на пашне Томь-Яйского междуречья

Выводы

В ходе 25-летних наблюдений установлено, что скорости ветра в бассейне нижней Томи значительны и способны вызывать дефляцию почв в агроландшафтах; почвы региона характеризуются высокой распыленностью, они уязвимы к сильным ветрам, так как противодефляционная устойчивость их невысока; средняя глубина выдувания почвы за годы наблюдений за разные отрезки времени и в зависимости от величины очагов дефляции изменялась от 0 до 0,4 мм; интенсивность аккумуляции эолового материала за холодный период года (октябрь–апрель) в течение 1989–2014 гг. от 1 г/м^2 (2013 г.) до более 1 000 г/м^2 (2012 г.); в эоловых отложениях преобладают фракции пыли, содержание гумуса в ряде проб достигает 4–5%. Эоловые осадки имеют тесную генетическую связь с почвами региона, а эоловые процессы по площади развития относятся к локальным; отмечается цикличность проявления процесса – от 1 до 5–6 лет, что объясняется, по нашему мнению, особенностями глобальной циркуляции атмосферы, проявляющимися в различных метеорологических характеристиках, а также и региональными синоптическими процессами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белоцерковский М.Ю., Кирюхина З.П., Ларионов Г.А.* Опыт количественной оценки эрозионно-и дефляционноопасных земель бассейнов Оби и Иртыша при разработке схемы комплексного использования природных ресурсов // Вестник МГУ. Сер. 5. География. 1984. № 5. С. 3–9.

2. *Сажин А.Н., Васильев Ю.И.* Географические закономерности современной дефляции в степях Восточной Европы и Западной Сибири // Геоморфология. 2003. № 1. С. 79–82.
3. *Сажин А.Ю., Васильев Ю.И., Чичагов В.П., Ларионов Г.А.* Эоловый морфогенез и современный климат Евразии. I. Динамика атмосферы, блокирующие и эоловые процессы // Геоморфология. 2012. № 3. С. 10–20.
4. *Трифонова Л.И.* Климат // География Томской области. Томск, 1988. С. 42–76.
5. *Природные* опасности России. Гидрометеорологические опасности. Т. 5 / под ред. Г.С. Голицына, А.А. Васильева. М. : Издательская фирма «КРУК», 2001. 296 с.
6. *Слуцкий В.И.* Ветроэнергетические ресурсы // Кадастр возможностей / под ред. Б.В. Лукутина. Томск : Изд-во НТЛ, 2002. 280 с.
7. *Евсеева Н.С., Слуцкий В.И.* Климатический фактор развития эоловых процессов на юго-востоке Западно-Сибирской равнины // География и природные ресурсы. 2005. № 4. С. 75–79.
8. *Евсеева Н.С, Ромашова Т.В.* Опасные метеорологические явления как составная часть природного риска (на примере юга Томской области) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353. С. 199–204.
9. *Lancaster N.* Aeolian features and processes // Geological Monitoring / R. Young, L. Norby. Boulder, Colorado, Geological Society of America. 2009. P. 4–25.
10. *Захаров П.С.* Эрозия почв и меры борьбы с ней. М. : Колос, 1978. 176 с.
11. *Кальянов К.С.* Развитие эоловых процессов и ветровой эрозии почв на территории СССР // География процессов эрозии. 1986. С. 2–24.
12. *Ларионов Г.А.* Эрозия и дефляция почв: основные закономерности количественная оценка. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1993. 200 с.
13. *Ананова П.Г., Зяблицкая К.Н.* Сильный ветер в районе г. Томска // Контроль окружающей среды и климата «КОСК-2010» : материалы VII Всерос. симпозиума, Томск, 5–7 июля 2010. Томск : Аграф-Пресс, 2010. С 202–204.
14. *Рыбина Н.П., Слуцкий В.И.* Порывистость ветра в районе г. Томска // Материалы Шестого Сибирского совещания по климато-экологическому мониторингу 14–16 сентября 2005 г. Томск, 2005. С. 23–29.
15. *Кадастр* возможностей / под ред. Б.В. Лукутина. Томск : Изд-во НТЛ, 2002. 280 с.
16. *Ромашова Т.В.* Климатические изменения на юге Томской области в глобальном контексте // Актуальные проблемы экологии и природопользования Сибири в глобальном контексте : сб. ст. в двух частях. Часть вторая. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2007. С. 334–337.
17. *Стихия* разыгралась // АИФ. Томск. 2014. 9–15 апр.
18. *Евсеева Н.С.* Современный морфолитогенез юго-востока Западно-Сибирской равнины. Томск : Изд-во НТЛ, 2009. 484 с.
19. *Снег.* Справочник / под ред. Д.М. Грея, Д.Х. Мейла. Л. : Гидрометеоиздат, 1986. 752 с.
20. *Долгилевич М.И.* Особенности ветровой эрозии почв и применение агролесомелиоративных мероприятий в Западной Сибири // Защита почв Сибири от эрозии и дефляции. Новосибирск, 1981. С. 15–22.
21. *Бельгибаев М.Е.* Природные условия дефляции почв и почвенно-эрозионное районирование Северо-Тургайской равнины : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Алма-Ата : ИГ КазССР, 1972. 22 с.
22. *Любцова Е.М.* Эоловая миграция вещества и ее роль в распространении фтора в ландшафтах юга Минусинской котловины // География и природные ресурсы. 1994. № 2. С. 86–91.
23. *Евсеева Н.С., Квасникова З.Н.* Современные эоловые процессы юго-востока Западно-Сибирской равнины // Геоморфология. 2010. № 3. С. 40–46.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 18 мая 2015 г.

INTENSITY AND PERIODICITY OF EOLIAN PROCESSES IN AGROLANDSCAPES OF SUB-BOREAL FOREST IN THE TOM RIVER LOWER BASIN

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 233–239. DOI: 10.17223/15617793/397/35
Evseeva Nina S., Kvasnikova Zoia N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zojkwas@rambler.ru
Keywords: diflation; erosion and accumulation processes; Eolian sediments; agrolandscapes; Tomsk Oblast.

Eolian processes connected with erosion, disposal and alluviation of sedimentary rocks are usually developed in the natural zones as well as in the arable areas. They are known to be the most developed ones in deserts and semideserts where they draw attention of many scientists. In the forest area of the West Siberian Plain, these processes have been understudied so far. The taiga and sub-boreal forest in the Ob and Irtysh basins are referred to either as a deflation free zone or the zone of accumulation of eolian material. Deforestation, tilting wildlands, public utilities construction contribute to the development of eolian processes. On farm lands, especially on the croplands, where deflation sites occur, eolian erosion causes the decrease in humus layer thickness, loss of nutrients and fertilizers, change of the soil texture. At the sites of accumulation, there might be crop covering up and the textual and chemical composition of soils changes as well. Besides, the relief of croplands is gradually changing: windward slopes are becoming steeper, whereas at the sites of accumulation either surface smoothing is observed or nanorelief is formed. In general, the sustainability of geosystems and the process of soil self-restoring are destroyed, erosion develops. In the course of our 25 year-observations it was found out that the wind velocity in the basin of the Tom River is significant and it can cause soil deflation in agrolandscapes; a high dust mulch is typical for the regional soils. Also, they are attacked by strong winds since their antideflation resistance is not high. The mid depth of soil retirement during our observations at different periods of time varied from 0 to 0.4 mm caused by the deflation size; the intensity of eolian material accumulation during the cold period of the year (October – April) during the 1989–2014 period varied from 1 g/m² (2013) to more than 1000 g/m² (2012). Dust fractions predominate in the eolian deposits, humus content reaching 4–5 % in some samples. Eolian sediments have a close genetic link with regional soils. Eolian processes by the area of development pertain to local ones; periodicity in processes is clearly expressed: from 1 to 5–6 years, suggesting some peculiarities of global atmospheric circulation as seen in different meteorological characteristics as well as in regional synoptic processes.

REFERENCES

1. Belotserkovskiy, M.Yu., Kiryukhina, Z.P. & Larionov, G.A. (1984) Opyt kolichestvennoy otsenki erozionno-i deflyatsionnoopasnykh zemel' basseynov Obi i Irtysha pri razrabotke skhemy kompleksnogo ispol'zovaniya prirodnykh resursov [Experience of quantifying erosion and deflation of lands of the Ob and Irtysh basins in the development of complex usage of natural resources]. *Vestnik MGU. Ser. 5. Geografiya – Moscow University Vestnik. Series 5. Geography*. 5. pp. 3–9.
2. Sazhin, A.N. & Vasil'ev, Yu.I. (2003) Geographic regularities of modern deflation in steppes of eastern Europe and West Siberia. *Geomorfologiya – Geomorphology RAS*. 1. pp. 80–93. (In Russian).

3. Sazhin, A.Yu. et al. (2012) Eolian morphogenesis and recent climate of Eurasia (Paper 1. Atmosphere dynamics, blocking and eolian processes. *Geomorfologiya – Geomorphology RAS*. 3. pp. 10–20. (In Russian).
4. Trifonova, L.I. (1988) Klimat [Climate]. In: Zemtsov, A.A. (ed.) *Geografiya Tomskoy oblasti* [Geography of Tomsk Oblast]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Golitsyn, G.S. & Vasil'ev, A.A. (eds.) (2001) *Prirodnye opasnosti Rossii. Gidrometeorologicheskie opasnosti* [Natural hazards in Russia. Hydrometeorological hazards]. V. 5. Moscow: KRUK.
6. Slutskiy, V.I. (2002) Vetroenergeticheskie resursy [Wind energy resources]. In: Lukutin, B.V. (ed.) (2002) *Kadastr vozmozhnostey* [The inventory of opportunities]. Tomsk: NTL.
7. Evseeva, N.S. & Slutskiy, V.I. (2005) Klimaticheskiy faktor razvitiya eolovykh protsessov na yugo-vostoke Zapadno-Sibirskoy ravniny [The climatic factor in the development of aeolian processes in the southeast of the West Siberian plain]. *Geografiya i prirodnye resursy*. 4. pp. 75–79.
8. Evseeva, N.S & Romashova, T.V. (2011) Dangerous meteorological phenomena as a constituent of natural risk (by example of the south of Tomsk Region). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 353. pp. 199–204. (In Russian).
9. Lancaster, N. (2009) Aeolian features and processes. In: Young, R. & Norby, L. (eds.) *Geological Monitoring*. Boulder, Colorado, Geological Society of America. pp. 4–25.
10. Zakharov, P.S. (1978) *Eroziya pochv i mery bor'by s ney* [Soil erosion and measures to combat it]. Moscow: Kolos.
11. Kal'yanov, K.S. (1986) Razvitie eolovykh protsessov i vetrovoy erozii pochv na territorii SSSR [The development of Eolian processes and wind erosion in the USSR]. In: *Geografiya protsessov erozii* [Geography of erosion processes].
12. Larionov, G.A. (1993) *Eroziya i deflyatsiya pochv: osnovnye zakonomernosti kolichestvennaya otsenka* [Soil erosion and deflation: basic quantitative assessment]. Moscow: Moscow State University.
13. Ananova, P.G. & Zyablitskaya, K.N. (2010) [Strong winds in the area of Tomsk]. Kontrol' okruzhayushchey sredy i klimata "KOSK-2010" [Control of the environment and climate "KOSK-2010"]. Proc. of the VII All-Russian Symposium 5th to 7th July 2010. Tomsk. Tomsk : Agraf-Press. pp. 202–204. (In Russian).
14. Rybina, N.P. & Slutskiy, V.I. (2005) [Gusty winds in the area of Tomsk]. *Proc. of the Sixth Siberian Meeting on the Climate and Environmental Monitoring*. 14th to 16th September 2005. Tomsk. pp. 23–29. (In Russian).
15. Lukutin, B.V. (ed.) (2002) *Kadastr vozmozhnostey* [The inventory of opportunities]. Tomsk: NTL.
16. Romashova, T.V. (2007) [Climate change in the south of Tomsk Oblast in the global context]. *Aktual'nye problemy ekologii i prirodopol'zovaniya Sibiri v global'nom kontekste* [Topical problems of ecology and nature of Siberia in the global context]. Pt. 2. Tomsk: Tomsk Polytechnic University. pp. 334–337. (In Russian).
17. Anon. (2014) Stikhiya razygralas' [Nature went wild]. *AIF. Tomsk*. 9–15 April.
18. Evseeva, N.S. (2009) *Sovremennyy morfolitogenez yugo-vostoka Zapadno-Sibirskoy ravniny* [Modern morpholithogenesis of the southeast of the West Siberian Plain]. Tomsk: NTL.
19. Gray, D.M. & Mehl, D.H. (eds.) (1986) *Sneg. Spravochnik* [Snow. A reference book]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
20. Dolgilevich, M.I. (1981) Osobennosti vetrovoy erozii pochv i primenenie agrolesomeliorativnykh meropriyatiy v Zapadnoy Sibiri [Features of soil erosion and the use of agroforestry activities in Western Siberia]. In: Kashtanov, A.N. (ed.) *Zashchita pochv Sibiri ot erozii i deflyatsii* [Protection of Siberian soil from erosion and deflation]. Novosibirsk: Nauka.
21. Bel'gibaev, M.E. (1972) *Prirodnye usloviya deflyatsii pochv i pochvenno-erozionnoe rayonirovanie Severo-Turgayskoy ravniny* [Natural deflation of soils and soil-erosion zoning of the North Turgay Plain]. Abstract of Geography Cand. Diss. Alma-Ata: IG KazSSR.
22. Lyubtsova, E.M. (1994) Eolovaya migratsiya veshchestva i ee rol' v rasprostranenii ftora v landshaftakh yuga Minusinskoy kotloviny [Eolian migration of the substance and its role in the spread of fluoride in the landscapes of the South Minusinsk depression]. *Geografiya i prirodnye resursy*. 2. pp. 86–91.
23. Evseeva, N.S. & Kvasnikova, Z.N. (2010) Recent Eolian processes in the south-eastern West Siberia. *Geomorfologiya – Geomorphology RAS*. 3. pp. 40–46. (In Russian).

Received: 18 May 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 240–247. DOI: 10.17223/15617793/397/36

УДК 551.577.59

Е.В. Пищальникова, Н.А. Калинин

ВЛАГОСОДЕРЖАНИЕ АТМОСФЕРЫ В ПЕРИОД ВЫПАДЕНИЯ ОЧЕНЬ СИЛЬНЫХ СНЕГОПАДОВ В ПЕРМСКОМ КРАЕ

Рассмотрена зависимость интенсивности очень сильных снегопадов от общего влагосодержания атмосферы в Пермском крае за период 1979–2013 гг. Наибольшая теснота связи выявлена между максимальной интенсивностью осадков и максимальным и средним влагосодержанием атмосферы. Показано распределение количества влаги в пространстве и во времени, выявлено влияние орографии. Установлено, что 47% значений общего влагосодержания, при котором образуется опасное явление, изменяется в пределах от 4,0 до 7,9 кг/м^2.

Ключевые слова: влагосодержание; очень сильный снегопад; опасное природное явление; Пермский край.

Введение

Исследованию влагосодержания в отдельных слоях и во всей толще атмосферы уделяется большое внимание [1–5]. К настоящему времени накоплен значительный по объему материал наблюдений за влагосодержанием атмосферы [6. С. 25].

В научном плане проведение исследований, связанных с влагосодержанием, объясняется тем, что оно позволяет более полно учесть энергетические ресурсы атмосферы, оценка которых важна при решении задач по активным воздействиям на циклоны [7. С. 103; 8. С. 17].

В практическом плане использование данных о количестве влаги в слоях атмосферы оказывает существенную помощь при фронтологическом анализе, особенно в тех случаях, когда в поле температуры, барических тенденциях или ветра приземный фронт выражен нечетко [9. С. 80; 10. С. 30].

Известно, что с процессами влагообмена связаны образование облачности и выпадение осадков [11. С. 93; 12. С. 14], которые в свою очередь могут оказывать не только положительное, но и отрицательное влияние на некоторые стороны жизнедеятельности человека [13. С. 3].

Изучение процессов формирования очень сильного снегопада в зависимости от общего влагосодержания воздушной массы над территорией Пермского края имеет важный практический характер. В зависимости от синоптических условий сильные снегопады могут уменьшать дальность видимости до критических значений, тем самым приводя к снижению скорости движения транспорта и осложняя взлет и посадку воздушных судов, а также способствуют образованию снежных заносов и накатов, затрудняя работу наземного транспорта и, порой, останавливая её полностью. Выпадение мокрого снега создает колоссальную нагрузку на линии электропередач, приводя к их обрыву, и тем самым наносит социальный и экономический ущерб [14. С. 69].

Таким образом, выбранная проблема – изучение общего влагосодержания атмосферы как фактора формирования очень сильного снегопада – является актуальной.

Цель данного исследования – установление зависимости между количеством влаги во всей толще атмосферы и интенсивностью очень сильных снегопадов в Пермском крае за период 1979–2013 гг.

Влагосодержание и способы его определения

Под общим (интегральным) влагосодержанием понимается количество водяного пара в килограммах, содержащееся в столбе атмосферы с площадью основания 1 м^2 [15. С. 456], которое может быть определено несколькими способами. Метод самолетного зондирования является одним из наиболее эффективных подходов [16. С. 338], но в силу своей дороговизны он используется крайне редко и на ограниченной территории.

Определение количества влаги также возможно по результатам радиометрических измерений из космоса [17. С. 670; 18. С. 33], однако следует помнить, что наиболее точное определение влагосодержания возможно лишь над водной поверхностью в определенных географических районах в определенные сезоны года, характеризующихся достаточно большим увлажнением. Наиболее простым и надежным методом определения влагосодержания является аэрологический метод, который позволяет рассчитать запасы влаги в атмосфере из прямых измерений влажности воздуха радиозондом на различных высотах [19; 20. С. 40].

Изучение количества влаги на основе данных реанализа получило широкое распространение [21. С. 245; 22. С. 1084]. Несмотря на ряд ограничений [23. С. 923], данные реанализа являются термодинамически согласованными и полезными источниками [24. С. 50], в том числе применительно к осадкам, испарению и распределению запасов влаги в атмосфере.

Исходные данные

К опасным природным явлениям (ОЯ) холодного периода относится очень сильный снегопад, когда количество осадков, выпавшее за 12 ч, составляет 20 мм и более [25. С. 18]. По данным метеорологических ежемесячников [26], за период 1979–2013 гг. были отобраны дни, когда данное явление наблюдалось на территории Пермского края. В результате за исследуемый период опасный снегопад отмечался суммарно в течение 28 дней. За день с явлением принят день, когда явление было зарегистрировано на

одной или нескольких метеорологических станциях (МС); одно явление, продолжающееся до 48 ч, рассматривалось как один случай.

Число случаев и интенсивность снегопадов, достигших критерия ОЯ, сопоставлялись с данными реанализа CFS (Climate Forecasting System) [27, 28] об общем влагосодержании атмосферы PWAT (precipitable water, кг/м^2). Выбор данного архива был обусловлен рядом причин:

– высокое пространственное разрешение (0,5 градуса);

– шаг по времени 1 ч;

– огромное количество различных параметров;

– удобный формат данных в коде GRIB2;

– глубина архива с 1979 г. по настоящее время.

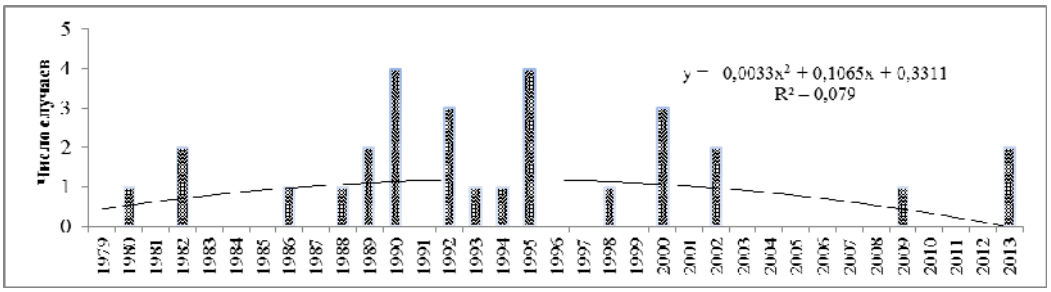
Извлечение данных об общем влагосодержании атмосферы в узлы сетки и их сплайн-интерполяция в координаты МС выполнялись с помощью программного пакета ArcGis 10.1. В результате для каждого дня с очень сильным снегопадом получены значения количества влаги в сроки 0.00, 6.00, 12.00, 18.00 ч всемирного согласованного времени (ВСВ). В случае, когда снегопад достиг опасной величины днем, интенсивность ОЯ сопоставлялась со значениями общего влагосодержания в сроки 6.00 и 12.00 ВСВ, когда ночью – в сроки 18.00 и 0.00 ч ВСВ, так как измерение осадков производится два раза в сутки: в 3.00 и 15.00 ВСВ.

Анализ полученных результатов

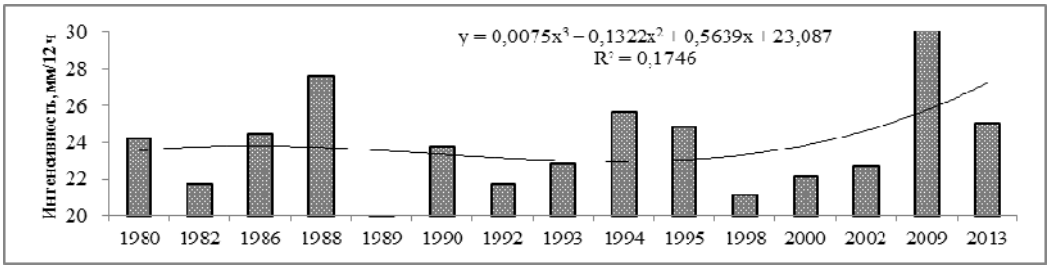
Временное распределение числа случаев очень сильных снегопадов в Пермском крае за период 1979–2013 гг. имеет следующие особенности: ОЯ отмечается реже, чем в половине лет, от одного до четырех случаев в год (рис. 1, *а*).

Основная часть опасных снегопадов (57%) наблюдалась в период с 1988 по 1995 г., который характеризуется наличием максимальной годовой повторяемости явления. Также можно указать на общую тенденцию к уменьшению числа случаев опасных снегопадов в Пермском крае.

Распределение интенсивности явления по годам отличается от распределения числа случаев. Так, на фоне уменьшения повторяемости возрастает интенсивность очень сильного снегопада (рис. 1, *б*). До 1995 г. отмечается ровный тренд с интенсивностью ОЯ на уровне 24 мм/12 ч. Начиная с 1998 г. наблюдается возрастающий тренд до интенсивности в 27 мм/12 ч.

а

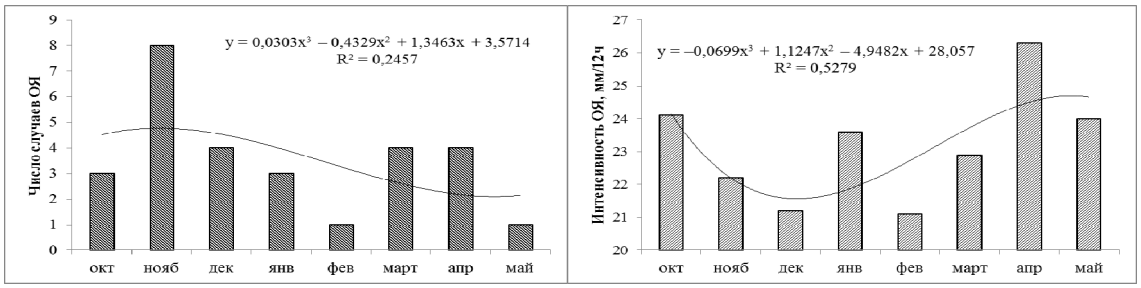
б

Рис. 1. Распределение числа случаев (*а*) и интенсивности (*б*) очень сильных снегопадов в Пермском крае по годам за период 1979–2013 гг.

Внутригодовая изменчивость количества случаев очень сильных снегопадов и их интенсивности показана на рис. 2, из которого видно, что минимумы значений зафиксированы в феврале (один случай при интенсивности 21,1 мм/12 ч), максимумы такого же согласования не имеют. Наибольшая повторяемость опасного снегопада отмечается в ноябре (29%) при интенсивности ниже средней многолетней (22,2 мм/12 ч). Максимальная интенсивность явления (26,3 мм/12 ч) наблюдается в апреле при частоте случаев в 14%.

Зимой в режиме атмосферной циркуляции над Пермским краем преобладают циклоны северо-западного и западного типов, далее – юго-западного и южного, редко – северного. Необходимо отметить, что в среднем за холодный период на погоду в Пермском крае оказывают влияние около сотни циклонов разного типа, но опасный снегопад формирует около 1% из них [29. С. 89]. Образование очень сильного снегопада связано с крупномасштабной циклонической деятельностью, однако носит локальный характер, поэтому анализ временного и пространственного

распределения общего влагосодержания как осадкообразующего фактора является необходимым для лучшего понимания причин, вызывающих образование снегопадов опасной величины в пункте.

а *б*

Рис. 2. Внутригодовое распределение числа случаев (*а*) очень сильных снегопадов и их интенсивности (*б*) в Пермском крае за период 1979–2013 гг.

Статистическое распределение общего влагосодержания атмосферы при выпадении опасного снегопада представлено в табл. 1. Данные описательной статистики получены на базе пакета анализа Excel. Исследуемое распределение общего влагосодержания имеет большой размах – от 3,2 до 20,4 кг/м^2, значимую асимметрию с преобладающим положительным отклонением от среднего и сильную вариацию [30. С. 24].

Таблица 1

Статистическое распределение общего влагосодержания при выпадении очень сильных снегопадов в Пермском крае за период 1979–2013 гг.

Номер градации	Интервал общего влагосодержания, кг/м^2	Срединное значение интервала, кг/м^2	Частоты	Накопленные частоты	Повторяемость, %	Относительная частота	Накопленные относительные частоты
1	2,0–3,9	3,0	3	3	2	0,02	0,02
2	4,0–5,9	5,0	31	34	24	0,24	0,26
3	6,0–7,9	7,0	30	64	23	0,23	0,49
4	8,0–9,9	9,0	15	79	12	0,12	0,61
5	10,0–11,9	11,0	15	94	12	0,12	0,72
6	12,0–13,9	13,0	18	112	14	0,14	0,86
7	14,0–15,9	15,0	11	123	8	0,08	0,95
8	16,0–17,9	17,0	3	126	2	0,02	0,97
9	18,0–19,9	19,0	1	127	1	0,01	0,98
10	20,0–21,9	21,0	3	130	2	0,02	1,00

Объем выборки	130	Мода	7,1
Минимальное значение	3,2	Стандартная ошибка	0,36
Максимальное значение	20,4	Стандартное отклонение	4,05
Среднее значение	9,3	Дисперсия выборки	16,39
Размах выборки	17,2	Эксцесс	–0,26
Медиана	8,2	Асимметричность	0,67

Можно отметить, что основная часть случаев рассматриваемого ОЯ в Пермском крае наблюдается при общем влагосодержании от 4 до 16 кг/м^2. При этом наибольшая совокупная повторяемость приходится на 2 и 3 градации, т.е. около половины значений количества влаги в атмосфере сконцентрировано в интервале от 4,0 до 7,9 кг/м^2. Таким образом, в качестве средней величины общего влагосодержания при выпадении опасного снегопада следует считать моду со значением в 7,1 кг/м^2. Отдельные случаи с повторяемостью 1–2% отмечаются как при более низких (менее 3,9 кг/м^2), так и при более высоких значениях (более 16,0 кг/м^2) количества влаги в атмосфере.

Временная изменчивость общего влагосодержания атмосферы в период выпадения очень сильного снегопада на территории Пермского края главным образом определяется циркуляционными условиями и характеризуется следующими особенностями (рис. 3):

1. Экстремально высокие значения запасов влаги (минимального, максимального и среднего) отмечаются в 1982 г. и составляют 12,7–21,7 кг/м^2. Очень сильный снегопад в этом году сформировался при среднем влагосодержании в 16,3 кг/м^2.

2. Экстремально низкие значения влагосодержания (минимального, максимального и среднего) наблюдаются в разные годы: минимального – в 1989 г. и составляет 2,7 кг/м^2, максимального – в 1998 г. и достигает 5,7 кг/м^2, среднее значение количества влаги при выпадении опасного снегопада равняется 4,7 кг/м^2 и отмечалось в 1993 г.

3. Нисходящий тренд (на 8 единиц) среднего влагосодержания при ОЯ наблюдается в период 1979–1989 гг., ровный тренд с количеством влаги на уровне 7,3 кг/м^2 – в период 1990–1995 гг., плавный восходящий (на 2 единицы) – с 1998 г. по настоящее время.

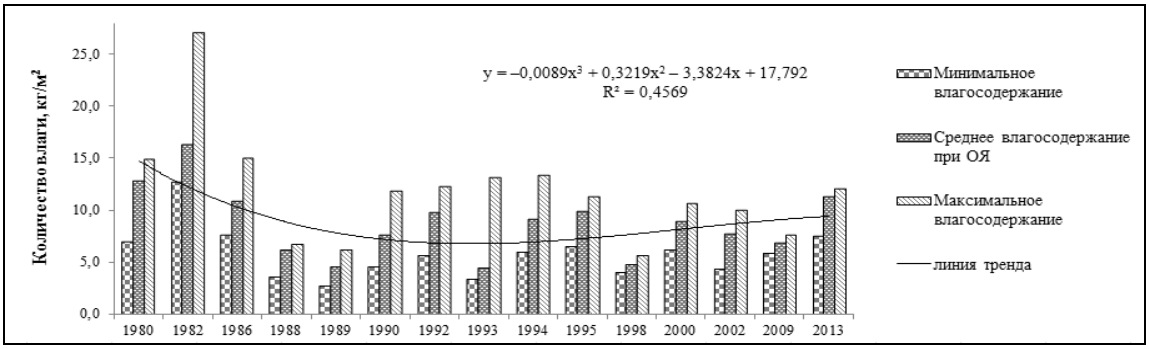

Рис. 3. Распределение осредненного общего влагосодержания в атмосфере при выпадении опасных снегопадов в Пермском крае за период 1979–2013 гг.

Восходящий тренд общего влагосодержания с конца 90-х гг. прошлого века согласуется с восходящим трендом интенсивности очень сильного снегопада, из чего можно заключить, что формирование снегопада опасной величины напрямую зависит от изменения количества влаги в атмосфере.

Содержание водяного пара в земной атмосфере за короткие промежутки времени претерпевает существенные временные изменения. Экстремальные величины (максимум и минимум) общего влагосодержания атмосферы могут различаться в одном и том же физико-географическом районе в несколько раз. Так, зимой величина общего влагосодержания варьируется от 0,3 до 20 кг/м^2, летом – от 1 до 55 кг/м^2 [6. С. 27].

Общее влагосодержание имеет внутригодовую изменчивость, которая согласуется с внутригодовой вариацией интенсивности очень сильного снегопада (рис. 4).

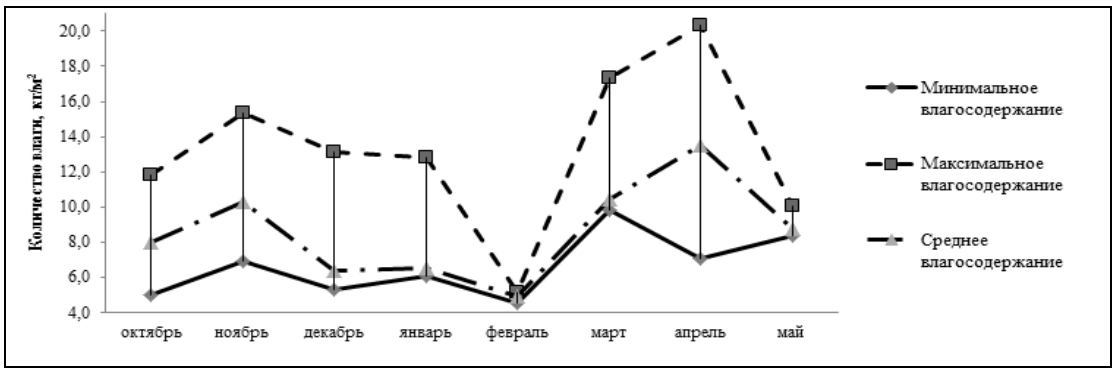

Рис. 4. Инервал общего влагосодержания в атмосфере при выпадении опасных снегопадов за период 1979–2013 гг. в Пермском крае по месяцам

В осенне-зимний период опасные снегопады наблюдаются при минимальных значениях влаги в атмосфере от 4,5 до 6,9 кг/м^2, в весенний – от 7,0 до 9,8 кг/м^2. Максимальные значения аналогичного распределения не имеют, но можно обозначить пиковые: с минимумом в феврале – 5,2 кг/м^2 и максимумом в апреле – 20,4 кг/м^2, а также преобладающие значения от 10,1 до 17,4 кг/м^2. Самый широкий интервал значений влагосодержания отмечается в апреле и равняется 7,0–20,4 кг/м^2, самый узкий в феврале – 4,0–5,2 кг/м^2. Следовательно, можно сделать вывод о том, что очень сильные снегопады, выпадающие в апреле (феврале), имеют максимальную (минимальную) интенсивность благодаря наличию высокого (низкого) содержания влаги в атмосфере.

Значение коэффициента корреляции, полученного между количеством атмосферной влаги и интенсивностью рассматриваемого ОЯ, варьируется от 0,1 до 0,7 (табл. 2). Наибольшая теснота связи (r = 0,7) установлена между максимальной интенсивностью осадков и максимальным и средним влагосодержанием атмосферы, которое может быть использовано в качестве дополнительной характеристики при диагнозе и прогнозе максимальной интенсивности осадков опасной величины в холодный период года.

Существует зависимость между влагосодержанием и температурой воздушной массы, т.е. в атмосферном воздухе содержится тем больше количества водяного пара, чем выше температура [31]. Эта зависимость прослеживается четко, особенно при выпадении очень сильного снегопада в переходные периоды года. Так, например, 10 апреля 1990 г., когда по рассматриваемой территории выпадали осадки смешанного характера, пространственное изменение общего влагосодержания варьировалось от 4,8 до 19,2 кг/м^2. На севере края, где отмечался наиболее низкий фон температуры воздуха, снегопад достиг опасной величины при количестве влаги в воздухе в 7,1 кг/м^2. Интересно отметить, что формирование опасного явления произошло при содержании влаги, близком к наименьшему значению, в то время как в южных районах края, где запасы влаги достигали значений 11,3–19,2 кг/м^2, осадки выпадали в виде дождя на фоне положительных значений температуры воздуха.

Таблица 2

Значение коэффициентов корреляции между общим влагосодержанием атмосферы и интенсивностью очень сильных снегопадов

Общее влагосодержание, кг/м^2	Интенсивность опасного снегопада, мм/12 ч		
	минимальная	максимальная	средняя
Минимальное	0,3	0,5	0,4
Максимальное	0,1	0,7	0,4
Среднее	0,1	0,7	0,4

Таким образом, предположение о выпадении снегопада опасной величины, сделанного на основе данных только о влагосодержании воздушной массы, может быть ошибочным, так как необходимо проводить комплексный анализ с учетом распределения температуры воздуха по вертикали с целью определения фазового состояния осадков.

Пространственное распределение общего влагосодержания по земному шару обладает закономерным возрастанием значений от полюсов к экватору, однако простого зонального распределения не получается в связи с влиянием физико-географических и циркуляционных условий, времени года, характера подстилающей поверхности. Так, зимой в умеренных широтах суммарное содержание водяного пара над континентами составляет около 3 кг/м^2 и близко по значению к влагосодержанию в полярных широтах. В то же время над умеренными широтами океанов количество влаги достигает 20 кг/м^2 [6. С. 26].

Анализ распределения общего влагосодержания в период образования опасного снегопада по территории Пермского края позволяет отметить некоторые особенности. Наименьшее среднее значение количества влаги в атмосфере, осреднённое за период 1979–2013 гг., отмечается на МС Вая, расположенной на северо-востоке рассматриваемой территории на высоте 183 м над уровнем моря, и составляет 7,3 кг/м^2, наибольшее – на МС Чайковский, расположенной на крайнем юго-западе на высоте 98 м над уровнем моря, и достигает 10,0 кг/м^2. Территориальное распределение общего влагосодержания характеризуется уменьшение значений с юго-запада на северо-восток, что согласуется с распределением приземного поля температуры воздуха [32. С. 30]. Однако заметим, что распределение содержания влаги противоположно распределению поля осадков, так как их годовая норма в Пермском крае возрастает от 410 мм на юго-западе до 1 000 мм на северо-востоке [33. С. 96].

За исследуемый период очень сильный снег фиксировался на 13 МС из 25, расположенных в Пермском крае, большая часть случаев отмечалась в северной половине территории. При этом наименьшее содержание влаги в земной атмосфере составило 6,1 кг/м^2 и наблюдалось на МС Губаха, расположенной на востоке края на высоте 274 м над уровнем моря; наибольшее – 16,2 кг/м^2 на МС Гайны, расположенной на северо-западе территории на высоте 196 м над уровнем моря (рис. 5).

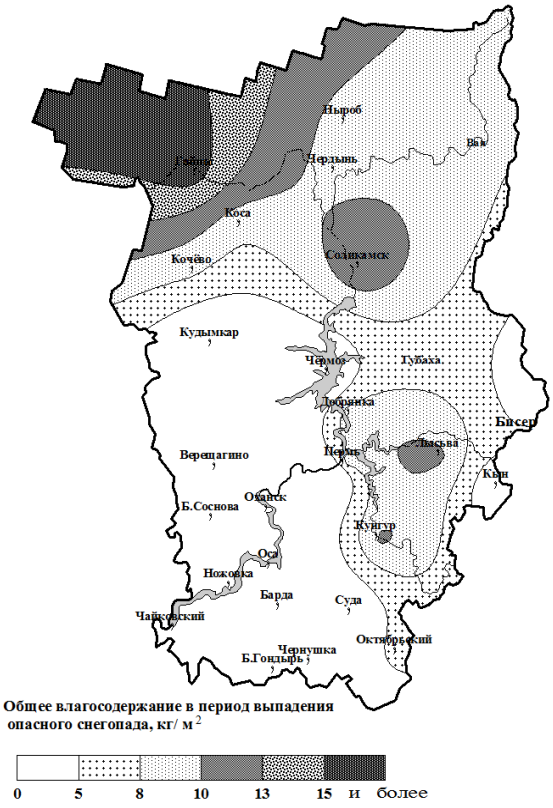

Рис. 5. Территориальное распределение общего влагосодержания атмосферы при выпадении очень сильного снегопада в Пермском крае, осредненного за период 1979–2013 гг.

Для детального анализа пространственного распределения общего влагосодержания разделим территорию Пермского края на северную и южную половину. Таким образом, воображаемая линия должна пройти вблизи параллели 59° с.ш. через МС Чермоз и Губаха, оставляя их на северной половине. При этом в северной части края содержания влаги в атмосферном воздухе при выпадении снегопада опасной величины уменьшается от 16,2 кг/м^2 на северо-западе до 6,1 кг/м^2 на юго-востоке, в то время как число случаев с ОЯ, наоборот, увеличивается (от одного случая на МС Гайны до шести на МС Чердынь). Значит, для образования очень сильного снегопада на северо-востоке крае достаточно запасов влаги в атмосфере в интервале 6–9 кг/м^2. В южной половине края очень сильный снег отмечается преимущественно на востоке. Частота случаев возрастает от одного на юге (МС Октябрьский) до четырех на севере (МС Лысьва, расположенная на высоте 223 м над уровнем моря). При этом распределение общего влагосодержания имеет аналогичное распределение: количество влаги в атмосфере возрастает с юга (6,4 кг/м^2 в Октябрьском) на север (10,5 кг/м^2 в Лысьве).

Отметим, что прослеживается общая закономерность распределения общего влагосодержания в период выпадения опасного снегопада для южной и северной половины Пермского края: ОЯ наблюдается при меньшем содержании влаги в атмосфере на МС, находящихся на большей высоте.

Заключение

В результате проделанной работы можно сделать следующие выводы:

1. Преобладающее значение количества влаги в атмосфере, при котором образуются снегопады опасной величины, приходится на интервал от 4,0 до 7,9 кг/м^2.

2. Наиболее тесная связь (r = 0,7) наблюдается между максимальной интенсивностью опасного снегопада и максимальным и средним интегральным влагосодержанием атмосферы.

3. Максимальная (минимальная) интенсивность очень сильных снегопадов, выпадающих в апреле (феврале), отмечается при наличии высокого (низкого) содержания влаги в атмосфере.

4. В осенне-зимний период опасные снегопады наблюдаются при минимальных значениях влаги в атмосфере от 4,5 до 6,9 кг/м^2, в весенний – от 7,0 до 9,8 кг/м^2.

5. Общее влагосодержание в период выпадения очень сильного снега уменьшается с юго-запада на северо-восток.

6. Выявлено, что при меньшем содержании влаги в атмосфере опасный снегопад формируется на МС, находящихся на большей высоте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Матвеев Л.Т.* Динамика облаков. Л. : Гидрометеоиздат, 1981. 311 с.
2. *Матвеев Л.Т., Солдатенко С.А.* Влагосодержание вертикального столба атмосферы // Труды ВНИИГМИ–МЦД, 1982. Вып. 94. С. 36–42.
3. *Кузнецова Л.П.* Атмосферный влагообмен над территорией СССР. М. : Наука, 1983. 173 с.
4. *Скляднева Т.К., Ломакина Н.Я., Бедарева Т.В.* Пространственно-временное распределение общего содержания водяного пара и озона в континентальных районах Сибири и переходной зоне «материк-океан» Дальнего Востока // Оптика атмосферы и океана. 2012. Т. 25, № 12. С. 1077–1083.
5. *Ситнов С.А., Мохов И.И.* Особенности распределения водяного пара в атмосфере над европейской территорией России летом 2010 года // ДАН. 2013. Т. 448, № 2. С. 206–212.
6. *Зуев В.Е., Комаров В.С.* Статистические модели температуры и газовых компонент атмосферы. Л. : Гидрометеоиздат, 1986. Т. 1. 264 с.
7. *Калинин Н.А.* Энергетика циклонов умеренных широт. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1999. 192 с.
8. *Калинин Н.А., Ветров А.Л.* Генерация доступной потенциальной энергии вследствие крупномасштабной конденсации в циклонах умеренных широт // Метеорология и гидрология. 2002. № 4. С. 17–27.
9. *Домбковская Е.П.* О возможности использования данных общего влагосодержания атмосферы в синоптическом анализе // Труды ГМЦ, 1973. Вып. 110. С. 73–85.
10. *Калинин Н.А., Смирнова А.А.* Определение водности и водозапаса кучево-дождевой облачности по информации метеорологического радиолокатора // Метеорология и гидрология. 2011. № 2. С. 30–43.
11. *Морозова Л.И.* Эволюция осадков в связи с изменением влагосодержания воздуха и вертикальных скоростей в системе южных циклонов // Труды ГМЦ. 1974. Вып. 139. С. 93–97.
12. *Семенова А.П.* К вопросу о связи осадков с влагосодержанием атмосферы // Труды УкрНИГМИ. 1982. Вып. 188. С. 14–17.
13. *Калинин Н.А., Булгакова О.Ю., Дегтярева Л.А.* Пространственное распределение комплексных критериев погодной изменчивости по территории Пермского края и Удмуртской республики // Вестник Удмуртского университета. Сер. Биология. Науки о Земле. 2013. Вып. 4. С. 3–8.
14. *Пищальникова Е.В.* Аналитический обзор современного состояния проблемы влияния циклонической деятельности на условия формирования обильных осадков в холодный период года // Географический вестник. Пермь, 2014. № 1 (28). С. 69–79.
15. *Матвеев Л.Т.* Курс общей метеорологии. Физика атмосферы. Л. : Гидрометеоиздат, 1984. 751 с.
16. *Мазин И.П.* О климатологии и физическом строении облаков // Известия РАН. ФАО. 1994. Т. 30, № 3. С. 338–344.
17. *Заболотских Е.В. и др.* О точности микроволновых спутниковых измерений скорости приводного ветра, влагосодержания атмосферы и водозапаса облаков // Известия РАН. ФАО. 2002. Т. 38, № 5. С. 670–675.
18. *Наумов А.П., Китай Ш.Д., Ошарина Н.Н.* К определению интегрального влагосодержания атмосферы радиометрическим методом при различных геофизических условиях // Успехи современной радиоэлектроники. 2003. № 11. С. 33–37.
19. *Иванов В.Э., Фридзон М.Б., Ессяк С.П.* Радиозондирование атмосферы. Технические и метрологические аспекты разработки и применения радиозондовых измерительных средств. Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 2004. 596 с.
20. *Островский Е.В., Фридзон М.Б.* Надежность и достоверность определения общего влагосодержания дистанционными методами при их сопоставлении с данными стандартного радиозондирования атмосферы // Научный вестник МГТУГА. 2008. № 133. С. 40–44.
21. *Ameni G.G., Kumar P.* NVAP and Reanalysis-2 global precipitable water products: Intercomparison and variability studies // Bull. Amer. Meteorol. Soc. 2005. Vol. 86. P. 245–256. DOI: 10.1175/BAMS-86-2-245.
22. *Марченко О.Ю., Мордвинов В.И., Антохин П.Н.* Исследование долговременной изменчивости и условий формирования атмосферных осадков в бассейне реки Селенги // Оптика атмосферы и океана. 2012. Т. 25, № 12. С. 1084–1090.

23. *Cullather R.I., Bromwich D.H., Serreze M.C.* The atmospheric hydrologic cycle over the Arctic Basin from reanalyses. Part I: Comparison with observations and previous studies // Journal Climate. 2000. P. 923–937.
24. *Калинин Н.А., Лукин И.Л.* Генерация доступной потенциальной энергии вследствие притока длинноволновой радиации в атмосфере // Метеорология и гидрология. 2014. № 3. С. 50–62.
25. *Наставление* по краткосрочным прогнозам погоды общего назначения. РД 52.27.724-2009. Обнинск : ИГ-СОЦИН, 2009. 50 с.
26. *Метеорологические* ежемесячники. Екатеринбург, 1979–2013. Ч. 2, вып. 9. № 1–12.
27. *Saha S. and coauthors.* The NCEP Climate Forecast System Reanalysis // Bull. of the American Meteorological Society. 2010. Vol. 91. P. 1015–1050. DOI: 10.1175/2010-BAMS-3001.1
28. *Saha S. and coauthors.* The NCEP Climate Forecast System Version 2 // Journal of Climate. 2014. Vol. 27. P. 2185–2208. DOI: 10.1175/JCLI-D-12-00823.1
29. *Пищальникова Е.В.* Влияние циклонической деятельности на формирование очень сильных снегопадов в Пермском крае // Географическое изучение территориальных систем : материалы IX регион. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Пермь, 2014. С. 87–92.
30. *Исаев А.А.* Статистика в метеорологии и климатологии. М. : Изд-во МГУ, 1988. 248 с.
31. *Дроздов О.А., Григорьева А.С.* Влагооборот в атмосфере. Л. : Гидрометеоиздат, 1963. 313 с.
32. *Атлас* Пермского края / под общ. ред. А.М. Тартаковского. Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2012. 124 с.
33. *Калинин Н.А., Абзалилова Д.И., Булгакова О.Ю.* Экономические показатели эффективности использования метеорологической информации в дорожном хозяйстве Пермского края // Вестник Удмуртского университета. Сер. Биология. Науки о Земле. 2012. Вып. 4. С. 96–103.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 21 мая 2015 г.

THE MOISTURE CONTENT OF THE ATMOSPHERE DURING VERY HEAVY SNOWFALLS IN PERM KRAI

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 240–247. DOI: 10.17223/15617793/397/36

Pischalnikova Evgeniia V., Kalinin Nikolay A. Perm State National Research University (Perm, Russian Federation). E-mail: evapopova@rambler.ru; kalinin@psu.ru

Keywords: moisture content; heavy snowfall; natural hazards; Perm Krai.

The dependence of the intensity of a very heavy snowfall from the total moisture content of the atmosphere is considered for Perm Krai in 1979–2013. In this period a dangerous natural phenomenon, the very heavy snowfall, was fixed 28 times. The case of the dangerous phenomenon is the day when the phenomenon was registered at one or more meteorological stations (MS); one phenomenon, continuing to 48 hours, was regarded as one case. Frequency and intensity of a dangerous snowfall was compared with the data of CFS reanalysis on the total moisture content of the atmosphere PWAT (precipitable water, kg/m^2). Their extraction in the grid nodes and spline interpolation in MS coordinates were performed with the software package ArcGis 10.1. For each day with a very heavy snowfall there are values of moisture in terms of 0, 6, 12, 18 hours of the universal coordinated time (UTC) for 25 MS of Perm Krai. The study led to the following conclusions. The statistical distribution of the total moisture content has a wide scope – from 3.2 to 20.4 kg/m^2, a significant asymmetry in the predominantly positive deviation from the mean, and strong variations. A dangerous snowfall is formed when the predominant amount of moisture in the atmosphere is from 4.0 to 7.9 kg/m^2. Most close relationship ($r = 0.7$) is observed between the maximum intensity of a very heavy snowfall and the maximum and average moisture content of the atmosphere. Annual variability of the amount of moisture in the atmosphere and intensity of a snowfall has shown that the maximum (minimum) intensity of a very heavy snow falling in April (February) is consistent with the presence of high (low) moisture content in the atmosphere. A dangerous snowfall is observed at the minimum values of moisture in the atmosphere from 4.5 to 6.9 kg/m^2 in the autumn–winter period and from 7.0 to 9.8 kg/m^2 in the spring period. The spatial variation of the total moisture content in the period of a very heavy snow falling in Perm Krai has a well-defined feature: it decreases from south-west to north-east, which is consistent with the distribution of surface temperature field and opposite to the distribution of precipitation field. The orographic effect was observed. Dangerous snowfalls are formed at MS located at a greater height with a smaller moisture content in the atmosphere.

REFERENCES

1. Matveev, L.T. (1981) *Dinamika oblakov* [The dynamics of the clouds]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
2. Matveev, L.T. & Soldatenko, S.A. (1982) Vlagosoderzhanie vertikal'nogo stolba atmosfery [The moisture content of a vertical column of the atmosphere]. *Trudy VNIIGMI–MTsD*. 94. pp. 36–42.
3. Kuznetsova, L.P. (1983) *Atmosfernyy vlagoobmen nad territoriey SSSR* [Atmospheric moisture exchange over the Soviet territory]. Moscow: Nauka.
4. Sklyadneva, T.K., Lomakina, N.Ya. & Bedareva, T.V. (2012) Prostranstvenno-vremennoe raspredelenie obshchego soderzhaniya vodyanogo para i ozona v kontinental'nykh rayonakh Sibiri i perekhodnoy zone "materik-okean" Dal'nego Vostoka [Spatial and temporal distribution of the total content of water vapor and ozone in the continental regions of Siberia and the transition zone "continent-ocean" of the Far East]. *Optika atmosfery i okeana*. 25 (12). pp. 1077–1083.
5. Sitnov, S.A. & Mokhov, I.I. (2013) Osobennosti raspredeleniya vodyanogo para v atmosfere nad evropeyskoy territoriey Rossii letom 2010 goda [Features of distribution of water vapor in the atmosphere over the European territory of Russia in summer 2010]. *Doklady Akademii Nauk*. 448 (2). pp. 206–212.
6. Zuev, V.E. & Komarov, V.S. (1986) *Statisticheskie modeli temperatury i gazovykh komponent atmosfery* [Statistical models of temperature and gas components of the atmosphere]. V. 1. Leningrad: Gidrometeoizdat.
7. Kalinin, N.A. (1999) *Energetika tsiklonov umerennykh shirot* [Energy of cyclones of temperate latitudes]. Perm: Perm State University.
8. Kalinin, N.A. & Vetrov, A.L. (2002) Generatsiya dostupnoy potentsial'noy energii vsledstvie krupnomasshtabnoy kondensatsii v tsiklonakh umerennykh shirot [Generation of the available potential energy as a result of large-scale condensation in the cyclones of temperate latitudes]. *Meteorologiya i gidrologiya*. 4. pp. 17–27.
9. Dombkovskaya, E.P. (1973) O vozmozhnosti ispol'zovaniya dannykh obshchego vlagosoderzhaniya atmosfery v sinopticheskom analize [On the possibility of using data on the moisture content of the atmosphere in the synoptic analysis]. *Trudy GMTs*. 110. pp. 73–85.
10. Kalinin, N.A. & Smirnova, A.A. (2011) Opredelenie vodnosti i vodozapasa kuchevo-dozhdevoy oblachnosti po informatsii meteorologicheskogo radiolokatora [Determination of water content of cumulonimbus clouds by the weather radar information]. *Meteorologiya i gidrologiya*. 2. pp. 30–43.

11. Morozova, L.I. (1974) Evolyutsiya osadkov v svyazi s izmeneniem vlagosoderzhaniya vozdukha i vertikal'nykh skorostey v sisteme yuzhnykh tsiklonov [Evolution of precipitation due to changes in the moisture content of the air and vertical velocities in the southern cyclones]. *Trudy GMTs*. 139. pp. 93–97.
12. Semenova, A.P. (1982) K voprosu o svyazi osadkov s vlagosoderzhaniem atmosfery [On the connection of precipitation with the moisture content of the atmosphere]. *Trudy UkrNIGMI*. 188. pp. 14–17.
13. Kalinin, N.A., Bulgakova, O.Yu. & Degtyareva, L.A. (2013) Economic indicators for the efficiency of using the meteorological information in a public road system of the Perm region. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Biologiya. Nauki o Zemle – Bulletin of Udmurt University. Biology & Earth Sciences*. 4. pp. 3–8. (In Russian).
14. Pishchal'nikova, E.V. (2014) Analiticheskiy obzor sovremennogo sostoyaniya problemy vliyaniya tsiklonicheskoy deyatel'nosti na usloviya formirovaniya obil'nykh osadkov v kholodnyy period goda [Analytical review of the current state of the problem of the influence of cyclonic activity in the conditions of formation of heavy rainfall during the cold period]. *Geograficheskiy vestnik*. 1 (28). pp. 69–79.
15. Matveev, L.T. (1984) *Kurs obshchey meteorologii. Fizika atmosfery* [Course of general meteorology. The physics of the atmosphere]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
16. Mazin, I.P. (1994) O klimatologii i fizicheskom stroenii oblakov [Climatology and physical structure of clouds]. *Izvestiya RAN. FAO*. 30 (3). pp. 338–344.
17. Zabolotskikh, E.V. et al. (2002) O tochnosti mikrovolnovykh sputnikovykh izmereniy skorosti privodnogo vetra, vlagosoderzhaniya atmosfery i vodozapasa oblakov [On the accuracy of microwave satellite measurements of wind speed, atmospheric moisture content and water content of clouds]. *Izvestiya RAN. FAO*. 38 (5). pp. 670–675.
18. Naumov, A.P., Kitay, Sh.D. & Osharina, N.N. (2003) K opredeleniyu integral'nogo vlagosoderzhaniya atmosfery radiometricheskim metodom pri razlichnykh geofizicheskikh usloviyakh [Determination of the moisture content of the atmosphere by an integral radiometric method with different geophysical conditions]. *Uspekhi sovremennoy radioelektroniki – Achievements of Modern Radioelectronics*. 11. pp. 33–37.
19. Ivanov, V.E., Fridzon, M.B. & Essyak, S.P. (2004) *Radiozondirovanie atmosfery. Tekhnicheskie i metrologicheskie aspekty razrabotki i primeneniya radiozondovykh izmeritel'nykh sredstv* [Radiosonde of the atmosphere. Technical and metrological aspects of the development and application of radiosonde measurement tools]. Ekaterinburg : UrO RAN.
20. Ostrovskiy, E.V. & Fridzon, M.B. (2008) Nadezhnost' i dostovernost' opredeleniya obshchego vlagosoderzhaniya distantsionnymi metodami pri ikh sopostavlenii s dannymi standartnogo radiozondirovaniya atmosfery [Reliability and accuracy of the determination of total moisture content by remote methods when they are compared with data of standard radiosonde of the atmosphere]. *Nauchnyy vestnik MGTU GA –Scientific Herald of the Moscow State University of Civil Aviation*. 133. pp. 40–44.
21. Amenu, G.G., Kumar, P. (2005) NVAP and Reanalysis-2 global precipitable water products: Intercomparison and variability studies. *Bull. Amer. Meteorol. Soc*. 86. pp. 245–256. DOI: 10.1175/BAMS-86-2-245
22. Marchenko, O.Yu., Mordvinov, V.I. & Antokhin, P.N. (2012) Issledovanie dolgovremennoy izmenchivosti i usloviy formirovaniya atmosfernykh osadkov v basseyne reki Selengi [A study of long-term variability and conditions for the formation of precipitation in the basin of the Selenga River]. *Optika atmosfery i okeana*. 25 (12). pp. 1084–1090.
23. Cullather, R.I., Bromwich, D.H. & Serreze, M.C. (2000) The atmospheric hydrologic cycle over the Arctic Basin from reanalyses. Part I: Comparison with observations and previous studies. *Journal Climate*. 13. pp. 923–937.
24. Kalinin, N.A. & Lukin, I.L. (2014) Generation of available potential energy due to the long-wave radiation influx in the atmosphere. *Russian Meteorology and Hydrology*. 3. pp. 168–177.
25. Rosgidromet. (2009) *Nastavlenie po kratkosrochnym prognozam pogody obshchego naznacheniya* [Manual on short-term weather forecasts for general use]. RD 52.27.724-2009. Obninsk: IG-SOTsIN.
26. *Meteorologicheskie ezhemesyachniki*. (1979–2013). 2 (9): 1–12.
27. Saha, S. et al. (2010) The NCEP Climate Forecast System Reanalysis. *Bull. of the American Meteorological Society*. 91. pp. 1015–1050. DOI: 10.1175/2010-BAMS-3001.1
28. Saha, S. et al. (2014) The NCEP Climate Forecast System Version 2. *Journal of Climate*. 27. pp. 2185–2208. DOI: 10.1175/JCLI-D-12-00823.1
29. Pishchal'nikova, E.V. (2014) [The impact of cyclonic activity in the formation of very heavy snowfall in Perm Krai]. *Geograficheskoe izuchenie territorial'nykh sistem* [Geographical study of territorial systems]. Proc. of the IX Regional Scientific and Practical Conference of students, graduate students and young scientists. Perm. pp. 87–92. (In Russian).
30. Isaev, A.A. (1988) *Statistika v meteorologii i klimatologii* [Statistics in meteorology and climatology]. Moscow: Moscow State University.
31. Drozdov, O.A. & Grigor'eva, A.S. (1963) *Vlagooborot v atmosfere* [The hydrologic cycle in the atmosphere]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
32. Tartakovskiy, A.M. (ed.) (2012) *Atlas Permskogo kraya* [Atlas of Perm Krai]. Perm: Perm State University.
33. Kalinin, N.A., Abzalilova, D.I. & Bulgakova, O.Yu. (2012) Spatial distribution of complex criteria of weather variability on the territory of Perm Krai and the Udmurt Republic. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Biologiya. Nauki o Zemle – Bulletin of Udmurt University. Biology & Earth Sciences*. 4. pp. 96–103. (In Russian).

Received: 21 May 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 248–257. DOI: 10.17223/15617793/397/37

УДК 562:551.763.3 (571.1)

В.М. Подобина, Т.Г. Ксенева

МЕТОДЫ РАЗРАБОТКИ ЗОНАЛЬНОЙ СТРАТИГРАФИЧЕСКОЙ СХЕМЫ ВЕРХНЕГО МЕЛА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПО ФОРАМИНИФЕРАМ

Обобщены исследования фораминифер с использованием пяти методов для расчленения, корреляции и определения возраста 12 фораминиферовых зон верхнего мела Западной Сибири (метод комплексов, филогении отдельных семейств и родов, ритмостратоны, палеогеографические и палеозоогеографические построения).

Ключевые слова: фораминиферы; биостратиграфия; верхний мел; Западная Сибирь.

Биостратиграфия морских отложений верхнего мела Западно-Сибирского нефтегазоносного бассейна основывается на фораминиферах как наиболее обильной, широко распространенной и относительно быстро эволюционирующей группы фауны.

Для построения зональной стратиграфической схемы верхнего мела Западной Сибири по фораминиферам использованы пять основных методов.

Первый метод – установление зональных комплексов фораминифер с выделением видов-индексов. (табл. 1) [1–6].

Второй метод – создание филогенетических схем по наиболее распространенным в Западной Сибири семействам фораминифер: Haplophragmoididae, Haplophragmiidae, Textulariidae, Ataxophragmiidae (рис. 1) [7].

Третий метод – установление ритмостратонов. В Западно-Сибирском бассейне на протяжении позднего мела развивались преимущественно бентосные фораминиферы. Они чутко реагировали на малейшие изменения физико-географических и биономических условий среды обитания и поэтому являются ценными показателями этих изменений.

На основании особенностей усредненного количественного распределения фораминифер в центральной части Западной Сибири построена обобщенная фаунистическая кривая (ОФК), отвечающая трансгрессивно-регрессивным циклам в развитии бассейна и тектоническому режиму территории. На ОФК выделены три четких ритма, представляющих три крупных ритмостратона (региональные горизонты). Каждый ритм, которому соответствуют указанные стратоны, отделен на ОФК границами между двумя наибольшими изгибами кривой, отвечающими максимумам трансгрессий. Подразделения ОФК, соответствующие одному или двум горизонтам, названы ритмотемами (табл. 2) [1, 3].

Качественная характеристика фораминифер по разрезу верхнего мела показывает изменение их таксонов на уровне отрядов и семейств, обычно близких по составу в пределах отдельных ритмотем. Горизонты или их части, соподчиненные ритмотемам, несколько отличаются литологически и характеризуются определенным родовым составом фораминифер. В иерархии ритмостратонов они могут быть приравнены к таким подразделениям, как ритмотермы (термин авторов, лат. *termus* – отрезок ветви). Местные биостратиграфические (фораминиферовые) зоны, отличающиеся комплексами видов, названы ритмолитами, которые соподчинены ритмотерму, последний – ритмотеме. Таким образом, можно с большой уверенностью выделять соподчиненные стратиграфические подразделения вплоть до зональных стратонов.

Четвертый метод – палеогеографический – выявление на территории региона разных фаций, отличающихся систематическим составом и обликом фораминифер. Так, в относительно глубоководных фациях центрального района в основном обитали раковины с мелкозернистым агглютинатом в составе стенки и в зависимости от гидрологических особенностей бассейна с разным систематическим составом фораминифер. Благодаря некоторым общим видам комплексы фораминифер, образовавшиеся в пределах разных частей бассейна, сопоставлены между собой и образуют их единую одновозрастную ассоциацию.

Пятый метод – палеозоогеографические исследования. Позднемеловые фораминиферы в акваториях северного полушария образуют три субширотно распространенные фауны: приполярную, умеренную и тропическую. По ним в позднемеловую эпоху прослежены соответственно три палеобиогеографических пояса: циркумполярный Арктический, Бореальный и Тетический. Каждому поясу подчинены по две палеозоогеографические области. В акватории Арктического циркумполярного пояса находятся две области – Арктическая и Северо-Тихоокеанская, в которых выделены сообщества бентосных фораминифер и один тип планктонных фораминифер. Так, для Арктической области установлен гаплофрагмиидотрохамминидо-атаксофрагмиидовый тип сообщества бентосных фораминифер и один тип планктонных фораминифер – гетерогелисовый, который характерен и для Северо-Тихоокеанской области (табл. 3, рис. 2, 3) [1, 8].

Для Бореального пояса также установлены две области – Бореально-Атлантическая и Бореально-Тихоокеанская с соответствующими типами сообществ бентосных фораминифер и один тип планктонных фораминифер. В Бореальном поясе распространены бентосные и планктонные фораминиферы, отличающиеся от арктических значительно большим разнообразием и количественным содержанием. Среди бентосных фораминифер преобладают известковые секреционные формы (табл. 3, 4; рис. 2, 3) [1, 8].

Таблица 1

Зоны и зональные комплексы фораминифер верхнего мела Западной Сибири

Система	Отдел	Ярус	Подъярус	Горизонт	*Зона*	*Характерные виды фораминифер*
МЕЛОВАЯ	ВЕРХНИЙ	Маастрихт	верхний	Ганькинский	*Spiroplectammina kasanzevi, Bulimina rosenkrantzi*	*Spiroplectammina kasanzevi* Dain, *Heterostromella foveolata* (Marsson), *Quinqneloculina fusiformis* Putrja, *Valvulineria imitata* (Olsson), *Gyroidinoides obliquaseptatus* (Mjatliuk), *Cibicidoides bembix* (Marsson), *Anomalinoides justus* Podobina, *Bulimina rosenkrantzi* Brotzen, *Bolivina plaita* Carsey
			нижний		*Spiroplectammina variabilis, Gaudryina rugosa spinulosa*	*Spiroplectammina variabilis* Neckaja, *S. kelleri* Dain, *Gaudryina rugosa* d'Orb. *spinulosa* Neckaja, *Dorothia pupoides* (d'Orb.) *ovata* Podobina, *Siphogaudryina stephensoni* (Cushman) *distincta* Podobina, *Valvulineria imitata* (Olsson), *Gyroidinoides turgidus* (Hagenow), *Cibicides globigeriniformis* Neckaja, *Bulimina quadrata* Plummer, *Reussella minuta* (Marsson)
		Кампан	верхний		*Cibicidoides primus*	*Valvulineria procera* Podobina, *Dorothia pupoides* (d'Orb.) *ovata* Podobina, *Ataxophragmium crassus* (d'Orb.) *caspium* Vassilenko, *Ceratobulimina cretacea* Cushman et Harris, *Cibicidoides primus* Podobina, *Cibicidoides aktulagayensis* (Vassilenko), *Nonionellina taylorensis* (Hofker)
			нижний	Славгородский	*Bathysiphon vitta, Recurvoides magnificuis*	*Bathysiphon nodosarieformis* Subbotina, *Bathysiphon vitta* Nauss, *Glomospira corona* Cushman et Jarvis, *Recurvoides magnificus* Podobina, *Adercotryma glomeratoformis* (Zaspelova), *Spiroplectammina optata* Kisselman, *Spiroplectammina variabilis* Neckaja
		Сантон	верхний		*Cribrostomoides exploratus, Ammomarginulina crispa*	*Haplophragmoides tumidus* Podobina, *Cribrostomoides exploratus* Podobina, *Adercotryma glomeratoformis* (Zaspelova), *Ammobaculites agglutiniformis* Podobina, *Ammomarginulina crispa* (Kyprianova), *Spiroplectammina lata* Zaspelova, *Spiroplectammina ancestralis* Kisselman
			нижний		*Ammobaculites dignus, Pseudoclavulina admota*	*Labrospira collyra* (Nauss), *Haplophragmoides eggeri* Cushman, *Recurvoides optivus* Podobina, *Cyclammina flexuosa* Podobina, *Ammobaculites dignus* Podobina, *Ammobaculites uvaticus* (Bulatova), *Haplophragmium obesus* (Bulatova), *Ammoscalaria incultus* (Ehremeeva), *Spiroplectammina senonana* Laliker *pocurica* Balakhmatova, *Trochammina priva* Podobina, *Pseudoclavulina admota* Podobina
		Коньяк	верхний	Ипатовский	*Dentalina tineaformis, Cibicides sandidgei*	*Denlalina lineaformis* Scharovskaja, *Dentalina basiplanata* Cushman, *Bagginoides quadrilohus (*Mello), *Valvulineria lenticula* (Reuss) *piammerae* Loetterle, *Discorbis sibiricus* Dain, *Anomalina sibirica* Dain, *Cibicides sandidgei* Brotzen, *Nonionellina austinana* (Cushman), *Cymbalopora martini* (Brotzen)
			нижний		*Haplophragmium chapmani, Ammoscalaria antis*	*Haplophragmium chapmani* (Tappan), *Ammomarginulina haplophragmoidaeformis* (Balakhmatova), *Ammoscalaria antis* Podobina, *Spiroplectammina senonana* Laliker *orientalis* Kisselman, *Trochammina boemi* Franke, *Trochammina arguta* Podobina
		Турон	верхний	Кузнецовский	*Pseudoclavulina hastata*	*Reophax inordinatus* Young, *Textularia anceps* Reuss, *Ammoscalaria antis* Podobina, *Pseudoclavulina hastata* (Cushman), C*ibicides westsibiricus* (Balakhmatova), *Haplophragmoides rota* Nauss *sibiricus* Zaspelova
			нижний		*Gaudryinopsis angustus*	Labrospira collyra (Nauss), *Haplophragmoides rota* Nauss *sibiricus* Zaspelova, *Haplophragmoides crickmayi* Stelck et Wall, *Ammomarginulina haplophragmoidaeformis* (Balakhmatova), *Haplophragmium incomprehensis* (Ehremeeva), *Uvigerinammina manitobensis* (Wickenden), *Trochammina subbotinae* Zaspelova, *Gaudryinopsis angustus* Podobina
		Сеноман	верхний	Уватский	*Trochammina wetteri tumida, Verneuilinoides kansasensis*	*Labrospira rotunda* Podobina, *Haplophragmoides variabilis* Podobina, *Ammobaculites wenonahae* Tappan, *Ammoscalaria senomanica* Podobina, *Haplophragmium ivtevi* Podobina, *Spiroplectammina longula* Podobina, *Verneuilinoides kansasensis* Loeblich et Tappan, *Trochammina wetteri* Stelck et Wall *tumida* Podobina
					Saccammina micra, Ammomarginulina sibirica	*Saccammina micra* Bulatova, *S. orbiculata* Bulatova, *Labrospira rotunda* Podobina, *Haplophragmoides variabilis* Podobina, *Ammomarginulina sibirica* Podobina

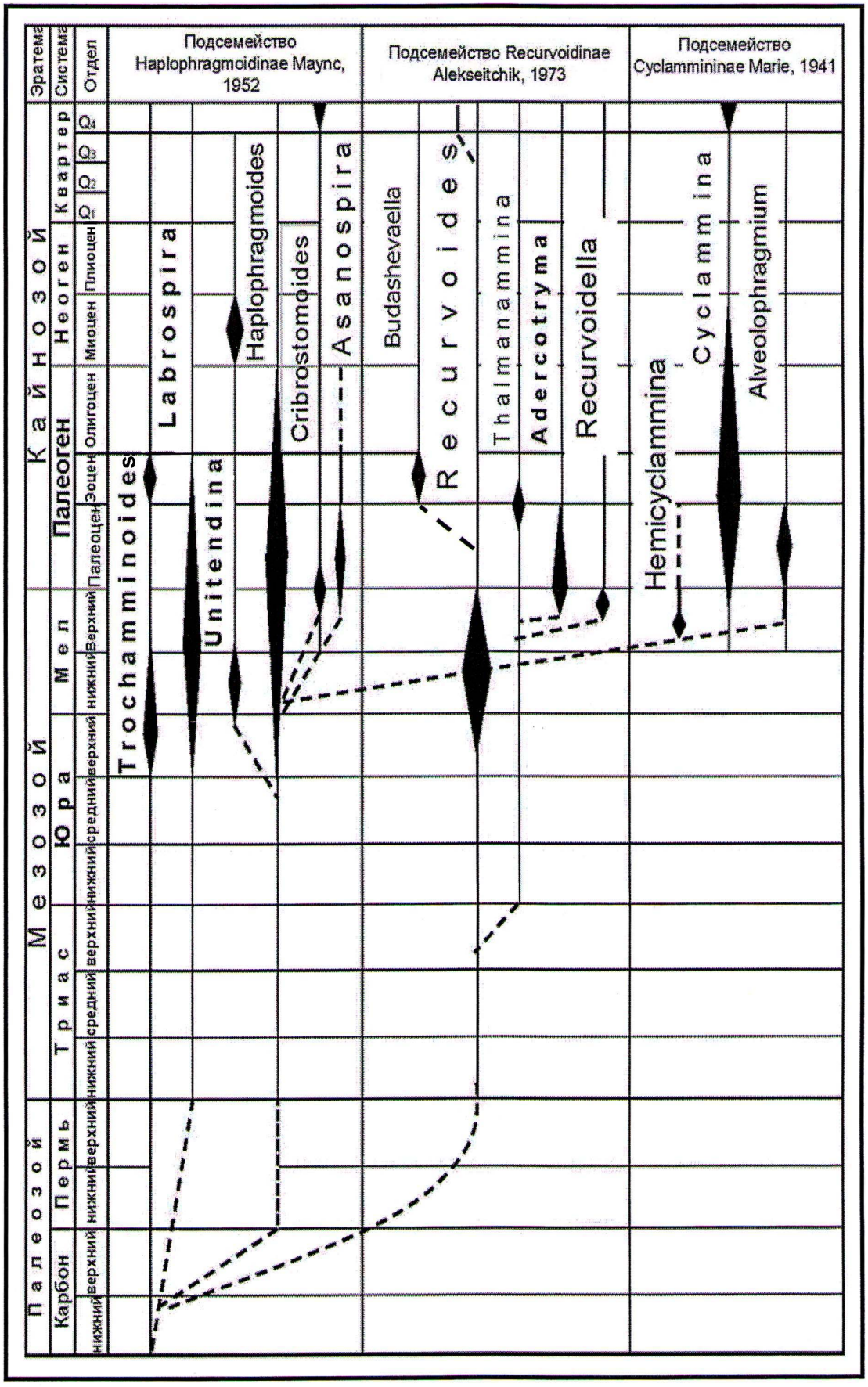

Рис. 1. Схема филогении фораминифер семейства Haplophragmoididae Maync, 1952

Таблица 2

Схема зональной стратиграфии верхнего мела Западной Сибири, совмещенная с ритмами количественного распределения фораминифер

Примечание. ОФК – обобщенная фаунистическая кривая, основанная на усредненном количественном распределении фораминифер; T_1–T_3 – трансгрессивные циклы; P_1–P_3 – регрессивные циклы; -------- граница между ритмотемами; ^^^^^^ – граница между ритмотермами; —·—·—· – граница между ритмолитами

Таблица 3

Палеозоогеографические подразделения и типы сообществ фораминифер позднего мела Северного полушария

Пояс	Область	Тип сообществ бентосных фораминифер	Тип сообществ планктонных фораминифер
Арктический I	Арктическая (А)	Гаплофрагмиидо-трохамминидо-атаксофрагмиидовый (НТА)	Гетерогелисовый (G)
	Северо-Тихоокеанская (СТ)	Гаплофрагмиидо-ржегакининовый (HR)	
Бореальный II	Бореально-Атлантическая (БА)	Дискорбидо-аномалинидо-булиминидовый (DAB)	Гедбергелло-ругоглобигерино-гетерогелисовый (HRG)
	Бореально-Тихоокеанская (БТ)	Нодозариидо-дискорбидо-ржегакининовый (NDR)	
Тетический III	Средиземноморская (С)	Нодозариидо-боливинитидо-орбитоидидовый (NBO)	Глоботрункано-ругоглобигериновый (GR)
	Центрально-Тихоокеанская (ЦТ)	Не установлен	

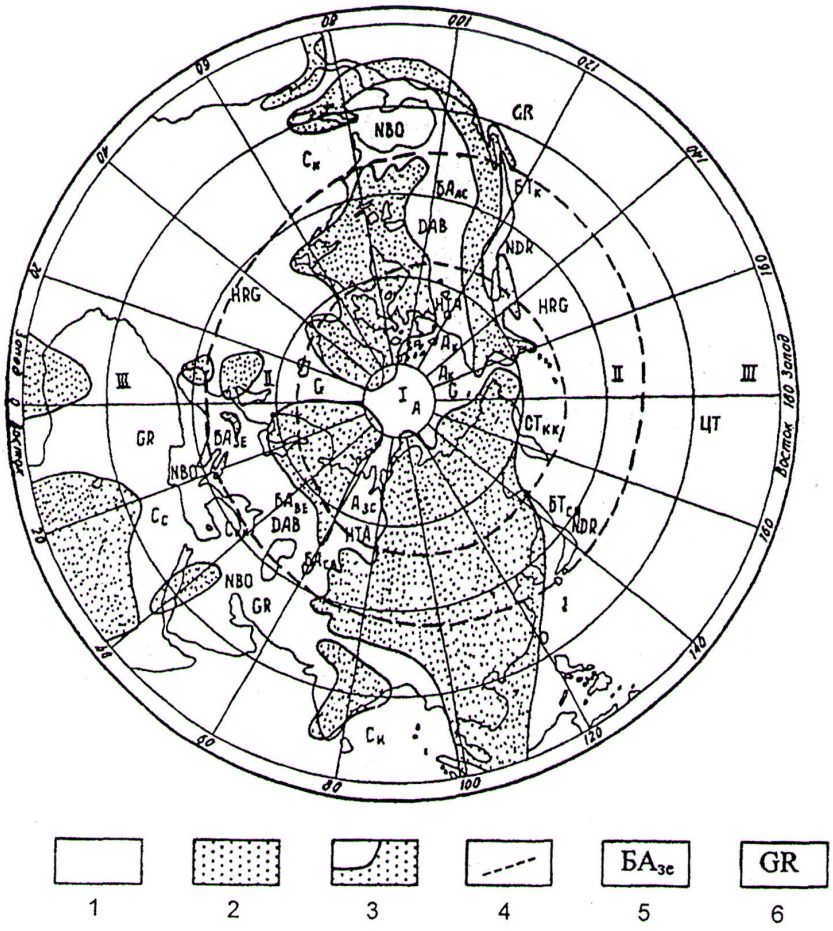

Рис. 2. Предполагаемое положение палеозоогеографических подразделений Северного полушария в сеноман-сантонское время

Условные обозначения:

1 – область моря; *2* – область суши; *3* – береговые линии; *4* – границы палеобиогеографических поясов; *5* – зоогеографические подразделения; *6* – типы сообществ фораминифер.

I. Арктический циркумполярный пояс

HTA – гаплофрагмиидо-трохамминидо-атаксофрагмиидовое сообщество; **HR** – гаплофрагмиидо-ржегакининовое сообщество. **А** – Арктическая область: $\mathbf{А_{зс}}$ – Западно-Сибирская провинция; $\mathbf{А_{к}}$ – Канадская провинция. **СТ** – Северо-Тихоокеанская область: $\mathbf{СТ_{кк}}$ – Корякско-Камчатская провинция.

II. Бореальный пояс

HRG – хедбергелло-ругоглобигерино-гюмбелиновое сообщество; **DAB** – дискорбидо-аномалинидо-булиминидовое сообщество; NDR – нодозариидо-дискорбидо-ржегакининовое сообщество. **БА** – Бореально-Атлантическая область: $\mathbf{БА_{ся}}$ – Средне-Азиатская провинция; $\mathbf{БА_{вс}}$ – Восточно-Европейская провинция; $\mathbf{БА_{зс}}$ – Западно-Европейская провинция; $\mathbf{БА_{са}}$ – Северо-Американская провинция. **БТ** – Бореально-Тихоокеанская область: $\mathbf{БТ_{ся}}$ – Сахалино-Японская провинция; $\mathbf{БТ_{к}}$ – Калифорнийская провинция.

III. Тетический пояс

GR – глоботрункано-ругоглобигериновое сообщество; **NBO** – нодозариидо-боливинитидо-орбитоидидовое сообщество. **С** – Средиземноморская область: $\mathbf{С_{с}}$ – Средиземноморская провинция; $\mathbf{С_{кк}}$ – Крымско-Кавказская провинция; $\mathbf{С_{к}}$ – Карибская провинция; $\mathbf{С_{и}}$ – Индийская провинция; **ЦТ** – Центрально-Тихоокеанская область

Широко распространена группа известковых агглютинированных фораминифер родов *Lituola*, *Verneuilina*, *Gaudryina*, *Siphogaudryina*, *Dorothia*, *Clavulina*, *Orbignyna*, *Ataxophragmium*, *Marssonella* и др. Они принадлежат к семействам, обычно отсутствующим в Арктическом поясе. Бореальные агглютинированные кварцево-кремнистые фораминиферы занимают подчиненное положение в эпиконтинентальных морях, но преобладают в комплексах глубоководных бассейнов. В целом в Бореальном поясе отмечаются почти все известные меловые фораминиферы, за исключением орбитоидид и некоторых видов глоботрунканид.

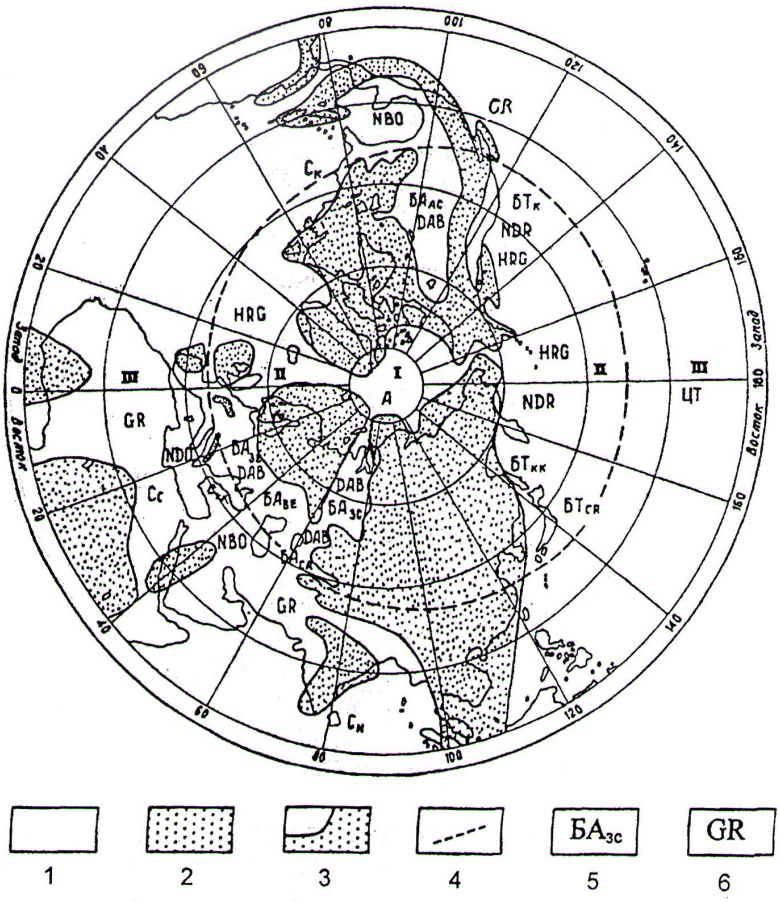

Рис. 3. Предполагаемое положение палеозоогеографических подразделений Северного полушария в кампан-маастрихтское время

Условные обозначения:

1 – область моря; 2 – область суши; 3 – береговые линии; 4 – границы палеобиогеографических поясов; 5 – зоогеографические подразделения; 6 – типы сообществ фораминифер

I. Арктический циркумполярный пояс

Сообщества фораминифер не установлены. **А** – Арктическая область.

II. Бореальный пояс

HRG – хедбергелло-ругоглобигерино-гюмбелиновое сообщество; **DAB** – дискорбидо-аномалинидо-булиминидовое сообщество; **NDR** – нодозариидо-дискорбидо-ржегакининовое сообщество. **БА** – Бореально-Атлантическая область: $\mathbf{БА_{зс}}$ – Западно-Сибирская провинция; $\mathbf{БА_{са}}$ – Средне-Азиатская провинция; $\mathbf{БА_{вс}}$ – Восточно-Европейская провинция; $\mathbf{БА_{зс}}$ – Западно-Европейская провинция; $\mathbf{БА_{са}}$ – Северо-Американская провинция. **БТ** – Бореально-Тихоокеанская область: $\mathbf{БТ_{ся}}$ – Сахалино-Японская провинция; $\mathbf{БТ_{к}}$ – Калифорнийская провинция.

III. Тетический пояс

GR – глоботрункано-ругоглобигериновое сообщество; **NBO** – нодозариидо-боливинитидо-орбитоидидовое сообщество. **С** – Средиземноморская область: $\mathbf{С_{с}}$ – Средиземноморская провинция; $\mathbf{С_{кк}}$ – Крымско-Кавказская провинция; $\mathbf{С_{к}}$ – Карибская провинция; $\mathbf{С_{и}}$ – Индийская провинция; **ЦТ** – Центрально-Тихоокеанская область

В бассейнах Арктической области бентосные фораминиферы образуют две группы: западносибирскую и канадскую. К последней относятся также комплексы фораминифер Северной Аляски. Сходство фораминиферовых сообществ указанных бассейнов на родовом и видовом уровнях и преобладание среди них агглютинированных форм дают основание предполагать, что эта фауна существовала также в центральных районах Арктического бассейна и затем распространилась в более низкие широты. Для мелководных эпиконтинентальных бассейнов Западной Сибири (особенно в сеномане–туроне) характерно широкое распространение агглютинированных фораминифер, что обусловлено беспрепятственной их миграцией из Арктического бассейна. В тепловодных бассейнах окраинных районов Западной Сибири, наряду с агглютинированными формами, присутствуют роды *Eponides*, *Valvulineria*, *Cibicides*, *Cibicidoides*, *Anomalinoides*, *Praebulimina*, *Bulimina*, *Neobulimina* и другие, относящиеся к секреционно-известковым раковинам.

Таблица 4

Схема корреляции фораминиферовых зон верхнего мела в пределах Бореально-Атлантической и Арктической областей

Ярус	Подъярус	Бореально-Атлантическая область	Арктическая область	
		Восточно-Европейская (Русская) провинция (Практическое руководство... 1991)	Западно-Сибирская провинция (Подобина, 2000)	Горизонт
Маастрихт	Верхний	Hanzawia ekblomi	Spiroplectammina kasanzevi, Bulimina rosenkrantzi	Ганькинский
	Нижний	Brotzenella complanata, Angulogavelinella gracilis	Spiroplectammina variabilis, Gaudryina rugosa spinulosa	
Кампан	Верхний	Globorotalites emdiensis, Brotzenella monterelensis	Cibicidoides primus	
	Нижний	Cibicidoides temirensis, Gavelinella clementiana	Bathysiphon vitta, Recurvoides magnificus	Славгородский
Сантон	Верхний	Gavelinella stelligera	Cribrostomoides exploratus, Ammomarginulina crispa	
	Нижний	Gavelinella infrasantonica	Ammobaculites dignus, Pseudoclavulina admota	
Коньяк	Верхний	Gavelinella costulata	Dentalina tineaformis, Cibicides sandidgei	Ипатовский
	Нижний	Gavelinella kelleri	Haplophragmium chapmani, Ammoscalaria antis	
Турон	Верхний	Gavelinella moniliformis, Gavelinella ammonoides	Pseudoclavulina hastata	Кузнецовский
	Нижний	Gavelinella nana	Gaudryinopsis angustus	
Сеноман	Верхний	Lingulogavelinella globosa	Trochammina wetteri tumida, Verneuilinoides kansasensis, Saccammina micra, Ammomarginulina sibirica	Уватский

Западносибирские позднемеловые комплексы фораминифер включают значительное количество эндемичных видов. В сеноман-туронских комплексах их число не превышает четверти общего состава. В отложениях этого возраста выделены общие виды и многие западносибирские подвиды ранее известных канадских видов фораминифер. Более значительны таксономические различия в коньяке–сантоне, когда связи между западносибирским и канадским бассейнами были менее постоянными из-за начавшегося поднятия территории Арктического бассейна и разобщения окраинных бассейнов. Для раннесантонского комплекса (зона Ammobaculites dignus, Pseudoclavulina admota) Западной Сибири, по сравнению с одновозрастным канадским, характерно наличие до 16 эндемичных видов (почти половина общего состава комплекса). К этому числу можно добавить 8 форм, являющихся географическими подвидами характерных канадских видов. Различие в родовом составе и высокая степень эндемизма на видовом уровне позволяют выделить Западную Сибирь и Канаду как отдельные провинции Арктической области. Граница

между ними может быть уточнена после проведения буровых работ в Арктическом бассейне. [10–12].

В бассейнах северного полушария различают две группы кампан-маастрихтских планктонных фораминифер: Бореальную и Тетическую. Они соответствуют Бореальному и Тетическому биогеографическим поясам, в пределах которых по бентосным фораминиферам установлены соответствующие области и провинции.

В кампан-маастрихтское время бассейны Западно-Сибирской провинции входили в состав Бореально-Атлантической области, на что указывает большое сходство комплексов фораминифер Западной Сибири с таковыми из Казахстана и Европы. В бассейнах этой области позднемеловые фораминиферы представлены в основном отрядами Miliolida, Lagenida, Rotaliida, Buliminida и Heterohelicida наряду с соподчиненными секреционно-известковыми, известково-агглютинированными и планктонными формами. Однако Западно-Сибирские бассейны могут быть выделены как отдельная провинция на основании характерных бентосных секреционно-известковых форм (табл. 5).

Таблица 5

Схема корреляции фораминифер Западно-Сибирской и Канадской провинций Арктической области (Северная Аляска, Западная Канада)

Ярус	Подъярус	Западная Сибирь: Подобина, 2000 — Горизонт	Западная Сибирь: Микрофаунистические зоны	Северная Аляска: Северные районы (Tappan, 1962) — Формации и пачки	Северная Аляска: Микрофаунистические зоны	Западная Канада: Peace River, Alberta (Stelck and Wall, 1955) — Формации и пачки	Западная Канада: Микрофаунистические зоны	Западная Канада: Centarl Alberta (Wall, 1967) — Формации и пачки	Западная Канада: Микрофаунистические зоны
Турон	Верхний	Кузнецовский	Pseudoclavulina hastata	Seabbe (Сиби) — Ayiyak member	Pseudoclavulina hastata, Arenobulimina (?) torula	Kaskapau (Каскапо)	Не выделена	Blackstone (Блекстоун) — Opabin mem.	Pseudoclavulina sp. (P.hastata)
								Haven mem.	
	Нижний		Gaudryinopsis angustus	Lower member	Не выделена		Pelagic Haplophragmoides spiritensis	Vimy mem.	Lower Pelagic
Сеноман	Верхний	Уватский	Trochammina wetteri tumida, Verneuilinoides kansasensis	Ninuluk	Gaudryina (?) irenensis, Trochammina rutherfordi	Danvegan (Данвиган)	Ammobaculites pacalis	Sunkay member	Не выделена
			Saccammina micra, Ammomarginulina sibirica			Shaftesbury (Шафтесбури)	Gaudryina (?) irenensis		Verneuilinoides kansasensis

Известковые агглютинированные формы относятся к родам *Gaudryina*, *Siphogaudryina*, *Dorothia*, *Heterostomella*, *Martinotiella*, *Orbignyna* и др. Представители этих родов преобладают в кампане–маастрихте в южной половине Западно-Сибирской провинции, где велико влияние тепловодных южных морей. В северной половине Западной Сибири (севернее широтного течения р. Обь) наблюдается обеднение систематического и количественного состава фораминифер.

В пределах Западно-Сибирской провинции комплексы фораминифер могут служить для выделения отдельных районов (центрального, северного, южного и западного). Районирование Западно-Сибирской провинции по комплексам фораминифер оказалось наиболее эффективным для тех промежутков времени, которым соответствует широкое их распространение (ранний турон, ранний сантон и ранний маастрихт). В центральной части провинции, соответствующей более глубоководным фациям бассейна, в сеномане–сантоне доминировали агглютинированные кварцево-кремнистые фораминиферы. На мелководье, по окраинам бассейна, распространены также и секреционно-известковые бентосные формы, что обосновывает разделение Западно-Сибирской провинции на вышеуказанные районы [8].

На основании вышесказанного разработана фораминиферовая зональная схема верхнего мела Западной Сибири с помощью описанных выше методов: систематического состава зональных

комплексов с видами-индексами, построение филогенетических схем по отдельным семействам фораминифер, установление ритмостратонов, палеогеографических и палеобиогеографических построений. В результате выделены 12 фораминиферовых зон, соответствующих отдельным подъярусам верхнего мела Западной Сибири, в некоторой мере совпадающих с подъярусами общей стратиграфической шкалы.

В заключение можно сказать, что данная работа представляет итоги наших исследований по биостратиграфии и фораминиферам верхнего мела Западной Сибири, которые дали возможность уточнить стратиграфическую схему верхнего мела Западной Сибири и существующие фораминиферовые (местные биостратиграфические) зоны, коррелирующиеся с другими зонами европейской части России, а также с таковыми Северной Аляски и Канады.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Подобина В.М.* Фораминиферы и биостратиграфия верхнего мела Западной Сибири. Томск : Изд-во НТЛ, 2000. 387 с., 80 табл.
2. *Подобина В.М., Ксенева Т.Г.* Зональная стратиграфия верхнего мела Западной Сибири по фораминиферам // Вопросы палеонтологии и стратиграфии верхнего палеозоя и мезозоя (Памяти Г.Г. Послwoвской) : сб. науч. ст. / под ред. А.В. Иванова. Саратов : Научная книга, 2004. С. 179–199. (Труды НИИГео СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Нов. сер. Т. XVI).
3. *Подобина В.М.* Фораминиферы и зональная стратиграфия верхнего мела Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1989. 232 с., 35 табл., 26 рис.
4. *Подобина В.М.* Сравнительная характеристика фораминифер и корреляция верхнемеловых отложений Западной Сибири и других регионов // Стратиграфия и палеонтология Сибири и Урала / под ред. А.Р. Ананьева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 89–108.
5. *Подобина В.М., Ксенева Т.Г., Татьянин Г.М.* Корреляция фораминиферовых зон верхнего мела Западной Сибири и других провинций Арктической области // Меловая система России и ближнего зарубежья: проблемы стратиграфии и палеогеографии // Сборник материалов Третьего Всероссийского совещания (Саратов, 26–30 сентября 2006 г.) / отв. ред. В.А. Мусатов. Саратов : Изд-во СО ЕАГО, 2006. С. 114–116.
6. *Podobina V.M., Kseneva T.G.* Upper Cretaceous zonal stratigraphy of the West Siberian Plain based on foraminifera // Cretaceous Research. 2005. Vol. 26, Is. 1. P. 133–143.
7. *Подобина В.М.* Систематика и филогения гаплофрагмиидей. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. 91 с., 17 табл.
8. *Podobina V.M.* Paleozoogeographic regionalization of Northern Hemisphere Late Cretaceous Basins based on Foraminifera // Proceedings of the Fourth International Workshop on Agglutinated Foraminifera (Krakow Poland, 1993) Grzybowski Foundation / ed. M.A. Kaminski, S. Geroch, M.A. Gasinski. 1995. P. 239–247. 1 table, 5 figs.
9. *Практическое* руководство по микрофауне СССР: Том 5. Фораминиферы мезозоя. Л. : Недра, 1991. 375 с., 99 табл.
10. *Tappan H.* Foraminifera from the Arctic slope of Alaska / Pt. 3, Cretaceous Foraminifera // U.S. Geol. Survey. Prof. Paper. 1962. № 236 G. P. 91–209.
11. *Wall J.* Cretaceous Foraminifera of the Rocky Mountain Foothills, Alberta // Res. Council Alberta. 1967. Bull. 20. 185 p., 15 pls.
12. *Stelck C., Wall J.* Foraminifera of the Cenomanian Dunveganoceras Zone from Peace River Area of Western Canada // Res. Council Alberta. 1955. Rep. 70. P. 6–79, 4 pls.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 22 июня 2015 г.

METHODS OF THE ZONAL STRATIGRAPHIC SCHEME CREATION FOR THE UPPER CRETACEOUS OF WESTERN SIBERIA BY FORAMINIFERA

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 248–257. DOI: 10.17223/15617793/397/37

Podobina Vera M., Kseneva Tatyana G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: podobina@ggf.tsu.ru; kseneva@ggf.tsu.ru

Keywords: foraminifera; biostratigraphy; upper Cretaceous; Western Siberia.

Five methods previously developed by the present author were applied for zoning and correlating the Cretaceous to Paleogene deposits of Western Siberia. These investigations were based on foraminifera as one of the most widely occurring and rapidly evolving organisms. The first method includes the establishment of zonal foraminiferal assemblages and determination of index species. The second method is the creation of phylogenetic schemes for the most common foraminiferal families in Western Siberia: Haplophragmoididae, Haplophragmiidae, Textulariidae, Ataxophragmiidae. The third method is the rhythmostratons establishment. During the Late Cretaceous, benthic foraminifera were predominantly developing in the West Siberian basin. They sensitively reacted to the slightest changes in physico-geographical and bionomic environmental conditions and thus are valuable indices of these changes. On the basis of peculiarities of the averaged quantitative distribution of foraminifera in the central part of Western Siberia, the generalized faunal curve (GFC) was constructed, which responds to transgressive and regressive cycles in the basin development and the tectonic regime of the territory. Three clear-cut rhythms are distinguished on the GFC representing three large rhythmostratons (regional horizons). The qualitative characteristics of foraminifera along the upper Cretaceous section demonstrate the taxa changes at the level of orders and families, which are usually similar in the composition within separate rhythmothems. Horizons or their parts subordinated to rhythmothems are slightly different in lithology and characterized by a definite generic composition of foraminifera. In the hierarchy of the rhythmo-stratigraphic stratons, they may be referred to such subdivisions as rhythmoterms. The local biostratigraphic (foraminiferal) zones distinguishable by the species complexes are named rhythmoliths. The fourth method, viz. paleogeographic, consists in revealing different facies on the region territory, which differ in lithological characteristics of rocks, systematic composition and aspect of foraminifera in the assemblage. The fifth method includes paleozoogeographic investigations. During the Late Cretaceous Epoch, three paleobiogeographic belts were retraced: circumpolar Arctic, Boreal and Tethyan. Each belt contains two paleozoogeographic realms. For example, in the aquatory of the Arctic circumpolar belt there are two realms: Arctic and North-Atlantic, with two associations of benthic foraminifera and one type of planktonic forms. In the Boreal belt, benthic and planktonic foraminifers are also distributed, which differ from Arctic forms by a wide variety and abundance. The investigations carried out in the upper Cretaceous deposits of Western Siberia resulted in establishing 12 foraminiferal zones, which correlate with separate substages of the general stratigraphic scale.

REFERENCES

1. Podobina, V.M. (2000) *Foraminifery i biostratigrafiya verkhnego mela Zapadnoy Sibiri* [Foraminifera and biostratigraphy of the Upper Cretaceous of Western Siberia]. Tomsk: NTL.
2. Podobina, V.M. & Kseneva, T.G. (2004) Zonal'naya stratigrafiya verkhnego mela Zapadnoy Sibiri po foraminiferam [Zone stratigraphy of the Upper Cretaceous of Western Siberia]. In: Ivanov, A.V. (ed.) *Voprosy paleontologii i stratigrafii verkhnego paleozoya i mezozoya (Pamyati G.G. Poslavskoy)* [Questions of foraminifera paleontology and stratigraphy of the Upper Paleozoic and Mesozoic (In memory of Poslavskaya G.G.)]. Saratov: Nauchnaya kniga.
3. Podobina, V.M. (1989) *Foraminifery i zonal'naya stratigrafiya verkhnego mela Zapadnoy Sibiri* [Foraminifera and zonal stratigraphy of the Upper Cretaceous of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Podobina, V.M. (1978) Sravnitel'naya kharakteristika foraminifer i korrelyatsiya verkhnemelovykh otlozheniy Zapadnoy Sibiri i drugikh regionov [Comparative characteristics of foraminifera and correlation of the Upper Cretaceous sediments of Western Siberia and other regions]. In: Anan'ev, A.R. (ed.) *Stratigrafiya i paleontologiya Sibiri i Urala* [Stratigraphy and Paleontology of Siberia and the Urals]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Podobina, V.M., Kseneva, T.G. & Tat'yanin, G.M. (2006) [Correlation of the foraminiferal zones of the Upper Cretaceous of Western Siberia and other provinces of the Arctic region]. *Melovaya sistema Rossii i blizhnego zarubezh'ya: problemy stratigrafii i paleogeografii* [The Cretaceous system of Russia and CIS: problems of stratigraphy and paleogeography]. Proc. of the Third All-Russian Conference. 26th to 30th September, 2006. Saratov. Saratov: SO EAGO. pp. 114–116. (In Russian).
6. Podobina, V.M. & Kseneva, T.G. (2005) Upper Cretaceous zonal stratigraphy of the West Siberian Plain based on foraminifera. *Cretaceous Research*. 26 (1). pp. 133–143.
7. Podobina, V.M. (1978) *Sistematika i filogeniya gaplofragmiidey* [Systematics and phylogeny of Haplophragmoididae]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Podobina, V.M. (1995) Paleozoogeographic regionalization of Northern Hemisphere Late Cretaceous Basins based on Foraminifera. *Proceedings of the Fourth International Workshop on Agglutinated Foraminifera* (Krakow Poland, 1993). Grzybowski Foundation. pp. 239–247.
9. Azbel', A.Ya. et al. (1991) *Prakticheskoe rukovodstvo po mikrofaune SSSR* [Practical manual on microfauna of the USSR]. V. 5: *Foraminifery mezozoya* [Mesozoic foraminifers]. Leningrad: Nedra.
10. Tappan, H. (1962) Foraminifera from the Arctic slope of Alaska. Pt. 3, Cretaceous Foraminifera. *U.S. Geol. Survey. Prof. Paper*. 236. pp. 91–209.
11. Wall, J. (1967) Cretaceous Foraminifera of the Rocky Mountain Foothills, Alberta. *Res. Council Alberta*. 20.
12. Stelck, C. & Wall, J. (1955) Foraminifera of the Cenomanian Dunveganoceras Zone from Peace River Area of Western Canada. *Res. Council Alberta*. 70. pp. 6–79.

Received: 22 June 2015

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСЕЕВА Татьяна Александровна – аспирант кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: tanyaalek@yandex.ru

АХМЕДШИН Рамиль Линарович – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: raist@sibmail.com

БОЛОТНИКОВА Олеся Николаевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: bolotnikovao@mail.ru

БЕЛОУСОВ Андрей Валерьевич – канд. пед. наук, зав. кафедрой спортивных дисциплин Томского политехнического университета. E-mail: ksd-ffk@tpu.ru

БОЯРИНОВА Полина Александровна – аспирант кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: sampo-holder@ya.ru

БУДАНОВА Ирина Борисовна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: irinakorniltseva@mail.ru

ГАЛКИН Дмитрий Владимирович – д-р филос. наук, доцент кафедры теории и истории культуры Томского государственного университета. E-mail: gdv_t@mail.ru

ГАЛКОВСКАЯ Наталья Георгиевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского процесса Томского государственного университета. E-mail: ni13012003@mail.ru

ГАШКОВА Ольга Сергеевна – аспирант кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: olga-gashkova@rambler.ru

ГЛУХОВ Вячеслав Сергеевич – аспирант кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: vyacheslavglukhov@gmail.com

ДАВЛЕТЬЯРОВА Ксения Валентиновна – канд. мед. наук, доцент кафедры физического воспитания Томского политехнического университета. E-mail: davletyarova@rambler.ru

ДАНИЛОВ Андрей Анатольевич – д-р ист. наук, профессор кафедры журналистики Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары). E-mail: danilov.andrey@mail.ru

ДВОРЦОВА Ольга Викторовна – аспирант кафедры истории России и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: dvortsovaolia@gmail.com

ДМИТРИЕНКО Надежда Михайловна – д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: vassa.mv@mail.ru

ЕВСЕЕВА Нина Степановна – д-р геогр. наук, зав. кафедрой географии Томского государственного университета. E-mail: zojkwas@rambler.ru

ЕГОРОВ Дмитрий Михайлович – аспирант кафедры психологии личности Томского государственного университета. E-mail: e_dima@bk.ru

ЗАВЬЯЛОВА Елена Евгеньевна – д-р филол. наук, профессор кафедры литературы Астраханского государственного университета. E-mail: zavyalovaelena@mail.ru

ИВАНОВ Денис Сергеевич – аспирант кафедры спортивных дисциплин Томского политехнического университета. E-mail: Ivanov88denis@gmail.com

КАЛИНИН Николай Александрович – д-р геогр. наук, зав. кафедрой метеорологии и охраны атмосферы Пермского государственного университета. E-mail: kalinin@psu.ru

КАПИЛЕВИЧ Леонид Владимирович – д-р мед. наук, зав. кафедрой спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета; профессор кафедры спортивных дисциплин Томского политехнического университета. E-mail:kapil@yandex.ru

КВАСНИКОВА Зоя Николаевна – канд. геогр. наук, доцент кафедры географии Томского государственного университета. E-mail: zojkwas@rambler.ru

КОНЬШИНА Оксана Григорьевна – техник 2-й категории кабинета компьютерной поддержки проектов и программ гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. E-mail: o-momot@rambler.ru

КРАСИЛЬНИКОВА Марина Борисовна – канд. филос. наук, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины» Рубцовского индустриального института (филиала) Алтайского технического университета им. И.И. Ползунова. E-mail: krasilnikovamb@mail.ru

КРЫЛОВА Диана Дмитриевна – аспирант кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: diana.krylova90@mail.ru

КСЕНЕВА Татьяна Георгиевна – канд. геол.-минерал. наук, ст. науч. сотр. лаборатории микропалеонтологии Томского государственного университета. E-mail: kseneva@ggf.tsu.ru

КУКЛИНА Анастасия Юрьевна – студентка Института искусств и культуры Томского государственного университета. E-mail: kuklina_1993@bk.ru

ЛИЦАРЕВА Елена Юрьевна – д-р ист. наук, профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: elits2011@mail.ru

ЛОГУНОВА Лариса Юрьевна – д-р филос. наук, канд. социол. наук, профессор кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: vinsky888@ mail.ru

МАКЛЮКОВА Олеся Юрьевна – ассистент кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: olesyastepanenko@yandex.ru

МАСЯЙКИНА Евгения Анатольевна – канд. пед. наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности Томского государственного университета. E-mail: eamasyaikina@rambler.ru

МАШОВЕЦ Асия Океановна – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург). E-mail: okeanovna@me.com

МИНИНА Наталья Алексеевна – ст. науч. сотр. экспозиционно-выставочного отдела Новосибирского государственного краеведческого музея. E-mail: minina_n@ngs.ru

НАГОРНОВ Михаил Сергеевич – аспирант кафедры спортивных дисциплин Томского политехнического университета. E-mail: smbmihey@gmail.com

НАЙДИНА Дарья Сергеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Томского политехнического университета. E-mail: dsnaydina@gmail.com

ПАНКРАТОВА Людмила Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры археологии и этнологии Томского государственного педагогического университета. E-mail: solomila@mail.ru

ПАРАМОНОВА Лиана Юрьевна – аспирант кафедры литературы и методики ее преподавания Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург). E-mail: liana@sp-corp.ru

ПЕСТЕРЕВ Станислав Константинович – аспирант кафедры истории русской литературы XX века Томского государственного университета; преподаватель кафедры иностранных языков Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: angmar@sibmail.com

ПИЩАЛЬНИКОВА Евгения Владимировна – аспирант, ассистент кафедры метеорологии и охраны атмосферы Пермского государственного университета. E-mail: evapopova@rambler.ru

ПОДОБИНА Вера Михайловна – д-р геол.-минерал. наук, зав. кафедрой палеонтологии и исторической геологии Томского государственного университета. E-mail: podobina@ggf.tsu.ru

РУМЯНЦЕВ Владимир Петрович – д-р ист. наук, зав. кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: rumv@mail.ru

СЕРБИНА Галина Николаевна – аспирант кафедры социологии Томского государственного университета. E-mail: shadrina.galina92@gmail.com

СИГИДА Юлия Сергеевна – соискатель кафедры востоковедения Томского государственного университета. E-mail: sigidagirl@yandex.ru

СУВЕРОВ Евгений Васильевич – д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Барнаульского юридического института МВД РФ. E-mail: nauka_bui@mail.ru

СУХОВЕРХОВ Антон Владимирович – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного аграрного университета (г. Краснодар). E-mail: ksau2009@gmail.com

УСОЛЬЦЕВА Ольга Васильевна – преподаватель кафедры истории и общественных дисциплин Гуманитарного лицея (г. Томск). E-mail: usolzeva@list.ru

ХОРОШЕНКОВА Анна Валерьевна – канд. пед. наук, доцент кафедры теории методики преподавания истории, обществоведения и права Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: horav73@mail.ru

ЧЕРНЯК Эдуард Исаакович – д-р ист. наук, зав. кафедрой музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: ed.i.chernyak@gmail.com

ЧИГРИНА Елена Владимировна – аспирант кафедры археологии и этнологии Томского государственного педагогического университета. E-mail: Lena4igrina@mail.ru

ЮАНЬ Владимир Лишиньевич – аспирант кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: it-rigon@mail.ru

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является общенаучным периодическим изданием. Первоначально он выходил под названием «Труды Томского государственного университета», в 1998 г. издание университетского журнала было возобновлено уже под новым названием, и всего к 2015 г. было выпущено 389 номеров. В настоящее время журнал «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/ vestnik

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет», редакция журнала «Вестник ТГУ».

Телефон 8(382-2)–52-96-67

Факс 8(382-2)–52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from the authors or authors' institution.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Editorial Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050

Tel: 8(382-2)–52-96-67

Fax: 8(382-2)–52-98-46

Executive Editor: Dmitry Katunin

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенаучный периодический журнал

2015 № 397 Август

Главный редактор (председатель научно-редакционного совета)
Э.В. Галажинский
Ответственный редактор выпуска
Д.А. Катунин

ФИЛОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ. ПРАВО. ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА. НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Печатная версия журнала
зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала
зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж).
Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу
http:// www.journals.tsu.ru/vestnik

Адрес редакционного совета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ»
Телефон 8+(382-2)–52-96-67

Подписано к печати 20 августа 2015 г.
Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 30,4. Тираж 250 экз. Заказ № 1235.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, К.В. Полькина
Корректоры: А.Н. Воробьёва, Н.А. Афанасьева
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки – Л.Д. Кривцова
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28